

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER

HN DULV T

Slav 4360.1

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,
OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

21 Feb. 1900.

М. Н. ЗАГОСКИНЪ

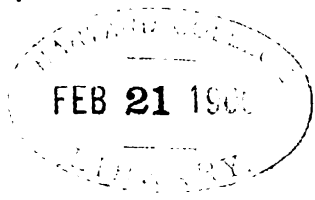
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дв., 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1898

Slaw 4360.1

Pierce fund
(8-9-18)

ТИПОГРАФІЯ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Спб., В. О., 16-л., № 5-7.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ КОМЕДИИ ПРОТИВЪ КОМЕДИИ.

Я всегда былъ увѣренъ, что, выключая дурного журнала, ничто не можетъ быть скучнѣе предисловія, и конечно, не написалъ-бы его, если-бы не находилъ за нужное изъяснить въ короткихъ словахъ причины, побудившія меня сочинить сію комедію.

При первомъ представленіи комедіи «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», видѣлъ я съ какимъ восторгомъ была она принята публикою; но, несмотря на то, могъ бы я предсказать автору, что онъ будетъ имѣть непріятелей. Многія *полулитераторы*, не понимая или не желая понять истиннаго смысла нѣкоторыхъ мѣстъ сей пьесы, воспользовались удобнымъ случаемъ выступить на литературное поприще, и блеснуть не чужимъ, но (къ несчастію) собственнымъ своимъ умомъ; къ нимъ присоединились можетъ быть и тѣ, коимъ не нравилась роль *Угарова*. Тупыя эпиграммы, ироническія сатиры, ругательные куплеты посыпались на автора; въ нихъ старались увѣрить публику, что «Липецкія воды» дурная комедія. Упрямая публика не хотѣла имъ вѣрить; старались выдавать гнусную клевету за истину; и сама истина показалась-бы клеветою въ ихъ сочиненіяхъ. Не держась никакой партіи, я слушалъ спокойно странныя сужденія противниковъ сей комедіи, находилъ ихъ довольно забавными, рѣдко спорилъ, потому что невозможно спорить съ тѣми, которые вмѣсто доказательствъ, прочитаютъ какую-нибудь жалкую эпиграмму, или пропоютъ ругательные куплеты; но находя много комическаго въ семъ литературномъ ополченіи противъ «Ли-

пецкихъ водъ» и здраваго смысла, рѣшился написать комедію, въ коей могъ бы помѣстить мое мнѣніе о новой пьесѣ, и нѣсколько забавныхъ сценъ, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

Правда глаза колетъ. Я долженъ былъ ожидать, что враги «Липецкихъ водъ» сдѣлаются и моими; твердо рѣшившись молчать и не отвѣчать ни на какія критики, я не сказалъ бы ни слова о *мнѣніи* какого-то *посторонняго*, напечатанное въ 46-мъ номерѣ «Сына Отечества», еслибъ не было въ немъ ничего, кромѣ ругательствъ; но сочинитель сей жалкой статьи называетъ меня *представителемъ*, и, какъ кажется, хочетъ дать почувствовать, что я есть ничто иное, какъ орудіе, употребленное другимъ; что черезъ меня дѣлаеть кто-то другой какое-то торжественное отреченіе: однимъ словомъ, г. *посторонній* хочетъ сдѣлать и меня постороннимъ во всемъ, что касается до моей комедіи.

Для избѣжанія всѣхъ пустыхъ толковъ, я не скрывалъ своего имени, и теперь снова повторяю, что *вся* комедія, *не исключая* перваго явленія во второмъ дѣйствіи, написана *однимъ* мною; но что успѣхъ ея приписываю я менѣ себѣ, чѣмъ прекрасной игрѣ актеровъ; что, сочиняя мою комедію, я имѣлъ въ виду одну истину, не помышляя ни о какихъ *трактатахъ и капитуляціяхъ*, и что прошу всѣхъ господъ *постороннихъ и не постороннихъ*, печатая подобныя клеветы, не забывать подписывать своего имени. Впрочемъ сочинитель сей статьи поступилъ еще довольно милостиво, называя меня представителемъ другого автора, онъ не отрицаетъ по крайней мѣрѣ моего существованія; а есть такіе догадливые люди, которые увѣряютъ, что не только я, но даже и моя фамилія вымышлена. Совѣтую симъ недобѣрчивымъ господамъ заглянуть въ дворянскую родословную книгу, и если они умѣютъ читать по русски, то найдутъ въ ней неоспоримое доказательство, что на этотъ разъ были они чересчуръ уже догадливы.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Болеславова, богатая вдова	Г-жа Ежова б.
Софья	} ея племян- Г-жа Воробьева.
Княгиня Зарѣцкая, молодая вдова.	
Князь Тюльпановъ	Г. Величинъ.
Графъ Фольгинъ, племянникъ его	Г. Сосницкій.
Изборскій	Г. Врлскій.
Эрастовъ, сочинитель	Г. Рамазановъ.
Даша, служанка	Г-жа Асенкова.

Дѣйствіе происходитъ въ загородномъ домѣ, близъ Петербурга.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату; сквозь окно виденъ садъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Княгиня (*оканчиваетъ передъ зеркаломъ свой туалетъ;*
Софья (*сидитъ подлѣ нея*) и Даша.

Княгиня. Какъ я блѣдна, какой у меня усталый видъ! (*Софья*). Не правда-ли, та сѣре?

Даша. Вы нынче очень рано изволили встать, сударыня.

Княгиня. И сверхъ того большую часть ночи не могла заснуть.

Софья. Отчего же? Развѣ васъ что - нибудь беспокоило?

Княгиня. Вчерашняя пьеса.

Софья. Она не выходит у васъ изъ головы.

Княгиня. Да!—Несносная комедія!

Софья. Несносная! Вы кажется прежде ее хвалили.

Княгиня. Такъ зло, и что еще досаднѣе, съ такимъ умомъ нападать на бѣдныхъ женщинъ. Насъ бранять и мы-же должны находить это прекраснымъ.

Софья. Мнѣ кажется, княгиня, что авторъ хотѣлъ осмѣять однѣхъ кокетокъ.

Княгиня. То - есть тѣхъ, которыя желаютъ нравиться не одному, а многимъ. Признайся-же, милая, что въ этомъ смыслѣ мы всѣ немного кекетки.

Софья. Всѣ! Въ этомъ я не согласна.

Княгиня. Да, всѣ, не исключая и тебя, съ тою только разницею, что однѣ употребляютъ для этого способа совершенно невинные, а другія позабываютъ всѣ приличности и жертвуютъ всѣмъ, добрымъ именемъ, мнѣніемъ свѣта и даже спокойствіемъ, для того, чтобъ вскружить голову мужчинъ, къ которому онѣ ничего не чувствуютъ.

Софья. Поэтому вы находите, что характеръ кокетки...

Княгиня. Изображенъ съ такимъ совершенствомъ, что всякая женщина должна хоть немного въ немъ себя узнать.

Софья. Какъ хотите, княгиня, а я первая не нахожу въ немъ никакого сходства съ собой.

Даша (*княгини*). Позвольте васъ спросить, сударыня, что это за чудная комедія, объ ней только и говорятъ, всѣ ее ругаютъ. Вы называете ее нессносною, а тетушка ваша графиня лишъ только объ ней вспомнить, то и начнется истерика; князь Тюльпановъ, который пріѣхалъ сегодня чѣмъ-свѣтъ на нашу дачу, только и дѣлаетъ, что бранить комедію, сочинителя, и даже тѣхъ, которымъ она нравится.

Княгиня. О! что касается до князя и тетушки, то они имѣютъ полное право на нее гнѣваться. Столѣтній волокита и неутомимая бостонистка какъ будто на заказъ съ нихъ списаны.

Софья. Я не понимаю, отчего видите вы вездѣ сходство, котораго я никакъ не могу примѣтить.

Княгиня. Скажи лучше, что не хочешь. Знаешь ли, та сѣбе, что мнѣ всего досаднѣе, для чего я не авторъ.

Софья. Вотъ странное желаніе!

Княгиня. Какъ примѣтно, что сочиняютъ мужчины, что партеръ наполненъ мужчинами: вездѣ нападаютъ на бѣдныхъ женщинъ, и всегда съ восхищеніемъ аплодируютъ каждому оstromу словцу, сказанному на счетъ нашего пола.

Софья. Ну, что-же, если бы вы были сочинителемъ?

Княгиня. Что! О я отомстила бы мужчинамъ, я доказала бы имъ, что они гораздо болѣе насъ заслуживаютъ быть выведены на сцену, что въ десяти женщинахъ едва ли есть одна кокетка, когда въ такомъ же числѣ мужчинъ вѣрно нѣтъ ни одного, который бы пропустилъ случай обмануть неопытную женщину или хвалить ее въ глаза, а заочно надъ ней смѣяться.

Софья. Неужели мужчины такъ злы?

Княгиня. Ты ихъ еще не знаешь, милая! (*Задумывается*). Да! да! прекрасно, чего же лучше, попросимъ Эрастава, онъ сочинитель и вѣрно не откажется быть нашимъ защитникомъ, или, лучше сказать, мстителемъ всего пола нашего.

Даша. О! вѣрно не откажется, сударыня! Я еще не видала такого охотника писать; когда вы слушать его не хотите, то онъ поймаетъ меня, да ужъ читаетъ, читаетъ, такъ что раза два успѣешь выспаться.

Софья. Вы думаете, что комедію такъ легко написать.

Княгиня. Конечно трудно; да какъ же иначе отомстить мужчинамъ. Название ужъ готово, — пускай напишетъ онъ вмѣсто урока кокеткамъ, урокъ вѣтренникамъ; въ оригиналахъ, онъ кажется, не будетъ имѣть недостатка.

Софья. Вы не шутя намѣрены просить его?

Княгиня. Напротивъ, очень серьезно. Я хочу чтобъ онъ вывелъ на сцену молодого вѣтренника, который боготворитъ каждую женщину и не любитъ никого, клянется въ постоянствѣ поутру одной, а въ вечеру другой, любитъ одного себя, хвалитъ одного себя, считаетъ умнымъ одного себя и смѣется надъ всѣми, выключая тѣхъ, которые ему подражаютъ или которымъ онъ самъ подражать старается.

Софья. Вы пугаете меня, княгиня. — Неужели есть между мужчинами...

Княгиня. Такіе любезные, милые вѣтренники? О, чрезвычайно много. Вотъ, напримѣръ, одинъ молодой человѣкъ, — ты знаешь его, очень знаешь, — какъ двѣ капли

воды похожъ на мое изображеніе, и Эрастовъ, если будетъ писать напу комедію, не найдетъ вѣрно лучшаго оригинала для роли своего вѣтренника.

Софья. Кто же? Я, право, не знаю!

Княгиня. Бѣдненькая! и ты не можешь отгадать. Племянникъ князя Тюльпанова.

Софья. Графъ Фольгинъ?

Княгиня. Точно.

Софья. Вы шутите. Онъ вѣтренъ, это правда; но не способенъ быть обманщикомъ.

Княгиня. Ты это думаешь?

Софья. Онъ искренно меня любитъ.

Княгиня. Искренно любить — графъ Фольгинъ! ха, ха, ха! Ахъ! та сѣге, очень видно, что ты еще не жила въ свѣтъ.

Софья. Почему-жъ кажется вамъ это невѣроятнымъ? Я не имѣю никакой причины сомнѣваться въ его искренности.

Княгиня. О, конечно! Странно только, что графъ, несмотря на свою искреннюю любовь къ тебѣ, старается меня увѣрить въ томъ же; дѣлаетъ куры тетушкѣ, и волочится даже...

Даша. За мною. Да почему-жъ и не такъ, сударыня вѣдь и я также женщина.

Софья. Это лишь вѣтренность. Я увѣрена, что графъ любитъ одну меня.

Княгиня. Или можетъ быть богатое приданое, которое тетушка даетъ за тобою.

Софья. Княгиня! это уже обидно.

Княгиня. Не сердись милая, — онъ точно такъ же любитъ тебя, какъ меня, какъ твою тетушку, какъ всѣхъ женщинъ. Ему надобно богатое приданое, чтобъ заплатить свои долги. Ахъ! та cousinе, какъ бы я была рада, еслибъ вмѣсто его, женился на тебѣ Изборскій.

Софья. У васъ нынче все такія странности...

Княгиня. Ты была бы съ нимъ гораздо счастливѣе, чѣмъ съ этимъ графомъ Фольгинымъ. Вотъ уже другой годъ какъ Изборскій тебя любитъ.

Софья. Другой годъ! Съ чего вы взяли—онъ никогда не говорилъ мнѣ ничего похожаго на это.

Княгиня. Это-то и доказываетъ, что онъ истинно тебя любитъ. Непритворно влюбленные всегда застѣнчивы.

Но сколько есть другихъ способовъ показывать свою любовь. Изборскій ищетъ безпрестанно случая быть вмѣствъ съ тобою; одинъ ласковый взглядъ—и онъ счастливъ; это написано на лицѣ его. Повѣрь мнѣ, въ этихъ случаяхъ женщины никогда не ошибаются. Я увѣрена, что Изборскій любить тебя такъ же пламенно, такъ же страстно, какъ Малекъ-Адель любилъ свою Матильду.

Софья. Еслибъ это была и правда, то согласитесь...

Княгиня. Что графъ болѣе достоинъ любви, чѣмъ Изборскій. О! въ этомъ я никогда не соглашусь съ тобою.

Софья. Онъ такъ холоденъ, такъ скученъ.

Княгиня. Эта одна застѣнчивость.

Софья. Я согласна, что онъ очень добръ, скромнъ—имѣть можетъ быть познанія,—и когда бываетъ здѣсь одинъ, то я нахожу его даже любезнымъ,—все это правда, но когда онъ и графъ вмѣствъ, то согласитесь, княгиня, что онъ дѣлается тогда совсѣмъ незамѣтнымъ.

Княгиня. Не удивительно, — одинъ кричитъ о своихъ достоинствахъ, а другой скрываетъ ихъ.

Софья. Что графъ уменъ, очень уменъ, въ этомъ, думаю, и вы должны признаться.

Княгиня. Несмотря на то, что онъ самъ въ этомъ клянется безпрестанно, я осмѣливаюсь ему не вѣрить. Онъ, какъ говорится, натерть чужимъ умомъ; выучилъ наизусть кучу каламбуровъ, насмѣшекъ, острыхъ словъ, комплиментовъ, и болѣе ничего.

Софья. Извините княгиня! онъ очень любитъ литературу и знаетъ почти всѣхъ извѣстныхъ писателей.

Княгиня. По именамъ—можетъ быть; для этого нужна только одна память. Послушай, ну если я докажу тебѣ точно на самомъ дѣлѣ, что Изборскій гораздо его умнѣе и любезнѣе, и что графъ любить не тебя, а твое богатство.

Софья. Если вы мнѣ докажете... Но это невозможно!

Княгиня. Первое совсѣмъ не трудно,—Изборскій и графъ сегодня здѣсь будутъ—надобно только завести разговоръ, въ которомъ ему нельзя было бы блеснуть чужимъ умомъ. Вотъ, напримѣръ, о вчерашней комедіи—я увѣрена, что ты, несмотря на свое предубѣжденіе, будешь со мною согласна.

Да ша. Сюда идутъ графиня и князь Тюльпановъ. Они кажется съ большимъ жаромъ о чемъ-то разсуждаютъ.

Княгиня. Вѣрно о твоей свадьбѣ. Я только знаю, что князь прѣхалъ къ вамъ такъ рано для того, чтобъ переговорить объ этомъ съ графиней.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТѢ-ЖЕ, ГРАФИНЯ И КНЯЗЬ.

Графиня (*въ полъ-голоса князю*). Да князь, это будетъ кончено завтра или даже сегодня, но теперь ни слова. (*Увидя Собью и княгиню*). А, ты здѣсь, Сонюшка! Ну что же вы здѣсь дѣлаете, время прекрасное—вамъ бы надобно прохаживаться, гулять, рѣзвиться... Я, право, думала, что вы давно уже весь садъ обѣгали. Ба! Сонюшка, ты еще не совсѣмъ одѣта; пойди, кончи твой туалетъ.

Князь (*цѣлуя руку Собьи*). Вы вѣрно, сударыня, остались дома для того, чтобъ не заставить краснѣть бѣдныя розы, которыя, увидя васъ, должны отъ стыда завянуть.

Княгиня. Bravo, князь! вы безцѣнный человѣкъ для комплиментовъ,—какая игривость воображенія: розы, которыя краснѣютъ отъ стыда—какъ это замысловато! Откуда берете вы такія пѣтическія выраженія?

Князь. Глядя на васъ, сударыня, можно ли говорить иначе, какъ языкомъ сердца. (*Взглянувъ на зеркало*), Граціи, какъ видно, только что окончили свой туалетъ.

Княгиня. Нѣтъ, граціи занимались совсѣмъ другимъ. Мы сочиняли комедію.

Графиня. Комедію! Что вы это? Да знаете ли, что для меня разбойники лучше, чѣмъ сочинители комедій,—они хоть полиціи боятся, а на эти проклятыя комедіи и суда не найдешь. Ужъ эти авторы такую взяли волю, что съ ними и житья нѣтъ. Сиди все дома, да не смѣй никуда носу показать, а не то того и гляди, что упрячутъ тебя въ какую-нибудь комедію. И кто выдумалъ писать эти комедіи—и зачѣмъ играють эти комедіи—и что толку въ этихъ комедіяхъ! Уфъ! какъ вспомню, то у меня духъ такъ и захватить. (*Садится*).

Князь. Не угодно ли вамъ воды, сударыня?

Графиня. Нѣтъ, теперь ничего,—а вчерась ужъ подлинно; еслибъ не гофманскія капли, то не знаю, чтобъ со

мною сдѣлалось. Скажите сами, батюшка, вывести на сцену почтенную даму, которая любитъ играть въ бостонъ, бранить молодыхъ людей, когда они дурачатся, и заставить весь партеръ надъ ней смѣяться, — ну на что это похоже?

Князь. Это верхъ невѣжества!

Княгиня. Да зачѣмъ берете вы это на свой счетъ, тетушка? Мало ли есть охотницъ играть въ бостонъ и браниться.

Графиня. И, матушка, да я рада бы не брать это на свой счетъ, да по неволѣ возьмешь, когда стануть на тебя пальцами указывать.

Княгиня. Будто вы не знаете, какъ золь свѣтъ; авторъ, можетъ быть и душой не виноватъ. Повѣрьте, графиня, что тотъ, кто скажетъ вамъ, что авторъ имѣлъ намѣреніе представить васъ въ своей комедіи, желаетъ зло одному ему, и можетъ быть пойдетъ отъ васъ увѣрять въ томъ же самомъ десять другихъ дамъ, которыхъ и имена даже не знакомы сочинителю.

Князь. Вы изволите защищать автора вчерашней комедіи, сударыня; но позвольте вамъ замѣтить, что онъ, какъ по всему видно, никогда не читывалъ не только Овидіева искусства любить, но даже и ни одного хорошаго любовнаго романа.

Княгиня. Быть можетъ.

Князь. Онъ научился бы изъ нихъ, какъ мы должны боготворить и уважать богинь сердець нашихъ; узналъ бы, что главнѣйшая обязанность мужчинъ состоитъ въ безпрестанномъ служеніи прелестному полу, что человѣкъ нѣкоторыхъ лѣтъ можетъ влюбляться, не будучи смѣшнымъ, можетъ любить, обожать, томиться, умирать отъ восторговъ, цѣлуя прекрасную ручку. (*Хочетъ поцѣловать руку княгини*). Можетъ...

Княгиня. Безъ доказательствъ, князь. Вы не дали мнѣ окончить, тетушка. Наша комедія будетъ совершенно вопреки вчерашней. Мы хотимъ доказать, что надъ мужчинами можно такъ же смѣяться, какъ они смѣются надъ женщинами.

Графиня. Вопреки! — О! это другое дѣло; и если только можно хорошенъко разбранить несносную пьесу, то пишите противъ нея все: комедіи, трагедіи, оперы и даже драмы.

Князь. И даже драмы! Прекрасно, сударыня, пре-

красно! У меня есть пріятель, удивительный человекъ для драмъ; ему написать драму въ пяти дѣйствіяхъ то же, что вамъ сыграть пулю въ бостонъ. Если угодно, я попрошу его, и вы найдете въ его драмѣ все: жестокихъ отцовъ, несчастныхъ любовниковъ, слезы, вздохи, страхи, ужасы и даже, если надобно, разбойника.

Княгиня. И, князь! на что намъ всю эту сволочь — вѣдь надобно только разругать вчерашнюю комедію.

Князь. За этимъ дѣло не станетъ; онъ разбранитъ ее безъ милосердія; выведетъ даже на сцену самого автора, и заставитъ его плакать и вздыхать отъ перваго явленія до послѣдняго.

Княгиня. Зачѣмъ-же мѣшать невинныхъ съ виноватыми — что сдѣлали намъ бѣдные зрители?

Графиня. Что сдѣлали? А развѣ они не аплодировали? Развѣ не вызывали автора? Подѣломъ имъ. Да, князь, надобно путемъ ихъ проучить, заказывайте смѣло драму.

Княгиня. И, графиня! пускай себѣ князь плачетъ и зѣваетъ сколько ему угодно, а мы будемъ смѣяться, и для того попросимъ Эрастова написать намъ комедію.

Графиня. И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь онъ сочинитель.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ-ЖЕ И ЭРАСТОВЪ.

Княгиня. Какъ вы кстати пріѣхали, мы сейчасъ только о васъ говорили.

Эрастовъ. Я только что изъ города. Недалеко отсюда обогналъ я Изборскаго и графа Фольгина: они сейчасъ здѣсь будутъ.

Княгиня. Мы имѣемъ до васъ просьбу.

Эрастовъ. Приказывайте, сударыня.

Княгиня. Будьте защитникомъ бѣдныхъ женщинъ.

Графиня. Вступитесь за дамъ, которыя любятъ играть въ бостонъ и дѣлать наставленія молодымъ людямъ.

Князь. Увѣрьте публику, что не одни только тѣ, которыхъ должно еще водить на помочахъ, могутъ любить и нравиться прекрасному полу.

Эрастовъ (*княгиня*). Изъяснитесь, сударыня, я, право, не понимаю.

Княгиня. Вы видѣли вчерашнюю пьесу?

Эрастовъ. Видѣлъ, сударыня.

Княгиня. Мы также были въ театрѣ. Намъ всѣмъ досадно, что господа сочинители нападаютъ всегда на женщинъ, несмотря на то, что можно было-бы найти много кой чего смѣшного и въ мужчинахъ—и для того намѣрены просить васъ написать комедію, гдѣ вмѣсто кокетки, былъ-бы выведенъ какой-нибудь вѣтренникъ, который, желая обманывать всѣхъ женщинъ, былъ-бы самъ обманутъ.

Эрастовъ. Написать комедію—вы шутите, княгиня: какъ осмѣлится взять на себя такую обязанность, когда у насъ завелись свои Мольеры—свои неподражаемыя комедіи.

Княгиня. Про какихъ Мольеровъ вы говорите?

Эрастовъ. По крайней мѣрѣ, такъ угодно многимъ величать автора вчерашней пьесы.

Княгиня. Тѣмъ лучше: вы докажете, что можно не только сравниться съ этой неподражаемой комедіей, но даже превзойти ее.

Эрастовъ. Конечно, сударыня, можно надѣяться безъ дальняго самолюбія написать комедію, которая не будетъ имѣть по крайней мѣрѣ слишкомъ разительныхъ недостатковъ вчерашней пьесы; но для этого надобно, чтобъ большая часть нашей публики имѣла болѣе вкуса, болѣе истиннаго понятія о всемъ изящномъ—и для того позвольте мнѣ не выполнить вашего желанія.

Графиня. Что это, батюшка! Не хотите-ли вы, откаться?

Эрастовъ. Я право, графиня, не могу никакъ обѣщать.

Графиня. Если вы сейчасъ не согласитесь, то пріятель князя напишетъ для насъ драму.

Княгиня. И мы заставимъ васъ прочесть ее съ начала до конца.

Эрастовъ. До конца! Сжальтесь, княгиня! Я на все согласенъ.

Княгиня. У меня есть на примѣтъ прекрасный оригиналъ для вашего вертопраха.

Эрастовъ. Объ этомъ я не забочусь. Я живу въ хорошемъ обществѣ, сударыня; но интрига, планъ, завязка?...

Княгиня. Пойдите... Да, да! Я думаю, мнѣ удастся дать вамъ сюжетъ. Вамъ надобно будетъ только слушать и примѣчать.

Графиня. Послушайте, князь, время прекрасное, пойдемте теперь въ садъ—тамъ въ бесѣдкѣ можемъ мы покуда до гостей сыграть нѣсколько королей въ пикетъ.— Дашенька!

Даша. Что вамъ угодно, графиня?

Графиня. Если кто къ намъ прїѣдетъ, то скажи, что мы въ саду. Пойдемте, князь. (*Подаетъ руку князю*). А ты что, племянница?

Княгиня. Я сейчасъ за вами буду.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Княгиня, Эрастовъ и Даша.

Княгиня. Дашенька, принеси мою шляпку. (*Даша уходитъ*).

Эрастовъ. Позвольте мнѣ предложить вамъ мою руку.

Княгиня. Могу ли я отказать вамъ—вы вооружаете ее для защищенія пола нашего. Я осталась съ вами одна для того, чтобъ изяснить въ двухъ словахъ, въ чемъ состоятъ долженъ сюжетъ вашей комедіи.

Эрастовъ. Сдѣлайте милость, сударыня.

Княгиня. Догадываетесь ли, кто долженъ быть оригиналомъ вашего моднаго вѣтренника.

Эрастовъ. О! сударыня, ихъ такъ много, и они такъ сходны между собою...

Княгиня. Напримѣръ графъ Фольгинъ.

Эрастовъ. Женихъ Софьи?

Княгиня. Вотъ этого-то именно я и желаю, чтобъ вы помѣстили его въ своей комедіи. Послушайте, я хочу открыть глаза Софьѣ, и доказать ей, что графъ ничтожный, пустой вѣтренникъ, и женится не на ней, а на ея богатствѣ. Теперь, я думаю, вы меня понимаете. Вамъ должно будетъ только слушать и примѣчать, чтобъ сочинить планъ вашей комедіи. Можетъ быть сегодня же доберетесь вы и до развязки.

Даша (*приноса шляпку*). Извольте, сударыня.

Княгиня. Пойдемте, — дорогою разкажу я подробности, что вамъ надобно будетъ дѣлать.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Даша (одна).

Мнѣ изъ ума нейдетъ вчерашняя комедія; всѣ объ ней говорятъ: одни бранятъ, другіе хвалятъ. Какъ бы я желала ее посмотреть. Барышня сказывала, что въ ней есть также горничная дѣвушка, которая очень похожа на меня и будто многіе говорили, что она слишкомъ умна для служанки! Какіе смѣшные эти господа: думаютъ, что теперь такія-же глупыя горничныя, какъ лѣтъ сто назадъ. Нынче умной горничной стоитъ только лучше пріодѣться, да пооткрыть побольше плечи, такъ она право иную и графиню пере-щегооляетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Даша, графъ и Изворскій.

Графъ. Ахъ, топъ снѣге, какъ я измученъ, какъ усталъ! По чести, мнѣ должно было-бы никуда не выѣзжать изъ дому. Несносная мостовая!

Изворскій. Мы кажется довольно спокойно ѣхали.

Графъ. Правда, коляска моя не тряска, а со всѣмъ тѣмъ... А! Дашенька, ты здѣсь, душенька!

Даша. Здравствуйте, сударь.

Графъ. Ты здѣсь одна, малютка?

Даша. Барышня еще одѣвается, а графиня съ вашимъ дядюшкою и княгинею пошла въ садъ.

Графъ. Скажи пожалуйста, Дашенька, отчего ты каждый день дѣлаешься милѣе?

Даша. И приказала васъ просить туда-же.

Графъ. Изворскій, видалъ-ли ты гдѣ-нибудь такую миленькую субреточку?

Даша. Вы, сударь, какъ кажется, не очень спѣшите увидѣться съ барышнею.

Графъ. Мы успѣемъ еще насмотрѣться другъ на друга. (*Беретъ ее за руку*). Послушай, миленькая!

Даша. Я сударь, слушаю не руками. Ступайте въ садъ, графиня васъ дожидается.

Графъ. Э, Дашенька! оставь свою сіятельную барыню— кому придетъ въ голову думать объ ней, говоря съ такой хорошенькой, прелестной служаночкою.

Даша. И, графъ! вы ужь мнѣ наскучили, — все одно, да одно. Оставайтесь-же здѣсь, а я пойду сказать барынѣ, что вы пріѣхали. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Графъ и Изборскій.

Графъ (*подойдя къ зеркалу*). Ахъ, Боже мой! какое у меня измятое лицо. Я не похожъ на самого себя.

Изборскій. Удивительно ли! Ты вчера съ до четырехъ часовъ пробылъ у барона.

Графъ. Да неужели я долженъ былъ сдѣлать то же, что ты—уѣхать въ одиннадцать часовъ! Фи, mon cher! это уже слишкомъ по-мѣщански.

Изборскій. Какъ хочешь, графъ, я не могу никакъ приучить себя танцовать или сидѣть всю ночь за ломбернымъ столикомъ, а потомъ спать до самаго обѣда.

Графъ. О! тебѣ нужно еще ко многому приучить себя. Кто хочетъ жить въ свѣтѣ, тотъ долженъ всячески принаравливаться къ образу жизни, къ тону, принятому во всѣхъ обществахъ. Вотъ, напримѣръ, ты никакъ не можешь отвыкнуть отъ своей смѣшной застѣнчивости. Вчера ты почти не мѣшался ни разу въ общій разговоръ.

Изборскій. Виновать-ли я, что не могу подобно тебѣ разсуждать съ систематическою точностію, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ такой-то мизеръ можно выиграть, или съ такою-то игрою поставить ремизъ, отчего въ крепсѣ гораздо выгоднѣе кричать банко, чѣмъ дѣлать самому предложение.

Графъ. Положимъ, что, не будучи игрокомъ, ты не можешь судить объ игрѣ, но вчера у барона были сочинители, ученые, — они говорили о литературѣ.

Изборскій. Я слушалъ ихъ.

Графъ. А самъ не говорилъ ничего.

Изборскій. Они разсуждали о сочиненіяхъ, которыя извѣстны мнѣ по одному только названію.

Графъ. Какая нужда! Ты также могъ-бы дѣлать свои сужденія: сказать, на примѣръ, что слогъ такого-то автора тяжелъ, непріятенъ; завести споръ, и если-бы не могъ доказать своему противнику, то заставилъ-бы по крайней мѣрѣ думать другихъ, что ты не меньше его имѣешь познаній, потому что споришь и не хочешь съ нимъ соглашаться.

Изборскій. Поэтому, графъ, ты полагаешь, что наглость и страсть спорить о томъ, что для насъ неизвѣстно, или чего не понимаемъ, гораздо приличнѣе для молодого человѣка, чѣмъ вѣжливость, скромность...

Графъ. Скромность, скромность! Фи, mon cher! когда ты уймешься говорить объ этой скромности? Нынче однѣ только матушки, да и то для одной проформы, твердятъ о скромности своимъ дочкамъ, которыя черезъ-чуръ бываютъ уже развязаны.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Даша (*подходитъ потихоньку и слушаетъ*).

Даша. Объ чемъ они говорятъ?

Графъ. Послушай, Изборскій, я хочу непременно воспитать тебя и сдѣлать человѣкомъ. И такъ вѣрь мнѣ, что изъ всѣхъ слабостей, самая непростительная есть скромность. Ты можешь самъ сомнѣваться въ своихъ достоинствахъ, но не долженъ никогда показывать этого; увѣренность въ самомъ себѣ должна быть видна во всѣхъ твоихъ поступкахъ; но болѣе всего старайся говорить съ похвалою какъ можно чаще о себѣ самомъ, и какъ можно рѣже о другихъ.

Даша (*въ сторону*). Какія христіанскія поученія!

Изборскій. Ты позабылъ графъ, что однимъ глупцамъ прилично хвалить самимъ себя—умный человѣкъ представляетъ это всегда другимъ.

Даша (*въ сторону*). Какова эта пилюля.

Графъ. Вотъ еще одно изъ тѣхъ дѣдовскихъ извѣстныхъ

молью правилъ. Нынче всякій, кто имѣеть хотя немного ума, старается его показывать, и тотъ только, кто его совершенно не имѣеть, молчитъ, или, говоря твоимъ языкомъ, играетъ роль скромнаго человѣка.

Даша. Онъ не худо отдѣльвается!

Изборскій. Но развѣ человѣкъ съ небольшимъ умомъ можетъ увѣрить другихъ, что онъ гораздо умнѣе, чѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ?

Графъ. О! очень часто. Я знаю здѣсь многихъ, которые, имѣя отъ природы умъ весьма посредственный, до того кричали и заставляли кричать своихъ пріятелей о необыкновенномъ ихъ разумѣ, что, наконецъ, всѣмъ повѣрили, и теперь закидали-бы камнями всякаго, кто осмѣлился-бы въ этомъ хотя немного посумниться; но я отбился отъ своего предмета; я хотѣлъ тебѣ открыть въ двухъ словахъ великую тайну общежитія.

Даша. Послушаемъ, что это за тайна.

Графъ. Въ большомъ свѣтѣ застѣнчивость считается главнѣйшимъ порокомъ. Надобно обо всемъ говорить съ благородною смѣлостію, дѣлать рѣзкія сужденія, находить въ чемъ-нибудь или все превосходнымъ, или все дурнымъ. Сказавши глупость, не только не краснѣть, но поддерживать ее, и даже снова повторять, если то надобно; быть всегда любезнымъ съ женщинами, разсуждать съ ними съ видомъ глубокомысленнымъ о бездѣлицахъ, всегда льстить ихъ самолюбію, стараться всѣмъ кружить головы и никогда не влюбляться самому.

Даша. Безбожникъ!

Изборскій. Ты даешь наставленія, а между тѣмъ не выполняешь ихъ. Никогда не влюбляйся! А Софья?

Графъ. Ну что-же? Развѣ это что-нибудь доказываетъ? Я хочу на ней жениться.

Изборскій. Слѣдственно ты ее любишь?

Графъ. Да, она довольно милая дѣвушка, не слишкомъ остра; не имѣеть совсѣмъ живости, любезности своей двоюродной сестры, но за то добра какъ ягненокъ.

Даша. Негодный!

Изборскій. И ты можешь говорить такъ равнодушно, такъ холодно объ этой прелестной, несравненной Софѣ!

Графъ. И, mon cher! я давно уже отвыкъ отъ этихъ пламенныхъ восторговъ, особливо теперь, когда я намѣренъ жениться, были-бы они очень кстати. Супругъ аркадскій

пастушокъ, который таетъ отъ восхищенія, смотря на томную свою подругу! О! я уморилъ-бы со смѣху всѣхъ моихъ знакомыхъ.

Д а ш а. Туда-бы имъ и дорога!

Г р а ф ъ. Впрочемъ Софья имѣетъ много достоинствъ: она тиха, снисходительна, и кажется, будетъ предоброю женою.

Д а ш а. Нѣтъ, я не могу ужь болѣе слушать. Графъ!

Г р а ф ъ. А! ты здѣсь, Дашенька! Ужъ не подслушивала-ли ты насъ?

Д а ш а. Нѣтъ, сударь, я сейчасъ только взошла. Барышня пошла въ садъ, не угодно-ли и вамъ туда же пожаловать?

Г р а ф ъ. Пойдемъ, mon cher! Прощай, плутовочка!
(Треплетъ ее по щекѣ и отходитъ съ Изборскимъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Д а ш а *(одна, смотря имъ вслѣдъ).*

Хорошъ гусь! И этотъ-то бездушный женится на моей барышнѣ. Какая разница между нимъ и Изборскимъ! Какъ бы я была рада, еслибъ княгинѣ удалось то, о чемъ она давеча говорила съ барышней. Хоть бы одного изъ этихъ модниковъ вывести путемъ на свѣжую воду, можетъ быть тогда-бъ стали имъ меньше вѣрить, или они поумнѣе насъ обманывали.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садовую бесѣдку.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Графъ, князь и графиня (*играютъ въ бостонъ*); Эр-
стовъ, Изборскій, княгиня и Софья, (*сидятъ*
полукружіемъ).

Графиня. Вамъ дѣлать сюрсы, князь.

Княгиня. Кстати, Изборскій, я еще васъ и не спра-
шивала, были-ли вы вчерась въ театрѣ?

Изборскій. Былъ, сударыня.

Княгиня. Что вы думаете о новой комедіи?

Изборскій. Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды.

Графъ (*играя въ карты*). Спросите лучше, княгиня,
стоитъ ли она того, чтобъ объ ней что-нибудь думать.

Изборскій. Какъ, графъ! ты говоришь...

Графъ. Да, я говорю, что она прежалкая пьеса.

Графиня. Да и вы, батюшка, прежалкій игрокъ! Что-
вы дѣлаете! Ну такъ и есть, у васъ дама самъ третей, а
вы бѣте бубны. Дать выиграть такую игру! Вы были бы
безъ двухъ, князь.

Графъ. Извините, я заговорился.

Графиня. Прекрасное оправданіе. Да развѣ можно
говорить, когда играютъ въ бостонъ. Зачѣмъ мѣшаться въ
ихъ разговоры. Проклятая комедія! Восемь выиграны, мой
ремизъ взять, а вся бѣда опять отъ нея.

Графъ. Мы такъ давно ужъ играемъ, что у меня го-
лова начинаетъ кружиться. (*Софья*). Могу ли васъ просить
сыграть за меня нѣсколько игръ.

Софья. Съ великимъ удовольствіемъ!

Княгиня (*тихо Софья*). Не забудь, что мы говорили
поутру. Совѣтую тебѣ замѣчать нашъ разговоръ. (*Софья*
садится на мѣсто князя и начинаетъ играть, а графъ са-
дится на ея мѣсто).

Княгиня. Растолкуйте мнѣ, графъ, что вы хотѣли
сказать своей жалкой пьесой?

Графъ. Мнѣ кажется, это очень понятно, сударыня.

Княгиня. И такъ, по вашему мнѣнію, вчерашняя комедія...

Графъ. Плоска, суха, несносна, скучна до безконечности.

Изборскій. Ты шутишь, графъ.

Графъ. Надобно имѣть ангельское терпѣніе, чтобъ вынести ее до конца.

Изборскій. Какія-же имѣешь ты причины находить ее дурною?

Графъ. Тысячу. Во-первыхъ она отъ самаго начала до послѣдняго явленія, никуда не годится.

Изборскій. Но чѣмъ докажешь ты это?

Графъ. Чѣмъ, чѣмъ! Забавный вопросъ. Какъ будто я обязанъ доказывать! Довольно — я говорю, что она никуда не годится — чего же тебѣ больше?

Изборскій. Это еще не убѣдительное доказательство.

Графъ. Я спалъ въ продолженіе всей пьесы.

Изборскій. Можетъ быть передъ этимъ ты игралъ цѣлую ночь въ крепсѣ.

Графъ. Я спалъ не одинъ — всѣ спали.

Изборскій. Всѣ! Это что-то новое!

Графъ. И если хочешь, покажу тебѣ эпиграмму, въ которой то-же самое напечатано.

Княгиня. Слышите ли, Изборскій — надобно, чтобъ вы были слишкомъ упрямы, если не согласитесь теперь, что и вы спали вмѣстѣ съ другими.

Изборскій. Я не буду самъ отвѣчать. Графиня! позвольте васъ спросить, уснули-ли вы вчера въ театрѣ?

Графиня. И! батюшка, какъ можно было уснуть. Всѣ какъ будто взбѣленились: такое было хлопанье, что до сихъ поръ въ ушахъ звенить.

Графъ. Это партеръ, вѣчная опора господъ авторовъ. Какъ будто рукоплесканіе партера что-нибудь значить!

Князь. Это бы ничего, мой милый; но вообрази, до какой степени вкусъ публики испорченъ — я самъ видѣлъ, что аплодировали не только въ креслахъ, но даже и въ ложахъ!

Изборскій. Видишь ли, графъ, твоя эпиграмма со-
гнала.

Графъ. По крайней мѣрѣ я не аплодировалъ ни разу, и проснулся только въ пятомъ актѣ отъ фейерверка, кото-

рымъ, какъ кажется, сочинитель хотѣлъ поразогрѣть свою пьесу.

Княгиня. Поразогрѣть свою пьесу — какъ вы злы, графъ! Поразогрѣты! Какъ это остро! Мнѣ досадно, что авторъ васъ не слышитъ; я увѣрена, что это поразогрѣты было бы ему совсѣмъ не по сердцу.

Графъ. Я намѣренъ противъ него кой-что написать. Стиховъ я не сочиняю, но какую-нибудь сатиру въ прозѣ. О, сударыня, еслибъ вы знали, что у меня есть въ головѣ...

Князь (*ирая*). Грандъ-мизеръ парту.

Изборскій. Пиши, что хочешь: и прозой и стихами, а со всѣмъ тѣмъ комедія прекрасна; она дѣлаетъ честь нашей словесности. Я нахожу даже, что въ ней есть мѣста достойныя Мольера.

Графъ. Достойныя Мольера—ха, ха, ха! — Мольера, который восхищаетъ и французовъ!

Изборскій. Чему-жь ты смѣешься?

Графъ. Я? такъ—ничему. Достойныя Мольера! — Это безцѣнно!

Изборскій. Что-же кажется тебѣ тутъ страннымъ?

Графъ. Ничего, совершенно ничего. Достойныя Мольера!—Это забавно—очень забавно!

Изборскій. Можно-ли не восхищаться сценою между Пронскимъ и графиней Лелевой?

Графъ. Это правда: слушая ее, я зѣвалъ отъ восхищенія.

Княгиня. Еще!—Нѣтъ, графъ, мнѣ жаль ужъ бѣднаго сочинителя! Зѣвать отъ восхищенія — можно-ли быть такимъ насмѣшникомъ. Надобно сказать правду, попадись только вамъ на язычекъ...

Графъ. Вы шутите, княгиня, — будто я такъ золъ! Повѣрьте, что я...

Графиня (*ирая*). Беть, сударь, беть, — прошу записать.

Графъ. Что я гораздо милостивѣе многихъ говорю объ этой пьесѣ—послушали бы вы моихъ знакомыхъ.

Изборскій. Я не понимаю, отчего вздумалось тебѣ и твоимъ пріятелиамъ укладывать насъ спать, когда вся публика отдастъ должную справедливость этой пьесѣ.

Графъ. Послушай, возьмемъ въ посредники г-на Эрастава; онъ сочинитель, слѣдственно, лучше можетъ доказать, что вчерашняя комедія никуда не годится.

Эрастовъ. Извините, графъ, я не совсѣмъ буду согласенъ съ вами. Вы судите слишкомъ строго. Въ ней проскакивали кой-гдѣ мѣста довольно сносныя: стихи вообще нельзя назвать совершенно дурными.

Графъ. О, не говорите мнѣ ничего о стихахъ. Сколько ни старался я замѣтить, но по сихъ поръ не знаю, чѣмъ она писана: стихами или прозой.

Изборскій. Тѣмъ лучше—слѣдственно стихи такъ плавно и легко написаны, что трудность размѣра и удареній въ нихъ совсѣмъ не примѣтны.

Графъ. Фи, mon cher! какъ тебѣ не стыдно! Какіе это стихи, если ихъ можно читать такъ-же легко, какъ прозу? Надобно, чтобъ въ стихахъ была всегда какая-то величественная шероховатость, которая придаетъ имъ видъ важный, а особливо въ мрачныхъ описаніяхъ. Вотъ напримѣръ, одинъ изъ моихъ знакомыхъ читалъ недавно при дамахъ свое сочиненіе: лишь только онъ началъ, то у всѣхъ, кто могъ его понимать, волосы стали дыбомъ; въ половинѣ чтенія сдѣлалось многимъ дурно, а подъ конецъ одна дама упала въ обморокъ и лежитъ теперь при смерти въ горячкѣ. Вотъ истинно пѣстические стихи.

Княгиня. Ну пусть бы обморокъ, а то горячка! Нѣтъ, графъ, эти стихи ужъ слишкомъ хороши.

Изборскій. Я до сихъ поръ думалъ, что ясность есть первое достоинство стиховъ.

Графъ. Ясность, ясность! Вотъ на чемъ помѣшались всѣ эти господа; да знаете ли, что сказалъ одинъ знаменитый писатель; авторъ не тѣмъ великъ, что изъясняетъ, но тѣмъ, что должно въ немъ отгадывать.

Изборскій. Поэтому въ Телемахидѣ каждый стихъ заключаетъ въ себѣ нѣчто великое?

Княгиня. Я вижу, что вы хотите замаять разговоръ о комедіи, но это вамъ не удастся. Г. Эрастовъ, вы начали что-то говорить о ея недостаткахъ.

Эрастовъ. Я бы никогда не кончилъ сударыня, и для того замѣчу только главнѣйшіе: во-первыхъ, вся комедія имѣетъ видъ сатиры...

Изборскій. Вы позабыли, сударь, Аристотель говорилъ, что сатира сдѣлалась тогда поучительнѣе, когда ее стали представлять на театрѣ въ видѣ комедіи.

Графъ. Аристотель говорить! Прекрасное доказатель-

ство! Аристотель могъ быть учителемъ своихъ римлянъ, но мы...

Изборскій. Онъ былъ грекъ.

Графъ. Грекъ или римлянинъ для меня все равно — я знаю только, что всѣ римскіе и греческіе мудрецы не увѣрятъ меня, что вчерашняя пьеса можетъ назваться хорошою.

Княгиня. Bravo, графъ, не уступайте. Неужели въ самомъ дѣлѣ, не спросясь у г-на Аристотеля нельзя бранить никакой комедіи?

Графиня. Объ чемъ ты думаешь, Сонюшка — задается въ другой разъ сряду.

Софья. Я слушала, какъ графъ говорилъ объ Аристотелѣ.

Князь. О, сударыня! мой племянникъ великій чловѣкъ для этого; онъ знаетъ по пальцамъ всю древнюю исторію.

Княгиня. Это, думаю, кузина успѣла ужъ и замѣтить. Ну, г. Эрастовъ, добивайте поскорѣй несчастную комедію.

Эрастовъ. Я нахожу, что вообще всѣ разговоры между кокеткой и графомъ Ольгинымъ ни на что не похожи. Такъ-ли должно молодому воспитанному чловѣку обходиться съ благородною женщиною? Чѣмъ начинается ихъ разговоръ при первомъ свиданіи? Онъ говоритъ ей вещи, которыя едва ли можно позволить себѣ съ простою горничною дѣвушкою; однимъ словомъ, характеръ кокетки совсѣмъ не выдержанъ, и дерзкій тонъ графа такъ унижаетъ ее въ глазахъ зрителей, что она становится для нихъ совсѣмъ не интересною.

Графъ. Bravo, г. Эрастовъ, прекрасно, нельзя лучше. Ну, что же ты ничего не отвѣчаешь?

Изборскій. Это не трудно сдѣлать; я нахожу...

Графъ. Отвѣчай же, отвѣчай!

Изборскій. Мнѣ кажется...

Графъ. Говори, говори; посмотримъ, что ты скажешь?

Изборскій. Мнѣ кажется, что графъ Ольгинъ поступаетъ естественно. Не забудьте, что авторъ хотѣлъ въ немъ представить самаго дерзкаго, избалованнаго женщиною модника; онъ знаетъ Лелеву, знаетъ, что она должна была по неволѣ уѣхать изъ Петербурга, слѣдственно

не считаетъ себя принужденнымъ наблюдать съ ней ту вѣжливость, которою мы обязаны жеищинамъ, заслуживающимъ уваженіе общества; онъ думаетъ даже симъ способомъ открыть глаза своему двоюродному брату. И гдѣ же была бы мораль пьесы, еслибъ авторъ, въ сей унижительной для графини сценѣ, не хотѣлъ показать, какимъ непріятностямъ подвергается всякая жеищина, пренебрегая сужденія свѣта, и какъ излишнее кокетство даетъ мужчинамъ право быть дерзкими и терять къ нимъ всякое уваженіе.

Княгиня. Ай, ай!—Графъ! наши дѣла идутъ худо.

Графъ. Пустыя доказательства, mon cher! Наборъ громкихъ словъ и больше ничего.

Княгиня (*Эрастову*). Скорѣй секурсь, а не то мы пропали.

Эрастовъ. Вы скажете также, что характеръ кокетки не униженъ, когда онъ даетъ рандеву тому же самому вертопраху, который за нѣсколько минутъ до того наговорилъ ей столько дерзостей.

Изборскій. Это-то самое и заставляетъ ее назначить свиданіе; она надѣется завести его самага, вскружить ему голову, заставить быть скромнымъ, и не только не мѣшать ея планамъ, но даже помогать ей. Еслибъ онъ не испугалъ ее съ самага начала своимъ насмѣшливымъ тономъ, то она не имѣла бы никакой причины назначать ему свиданія, тѣмъ болѣе, что всякая нескромность со стороны вѣтренника превратила бы въ ничто все ея намѣреніе.

Княгиня. Мнѣ кажется, графъ, что Изборскій лучше сдѣлаеть, если замолчитъ.

Графъ. О, гораздо лучше! По чести, мнѣ жаль тебя, mon cher, ты всѣхъ заставишь смѣяться надъ собою. Защищать такую комедію!

Эрастовъ. Г. Изборскій защищался довольно хорошо; но посмотримъ, чѣмъ оправдаеть онъ личности, которыми наполнена пьеса.

Изборскій. Личности! Вотъ всегдашній и самый несправедливый упрекъ, который дѣлають комическимъ авторамъ. Комедія должна быть зеркаломъ, въ которомъ каждый можетъ видѣть свое изображеніе, но не долженъ узнавать себя. Авторъ, сочиняя комедію, осмѣиваетъ пороки, и какъ не удивительно, что, давая своимъ персона-

жамъ характеры, сообразные съ планомъ пьесы и нравами его современниковъ, можетъ самымъ невиннымъ образомъ сдѣлать себѣ кучу непріятелей.

Эрастовъ. Въ этомъ я согласенъ; но баллады, про которыя онъ такъ часто говоритъ...

Графъ. Да, да, баллады! Я было и позабылъ объ этомъ. Ну, г. защитникъ, что скажешь ты теперь? Развѣ это не личности?

Изборскій. Гдѣ-жъ тутъ личность? Развѣ баллада лицо? Автору «Липецкихъ водъ» не нравится сей родъ сочиненій — это ни мало не удивительно. Однѣ красоты поэзіи могли до сихъ поръ извинить въ немъ странный выборъ предметовъ, и если сей родъ найдетъ подражателей, которые, не имѣя превосходныхъ дарованій своего образца, начнутъ также писать объ однихъ мертвецахъ и привидѣніяхъ, то признайтесь сами, что тогда словесность наша немного выиграетъ.

Графъ. Ты мастеръ дѣлать фразы; но это не поможетъ тебѣ ни мало. Всѣ мои знакомые одного со мною мнѣнія; комедію засыпаютъ эпиграммами. А propos! мнѣ сегодня еще про одну сказывали: постойте, я вспомню. Ничего не можетъ быть прекраснѣе — совершенно французскій оборотъ. Въ первомъ стихѣ есть что-то о природѣ, а во второмъ о сухихъ водахъ.

Княгиня. О сухихъ водахъ! Это въ самомъ дѣлѣ прекрасно! Жаль только, что я не понимаю.

Графъ. Это аллюзія на счетъ названія пьесы. Сухія воды! Чувствуете ли, княгиня, какъ это остро! Какая ѣдкая двусмысленность. Сухія воды! Какъ зло! По чести, въ этихъ двухъ словахъ гораздо болѣе ума, чѣмъ во всей этой жалкой комедіи.

Княгиня. Я согласна съ вами: эти сухія воды удивительно замысловаты. Признайтесь, графъ, вы первые подали мысль написать эту эпиграмму.

Графъ. О, нѣтъ, сударыня.

Княгиня. Вы скромничаете.

Графъ. Увѣряю васъ.

Княгиня. Въ этой эпиграммѣ виденъ вашъ умъ, ваша острота.

Графъ. Вы очень милостивы; но клянусь, что тутъ я совсѣмъ не виноватъ предъ бѣднымъ сочинителемъ.

Княгиня. Ну, Изборскій, попробуйте теперь защи-

щать еще вашу комедию. Видите ли, что достается автору. Князь говорилъ еще про какую-то сатиру въ прозѣ—смотрите, чтобъ и васъ туда не помѣстили.

Изборскій. Это меня совсѣмъ не пугаетъ. Знаете ли что, княгиня! я имъ прочту прекрасную басню: «Слонъ и Моська», одного знаменитаго нашего писателя.

Графъ. Нашего писателя... Прочти, прочти.

Изборскій.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно на показъ:
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Откогда ни возьмись на встѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться,
И лагать, и визжать, и рваться;
Ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
Сосѣдка, перестань срамиться:
Ей шавка говорить, тебѣ-ль съ слономъ возиться?
Смотри ужь ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.
Эхъ! эхъ! ей моська отвѣчаетъ.
Вотъ то-то мнѣ и силы придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большіе забѣлки.
Пускай-же говорятъ собаки:
Ай моська! знать она сильна.
Что лагаетъ на слона!

Княгиня. Вы этимъ не удивите: они найдутъ тотчасъ свое оправданіе въ концѣ басни.

Графъ. Вся эта басня украдена изъ Лафонтена точно такъ же, какъ и комедія изъ Мольера.

Изборскій. Вы правы, графъ; оба наши автора стараются украсть талантъ французскихъ писателей.

Графиня (*бросая карты*). Что это! Семерка самъ другъ, и двѣ маленькія, а мизеръ выигранъ; на что это похоже! Не стыдно ли вамъ, князь! дожили вы до сѣдыхъ волосъ, а не умѣете путемъ разыграть открытаго мизера.

Князь. До сѣдыхъ волосъ! Сударыня! будьте поразборчивѣе въ вашихъ выраженіяхъ.

Графиня. Да, сударь, да! Когда человекъ дожилъ до семидесяти лѣтъ...

Князь. Вы скажете, пожалуй, что я былъ совершеннымъ человекомъ, когда вы выходили замужъ.

Графиня. Какая дерзость! Куда какъ хорошо дѣлаютъ, что дурачатъ въ комедіяхъ столѣтнихъ волокитъ,

которые накануне своей смерти думаютъ еще любезничать и казаться молодыми.

Князь (*вскакивая со стула*). Наканунѣ смерти! Да, сударыня, поступаютъ очень умно, выводя на сцену старыхъ барынь, которыя всѣхъ думаютъ учить, а не знаютъ сами общежитія.

Графиня (*вскакивая*). Князь!

Князь. Графиня!

Графиня. Еслибъ я болѣе уважала словами вашими...

Князь. Еслибъ я менѣ почиталъ поль вашу...

Софья (*графу*). Помирите ихъ!

Графъ (*тихо графинѣ*). Какъ вамъ не стыдно на него сердиться, графиня! Развѣ вы не видите, что онъ изъ ума выжилъ, и хочетъ вопреки цѣлому свѣту казаться молодымъ.

Графиня. Это правда.

Графъ (*тихо князю*). Не смѣшно ли, что вы не хотите ей уступить, — развѣ не примѣчаете, что это одна только привычка со всѣми браниться.

Князь. Я то же думаю.

Графъ. Неужели такая бездѣлица можетъ васъ поссорить?

Графиня. Нѣтъ, я ужь не сержусь; однакожъ выиграть такой мизеръ и на послѣднюю игру!

Князь. Я постараюсь, графиня, играть впередъ осторожно.

Княгиня. Время прекрасное! Какъ вы думаете, те-тушка, не походить-ли намъ до обѣда по саду?

Графиня. И въ самомъ дѣлѣ, а то ужь мы очень засидѣлись. Пойдемте, князь; видите, я ужь не сердита; прошу, однакожъ, впередъ не дѣлать такихъ ошибокъ.

Князь. Будьте спокойны, графиня, я не дамъ выиграть ни одного мизера. (*Подаетъ ей руку*).

Княгиня (*подавая руку графу*). Графъ! вы не откажетесь быть моимъ кавалеромъ. Изборскій, дайте руку кузинѣ. (*Эрастову*). Подождите меня здѣсь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНЕ ВТОРОЕ.

ЭРАСТОВЪ (*одинъ, садится на стулъ и вынимаетъ книжки*).

Не надобно терять свободнаго времени. Я теперь одинъ; начнемъ плавъ нашей комедіи. Комедіи! Гмъ! еслибъ мнѣ удалось разбрызгать моею пьесой эти несносныя Липецкія воды! Почему-жь и не такъ! Правда, въ нихъ много ума, очень много, такъ—что-же? Гмъ лучше! Умныя дѣти не долго живутъ. Начнемъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЭРАСТОВЪ И ДАША.

Даша (*не видя Эростова*). Здѣсь никого нѣтъ; видно бостонъ ужь кончился. Мнѣ показалось издали, что барышня прогуливается съ Изборскимъ. Ужь нейдетъ ли на ладъ наше дѣло; какъ бы я была рада! Барышня была бы счастлива, а сіятельный вѣтренникъ прогулялъ бы прекрасную невѣсту, и, что еще досаднѣе—богатое приданое. Какъ бы дѣвушка ни была прекрасна, сколько-бъ ни имѣла достоинствъ, да если только нѣтъ къ нимъ прилагательнаго, то того и гляди, что красавица вѣчно просидитъ въ дѣвкахъ!

Эрастовъ (*продолжая писать*). Прекрасно, прекрасно! нельзя лучше!

Даша. Ахъ! вы здѣсь, г. Эрастовъ! какъ вы меня испугали.

Эрастовъ. Мысль нова! оригинальна! обороть совершенно необыкновенный. Посмотримъ г. русский-Мольеръ, посмотримъ, на чьей сторонѣ будетъ публика.

Даша. Что вы тутъ дѣлаете, сударь? Вы забились въ такой уголокъ, что васъ совсѣмъ и не видно.

Эрастовъ. А, это ты, Дашенька! Не мѣшай мнѣ, я пишу комедію.

Даша. А будетъ-ли въ ней какая-нибудь служанка?

Эрастовъ. Непремѣнно!

Даша. Ахъ, сударь, что вы это дѣлаете? Да знаете

ли, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ написать роль для служанки.

Эрастовъ. Почему ты это думаешь, миленькая?

Да ша. А развѣ вы не слышали, какъ рассказывала княгиня, что говорили про служанку вчерашней комедіи: одни кричатъ, что она черезъ чуръ умна, другіе увѣряютъ, что она слишкомъ глупа, третьи, что не кстати мѣшается въ разговоры, — и если вы всѣмъ захотите угождать, то придется вашей служанкѣ не говорить ни слова.

Эрастовъ. О! я увѣренъ, что моя горничная всѣмъ понравится. Я выведу, Дашенька, тебя въ моей комедіи.

Да ша. Меня! Какъ это весело! И я также буду въ комедіи! Ну, сударь, вамъ помѣшаютъ; я вижу куда идутъ княгиня и графъ.

Эрастовъ. Ахъ, Дашенька, пожалуйста уйди! Они вѣрно будутъ говорить между собою; если ты помѣшаешь, то я пропущу можетъ быть лучшую сцену для моей комедіи.

Да ша. И въ самомъ дѣлѣ. Смотрите же, спрячьтесь подалѣе, чтобъ васъ не увидѣли. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Эрастовъ (*одинъ*).

О! это будетъ несравненная сцена! Одинъ станетъ клясться, другая не вѣрить — оба будутъ другъ друга обманывать.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Графъ, княгиня и Эрастовъ (*скрытый*).

Графъ. И такъ, княгиня, вы рѣшились никогда мнѣ не вѣрить?

Княгиня. Перестаньте, графъ! Неужели вы думаете, что я такъ-же легковѣрна, такъ-же неопытна, какъ Софья. О, я знаю васъ, господа мужчины! Любовь, постоянство, вѣрность всегда на языкѣ у васъ, а въ сердцѣ никогда.

Графъ. Вы шутите, княгиня! Вамъ ли жаловаться на непостоянство мужчинъ! Съ вашей красотой, съ вашей любезностью можно ли встрѣчать измѣнниковъ. Оставьте этотъ упрекъ для обыкновенныхъ женщинъ; но вы—вы, которыя, соединя въ себѣ всѣ прелести пола вашего...

Княгиня. Не хочу имѣть прочихъ женщинъ легковѣрность: не то-ли думали вы сказать мнѣ?... Послушайте, графъ, первѣйшее доказательство любви, есть откровенность,—будьте со мной чистосердечны.

Графъ. Сударыня! читайте въ моемъ сердцѣ.

Княгиня. Признайтесь откровенно, которую уже женщину увѣряете вы въ вашей вѣчной, постоянной любви?

Эрастовъ. Придется попросить грифельной доски.

Графъ. Клянусь, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ жить въ свѣтъ...

Княгиня. Нѣтъ, со вчерашняго дня.

Эрастовъ. Прекрасно! Ай да княгиня! (*Пишетъ*).

Графъ. Вы смѣтаетесь надо мною, сударыня!

Княгиня. Ни мало. Я нахожу мой вопросъ очень натуральнымъ. Вы хотите жениться на кузинѣ, слѣдственно говорите ей то же, что и мнѣ. Я слышала нѣсколько разъ сама, что вы, позабывшись, чуть-чуть не открывались въ любви моей тетушкѣ; однимъ словомъ, мнѣ кажется, нужно только быть женщиной, чтобъ имѣть право на сердце и постоянную, безконечную любовь вашу.

Графъ. Какъ, сударыня! вы даете такую цѣну этимъ пустымъ, ничтожнымъ вѣжливостямъ. Я полагаю, княгиня, что вы лучше умѣете отличать истинную любовь, отъ обыкновенныхъ комплиментовъ. Пускай старыя вдовушки, которыя рады ко всему прицѣпиться, находятъ въ нихъ болѣе, чѣмъ одну условную вѣжливость; но вамъ ошибаться такимъ непростительнымъ образомъ! О! этого, княгиня, не смѣлъ бы даже я и подумать.

Княгиня. Но, сударь, я была уже свободна, когда вы узнали Софью, а со всѣмъ тѣмъ вы женитесь на ней.

Графъ. Я поздно уже узналъ васъ, княгиня. Сначала молодость Софьи, ея—ея излишняя доброта, которая казалось мнѣ милою стыдливостью, невинностью, свойственною ея лѣтамъ, плѣнили меня; я сталъ искать въ ней и имѣлъ несчастіе ей понравиться. Теперь, когда первый восторгъ мой прошелъ, я вижу все различіе между вами и Софьей; но согласитесь, княгиня, это было-бы слишкомъ уже же-

стоко, слишкомъ ужасно, завести невинную, неопытную дѣвушку и послѣ ее оставить.

Княгиня. И такъ вы женитесь на ней изъ одного сожалѣнія?

Эрастовъ. Пятьдесятъ тысячъ доходу хоть кого разжалобять.

Графъ. Почти! Ахъ, княгиня! для чего понравился я Софѣ, для чего, вмѣсто любви, не получила она ко мнѣ отвращенія; какъ бы я былъ счастливъ!

Княгиня. Ваша откровенность заставляетъ и меня быть доверчивѣе. Признаюсь, я была бы очень довольна, если бы вы не нравились моей кузинѣ.

Графъ. Что вы говорите, княгиня! Какое благополучіе! могу ли вѣрить?...

Княгиня. Да, графъ! притворство мнѣ не свойственно, и хотя бы мнѣ не должно было... Но повторяю еще, что почла бы благополучной ту минуту, въ которую Софья отказалась бы отъ руки вашей. Графъ! я знаю вамъ истинную цѣну, она не создана для васъ.

Графъ (*въ сторону*). Прекрасно! она меня обожаетъ, любить!

Эрастовъ. Пускай попробуетъ другой обманывать, говори правду.

Графъ. Княгиня! какъ изъяснить вамъ мою благодарность; вы любите меня!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, графиня, князь, Изборскій и Софья.

Графъ (*не примѣчая друиухъ, продолжаетъ говорить, цѣлую руку*). Какое благополучіе можетъ сравниться съ моимъ. О, повторите еще разъ!...

Графиня. Что это значитъ! Прекрасный женихъ! Сватается за мою Сонюшку, а между тѣмъ... А тебѣ, сударыня, не стыдно!...

Эрастовъ. Bravo! вотъ и развязка!

Графиня (*князю*). Ну, сударь, каковъ вашъ племянникъ!

Князь. Я право не понимаю, сударыня...

Графиня. Чего тутъ понимать, батюшка! Развѣ вы

не слышали, что онъ говорилъ; развѣ не видали, съ какимъ жаромъ цѣловаль ея руку!

Графъ. Выслушайте меня, сударыня...

Графиня. Не хотите ли вы и меня увѣрить...

Графъ. Одно слово, графиня, и я оправданъ. Я просилъ княгиню вступить за меня, уговорить васъ не откладывать болѣе мою свадьбу и въ ту самую минуту, какъ вы взошли, я благодарилъ ее и просилъ еще разъ повторить обѣщаніе быть моей покровительницей.

Графиня. Какъ! неужели я ошиблась. Вы въ самомъ дѣлѣ говорили объ этомъ?

Княгиня. Да, тетушка, мы говорили о кузинѣ.

Эрастовъ. Вывернулся, какъ вывернулся. Придется еще одинъ актъ прибавить.

Князь. Видите ли, графиня, наружность всегда обманчива. Всѣ любовные романы наполнены подобными случаями: напримѣръ въ «Маркизѣ Глаголѣ»...

Графъ. И, дядюшка! оставьте вашихъ маркизовъ; просите лучше графиню и прелестную ея племянницу довершить мое благополучіе.

Графиня. Хорошо, хорошо! Оставьте-же насъ теперь однихъ съ княземъ; намъ надобно будетъ съ нимъ кой о чемъ поговорить.

Княгиня (*тихо Софьѣ*). Жаль, милая, что ты не слыхала, объ чемъ мы говорили съ графомъ. Я перескажу тебѣ объ этомъ послѣ.

Князь. Однако-же, племянникъ, это не хорошо оставаться наединѣ съ княгиней, злые люди могутъ Богъ знаетъ что выдумать.

Графъ. Вы правы, дядюшка; вотъ еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, то злые люди не могли бы тогда вѣрно ничего подумать дурного. (*Княгиня подаетъ руку графу*).

Графиня. Что это матушка! Можно хотъ разъ пустить графа погулять съ своей невѣстой.

Княгиня. И, тетушка! имъ будетъ для этого довольно еще времени. (*Скоро уходитъ съ графомъ, Софья съ Изборскимъ за ними*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Графиня, князь и Эрастовъ (*скрывшись пишетъ все время*).

Князь. Какой дерзкій насмѣшникъ!

Графиня. Какая безстыдная кокетка!

Князь. Ну точь въ точь, какъ этотъ вертопрахъ въ «Липецкихъ водахъ».

Графиня. Двѣ капли воды, какъ эта вѣтренница во вчерашней комедіи.

Князь. Подѣломъ смѣются надъ этими повѣсами.

Графиня. Не мѣшаетъ, чтобъ почаще сочиняли комедіи на этихъ безстыдныхъ.

Князь. Слышали-ли, сударыня, какъ племянникъ изволилъ подшутить надо мною?

Графиня. Видѣли-ли, какія чудеса изволилъ строить моя племянница? Понимаю всѣ твои затѣи, сударыня. Знаете ли, князь, я готова удариться объ закладъ, что она хочеть отбить у Сонюшки графа.

Князь. Вы шутите, сударыня.

Графиня. Нѣтъ, я ее ужъ знаю. Развѣ вы не примѣтили, что она почти насильно заставила графа идти съ собою; но всѣ эти хитрости ей не удадутся. Князь, я намѣрена нынче же сдѣлать сговоръ.

Князь. Очень хорошо, сударыня.

Графиня. Пойдемте въ мою горницу, здѣсь становится холодно; тамъ мы обо всемъ переговоримъ хорошенько. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Эрастовъ, (*одинъ, выходитъ на средину сцены, держа въ рукахъ записную книжку*).

Планъ для первыхъ двухъ актовъ готовъ; кажется, они будутъ довольно интересны. Теперь надобно приняться за третій. О! третій актъ меня удивительно мучить. Ужъ мнѣ этотъ графъ! Надобно было вывернуться. Комедія была-бы кончена, а теперь придумывай опять новую развязку; при-

бавляй цѣлое дѣйствіе. Ну, такъ и быть. Пойду въ какую-нибудь густую аллею, буду бродить взадъ и впередъ, надумаю, начну писать, окончу, отдамъ свою пьесу на театръ—и прощай «Липецкія воды», только объ нихъ и говорили. (*Уходитъ*).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната княгини Зарѣцкой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Княгиня, Софья и Даша.

Софья. Ахъ, княгиня! я до сихъ поръ не могу повѣрить...

Княгиня. Что графъ Фольгинъ не шутя открывался мнѣ въ любви? Это еще ничего, но вотъ что забавно: онъ думаетъ, что вскружилъ мнѣ голову.

Софья. Не удивительно, если вы захотите его увѣрить въ этомъ.

Княгиня. И не думала. Я говорила только, что очень была-бы рада, если-бъ ты не вышла за него замужъ.

Даша. И его сіятельство расчелъ тотчасъ, что вы желаете это для того только, чтобъ онъ на васъ женился. Надобно сказать правду, у этихъ господъ совсѣмъ нѣтъ самолюбія.

Княгиня. Мнѣ кажется, милая, когда мы ходили по саду, ты совсѣмъ не скучала со своимъ кавалеромъ.

Софья. Я должна сказать правду: Изборскій никогда еще не бывалъ такъ любезенъ.

Княгиня. Это оттого, что прежде ты всегда съ предубѣжденіемъ объ немъ судила.

Даша. Воля ваша, сударыня, а я не взяла бы за одного Изборскаго цѣлую сотню такихъ графовъ, какъ

вашъ женихъ. Послушали бы вы, какъ онъ изволилъ нынче поутру объ васъ поговаривать: «она добра, добра какъ ягненокъ; о, она будетъ предоброю женою» — да какимъ же ѳдимъ голосомъ, вотъ такъ-бы съ досады ему въ глаза и вцѣпилась.

Софья. Я начинаю сама примѣчать, что выборъ тетушки не можетъ составить мое благополучіе; но что приговѣтуете мнѣ дѣлать? Вы знаете, когда графиня на что-нибудь рѣшится...

Княгиня. Объ этомъ не безпокойся; я берусь довести до того графа, что онъ самъ откажется отъ твоей руки.

Софья (*съ нѣкоторою досадою*). Откажется! Не слишкомъ-ли много надѣетесь вы на себя, княгиня?

Княгиня. Напротивъ, это такъ легко, такъ не трудно...

Софья (*съ живостію*). Признайтесь, кузина, что вы бываете иногда очень самолюбивы.

Княгиня. Bravo! ты сердилъся, та сѣге! Но утѣшься, милая, на это есть причины, которыя не должны никакъ оскорблять твоего самолюбія. Я еще разъ повторяю тебѣ: онъ не любитъ и не можетъ любить никого, кромѣ самого себя.

Софья. Вы не такъ поняли меня. Я никакъ не могу повѣрить, чтобъ графъ былъ способенъ къ такой низости.

Княгиня. Должна будешь повѣрить, когда узнаешь его покороче. Я намѣрена, однакожь, сдѣлать съ тобою небольшой уговоръ. Если графъ отъ тебя откажется...

Софья. То я должна выдти за Изборскаго, — не правда-ли?

Княгиня. Точно!

Софья. Я теперь согласна съ вами: онъ гораздо любезнѣе графа, и я не могу вспомнить безъ стыда прежнее свое предубѣжденіе.

Княгиня. Дашенька обѣщалась мнѣ помогать. Я думаю, ты твердо знаешь свою роль?

Даша. Будьте покойны, сударыня: могу ли забыть ее, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ одурачить какого-нибудь модника. Ахъ, сударыня, если-бъ вы знали, какъ я ихъ всѣхъ ненавижу. Ну, право, я не знаю, какъ есть еще такія жалкія женщины, которыя могутъ любить этихъ выпускныхъ куколь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ЭРАСТОВЪ.

Эрастовъ. Я васъ искалъ вездѣ, княгиня! Я пропалъ безъ вашей помощи. Планъ моей комедіи не подвигается ни крошечки впередъ. Я сколько ни мучился, не могъ никакъ придумать, съ чего начать этотъ несносный третій актъ.

Княгиня. Начните его тѣмъ, что молодая неопытная дѣвушка, которая была прежде ослѣплена наружнымъ блескомъ мнимыхъ достоинствъ нашего вѣтренника, узнаетъ свое заблужденіе. Между тѣмъ онъ продолжаетъ обманывать ея тетку, и... Но чего же лучше? Графиня и графъ идутъ сюда! Мы уйдемъ, а вы сядьте въ этомъ углу за столикомъ. Я увѣрена, что они продиктуютъ вамъ цѣлую сцену. Пойдемъ, милая, я расскажу тебѣ, какимъ образомъ намѣрена провести нашего жениха. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Эрастовъ (*за столомъ*), графиня и графъ.

Графиня. Гдѣ-жъ Сонюшка! Я думала, что найду ее здѣсь. Вѣрно они ушли опять гулять по саду.

Графъ. Графиня, позвольте еще разъ повторить вамъ мою просьбу: сдѣлайте меня совершенно благополучнымъ.

Графиня. Такъ вы очень любите Сонюшку?

Графъ. Ахъ, сударыня! нашъ языкъ не имѣетъ выражений, которыя могли-бы дать вамъ хотя нѣкоторое понятіе о моихъ чувствахъ. Ея прелестный видъ, ангельская доброта, плѣнительная невинность обворожаютъ меня; и—простите моей смѣлости, графиня,—то чудесное сходство, которое нахожу я между вами...

Графиня. Въ самомъ дѣлѣ вы находите, что племянница походить на меня?

Графъ. Невѣроятнымъ образомъ! Естественно, нѣкоторое различіе въ лѣтахъ уменьшаетъ это сходство,—она еще такъ молода, черты лица ея не имѣютъ еще той пол-

ноты, того совершенства, тѣхъ формъ, которыя даютъ имъ лѣта: однимъ словомъ, она обѣщаетъ еще только быть тѣмъ, что вы есть теперь, сударыня.

Графиня. Лыстецъ! Правда, съ молоду я была не дурнѣе ея, но теперь...

Графъ. Перестаньте, графиня, вы заставляете меня краснѣть. Позвольте вамъ напомнить: излишняя скромность становится порокомъ. И такъ, сударыня, вы намѣрены сдѣлать мою свадьбу.

Графиня. Очень скоро! Вы можете еще подождать — нѣсколько дней не составить большой разницы.

Графъ. Но для чего откладывать мое благополучіе, когда нѣсколькими днями прежде могу получить лестное право называть васъ моею тетушкою. Вы знаете, какъ золь свѣтъ, сударыня; мое уваженіе, душевная къ вамъ привязанность, частыя посѣщенія, все заставляеть элыхъ людей дѣлать свои заключенія. Назовите меня скорѣй племянникомъ, и всѣ эти клеветники должны будутъ замолчать.

Графиня (*въ сторону*). Онъ такъ убѣдительно проситъ! (*Ему*). Подождите здѣсь, любезный графъ, я подумаю, и можетъ быть... Но я не говорю теперь ничего. (*Уходя, въ сторону*). Пойду, сыщу Сонюшку, приведу сюда и тутъ же сдѣлаю стоворъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Графъ и Эрастовъ.

Графъ (*не замѣчая Эрастова*). Ха, ха, ха! Что можетъ быть легче, какъ вскружить голову старухѣ, которая воображаетъ, что еще молода! Бѣдняжки! имъ даже и то пріятно, когда услышать, что можно еще сомнѣваться въ ихъ добродѣтели. И такъ, я женюсь на Софѣ! Женюсь! Какъ трудно выговорить это слово! Софя такъ проста, такъ скучна!... Но что нужды до этого? Я буду каждый день ѣздить съ утра до вечера по моимъ знакомымъ; она станетъ сидѣть дома — и мы только изрѣдка будемъ видѣться между собою. Княгиня сказала мнѣ, что придетъ сюда о чемъ-то говорить со мной. Какъ она мила! Какъ любезна! И если мнѣ надобно непременно уже жениться, то для

чего-бъ не на ней? Нѣтъ, княгиня мила, очень мила! Но двѣ тысячи душъ...

Эрастовъ. Еще милѣй.

Графъ. Ба! Г-нъ Эрастовъ, что вы тутъ дѣлаете?

Эрастовъ. Пишу комедію.

Графъ. Только!... (*Въ сторону*). Княгиня куда будетъ; какъ-бы его отправить. (*Ему*). Знаете-ли, г-нъ Эрастовъ, что древніе всегда сочиняли на чистомъ воздухѣ.

Эрастовъ. Когда они списывали съ природы. Живописцу не должно терять изъ виду своихъ оригиналовъ.

Графъ. Такъ подите-жь скорѣе въ садъ; дядюшка съ графиней тамъ гуляютъ.

Эрастовъ. Они хороши только для второклассныхъ персонажей, а меня теперь занимаетъ главное лицо и проклятая развязка; никто лучше васъ мнѣ не поможетъ ее сдѣлать.

Графъ. Я бы самъ желалъ, чтобъ вы меня развязали съ вашей комедіей, которой ни плана, ни завязки я не знаю.

Эрастовъ. Я вамъ все расскажу. Изволите видѣть...

Графъ. Я, сударь, ничего не вижу. (*Въ сторону*). Онъ такъ-же несносенъ, какъ авторъ вчерашней пьесы.

Эрастовъ. Послушайте! сюжетъ довольно забавенъ.

Графъ. Вѣрю, сударь, вѣрю.

Эрастовъ. Не правда-ли, что промотавшійся вѣтренникъ, которой хочетъ жениться на приданномъ и попадется въ дураки, будетъ очень смѣшенъ. Ха, ха, ха!

Графъ. Смѣшенъ... Можетъ быть.

Эрастовъ. Однакожъ, вы не смѣтесь.

Графъ. Вамъ угодно, чтобы я хохоталъ, извольте, сударь, ха, ха, ха... Довольны-ли вы теперь?

Эрастовъ. Изрядно; а еще больше меня одолжите, ежели скажете, что мнѣ въ концѣ пьесы сдѣлать съ моимъ вѣтренникомъ?

Графъ. Охъ! сударь, пошлите его къ чорту.

Эрастовъ. Къ чорту? браво, брависимо! Прекрасная мысль: ихъ будетъ пара; я вамъ очень благодаренъ. Побѣгу къ Изборскому; онъ человекъ умный, и поможетъ мнѣ придумать, какъ бы поскорѣй его туда отправить. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Г Р А Ф Ъ, (*потомъ*) Д А Ш А.

Г р а ф ъ. Что вралъ мнѣ этотъ несносный поэтъ о вѣтренникѣ, о приданномъ... Мнѣ кажется, онъ сказалъ, что хотять его дурачить... Неужели онъ осмѣлился на мой счетъ... Меня дурачить... Ха, ха, ха! Какая плоская мысль, чѣмъ, смѣю спросить; развѣ Софья не безъ памяти въ меня влюблена; развѣ тетка не отдаетъ ей всего имѣнія... А, Дашенька!

Д а ш а. Княгиня прислала меня сказать вамъ, что она сейчасъ сюда будетъ.

Г р а ф ъ. Но не такъ еще скоро, чтобъ я не успѣлъ между тѣмъ поцѣловать тебя.

Д а ш а. Перестаньте, сударь.

Г р а ф ъ. Какъ я радъ, что у будущей моей жены будетъ такая миленькая служаночка.

Д а ш а. А развѣ вы слышали, сударь, что графиня отдаетъ меня за ней въ приданное.

Г р а ф ъ. Да какже! Вѣдь Софья наследница всего имѣнія.

Д а ш а. Какъ, сударь! Всего имѣнія?

Г р а ф ъ. Да какже, миленькая?

Д а ш а. Право! Поэтому графиня передумала.

Г р а ф ъ. Что такое?

Д а ш а. Такъ ничего—я слышала...

Г р а ф ъ. Чтожъ ты слышала, душенька?

Д а ш а. Я, сударь... я не знаю какъ вамъ сказать...

Г р а ф ъ. Ну, да говори-же, чего ты боишься?

Д а ш а. Я, сударь, боюсь, если вы на меня послѣ скажете. Можетъ быть графиня имѣетъ причину тайтъ это.

Г р а ф ъ (*въ сторону*). Что это значитъ? (*Вслухъ*). Говори смѣло, Дашенька! Увѣрю тебя, что объ этомъ никто не узнаетъ.

Д а ш а. Вѣдь наследница всего графинина имѣнія княгиня.

Г р а ф ъ. Ты шутишь, Дашенька!

Д а ш а. Точно, сударь; барышня воспитывалась у графини, вотъ почему всѣ и думаютъ, что она ея наследница; а, напротивъ, графиня хочетъ непременно, чтобъ все

имѣніе осталось въ ея родѣ, и для того укрѣпила его княгинѣ, дочери родного ея брата, а не вашей невѣстѣ, которая ей племянница по покойницѣ ея сестрицѣ.

Графъ (*съ стороны*). Что я слышу! Такъ поэтъ и правѣ; чуть-чуть не попался я въ дураки.

Да ша (*съ стороны*). Задумался. (*Вслушъ*). Я увѣрена, что это васъ нисколько не огорчаетъ, графъ, — вы женитесь на моей барышнѣ не для имѣнія.

Графъ. Конечно, миленькая! (*Въ сторону*). Какъ-то будетъ мнѣ теперь выпутываться.

Да ша. Вотъ и княгиня!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и княгиня.

Графъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я дожидался васъ, сударыня.

Княгиня. Меня задержала графиня; она ищетъ по всему саду князя и Софью. Мнѣ кажется, графъ, что тетюшка намѣрена сдѣлать нынче вашъ сговоръ.

Графъ. Право!

Княгиня. Я думаю, это должно быть для васъ очень пріятно.

Графъ. Конечно! Но позвольте вамъ сказать откровенно, княгиня, я не хотѣлъ бы слишкомъ спѣшить своею свадьбою.

Княгиня. Какъ, сударь! Давно-ли вы показывали такое нетерпѣніе?

Графъ. Это правда, сударыня. Мнѣ такъ уже накучилось быть женихомъ, что хотѣлъ все кончить; но теперь, обдумавши хорошенько, вижу, что эта поспѣшность совершенно не у мѣста.

Княгиня. Давно-ли стали вы обдумывать то, что дѣлаете?

Графъ. Мнѣ надобно прежде аранжировать свои дѣла; привести въ порядокъ мое имѣніе. Послушайте, княгиня, неужели вы думаете, что я женюсь на Софьѣ, не зная, что она не богата; я знаю, точно знаю, что она будетъ имѣть одно только весьма умѣренное приданое.

Княгиня. Какъ, графъ! Съ чего вы взяли это? Я увѣрена, что тетушка отдаетъ ей все свое имѣнiе. Вы ошибаетесь.

Графъ. Ожидаль ли я, сударыня, что Дашенька будетъ со мною откровеннѣе, чѣмъ вы.

Княгиня. Что это значить? (*съ сердитымъ видомъ*). Дашенька?

Даша. Я, сударыня... я... Графъ, не стыдно-ли вамъ? Я право... только говорила... только сказала...

Княгиня. Кончишь-ли ты...

Даша. Виновата, сударыня!... Я не думала... чтобъ мужчины были такъ-же болтливы, какъ...

Княгиня. Женщины; благодарствуй.

Графъ. Божусь, княгиня, она только подтвердила мнѣ то, что я уже давно зналъ.

Даша. Извольте слышать, сударыня, графъ самъ давно ужъ зналъ.

Княгиня. Но ты какъ смѣла.

Даша. Проклятый языкъ!... Ахъ! я проболталась; ради Бога, не говорите ничего графинѣ... Да попросите, сударь, за меня...

Графъ (*въ сторону*). Теперь нѣтъ сомнѣнiя! (*Громко*). Я васъ прошу, не погубите эту малютку.

Княгиня. А я васъ прошу вѣрить не ей, а мнѣ...

Графъ. О! я готовъ вѣрить всему, что вы прикажете.

Княгиня. Нѣтъ! нѣтъ! Я вижу по вашей хитрой улыбкѣ, что вы сомнѣваетесь.

Графъ. Но чѣмъ могу я доказать вамъ...

Даша. Чѣмъ нибудь, сударь, да только поскорѣе; у меня такъ сердце и бьется, — чтобъ не пришла графиня.

Графъ (*въ сторону*). Прекрасная мысль, однимъ камнемъ два удара! (*Громко*). Извольте, княгиня, я вамъ это докажу: вы знаете мои правила...

Княгиня. Знаю, сударь.

Графъ. И такъ, какъ благородный человекъ, я не могъ-бы отказаться отъ Софьи, когда-бъ она была точно бѣдна; не правда-ли?

Княгиня. Правда.

Графъ. А я, княгиня, если это вамъ угодно, отъ нея отказываюсь. Вы видите теперь, кому я вѣрю.

Княгиня. Вижу!

Даша (*въ сторону*). И я также!

Графъ. Но будетъ-ли это вамъ пріятно, княгиня?

Княгиня. Мы, кажется, давеча объ этомъ уже говорили.

Графъ. Однакожь мнѣ все-таки совѣстно; эта бѣдняжка въ меня такъ влюблена...

Даша. Какъ, сударь?... Проклятый языкъ! опять было проговорила.

Графъ. Что такое!

Даша (*глядя на княгиню*). Ничего, сударь!...

Графъ. Прошу васъ, княгиня! скажите! скажите!

Княгиня. Самая удивительная странность; я не могу безъ смѣха вздумать: моя кузина влюблена въ Изборскаго.

Графъ. Въ Изборскаго! Вы шутите! Въ Изборскаго! Прекрасный вкусъ!

Княгиня. И онъ почти два года украдкой по ней вздыхаетъ, не забавно-ли это?

Графъ. Ха, ха, ха!

Княгиня. Предпочитать вамъ Изборскаго...

Графъ. Ха, ха, ха! Таить два года!

Княгиня. И не говорить ни слова!

Графъ. Уморительно, ха, ха, ха! Послушайте, княгиня, кончимъ-те этотъ жалкій романъ, — женимте ихъ!

Княгиня. Женимте!

Даша. Жените!

Графъ. Какъ это будетъ забавно, ха, ха, ха!

Княгиня. Забавно! Ха, ха, ха.

Даша. Очень забавно! Ха, ха, ха!

Княгиня. Даша, позови Изборскаго.

Даша (*въ сторону*). Попался голубчикъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Т в - ж е, к р о м ь Д а ш и.

Графъ. Вы спѣшите воскресить новаго Вертера; какъ вы жалостливы, княгиня.

Княгиня. Не должно терять времени, когда дѣлаютъ доброе дѣло.

Графъ. А когда ихъ можно сдѣлать два вдругъ, то надобно еще больше спѣшить, — не правда ли, княгиня?

Княгиня. Конечно!

Графъ. И такъ, вы согласитесь?...

Княгиня. На что, сударь?

Графъ. Сдѣлать счастье человѣка, который ничѣмъ не походитъ на Изборскаго.

Княгиня. Да увѣрены-ли вы, что я могу сдѣлать счастье такого человѣка?

Графъ. Вы одни, или никто — вы знаете меня, княгиня.

Княгиня. Да вы еще не очень меня знаете.

Графъ. Я, сударыня!...

Княгиня. Вы, графъ, вы!... Думаете ли, что женщины всегда бываютъ тѣми же въ своей семьѣ, какими кажутся въ обществахъ. Ахъ, сколько есть женъ, которыя, восхищая цѣлый свѣтъ, мучать безъ милости своихъ мужей.

Графъ. Но вы умны, чувствительны, любезны...

Княгиня. Но я жива, вспыльчива, вѣтрена, и—признаюсь,—люблю нравиться.

Графъ. Какая восхитительная разнообразность; мужъ долженъ будетъ васъ обожать, боготворить!...

Княгиня. Я была ужъ замужемъ, графъ, и боюсь всѣхъ безконечныхъ привязанностей. Ревность!...

Графъ. Ревность! За кого вы меня принимаете, княгиня? Развѣ я кажусь вамъ какимъ-нибудь Изборскимъ, который того и гляди, что залюбитъ и заревнуеть до смерти свою жену. Нѣтъ, я буду умѣть почитать васъ и себя, и не дать себѣ ридикюль—быть несноснымъ ревнивцемъ.

Княгиня. Но можно ли любить и не ревновать? Я, сударь, сама очень ревнива.

Графъ. А я, сударыня, найду средство излѣчить васъ отъ этой болѣзни: никогда васъ не оставлю, буду всегда у ногъ вашихъ.

Княгиня. Ахъ! вы меня пугаете.

Графъ. Чѣмъ, сударыня?

Княгиня. Всегда у ногъ моихъ! Это сдѣлается для меня такъ обыкновеннымъ, такъ однообразнымъ, что наше безконечное супружество мнѣ наскучить.

Графъ. Мы будемъ тогда видѣться рѣже, княгиня.

Княгиня. Рѣже, сударь! Вотъ каковы мужчины! Еще вы не женились, а хотите уже видѣться рѣже!...

Графъ. Но, княгиня, я думалъ...

Княгиня. Вы думали! Что, сударь?

Графъ. Мнѣ казалось, что вамъ это угодно... (*Въ сторону*). Какая женщина!

Княгиня. Я вижу, графъ, что мой нравъ, моя искренность вамъ не нравятся.

Графъ. Мнѣ не нравятся, княгиня! Можно ли имѣть нравъ лучше вашего. Я прошу васъ быть только всегда такъ-же искренней.

Княгиня. Повѣрьте, я никогда не переимѣнюсь, и если мужъ мнѣ наскучитъ, то скажу ему дружески: ахъ, mon cher! ты мнѣ очень надоѣлъ. Графъ, какъ вы думаете, что онъ будетъ отвѣчать?...

Графъ (*въ сторону*). Это ужъ ни на что не похоже! (*Громко*). Но, княгиня, есть мужья, которымъ вы вѣрно этого не скажете.

Княгиня. Нѣтъ, право, скажу!

Графъ. Въ такомъ случаѣ, въ ожиданіи лучшей погоды, мужъ возьметъ себѣ особую половину...

Княгиня. И, живя въ одномъ домѣ съ своей женою, станеть съ нею переписываться; не правда ли, что это будетъ прелестно?

Графъ. Восхитительно! (*Въ сторону*) Она полусума-спешная, но наслѣдница.

Княгиня (*въ сторону*). Его никакъ не отобьешь отъ тетушкина имѣнья.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ-же, Изборскій и Даша.

Княгиня. Изборскій, подите сюда. Благодарите великодушнаго пріятеля вашего, онъ уступаетъ вамъ Софью.

Изборскій. Какъ, сударыня! Что вы говорите? Графъ...

Графъ. Да, мой другъ! Княгиня сказала мнѣ, что ты любишь мою невѣсту, и что она также чувствуетъ къ тебѣ склонность...

Изборскій. Княгиня! долженъ ли я этому вѣрить?

Княгиня. Вы услышите это отъ нея самой.

Изборскій. Какое благополучіе! Графы! такой благородный, великодушный поступокъ...

Графъ. О, не благодари меня, mon cher, это очень

натурально: ты обожаешь Софью, она любить тебя; какой бы благородный человекъ поступилъ иначе на моемъ мѣстѣ.

Изборскій. Но, можетъ быть, графиня не согласится сдѣлать меня благополучнымъ.

Княгиня. Она уважаетъ васъ, и если графъ отказывается добровольно отъ руки Софьи, то она вѣрно не захочетъ противиться ея желанію.

Изборскій. Но, графъ, такое великодушіе удивительно.

Графъ. Ты обижаешь меня, Изборскій. Ты долженъ былъ всего ожидать отъ своего друга, и еслибъ онъ зналъ прежде все то, что знаетъ теперь, то никогда не былъ бы твоимъ соперникомъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, графиня, князь и Софья.

Графиня. Князь, пожалуйста сюда. (*Беретъ за руку Софью и подводитъ къ графу*). Любезный графъ, примите, наконецъ, награду за ваше постоянство.

Софья. Тетюшка!

Графъ. Графиня! чувства мои все тѣ-же, но обстоятельства перемѣнились. Священный долгъ службы заставляетъ меня отказаться отъ руки Софьи.

Графиня. Что это значить?

Князь. Племянникъ! что ты дѣлаешь?

Графъ. Да, дядюшка! Я узналъ, что Изборскій любить Софью, что она также къ нему неравнодушна, и для того, какъ другъ его, какъ благородный человекъ, отказываюсь отъ всѣхъ правъ своихъ.

Графиня. Отказываетесь! Прошу покорно, онъ отказывается, самъ отказывается отъ моей Сонюшки! И вы, сударь, могли, и вы, сударь, осмѣлились! Нѣтъ, нѣтъ, я этому не вѣрю! Не могу вѣрить. Такая дерзость, такая наглость нигдѣ не видана.

Князь. Племянникъ! Это, въ самомъ дѣлѣ, ни на что не похоже. Такого глупаго великодушія не найдешь и въ романахъ.

Изборскій. Сударыня! будьте такъ же великодушны, какъ графъ.

Графъ. Повѣрьте, графиня, что я самъ душевно со- жалѣю.

Графиня. Ахъ, Боже мой! онъ еще жалѣетъ. Да не думаете ли вы, сударь, что мы все умремъ съ горя отъ того, что вамъ не угодно жениться на моей племянницѣ; вы сейчасъ увидите, какъ много я объ этомъ думаю. Сонюшка! хочешь ли ты выйти за Изборскаго?

Софья. Я увѣрена, тетушка, что буду съ нимъ сча- стливѣе, чѣмъ съ графомъ.

Графиня (*подводя ее къ Изборскому*). Изборскій, возь- мите ее, она ваша.

Изборскій (*цѣлуя руку Софьи*). Сударыня! Какъ я счастливъ!

Графиня. Ваша свадьба будетъ черезъ недѣлю, а се- годня же укрѣплю я Софью все свое имѣніе.

Графъ. Все имѣніе! Княгиня! что это значить?

Княгиня. Ничего.

Эрастовъ (*вбѣгая*). Я поспѣлъ къ развязкѣ!

Графъ. Я обманутъ ужаснымъ образомъ!

Княгиня. Что нужды, графъ, что я не богата. Взаим- ная любовь наша, сходство характеровъ, — вотъ одно, что можетъ сдѣлать насъ счастливыми.

Графъ. Конечно, сударыня, вашъ характеръ, ваша любовь, моя привязанность. (*Въ сторону*). Я, право, не знаю, что сказать.

Княгиня. Успокойтесь, графъ, я не заставлю васъ на- сильно на мнѣ жениться. Это была только шутка—неболь- шое испытаніе.

Графиня. Что это все значить?

Князь. Какое-нибудь новое дурачество моего племян- ника.

Княгиня. Ничего, тетушка! Графу показалось, что вы не отдаете Софью вашего имѣнія, и онъ изъ великоду- шія уступаетъ свою невѣсту Изборскому.

Графиня. Теперь я не удивляюсь.

Графъ. Прекрасно, княгиня, прекрасно! Я теперь ви- жу, отчего кокетка вчерашней комедіи вамъ не понравилась.

Княгиня. И, графъ! еслибъ всѣ женщины употребля- ли кокетство только для того, чтобъ давать уроки подоб- нымъ вамъ, то ихъ, вѣрно, не стали бы за это выводить на сцену.

Графъ. Это правда, сударыня, вы заставили меня играть довольно забавную роль. (*Графиня*) Графиня, желая поберечь вашу репутацію, оставляю навсегда домъ вашъ.

Графиня. Какая наглость! И вы еще можете, сударь...

Графъ (*Изборскому*). Изборскій, будь добрымъ мужемъ и попроси княгиню, чтобъ она усовершенствовала твою супругу. Прощайте, княгиня, я спѣшу обскакать своихъ знакомыхъ и стану всѣмъ рассказывать о сегодняшнемъ приключеніи.

Княгиня. Не думаю.

Графъ. Слуга покорный! Поѣдьте, дядюшка!

Князь. Я, право, не могу понять...

Графъ. Поѣдьте! Вы поймете это въ каретѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ-ЖЕ, КРОМЪ КНЯЗЯ И ГРАФА.

Княгиня (*Эрастову*). Ну, сударь, что ваша піеса!

Эрастовъ. Планъ уже готовъ.

Княгиня. А развязка?

Эрастовъ. Самая натуральная! Осмѣянный повѣса уходитъ, степенный молодой человѣкъ женится на своей любезной. Зрители, если хотятъ, аплодируютъ, и актеры раскланиваются.

К О Н Е Ц Ъ .

Г-нъ БОГАТОНОВЪ

ИЛИ

ПРОВИНЦІАЛЪ ВЪ СТОЛИЦѢ

КОМЕДІА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІАХЪ

Представлена въ первыйъ разъ въ С.Петербургскомъ Маломъ театрѣ Юня
27 дня 1817 года.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГОСПОДИНУ

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ

И

КАВАЛЕРУ

КНЯЗЮ ИВАНУ МИХАЙЛОВИЧУ

ДОЛГОРУКОМУ,

ВЪ ЗНАЕЪ ИСКРЕННЯГО ПОЧТЕНІЯ И ДУШЕВНОЙ ПРЕДАННОСТИ

усерднѣйше посвящаетъ

Сочинитель.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Г-нъ Богатовъ, недавно прѣхавшій въ столицу	<i>Г. Бобровъ.</i>
Г-жа Богатова, жена его	<i>Г-жа Рахманова.</i>
Лиза, племянница г-на Богатова	<i>Г-жа Сосницкая.</i>
Князь Блесткинъ, женихъ Лизы	<i>Г. Сосницкій.</i>
Баронесса Вольмаръ, вдова	<i>Г-жа Вальберхова.</i>
Графъ Владимировъ, влюбленный въ Лизу	<i>Г. Бряскій.</i>
Мирславскій, пріятель г-на Богатова и графа	<i>Г. Каменюорскій.</i>
Климъ Кондратьичъ, дворецкій г-на Богатова	<i>Г. Пономаревъ.</i>
Анюта, горничная Лизы	<i>Г-жа Асенкова.</i>
Филутони, иностранецъ	<i>Г. Жебелевъ.</i>
Модная торговка	<i>Г-жа Пискунова.</i>
Человѣкъ г-на Богатова	<i>Г. Савиновъ.</i>
Полицейскій чиновникъ	<i>Г. Виноградовъ.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ г-на Богатова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Общая комната въ домъ Богатонова; нѣсколько креселъ, диванъ и вольтеровскія кресла.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Л и з а, а потомъ А н ю т а.

Л и з а (*держа въ рукахъ книгу*) Какая скука! Книга падаетъ изъ рукъ! Аннушка!...

А н ю т а (*входитъ*). Что прикажете, сударыня?

Л и з а. Аннушка! А! ты здѣсь.

А н ю т а. Что вамъ угодно?

Л и з а. Мнѣ? Ничего.

А н ю т а. Вы изволили меня спрашивать.

Л и з а. Я? Неужели?

А н ю т а. Да, сударыня, вы что-то хотѣли мнѣ сказать.

Л и з а. Быть можетъ.

А н ю т а. Что-же вамъ угодно?

Л и з а. Ничего. Мнѣ очень скучно.

А н ю т а. Не прикажете-ли принести вамъ книжку?

Л и з а. Нѣтъ, я не хочу читать.

А н ю т а. Вы нынѣ не играли на фортепіанахъ.

Л и з а. Они такъ разстроены!

А н ю т а. Вы что-то сегодня очень разсѣяны, сударыня. Ужъ не оттого-ли, что цѣлые два дня не видали князя Блесткина?

Л и з а. Сдѣлай милость, не говори мнѣ ничего объ этомъ несносномъ человѣкѣ.

А н ю т а. Однакожь, сударыня, князь вашъ женихъ.

Л и з а. Но еще не мужъ.

А н ю т а. Дядюшка вашъ его любитъ.

Л и з а. Какая мнѣ до этого нужда.

А н ю т а. Тетушка ваша отъ него безъ памяти.

Л и з а. Тѣмъ хуже для нея.

А н ю т а. Дядюшка вашъ хочетъ, чтобъ вы вышли за него замужъ.

Л и з а. Можетъ быть; но я не хочу.

А н ю т а. Онъ о томъ только и думаетъ.

Л и з а. Да я объ этомъ совсѣмъ не думаю.

А н ю т а. Дядюшка вашъ...

Л и з а (*прерывая съ досадою*). Дядюшка вашъ, дядюшка вашъ, дядюшка вашъ! Перестань, ты мнѣ наскучила. Я сказала уже ему, что не намѣрена выходить ни за кого замужъ.

А н ю т а. Ни за кого! Полно, правда-ли, сударыня! Ну, если-бы, напримѣръ, вмѣсто князя былъ женихомъ вашимъ графъ Владимировъ?

Л и з а. Владимировъ! Ахъ, Аннушка! гдѣ онъ? Здоровъ-ли? Помнить-ли обо мнѣ?

А н ю т а (*передразнивая*). Ахъ, Аннушка! гдѣ онъ? Помнить-ли обо мнѣ? Ну, сударыня, вы не хотите ни за кого выходить замужъ.

Л и з а. Ни за кого, кромѣ Владимирова! А такъ какъ онъ не можетъ быть моимъ мужемъ...

А н ю т а. А почему-же нѣтъ, сударыня?

Л и з а. Тетушка и дядюшка не согласятся никакъ на то.

А н ю т а. Г. Мирославскій писалъ къ вашему дядюшкѣ, что будетъ сюда; онъ большой пріятель графу, и если согласится помогать намъ, то...

Л и з а. Изъ этого ничего не выйдетъ.

А н ю т а. Почему знать! Блесткинъ князь, да и графъ Владимировъ не простой дворянинъ; а вѣдь дядюшка того только и добивается, чтобъ называть васъ, при людяхъ, ваше сіятельство.

Л и з а. Полно, Аннушка, посмотри лучше, къ намъ кто-то пріѣхалъ. Если это Блесткинъ, то я уйду въ свою комнату.

А н ю т а (*смотритъ въ окно*). Это кто-то въ дорожномъ

экипажѣ. Кажется, какъ будто... Такъ точно! это г. Мирославскій!

Лиза. Неужели?

Анюта. Точно! Да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ И МИРОСЛАВСКІЙ.

Мирославскій (*цѣлуя руку у Лизы*). Здравствуйте, сударыня! Какъ поживаешь, Аннушка?

Лиза. Мы никакъ не ожидали такъ скоро васъ видѣть.

Мирославскій. Я и самъ не надѣялся: дороги такія дурныя; и еслибъ я ѣхалъ одинъ, то вѣрно дня два не былъ бы еще въ Петербургѣ.

Лиза. Кто-же ѣхалъ вмѣстѣ съ вами?

Мирославскій. Пріятель мой, графъ.

Анюта. Владимировъ?...

Мирославскій. Точно такъ.

Лиза. Ахъ, Боже мой! неужели?

Мирославскій. Что-же вы такъ испугались, сударыня?

Лиза. Я-съ? Я, право, не знаю! Я...

Мирославскій. Вы, кажется, принимаете въ немъ особенное участіе?

Лиза. Вы знаете, сударь, графъ ѣздилъ къ покойной моей матушкѣ.

Анюта. Полноте, сударыня, къ чему тутъ скромничать; я думаю, г. Мирославскій и безъ васъ кой-что ужъ знаетъ.

Мирославскій. Пріятель мой откровеннѣе васъ: я знаю, вы любите другъ друга. Графъ рассказывалъ мнѣ все, только такъ, какъ рассказываютъ влюбленные; а я желалъ бы лучше знать всѣ обстоятельства, чтобъ найти вѣрнѣе способъ составить благополучіе моего друга.

Лиза. Ахъ!

Мирославскій. Что значить этотъ вздохъ?

Анюта. Это значить, что вы немного поопоздали пріѣхать.

Мирославскій. Какъ! неужели?

Анюта. Не пугайтесь, барышня еще не замужем; ее хотят только выдать замужъ.

Мирославскій. Кто-же этотъ счастливый смертный?

Анюта. Пойдите. Вы хотѣли знать всѣ обстоятельства; я расскажу вамъ все по порядку. Когда матушка барышни моей была еще жива и жила здѣсь въ Петербургѣ, познакомилась съ нею графъ Владимировъ; онъ сталъ часто ѣздить, влюбился въ барышню, барышня въ него, и дѣло пошло было своимъ порядкомъ; какъ вдругъ графу досталось наслѣдство въ Рязанской губерніи. Онъ уѣхалъ, и мы цѣлые пять мѣсяцевъ не получали о немъ никакого извѣстія.

Мирославскій. Онъ былъ отчаянно боленъ.

Лиза. Я это ужъ знаю.

Анюта. Между тѣмъ скончалась барыня, и мы отправились жить въ деревню къ брату ея, г-ну Богатонову. Вы знаете: не успѣли мы тамъ пообжиться, какъ дядюшкѣ разсудилось бросить свои фабрики и отправиться на житье въ Петербургъ. Мы пріѣхали сюда опять; дядюшка и тетушка открыли пышный домъ; начали сыпать деньгами; завели дружбу съ знатными...

Мирославскій. И вѣрно безъ дальняго труда: они какъ-то охотно знакомятся съ богатыми провинциалами и отменно бываютъ ласковы...

Анюта. Когда имъ нужно занимать деньги. Чаше всѣхъ ѣздилъ къ намъ князь Блесткинъ...

Мирославскій. Князь Блесткинъ! И онъ-то вѣрно соперникъ графа!

Анюта. Вы отгадали.

Мирославскій. Князь Блесткинъ; мнѣ что-то знакома эта фамилія... А, теперь я вспомнилъ: у него были богатые деревни въ нашей губерніи.

Лиза. Онъ продалъ ихъ для того, чтобъ прожить два года въ Парижѣ.

Мирославскій. Точно такъ, это онъ. И васъ хотѣть выдать за этого вертопраха? О, не надобно терять времени! Я постараюсь показать дядюшкѣ и тетушкѣ въ настоящемъ видѣ ихъ Блесткина, а между тѣмъ нынѣшнимъ же утромъ привезу сюда графа.

Лиза. Нынѣшнимъ утромъ! Какъ вы любезны, г. Мирославскій!

Мирославскій. Я только что догадливъ, сударыня. (Къ Анютѣ). Смотри, милая, ты также должна помогать

мнѣ. На первый случай не худо бы было поссорить Блесткина съ тетушкой: ты женщина, такъ это твое дѣло.

А н ю т а (*Лизь*). Благодарите, сударыня.

Л и з а. Вотъ и дядюшка!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Т в - ж е и Б о г а т о н о в ъ.

Г. Богатовъ (*оборотясь къ кулисамъ*). Слышишь-ли? Узнай о здоровьѣ графа; да мимоходомъ заверни къ барону. Племянница!... (*Увидя Мирославскаго*). Ба, ба, ба, дружище, ужь здѣсь! По добру-ли по здорову? (*Обнимаетъ его*).

М и р о с л а в с к і й. Слава Богу! Я только часа съ два, какъ прѣхаль. Ну, любезный сосѣдушка, скажи-ка мнѣ, какъ поживаешь?

Г. Богатовъ. Да такъ, благодаря Бога, мы живемъ не хуже людей. Да что это братъ на тебѣ? (*Осматриваетъ его кругомъ*).

М и р о с л а в с к і й. Какъ, что? платье.

Г. Богатовъ. Ужь подлинно, что платьице! Что за кафтанъ! Какой покрой! Ха, ха, ха! Какой это портной вадумалъ нарядить тебя такимъ уродомъ?

М и р о с л а в с к і й. Тотъ-же самый, который шилъ на тебя въ прошломъ году.

Г. Богатовъ. И ты ѣхалъ въ немъ по городу, и на тебя пальцами не указывали?

М и р о с л а в с к і й. Полно, братецъ, кому какая нужда до моего кафтана; поговоримъ-ка лучше о дѣлѣ. Ты, уѣзжая, препоручилъ мнѣ фабрику свою...

Г. Богатовъ. Воля твоя, братецъ, а на тебя смотрѣть умора! Ко мнѣ весь городъ ѣздитъ; неравно увидятъ тебя въ этомъ нарядѣ...

М и р о с л а в с к і й. Фабрика твоя...

Г. Богатовъ. Я рекомендую тебѣ моего портного; мастеръ, собака! Правда, за работу беретъ онъ не дешево, и сукно-то иногда ставить дурное; но за то ужь одѣнетъ тебя, какъ куколку.

М и р о с л а в с к і й. Хорошо, хорошо! Фабрика твоя...

Г. Богатовъ. И, братецъ, полно объ этомъ толковать; мы наговоримся еще о дѣлѣ! Да я было и забылъ. Племянница! жена зоветъ тебя къ себѣ. Мадамъ Трише прислала къ ней съ три пропаста всякой всячины; поди-ка, авось ли и тебѣ что приглянется (*Лиза и Анюта уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Г. Богатовъ и Мирославскій.

Г. Богатовъ. Ну, мой милый, какъ я радъ, что ты сюда прѣехалъ; у меня здѣсь такое большое знакомство, и все съ знатными.

Мирославскій. Поздравляю.

Г. Богатовъ. Да, да, все съ знатными: графы, да князья, баронессы, да превосходительныя...

Мирославскій. Прошу покорно! Да этакъ ты съ нашимъ братомъ простымъ дворяниномъ и знаться не захочешь.

Г. Богатовъ. Полно, братецъ! Мы старые знакомые, сосѣди,—такъ что тутъ за счеты.

Мирославскій (*съ усмѣшкою*). Въ самомъ дѣлѣ! Однакожь, не показалось бы странно твоимъ графамъ и князьямъ, что простой дворянинъ смѣетъ мѣшаться въ ихъ компаню.

Г. Богатовъ. Ничего, ничего! Мы это дѣло сладимъ: я рекомендую тебя, какъ моего пріятеля.

Мирославскій. Нельзя ли уволить. На что я имъ? Праздниковъ давать я не могу, кланяться не люблю, придакивать не охотникъ...

Г. Богатовъ. Экій ты, братецъ! Да зачѣмъ тебѣ кланяться? Вы деревенскіе думаете, что къ знатымъ-то и приступу нѣтъ; вздоръ. Я съ вами со всѣми за панибрата; вотъ напримѣръ: «Здравствуйте, батюшка графъ, ваше сіятельство!» Здравствуйте, любезный господинъ Богатовъ! А кто-же это говорить? Его сіятельство графъ Недочетовъ.

Мирославскій. А скажи-ка правду: не случилось-ли его графскому сіятельству занимать у тебя денегъ?

Г. Богатовъ. Ну что, братецъ, бездѣлицу: всего-

то перебралъ онъ у меня тысячь десять. Да эти деньги не пропадашя: онъ человекъ богатый, и только я зайкнись, то онъ, пожалуй, и мнѣ дастъ въ займы.

Мирославскій. Право! Зачѣмъ же онъ занималъ у тебя?

Г. Богатовъ. Да такъ, все какъ-то случилось: то книжку оставить дома; то проиграетъ больше, чѣмъ взялъ съ собою; а мнѣ прислать-то послѣ какъ-нибудь забыть.

Мирославскій. И конечно: до того ли знатному человекъ, чтобъ помнить о такой мелочи.

Г. Богатовъ. Вотъ какъ поразказать тебѣ еще про пріятеля моего барона Радугина: что за человекъ! Да этакихъ людей и при дворѣ на рѣдкость.

Мирославскій. Не забываетъ-ли и онъ дома своей книжки?

Г. Богатовъ. Нѣтъ, мой милый, этому я самъ рублей пятьсотъ долженъ.

Мирославскій. Это какимъ образомъ?

Г. Богатовъ. Мы съ нимъ бьемся по два рублика въ пикетъ; и повѣришь-ли, какое ему счастье? Платить не успѣваю.

Мирославскій. Какъ не повѣрить!

Г. Богатовъ. Вообрази, мой милый, какой баронъ добрый человекъ; я играю плохо; а онъ не только не скучаетъ, но изъ снисхожденія играетъ иногда со мною часа по четыре сряду.

Мирославскій. И только по два рубля? Подлинно этотъ баронъ очень тебя любить.

Г. Богатовъ. А за что бы кажется? А любить, точно любить; но все-таки не такъ, какъ мой милый князь Блесткинъ. Вотъ братъ, ужъ пріятель: жить безъ меня не можетъ.

Мирославскій. Про этого-то я кой-что ужъ знаю.

Г. Богатовъ. Вѣрно тебѣ Лизанька сказала. Мы прочимъ ее за князя; да она что-то не изъ короба, ни въ коробъ: «я, дескать, не расположена идти замужъ, хочъ въ двѣкѣхъ остаться». Да полно, у нихъ ужъ у всѣхъ такой обычай: толку не добьешься.

Мирославскій. Да знаешь-ли ты хорошенько этого князя?

Г. Богатовъ. Какъ себя. Такой честной души поискать; а ученъ-то, воспитанъ!...

Мирославскій. То есть: мастеръ танцовать, шаркать ногами, говорить по французски...

Г. Богатовъ. Что и говорить! Повѣришь ли: я отдалъ бы половину своего имѣнія, чтобъ знать все то, что онъ знаетъ. Ну, да погоди, время еще не ушло, была бы только охота...

Мирославскій. Ужь не хочешь-ли приняться за указку?

Г. Богатовъ. А почему бы и не такъ; вѣкъ живи, вѣкъ учись. Я уже подговорилъ себѣ французскаго учителя.

Мирославскій. Ты хочешь учиться по-французски?

Г. Богатовъ. Да, мой милый. Меня всякій разъ въ краску бросить, какъ подумаю, что я и здравствуй не знаю сказать по французски; стыдъ да и только!

Мирославскій (*съ стороны*). Онъ повредился.

Г. Богатовъ. Вообрази, мой другъ, каково мнѣ, когда бываю въ Лѣтнемъ саду или на бульварѣ: рта открытъ не смѣю. Здѣсь такой ужъ городъ: заговори только по-русски, такъ тебя разомъ за подлаго и примуть.

Мирославскій. Чѣмъ больше я тебя слушаю, тѣмъ болѣе удивляюсь: ты совсѣмъ перемѣнился!

Богатовъ (*съ радостью*). Право! а я еще и году здѣсь не живу; погоди-ка еще годика два, такъ меня никто и узнавать не будетъ.

Мирославскій. Да я и теперь тебя не узнаю.

Г. Богатовъ. Не правда-ли, что я непохожъ ужъ на вашего брата деревенскаго? Что во мнѣ есть что-то такое... что-то такое, какъ-бы тебѣ сказать... что-то барское, знатное!

Мирославскій. Въ самомъ дѣлѣ! Однакожь, знаешь-ли что?

Г. Богатовъ. Что такое?

Мирославскій. Прежде, какъ ты былъ простымъ дворяниномъ, судилъ ты какъ человѣкъ умный, а теперь...

Г. Богатовъ. А теперь сужу какъ человѣкъ знатный? Это, братъ, кажется, будетъ немного получше...

Мирославскій. Не смѣть говорить по-русски!...

Г. Богатовъ. Да что вы въ вашей глуши знаете по-русски, по-русски! А, сказать правду, что толку-то въ русскомъ языкѣ: всякій мужикъ говорить по-русски; по-настоящему, намъ-бы и знать-то его не надобно.

Мирославскій. Я удивляюсь твоимъ успѣхамъ: ты начинаешь ужь говорить какъ человѣкъ, который получилъ самое модное воспитаніе.

Г. Богатовъ. Насилу замѣтилъ! Вотъ видишь ли, что значитъ жить въ большомъ свѣтѣ; а давно ли я прѣвѣхалъ сюда дуракъ-дуракомъ.

Мирославскій. А теперъ сталъ какимъ умницей!

Г. Богатовъ. И всѣмъ этимъ обязанъ я милому моему князю. Да что и говорить: родной братъ не сталъ бы такъ стараться сдѣлать меня путнымъ человѣкомъ, какъ этотъ любезный Блесткинъ.

Мирославскій. И, такъ у васъ рѣшено: онъ будетъ мужемъ Лизы.

Г. Богатовъ. Непремѣнно.

Мирославскій. А если бы, напримѣръ, сыскался женихъ повыгоднѣе?

Г. Богатовъ. Повыгоднѣе! Да будь онъ хоть заморскій принцъ, такъ не видать ему племянницы. Еслибъ ты все зналъ, чѣмъ я обязанъ князю...

Мирославскій. Ужъ не самъ-ли учить онъ тебя по французски?

Г. Богатовъ. Нѣтъ, не то. Ну, да что объ этомъ говорить; это статья особъ.

Мирославскій. Полно, братъ; что за секреты съ стариннымъ пріятелемъ.

Г. Богатовъ. Такъ-съ, ничего! люди мы деревенскіе, простые, гдѣ влюбиться въ насъ какой-нибудь петербургской красавицѣ.

Мирославскій. Что это значить?

Г. Богатовъ. Ничего, бездѣлица! Мы успѣли уже вскружить голову одной баронессѣ!

Мирославскій. Одной баронессѣ!

Г. Богатовъ. Да, да! баронессѣ Вольмаръ, молодой вдовушкѣ, близкой родственницѣ князя.

Мирославскій (*въ сторону*). Хороша-же, видно, эта баронесса!

Г. Богатовъ. Что, милый, ты удивляешься?

Мирославскій. Какъ не удивляться: кружить головы въ твои лѣта.

Г. Богатовъ. Въ мои лѣта! Да что мои за лѣта? Прямой ты деревенщина! Кто здѣсь говоритъ о лѣтахъ; здѣсь всѣ молоды. Попытайся-ка спросить у какой-нибудь

вдовушки, который ей годъ, такъ она тебя такъ отбоярить, что ты и мѣста не найдешь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же и Климъ Кондратьичъ.

Мирославскій. А! Климъ Кондратьичъ! и ты здѣсь?
(Климъ кланяется).

Г. Богатовъ. Какъ же, я взялъ его съ собою. На фабрику былъ онъ у меня конторщикомъ, а здѣсь управляетъ должность—тово, бишь... какъ онъ?...

Мирославскій. Дворецкаго?

Г. Богатовъ. И, нѣтъ, братецъ; а вотъ эти... Проваль бы ихъ взялъ—Метри... метро...

Мирославскій. Метръ-д'отель?

Г. Богатовъ. Да, да, метрадотеля, метрадотеля!
Ну, что скажешь, Кондратьичъ?

Климъ. Мусье Филутони дожидается въ передней.

Мирославскій. Филутони! Что это за человѣкъ?

Г. Богатовъ. Не человѣкъ, а сокровище! Вотъ у него-то, подлинно, чего хочешь, того просишь; все сыщеть, все сдѣлаетъ, скажи только слово.

Мирославскій. Да не жалѣй денегъ.

Г. Богатовъ. Нѣтъ, братъ, не такой человѣкъ; все вѣрить въ кредитъ; я ему тысячь около трехъ долженъ. Жена его держитъ трактиръ, а онъ промышляетъ всякой всячиной.

Климъ. Онъ пришелъ съ какимъ-то счетомъ.

Г. Богатовъ. Знаю, знаю! Я давалъ вчерась баронессѣ за городомъ праздникъ; онъ приготовлялъ столъ. Позови его.

Климъ (*отворяетъ дверь*). Мусье, ступай сюда.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же и Филутони.

Г. Богатовъ. Здорово, братъ мусье! Какъ пожи-
ваешь?

Филутони. Потиконька, милостиви косударь, поти-
конька.

Мирославскій. Я не хочу тебѣ мѣшать; да мнѣ на-
добно еще кое-куда завернуть. Прощай, мой другъ!

Г. Богатовъ. Развѣ ты у меня не обѣдаешь?

Мирославскій. Я приѣду и привезу къ тебѣ одного
человѣка, который очень хочетъ съ тобою познакомиться.

Г. Богатовъ. Вѣрно кто-нибудь изъ нашихъ де-
венскихъ?

Мирославскій. Да! Человѣкъ очень добрый.

Г. Богатовъ. Не имѣть-ли онъ ко мнѣ какой на-
добности?

Мирославскій. Можетъ быть. Прощай, любезный,
до свиданья. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Богатовъ, Клима и Филутони.

Г. Богатовъ. Имѣть ко мнѣ надобность.. Что-
бы такое? А, понимаю, какой-нибудь бѣднякъ, котораго
должно опредѣлить къ мѣсту. Хорошо, хорошо! мы это
увидимъ. (*Къ Филутони*). Что новенькаго?

Филутони. Нишефо! Што, Monsieur Покатонъ, та-
кольно пила вчерашни опѣдь?

Г. Богатовъ. Очень доволенъ! Ты хватски насъ
отпотчиваль.

Филутони. Кохда снатна паринъ исфоль у насъ ку-
шантъ, ми нишефо не шалѣй! Мой привіосъ непольши
спотъ.

Г. Богатовъ. Давай сюда. (*Беретъ*). Да это никакъ
писано по-французски?

Филутони. Monsieur совсѣмъ не снай французска езыкъ?

Г. Богатовъ. Нѣтъ, не могу сказать, чтобъ со-
всѣмъ не зналъ; да я какъ-то, знаешь ты, безъ очковъ-то
плохо читаю французскую грамоту. Да что тутъ написано?

Филутони. Тшена кушанья.

Г. Богатовъ. Цѣна кушаньямъ. Читай-ка самъ,
а я послушаю.

Филутони (*читаетъ*). Первы антре: супъ а ла
тортю...

Г. Богатовъ. То-есть супъ; знаю, знаю!

Филутони. Двадцать пять рубль. Пети паше бив-
стексъ, котелеть отруфль...

Г. Богатовъ. Да, да, котлеты! Читай, читай, я
все понимаю.

Филутони. Фосемдсать пять. Соте де желинотъ,
пулардъ, фрикасе а ла модъ...

Г. Богатовъ. Сирѣчь, модное фрикасе; не
такъ-ли?

Филутони. Тошно такъ!

Г. Богатовъ. Мы таки, братъ, кой-что разу-
мѣемъ!

Филутони. Во фърси...

Г. Богатовъ. Полно читать-то; скажи-ка лучше ра-
зомъ, что весь столъ стоитъ?

Филутони. Фесъ? Сейшасъ. Фи исволилъ кушать
шесть персонъ—по пятьдесятъ рубль съ персонъ, триста
рубли.

Г. Богатовъ. Триста.

Филутони. Вина исфолилъ на сто фосемдсать три;
ликеръ на пять съ половиной рубль, тоталь: четыреста фо-
семдсать фосемъ рубль атна бульдинъ.

Г. Богатовъ. Четыреста восемьдсать восемь руб-
лей съ полтиною. (*Въ сторону*). Разбойникъ, какъ онъ
дереть! А торговаться какъ будто совѣстно,—онъ не рус-
скій.

Филутони (*подавая счетъ*). Угодна, повѣрять.

Г. Богатовъ. Чего повѣрять! вы народъ дѣльный,
итоги подвести умѣете. (*Въ сторону*). Четыреста во-
семдсать рублей съ полтиною! (*Громко*). Послушай-ка,
мусе? ..

Филутони. Шево исфолишь?

Г. Богатовъ. Что, знатные-то господа, чай, иног-
да также торгуются.

Филутони. Э, фи! Monsieur! Одна мѣшанъ проста народъ торгуй; а польши паринъ—сохрани Богъ!

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Ну, вотъ, что будешь дѣлать! Плачь себѣ, а денежки плати. Четыреста восемьдесятъ восемь рублей! Чортъ бы побралъ этихъ знатныхъ господъ, и кто завелъ такую моду! Четыреста восемьдесятъ восемь рублей!

Филутони. Monsieur, буди платить, или прикажи на спотъ поставить?

Г. Богатовъ. Нечего дѣлать; вишь ты говоришь, что знатные не торгуются, — запиши въ счетъ общаго долгу.

Филутони. Ошень корошо! Monsieur приказалъ мнѣ вшерась принесть франсуски табакъ.

Г. Богатовъ. Да, да, я было и позабылъ. Покажи-ка!

Филутони (*вынимаетъ изъ узелка, который, входя, оставилъ на стулѣ у дверей, картузъ табаку*). Фоть исфолить, сами сфѣшій.

Г. Богатовъ (*нюхаетъ*). Самый свѣжій А что фунтъ?

Филутони. Тесять рубль!

Г. Богатовъ. Десять рублей, только-то! (*Нюхаетъ*). Да что это за табакъ? дрянъ! Князь платить ва свой по двадцати рублей, а этоть десять!... Нѣтъ, братъ, возьми его назадъ. (*Отдаетъ*).

Филутони. Посфольте, Monsieur, у меня есть утифительный табакъ, только ошень торога.

Г. Богатовъ. Очень дорогъ! За кого ты меня принимаешь? Очень дорогъ! Для меня, братъ, все дешево. Давай сюда.

Филутони. Сей минуту! (*Идетъ къ углу и дѣлаетъ видъ, будто вынимаетъ другой картузъ, а между тѣмъ беретъ тотъ же самый; Климъ подходитъ и рассматриваетъ узелокъ*). Вотъ, Monsieur!

Г. Богатовъ. Ну, этоть и на взглядъ-то не тому чета.

Филутони. Въ селомъ кородъ нѣтъ таки табакъ.

Г. Богатовъ. А вотъ увидимъ. (*Нюхаетъ*).

Климъ (*подойдя близко къ Филутони*). Мусье, да съ тобой только и былъ одинъ картузъ,

Филутони (*тихо Климу*). Пошалуй мальши.

Г. Богатовъ. А что картузь?

Филутони. Сорокъ рубль.

Г. Богатовъ. Сорокъ рублей! Вотъ это табакъ! Что за духъ! (*Нюхаетъ*). Какой вкусъ! То-ли дѣло; дорого да мило! А то вздумалъ было отпочивать меня десяти-рублевымъ табачишкомъ.

Филутони. Таки табакъ и на Парижъ малъ; ефодѣлантъ тле отне каралевски фамиль.

Г. Богатовъ. Для одной королевской фамили! Шутись? Хе, хе, хе! а мы и не короли, да понюхиваемъ. (*Нюхаетъ*). Ай да мусье! спасибо, братъ. Вотъ ужъ удружил!

Филутони. У меня толька есть шесть фунтъ. Его сѣятельство графъ Недошотовъ коши взять.

Г. Богатовъ. Нѣтъ, братъ, нѣтъ, не продавай никому; я его весь беру за себя.

Филутони. Крафъ буди сердись.

Г. Богатовъ. Э, братецъ, посердится, да перестанеть. Пожалуйста, любезный, уступи мнѣ.

Филутони. Ну, што дѣлать, исфольте — я все шесть фунтъ принесу послѣ опѣдъ.

Г. Богатовъ. Спасибо, мусье, спасибо! Смотри-жь, не забудь—послѣ обѣда.

Филутони. О, нѣтъ, не беспокойтесь!

Г. Богатовъ. Прощай же, мой милый; я пойду одѣваться. (*Въ сторону*). Всѣ шесть фунтовъ мои! Ха, ха, ха! въ какихъ-же дуракахъ графъ! Онъ лопнетъ съ досады; а я то буду его потчивать, да похваливать! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Филутони и Климъ.

Климъ (*послѣ короткаго молчанія*). Ну, мусье, что скажешь?

Филутони. Что скажу? что съ русски косподъ намъ шить очень хорошо.

Климъ. Да русскимъ-то господамъ съ вами жить накладно. Не совѣстно-ли тебѣ такъ явно обманывать барина?

Филутони. А што такой софестно?

Климъ. Ты, видно, братъ, ни на какомъ языкѣ этого не понимаешь. Не стыдно-ли тебѣ взять сорокъ рублей за картузь табаку?

Филутони. Отшефо стыдно? Твой паринь не любви тиошева купить, а я не любви тиошева продайтъ.

Климъ. Резонгъ достаточный. Однакоже, мусье, сдѣлаемъ-ка прежде уговорецъ: обирай какъ хочешь барина, только. чуръ, барыши пополамъ.

Филутони. Какъ парышь пополамъ! А са што?

Климъ. За то, что я молчу.

Филутони. Ну, мой будетъ давать тебѣ на вотка.

Климъ. На водку! Нѣтъ, мусье, водкой-то не отдѣлаешься. Ты хитерь, да я и самъ десять лѣтъ былъ въ уѣздномъ судѣ подъячимъ. Давай-ка на чистоту: что мнѣ за то, что я молчалъ, какъ ты обманывалъ барина?

Филутони (*дастъ деньги*). Фотъ восми.

Климъ. Десять рублей! Только-то? Какъ хочешь, а мнѣ, право, совѣстно; пойду, скажу барину всю правду.

Филутони. Постой, фотъ ешо.

Климъ. Еще десять.

Филутони. Теперь тафольно?

Климъ. За одинъ картузь довольно; а ты сегодня принесешь еще шесть. Нѣтъ, мусье, мнѣ право жаль барина. (*Хочетъ идти*).

Филутони. Постой! Што ти коши?

Климъ. Ну, такъ и быть, я человекъ сговорчивый: по десяти рублей съ картуза, да и концы въ воду.

Филутони. Ай, ай, ай! по тесяти рубль.

Климъ. Что, видно, нашла коса на камень. Полно, братъ, торговаться, плати; а не то мнѣ сейчасъ сдѣлается совѣстно.

Филутони. Нешево тѣлатъ. (*Отсчитываетъ деньги*). Фосьми.

Климъ. Давай сюда. (*Въ сторону*). Никакъ мало я съ него сорвалъ. (*Громко*). Однакоже, мусье, мнѣ что-то какъ будто все еще чего-то стыдно.

Филутони (*въ сторону*). Ай, ай, ай! (*Вслухъ*). Прощай, мой патюшкъ. (*Хочетъ идти*).

Климъ. Постой-ка на минутку; меня опять начинаеть совѣсть мучать.

Филутони. Мнѣ нушна, ошень нушна! Adieu! (*Уходитъ*).

Климъ. Инъ быть ужъ такъ, — ступай; въ другой разъ буду умнѣй.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Климъ (*одинъ, считаетъ деньги*).

Десять, двадцать, шестьдесятъ, восемьдесятъ. (*Кладетъ ихъ въ карманъ*). Такъ-то лучше! Нѣтъ, мусье, не проведешь. Вотъ какъ разбогатѣю, да выйду въ люди, такъ и меня ваша братья будетъ обманывать; а теперь, погоди, дружокъ! Я еще не баринъ, а хочу только сбѣлаться бариномъ. (*Уходитъ*).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Г-жа Богатонова, князь Блесткинъ, Лиза и модная торговка.

Г-жа Богатонова (*къ торговкѣ*). Сюда, матушка мадамъ; прошу покорно. Покудова прибираютъ мою комнату, мы кой-что еще посмотримъ.

Князь (*къ Богатоновой*). А пророс. Знаете-ли, сударыня, что васъ ситируютъ въ городъ, какъ даму, которая одѣвается съ удивительною ловкостію!

Г-жа Богатонова. Право! Да я уже съ ребячества была такова; люблю, батюшка, князь, чтобъ на мнѣ все такъ и пѣло. Послушай-ка, мадамъ: что у тебя тамъ въ этой коробкѣ-то?

Торговка. Въ этомъ картонѣ, сударыня?

Г-жа Богатонова. Да, да, въ картонѣ что-ль!

Торговка. Цвѣты, сударыня.

Г-жа Богатонова. Покажи-ка, милая!

Князь (*тихо Лизъ*). Г-жа Богатонова имѣеть чудесный даръ коверкать всѣ французскія слова.

Лиза. Что дѣлать, сударь, она не жила два года въ Парижѣ.

Г-жа Богатонова. Ахти, батюшки! Да у тебя, мадамъ, цвѣтовъ-то здѣсь воза съ два.

Торговка. Мы, сударыня, третьяго дня ихъ очень много получили изъ Парижа.

Г-жа Богатонова. Изъ Парижа! Да скажи мнѣ, ма-тушка мадамъ, гдѣ ты научилась такъ хорошо говорить по нашему.

Торговка. Я, сударыня, русская.

Г-жа Богатонова. Русская! Такъ мадамъ Трише держигъ у себя и русскихъ?

Торговка. Меня одну, сударыня.

Г-жа Богатонова. Прошу покорно! Русская—простая русская! А я называла ее мадамою! Экая я дура. Покажи мнѣ, голубушка, этотъ букетъ. (*Разсматриваетъ цвѣты*).

Князь (*Лизъ*). Вы увидите—тетушка ваша вздумаетъ одѣться флорою.

Г-жа Богатонова (*отдавая цвѣты*). Нѣтъ, душенька, это что-то очень пестро. Князь, помогите мнѣ что-нибудь выбрать.

Князь. Къ чему выбирать, сударыня! Все, что вы ни надѣнете, должно быть прекраснымъ.

Г-жа Богатонова. Однакожь, батюшка, все-таки умъ хорошо, а два лучше. Какъ ты думаешь, Лизанька, не купить-ли мнѣ эту розовую гирлянду?

Лиза. Не слишкомъ-ли будетъ это для васъ молодо, тетушка?

Г-жа Богатонова. Прошу послушать, князь! Вотъ каково мое житье: ты хочешь посоветоваться, а она вздоръ замелеть. Слишкомъ молодо! А почему-бы такъ, сударыня?

Лиза. Въ ваши лѣта, тетушка...

Г-жа Богатонова. Въ мои лѣта! смотри пожалуй! Оттого, что я уже не такой ребенокъ, какъ она, такъ мнѣ нельзя и розановъ носить!

Лиза. Но, тетушка.

Г-жа Богатонова. Но, племянница, прошу меня не учить.

Лиза. Какъ вамъ угодно.

Г-жа Богатонова. Мнѣ угодно носить розаны, сударыня.

Дива. Воля ваша.

Г-жа Богатонова. Конечно, моя; и я на зло тебѣ все платье обошью розанами. Что, душенька, стоит эта гирианда?

Торговка. Семьдесятъ пять рублей, сударыня.

Г-жа Богатонова. Семьдесятъ пять! Что ты, мать моя! статное-ли дѣло? Семьдесятъ пять!

Торговка. Извольте посмотрѣть, какъ цвѣты сдѣланы.

Г-жа Богатонова. Полно, матушка; да тутъ и на пять рублей не пошло товару. Ну, душенька, возьми пятьдесятъ.

Князь. Подай мнѣ, миленькая. Позвольте мнѣ предложить вамъ ее, сударыня.

Г-жа Богатонова. Что вы, князь! Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу!

Князь. Сдѣлайте милость.

Г-жа Богатонова. Помилуйте, батюшка! Такой подарокъ!...

Князь. Вы обидите меня, если откажете.

Г-жа Богатонова. Нечего дѣлать! Только, воля ваша, князь, вы совсѣмъ разоряетесь.

Князь. И, сударыня, что значить такая бездѣлица!

Торговка. Не угодно-ли вамъ, сударь, купить золотую табакерку?

Князь. Покажи. Она хороша; фасонъ прекрасный: я беру ее себѣ.

Торговка. Четыреста двадцать пять рублей..

Князь. Четыреста двадцать пять и семьдесятъ пять — пятьсотъ. Сейчас, миленькая. *(Вынимаетъ книжку)*. Неужели? Ха, ха, ха! я узнаю себя! *(Къ Богатоновой)*. Какъ вы думаете, сударыня, что у меня въ книжкѣ?

Г-жа Богатонова. Почему мнѣ знать, батюшка?

Князь. Попробуйте, отгадайте.

Г-жа Богатонова. Какія-нибудь важныя бумаги, деньги.

Князь *(показывая пустую книжку)*. Ничего!

Г-жа Богатонова. Въ самомъ дѣлѣ?

Князь. Позволительно-ли имѣть такія дистракціи! Взять книжку и не положить въ нее денегъ. Послушай, душенька, приходи ко мнѣ завтра по-утру.

Торговка. Но, сударь...

Князь. Ты можешь узнать отъ здѣшнихъ людей, гдѣ я живу.

Торговка. Но, сударь...

Князь. Теперь дожидаться тебѣ нечего; завтра, миленькая.

Торговка. Но, сударь, я не имѣю чести васъ знать.

Князь. Не безпокойся; ты можешь смѣло ко мнѣ придти.

Торговка. Я, сударь, безъ хозяйки не смѣю ничего продавать въ кредитъ.

Князь. Какъ примѣтно, душенька, что ты русская! (*Къ Богатоновой*). Сдѣлайте милость, сударыня, дайте мнѣ пятьсотъ рублей.

Г-жа Богатонова. Очень хорошо. Я заплачу тебѣ, голубушка.

Князь. Это составить съ пятьюстами, которые я вамъ долженъ, ровно тысячу; я возвращу вамъ ихъ съ благодарностью при первомъ случаѣ.

Г-жа Богатонова. И, князь! мы люди свои—сочтемся.

Князь. О, нѣтъ! я люблю быть аккуратнымъ. Что дѣлать, это моя слабость, сударыня.

Лиза (*въ сторону*). Я знала впередъ, чѣмъ кончится эта комедія.

Князь. Кстати о дистракціяхъ! Я вамъ, кажется, еще не сказывалъ? Баронесса Вольмаръ будетъ у васъ сегодня обѣдать.

Г-жа Богатонова. Ахъ, Боже мой! а я еще въ своемъ утреннемъ дезабилье. Ну, если она теперь пріѣдетъ! Пойду поскорѣе одѣваться. (*Къ торговку*). Ступай ко мнѣ, душенька; я тебѣ заплачу. (*Къ Лизѣ*). А ты куда? Останься здѣсь съ княземъ.

Лиза. Тетушка!...

Г-жа Богатонова. Пустое, сударыня; къ чему такое жеманство! Князь твой женихъ; прошу остаться и занимать его. (*Уходитъ съ торговкою*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Князь, Лиза и Анюта.

Князь. Какое счастье сударыня!...

Лиза. Что тетушка приказала мнѣ остаться съ вами?

Князь. Могу-ли ласкать себя надеждою,—вы безъ до-
сады выполняете ея приказаніе?

Лиза. Не спрашивайте меня, князь, я бываю иногда
слишкомъ откровенна.

Князь. Ахъ! будьте откровенны, сударыня: это самая
пльнительная черта вашего милого характера. Что можетъ
быть восхитительнѣе откровенности! Какое блаженство чи-
тать въ сердцахъ страстно любимой женщины; какое на-
слажденіе...

Лиза. Князь! избавьте меня отъ сентиментальныхъ
фразъ; я ихъ терпѣть немогу,

Князь. Вы нынче очень немилостивы. Неужели лю-
бовь моя...

Лиза. Опять любовь. Вы хотите остаться одни, князь?

Князь. О, нѣтъ! я молчу, сударыня. Признайтесь,
однакоже, надобно имѣть мое несчастье: женщины, къ ко-
торымъ я ничего не чувствую, преслѣдуютъ меня; я люблю
васъ, и вы...

Лиза (*прерывая*). Вы были вчерась въ театрѣ?

Князь. Былъ, сударыня!—Я люблю васъ, и...

Лиза. Что давали, князь?

Князь. Какую-то оперу.—И вы однѣ презираете лю-
бовь мою.

Лиза. Заслуживаетъ-ли она какое-нибудь вниманіе?

Князь. Любовь моя?

Лиза. Нѣтъ, сударь, вчерашняя пьеса.

Князь. И, сударыня! какъ будто русская пьеса мо-
жетъ быть хороша. Скажите мнѣ, могу ли я имѣть на-
дежду...

Лиза. Что же вы находите дурнымъ во вчерашней оперѣ?

Князь. Все, сударыня, все! Впрочемъ, я не слыхалъ
изъ нея ни одного слова. Я былъ въ ложѣ графини Прон-
ской; мы разговаривали...

Лиза. Графини Пронской! Я такъ давно ее не ви-
дала; здорова-ли она?

Князь. Слава Богу! Она спрашивала меня о васъ; хотѣла знать, скоро ли я буду счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. — Ахъ! сударыня, еслибъ я могъ надѣяться...

Лиза. Какъ досадно, что она мѣшала вамъ слушать: вы ничего не можете сказать мнѣ о вчерашней оперѣ.

Князь (*въ сторону*). Проклятая опера! Неужели вы всегда будете нечувствительны къ любви моей, и къ какой любви! Я не нахожу словъ описать вамъ всю пламенность, всю горячность чувствъ моихъ. Ахъ, сударыня! страсть, которую описываютъ въ романахъ, ничто передъ моею. Признайтесь, такая любовь достойна взаимности.

Лиза. Признаюсь, князь, я не ожидала, чтобъ вы такъ свободно изъяснялись на русскомъ языкѣ.

Князь. Вы шутите, сударыня! О, не шутите! вы не знаете, до чего можете довести безнадежная любовь.

Лиза. Изъ какой это драмы, князь?

Князь (*съ досадою*). О, это уже слишкомъ: соединять жестокость съ насмѣшкою.

Лиза. Вы сердитесь, князь. Ахъ! я очень боюсь сердитыхъ. Прощайте!

Князь. Постойте, сударыня! выслушайте меня.

Лиза. Если вы не все еще кончили, то можете остальное договорить Аннушкѣ: это все равно. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Князь и Анюта.

Князь. Остановитесь! Она ушла! (*Къ Анютѣ*). Послушай, малютка, что сдѣлалось съ твоей барышней? Она нынче такъ странно обошлась со мною.

Анюта. Кто виноватъ, сударь; вы сами желали, чтобъ она была откровенна.

Князь. Но я не могу понять, отчего я не нравлюсь твоей барышнѣ. Развѣ я старъ, дурень собою, нимало не любезенъ...

Анюта. О, сударь, не сватайтесь за нее, и вы будете еще любезнѣе.

Князь. Я начинаю догадываться... Такъ точно, у меня долженъ быть соперникъ; не правда-ли, миленькая?

Анюта. Я ничего, сударь, не знаю.

Князь (*снимаетъ кольцо*). Надѣнь-ка, душенька, это кольцо. Ну, теперь ты знаешь?

Анюта. Вы заставляете меня краснѣть. Такой дорогой подарок! Вѣдь оно осыпано брильянтами?

Князь. Разумѣется.

Анюта. Извольте; я скажу вамъ все, что знаю. Барышня моя... Только, сдѣлайте милость, не проговоритесь кому-нибудь.

Князь. Будь спокойна, малютка.

Анюта. Барышня моя... Но я все боюсь, что вы как-нибудь это выведете.

Князь. Даю тебѣ честное слово; говори, говори!

Анюта. То-то же, не введите меня въ бѣду. (*Оглядываясь кругомъ*). Вотъ изволите видѣть: мнѣ неизвѣстно, любить ли кого барышня; но знаю навѣрно, что васъ она терпѣть не можетъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Князь (*одинъ*).

Прекрасно! да меня, кажется, дурачатъ. Ну, если Аннушка сказала правду, если Лиза не согласится выйти за меня замужъ? Пустое! терпѣнье и постоянство, дядюшка и тетюшка,—посмотримъ, устоитъ ли она противъ этого. Надобно только привести скорѣе все къ концу. Богатонина женщина простая—я все изъ нея сдѣлаю; мужъ ея животное, дуракъ, котораго баронесса водить за носъ какъ ей угодно. Точно такъ...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Князь и Богатовъ (*въ свѣтлозеленомъ фракѣ*).

Г. Богатовъ. Точно такъ, точно такъ! О чемъ это, ваше сіятельство, съ такимъ жаромъ разсуждать изволите?

Князь. Ахъ, это вы!

Г. Богатовъ. Нѣтъ, не я. Посмотри-ка, князь, мою обнову. Какъ кажется тебѣ этотъ фракъ?

Князь. Онъ шить прекрасно.

Г. Богатовъ. А цвѣтъ?

Князь. Самый модный.

Г. Богатовъ. Ну, мой милый, жена сказала мнѣ, что оставила тебя съ глазу на глазокъ съ племянницей; объ чемъ вы потолковали?

Князь. Я говорилъ ей о любви моей.

Г. Богатовъ. Право! Что, какво идти твоя дѣла?

Князь. Я начинаю терять всю надежду.

Г. Богатовъ. Полно, любезный, какъ тебѣ не стыдно! Какого ей еще жениха: ты князь, молодецъ, уменъ...

Князь. Однакоже, со всѣмъ тѣмъ я, кажется, ей не нравлюсь.

Г. Богатовъ. Пустое, понравишься! Послушай-ка, мой милый: скажи мнѣ лучше, что говорила баронесса о вчерашнемъ праздникѣ?

Князь. Она отъ него безъ памяти.

Г. Богатовъ. Право! А скажи-ка правду, не было-ли у васъ рѣчи обо мнѣ?

Князь. Объ васъ? Еслѣбъ вы знали, что она сегодня по-утру объ васъ говорила!

Г. Богатовъ. Что? что такое?

Князь. О, счастливѣйшій изъ смертныхъ!

Г. Богатовъ. Сдѣлай милость, не мучь меня, говори скорѣй!

Князь. Вы знаете, что кузинѣ очень хочется, чтобы я женился на вашей племянницѣ.

Г. Богатовъ. Знаю, знаю!

Князь. Вы знаете также, что когда женщина забереетъ себѣ что-нибудь въ голову, то готова на все рѣшиться ..

Г. Богатовъ. Лишь-бы только на своемъ поставить. Какъ не знать: я женатъ, мой милый.

Князь. Нынче по-утру говорили мы о вчерашнемъ праздникѣ; между прочимъ баронесса сказала мнѣ, что вы человекъ прелюбезный.

Г. Богатовъ. Прелюбезный!...

Князь. Что вы становитесь для нея каждый день опаснѣе; что она начинаетъ васъ бояться.

Г. Богатовъ. Ахъ, батюшки, бояться! Да отчего-же?

Князь. Оттого, что вы слишкомъ ей нравитесь, и можете лишить ее спокойствія, къ которому она привыкла.

Г. Богатовъ. Ага! понимаю! Это дѣло другое! Ну, что-же она еще говорила?

Князь. Что если вы исполните ея желаніе, выдавъ за меня племянницу вашу, то она потеряетъ совершенно голову, и, не будучи въ состояніи противиться двумъ чувствамъ—любви и благодарности, рѣшится...

Г. Богатовъ. Ну...

Князь. Платить за любовь любовью.

Г. Богатовъ. И она все это говорила?

Князь. Слово отъ слова.

Г. Богатовъ. И ея превосходительство баронесса Вольмаръ все это говорила! Вотъ тебѣ рука моя, князь: не будь я Иванъ Сидорычъ Богатовъ, ежели Лиза не будетъ твоей! Когда-же я ее увижу?

Князь. Она будетъ къ вамъ сегодня обѣдать.

Г. Богатовъ. Какъ бы я желалъ отъ нея самой все это слышать.

Князь. Найдите случай говорить съ нею наединѣ.

Г. Богатовъ. Это не фигура. Да вотъ что бѣда, мой милый, меня всегда робость беретъ; сколько разъ бывало, хочу сказать ей: матушка баронесса, помилуй! влюбленъ я въ тебя по уши! Да не тутъ-то было — языкъ не поворотится.

Князь. Постарайтесь сегодня быть смѣлѣе.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и челоувѣкъ.

Челоувѣкъ. Барыня проситъ князя въ свою горницу.

Г. Богатовъ. Что тамъ еще? Не дадутъ слова сказать (*Къ князю, которой хочетъ идти*). Полно, князь, не ходи; ужъ вѣрно за какимъ-нибудь вздоромъ: хорошо-ли голова убрана, такъ ли бантикъ приколотъ.

Князь. Но, сударь, можетъ быть ей нужно...

Г. Богатовъ. Какія нужды. Останься-ка, да поговоримъ лучше о нашемъ дѣлѣ.

Князь (*въ сторону*). Какъ бы отъ него отдѣлаться. (*Вслухъ*). Вамъ надобно кончить вашъ туалетъ; баронесса сейчасъ будетъ.

Г. Богатовъ. Да развѣ я не одѣтъ?

Князь. Развѣ вы хотите принять баронессу въ сѣромъ фракѣ? На что это будетъ похоже?

Г. Богатовъ. Правда, правда. Экій я дуракъ, и изъ ума вонь!

Князь. Одѣвайтесь-же скорѣе. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Г. Богатовъ (*одинъ*). Чуть-чуть въ просакъ не попался; хорошъ бы я былъ безъ князя!... Да, я было и позабылъ. Кондратьичъ, Кондратьичъ!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Г. Богатовъ и Климъ Кондратьичъ.

Климъ. Чего изволите, сударь?

Г. Богатовъ. Все-ли приготовлено къ столу?

Климъ. Все, сударь.

Г. Богатовъ. Купленъ-ли десертъ?

Климъ. Пожалуйста денегъ.

Г. Богатовъ. Какъ! да развѣ у тебя нѣтъ расходныхъ?

Климъ. Всѣ до рубля вышли.

Г. Богатовъ. Какъ же быть; вѣдь у меня нѣтъ ни копѣйки. Послушай, Кондратьичъ, не можешь-ли гдѣ достать?

Климъ. Я право не знаю.

Г. Богатовъ. Ты человекъ экономный, какъ не быть у тебя своихъ денегъ; на будущей почтѣ должно мнѣ получить изъ деревни, и я тотъ-же часъ съ тобой раздѣлаюсь.

Климъ. И, государь милостивый! какія, мой отецъ, у меня деньги.

Г. Богатовъ. Эй, Кондратьичъ, нельзя-ли какъ-нибудь?

Климъ. Повѣрьте, сударь, радъ бы за васъ душу заложить; но что будешь дѣлать? Правда, у меня имѣются нѣкоторые благопріятели: да сохрани Боже! я и подумать не осмѣливаюсь.

Г. Богатовъ. А что такое?

Климъ. Люди они честные, и готовы всегда доброму человѣку служить деньгами; да процентики-то берутъ не больно христіанскіе.

Г. Богатовъ. А по многу-ли?

Климъ. По пятнадцати рублей со ста.

Г. Богатовъ. Что ты, Кондратьичъ, да это кладъ: по пятнадцати рублей со ста...

Климъ. Въ мѣсяць.

Г. Богатовъ. Въ мѣсяць? Ну, подлинно, благопріятели твои люди честные. По пятнадцати въ мѣсяць! Ахъ они искаріоты! А, дѣлать нечего, придется занять у этого жидовскаго сѣмени.

Климъ. Нѣтъ, батюшка, воля ваша, меня совѣсть замучаетъ. Разсудите милостиво: денегъ проживаете вы бездну, да какъ еще будете занимать подъ такіе проценты, то, и Боже упаси! долго-ли этакъ и совѣмъ разориться.

Г. Богатовъ. Какъ быть, другъ мой! Хоть ты себѣ голосомъ вой, а придется тысячи двѣ признанъ.

Климъ. Но подумайте, сударь, триста рублей за одинъ мѣсяць.

Г. Богатовъ. Какъ ни думай, а занимать должно.

Климъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой! до чего, отецъ нашъ, ты дожилъ: платить такіе проценты! У меня сердце такъ и разрывается. *(Утираетъ глаза).*

Г. Богатовъ. Полно, Кондратьичъ! Я знаю, что ты меня любишь; да о чемъ тутъ плакать: триста рублей бездѣлица. Ступай-же теперь поскорѣе за деньгами.

Климъ. Нечего дѣлать! Да я и позабылъ сказать: вѣдь злодѣи-то ничего не дадутъ безъ заклада.

Г. Богатовъ *(вынувъ ключъ)*. На, возьми: вынь самъ изъ моего комода брильянтовую табакерку: она стоитъ болѣе четырехъ тысячъ.

Климъ. Слушаю, сударь.

Г. Богатовъ. Ступай-же, да пожалуйста скорѣе.
(Уходя). Куда какъ этотъ старикъ меня любить.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Климъ (одинъ). Я недалеко пойду; благопріятели-то лежать у меня въ коробкѣ! Ай да Климъ Кондратьичъ! Не робѣй, любезный; ты скоро заживешь домикомъ. Да такъ, и должно: господинъ мотаетъ, а дворецкій карманы набиваетъ. Пускай себѣ пройдетъ еще годковъ пять, шесть, такъ чисто, не я ужъ у барина, а онъ у меня будетъ управителемъ. (Уходитъ).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мирославскій и графъ Владимировъ (одѣтые про-
сто, входятъ).

Графъ. Я до сихъ поръ не могу повѣрить: какъ!
Князь Блесткинъ мой соперникъ!

Мирославскій. Чему вы удивляетесь, графъ?

Графъ. Князь Блесткинъ! Этотъ полуфранцузскій пе-
тиметръ? Этотъ глупый модникъ?

Мирославскій. Да, этотъ глупый модникъ вскру-
жилъ головы Богатовымъ; они хотятъ непременно вы-
дать за него свою племянницу.

Графъ. И противъ ея желанія! Нѣтъ, я не могу по-
стигнуть, чѣмъ могъ ихъ обольстить этотъ ничтожный вер-
топрахъ?

Мирославскій. Своею любезностію, умомъ, позна-
ніями!

Графъ. Вы шутите.

Мирославскій. По крайней мѣрѣ, такъ говорить г. Богатовъ.

Графъ. Своимъ умомъ, познаніями! Надобно отдать справедливость г. Богатову: онъ первый сдѣлалъ это важное открытіе.

Мирославскій. Нѣтъ, я отъ многихъ слышалъ тоже самое.

Графъ. Вы смѣтаетесь надо мною.

Мирославскій. Не изъ Америки-ли вы пріѣхали, графъ? Будто вы не знаете, какъ легко въ свѣтѣ прослыть умницей. Развѣ человекъ съ тупымъ понятиемъ не можетъ имѣть острой памяти? Кто мѣшаетъ ему выучить наизусть нѣсколько стиховъ изъ Буало, два-три монолога изъ Расина, подлюжины моральныхъ заключеній изъ Лабрюйера; послѣ этого онъ смѣло можетъ мѣшаться въ ученые разговоры; блистать своимъ умомъ; говорить съ презрѣніемъ объ отечественной словесности, которую не знаетъ; восхищаться иностранными авторами, которыхъ не понимаетъ, и кричать громче тѣхъ, которые вдесятеро его умнѣе и ученѣе.

Графъ. Это весьма легкій способъ; но, думаю, онъ не всегда удается.

Мирославскій. И вы можете имѣть такое непозволительное сомнѣніе? Нѣтъ, графъ, вы слишкомъ зажились въ деревнѣ. Что этотъ способъ легокъ, не спорю; но вы должны также согласиться, что онъ и самый вѣрнѣйшій. Будьте только смѣлы, или, лучше сказать, безстыдны; поступайте всегда вопреки здравому смыслу; хвалите все иностранное, ругайте все русское; вмѣсто доказательствъ прибѣгайте къ насмѣшкамъ; но, пуще всего, кричите какъ можно громче,—и, увѣряю васъ, вы составите себѣ вскорѣ самую блестящую репутацію. Второклассные дураки будутъ удивляться вамъ, какъ чуду; умные... Ну, какое до нихъ дѣло! Ихъ такъ мало,—и что значитъ ихъ тихій голосъ передъ громкимъ пустословіемъ нашихъ полуученыхъ мудрецовъ.

Графъ. Какъ! вы на нихъ нападаете? Но скажите мнѣ, находите-ли вы какую-нибудь возможность переувѣрить Богатовыхъ?

Мирославскій. Это, кажется, не трудно было-бы сдѣлать; но, къ несчастію, у князя есть сильная покрови-

тельница. Онъ познакомиль съ Богатоновымъ свою родственницу, какую-то баронессу Вольмаръ; старикъ вздумалъ въ нее влюбиться, и она дѣлаетъ изъ него что хочетъ.

Графъ. Баронессу Вольмаръ! Не вдову-ли?

Мирославскій. Точно такъ.

Графъ. Надобно признаться, вашъ пріятель окруженъ прекрасными людьми! Я зналъ эту женщину еще замужемъ. Цѣлые два года мучила она бѣднаго барона своими капризами, прихотями, вѣтренностью; наконецъ, несчастный мужъ потерялъ все терпѣніе...

Мирославскій. И развелся съ нею?

Графъ. Нѣтъ, умеръ: и лучше этого, вѣрно, ничего не могъ-бы придумать.

Мирославскій. Вотъ, кажется, и хозяинъ. Я предвѣдомляю васъ: вы увидите презабавнаго чудака.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и г. Богатовъ.

Г. Богатовъ. Здорово, мой милый! Виновать, я заставилъ тебя дожидаться; у меня былъ такой интересный разговоръ съ баронессою.

Мирославскій (*подводя графа*). Вотъ, мой другъ, рекомендую тебѣ моего пріятеля, про котораго я говорилъ нынче по-утру. (*Графъ низко кланяется*).

Г. Богатовъ. Да, да, я помню.

Графъ. Я давно желалъ, сударь, имѣть эту честь.

Г. Богатовъ. Хорошо, хорошо, голубчикъ! (*Показывая на стулъ, который стоитъ у дверей*). Садись, душевнѣка.

Мирославскій (*тихо Богатову*). Что ты, мой милый! Да знаешь-ли...

Г. Богатовъ. Знаю, знаю: какой-нибудь дворянчикъ?

Мирославскій. Смотри, чуръ, послѣ не пенять.

Г. Богатовъ. И, мой милый, что за фигура! Садись-ка, пріятель. (*Мирославскій садится на канapé, Богатовъ на вольтеровскія кресла. Къ графу, который стоитъ*).

Полно, братъ, чиниться, садись; я человекъ не спесивый, садись знай. (*Графъ садится*).

Мирославскій. Да ты, мой милый, и подлинно начинаешь походить на большого барина.

Г. Богатовъ (*къ графу*). Что ты, голубчикъ, приѣхалъ сюда на время или хочешь здѣсь къ мѣсту?

Графъ. Нѣтъ, сударь, я человекъ отставной и привыкъ жить въ деревнѣ.

Г. Богатовъ. Въ деревнѣ? право! Такъ у тебя есть и деревнишка? Въ какой губерніи?

Графъ. Въ Орловской?

Г. Богатовъ. А сколько въ ней душонокъ, мой милый?

Графъ. Съ небольшимъ сто.

Г. Богатовъ. Сто душъ! Такъ ты не совсѣмъ бѣдный человекъ. Прошу покорно, подвинься-ка къ намъ поближе, любезный. (*Графъ подвигается*). А много-ли она даетъ доходу?

Графъ. Очень мало; гораздо менѣе, чѣмъ Пензенская моя деревня.

Г. Богатовъ. Какъ! такъ у васъ въ Пензѣ есть деревня?

Графъ. Двѣсти душъ.

Г. Богатовъ. Итого триста. (*Мирославскому*). Да онъ человекъ порядочный! Гей, малый! (*Человекъ входитъ*). Кресла сюда, къ намъ ближе. Милости просимъ, батюшка; я очень радъ съ вами познакомиться. (*Сажаетъ его возлѣ себя*). И такъ, у васъ только и есть эти двѣ деревни?

Графъ. Извините, у меня есть еще полторы тысячи душъ въ Рязанской губерніи.

Г. Богатовъ (*вскакиваетъ*). Полторы тысячи!

Графъ. Да двѣ тысячи въ Саратовской.

Г. Богатовъ. И двѣ тысячи! Ахъ, Боже мой, Боже мой! какой я дуракъ! Милостивый государь! сдѣлайте милость, будьте милостивы! Не прикажете-ли на эти кресла; здѣсь вамъ будетъ покойнѣе.

Графъ. Къ чему это?

Г. Богатовъ. Покорнѣйше прошу.

Графъ. Если вы непремѣнно хотите. (*Садится на вольтеровскія кресла*).

Г. Богатовъ. Позвольте узнать, милостивый государь, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Графъ. Я, сударь, графъ Владимировъ.

Г. Богатовъ. И, графъ! Чась-отъ-часу не легче. Ахъ я скогина! Ваше сіятельство, извините! Я не знаю... я, право... я совершенно обезумѣлъ! (*Къ Мирославскому*). Пусти-ка, братецъ. Ваше сіятельство! не угодно ли вамъ сюда на канапе?

Графъ. Вы напрасно беспокоитесь.

Г. Богатовъ. О, ваше сіятельство, я знаю различать людей.

Мирославскій. Однакожь, на этотъ разъ ты ошибся.

Г. Богатовъ. Я не знаю самъ, что со мною сдѣлалось. Батюшка графъ ваше сіятельство! мнѣ такъ совѣстно, такъ стыдно, ну хоть бы сквозь землю провалиться!

Графъ. Помилуйте, сударь, что за важность, вы ошиблись; это со всякимъ можетъ случиться.

Г. Богатовъ. Какъ можно ошибиться! какъ не узнать съ перваго взгляда знатнаго человѣка. Ахъ я животное!—А тебѣ не стыдно не шепнуть мнѣ на ухо.

Мирославскій. Вѣдь я говорилъ, чтобъ послѣ не пенять.

Г. Богатовъ. И, братецъ! да кому придется въ голову, что его сіятельство графъ Владимировъ будетъ такъ низко кланяться.

Мирославскій. Въ самомъ дѣлѣ, графъ, боитесь ли вы Бога; вамъ надобно было, какъ знатному человѣку, чуть-чуть кивнуть головою.

Г. Богатовъ. Человѣкъ! (*Приходитъ*). Зови скорѣй всѣхъ сюда! Ваше сіятельство! позвольте мнѣ представить вамъ мою старуху и племянницу.

Графъ. Я сочту себѣ за большую честь.

Г. Богатовъ. Помилуйте, честь вся для нихъ! Да прошу покорно садиться!

Графъ. Да для чего же вы не изволите сами сѣсть, г. Богатовъ?

Г. Богатовъ. И, ваше сіятельство, я постою; вѣдь у меня отъ этого ноги не отвалятся. Сдѣлайте милость.

Графъ. Я не сяду прежде васъ.

Г. Богатовъ. Если вы приказываете. (*Въ сторону*). Какъ онъ вѣжливъ! Ну, кто бы подумалъ, что у него четыре тысячи душъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ-ЖЕ, г-жа БОГАТОНОВА, БАРОНЕССА, КНЯЗЬ И
ЛИЗА.

Г. Богатовъ (*подводя жену*). Батюшка графъ! честь имѣю рекомендовать вамъ жену мою. (*Къ женѣ*) Его сіятельство Графъ Владимировъ.

Г-жа Богатонова. Милости просимъ; мы очень рады.

Г. Богатовъ (*подводя Лизу*). Племянница наша!

Графъ (*цѣлуетъ у нея руку*). Какъ давно, сударыня, я не имѣлъ счастья васъ видѣть.

Г. Богатовъ. Какъ, ваше сіятельство! да вы развѣ знакомы съ Лизанькой?

Графъ. Я имѣлъ удовольствіе пользоваться пріязнью ея покойной матушки.

Г-жа Богатонова. Ты позабылъ, батюшка; Лизанька намъ объ этомъ сказывала.

Г. Богатовъ. Точно, точно! Экая память; а кажется не проходило дня, чтобъ племянница о графѣ не говорила.

Графъ (*къ Лизѣ*). Долженъ ли я вѣрить этому, сударыня?

Лиза. Могла ли я забыть человѣка, котораго покойная моя матушка называла другомъ.

Г. Богатовъ. Ваше сіятельство! позвольте мнѣ познакомить съ вами пріятели моего князя Блесткина.

Князь. Если не ошибаюсь, я имѣлъ нѣкогда удовольствіе встрѣчаться съ вами у общихъ знакомыхъ.

Графъ. Точно такъ, сударь.

Г. Богатовъ. А вотъ баронесса Вольмаръ, пріятельница моей жены.

Баронесса (*тихо Богатову*). Вы могли бы избавить меня отъ этой рекомендаціи.

Графъ. Извините, сударыня, я никакъ не могъ узнать васъ,—вы такъ перемѣнились.

Баронесса. Боже мой! Графъ, вы говорите, какъ будто я цѣлыя сто лѣтъ не имѣла чести васъ видѣть.

Г-жа Богатонова. Человѣкъ, стулья! (*Приносятъ*).

Г. Богатовъ (*къ Лизѣ, подлѣ которой стѣлъ графъ*). Пусти-ка, племянница, меня къ графу.

Графъ. Не безпокойтесь, мнѣ очень хорошо.

Г. Богатовъ. Нѣтъ, нѣтъ! я самъ хочу занимать такого дорогого гостя.

Мирославскій (*тихо Богатову*). Живешь ты всегда съ знатными, а не знаешь, что они церемоній терпѣть не могутъ.

Г. Богатовъ, Ну, ну, хорошо. (*Садится подлѣ Лизы*).

Баронесса (*тихо князю*). Вы знаете этого Владимова?

Князь (*тихо*) Знаю. Педантъ,—настоящая правоучительная книга!

Г-жа Богатова. Что, батюшка графъ, вы надолго изволили къ намъ въ Петербургъ пожаловать?

Графъ. Не знаю самъ, сударыня. Здоровье мое послѣ прошлогоднишней болѣзни не совсѣмъ еще поправилось; я намѣренъ посоветоваться съ докторами.

Г-жа Богатова. О, васъ здѣсь тотчасъ вылѣчатъ, да еще и безъ лѣкарства.

Г. Богатовъ. Да, да, безъ лѣкарства. (*Мирославскому*). Что, братъ, чай, у васъ въ глуши про эти чудеса еще и не знаютъ?

Мирославскій. Ты вѣрно хочешь говорить о магнетизмѣ; нѣтъ, и у насъ о немъ много сказокъ сочиняютъ.

Г. Богатовъ. Какъ, сказокъ! Ты не вѣришь, что посредствомъ магнетизма можно прочесть письмо, не вынимая его изъ кармана.

Мирославскій. Прошу покорно!

Г. Богатовъ. Что душа можетъ говорить въ челоуѣкѣ и рассказывать, какими лѣкарствами лѣчить больного.

Мирославскій. Какой вздоръ!

Г-жа Богатова. Нѣтъ, батюшка, не вздоръ, а точная правда! Вотъ, на примѣръ, дочь пріятельницы моей Глупоновой была всегда такая слабая, такая блѣдная и никакія лѣкарства ей не помогали; стали ее магнетизировать, душа въ ней заговорила, и сказала, что надобно ее замужъ выдать. Ну, какъ вы думаете? Лишь только она вышла за князя Лестова, то какъ рукой сняло: откудова взялось здоровье.

Мирославскій. Да, это настоящія чудеса!

Князь. Въ природѣ нѣтъ никакихъ чудесъ, и все это можно доказать естественнымъ образомъ.

Г. Богатовъ. Конечно, можно; и если ты не вѣришь, то я тебѣ докажу.

Мирославскій. Посмотримъ; докажи, докажи!

Г. Богатовъ. Да только поймешь ли ты?

Мирославскій. Почему знать, говори.

Г. Богатовъ. Ну, такъ и быть; слушай же! Вотъ видишь ли: магнетическая жидкость, то есть жидкость магнетическая, есть нѣкотораго рода жидкость; вліяніе, которое она, нѣкоторымъ образомъ, такъ сказать... однимъ словомъ... Растолкуй ему, князь!

Князь. Вы хотѣли сказать, что посредствомъ дѣйствія ея на нервную систему, дирекція нервовъ, въ отношеніи своемъ къ нервамъ, по всеобщей системѣ вліянія, имѣеть нѣкоторое вліяніе, которое, симпатизируя съ общимъ вліяніемъ, производитъ сіе дѣйствіе (*Богатову*). Вы понимаете меня?

Г. Богатовъ. Какъ не понять: это ясно!

Князь. Я только пояснилъ то, что вы сказали.

Мирославскій. Подлинно пояснили! Жаль только, что я ничего не понялъ.

Г. Богатовъ. Бѣдненькій! Вотъ то-то и дѣло, чему научиться въ деревнѣ? Надобно жить между просвѣщенными людьми, чтобъ понимать такія глубокія матеріи.

Князь. Должно признаться, родъ человѣческой идетъ гигантскими стопами къ совершенству: безпрестанно дѣлають новыя открытія; люди становятся умнѣе, просвѣщеннѣе вездѣ, выключая любезнаго отечества нашего.

Графъ. Выключая отечества нашего? Мнѣ кажется, князь, что нигдѣ просвѣщеніе не имѣло такихъ скорыхъ и блестящихъ успѣховъ, какъ въ нашемъ отечествѣ.

Князь. Да, мы сдѣлали блестящіе успѣхи, только въ чемъ, если смѣю спросить?

Баронесса. Берегитесь, mon cousin! вы дѣлаете такой рѣшительный вызовъ; ну, если графъ вамъ сейчасъ докажетъ?

Князь. Боже мой! я увѣренъ въ этомъ; но, несмотря на то, желалъ-бы очень знать что-нибудь объ этихъ блестящихъ успѣхахъ.

Графъ. По всему видно, вы не желаете этого.

Князь. Да что у насъ хорошаго? Мы хвалимся своимъ Петербургомъ. Люди, которые не бывали никогда далѣе заставы, называютъ его первымъ городомъ въ свѣтѣ; а что

значить этотъ первый городъ въ свѣтѣ передъ какимъ-нибудь парижскимъ предмѣстiemъ!

Г. Богатовъ. Простая деревня или много что уѣздный городишка.

Князь. Имѣемъ ли мы хоть что-нибудь, чѣмъ гордится Франція? Гдѣ у насъ Лувръ, Пале-Рояль, Тюльери, Пантеонъ?

Г. Богатовъ. Да, да! гдѣ у насъ этикіе города?

Графъ. Это все равно, еслибъ я спросилъ француза: гдѣ у васъ адмиралтейство, биржа, набережныя, рѣшетка Лѣтняго сада...

Князь. Рѣшетка Лѣтняго сада! Но что значить она передъ Тюльерійскою, которая есть чудо искусства; которая отдѣлана съ такимъ вкусомъ, съ такимъ совершенствомъ; которая, можно сказать, сдѣлана вся анъ филаграмъ?

Г-жа Богатова. Анъ филаграмъ!

Баронесса. Возможно-ли?

Графъ. Я самъ, сударь, былъ въ Парижѣ...

Князь. И, сударь, кто нынче не былъ въ Парижѣ! Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые были въ немъ и осмѣливаются дѣлать такія параллели.

Г. Богатовъ (*тихо Мирославскому*). Онъ совсѣмъ загонялъ графа.

Графъ. Вы правы, князь! Какъ можно хвалить что-нибудь русское, какъ можно хвалить народъ, который, подъ предводительствомъ своего государя, освободилъ отъ ига всю Европу, котораго каждый шагъ былъ ознаменованъ побѣдами; это было-бы такъ естественно, и чѣмъ-бы можно было тогда отличиться отъ обыкновеннаго человѣка?

Баронесса (*съ насмѣшкою*). Очень жаль, сударь, что вы не сочиняете рѣчей; вы имѣете удивительныя диспозиціи быть хорошимъ ораторомъ.

Графъ. Не знаю, сударыня, похожъ-ли я на оратора; но знаю только, что я не льстецъ, не люблю думать одно, а говорить другое, и для того скажу вамъ, что, по-моему, человѣкъ, который не любитъ свое отечество — жалокъ, а тотъ, кто осмѣливается поносить его, заслуживаетъ общее презрѣніе.

Князь (*съ досадою*). Графъ! я надѣюсь...

Графъ. Что я говорю не на вашъ счетъ? Безъ сомнѣнія! Вы, конечно, думаете то-же, что я; не правда-ли, князь?

Князь (*поетъ*). Да, ла, ла!

Графъ. О! я увѣренъ, вы совсѣмъ не изъ числа тѣхъ жалкихъ модниковъ, у которыхъ, кромѣ ихъ фамили, нѣтъ ничего русскаго.

Князь (*къ баронессѣ*). А пропус! я давно уже не слышалъ васъ пѣть, сударыня! Смѣю-ли просить?

Баронесса. Я, право, не могу. (*Къ Лизѣ*). Не угодно-ли вамъ?

Г-жа Богатонова. Да, да, пропой-ка намъ что-нибудь, Лизанька; графу, вѣрно, будетъ приятно тебя послушать (*Всѣ встаютъ; Богатоновъ подходитъ и говоритъ тихо съ баронессою*).

Графъ. Два года тому назадъ, я очень часто имѣлъ это удовольствіе.

Г-жа Богатонова. Послушайте-ка теперь, графъ, вы не узнаете!

Г. Богатоновъ (*тихо баронессѣ*). Я буду васъ дожидаться. (*Громко*). Ваше сіятельство! прошу покорно! Лизанька! покажи, куда идти графу. (*Всѣ уходятъ; Богатоновъ останавливаетъ князя*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Г. Богатоновъ и князь.

Г. Богатоновъ. Послушай-ка, мой милый, я сказала тихонько баронессѣ, что мнѣ нужно съ ней кой о чемъ поговорить.

Князь. Очень хорошо.

Г. Богатоновъ. Вѣдь надобно-же мнѣ сказать ей когда-нибудь, что я влюбленъ въ нее безъ памяти.

Князь. Такъ вы рѣшились сегодня сдѣлать вашу декларацию?

Г. Богатоновъ. Да, мой милый! Да вотъ что бѣда: я не знаю, съ чего начать.

Князь. Какъ будто это такъ трудно!

Г. Богатоновъ. Какъ ты думаешь: сперва примусь я вздыхать.

Князь. Однакожь, какъ можно менѣе: женщины до вздоховъ не охотницы.

Г. Богатоновъ. Потомъ закину нѣсколько обиняковъ; а тамъ вдругъ хлопнусь передъ ней на колѣни.

Князь. На колѣни! Фи! кто нынче становится на колѣни! Вы испортите все дѣло.

Г. Богатовъ. Неужели?

Князь. Баронесса тотчасъ догадается, что любовникъ ея принадлежитъ къ прошедшему столѣтію.

Г. Богатовъ. Хорошо, хорошо! А тамъ скажу я ей, а тамъ я ей скажу... что... я... что она... Вотъ тутъ-то, мой милый, и запятая.

Князь. Потомъ вы признаетесь ей въ любви своей.

Г. Богатовъ. Да, да, потомъ признаюсь ей въ любви моей, то-есть скажу, что я люблю ее.

Князь. Какое мѣщанское выраженіе! «Я люблю васъ!»—какъ это обыкновенно! Нынче, сударь, одни провинціалы и простой народъ любятъ; а мы обожаемъ, боготворимъ!

Г. Богатовъ. Право! Вотъ видишь-ли, мой милый, все это для меня ничего, пустячки; вся сила въ томъ, какъ начать, а тамъ ужь не бойсь, лицомъ въ грязь не ударимъ.

Князь. Какъ начать? Ну, вотъ, напримѣръ, представьте себѣ, что я баронесса; вы подходите къ ней и начинаете говорить: «Какъ я радъ, сударыня...»

Г. Богатовъ. «Какъ я радъ, сударыня...»

Князь. «Что могу, наконецъ, говорить съ вами откровенно о моихъ чувствахъ».

Г. Богатовъ. «Говорить съ вами откровенно о моихъ чувствахъ».

Князь. Теперь, положимъ, что баронесса скажетъ: «Какъ, сударь, о вашихъ чувствахъ! Я не понимаю васъ, что хотите вы сказать».

Г. Богатовъ. Что? Какъ что?

Князь. Отвѣчайте-же.

Г. Богатовъ. Погоди, погоди, дай справиться. Что, бишь, она спросить?

Князь. «Что хотите вы сказать?»

Г. Богатовъ. «Я хочу сказать, сударыня, что... что...» Да вздоръ, братецъ, она этого не спросить. Зачѣмъ ей спрашивать? Вѣдь она знаетъ, что я въ нее влюбленъ.

Князь. Но, сударь, въ такихъ случаяхъ женщины должны хоть для одной проформы казаться недогадливыми.

Г. Богатовъ. Вотъ еще какое глупое обыкновеніе! Ну, я скажу ей: «Сударыня! я хочу объявить вамъ,

что ваша красота пронзила мое сердце; что чувства мои, то-есть мои чувства, отъ прелестей вашихъ, которыя прельщаютъ взоръ, сирѣчь зрѣніе, прельстили мои чувства и свели съ ума вашего покорнѣйшаго слугу. А! каково?

Князь. Изрядно!

Г. Богатовъ. Слушай, слушай, то-ли еще будетъ! «Прекрасная и жестокая баронесса! я обожаю тебя!»

Князь. Хорошо, хорошо! жестокая и прекрасная баронесса!

Г. Богатовъ. «Помилуй! я умираю, горю, таю!»

Князь. Прекрасно!

Г. Богатовъ. То-то же, мой милый! я тебѣ говорилъ: лиха бѣда мнѣ начать, а тамъ ужь только слушай!

Князь. Теперь я не сомнѣваюсь: вы успѣете совершенно вскружить голову моей кузинѣ.

Г. Богатовъ. Ой-ли? Какъ-бы только не забыть начало. Какъ быть? Да, да: «Какъ я радъ, сударыня...»

Князь. Да вотъ и она!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И БАРОНЕССА.

Князь (*идя къ ней навстрѣчу*). Что, сударыня, невеста моя поетъ?

Баронесса. Она сейчасъ только начала пѣть арію изъ «Жюконда».

Князь. Изъ «Жюконда!» Извините, я васъ оставляю.

Г. Богатовъ (*тихо князю*). Я что-то, мой милый, начинаю робѣть!

Князь (*тихо*). Стыдитесь! (*Громко*). Я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ, сударь. (*Идя вонъ, тихо баронессѣ*). Не забудьте о моей женитьбѣ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

БАРОНЕССА И БОГАТОНОВЪ.

Баронесса (*посль минутнаго молчанія*). Вы хотѣли что-то говорить со мною.

Г. Богатовъ. Да-съ, я хотѣлъ... (*Въ сторону*). Гмъ! гмъ! смѣльте! (*Громко*). Какъ я радъ, сударыня.

Баронесса. Вы рады?

Г. Богатовъ. Да, сударыня, я радъ, очень радъ!...

Баронесса. Чему-же вы радуетесь, сударь?

Г. Богатовъ. Чго... что сегодня у насъ прекрасная погода. (*Въ сторону*). О, трусь!

Баронесса. Вы это только и хотѣли мнѣ сказать?

Г. Богатовъ. Ахъ, сударыня!...

Баронесса. Вы вздыхаете?

Г. Богатовъ. Да, сударыня, я вздыхаю. Ахъ!...

Баронесса. Можно-ли спросить васъ о причинѣ сихъ вздоховъ?

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Она спрашиваетъ! Не робѣй, Иванъ Сидорычъ. (*Громко*). Я вздыхаю оттого, что долженъ вздыхать.

Баронесса. Должны! Поэтому вы имѣете какую-нибудь скрытную горестъ; сердце ваше неспокойно?

Г. Богатовъ. Бѣдненькое, оно все изныло!

Баронесса. Отчеге-же? Скажите, г. Богатовъ, кто причиною вашей горести?

Г. Богатовъ. Одна безжалостная особа...

Баронесса. Безжалостная особа?

Г. Богатовъ. Тиранка моего сердца.

Баронесса. Какъ, сударь! да вы влюблены.

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Ухъ, насилу догадалась!

Баронесса. И, мнѣ кажется, не на шутку.

Г. Богатовъ. Какія шутки! Я горю, плаю, таю!

Баронесса. И даже таете! Какъ это жалко!

Г. Богатовъ. Вы жалѣете! Ахъ, матушка баронесса! если-бы я смѣлъ; если бы вы знали...

Баронесса. Что, сударь?

Г. Богатовъ. Ни-ничего, ничего, сударыня. (*Въ сторону*). Съ духомъ не могу собраться!

Баронесса. И такъ, вы любите эту жестокую?

Г. Богатовъ. Люблю!—О, нѣтъ, сударыня, Боже сохрани!

Баронесса. Что это значить? (*Въ сторону*). Онъ повредился!

Г. Богатовъ. За кого вы меня принимаете! Чтобъ я сталъ любить,—я обожаю, боготворю!

Баронесса. Такъ вы обожаете, а не любите. Кто-же эта счастливая смертная...

Г. Богатовъ. Мучительница моя? Ахъ, сударыня! она самая прекрасная и самая жестокая персона въ цѣломъ свѣтѣ. Я страдаю, томлюсь—и она не хочетъ этого и замѣтить.

Баронесса. Можетъ быть вы не искали случая доказать ей любовь свою; женщины помѣшаны на доказательствахъ: это лучший способъ тронуть ихъ сердце. Да и какъ вѣрить словамъ вашимъ: вы всѣ мужчины обманщики.

Г. Богатовъ. Помилуйте, матушка баронесса!

Баронесса. Нѣтъ, нѣтъ, опытъ меня увѣрилъ въ этомъ. Вотъ, напримѣръ, вы, описывая такимъ плѣнительнымъ образомъ любовь вашу, вкрадываясь, такъ сказать, въ сердце, смѣтаетесь, можетъ быть, внутренно надъ тою, которая вамъ вѣрить.

Г. Богатовъ. Ахъ, Боже мой! да какія вамъ надобно доказательства? Хотите-ли, чтобъ я выпрыгнулъ изъ окошка, сломилъ себѣ шею; хотите-ли...

Баронесса. Сломить себѣ шею есть, конечно, хорошее доказательство любви, и я не ожидала менѣе отъ чловѣка, который не любить, а обожаетъ; но такое доказательство неразлучно съ нѣкоторыми неприятностями, и для того, еслибъ я была на мѣстѣ этой неизвѣстной мучительницы...

Г. Богатовъ. Еслибъ вы были на ея мѣстѣ?...

Баронесса. То въ доказательство любви вашей не заставила бы васъ прыгать изъ окошка, а попросила-бы составить скорѣе благополучіе моего cousin, князя Блесткина.

Г. Богатовъ. За этимъ дѣло не станеть; и если вы только хотите...

Баронесса. Но я не имѣю никакого права требовать этого.

Г. Богатовъ. Требуйте, сударыня, требуйте!

Баронесса. Именемъ дружбы... Надѣюсь, сударь, этимъ правомъ я могу пользоваться?

Г. Богатовъ. Безъ сомнѣнія! И такъ, я могу называть васъ своимъ другомъ?

Баронесса. О, конечно!.. А скоро-ли будетъ свадьба вашей племянницы?

Г. Богатовъ. Лишь только ее уломаемъ, такъ и въ церковь.

Баронесса. И вы будете ее уговаривать?

Г. Богатовъ. Сегодня-же.

Баронесса. Честное слово?

Г. Богатовъ. Вотъ вамъ рука моя.

Баронесса (*подаетъ ему руку*). Смотрите-же; а не то я вамъ ни въ чемъ не буду вѣрить.

Г. Богатовъ (*цѣлуя ея руку*). Какая прекрасная ручка!

Баронесса. Перестаньте, сударь!

Г. Богатовъ. Ахъ, матушка сударыня! да какъ не цѣловать такія ручки!

Баронесса. Вы забыли: я могу узнать вашу знакомку и пересказать ей...

Г. Богатовъ. Да вы ее знаете.

Баронесса. Неужели?

Г. Богатовъ. И очень хорошо.

Баронесса. Вы шутите! Кто же она?

Г. Богатовъ. Она, сударыня, она... (*Въ сторону*). Ну, такъ и быть, была не была! (*Громко*). Эта прекрасная знакомка, эта тиранка...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-жѣ и Анята (*скоро вбѣгаетъ*).

Анята. Барыня приказала васъ звать кушать.

Г. Богатовъ. Тѣфу, мерзкая, проваль бы тебя взялъ, какъ съ неба свалилась.

Анята. Она изволила ужь сѣсть за столъ.

Г. Богатовъ. Эка бѣда! такъ и надобно тебѣ было вбѣжать сюда, выпяля глаза, какъ бѣшеной. (*Въ сторону*). Нелегкая принесла ее, проклятую; было лишь только развернулся.

Баронесса. Пойдемте, сударь; вы забыли, что насъ ожидаютъ.

Г. Богатовъ. Пойдемте, нечего дѣлать. (*Проходя мимо Анюты*). Добро, негодная! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Анюта (*одна*).

За что онъ изволилъ такъ разгнѣваться? Онъ что-то говорилъ съ жаромъ баронессѣ... Ужъ нѣтъ-ли тутъ чего-нибудь? Вѣдь не даромъ же онъ около нея увивается; даетъ ей праздники, обѣды... Такъ точно! Ахъ, я дура, до сихъ поръ не могла догадаться, что онъ за ней волочится! Такъ вотъ почему баринъ хочетъ выдать замужъ свою племянницу; теперь я понимаю: баронесса хлопочетъ за своего двоюроднаго брата. Но постойте, сударыня, кто кого перехитрить. Во чтобъ ни стало, я разстрою ваши планы, или откажусь навсегда отъ званія горничной. (*Уходитъ*).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

МИРОСЛАВСКІЙ и ГРАФЪ.

Мирославскій. Куда вы бѣжите, графъ?

Графъ. Ахъ, дайте мнѣ перевести духъ! Никогда еще не слышалъ и не видѣлъ я столько глупостей въ одно время.

Мирославскій. Но что подумаютъ хозяева?

Графъ. Не безпокойтесь. Я сказалъ г-ну Богатову, что вспомнилъ одно важное дѣло, о которомъ долженъ пе-

реговорить съ вами наединѣ. Нѣтъ, надобно имѣть ангельское терпѣніе, чтобъ выносить спокойно цѣлые два часа несносное жеманство баронессы, плоскія остроты князя и безпрестанныя восхищенія хозяина при каждой новой глупости своего милаго Блесткина.

Мирославскій. Мнѣ жаль очень бѣднаго Богатонова; эти друзья успѣли совершенно вскружить ему голову.

Графъ. Этотъ князь...

Мирославскій. Нимало для васъ не опасенъ.

Графъ. Однакожъ, Богатоновъ положилъ непремѣнно выдать за него свою племянницу.

Мирославскій. И князь, будучи увѣренъ, что она богатая наслѣдница, положилъ также непремѣнно на ней жениться; но когда узнаеть...

Графъ. Что такое?

Мирославскій. Что въ наслѣдство послѣ дядюшки останутся ей одни долги.

Графъ. Какъ! неужели Богатоновъ успѣлъ уже рачитчить свое имѣніе?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Филутони.

Мирославскій. Да, графъ! Богатоновъ почти совершенно разорился.

Филутони (*въ сторону*). Што я слышъ!

Мирославскій. Если онъ долженъ, то ему придется уѣхать потихоньку изъ Петербурга, чтобъ успѣть сберечь хотя что-нибудь изъ своего состоянія.

Филутони (*тоже*). Ай, ай, ай!

Мирославскій. Я почти увѣренъ, что ему должно будетъ, наконецъ, объявить себя банкротомъ и не платить никакихъ долговъ.

Филутони (*тоже*). Што, што! не плати долхъ? Боже сохрани. (*Громко*). Милостиви государь!

Мирославскій. А, Филутони! Что тебѣ, мой другъ, надобно?

Филутони. Исфинить, мой коши спросить фась: ви исфолилъ кафарить, што каспадинъ Покатонъ совсѣмъ разориль?

Мирославскій. Что Богатовъ совсѣмъ разорился?
Филутони. Та, сударь.

Мирославскій. Да какое тебѣ до этого дѣло?

Филутони. Я принимаю польшой участіе въ monsieur Покатонѣ.

Мирославскій (*въ сторону*). Какая счастливая мысль! (*Вслушь*). Ну, если такъ, то я скажу тебѣ: онъ въ самомъ дѣлѣ разорился.

Филутони. И коши ѣздить въ терефнѣ?

Мирославскій. Не такъ еще скоро.

Филутони. О, очень скоръ; онъ не коши платить толгъ.

Мирославскій. Какой вздоръ! Будь спокоенъ, мой другъ. Если онъ тебѣ долженъ, то прежде не выѣдетъ изъ Петербурга, пока не заплатитъ.

Филутони. Карашо, карашо! (*Въ сторону*). Онъ тумай обмануть; нѣтъ, мой батюшкѣ!

Мирославскій. Совѣтую тебѣ недѣли три его не беспокоить.

Филутони. Очень корошо! (*Въ сторону*). Не такъ клупъ, мой фосметъ свой прекосіонъ! (*Громко*). Прошайте, коспода.

Мирославскій. Куда же ты?

Филутони. Я имѣю непольшой нуждъ. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Графъ и Мирославскій.

Мирославскій. Ну, теперь дѣла наши пойдутъ своимъ чередомъ. Я увѣренъ, этотъ французъ обѣжитъ сегодня домовъ десять, а завтра же заимодавцы нагрянутъ кучею къ Богатову, а приятели не будутъ узнавать его въ лицо; можетъ быть это заставитъ его образумиться.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и г. Богатовъ.

Г. Богатовъ. А, батюшка графъ, вы здѣсь! Ну, все ли изволили переговорить съ Мирославскимъ?

Мирославскій. Да, мы переговорили все, что надобно.

Г. Богатовъ. Ужь вѣрно о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ?

Графъ. Г. Мирославскій говорилъ объ одномъ пріятелѣ своемъ, котораго желалъ бы избавить отъ совершеннаго разоренія.

Г. Богатовъ. Вѣрно онъ, бѣдняжка, попался подъ судъ, и Мирославскій просилъ ваше сіятельство замолвить за него словечко?

Мирославскій. Нѣтъ, мой другъ...

Г. Богатовъ. Да отчего не хотѣлъ ты мнѣ сказать о немъ? Вѣдь и мы также, благодаря Бога, не безъ пріятелей.

Мирославскій. Это совсѣмъ другого рода дѣло. Вотъ видишь ли, мой другъ: одинъ изъ моихъ знакомыхъ, чело-вѣкъ простой, но очень добрый, задумалъ жить не по своему состоянію: началъ проматывать имѣнье, завелъ большое знакомство; да такъ какъ онъ плохо знаетъ свѣтъ...

Г. Богатовъ. Вѣрно, братъ, пріятель твой какой-нибудь деревенщина?

Мирославскій. Да, онъ недавно пріѣхалъ изъ деревни.

Г. Богатовъ. Ну, такъ и есть; я ужь смекнулъ дѣломъ! И вѣрно полѣзь въ знать?

Мирославскій. Ты отгадай.

Г. Богатовъ. Точно такъ! А на знатнаго-то чело-вѣка совсѣмъ не походить?

Мирославскій. Ни крошечки. У него наплись пріятеля, которые стали обыгрывать его въ карты, занимать деньги...

Г. Богатовъ. Ничто ему: не въ свои сани не садись!

Мирославскій. И онъ твердо увѣренъ, что всѣ эти пріятеля любятъ его самого, а не его деньги.

Г. Богатовъ. Экій простакъ!

Мирославскій. Его обирають, обыгрываютъ, смѣются надъ нимъ въ глаза; а онъ же говоритъ, что очень имъ обязанъ.

Г. Богатовъ. Прошу покорно, ха, ха, ха! И родятся же такіе олухи! да скажи пожалуйста, гдѣ живеть этотъ бѣдняжка?

Мирославскій. Здѣсь въ Петербургѣ.

Г. Богатовъ. Здѣсь? Тѣфу пропасть! я почти весь городъ знаю, а кажется, будто этакого чудака нигдѣ не видалъ.

Графъ (*тихо Мирославскому*). Мнѣ право его жалъ!

Г. Богатовъ. Та, та, та, знаю, знаю! Такъ точно, это вѣрно Промотаевъ. Да развѣ ты съ нимъ знакомъ?

Мирославскій. Нѣтъ, мой другъ, ты ошибаешься!

Г. Богатовъ. Полно, полно, не обманешь; ты описалъ его точъ въ точъ. Это, ваше сіятельство, прежалкій человѣкъ! Забралъ себѣ въ голову, что можетъ быть въ дружбѣ съ знатными; ну, а гдѣ ему... человѣкъ простой, двухъ перечестъ не умѣеть; весь свѣтъ надъ нимъ смѣется.

Мирославскій. И онъ одинъ только думаетъ, что ни мало не смѣшонъ.

Г. Богатовъ. Куда ты! Да еще барится, думаетъ, что онъ преважная особа; умора да и только!

Мирославскій. Ха, ха, ха! это въ самомъ дѣлѣ забавно. (*Къ графу*). Графъ! мнѣ кажется, и вы смѣтесъ?

Г. Богатовъ. Да какъ не смѣяться! Посмотрѣли бы вы на Промотаева: чуть кто не графъ, да не князь, такъ и взглянуть не хочеть; а самъ-то, ха, ха, ха! что за рожа! Ну, мужикъ мужикомъ. Еслибъ вы знали, какъ его, бѣдняжку, обманываютъ! Вотъ, напримѣръ: какой-то плять взялся ему выписать изъ Парижа то самое вино, которое употребляютъ тамъ, при дворѣ, да и содралъ съ него рублей по тридцати за бутылку, ну, какъ вы думаете, вѣдь никто его не переувѣритъ; хоть ты его зарѣжь, а стоитъ въ томъ, что вино прямо съ королевскаго стола. Ха, ха, ха! А вино-то куплено здѣсь въ какомъ-то погребѣ.

Графъ. Это и смѣшно и жалко. (*Вынимаетъ табакерку*).

Г. Богатовъ. А, кстати! (*Вынимаетъ свою табакерку*). Не прикажете ли, ваше сіятельство?

Графъ. Французскій?

Г. Богатовъ. Французскій; да чудо, не табакъ! (*Графъ молчитъ*). Ну, что, батюшка графъ, каковъ?

Графъ. Табакъ порядочный!

Г. Богатовъ. Порядочный! Ха, ха, ха! Да сказать ли вамъ по секрету: вѣдь это тотъ самый табакъ, который дѣлаютъ въ Парижѣ для одной царской фамилии.

Мирославскій (*въ сторону*). Это стоитъ королевскаго вина!

Графъ. Я думаю, вы очень дорого за него платите?

Г. Богатовъ. Таки не дешево. Да у меня ужъ, батюшка ваше сіятельство, такой обычай: давай все лучшее, а за деньгами не стоимъ. Вотъ, напримѣръ, моя библиотека: всю, батюшка, до книжки выписалъ изъ Парижа.

Мирославскій. Это что-то новое! Давно-ли ты сдѣлался охотникомъ до книгъ?

Г. Богатовъ. Здѣсь, братъ, поневолѣ сдѣлаешься! Я мѣсяца съ два какъ завелъ библиотеку; дорого она мнѣ проклятая стоитъ; и читать-то правда я по французски не умѣю, да что будешь дѣлать; куда не загляни, у всякаго библиотека. Вѣдь надобно же что-нибудь въ кабинетъ-то поставить.

Графъ. А какихъ больше у васъ книгъ?

Г. Богатовъ. Какихъ! Да всяка, батюшка ваше сіятельство: есть и большія и маленькія.

Мирославскій. Я думаю, племянница твоя любитъ читать?

Г. Богатовъ. Племянница умираетъ на книгахъ. Она вздумала было ставить ихъ по своему: ученые къ ученымъ, такія къ такимъ...

Графъ. То есть, племянница ваша хотѣла ихъ расположить по матеріямъ.

Г. Богатовъ. Анъ и вышло дурно. А я такъ взялъ да подобралъ ихъ, крупныя къ крупнымъ, а мелкія къ мелкимъ, такъ теперь любо дорого смотрѣть.

Мирославскій. Вотъ что значитъ любить порядокъ!

Г. Богатовъ. Да не прикажете ли, ваше сіятельство, посмотрите сами, прошу покорно.

Графъ. Очень хорошо! (*тихо Мирославскому*). Пойдемте смотрѣть эту несчастную библиотеку. (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

КНЯЗЬ И БАРОНЕССА (*выходятъ изъ противоположной стороны*).

Князь. Куда это Богатовъ повелъ своихъ гостей? Вѣрно въ библіотеку. Онъ не отстаеъ ни на минуту отъ этого графа.

Баронесса. Вы безпрестанно говорите о графѣ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ замѣтили...

Князь. Какой забавный вопросъ! Мнѣ кажется, не трудно было примѣтить, что графъ садился всегда подлѣ Лизы, глядѣлъ безпрестанно на Лиану, относился поминутно къ Лизѣ и былъ вѣжливъ только съ Лизою.

Баронесса. Это оттого, что она давно уже его знаетъ.

Князь. За столомъ онъ говорилъ съ ней вполголоса; она потупила глаза, краснѣла, бросала на него изподтишка такіе стыдливые, робкіе взгляды!.. Не правда ли, и это также оттого, что она съ нимъ давно уже знакома?

Баронесса. Что съ вами сдѣлалось, mon cousin? Я не смѣю вѣрить, — ужь не ревнуете ли вы?

Князь. Погодите, дайте мнѣ жениться, и тогда, надѣюсь, вы не сдѣлаете мнѣ этого упрека; но теперь, признаюсь вамъ, я очень былъ радъ, что Богатова занялась грань-пасансомъ, и я могу свободно говорить съ вами о моихъ подозрѣніяхъ.

Баронесса. Неужели графъ Владимовъ, этотъ жалкій чудакъ, кажется вамъ опаснымъ соперникомъ?

Князь. Не онъ, а его четыре тысячи душъ! Замѣтили ли вы, какъ господинъ Богатовъ за нимъ ухаживаетъ?

Баронесса. О, что касается до Богатова, вы можете быть спокойны; бѣдняжка потерялъ совершенно голову.

Князь. Кстати! вы ничего мнѣ еще не сказывали о вашемъ tête-à-tête; — дѣлаеъ ли какіе-нибудь успѣхи мой воспитанникъ?

Баронесса. Неимовѣрные. Онъ становится часъ отъ часу забавнѣе.

Князь. Вы говорили о моей женитьбѣ?

Баронесса. Г. Богатовъ далъ мнѣ честное слово вынче же поговорить съ своей племянницей и настоятельно требовать ея согласія.

Князь. Какъ я вамъ обязанъ!

Баронесса. Не благодарите меня. Сначала я рѣшилась играть эту комедію для того только, что надѣялась помочь вамъ сдѣлать выгодную партію; но теперь... О, вы не можете представить, какъ забавляютъ меня дурачества этого Богатова.

Князь. И такъ, я могу надѣяться...

Баронесса. На покровительство дяди; за это я вамъ ручаюсь.

Князь. Какая восхитительная будущность! Я живу открыто, безпрестанные балы, вечера. Жена моя будетъ принимать гостей; къ ней станутъ прѣзжать; но настоящей хозяйкою будете вы, кузина: вы станете всѣмъ распоряжаться; сдѣлаетесь душою нашего общества!

Баронесса. Которое составитъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ.

Князь. Безъ сомнѣнія! У насъ не будутъ извѣстны эти скучныя монотонныя игры, эти безконечныя бостоны, несносныя висты; крепсь, макао...

Баронесса. И небольшой фараончикъ. Вы знаете, князь, какъ я его люблю.

Князь. Мы заведемъ домашній театръ. Другъ вашъ, прелестная Оленька, станетъ играть скромныхъ Агнесъ.

Баронесса. А вы страстныхъ любовниковъ.

Князь. И жена моя, сидя между зрителей, будетъ намъ аплодировать. О, это восхитительно?

Баронесса. Мечтатель!

Князь. Не правда-ли, я прекрасно расположилъ будущій образъ моей жизни?

Баронесса. Нельзя лучше; теперь остается только подумать о бездѣлицѣ: ну, если Лиза, несмотря на всѣ увѣщанія своего дядя, не согласится выдти за васъ замужъ?

Князь. Если... Это проклятое если разстраиваетъ всѣ мои планы; и сказать вамъ правду, я имѣю много причинъ опасаться этого. Если подозрѣнія мои справедливы, если графъ...

Баронесса. Отъ него очень легко избавиться. Я увѣрю Богатова, что онъ долженъ отказать ему отъ дому.

Князь. И вы думаете, онъ васъ послушается.
Баронесса. Безъ сомнѣня.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же и г-жа Богатонova.

Г-жа Богатонova. Вы здѣсь; а я было васъ заискала. Куда-же дѣвались мой мужъ и графъ?

Князь. Они въ библиотекѣ.

Г-жа Богатонova. Ну, матушка баронесса, вѣдь грань-пасиансъ-то не вышель.

Баронесса. Не вышель! Какъ досадно; а я было загадала...

Г-жа Богатонova. Что такое?

Баронесса. Скоро-ли будетъ свадьба вашей племянницы.

Г-жа Богатонova. Скоро, скоро! Я еще нынче говорила объ этомъ съ Лизанькой.

Князь. Право! Поэтому она начинаетъ быть ко мнѣ милостивѣе.

Г-жа Богатонova. Я думаю, что такъ. Прежде она только и твердила, что хочетъ вѣчно остаться въ дѣвкахъ; а теперь говорить уже, что жить съ милымъ человѣкомъ гораздо прятнѣе, чѣмъ умереть въ одиночествѣ.

Князь. Но кто-же этотъ милый человѣкъ?

Г-жа Богатонova. Да кому-же быть, какъ не вамъ, батюшка; вѣдь за нее кромѣ васъ никто не сватается.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же, г. Богатонovъ, Мирославскій и графъ.

Г. Богатонovъ. Помилуйте, ваше сіятельство, куда-же вы изволите спѣшить?

Графъ. Мнѣ непременно надобно заѣхать въ одно мѣсто.

Мирославскій. Мы черезъ два часа опять сюда будемъ. (Кланяются).

Графъ (*къ Богатонову, который идетъ провожать*).
Прощу васъ, не безпокойтесь.

Г. Богатовъ. И, графъ, что такое.

Графъ. Къ чему эти церемоніи; останьтесь. (*Уходитъ съ Мирославскимъ, г. Богатовъ провожаетъ ихъ за дверь*).

Князь. Я не понимаю! Г. Богатовъ такъ ухаживаетъ за графомъ, какъ будто онъ какая-нибудь важная особа.

Баронесса. И онъ-же показываетъ, что всѣ эти вѣжливости ему въ тягость.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Князь, баронесса, г-жа Богатонина и г. Богатовъ.

Г. Богатовъ (*къ князю*). Ну, мой милый, пусть-же я графу-то пыли въ глаза. А! каковъ у насъ былъ нынче десертъ?

Князь. Прекрасный!

Г. Богатовъ. А вина?

Князь. Превосходныя!

Г. Богатовъ. То-то-же! (*Къ баронессѣ*). Поглядѣли-бы вы, матушка, какъ онъ разинулъ ротъ, какъ я привелъ его въ библіотеку.

Баронесса. И онъ не сказалъ, сударь, что книги ваши никуда не годятся, что кабинетъ убранъ безъ всякаго вкуса.

Г. Богатовъ. Вотъ тебѣ на! Да отчего-бы онъ сказалъ это?

Баронесса. Оттого, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего по его мыслямъ; оттого, что онъ привыкъ находить все дурнымъ, и бранить всѣхъ, выключая самого себя.

Князь (*къ Богатонинѣ*). Да, онъ человекъ преопасный! Знаете-ли, отчего онъ живетъ въ деревнѣ? Здѣсь никто не хотѣлъ съ нимъ знаться.

Г-жа Богатонина. Неужели?

Баронесса (*къ г. Богатонову*). Замѣтили-ли, съ какой презрительной усмѣшкой смотрѣлъ онъ на вашъ серебряный сервизъ; какъ морщился, когда пилъ вино?

Г. Богатовъ. Шутите!

Князь (*г-жа Богатовой*). Вы вѣрно не примѣтили, сударыня, что онъ безпрестанно осматривалъ васъ съ ногъ до головы, шепталъ на ухо Мирославскому и смѣялся вамъ почти въ глаза.

Г-жа Богатова. Ахъ онъ деревенщина!

Баронесса (*г. Богатову*). Неужто вы не слышали, какъ онъ разсуждалъ за столомъ, что для него жалки, то есть смѣшны, всѣ тѣ, которые оставляютъ деревни для того, чтобъ прожить въ столицѣ все свое имѣніе? Вѣдь онъ говорилъ это на вашъ счетъ.

Г. Богатовъ. Вотъ тебѣ на! Да какое ему до меня дѣло?

Князь (*г-жа Богатовой*). Помните-ли, какъ онъ, не зная къ чему, сталъ доказывать, что ничего не можетъ быть смѣшнѣе пожилой женщины, которая наряжается, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, и при этихъ словахъ взглянулъ съ насмѣшливою улыбкою на розовую гирлянду, которая у васъ на головѣ.

Г-жа Богатова. Ахъ, батюшки! Да смотрѣлъ-бы онъ на себя! Вотъ еще выискался какой учитель.

Баронесса. Знаете-ли, что онъ сочиняетъ стихи, пишетъ на всѣхъ сатиры; посмотрите, если онъ и на васъ какихъ стиховъ не выпустить.

Г. Богатовъ. Боже сохрани!

Баронесса. Ну, если онъ вздумаетъ напечатать въ своей сатирѣ, что у васъ прескверное вино, и сервизъ не серебряный, а аплике?

Г. Богатовъ. Аплике! Ахъ, разбойникъ! онъ этакъ совсѣмъ меня осрамить!

Князь. Не принимайте его; это лучшее средство избавитья всѣхъ непріятностей.

Г-жа Богатова (*мужу*). Въ самомъ дѣлѣ, батюшка! Что за важность; вѣдь мы жили-же безъ него. Только слава-то, что графъ, а, право, онъ хуже простого дворянина.

Г. Богатовъ. Однакожь, жена, что ни говори, человекъ онъ знатный.

Баронесса. Мнѣ кажется даже, — этотъ графъ имѣетъ виды на вашу племянницу.

Г. Богатовъ. На мою племянницу! О, это пустое,

и чтобъ онъ этого и въ головѣ не держалъ, я позову ее сейчасъ сюда, и заставлю дать слово князю.

Баронесса (*тихо*). Я вижу, вы хотите сдержать ваше обѣщаніе.

Г. Богатовъ (*тихо*). Еслибъ я могъ также надѣяться?

Г-жа Богатова. О чемъ вы потихоньку разговариваете?

Г. Богатовъ (*испугавшись*). Такъ ничего, ничего;— о погодѣ!

Князь (*къ Богатовой*). Ахъ, сударыня! я забылъ вамъ сказать: Вѣтронова развелась съ своимъ мужемъ, и знаете ли, отчего?... (*Говоритъ ей тихо*).

Г. Богатовъ. Еслибъ я могъ еще поговорить съ вами наединѣ; нынче по-утру мнѣ не удалось открыть вамъ мою тайну.

Баронесса. Не знаю, сударь, должна ли я согласиться; такая довѣренность... Но такъ и быть, вы имѣете право на мое снисхожденіе. Постарайтесь часа черезъ два быть одни въ этой горницѣ.

Г. Богатовъ. Очень хорошо!

Г-жа Богатова (*громко*). Прекрасно! мужъ назначаетъ при женѣ любовное свиданіе.

Г. Богатовъ (*испугавшись*). Что, что такое?

Г-жа Богатова. И она дура не могла до сихъ поръ этого замѣтить?

Г. Богатовъ. Какъ замѣтить?

Г-жа Богатова. Да, батюшка! Вѣтронова насилу догадалась, что мужъ ея негодяй, и только вчерась съ нимъ развелась.

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Ухъ, отдохнулъ!

Г-жа Богатова. Да что мы собрались всѣ сюда; пойдемте лучше въ мою горницу: тамъ гораздо свѣжѣе.

Князь. О, несравненно! окошки вашей комнаты даютъ въ садъ...

Баронесса. Сидя подлѣ нихъ, мы можемъ взять немного свѣжаго воздуха.

Г-жа Богатова. Пойдемте-же! А ты, мой другъ, останься, да поговори съ Лизанькой: вѣдь надобно это когда-нибудь кончить. (*Уходятъ всѣ, кромѣ г. Богатова*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Г. Богатовъ, (*и вскорѣ*) А н ю т а.

Г. Богатовъ. Эй, кто-нибудь?

А н ю т а (*входитъ*). Что вамъ угодно?

Г. Богатовъ. Позови сюда племянницу. (*Анюта уходитъ*). Мнѣ надобно принять на себя видъ посердитѣе. Постой, я сяду на эти кресла; это будетъ важнѣе. (*Садится на вольтеровскія кресла*). Она станетъ вотъ здѣсь, противъ меня; я взгляну на нее вотъ такъ и скажу: «племянница! знаешь-ли, что я тобою очень недоволенъ?» Хорошо, хорошо! посмотримъ, какъ она осмѣлится не уважить моихъ приказаній.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Г. Богатовъ, Лиза и А н ю т а.

Лиза. Вы меня звали, дядюшка?

Г. Богатовъ (*отрывисто*). Да. Подойди сюда; сюда! —ближе! такъ.

Лиза. Къ чему всѣ эти приготовленія!

Г. Богатовъ. Прошу молчать! (*Кашляетъ*). Посмотри-ка на меня прямо.

А н ю т а (*въ сторону*). Что это за комедія?

Г. Богатовъ. Знаешь-ли, племянница, что я очень тобою недоволенъ?

Лиза. Нѣтъ, дядюшка!

Г. Богатовъ. Какъ нѣтъ! да развѣ ты слѣпа?

Лиза. Нѣтъ, дядюшка!

Г. Богатовъ. Развѣ ты не видишь, что я сердить?

Лиза. Нѣтъ, дядюшка!

Г. Богатовъ (*передразнивая*). Нѣтъ, дядюшка! Да, племянница, я сердить, понимаешь-ли, очень сердить!

А н ю т а. Какъ не понять, сударь, вы говорите по-русски.

Г. Богатовъ. Молчать, негодная! ты мнѣ и такъ

ужь насолила. (*Къ Лизѣ*). Отвѣчайте, сударыня, на то, что я буду васъ спрашивать.

Лиза. Извольте, дядюшка.

Г. Богатовъ. Для чего вы не хотите выдти за князя Блесткина?

Лиза. Потому что онъ мнѣ не нравится.

Г. Богатовъ. А почему онъ вамъ не нравится, сударыня?

Лиза. Я не нахожу въ немъ ничего хорошаго.

Г. Богатовъ. А отчего вы не находите въ немъ ничего хорошаго?

Анюта. Кому, сударь, охота искать пустого мѣста.

Г. Богатовъ. Опять заговорила! Отвѣчай-же! Ну, что-же ты не отвѣчаешь?

Лиза. Потому...

Г. Богатовъ. Потому что, потому?

Лиза. Потому...

Г. Богатовъ. Что, нечего, видно, сказать; ну, говори, что въ немъ дурного?

Лиза. Все.

Г. Богатовъ. Все?

Лиза. Онъ мотъ.

Г. Богатовъ. Вадоръ!

Анюта. Вы правы, сударь! Князь не мотъ,—ему нечего уже проматывать.

Г. Богатовъ. Замолчишь-ли ты?

Лиза. Игрокъ.

Г. Богатовъ. Такъ чтожь, развѣ это бѣда?

Лиза. Вѣтренникъ.

Г. Богатовъ. Пустое, сударыня, пустое! Ты не знаешь, что сказать.

Лиза. Однимъ словомъ, онъ мнѣ не нравится, и я ни за что не выйду за него замужъ.

Г. Богатовъ (*передразнивая*). Онъ мнѣ не нравится, и оттого я не хочу за него выдти замужъ. Экое дурацкое сужденіе; а того не подумаетъ, что будетъ княгиня.

Лиза. Развѣ это названіе сдѣлаетъ меня счастливѣе?

Г. Богатовъ. Да какъ-же, глупенькая! Вѣдь ты сдѣлаешься большой барыней; всѣ знатные станутъ къ тебѣ ѣздить, будутъ говорить: вчерась я былъ на балѣ; завтра ѣду на званный обѣдъ—къ ея сіятельству княгинѣ Блесткиной. А! къ ея сіятельству! что, скажешь, это не весело?

Лиза. Ни мало.

Анюта. Вы говорите, сударь, какъ будто вашъ князь только и на свѣтѣ...

Г. Богатоновъ. Перестанешь-ли ты врать, негодница! Послушай племянница, я говорю тебѣ въ послѣдній разъ: идешь-ли ты за князя?

Лиза. Нѣтъ, дядюшка!

Г. Богатоновъ (*вскакиваетъ*). Такъ я-жъ тебѣ ска- зываю: ты будешь за нимъ, или я лишу тебя наслѣдства!

Лиза. Какъ вамъ угодно.

Г. Богатоновъ. Не буду называть племянницей!

Лиза. Воля ваша.

Г. Богатоновъ. И укрѣплю все имѣніе князю.

Лиза. Это отъ васъ зависитъ.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Экая упрямая! (*Громко*). Послушай, Лизанька, другъ мой! утѣшь меня, не упрямься! А! что? ты слушаешься, не правда-ли, миленькая, ты выйдешь за князя?

Лиза. Никогда.

Г. Богатоновъ. Никогда! негодная!—никогда! без- стыдница! Да вздоръ, сударыня; я поставлю на своемъ: ты себѣ хоть тресни, а княгиней будешь!

Анюта. Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, для чего вамъ не согласиться? Во первыхъ, никто не скажетъ, что вы поль- стились на имѣніе: у него копѣйки нѣтъ за душою; во вторыхъ...

Г. Богатоновъ. Во вторыхъ, я сломяу тебѣ шею, если ты еще слово скажешь.

Анюта. Я, сударь, за васъ-же вступаюсь. Во вторыхъ, еслибъ вы знали, сударыня, кто проситъ объ этомъ вашего дядюшку.

Г. Богатоновъ. Кто проситъ?

Анюта. Правда, еслибъ барыня знала это такъ-же хорошо, какъ я, то вѣрно не стала-бы спѣшить выдавать васъ замужъ.

Г. Богатоновъ. Что это значить?

Анюта. Такъ-съ, ничего.

Г. Богатоновъ. Что ты знаешь?

Анюта. Мы знаемъ, что знаемъ.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Ужъ не провѣдала-ли она какъ-нибудь! Быть не можетъ. (*Громко*). Послушай, голу- бушка, я не люблю обиняковъ; говори прямо, что ты знаешь?

Анюта. Вы приказываете, сударь? Я знаю, что баронесса...

Г. Богатовъ (*Анюта тихо*). Тсъ! — Племянница, пойдн въ свою комнату.

Лиза. Вы на меня сердитесь, дядюшка?

Анюта. Что-же дѣлать, вѣдь и на него также сердятся.

Г. Богатовъ. Она при ней все выскажетъ! (*къ Лизѣ*). Нѣтъ, мой другъ, я не сержусь.

Лиза. Вы не будете болѣе отъ меня требовать...

Г. Богатовъ. Хорошо, хорошо! Ступай-же, душенька. (*Лиза уходитъ, г. Богатовъ останавливаетъ Анюту*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Г. Богатовъ и Анюта.

Г. Богатовъ. Пстой, пстой, голубушка! Ты должна прежде сказать мнѣ, что ты знаешь.

Анюта. Смотрите-же, сударь, чуръ не краснѣть. Вы влюблены въ баронессу.

Г. Богатовъ. Тсъ, тише, тише! что ты горланишь. Это вздоръ, неправда!

Анюта. Неправда? Отчего-же вы испугались?

Г. Богатовъ. Отчего?... Ты врешь; кто испугался?

Анюта. Полноте секретничать, сударь, я все знаю.

Г. Богатовъ. Все! Какъ все? (*Въ сторону*). Вотъ тебѣ на!

Анюта. Баронесса не даетъ вамъ отдыха; она хочетъ непременно женить князя на барышнѣ.

Г. Богатовъ. Какой вздоръ! (*Въ сторону*). Надобно изъ нея вывѣдать, все-ли она знаетъ. (*Громко*). Послушай: съ чего ты взяла, что я влюбленъ въ баронессу?

Анюта. Я ужъ сказала вамъ, что все знаю, и знаю даже, что вы говорили съ ней сегодня поутру.

Г. Богатовъ. Ну, что я говорилъ?

Анюта. О любви вашей, — не правда-ли?

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Ахти! она знаетъ!

Анюта. Увѣряли, что обожаете ее; не такъ-ли?

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Она все знаетъ!

Анюта. Да полно! не назначили-ли вы съ ней свиданія?

Г. Богатовъ. Анъ вотъ и вздоръ: поутру объ этомъ и слова не было.

Анюта. Такъ вы говорили съ ней объ этомъ послѣ объѣда.

Г. Богатовъ. А гдѣ назначила она мнѣ свиданіе?

Анюта. Гдѣ! И вы думаете, что я на знаю?

Г. Богатовъ. Небось скажешь—въ этой комнатѣ?

Анюта. Да, сударь, въ этой комнатѣ.

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Ну, она все пронюхала!

Анюта. Не долго-ли вамъ будетъ здѣсь дожидаться; вѣдь баронесса-то, я думаю, прежде трехъ или двухъ часовъ къ вамъ не выйдетъ.

Г. Богатовъ. Двухъ часовъ! Такъ ты и то знаешь, что она черезъ два часа сюда будетъ?

Анюта (*въ сторону*). Черезъ два часа, прекрасно! (*Громко*). Какъ-же, сударь, я ужъ сказала, что все знаю.

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Дѣлать нечего, надобно ее приласкать! (*Громко*). Послушай, миленькая, я вижу, отъ тебя ничего не скроешь; надѣюсь, однакожь, Аннушка...

Анюта. Не беспокойтесь, сударь, я болтать не охотница.

Г. Богатовъ. То-то же, смотри, никому ни слова.

Анюта. Будьте увѣрены.

Богатовъ. Я самъ тебѣ отплачу: ты будешь вольная, получишь хорошее приданое...

Анюта. Много милости, сударь.

Г. Богатовъ. Прощай-же; я пойду теперь къ женѣ. (*Треплетъ ее по щеку*). Помни-же, Анюточка,—отпускная и приданое. (*Уходя, въ сторону*). Ну, теперь дѣло въ шляпѣ, и она съ моей стороны.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

А н ю т а (*одна*).

Добро, старый волокита, я сыграю съ тобой шуточку. Черезъ два часа! Хорошо, я приведу барыню; она услы-

пить все, и мы увидимъ тогда, на чьей улицѣ будетъ праздникъ!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Г. Богатовъ (*одинъ*).

Насилу вырвался! Жена какъ-будто на смѣхъ не хотѣла отстать отъ меня ни на минуту. Теперь засѣла она съ княземъ въ пикетъ, и вѣрно проиграетъ часа три сряду. Баронесса должна сейчасъ сюда придти.—Ну, Иванъ Сидорычъ, не осрами себя; скажи ей прямо, безъ запинки, что ты ее любишь! Тсъ! кто-то идетъ! Это она!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Г. Богатовъ и баронесса.

Баронесса. Кажется, сударь, я не заставила васъ дожидаться?

Г. Богатовъ. Нѣтъ, сударыня, я только что пришелъ.

Баронесса. Мнѣ надобно о многомъ васъ спрашивать. Говорили-ли вы съ своей племянницей?

Г. Богатовъ (*печально*). Говорилъ, сударыня.

Баронесса. И, какъ кажется, безъ всякаго успѣха?

Г. Богатовъ. Что будешь съ ней дѣлать; повѣрите-ли, матушка, я такой упрямой дѣвки еще и не видывалъ.

Баронесса. И такъ, нѣтъ никакой надежды?

Г. Богатовъ. Нѣтъ, я еще не отчаиваюсь; какъ буду ее увѣщевать каждый день, такъ можетъ быть, наконецъ, князь ей и понравится.

Баронесса. Жалкое средство!

Г. Богатовъ. Какъ вы думаете, что сказала она, когда я представилъ ей, что будетъ знатной госпожей, княгиней? «Вѣдь, дескать, отъ этого я не буду счастливей». — Прошу говорить дѣло съ такой безтолковой.

Баронесса. Но вамъ-бы должно говорить совсѣмъ другое. Вы твердили-бы ей безпрестанно, что князь ее любить; что для нея презираетъ всѣхъ женщинъ; что одна она наполняетъ его душу; что ею одной онъ дышитъ...

Г. Богатовъ. Виноватъ, матушка, вотъ этого-то я и не догадался. Погодите, завтра-же объявлю племянницѣ, что князь ею дышитъ. Посмотримъ, что она на это скажетъ! (*Баронесса охладывается*). Что вы, сударыня?

Баронесса. Мнѣ показалось, что кто-то сюда идетъ.

Г. Богатовъ. Не безпокойтесь, насъ никто не подслушаетъ.

Баронесса. Признаюсь, я не желала-бы, чтобъ кто-нибудь, кромѣ меня, зналъ вашу тайну.

Г. Богатовъ. Избави Боже!

Баронесса. Мнѣ пріятно мыслить, что я одна заслужила вашу довѣренность.

Г. Богатовъ. Ахъ, сударыня! еслибъ я... еслибъ мы... (*Въ сторону*). Тѣфу пропасть, опять не знаю, какъ начать!

Баронесса. Что значить это смущеніе? Позвольте вамъ напомнить, сударь, вы говорите съ другомъ вашимъ.

Г. Богатовъ. Не знаю, отчего, но всякій разъ, какъ говорю съ вами, на меня такой столбнякъ находить.

Баронесса. Можетъ быть оттого, что воображеніе ваше наполнено прекрасною незнакомкой: вы думаете, что говорите съ нею.

Г. Богатовъ. Точно, точно! я какъ будто вижу ее передъ собою.

Баронесса. Вы обѣщали открыть мнѣ...

Г. Богатовъ. Ея имя, да, сударыня, я обѣщался; но позвольте мнѣ прежде поговорить съ вами объ одномъ искреннемъ моемъ пріятелѣ.

Баронесса. Что такое?

Г. Богатовъ. Онъ, сударыня, бѣдняжка, — пожалѣйте о немъ — онъ по уши въ васъ влюбленъ.

Баронесса. Вы шутите?

Г. Богатовъ. Еслибъ вы знали, какъ онъ мучится.

Баронесса. Мнѣ очень жаль.

Г. Богатовъ. И никакъ не можетъ собраться съ духомъ сдѣлать это признаніе.

Баронесса. Онъ очень хорошо дѣлаетъ.

Г. Богатовъ. Какъ, сударыня!

Баронесса. Онъ сталъ-бы понапрасну беспокоиться: я рѣшилась никого не любить.

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ на!

Баронесса. Мужчины не то, что были прежде; нынче вѣрность, постоянство—одни пустыя слова. Нѣтъ, сударь, я повторяю еще разъ: мы не должны любить. Я согласна, еслибъ молодые люди, подобно вамъ, соединяли въ себѣ всѣ достоинства нашихъ предковъ съ любезностію нынѣшняго времени.

Г. Богатовъ. Подобно мнѣ!

Баронесса. Еслибъ они умѣли, такъ, какъ вы, не любить, а обожать, быть скромными, не смѣть безъ трепета произнести священное слово: «люблю!», вздыхать...

Г. Богатовъ. Ахъ!

Баронесса. Такъ, какъ вы вздыхаете теперь; то, можетъ быть, я первая сказала бы мужчинамъ: вы достойны любви нашей, вы сами умѣете любить.

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Дуракъ, чего еще тебѣ! (*Громко*). Сударыня! пріятель мой точно такъ-же обожаетъ, вздыхаетъ, какъ я!

Баронесса. Неужели?

Г. Богатовъ. Онъ, какъ двѣ капли, походить на меня.

Баронесса. Право! Кто-же онъ?...

Г. Богатовъ. Кто онъ? Матушка баронесса, помилуй! (*Бросается на оба колѣна*). Вотъ онъ, весь тутъ!

Баронесса. Что это значить? А ваша незнакомка?

Г. Богатовъ. Это вы!...

Баронесса. Да встаньте же, сударь, встаньте.

Г. Богатовъ. Нѣтъ, ни за что не встану.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪ-ЖЕ, Г-ЖА БОГАТОНОВА И АНЮТА.

Анюта. Ну, сударыня, вы не хотѣли вѣрить.

Баронесса (*не видя Богатоновой*). Ахъ, Боже мой! да встанете-ли вы, сударь?

Г. Богатовъ (*не видя жены*). Издохну, а не тронусь съ мѣста.—Говори, жестокая! жить или умереть!

Г-жа Богатонина (*подойдя сзади*). Прекрасно!... Ахъ ты старый беззаконникъ!

Богатовъ (*онѣмъвъ отъ удивленія*). Что, что такое?

Г-жа Богатонина. Да встанешь-ли ты, негодный?

Г. Богатовъ (*встаетъ и въ сторону*). Ну, попался я!

Г-жа Богатонина. Ахъ ты сквернавецъ! Ну твоей-ли дурацкой харѣ влюбляться!...

Г. Богатовъ. Да послушай, жена, — ты не знаешь...

Г-жа Богатонина. Чего мнѣ еще знать, сударь?

Баронесса. Это, сударыня, была одна только шутка.

Г-жа Богатонина. Прекрасная шуточка!—Да и вы, матушка, прекрасная дама, развратить подъ старость челоуѣка!—Съ тобой-то, голубчикъ, я перевѣдаюсь.

Г. Богатовъ. Да, тѣфу пропасть, что ты разшумѣлась! Послушай!...

Г-жа Богатонина (*съ бѣшенствомъ*). Я разшумѣлась? И онъ же говорить, что я разшумѣлась!—Ахъ ты негодный, ахъ ты мерзкій старичишка! Нѣтъ, нѣтъ! я докажу тебѣ, ты увидишь, ты узнаешь.—Эй, кто здѣсь! Аннушка, зови всѣхъ сюда. (*Аннушка уходитъ*).

Г. Богатовъ. Помилуй, матушка, что ты...

Г-жа Богатонина. Да, да, всѣхъ сюда! Я хочу, чтобъ всѣ видѣли, чтобъ весь свѣтъ зналъ: племянница, князь!...

Г. Богатовъ. Какой срамъ, — жена!...

Г-жа Богатонина. Да, да, я осрамлю тебя передъ всѣми! Созову всѣхъ: знакомыхъ, людей, дѣвокъ! Лизанька, князь! (*Вѣжливъ вонъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Г. БОГАТОНОВЪ И БАРОНЕССА.

Баронесса. Что вы надѣлали!

Г. Богатовъ. Бѣда, да и только! Да откуда она выползла?

Баронесса. Ее, кажется, привела сюда Аннушка.

Г. Богатовъ. Аннушка! неужели? Ну, довхала же она меня!... Ахъ, злодѣйка! Провести меня, какъ пошлому дураку!...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, БОГАТОНОВА, КНЯЗЬ, ЛИЗА И АННУШКА.

Г-жа Богатова. Ступайте всѣ сюда!—Князь! полюбуйтесь вашимъ пріателемъ.

Князь. Да растолкуйте мнѣ!...

Г-жа Богатова. Такъ, ничего, я застала, что онъ изъяснялся въ любви этой почтенной госпожѣ, стоялъ передъ нею на колѣняхъ...

Князь. На колѣняхъ! (*тихо Богатову*). Вѣдь я говорилъ вамъ, на колѣни не становится.

Г. Богатовъ (*тихо князю*). Лукавый попуталь.

Г-жа Богатова. Онъ, чай, не признается; да нѣтъ, голубчикъ, я видѣла сама, видѣла своими глазами.

Князь (*тихо Богатову*). Постойте, я поправлю все дѣло. (*Громко*). И такъ, вы застали г. Богатова на колѣняхъ передъ баронессою?

Г-жа Богатова. Да, сударь, на колѣняхъ.

Князь. Слышали, какъ онъ изъяснялся въ любви?

Г-жа Богатова. Да, сударь, слышала, слышала своими ушами,

Князь. И сердитесь? Ха, ха, ха!

Г-жа Богатова. Ахъ, батюшка! не прикажете-ли мнѣ радоваться?

Князь. Прекрасно! это несравненная сцена! Ха, ха, ха!

Г-жа Богатова. Мнѣ кажется, батюшка, тутъ нѣтъ ничего смѣшного.

Князь. Напротивъ, надобно умереть со смѣху. Ха, ха, ха!
Г-жа Богатонова (*сердито*). Князь!

Князь. Какая забавная ошибка!

Г-жа Богатонова. Ошибка? Не думаете ли вы меня увѣрить...

Князь (*къ Богатонову*). Нечего дѣлать, сударь, намъ придется открыть нашу тайну.

Г-жа Богатонова (*къ мужу*). Какую тайну? Что это значитъ! Отвѣчайте, сударь!

Г. Богатовъ. Это значитъ... это значитъ... Князь, скажи ей.

Князь. Вы не сердитесь, а благодарить должны г-на Богатонова.

Г-жа Богатонова. Благодарить!

Анюта (*въ сторону*). Неужели этотъ князь ихъ выручить?

Князь. Имянины ваши будутъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ; г. Богатову вздумалось сдѣлать вамъ сюрпризъ.

Г-жа Богатонова. Сюрпризъ! Ужъ не этотъ ли?

Князь. Онъ упросилъ меня и баронессу присоединиться къ нему и выучить втроемъ небольшую комедію. Я не умѣю играть нѣжныхъ ролей, и для того взялъ роль мужа, а господинъ Богатовъ роль любовника.

Баронесса. А я той, въ которую онъ влюбленъ.

Князь. Нынѣшній день хотѣли мы сдѣлать репетицію; всѣмъ оставить васъ было нельзя, и для того г. Богатовъ ушелъ въ эту комнату съ баронессою.

Г-жа Богатонова. Какъ, сударь! то, что онъ говорилъ...

Князь. Было ни что иное, какъ роль любовника, которую онъ хотѣлъ играть въ комедіи.

Г. Богатовъ. Да, мой другъ, мы съ баронессой протверживали наши роли.

Г-жа Богатонова. Неужели я ошиблась?

Анюта (*тихо Богатовой*). Помилуйте, сударыня, ну похоже ли это на истину?

Г-жа Богатонова. Молчи, это не твое дѣло. (*Къ Богатову*). Ты протверживалъ свою роль, ну, такъ и надобно было тебѣ назначать для этого потихоньку свиданіе съ баронессою?

Князь. Да какъ же бы иначе отъ васъ скрыть, что мы готовимъ вамъ сюрпризъ.

Г. Богатовъ. Конечно, ты все дѣло испортила; за то тебѣ и сюрприза не будетъ.

Баронесса. Я первая отказываюсь отъ своей роли. Послѣ такого обиднаго подозрѣнія со стороны госпожи Богатовой...

Г. Богатовъ. Вотъ видишь ли, ты разобидѣла баронессу.

Г-жа Богатова. Но могло ли мнѣ придти это въ голову? Я и теперь еще не знаю, что думать.

Князь. Но вы знаете, сударыня, какъ я люблю васъ и почитаю; слѣдственно, не могу обманывать: повѣрьте, это было такъ, какъ я рассказывалъ.

Г-жа Богатова. Нечего дѣлать; если всѣ меня увѣряютъ, то видно я въ самомъ дѣлѣ виновата. Извините меня, матушка баронесса; что дѣлать, мы всѣ люди, всѣ человѣки, долго ли ошибиться.

Баронесса. Я извиняю васъ отъ добраго сердца.

Г-жа Богатова (*мужу*). Ты не сердись?

Г. Богатовъ. Ну, добро, такъ ужъ и быть я тебя прощаю.

Анюта (*въ сторону*). Ну, какъ не треснуть съ досады! И она же просить прощенія.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Мирославскій и графъ.

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Опять этотъ графъ!

Мирославскій (*къ Богатову*). Вотъ, мой другъ, мы опять здѣсь.

Г. Богатовъ. Гдѣ изволили побывать, ваше сіятельство?

Графъ. У нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ моихъ.

Мирославскій. Мѣстахъ въ пяти. Мы очень устали, но хотѣли непременно сдержать свое слово, провести вмѣстѣ вечеръ и отужинать съ вами.

Г-жа Богатова (*къ Мирославскому*). Вамъ мы очень рады, батюшка, но намъ совѣстно графа, — онъ будетъ голоденъ.

Графъ. Я, сударыня?

Г-жа Богатоннова. Да, сударь. Вы, я думаю, привыкли къ деликатнымъ столамъ, а у насъ столъ простой; да и гдѣ намъ; мы простые дворяне, а не знатные графы.

Г. Богатовъ (*толкая жену*). Жена!

Графъ. Вы шутите, сударыня.

Г-жа Богатоннова. Сервизиска у насъ бѣдный; вина окверныя!

Г. Богатовъ. Жена!

Г-жа Богатоннова (*къ баронессѣ*). Какъ вы думаете, матушка баронесса, не снять ли мнѣ съ головы гирлянду, вѣдь инымъ это не нравится.

Баронесса. И, сударыня, всѣмъ угодить не можно.

Г-жа Богатоннова. А не угождай, то того и гляди, что попадешься въ какой-нибудь пасквиль.

Г. Богатовъ. Жена! да уймешься ли ты?

Графъ (*тихо Мирославскому*). Мнѣ кажется, противъ меня есть заговоръ.

Мирославскій. Это очень примѣтно.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Т в - ж е и К л и м ъ .

Князь (*Богатову*). Мусью Филутони, сударь, пришелъ.

Г. Богатовъ. А! вѣрно съ французскимъ табакомъ.

Климъ. Нѣтъ, сударь, съ какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ.

Г. Богатовъ. Съ полицейскимъ чиновникомъ? Что это значитъ!

Мирославскій (*тихо къ графу*). Дѣло идетъ къ развязкѣ; Филутони помогаетъ намъ лучше, чѣмъ я надеялся.

Г-жа Богатоннова. Зови ихъ сюда.

Климъ (*отворивъ дверь*). Извольте войти.

Г. Богатовъ. Что бы это такое? Я никакъ не могу понять!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ-жв, Филутони и полицейскій чиновникъ.

Полицейскій чиновникъ. Позвольте узнать, кто здѣсь г. Богатовъ?

Г. Богатовъ. Я! что вамъ надобно?

Полицейскій чиновникъ. Должны ли вы этому человѣку? (*показываетъ на Филутони*).

Г. Богатовъ. Филутони. — Долженъ; но къ чему это?

Полицейскій чиновникъ. Много ли?

Г. Богатовъ. Три тысячи.

Филутони (*полицейскому чиновнику*). Исполить слышать, три тысячъ.

Полицейскій чиновникъ. Когда вы сами признаетесь, что должны ему три тысячи, то, вслѣдствіе поданнаго отъ него, Филутони, прошенія, я объявляю вамъ именемъ правительства, что, прежде уплаты сего долга, вамъ не позволено будетъ оставить здѣшняго города. Извините, сударь, я долженъ былъ выполнить свою обязанность. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ-же, кромъ полицейскаго чиновника.

Г. Богатовъ. Да кто думаль отсюда ѣхать? Что ты, Филутони, рехнулся что-ль?

Филутони. О, нѣтъ, мой патюшкы! Я снай, што фи расориль, што фи коши ѣхать, што фи не коши платить толгъ...

Г. Богатовъ. Чортъ меня возьми, если я тутъ хоть слово понимаю! Я разорился, я хочу ѣхать: что это за ералапъ?

Мирославскій. Ну, мой другъ! если весь городъ объ этомъ ужь знаетъ, то и мнѣ таить нечего: ты точно разорился.

Г-жа Богатова. Боже мой!

Г. Богатовъ. Я разорился?

Князь (*тихо баронессъ*). Какой неприятный сюрпризь.

Г. Богатовъ. Да помилуй, братецъ, куда-же дѣлся мой винный заводъ?

Мирославскій. Онъ сгорѣлъ.

Г. Богатовъ. Сгорѣлъ?

Г-жа Богатова. Ахъ, Боже мой, какое несчастіе!

Г. Богатовъ. А суконная моя фабрика?

Мирославскій. Управитель по твоему приказу отослалъ сюда всѣ деньги; ему не на что было послѣ закупить матеріаловъ; работа остановилась, поставку продолжать не могли, и фабрика твоя взята подъ казенный присмотръ.

Г-жа Богатова. Подъ казенный присмотръ! Ахъ! я умираю! (*Падаетъ на кресло*).

Г. Богатовъ. Ну, теперь-то я совсѣмъ разорился!

Мирославскій. Кто виноватъ, мой другъ? Еслибъ ты не пріѣхалъ жить въ столицу, то ничего бы не случилось. Непомѣрные расходы должны были разстроить твое состояніе.

Г. Богатовъ. Такъ, такъ! по дѣломъ мнѣ! Зачѣмъ далъ я волю негодной женѣ моей сорить по пустому деньги; зачѣмъ...

Г-жа Богатова (*всканиваетъ*). Какъ? Что? Я сорила деньги, я мотала? Ахъ ты, безстыдный!

Г. Богатовъ. Да, да! сколько вышло денегъ на твои чепчики, дурачкія шляпки, глупые цвѣты?

Г-жа Богатова. А сколько проигралъ ты въ карты, роздалъ въ займы своимъ знакомымъ?

Г. Богатовъ. Продавай теперь свои ветопки; что за нихъ дадутъ?

Г-жа Богатова. Попробуй собрать долги съ твоихъ пріятелей; много-ли получишь?

Г. Богатовъ. Пріятели меня въ нуждѣ не оставятъ; а тебѣ, чай, поможетъ твоя мадамъ Трише?

Г-жа Богатова. Ахъ, Боже мой! да развѣ у меня нѣтъ друзей? Матушка баронесса...

Баронесса. О, сударыня...

Г. Богатовъ. Князь!

Князь. Боже мой! повѣрьте, сударь...

Г-жа Богатова. Еслибъ я могла только раздѣлаться съ моей модной торговкой.

Г. Богатовъ. Мнѣ нужно только здѣсь расплатиться съ долгами, а тамъ могъ-бы я ѣхать въ деревню.

Баронесса (*и-жеъ Богатовой*). Въ дружбѣ моей сомнѣваться вы не можете; но клянусь вамъ, я сама въ критическомъ положеніи: я очень бѣдна деньгами, а мнѣ надобно купить новую шаль.

Князь. Господинъ Богатовъ! вы не знаете, я все готовъ сдѣлать для друга; но, божусь вамъ, я теперь безъ копѣйки: проклятый Крепсъ разорилъ меня.

Г-жа Богатова. Князь! еслибъ вы могли отдать мнѣ...

Князь. Повѣрьте, сударыня, я принимаю истинное участіе въ вашемъ злполучіи.

Г-жа Богатова. Хотя половину...

Князь. Вы приводите меня въ отчаяніе.

Г-жа Богатова. Хотя нѣкоторую часть вашего долга.

Князь. Сударыня! пощадите мою чувствительность.

Г-жа Богатова. Вы видите, совершенная необходимость вынуждаетъ меня.

Князь. Перестаньте, сударыня, къ чему усугублять мою горестъ; развѣ не довольно: вы несчастливы, и я не могу помочь вамъ.

Г. Богатовъ. Какое несчастіе! какое несчастіе! Мнѣ надобно ѣхать въ деревню, надобно расплатиться съ долгами, надобно выдать замужъ племянницу.

Князь. Отъ этого безпокойства я могу васъ избавить.

Г. Богатовъ. Какъ! Что хочешь ты сказать?

Князь. Что не намѣренъ жениться. Племянница ваша очень любезна, очень мила; но я имѣю несчастіе ей не нравиться, притомъ-же она...

Мирославскій. Сдѣлалась теперь бѣдною невѣстою.

Лиза. И очень рада, если это избавить ее отъ князя Блесткина.

Князь. О, сударыня, это очень легко сдѣлать; я не заставлю просить себя!—Время прекрасное; не хотите-ли вы въ Лѣтній садъ?

Баронесса. Очень хорошо!

Г. Богатовъ. Какъ, князь! Такъ вотъ твоя дружба?

Г-жа Богатова. Прекрасно! вы отказываетесь отъ Лизы, оставляете насъ въ такомъ несчастномъ положеніи?..

Князь. Извините, сударыня; эта сцена такъ меня рас-
трогала, мнѣ должно непременно быть на свѣжемъ воздухѣ.
(*Къ баронессу*). Угодно вамъ?

Г. Богатовъ (*тихо баронессу*). Какъ, сударыня!
и вы? . .

Баронесса. Да, сударь, и я. (*Уходитъ съ княземъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Г. Богатовъ, г-жа Богатова, Мирославскій,
графъ, Лиза, Анята, Климы и Филутоны.

Г. Богатовъ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ и баронесса!
Ахъ, скотина! и я думалъ, что она меня любитъ!

Филутоны (*подойдя къ Богатову*). Когда, monsieur,
буди платить?

Г. Богатовъ. Не стыдно-ли тебѣ, братецъ, присталь
съ ножомъ къ горлу! Дай мнѣ съѣздить въ деревню—я вѣрно
поправлю свои дѣла, и тогда отдамъ тебѣ съ процентами.

Филутоны. Исфинить! я не можешь штать, мой
нушна теньга.

Г-жа Богатова. И, мусье, не стыдно-ли тебѣ,—
человѣкъ ты знакомый.

Филутоны (*пожимая плечами*). Што тѣлать, мадамъ!

Г-жа Богатова. Мадамъ! Ахъ, Боже мой! вотъ
до чего мы дожили... Мадамъ! И эта заморская харя
смѣетъ меня называть мадамою! Нѣтъ, мерзкій мусье, мы
разорились, но я все-таки не мадамъ, а природная русская
дворянка.

Г. Богатовъ. Послушай, мусье, пошелъ вонъ,
или я велю тебѣ бока отломать.

Филутоны. Потише, мой батюшкѣ, потише! Фи
еще не таки польши паринь, штопъ вмѣсто теньга та-
вать палкѣ.

Г. Богатовъ. Климы! вытолкай его!

Климы. И, государь! не тѣ ужъ времена, чтобъ кого
выталкивать; того и гляди, что намъ самимъ придется
жить на улицѣ. Чего ради, во избѣжаніе сего, прошу по-
корно меня нижайшаго уволить, и въ доказательство непо-
рочной и усердной службы моей снабдить аттестатомъ.

Г. Богатовъ. Что ты, Кондратьичъ, не рехнулся-ли! Ты хочешь меня оставить?

Климъ. Да, сударь, вторично прошу увольнения.

Г. Богатовъ. Такъ-то ты помнишь мои благодаренія! Ну, если такъ, то убирайся къ чорту; мнѣ тебя не надобно.

Климъ. Богъ видитъ, государь, что дѣлаю сіе съ сердцемъ сокрушеннымъ...

Г. Богатовъ. Пошелъ-же вонъ, тварь неблагодарная!

Климъ. Даруй Господи, чтобъ ты, отецъ нашъ...

Г. Богатовъ. Уйдешь-ли ты съ глазъ моихъ, негодный?

Климъ. Иду, государь, иду! *(Кланяется и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Г. Богатовъ, г-жа Богатова, графъ, Мирославскій, Лиза, Анюта и Филутони.

Г. Богатовъ. Всѣ меня оставляютъ!

Г-жа Богатова. Думали-ли я, чтобъ князь поступилъ такимъ подлымъ образомъ!

Г. Богатовъ. Воображалъ-ли я, чтобъ баронесса... Да что и говорить, весь свѣтъ наполненъ обманщиками; у меня только и надежда на барона Радугина и графа Недочетова.

Мирославскій. Смотри, мой другъ, чтобъ и они тебя не обманули; вѣдь ты уже въ пикетъ играть не будешь.

Г. Богатовъ. Нѣтъ, братецъ, они люди вѣрные. *(Входитъ человекъ и отдаетъ письмо)*.

Человѣкъ. Отъ барона Радугина.

Г. Богатовъ *(Мирославскому)*. Ну, вотъ видишь-ли, мой другъ, онъ узналъ о моемъ несчастіи и торопится предложить свои услуги.

Мирославскій. А вотъ увидимъ.

Г. Богатовъ *(распечатываетъ письмо и читаетъ)*.

Точно, точно, я его знаю.—«Съ крайнимъ прискорбіемъ извѣстился я о вашемъ несчастіи...» Съ крайнимъ

прискорбіємъ! милый баронъ.—«Вы никогда не сомнѣвались въ дружбѣ моей...» Боже сохрани!—«слѣдственно повѣрите, что я принимаю живѣйшее участіе въ вашемъ положеніи...» Живѣйшее участіе! о, добрый человѣкъ!—«Зная благородный образъ вашихъ мыслей, я увѣренъ, что вы считаете карточный долгъ священнымъ...» Что это такое? (*Продолжаетъ читать, запинаясь*)—«и доставите мнѣ съ симъ посланнымъ проигранные вами на прошлой недѣлѣ пятьсотъ рублей». Прекрасно!

Мирославскій (*беретъ у него письмо*). Тутъ есть еще приписка. (*Читаетъ*). «Графъ Недочетовъ...»

Г. Богатовъ. Графъ Недочетовъ? Ну, ну! скорѣй прирѣзывай меня, что графъ Недочетовъ?

Мирославскій (*читаетъ*). «Графъ Недочетовъ просилъ увѣдомить васъ, что по причинѣ отъѣзда своего въ чужіе края онъ не можетъ заплатить бездѣлицу, которую вамъ долженъ».

Г. Богатовъ (*опустя руку*). Ну, Иванъ Сидорычъ, хорошъ ты!

Г-жа Богатова. Бездѣлицу, десять тысячъ!

Г. Богатовъ. Не можетъ заплатить! не можетъ! Ахъ, онъ злодѣй! И я называлъ ихъ друзьями, думалъ, что они меня любятъ. О, злодѣй, о, разбойники! На что я го-жусь? Что мнѣ теперь дѣлать? Куда дѣваться? И какой чортъ дернулъ меня прѣхать въ Петербургъ? И какъ пришло мнѣ въ голову знакомиться съ этимъ знатными? Всѣ меня покинули, всѣми я оставленъ.

Мирославскій. Нѣтъ, у тебя есть еще друзья.

Г. Богатовъ. Друзья! Гдѣ они?

Мирославскій. А обо мнѣ ты позабылъ.

Г. Богатовъ. Да, да, ты другъ мой! Но что ты можешь сдѣлать? Ты самъ человѣкъ небогатый.

Графъ. Позвольте, г-нъ Богатовъ, предложить вамъ мои услуги; если угодно, я возьму на себя выплатить всѣ долги ваши.

Г. Богатовъ. Какъ, батюшка, ваше сіятельство, вы хотите... вамъ угодно... Боже мой, долженъ-ли я вѣрить?

Г-жа Богатова. Ахъ, графъ! вы хотите насъ воскресить.

Мирославскій (*къ Филитони*). Эй ты, честный человѣкъ!

Филутони. Шефо исфолить?

Мирославскій. Приходи завтра, тебѣ заплатятъ; а теперь пошелъ вонъ.

Филутони. Ошень коропъ! Serviteur, monsieur!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, кромѣ Филутони.

Г. Богатовъ (къ графу). Чѣмъ могу изъяснить вамъ мою благодарность?

Мирославскій. Я тебя надоумлю, мой другъ: выдай за графа свою племянницу.

Г. Богатовъ (съ удивленіемъ). Какъ!

Графъ. Да, сударь, согласитесь на общее наше благополучіе; мы давно уже любимъ другъ друга.

Г-жа Богатова. Что я слышу!

Г. Богатовъ. Неужели? Племянница!...

Лиза. Да, дядюшка, графъ сказалъ правду.

Г. Богатовъ. О, если такъ... Но не шутите ли вы, графъ?

Графъ. Какъ можете вы это думать!

Г. Богатовъ. Лизанька! (Подводитъ ее къ графу). Она ваша невѣста.

Г-жа Богатова (цѣлуетъ Лизу). Отъ всего сердца поздравляю тебя, мой другъ!

Анюта (къ г. Богатову). Ну, сударь, не говорила-ли я вамъ, что у барышни будетъ женихъ почище вашего Блесткина?

Г. Богатовъ (къ графу). Я не хочу васъ обманывать: теперь я не могу ничего дать за своей племянницей.

Графъ. О, сударь, на что это; я и такъ совершенно благополученъ!

Мирославскій. Послушай, мой другъ, я тебя обрадую, только съ уговоромъ: завтра-же поѣдемъ всѣ отсюда.

Г. Богатовъ. Вотъ тебѣ моя рука: лишь только расялачусь, то тутъ-же и въ деревню.

Мирославскій. Ты не совсѣмъ разорился: заводъ твой не сгорѣлъ.

Г. Богатовъ. Не сгорѣлъ?

Г-жа Богатонова. Не сгорѣлъ? Какое счастье!

Г. Богатовъ. Бога же ты не боишься, зачѣмъ ты всѣхъ насъ такъ переполошилъ?

Мирославскій. Я хотѣлъ тебѣ показать на самомъ дѣлѣ, что значить дружба городскихъ твоихъ пріятелей. Ты захотѣлъ изъ простаго дворянина превратиться въ знатнаго человѣка; что вышло изъ этого? Ты разстроилъ свое имѣніе; плуты тебя обманывали, честные люди жалѣли о тебѣ, но также не могли не смѣяться надъ твоимъ легковѣріемъ; однимъ словомъ...

Г. Богатовъ. Хорошо, хорошо, мой милый! ты говоришь это въ другое время; а между тѣмъ племянница-то моя все-таки будетъ сіятельная!

КОНЕЦЪ.

ЛЕБЕДЯНСКАЯ ЯРМАРКА

(ИНТЕРМЕДИЯ—ДИВЕРТИСЕМЕНТЬ).

**Представлена въ первый разъ въ С.Петербургѣ въ Маломъ театрѣ, Сентября
24 дня 1817 года, въ пользу актрисы Г. Каратыгиной.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гурь Филатичъ.

Фекла Тарасевна, жена его.

Любушка.

Еремѣвна, сваха.

Надоѣдаловъ, другъ Гура.

Затѣйкичъ. } женихи Любушки.

Простофилинъ }

Танцуютъ: по-цыгански—русски—венгерски и съ флагами.

(Театръ представляет ярмарку; впереди сцены крестьяне пьютъ около стола и поютъ хоромъ круговую; по окончаніи хора выходятъ съ правой стороны: Затѣйкинъ и Простофилинъ).

Простофилинъ. Ахъ, Боже мой! Да что это вы ко мнѣ привязались?

Затѣйкинъ. Какъ что? Послушай, братъ, я тебѣ говорю: не отбивай у меня невѣсты, а то быть худу. Вѣдь я не даромъ же служилъ сержантомъ—я человекъ горячій.

Простофилинъ. Ахъ, батюшки свѣты! да почему-же мнѣ не свататься за Любушку?

Затѣйкинъ. А потому, что я хочу на ней жениться—ну, понимаешь-ли ты, дурацкая чучела! *(Приступаетъ къ нему).*

Простофилинъ. Прошу подальше — не такъ чтобъ очень, такъ-съ—я горло-то драть и самъ умѣю.

Затѣйкинъ. Ахъ ты, образина!—ну тебѣ-ли недорослю хвататься съ гвардейскимъ сержантомъ.

Простофилинъ. То-то-же,—прошу не лаяться.

Затѣйкинъ. Прошу покорно! да онъ никакъ хорохорится. Послушай, братъ: не знаю, много-ли тебя въ землѣ-то, а на землѣ немного: вѣдь я разомъ...

Простофилинъ *(остервенясь)*. Ну, что—что! Анъ лихъ не боюсь тебя! давай чтоль, хоть за святаыя.

Затѣйкинъ. Постой, постой,—вотъ я тебя, коноплянникъ *(хотятъ драться. Еремѣвна подходитъ сзади и разнимаетъ ихъ)*.

Еремѣвна. Что вы, что вы, господа честные, въ умѣ-ли, драться. *(Къ Затѣйкину)*. И, батюшка Николай Назарычъ *(Андрей Сысоичъ)* человекъ ты, отецъ мой, военный, а связываешься съ недорослемъ.

Затѣйкинъ. Правда твоя, Еремѣвна, — нашему брату нечего тутъ и рукъ марать.

Еремѣвна (*къ Простофилину*). Ну, подумай самъ, родной, — человекъ ты смиренный, а связываешься съ такимъ сорванцомъ, — разсуди самъ, что скажутъ добрые люди?

Простофилинъ. Дѣло, бабушка! Мнѣ стыдно и говорить съ такимъ буяномъ.

Затѣйкинъ. Послушай-ка, Еремѣвна, — чтожь, когда моя свадьба съ Любушкой?

Еремѣвна. Положись на меня, отецъ мой, — все будетъ хорошо.

Простофилинъ. Ну чтожь, бабушка, — ты хотѣла за меня посватать Любовь Гурьевну.

Еремѣвна. Небось, мой родимый, — ужъ половина дѣла сдѣлана, — послушайте-ка, господа: чѣмъ вамъ ссориться, вы бы лучше повеселили вашу невѣсту, — дѣло праздничное, позвали-бъ пѣсенниковъ да плясунювъ — да и потѣшили-бы всю честную компанію.

Затѣйкинъ. И то дѣло! Посмотримъ-ка, Простофилинъ, кто изъ насъ лучше позабавитъ Любовь Гурьевну.

Простофилинъ. А вотъ увидимъ: я и самъ лицомъ въ грязь не ударю, у меня есть на примѣтѣ заморскіе плясуны почище твоихъ цыганъ.

Затѣйкинъ. Посмотримъ, посмотримъ. (*Уходитъ*).

Простофилинъ. Да вотъ никакъ сюда идетъ Гуръ Филатычъ со всей фамилію. — Прощай, Еремѣвна. Побѣгу и заразъ опять явлюсь съ своими плясунами. (*Гуръ Филатычъ, Фекла Тарасѣвна, Надѣдаловъ и Любушка выходятъ съ противоположной стороны*).

Надѣдаловъ. Ну, братъ Гуръ, что ни говори, а что правда, то правда, вѣдь Награждай-то знатная собака! — какъ я онамеднись, знаешь ты, запустилъ въ островъ гончихъ-то...

Гуръ. И, братъ, да ты ужъ десять разъ мнѣ это рассказывалъ.

Надѣдаловъ. Не хочешь слушать, такъ я расскажу Любви Гурьевнѣ. Вотъ изволите видѣть, мать моя, какъ я запустилъ въ островъ гончихъ...

Любушка. Ай, да какіе вы скучные! все говорите о собакахъ да о себѣ.

Надѣдаловъ. Да объ чемъ же и говорить нашему брату, какъ не о собакахъ? По мнѣ, пожалуй, не слу-

шайте, — я расскажу Феклѣ Тарасовнѣ. Вотъ изволишь вѣдать, матушка сударыня, какъ я запустилъ гончихъ...

Фекла. И, мой отецъ, — да помолчишь-ли ты когда-нибудь: тебѣ бы все говорить, да говорить; ужъ какъ это у тебя языкъ не примелится, дай намъ посмотрѣть товаровъ, вѣдь ярмарка-то у насъ не десять разъ въ году бываетъ. (*Простофилинъ и Затѣйкинъ подходятъ*).

Затѣйкинъ. Что хорошенькаго вы подѣлываете, Гурь Филатьичъ?

Гурь. Да такъ, батюшка, пришелъ себя показать, да людей посмотрѣть.

Затѣйкинъ (*Любушкѣ*). Команъ-ву портеву, мамзель?

Любушка. Ахъ, Богъ мой! какъ вы скверно говорите по французски!

Затѣйкинъ. Помилуйте, матушка Любовь Гурьевна, зачѣмъ такая немилость, чѣмъ хуже мы другихъ здѣсь; въ цѣломъ околоткѣ никто и заикнуться не умѣетъ по-французски, а мы, такъ что угодно! И команъ ву портеву, и бонъ-журъ моншеръ, — да и мало-ли чего другого прочаго. — Извольте-ка только поразговориться.

Гурь. Ну, да чтожь мы здѣсь остановились, пойдемте дальше.

Затѣйкинъ. Нѣтъ, сударь, просимъ покорно пообождать: я хочу васъ кой чѣмъ позабавить.

Простофилинъ. И я также...

Гурь. Что это вы затѣваете? Ужъ не сюрпризь-ли?...

Простофилинъ. Я хочу...

Затѣйкинъ. Небольшую потѣшку.

Простофилинъ. Васъ повеселить.

Фекла. Посмотримъ, посмотримъ. Вотъ мы здѣсь присядемъ.

Затѣйкинъ. Эй вы, любезные. (*№ 1. Цыганская пляска*).

Всѣ. Прекрасно! хорошо.

Простофилинъ. Послушай-ка моей Дуняши. (*№ 2. Пьеса 1-жи Самойловой*).

Гурь. Что твоя пава.

Простофилинъ. Посмотрите-ка моего мусью. (*№ 3, съ флажокъ*).

Надоѣдаловъ. Ахъ, злодѣй, какія онъ штуки строилъ, — ну ужъ знатно.

Затѣйкинъ. Извольте-ка послушать и моего пѣвуна.

то, — нечего сказать, матушка Любовь Гурьевна, — что ваши петербургскіе итальянцы, — трель-ли пустить, другое-ли что; ну-ка, братъ, развернись. (№ 4. *Шуваловъ поетъ*).

Простофилинъ. Ну, это все ничего передъ моими крестьянами. Ну-ка на послѣднемъ просимъ покорно (№ 5. *Русская пляска*).

К О Н Е Ц Ъ .

ВЕЧЕРИНКА УЧЕНЫХЪ

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ въ Маломъ театрѣ, Ноября
12 дня 1817 года, въ пользу актера Г. Боброва.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Госпожа Радугина, вдова			<i>Г-жа Ежова.</i>
Софья, меньшая сестра ея			<i>Г-жа Валберхова.</i>
Волгинъ, братъ ихъ			<i>Г. Бобровъ.</i>
Князь Вечеславинъ			<i>Г. Сосницкій.</i>
Болеславскій, влюбленный въ Софью			<i>Г. Буряискій.</i>
Шмелевъ, журналистъ			<i>Г-жа Рамазановъ.</i>
Сластивкинъ	}	литера- торы.	<i>Г. Величинъ.</i>
Дребедневъ			<i>Г. Поляковъ.</i>
Свѣгинъ			<i>Г. Боченковъ.</i>
Саша, горничная Софьи			<i>Г-жа Асенкова.</i>
Слуга Радугиной			

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ г-жи Радугиной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Софья (*сидитъ за работою*). Саша (*стоитъ подлѣ нея*).

Софья (*за работою*). Сашенька, что дѣлаетъ сестрица?

Саша. Пишетъ, сударыня.

Софья. Вѣрно оканчиваетъ свою драму. Ну, еслибъ братецъ зналъ, что у насъ дѣлается?

Саша. Сохрани Боже! онъ поднялъ бы такой шумъ и крикъ, что хоть изъ дому бѣги.

Софья. Еслибъ онъ увидѣлъ эту толпу безграмотныхъ сочинителей, эти ученые собранія, надъ которыми весь городъ смѣется... О! я увѣрена, лишь только дойдутъ до него слухи, онъ тотчасъ прискачетъ изъ своей деревни...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Волгинъ.

Софья (*вскочивъ со стула*). Ахъ, братецъ! это вы?...

Волгинъ (*съ сердитымъ видомъ*). Здорово, Софья, здорово! Дома ли сестра?

Саша. Дома, сударь.

Софья. Какъ это вамъ вздумалось къ намъ въ Москву пріѣхать!

Волгинъ. Да по милости г-жи Радугиной, любезной сестрицы нашей. До меня дошли прекрасные слухи! прекрасные слухи!

Софья. Что такое?

Волгинъ. Что? стыдно, да и только!

Софья. Но скажите мнѣ...

Волгинъ. Хороши вы, сударыня! Весь городъ надъ нами смѣется.

Софья. Что это значитъ?

Волгинъ. А вотъ что: я живу себѣ преспокойно въ своей деревнишкѣ, не зная ничего, что у васъ дѣлается, какъ вдругъ на послѣдней почтѣ получаю письмо отъ пріятеля моего Угрюмова; развертываю... читаю... Вотъ оно, прочти сама. *(Отдаетъ письмо Софьѣ).*

Софья *(читаетъ)*. «Любезный другъ! поспѣши пріѣхать къ намъ въ Москву. Старшая сестра твоя, г-жа Радугина, сошла съ ума, или весьма близка къ этому; она помѣшалась на учености: сдѣлала изъ своего дома академію, набрала себѣ кучу рифмачей; завела какіе-то литературные вечера, на которыхъ порютъ такую дичь, что уши вьнутъ; учится по урокамъ краснорѣчію и поэзіи; сама пишетъ стихи; сочиняетъ драмы, и даже, слухъ носится, намѣрена выдавать журналъ».

Волгинъ. А! какъ тебѣ кажется? Выдавать журналы! Волосы стали у меня дыбомъ! Сестра моя пишетъ драмы! хочеть выдавать журналъ! Ахъ, Боже мой! да съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Волгины, этакого срама не было въ нашей фамилии. Я бросилъ все, взявъ почтовыхъ и прискакалъ сюда.

Софья. Къ несчастію, все это справедливо; но что намѣрены вы сдѣлать?

Волгинъ. Что? Я скажу ей, что она сдѣлалась по-смѣшницею цѣлаго свѣта.

Софья. Она вамъ не повѣритъ.

Волгинъ. Что она срамитъ свою фамилію.

Софья. Она вамъ докажетъ противное.

Волгинъ. Представлю ей самыя удивительныя причины.

Софья. Она не будетъ ихъ слушать.

Волгинъ. Стану просить, уговаривать, начну кричать... чортъ возьми! разругаюсь съ нею.

Софья. А если и это не поможетъ?

Волгинъ. То... то... схвачу ея дурацкіе стихи, глупыя драмы, журналы, выброшу ихъ за окошко и ускачу опять въ свою подмосковную

Софья. Только-то? Немного-же вы сдѣлаете добраго!

Волгинъ. Нѣтъ, нѣтъ! прежде выдамъ тебя замужъ, а потомъ уже поѣду въ свою деревню; пускай она покажетъ себѣ одна сколько ей угодно.

Софья. Вы хотите отдать меня замужъ?

Волгинъ. Да, да, вѣдь Болеславскій изъ плѣну возвратился, — онъ здѣсь!

Софья. Здѣсь!

Волгинъ. Чтожъ ты испугалась?

Софья. Здѣсь! какое счастье! Но, братецъ, я не знаю, будетъ ли согласна сестра моя.

Волгинъ. Почему же нѣтъ?

Софья. Сестрица хочетъ выдать меня за князя Вечеславина; вы знаете, сначала всѣ считали Болеславскаго убитымъ.

Волгинъ. Вздоръ! была бы только твоя охота, а то мы обойдемся и безъ ея согласія.

Софья. Вы забыли, братецъ, батюшка, умирая, завѣщала въ своей духовной, что я не могу выйти замужъ безъ согласія старшей сестры моей; въ противномъ же случаѣ лишусь всѣхъ правъ на законную часть изъ его имѣнія.

Волгинъ. Правда твоя! Эта статья въ духовной покойнаго батюшки много намъ хлопотъ надѣлаетъ. Но скажи мнѣ, что это за Вечеславинъ; ужь не авторъ ли онъ?

Саша. Нѣтъ, сударь, не то, чтобы авторъ, а пуще всякаго автора! онъ... какъ бишь ихъ называютъ, сударыня? вотъ эти господа-то ученые... ни то, ни се.

Софья. Литераторъ, или любитель словесности.

Волгинъ. А! знаю, знаю! Вотъ эти-то, что все еудятъ, да рядятъ, все бранятъ, да ругаютъ, а сами не умѣютъ ничего написать путнаго.

Софья. Точно такъ, братецъ.

Волгинъ. И сестра хочетъ тебя за него выдать? Пустое, дай мнѣ только поговорить съ нею, и мы увидимъ...

Софья. Вы все испортите; я знаю васъ: сперва вы станете ее уговаривать, потомъ разгорчитесь, начнете кричать; она также разсердится, и кончите тѣмъ, что вы съ нею поссоритесь, а мнѣ не сдѣлаете никакой пользы.

Волгинъ. Чтожъ буду я дѣлать?

Софья. Не говорить ни слова, а предоставьте это мнѣ.

Сестра моя жила здѣсь, когда Болеславскій познакомился въ деревнѣ съ батюшкой, слѣдовательно знаетъ его только по наслышкѣ; представьте его подъ чужимъ именемъ, какъ человѣка съ большими способностями къ поэзiи!

Волгинъ. Ну, а если она потребуеть отъ него стиховъ?

Софья. Я увѣрена, что онъ ей понравится и тогда намъ не трудно будетъ выманить ея согласiе.

Волгинъ. Но зачѣмъ же онъ долженъ принять чужое имя?

Софья. Для того, что сестра моя очень предубѣждена противъ Болеславскаго и не захочетъ, можетъ быть, принять его.

Волгинъ. Ну, ну, быть такъ; я объ этомъ не скажу ни слова. Да гдѣ же она? (*Хочетъ уйти*).

Софья. Въ своемъ кабинетѣ. Извольте подождать, сударь, она занимается теперь сочиненiемъ, и Боже сохрани, ежели кто подумаетъ ей помѣшать!

Волгинъ. Такъ и быть, сердись она или нѣтъ, а я ей помѣшаю. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Софья и Саша.

Софья. Ахъ! Сашенька! Болеславскій здѣсь!

Саша. Да, сударыня.

Софья. Такъ ли онъ меня любитъ, какъ прежде?

Саша. Почему-же вы сомнѣваетесь?

Софья. Мужчины такъ непостоянны.

Саша. Неужели вы думаете, сударыня?...

Софья. Легко быть можетъ, что прежняя его страсть осталась только въ одномъ воображенiи.

Саша. Но также легко можетъ быть, что вы и ошибаетесь.

Софья. И для того-то я желала-бы испытать, справедливы-ли мои подозрѣнiя.

Саша. Къ чему это? Вѣдь онъ прiѣхалъ сюда на васъ жениться; какихъ-же надобно вамъ еще доказательствъ?

Софья. Можетъ быть Болеславскій дѣлаетъ это для

того только, чтобъ выполнить свое обѣщаніе, какъ честный человѣкъ; онъ не могъ поступить иначе, а этого еще для меня не довольно.

Саша. Ну, сударыня, еслибъ всѣ невѣсты были такъ разборчивы, то куда-бы много было пожилыхъ дѣвушекъ.

Софья (*размыслѣвъ*). Да, точно такъ! я приму его холодно, буду показывать совершенное равнодушіе.

Саша. Что вы затѣваете, сударыня?

Софья. Если онъ меня любить, какъ прежде, то холодность моя приведетъ его въ отчаяніе; онъ станетъ осыпать меня упреками.

Саша. А если онъ не будетъ ни кричать, ни сходить съума?

Софья. То подозрѣнія мои оправдаются, и я избавлюсь отъ несчастія принадлежать человѣку, который женится на мнѣ изъ одной обязанности.

Саша. Ну, сударыня, воля ваша, только мнѣ очень не нравится это испытаніе, и еслибъ вы послушали моего совѣта...

Софья. Нѣтъ, я рѣшилась; не знаю только, буду ли я въ состояніи, увидѣвши его, скрыть свою радость.

Саша. О! въ этомъ я не сомнѣваюсь; нѣтъ женщины, которая, желая испытать любовника, не сыграла-бы мастерски свою роль.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И СЛУГА.

Слуга. Письмо отъ князя Вечеславина.

Софья. Подай сюда. (*Беретъ письмо; слуга уходитъ*). Оно не запечатано. (*Читаетъ*). «Вамъ угодно было имѣть стихи мои, которые буду читать сегодня на вашемъ вечерѣ: выполняю приказаніе ваше. Вы можете показать прекрасной Софьѣ эту бездѣлку; но я желалъ-бы, чтобъ авторъ остался для нея неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока самъ не прочтаетъ ихъ». — Что это значитъ?

Саша (*взглянувъ на подпись*). Да это письмо къ г-жѣ Радугиной.

Софья. А! въ самомъ дѣлѣ. (*Развертываетъ и глядитъ*). Стихи, русскіе стихи! Ну! князь не на шутку желаетъ

угодить моей сестрицѣ. (*Читаетъ*). «Къ моей любезной». Ахъ! это напоминаетъ мнѣ стихи, которые Болеславскій сочинилъ, разставаясь со мною.

Саша. Вы помните ихъ наизусть, сударыня?

Софья. Какъ не знать ихъ наизусть! Каждое слово дышетъ въ нихъ истиннымъ чувствомъ, пламенной любовью!... (*Говоритъ съ чувствомъ*).

Гонимый гнѣвною судьбою,
Я дни лишь горестями считалъ,
Наскуча свѣтомъ и собою,
Одной отрады въ смерти ждалъ;
Но вдругъ, какъ солнцемъ озарилась
Унылая душа моя,
Надежда въ сердцѣ водворилась —
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

Саша. Я слышу голосъ вашей сестрицы; сложите скорѣй письмо, сударыня; неравно еще она разсердится, что вы читаете ея переписку съ княземъ.

Софья (*складываетъ письмо и кладетъ его на столъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Волгинъ и Радугина.

Радугина. Ну, мой милый, какъ я рада, что ты пріѣхалъ.

Волгинъ. Да мнѣ-то нечего радоваться, сестра.

Радугина. Почему-же, мой другъ? Здѣсь такъ весело. Я безъ тебя надѣлала кучу новаго знакомства.

Волгинъ. И, чай, все съ учеными?

Радугина. Да, братецъ! Вотъ, напримѣръ, сегодня вечеромъ ты увидишь у меня такое собраніе ученыхъ, какого тебѣ никогда не удавалось видѣть.

Волгинъ. Въ этомъ я увѣренъ.

Радугина. Нынче у меня чтеніе: журналистъ Шмелевъ будетъ читать рецензію на новую пьесу; Змѣйкинъ эпиграмму на ту-же пьесу; Тиранкинъ свою двадцать восьмую комедію; князь будетъ читать... но нѣтъ, это я еще навѣрно не знаю. Послушай, мой милый, тебѣ надобно непременно познакомиться съ княземъ.

Волгинъ. Сестра! я совѣтоваль бы тебѣ...

Радугина. Онъ человекъ знатный, важной фамиліи; а ужь ученъ... ученъ...

Волгинъ. Вѣрю; но послушай...

Радугина. Подлинно ужь надобно удивляться!... чего онъ не знаетъ!... По-нѣмецки, по-гречески, кажется и полатыни; а о французскомъ и говорить нечего.

Волгинъ. Вѣрно, сударыня...

Радугина. Ну, вѣришь-ли Богу! и всѣми этими языками онъ говорить лучше, чѣмъ по русски.

Волгинъ. Согласенъ; но...

Радугина. А науки-то что-ль? Литературу, словесность, поэзію, стихотворство...

Волгинъ. Не спорю.

Радугина. Психологію, хронологію, географію, землеописаніе...

Волгинъ. Вѣрю, матушка.

Радугина. Эстетику, статистику...

Волгинъ. Вѣрю, сударыня, вѣрю, вѣрю! да что мнѣ до этого за нужда?

Радугина. Что за нужда! А знаешь-ли ты, что онъ сватается за Сонюшку?

Волгинъ. Тѣмъ хуже для него.

Радугина. А почему-бы такъ, батюшка братецъ?

Волгинъ. А потому, матушка сестрица, что у Софьи есть и безъ него женихъ.

Радугина. Кто-бы это, сударь?

Волгинъ. Болеславскій, сударыня.

Радугина. Болеславскій!

Волгинъ. Да, Болеславскій; вѣдь онъ не убить, а былъ только въ плѣну.

Радугина. Не убить! А какое мнѣ до этого дѣло?— вотъ что забавно, не убить!

Волгинъ. Ты себѣ что ни говори, Сонюшка за нимъ будетъ.

Радугина. Нѣтъ, сударь, нѣтъ!— Не убить! вольно же было ему воскреснуть; я ему уже эпитафію сочинила, и теперь не хочу знать, что онъ живъ.

Софья (*тихо Волгину*). Братецъ, вы общались...

Волгинъ. Хорошо, хорошо, объ этомъ послѣ. Теперь скажи-ка мнѣ, что это тебѣ вздумалось подъ старость-то въ ученость удариться?

Радугина. Оттого, сударь, что не хочу быть такою невѣждою, какъ ты; оттого, что люблю литературу; оттого... оттого, что во мнѣ скрывались такія способности, о которыхъ ты не имѣешь даже и понятія.

Волгинъ. Сестра! побойся Бога! ну, гдѣ видано, чтобъ въ человѣкѣ талантъ открывался на 52 году.

Радугина. Экое варварское сужденіе!— Да знаешь-ли ты, что Руссо, Жанъ-Жакъ Руссо, началъ писать на сороковомъ году?... а!... а сколько написалъ онъ книгъ?

Волгинъ. Ну посуди сама, не курамъ-ли это на смѣхъ: старшая ты мнѣ сестра, а вздумала сдѣлаться школьницею?

Радугина. Да что-же тутъ дурного?

Волгинъ. Похоже-ли это на дѣло, учиться подъ старость грамотѣ!

Радугина. Не грамотѣ, а русскому языку; я хочу знать въ совершенствѣ языкъ, на которомъ сочиняю.

Волгинъ. Ну, пускай-бы учились по-русски наши барышни и молодыя барыни,—это дѣло. Не мѣшало-бы имъ умѣть хотя молитвы читать на своемъ языкѣ; но тебѣ, матушка, не стыдно-ли въ твои лѣта сидѣть за указкою?

Радугина. А тебѣ, батюшка, не стыдно-ли въ твои лѣта не знать своего языка? Сидѣть за указкою! развѣ это по-русски? за указкою!—Съ указкою, сударь, съ указкою!

Волгинъ. Такъ или нѣтъ, только пора тебѣ, сестра, образумиться.

Радугина. Видишь-ли теперь, для чего я учусь? Ну вотъ, напримѣръ, ты никакъ мнѣ не докажешь, почему можно сказать съ указкою, а нельзя сказать за указкою.

Волгинъ. Охота-же тебѣ изъ пустого въ порожнее переливать?

Радугина. Попробуй, докажи.

Волгинъ. И, матушка!

Радугина. Увидимъ, увидимъ, какъ ты докажешь.

Волгинъ. Вѣрю, сударыня, что ты великая грамотейка, да что...

Радугина. Сашенька!

Саша. Чего изволите?

Радугина. Я пристыжу тебя, братецъ; Саша бываетъ при моихъ урокахъ и вѣрно тебѣ докажетъ.

Саша. Я, сударыня, я? да я ничего не знаю.

Радугина. Взоръ! какъ не знаешь? Говори сейчасъ.

С а ш а. Ну, вот изволите видѣть: указка имя прилагательное, предлогъ за... за .. предлогъ, союзъ, мѣстоименіе... предлогъ... Право, сударыня, я ничего не помню.

Р а д у г и н а. Прошу покорно, какая дура! такой бездѣлицы не можетъ доказать. Слушай, братецъ.

В ол г и н ъ (*отодвигаясь съ досадою отъ нея*). Увольте, мнѣ становится ужь скучно.

Р а д у г и н а. Я не отстану отъ тебя, пока не докажу. Предлогъ за...

В ол г и н ъ (*Софья*). Что намъ съ ней дѣлать?

Р а д у г и н а. Предлогъ за—означаетъ, первое: движеніе назадъ; на примѣръ: стать за стулъ, стать за дверь.

В ол г и н ъ. Помилосердуй!...

Р а д у г и н а. Второе: положеніе назадъ, какъ-то: стоять за стуломъ, сидѣть за столомъ.

В ол г и н ъ. Тѣфу пропасть!

Р а д у г и н а. Но поелику за указкою нельзя ни стоять, ни сидѣть, то слѣдственно...

В ол г и н ъ (*Софья*). Сестра! часто-ли на нее находить?

Р а д у г и н а. То слѣдственно и надобно говорить съ указкою, а не за указкою; ибо можно, прошу замѣтить, это, можно...

В ол г и н ъ. Да кой чортъ далась тебѣ эта указка!

Р а д у г и н а. Сидѣть, находиться, быть, пребывать съ указкою...

В ол г и н ъ (*съ сердцемъ*). А нельзя быть, находиться, пребывать съ ученою дуροю, которая изъ ума выжила!

Р а д у г и н а. Прекрасно! да ты уже и браниться?

В ол г и н ъ. Ты выведешь хоть кого изъ терпѣнія.

Р а д у г и н а. Впрочемъ не безпокойся, я не разсержусь, ибо имѣю довольно философіи, чтобъ презирать ничтожныя ругательства.

В ол г и н ъ. Не о философіи рѣчь. Эй, сестра! право, сойдешь съума: выкинь эту дурь изъ головы.

Р а д у г и н а. Что ты, братецъ! напротивъ, я хочу, чтобъ и ты не хуже меня зналъ словесность.

В ол г и н ъ (*тихо Софья*). Попытаюсь, не удастся-ли мнѣ ее усовѣстить. (*Громко*). Сестра! позволь мнѣ откровенно сказать тебѣ всю правду?

Р а д у г и н а. Изволь, братецъ! Послушаемъ, что ты скажешь. (*Садится*).

В ол г и н ъ. Женщина была ты всегда умная; подумай

хорошенько, на что походить твой образъ жизни? Завела ты знакомство съ этой литературной челядью! Ну, ужъ такъ бы и быть; но ты сама пустилась съ ними взапуски смѣшить честныхъ людей; перестала заниматься хозяйствомъ; имѣніе твое разстроилось; приказчики стали тебя обманывать, разорять бѣдныхъ крестьянъ, — и все это оттого, что барыня, вмѣсто того, чтобъ заниматься ими, учится краснорѣчію и сочиняетъ драмы.

Радугина. Хорошо, хорошо! — далѣе.

Волгинъ. Теперь скажи, какая будетъ польза отъ твоего ученья? Не думаешь-ли ты, что пріятели твои говорятъ правду? — что у тебя въ самомъ дѣлѣ есть дарованія? Эхъ, матушка! повѣрь, они смѣются надъ тобою. Ну, какъ не сказать, что ты женщина съ талантомъ: у тебя прекрасный поваръ, хорошія вина; попробуй, раздай имъ свое имѣніе, такъ они скажутъ, что ты и звѣзды съ неба хватаешь!

Радугина. Не дурно, продолжай.

Волгинъ. Подумай сама, матушка, на что это похоже; хочешь ты издавать журналъ: женское-ли это дѣло? Ну, если ужъ у тебя такая смертная охота марать бумагу, то писала-бы для одной себя; а то, — долго-ли до грѣха? распубликуютъ тебя въ газетахъ, начнутъ писать на тебя стихи, ты войдешь въ пословицу у журналистовъ; да что и говорить: ты, чай, и сама знаешь; попадись только въ руки этимъ зубоскаламъ, такъ они тебя со свѣта сживутъ.

Радугина (*встаетъ*). Ну, мой милый, я слушала тебя со вниманіемъ, и, къ удовольствію моему, должна сказать...

Волгинъ. Что я говорю правду. (*Софья*). Слава Богу! она не совсѣмъ еще помѣшалась.

Радугина. Должна сказать, что въ тебѣ таится много природнаго краснорѣчія.

Волгинъ (*съ удовольствіемъ*). То-то-же, а кажется я чловѣкъ неученый.

Радугина. И для того я совѣтую тебѣ поучиться вмѣстѣ со мною діалектикѣ.

Волгинъ. Какъ!

Радугина. Да, мой другъ! Истинно будетъ жаль, если такой талантъ, какой примѣчаю я въ тебѣ, пропадетъ даромъ.

Волгинъ. Сестра!

Радугина. Если ты этимъ займешься, въ чемъ я и

не сомнѣваюсь, то можешь быть современемъ отличнымъ прозаистомъ.

Волгинъ. Вотъ тебѣ на! а я думалъ, что ее усовершенствова-

Радугина. Послушай, мой милый! останься здѣсь; Сластилкинъ, мой учитель логики и поэзи, сейчасъ будетъ, и ты сегодня же можешь взять первый урокъ.

Волгинъ. Прощай, сестра! (*Хочетъ уйти*).

Радугина. Куда-же ты спѣшишь? погоди немного.

Волгинъ. Я у тебя буду обѣдать. Прощай!

Радугина. Останься, пожалуйста, Сластилкинъ сейчасъ будетъ.

Волгинъ. Чтобъ ему сквозь землю провалиться со всею этою сволочью, которая вскружила тебѣ голову! Прощай!

Радугина. За что-же ты сердисься? Я желаю тебѣ добра; хочу, чтобъ твой талантъ не пропадалъ даромъ.

Волгинъ. Да тѣфу дьявольщина! какіе ты нашла у меня таланты? Слушай, сестра, пусти меня, а не то я наговорю много лишняго. Прощай, Софья. (*Уходя*). Экое сумасбродство, экое сумасбродство!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, везъ Волгина.

Радугина. Что, Сонюшка, каковъ нашъ братецъ? Ну, тѣвѣ видано такое упрямство, такое закоренѣлое невѣжество?

Софья. Да и вы, сестрица, хотите человека насильно сдѣлать ученымъ.

Радугина. Да что-же дѣлать, мой другъ? Примѣчаешь въ родномъ братѣ дарованія, хочешь ему дать способъ образованія ихъ, выйти изъ неизвѣстности, а онъ-же за это сердится!

Софья. Я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось? Со мною говорилъ онъ совсѣмъ другое: нимало не сердился, что вы сочиняете, и даже сказалъ, что намѣренъ привести къ вамъ одного пріятели, который пишетъ стихи, и очень удачно.

Радугина. Неужели! Какъ-бы это было хорошо!

нынче у насъ чтеніе; онъ также-бы что-нибудь прочелъ. Вѣдь братъ привезетъ его сегодня?

Софья. Я думаю.

Саша (*подавая письмо*). Къ вамъ, сударыня, принесли это письмо.

Радугина. Ко мнѣ? А! знаю, знаю! (*Читаетъ про себя*).

Саша (*тихо Софью*). Сестрица не замѣтила, что вы его читали.

Софья. Тѣмъ лучше.

Радугина (*съ стороны*). Князь хочетъ остаться до нынѣшняго вечера неизвѣстнымъ. Такъ и быть, надобно его потѣшить! — Сонюшка! посмотри, какіе я получила стихи отъ какого-то неизвѣстнаго.

Софья. Отъ неизвѣстнаго?

Радугина. Да, отъ неизвѣстнаго, котораго мы узнаемъ не прежде какъ нынѣшнимъ вечеромъ. Возьми-ка, прочти ихъ. (*Подаетъ ей стихи*).

Софья (*начинаетъ читать*).

«Къ моей любезной!

Гонимый гнѣвною судьбою,
Я дни лишь горестями считалъ;
Наскуча свѣтомъ и собою,
Одной отрады въ смерти ждалъ.

(*Въ сторону*). Что это значить?

Радугина. Ты нынче очень дурно читаешь.

Софья. Стихи такъ мелко, такъ связно написаны.

(*Продолжаетъ читать, запинаясь*).

Но вдругъ какъ солнцемъ озарилась
Унылая душа моя;
Надежда въ сердцѣ водворилась,
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

(*Въ сторону*). Точно такъ! это стихи Болеславскаго! какъ попали они къ князю?

Радугина (*вырываетъ у нея стихи*). Подай сюда! ты до завтра не кончишь. Да гдѣ-же мои очки? (*Ищетъ очки*).

Софья (*тихо*). Надобно употребить это въ мою пользу. Точно такъ, — пресчастливая мысль!...

Радугина. А! на силу отыскала! (*Надѣваетъ очки*). Второй куплетъ! Гмъ! гмъ! (*Читаетъ*).

Что жизнь без страсти сердцу милой?
Печальный къ смерти переходъ;
На что не взглянешь—все постыло,
Все къ горестямъ лишь насъ ведетъ.

Каково?

Софья. Прекрасно.

Радугина (*продолжаетъ читать*).

Когда-же къ чувствамъ прикоснется
Хоть искра страстного огня,
Тогда, мой другъ, лишь жизнь начнется,
Тогда и началась моя“.

Ну, что скажешь, милая?

Софья. Я въ восхищеніи!

Радугина (*съ важнымъ видомъ*). Стихи конечно очень не дурны; но они слишкомъ просты, слишкомъ ясны; я желала-бы въ нихъ больше чувства, больше возвышенности въ слогѣ.

Софья. Вы слишкомъ строги, сестрица; стихи прекрасны!

Радугина. О! я не спорю въ этомъ!

Софья. Они плѣнили меня!

Радугина. Очень рада, что они тебѣ нравятся.

Софья. Какія чувства! каждый стихъ, каждое слово трогаетъ душу!

Радугина. Неужели? Не правда-ли, Сонюшка, что сочинитель этихъ стиховъ долженъ быть очень любезень?

Софья. Я съ вами согласна.

Радугина. Что трудно не любить человека, который изъясняется такимъ плѣнительнымъ образомъ?

Софья. Вы правы и, признаюсь вамъ, я первая не могла-бы видѣть равнодушно того неизвѣстнаго, котораго стихи... Ахъ, сестрица! можетъ-ли что быть обворожительнѣе этихъ стиховъ?

Радугина (*въ сторону*). Прекрасно! (*Громко*). Послушай, милая, почему знаешь, можетъ быть неизвѣстный знаетъ тебя... любить...

Софья. Что вы говорите? Какая мысль! если онъ меня любить...

Радугина. Если онъ предложитъ тебѣ свою руку?...

Софья. То... но я не скажу теперь ничего. Я знаю только, что кто-бы онъ ни былъ, я не могу не любить его и скажу вамъ откровенно: мнѣ кажется, что одинъ только сочинитель этихъ стиховъ, одинъ онъ можетъ замѣ-

нить для меня Болеславскаго и получить мою руку, если я рѣшусь когда-нибудь отдать ее.

Радугина (*въ сторону*). Что я слышу! Я очень рада, милая, что ты умѣешь цѣнить таланты, что поэзія имѣетъ на тебя такое вліяніе...

Софья. Мы узнаемъ нынѣшнимъ вечеромъ!...

Радугина. Кто неизвѣстный? Да, милая! (*Въ сторону*). Какъ я рада! Гдѣ ты, князь? Чувствуешь-ли ты свое благополучіе?

Софья (*въ сторону*). Если не ошибаюсь, хитрость моя удастся.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Шмелевъ.

Радугина. А! любезный журналистъ!

Софья. Здравствуйте, г-нъ Шмелевъ.

Шмелевъ. Я думалъ найти здѣсь князя; онъ сказалъ мнѣ, что будетъ сегодня у васъ обѣдать.

Радугина. Теперь еще рано. Не видали-ли вы г-на Сластилкина? Я нынче цѣлое утро не могу его дожидаться... Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Сластилкинъ.

Радугина. Гдѣ вы до сихъ поръ были, г-нъ поэтъ?

Сластилкинъ. Виновать! я немного позамѣшкалъ.

Шмелевъ. Вѣрно г-нъ Сластилкинъ, идя къ вамъ, погрузился въ мечтанія, прошелъ въ другую сторону, и очнулся только за заставою.

Сластилкинъ. Извините, я не мечталъ, а восхищался.

Софья. Восхищались?

Сластилкинъ. Да, сударыня! я любовался великолѣпною природою.

Радугина. Да гдѣ-же вы были?

Сластилкинъ. На бульварѣ, сударыня.

Шмелевъ. Какое живое воображеніе! Вы видите великолѣпную природу тамъ, гдѣ видны однѣ обстриженные липки и трехъ-этажные дома.

Сластилкинъ. Природа! вездѣ природа!

Радугина. Люблю за это милого Сластилкина, — то ужь подлинно поэтическое воображеніе! У него безпрестанно природа да ручеечки, лѣсочки да тихіе зефиры.

Софья. Съ такимъ пламеннымъ воображеніемъ вы, я думаю, не забнете и въ крещенскіе морозы.

Шмелевъ. О, сударыня! есть случаи, въ которыхъ самое пламенное воображеніе не разогрѣтъ. Вотъ, напримеръ, мнѣ сказывали, что на этихъ дняхъ г-нъ Сластилкинъ дѣлалъ сентиментальную прогулку за городомъ.

Сластилкинъ. Г. Шмелевъ! я знаю вашу остроту, но увольте.

Шмелевъ. Позвольте рассказать это плачевное приключеніе: г-нъ Сластилкинъ, восхищаясь природою, отъ излишняго энтузіазма сошелъ съ большой дороги въ сторону...

Сластилкинъ (*съ досадою*). Господинъ Шмелевъ!

Шмелевъ. Не чувствуя ничего отъ сердечныхъ восторговъ, онъ зашелъ въ болото, увязъ по поясъ. Немилосердная мать натура нахмурилась, скропила его проливнымъ дождемъ, и господинъ Сластилкинъ, несмотря на душевные экстазы, возвратился чуть живъ домой.

Сластилкинъ (*въ сторону*). Негодный насмѣшникъ!

Софья. Г-нъ Сластилкинъ, неужели это трагическое приключеніе справедливо?

Сластилкинъ. Г-нъ Шмелевъ умѣетъ придавать всему такой видъ...

Радугина. Ужь это правда! попадись только ему въ передѣлъ: разбранить ли какое сочиненіе, разругать ли какого автора....

Шмелевъ. Я не ругаю, сударыня, а критикую.

Софья. Разумѣется, одно дурное.

Шмелевъ. Да, смотря по обстоятельствамъ.

Софья. Какъ, сударь! такъ вы иногда и хорошее произведеніе браните?

Шмелевъ. Иногда необходимость бываетъ закономъ, сударыня.

Софья. Ну, какъ можно критиковать то, что хорошо.

Шмелевъ. О, сударыня, ничего нѣтъ легче! Стоитъ

только изъ книги выписать всѣ дурныя мѣста, умолчать о хорошихъ,—такъ дѣло и сдѣлано.

Радугина. Правда, что и говорить, правда!

Софья. Я не могу опомниться отъ удивленія; вы великій человѣкъ, г-нъ Шмелевъ! Неблагодарное отечество! и такіе таланты остаются безъ награды!

Сластилкинъ (*значительно*). Не всегда, иногда ихъ и награждаютъ. Спросите у г-на Шмелева, сударыня.

Шмелевъ. Что вы подъ этимъ разумѣете?

Сластилкинъ. Ничего, совершенно ничего! Я слышалъ только мимоходомъ, что г. Вспышкинъ, на котораго вы написали подобную рецензію, обошелся съ вами не очень вѣжливо.

Шмелевъ. Неправда, сударь; я съ нимъ никогда не ссорился!

Сластилкинъ. Да онъ, говорятъ, немного поссорился съ вами.

Шмелевъ. Клевета, сударь; я знакомъ съ нимъ, на пріятельской ногѣ; онъ очень хорошій человѣкъ (*Радугиной*). Но, сударыня, вы дожидались г-на Сластилкина, чтобъ взять урокъ. Время проходить.

Радугина. Но князь будетъ сюда скоро, и если я уйду въ свой кабинетъ...

Шмелевъ. Не безпокойтесь, я приму его.

Радугина. Сдѣлайте милость, вы попросите его ко мнѣ.—Пойдемте, г-нъ учитель. Сонюшка, ты любишь быть при моихъ урокахъ?

Софья. Да, сестрица, это иногда меня забавляетъ.

Радугина. Пойдемте же. (*Идетъ и воротается къ Шмелеву*). Какіе я получила нынче стихи! вы ихъ услышите, услышите! (*Уходитъ съ прочими*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Шмелевъ (*одинъ*).

Стихи!... А! это вѣрно тѣ, которые князь по моей милости называетъ своими. Какъ я умно сдѣлалъ, что не напечаталъ въ своемъ журналѣ, когда получилъ ихъ изъ армии отъ какого-то Болеславскаго; теперь они мнѣ приго-

дились. Я слышалъ, что этотъ Болеславскій убить, слѣдственно, по праву наслѣдства, я могъ присвоить ихъ себѣ и услужить князю.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Шмелевъ и князь.

Князь (*подходитъ тихо къ Шмелеву и бьетъ его по плечу*).
Здравствуйте, mon cher Шмелевъ!

Шмелевъ. Ахъ, это вы, князь!

Князь. Что дѣлаетъ наша Сафо?

Шмелевъ. Госпожа Радугина? Она теперь въ своемъ кабинетѣ слушаетъ лекцію о краснорѣчии; она препоручила мнѣ васъ здѣсь дожидаться и просить къ себѣ.

Князь. Для того, чтобъ душить меня нѣсколько часовъ своими несносными стихами.

Шмелевъ. Можетъ быть.

Князь. Я не могу забыть вчерашняго дня. Ахъ! мнѣ кажется, что я слышу и теперь еще эти варварскія рифмы!

Шмелевъ. Подлинно, надобно имѣть ангельское терпѣнiе.

Князь. Пять часовъ сряду слушать глупости.

Шмелевъ. И безпрестанно хвалить ихъ.

Князь. Восхищаться вслухъ, зѣвать украдкой.

Шмелевъ. И, умирая отъ скуки, говорить, что очень весело.

Князь. Должно быть такъ влюблену, какъ я, чтобъ рѣшиться каждый день выдерживать такую пытку. Нѣтъ, этотъ тиранизмъ становится несносенъ; нынче же я постараюсь все кончить. Кстати, я еще не благодарилъ васъ за стихи, которые вы мнѣ доставили.

Шмелевъ. Я очень радъ, что могъ услужить вамъ этой бездѣлкой.

Князь. Надѣюсь, это останется между нами.

Шмелевъ. Вы обижаете меня, князь! такое сомнѣнiе...

Князь. Очень простительно. Стихи станутъ хвалить, авторское самолюбіе заставитъ васъ признаться двумъ, тремъ пріятелямъ, и...

Шмелевъ. Положитесь на мою скромность.

Князь. А propos! знаете ли вы, Честоновъ напечаталъ собраніе своихъ сочиненій?

Шмелевъ. Знаю, князь.

Князь. А знаете ли вы, что его мнѣніе на счетъ литературы?...

Шмелевъ. Совершенно противное вашему; очень знаю.

Князь. Что же вы скажете о его сочиненіяхъ?

Шмелевъ. Какъ можно болѣе дурного.

Князь. Очень хорошо!

Шмелевъ. Я скажу, что его проза...

Князь. Наполнена ошибками, жестка, шероховата.

Шмелевъ. Что стихи его...

Князь. Преплоскіе! что во всѣхъ его твореніяхъ виденъ дурной вкусъ, невѣжество; стихи не имѣютъ никакого колорита, никакой силы; они такъ просты, такъ обыкновенны, въ нихъ нѣтъ этихъ быстрыхъ порывовъ генія, этихъ... этихъ... однимъ словомъ, они никуда не годятся.

Шмелевъ. Все такъ, князь; но чтобъ доказать это, надобно было сдѣлать выписку, найти дурное.

Князь. И вы безъ сомнѣнія нашли.

Шмелевъ. И да, и нѣтъ; въ первомъ томѣ, на одномъ мѣстѣ, вмѣсто предлога поставленъ союзъ.

Князь. Хорошо! вы намекаете, что Честоновъ худо учился синтаксису.

Шмелевъ. Точно такъ. Въ третьемъ томѣ я замѣтилъ лишнюю запятую и... и двоеточіе не на своемъ мѣстѣ...

Князь. Прекрасно! прекрасно! вы можете сказать, что авторъ не знаетъ правописанія.

Шмелевъ. Конечно, и хотя очень замѣтно, что это типографскія ошибки...

Князь. Какая вамъ до того нужда! Развѣ вы обязаны отгадывать, кто ошибся, наборщикъ или сочинитель?

Шмелевъ. Со всѣмъ тѣмъ не знаю, меня какъ будто совѣсть зазираетъ.

Князь. Вы шутите!

Шмелевъ. Но, князь, безпристрастіе...

Князь. Безпристрастіе! Вотъ еще забавная добродѣтель для журналиста! Откуда вы выкопали это безпристрастіе? Желалъ бы я знать, какъ вы согласите ваше безпристрастіе съ обязанностями литератора, который имѣетъ свои партіи, связи, своихъ протекторовъ и непріятелей?

Шмелевъ. Такъ и быть! я пренебрегу всѣми, чтобъ выполнить вашу волю: для васъ, князь, я готовъ все сдѣлать.

Князь. Съ моей стороны я могу увѣрить васъ въ своемъ покровительствѣ. Продолжайте быть всегда таковыми, и увѣрю васъ, вы сдѣлаете свою дорогу.

Шмелевъ (*князясь*) О, ваше сіятельство! я очень чувствую.

Князь. Пойдемте, любезный Шмелевъ, къ хозяйкѣ: она, я думаю, насъ дожидается.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Саша (*одна*).

Всѣ добрые люди давно уже отобѣдали, а барыня все еще читаетъ свою драму. Ну, видно она хочетъ сегодня совсѣмъ доконать своихъ гостей. Каково имъ бѣдненькимъ сидѣть два часа сряду, какъ куколкамъ, не смѣть ни чихнуть, ни кашлянуть; я и служанка, а не захотѣла бы ни за что быть на ихъ мѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Саша, Волгинъ и Болеславскій.

Волгинъ. Сестра моя дома?

Саша. Дома, сударь (*Болеславскому*). Ахъ, здравствуйте, сударь. Какъ же я рада, мы опять васъ видимъ! Да вы ни крошечки не перемѣнились, г-нъ Болеславскій!

Волгинъ. Тсъ! тише! онъ теперь не Болеславскій.

Поди, скажи сестрѣ, что я привезъ къ ней пріятеля своего Людмилава.

Саша. Барыня изволить теперь читать свои сочиненія, я не смѣю ей доложить, а побѣгу сказать барышнѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Волгинъ и Болеславскій.

Болеславскій. Итакъ, вы увѣрены, что Софья любить меня попрежнему?

Волгинъ. Эхъ, братецъ! какъ наладилъ одно, да одно! Вѣдь ты разъ двадцать объ этомъ спрашивалъ.

Болеславскій. Вы ни одного раза не отвѣчали мнѣ удовлетворительнымъ образомъ!

Волгинъ. Ну, да что ты хочешь, чтобъ я сказалъ? Кажется рада-то она тебѣ рада, а любить ли, какъ прежде, не знаю; вѣдь въ душу-то, братъ, никому не войдешь.

Болеславскій. Три года разлуки, разсѣянная жизнь, слухъ о моей смерти, — сколько причинъ, чтобъ мнѣ опасться!

Волгинъ. Полно, братецъ! къ чему заранее себя тревожить? Ты ее увидишь, переговоришь съ нею, и можетъ быть найдешь, что она ни крошечки не перемѣнилась.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Софья и Саша.

Саша (*тихо Софьѣ*). Какъ, сударыня, вы хотите непременно?...

Софья. Испытать Болеславскаго, — непременно!

Волгинъ (*увидя Софью*). А, сестра! рекомендую тебѣ моего пріятеля Людмилава.

Болеславскій (*бросается къ ней*). Софья!

Софья (*отступая назадъ, присѣдаетъ*). Здравствуйте, сударь.

Волгинъ. Ха, ха, ха! она тебя не узнала. Сонюшка, вѣдь это Болеславскій.

Софья. Я вижу, братецъ; г-нъ Болеславскій совсѣмъ не перемѣнился.

Волгинъ. Вотъ тебѣ на! да ты, кажется, не очень обрадовалась?

Софья. Извините, я очень рада... Вы, братецъ, вѣрно у насъ обѣдаете?

Болеславскій (*тихо Волгину*). Ну, сударь, подозрѣнія мои не справедливы?

Волгинъ. Она вѣрно меня стыдится. (*Софья*). Софья! я пойду къ сестрѣ послушать ея стиховъ; вамъ вѣрно есть о чемъ переговорить между собою. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, везъ Волгина.

Болеславскій. Какое счастье, я опять васъ вижу сударыня!...

Софья. Я сама очень рада, что слухи о вашей смерти были несправедливы.

Болеславскій. Я спѣшилъ, сударыня!...

Софья. Возвратиться въ Россію, — это весьма натурально. Кто не любитъ своего отечества? А! кстати, мнѣ надобно сказать вамъ, для чего вы должны были пріѣхать къ намъ подъ чужимъ именемъ?...

Болеславскій. Братецъ вашъ сказалъ мнѣ, что г-жа Радугина...

Софья. Не захотѣла-бы, можетъ быть, принять васъ и лишила-бы меня удовольствія видѣть еще хотя однажды пріятеля покойнаго моего батюшки.

Болеславскій. Какъ, сударыня!

Софья. Да, Болеславскій! только однажды сестра требовала, чтобъ я...

Болеславскій. Чтобъ вы забыли Болеславскаго; и вы, сударыня, рѣшились...

Софья. Повиноваться той, которая служить мнѣ вмѣсто матери.

Болеславскій. И вы!.. но виноватъ, сударыня, мнѣ

должно молчать и удивляться только, съ какой покорностью выполняете вы приказанія сестры вашей!

Софья. Надѣюсь, сударь, вы согласитесь, что все заставляеть меня поступать такимъ образомъ: благодарность, которую я обязана сестрѣ, мой долгъ...

Болезлавскій. И собственные ваши чувства. Будьте откровеннѣе, сударыня; къ чему это излишнее притворство? Вы меня не любите болѣе?

Софья. Признайтесь, Болезлавскій, вѣдь это не привело-бы васъ въ отчаяніе?

Болезлавскій. Меня, сударыня? Я вижу, вы судите по себѣ.

Софья. И очень увѣрена, что вы такъ-же, какъ я, кромѣ дружбы ничего ко мнѣ не чувствуете; да и смѣшно-было думать, что любовь можетъ продолжаться вѣчно.

Болезлавскій (*въ сторону*). Неблагодарная! но ты не будешь утѣшаться моимъ отчаяніемъ! (*Громко*). И такъ, вы меня не любите? Какъ я радъ! теперь и мнѣ не трудно будетъ сдѣлать мое признаніе!

Софья (*съ удивленіемъ*). Ваше признаніе!

Болезлавскій. Да, сударыня! до сихъ поръ я говорилъ языкомъ жениха, который былъ увѣренъ, что найдетъ не вѣсту свою постоянною: мои правила, прежнія обязанности, все заставляло меня поступать такимъ образомъ.

Софья. Какъ, сударь! ваши правила, прежнія обязанности...

Болезлавскій. Да, сударыня, мои правила, а не любовь. Искренность ваша даетъ и мнѣ право быть откровеннымъ.

Софья (*тихо Сашѣ*). Сашенька! что это значитъ?

Саша. По дѣломъ вамъ.

Болезлавскій. Какъ я доволенъ, время изгѣчило насъ обоихъ! намъ не въ чемъ упрекать другъ друга. (*Въ сторону*). Измѣнница!

Софья. Не думаете-ли, что я буду дѣлать вамъ упреки? (*Въ сторону*). Вѣроломный!

Болезлавскій. И такъ, у насъ все кончено?

Софья. Все!

Болезлавскій. Могу-ли я надѣяться, по крайней мѣрѣ, что мы останемся друзьями?

Софья (*въ сторону*). Злодѣй! предлагать мнѣ свою дружбу! (*Громко*). Нѣтъ, сударь, нѣтъ! никогда!

Болеславскій. Она меня ненавидитъ! Чѣмъ заслужилъ я, сударыня?...

Софья. Чѣмъ? чѣмъ?... Извольте, мы будемъ друзьями! Я вижу, вы только и способны къ этому холодному чувству.

Болеславскій (*отлааетъ движеніе уйти и останавливается*). Признаюсь, сударыня, я не думалъ, чтобы столичная жизнь перемѣнила такъ много вашъ характеръ.

Софья. Я никогда не воображала, чтобъ два года, проведенные во Франціи, могли сдѣлать человѣка совершенно другимъ.

Болеславскій. Правда, здѣсь столько удовольствій; молодые люди здѣсь такъ любезны!...

Софья. Да, сударь, француженки такъ милы, такъ привлекательны! Не правда-ли?

Болеславскій. Да, сударыня! ихъ напрасно упрекаютъ въ вѣтренности, въ непостоянствѣ; благодаря просвѣщенію, наши россиянки...

Софья. Должны перенимать у нихъ; должны обманывать, презирать мужчинъ; мучить ихъ, забавляться ихъ отчаяніемъ, и никогда не любить: они не заслуживаютъ этого.

Болеславскій (*съ любовытствомъ*). И такъ, вы не сдѣлали еще никакого выбора, сударыня?

Софья. О, нѣтъ, я знаю мужчинъ: любовь у нихъ одно пустое слово, нѣжность—одно притворство; чувствительность,—гнусное лицемѣріе; мужья или измѣнники, или тираны своихъ женъ. Нѣтъ, нѣтъ, я ненавижу мужчинъ! Они видятъ въ насъ одни недостатки, считаютъ для себя все позволительнымъ, и не прощаютъ намъ ничего. Если женщина весела, любезна—она кокетка; если тиха, скромна, постоянна—она утомительна, нестерпима. Однимъ словомъ, мы имѣемъ всѣ пороки, вы никакихъ! Мужчины называютъ насъ вѣтренными и не знаютъ сами постоянства; считаютъ ни за что измѣнять своимъ клятвамъ и вѣнчаютъ намъ въ преступленіе ту самую холодность, которой они сдѣлались достойными. Не подумайте-жъ, однако, чтобъ я говорила на вашъ счетъ; о, нѣтъ! вы только мужчина, какъ и всѣ прочіе.

Болеславскій. Къ несчастію, я также былъ легковѣренъ, какъ и всѣ.

Софья. Почему знать, можетъ быть во Франціи жен-

щины умѣли васъ сдѣлать постояннымъ; можетъ быть, какая-нибудь милая французенка.

Болеславскій. Женщины вездѣ одинаковы, сударыня: вездѣ легкомысленны, неблагодарны; онѣ не заслуживаютъ быть любимы; ихъ нѣжность, постоянство, вѣрность существуютъ въ однихъ романахъ; онѣ любятъ не насъ, но право, которое даетъ имъ любовь терзать бѣдныхъ мужчинъ своими капризами, поведѣвать ими, какъ невольниками, приводить въ отчаяніе своимъ непостоянствомъ; ихъ счастье дурачить каждого и смѣяться надъ всѣми; видѣть всѣхъ у ногъ своихъ и не любить никого. Да, сударыня, кто знаетъ женщинъ и любить ихъ, тотъ потерялъ рассудокъ; и если онъ умѣетъ презирать притворныя слезы, ложныя клятвы, если гнушается измѣною, обманомъ, коварствомъ, то долженъ ненавидѣть ихъ, долженъ... Не подумайте впрочемъ, чтобъ я говорилъ на вашъ счетъ; о, нѣтъ! вы только женщина, какъ и всѣ другія. (*Хочетъ уйти*).

Софья. Вы откуда ѣдете?

Болеславскій. Да, сударыня!

Софья. Куда, если спросить смѣю?

Болеславскій. Не знаю, можетъ быть...

Софья. Опять въ прелестную Францію?

Болеславскій. Нѣтъ, нѣтъ! въ Камчатку, на край свѣта! какъ можно далѣе отъ милыхъ просвѣщенныхъ женщинъ.

Софья. И вы скоро ѣдете?

Болеславскій. Да, сударыня, сегодня, сейчасъ, сію минуту! чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Прощайте! (*Хочетъ уйти*).

Софья (*въ сторону*). Ахъ, Сашенька, онъ увѣзжаетъ!

Саша. Пришлось мнѣ вступиться въ ваше горе! (*Болеславскому*). Погодите-ка, сударь, ѣздить въ Камчатку. (*Беретъ его за руку и ведетъ къ Софьѣ*).

Болеславскій. Куда ты ведешь меня?

Саша. А вотъ сюда; станьте-ка вотъ здѣсь. Теперь взгляните на барышню.

Болеславскій. Ахъ, Софья!

Софья. Ахъ, Болеславскій!

Саша. Прошу покорно! да вы въ самомъ дѣлѣ другъ друга терпѣть не можете! Не стыдно-ли, сударь, вы не могли до сихъ поръ примѣтить, что это было только небольшое испытаніе.

Болеславскій. Что я слышу? Правда-ли это?

Софья. Какая вамъ нужда до этого! Вы меня не любите.

Болеславскій. Больше, чѣмъ когда-нибудь! Я никогда не переставалъ любить васъ!

Софья. Отдыхаю!

Болеславскій. И такъ, это была одна только шутка?

Софья. И вы можете въ этомъ еще сомнѣваться?

Болеславскій. Вы возвращаете мнѣ жизнь!

Софья. Простите-ли вы мнѣ, Болеславскій? Я, я поступила такъ легкомысленно!

Саша. Тихе! сюда идутъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Тѣ-жѣ, Волгинъ и Радугина.

Волгинъ. Да останешь-ли ты отъ меня?

Радугина. Нѣтъ, сударь, нѣтъ! я не перестану тебѣ твердить, что ты безъ вкуса, безъ души!

Волгинъ. Да тѣфу пропасть! что за бѣда?

Радугина. Что за бѣда! безсовѣстный! что за бѣда! заснуть, слушая мою драму, лучшую мою драму!

Софья (*подводя Болеславскаго*). Сестрица!...

Радугина. Драму, которая должна привести въ восхищеніе каждаго!...

Софья. Сестрица!...

Радугина. Заснуть! Ахъ, Боже мой! заснуть при князѣ и Шмелевѣ; заставить ихъ уйти изъ кабинета, прервать мое чтеніе и онъ-же говорить, что за бѣда! заснуть вмѣсто того, чтобъ восхищаться!...

Волгинъ. Да кой чортъ! кому придетъ въ голову восхищаться, слушая твои бредни!

Радугина. Мои бредни! О невѣжество! и онъ мнѣ родной братъ! и мы родились съ нимъ отъ одной матери!

Софья. Сестрица!...

Радугина. А! это ты, Сонюшка! Вообрази, что надѣлалъ любезный мой братецъ! Пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ, какъ путный человѣкъ, слушать, — и что-же? Въ самомъ интересномъ мѣстѣ, когда князь и Шмелевъ таяли отъ восхищенія, утопали въ восторгахъ!...

Волгинъ. Да обернись, матушка!

Радугина. Заснулъ! Князь и Шмелевъ, будучи не въ силахъ удержаться отъ смѣха, изъ пристойности вышли вонъ. Я должна была перестать читать.

Болеславскій (*подходя къ Радугиной*). Позвольте мнѣ, сударыня...

Радугина (*увидя Болеславскаго*). Ахъ! извините...

Волгинъ. Рекомендую тебѣ, сестра, пріятеля моего Людмилава.

Радугина. Очень рада, сударь. (*Болеславскій кланяется*).

Волгинъ. Славный малый! жаль только, что онъ также, какъ ты, бредитъ стихами.

Болеславскій. Я, сударь?...

Радугина. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! я люблю людей съ талантами, и братъ очень одолжилъ меня, доставя случай съ вами познакомиться.

Болеславскій. Я считаю себѣ за особенную честь...

Радугина. Позвольте узнать, въ какомъ родѣ вы болѣе пишете?

Болеславскій. Въ какомъ родѣ?... я не знаю, сударыня.

Радугина. О! я вижу, вы не хотите сказать; но, впрочемъ, всѣ роды хороши, исключая скучнаго.

Волгинъ. Ну, сестра, дурной-же ты родъ для себя выбрала.

Радугина. Опять!... Послушай, братецъ, эпиграммы твои становятся несносными, и еслибъ я имѣла менѣе терпѣнія...

Волгинъ. Дай-то Богъ, чтобъ у тебя его было столько-же, какъ у тѣхъ, которые слушаютъ твои драмы.

Радугина. Мои драмы! безбожникъ! мои драмы! Вѣдь надобно-же имѣть мѣднѣйшій лобъ, чтобъ говорить о моихъ драмахъ тому, кто... (*Болеславскому*). Я положусь на васъ, сударь; вы человѣкъ съ талантомъ, слѣдственно умѣете сами цѣнить дарованія. Какъ вы думаете: что сдѣлалъ вашъ пріятель, который говоритъ съ такою насмѣшкою о моихъ драмахъ?

Волгинъ. Что сдѣлалъ? А вотъ что: она стала мнѣ читать какую-то претолстую драмищу; на первомъ листѣ я началъ зѣвать, на второмъ задремалъ, а на третьемъ заснулъ, — вотъ и все тутъ.

Радугина. Заснулъ! слышите-ли, батюшка, заснулъ!

Болеславскій. Г-на Волгина можно извинить: онъ только что прѣхалъ изъ дороги, — усталость...

Радугина. Какія жалкія причины! Можно-ли чувствовать усталость, когда сердце растрогано? Я прочту вамъ мою пьесу, вы увидите, что въ ней есть такія мѣста, такія сцены...

Волгинъ (*сквозь зубы*). Хвались, хвались, ржаная каша!

Радугина. Я, сударь, не хвалю себя; я очень чувствую свои недостатки... но со всѣмъ тѣмъ, несмотря на это, я не говорю ничего... Вы услышите сами.

Болеславскій. Я очень вѣрю, сударыня.

Радугина. Сюжетъ моей драмы самый интересный; вотъ изволите видѣть: одинъ жестокій отецъ имѣетъ одну несчастную дочь, которая влюблена въ одного страстнаго любовника; этотъ страстный любовникъ имѣетъ нѣжную мать, которая родная сестра одному почтенному старику, который...

Волгинъ (*звываетъ*). Помилуй, сестра! меня опять дремота беретъ.

Радугина. Нѣтъ, это выше всякаго понятія! люди съ умомъ восхищаются моими произведеніями, а мой братецъ...

Волгинъ. Да они восхищаются-то тебѣ въ глаза, а послушала-бы ты, что говорятъ о тебѣ заочно.

Радугина. Ты думаешь, мнѣ лстыть? Знаешь-ли: очень легко доказать, что ты ошибаешься.

Волгинъ. Право?... желаль-бы очень.

Радугина (*Софья*). Ты читала мои стихи подъ названіемъ: «Онѣмъ Музамъ?»

Софья. Читала, сестрица.

Радугина. Но ты не знаешь, что я послала ихъ вчера къ Шмелеву, съ просьбою напечатать ихъ въ журналъ.

Софья. Нѣтъ, сестрица.

Радугина. Мнѣ хотѣлось сдѣлать сюрпризъ моимъ знакомымъ, и для того я скрыла мое имя; Шмелевъ не знаетъ, кто сочинялъ ихъ, слѣдственно скажетъ о нихъ откровенное свое мнѣніе. Я постараюсь завести объ этомъ рѣчь, и ты услышишь самъ, братецъ.

Волгинъ. Услышу! услышу!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ-ЖЕ, ШМЕЛЕВЪ, КНЯЗЬ И СЛАСТИЛКИНЪ.

Радугина. А, князь! рекомендую вамъ пріятеля моего брата. (*Князь и Болеславскій кланяются. Радугина тихо князю*). Это молодой стихотворецъ съ большимъ талантомъ. (*Громко*). Безъ сомнѣнія, г-нъ Людмиловъ пробудеть у насъ цѣлый день?

Болеславскій. Съ великимъ удовольствіемъ, сударыня.

Радугина. У насъ сегодня вечеромъ небольшое чтеніе; я надѣюсь, вы не откажетесь что-нибудь прочесть.

Болеславскій. Охотно-бы выполнилъ вашу волю, но...
и Радугина. Г-нъ Людмиловъ! не заставляйте себя просить.

Болеславскій. Это не моя привычка, сударыня; но, клянусь вамъ, у меня теперь ничего нѣтъ.

Радугина. Пустая отговорка, сударь! пустая отговорка!

Шмелевъ. Если не ошибаюсь, вы никогда еще не выпускали въ свѣтъ вашихъ сочиненій.

Болеславскій. Нѣтъ, сударь; у насъ и безъ меня такъ много сочинителей.

Князь. А особливо нынче, когда страсть печатать сдѣлалась общею.

Шмелевъ. Кто знаетъ это лучше меня; я намѣренъ скоро продавать на всѣхъ прозу и стихи, которыми меня со всѣхъ сторонъ заваливаютъ.

Радугина. Не получили-ли вы чего-нибудь новаго на этой недѣлѣ?

Шмелевъ. На нынѣшней... бездѣлицу! два посланія изъ Вятки, три элегіи изъ Саратова, четыре баллады изъ Петербурга, двадцать эпиграммъ отъ здѣшнихъ авторовъ, да одну торжественную оду изъ Уфы.

Радугина. И больше ничего?

Шмелевъ. Ничего... Ахъ, нѣтъ! извините, я было забылъ про самую интересную пьесу, —какой-то «*Өймямъ Музамъ*» отъ неизвѣстнаго.

Радугина (*тихо Волину*). Слышишь-ли? самую интересную.

Шмелевъ. Она подлинно заслуживаетъ большое вниманіе!

Радугина (*тихо Волгину*). Слышишь-ли?

Шмелевъ. Мнѣ не удавалось читать еще никогда такой несравненной, такой превосходной...

Радугина. Неужели!...

Шмелевъ. Нелѣпости! я не понялъ изъ нея ни одного слова.

Волгинъ. Слышишь-ли, сестра?

Радугина (*тихо Волгину*). Молчи, братецъ!

Князь. Что-жъ вы сдѣлали съ этимъ «Ониміомомъ»?

Шмелевъ. Раскурилъ имъ трубку.

Волгинъ. Слышишь-ли, сестра?

Радугина (*тихо*). Братецъ!

Софья. Какое жестокосердіе!

Шмелевъ. Напротивъ, я изъ состраданія къ бѣдному автору не хотѣлъ ихъ напечатать.

Радугина (*съ скрытою досадою*). Я думаю, онъ обошелся-бы и безъ вашего состраданія, г-нъ Шмелевъ.

Шмелевъ. Въ этомъ я увѣренъ; онъ вѣрно не чувствуетъ моего благодаренія.

Радугина. Надобно признаться, г-нъ Шмелевъ отъменно строгъ ко всѣмъ, включая самого себя.

Шмелевъ. Какъ, сударыня!

Радугина. Да, сударь, я совѣтовала-бы вамъ посматривать иногда и на то, что вы сами пишете.

Шмелевъ (*въ сторону*). Что это значить? Неужели!

Волгинъ (*громко*). Сестра! чтожъ ты сердисься? Вѣдь этакъ всѣ узнаютъ, что стихи-то твои.

Радугина (*съ жаромъ*). Да, сударь, они мои, и я, не смотря на всѣхъ журналистовъ въ свѣтъ, не стыжусь называть ихъ своими.

Шмелевъ. Прекрасно! наконецъ вы сами попались; и вы думали, сударыня, что я не узнаю ваши стихи оттого, что вы не подписали своего имени?

Радугина. Какъ! вы знали...

Шмелевъ. Да, сударыня, вы скрыли свое имя; но могли-ли вы скрыть эти красоты поэзіи, эту прелесть слога, которая однимъ вамъ свойственна?

Радугина. Что-же должна я думать?

Шмелевъ. Что я хотѣлъ заставить васъ признаться, и для того долженъ былъ тронуть авторское самолюбіе,

впрочемъ, простибельное для женщины съ вашимъ талантомъ; я спорилъ объ этихъ стихахъ съ княземъ: онъ не хотѣлъ вѣрить, что они ваши. Ну, князь, теперь видите, кто изъ насъ правъ.

Князь. Признаюсь, сударыня, я всегда былъ увѣренъ въ дарованіяхъ вашихъ; но такіе стихи...

Радугина. Прошу покорно! надобно-же быть душой, чтобъ не догадаться. Ну, г-нъ Шмелевъ, поддѣли-же вы меня.

Волгинъ. Вывернулся, какъ вывернулся, проклятый!

Князь (*тихо Шмелеву*). Вы хорошо отдѣлялись!...

Шмелевъ. Не совсѣмъ: мнѣ надобно ихъ завтра напечатать, а я...

Князь. Погодите. (*Громко*). Сударыня, завтра ваши стихи будутъ напечатаны; но мнѣ бы очень пріятно было прочесть ихъ прежде...

Радугина. Я очень рада вамъ услужить: вы сегодня же получите съ нихъ копію.

Князь. Надѣюсь, вашей руки?

Радугина. Если вы хотите.

Волгинъ (*смотря на часы*). Сестра, третій часъ; что по вашему ученому-то въ которомъ часу обѣдаютъ?

Радугина. Теперь еще рано.

Волгинъ. Да мы съ Людмиловымъ люди деревенскіе, по нашему такъ пора бы ужъ изъ за-стола.

Радугина. Всего лучше, не угодно ли вамъ, любезные мои гости, въ залу; тамъ приготовлень завтракъ.

Волгинъ (*Болеславскому*). Пойдемъ ка, братъ, да закусимъ чего-нибудь.

Радугина (*прочимъ*). Прошу покорно, господа. (*Всѣ уходятъ; князь останавливаетъ Радугину*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Князь и Радугина.

Князь. Одно слово, сударыня! я хочу спросить васъ...

Радугина. Получила ли я ваши стихи? Да, князь, они прекрасны!

Князь. Нѣтъ, сударыня...

Радугина. Какъ нѣтъ? О! въ этомъ никто не будетъ согласенъ съ вами.

Князь. Но я хотѣлъ сказать...

Радугина. Вы хотѣли сказать, что они не хороши. Князь! вы очень скромны!

Князь. Оставимте это; я...

Радугина. Нѣтъ, нѣтъ! я не намѣрена щадить вашей скромности...

Князь (*съ нѣкоторою досадою*). Ахъ, Боже мой! да вы слушайте меня...

Радугина. Такое смиреніе прилично людямъ съ обыкновенными дарованіями; но человекъ съ вашимъ умомъ, съ вашими познаніями.

Князь. Но я хотѣлъ говорить не о стихахъ, сударыня...

Радугина. Не о стихахъ! о чемъ же?

Князь. О вашей сестрицѣ.

Радугина. О сестрѣ!

Князь. Скажите, могу ли я имѣть надежду, что исканіе мое не противно Софѣ, что я узнаю, наконецъ, рѣшеніе моей участи?...

Радугина. И гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете.

Князь. Неужели?

Радугина. Знаете-ли вы, какое имѣли дѣйствіе стихи ваши надъ Софьею?

Князь. Она ей понравились...

Радугина. Она отъ нихъ безъ памяти.

Князь. Я очень радъ!

Радугина. Софья призналась мнѣ даже, что не могла бы видѣть равнодушно автора сихъ стиховъ.

Князь. Вы шутите.

Радугина. Каждый стихъ казался ей превосходнымъ.

Князь. Знаетъ ли Софья, что они мои?

Радугина. Нѣтъ еще; гораздо лучше, если вы объясните объ этомъ вечеромъ; вы будете ихъ читать при полномъ собраніи; а теперь, князь, ступайте къ Софѣ, старайтесь быть какъ можно любезнѣе и, если я не ошибаюсь, то можетъ быть нынче же... Но что будетъ, то будетъ, впередъ нечего загадывать.

Князь. Прощайте, сударыня; я спѣшу къ прелестной вашей сестрицѣ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Радугина (*одна*). Надо постараться показать брату наше общество во всемъ его блескъ. Сашенька, Сашенька!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Радугина и Саша.

Саша. Что прикажете, сударыня?

Радугина. Все ли у тебя приготовлено къ вечеру?

Саша. Извольте приказывать, сударыня.

Радугина. Чтеніе будетъ въ кабинетѣ; письменный мой столъ накрыть краснымъ сукномъ.

Саша. Слушаю, сударыня.

Радугина. Кругомъ поставить стулья.

Саша. Слушаю, сударыня.

Радугина. На столъ противъ каждаго стула положить по листу бѣлой бумаги.

Саша. Развѣ ваши гости будутъ писать, а не читать?

Радугина. Нѣтъ, дура! это одна проформа: такъ вездѣ водится. На столъ поставить мою большую чернильницу.

Саша. Слышу, сударыня.

Радугина. И два бронзовыхъ канделябра съ восковыми свѣчами.

Саша. Слушаю, сударыня.

Радугина. Теперь ступай. Постой, постой! Я забыла самое нужное: приготовь побольше воды съ сахаромъ и поставь также на столъ.

Саша. Слушаю, сударыня. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Радугина (*одна*). Ну, кажется, все приказано, что нужно. А! да вотъ и Сластилкинъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Радугина и Сластилкинъ.

Сластилкинъ. Я васъ ищу, сударыня; и изъ ума вонь, что у меня есть къ вамъ препорученіе отъ Тиранкина.

Радугина. Что такое, батюшка?

Сластилкинъ. Онъ проситъ извинить его, ему никакъ нельзя быть у васъ сегодня.

Радугина. Нельзя? Быть не можетъ! онъ обещалъ мнѣ сегодня читать у меня свою новую комедію.

Сластилкинъ. Онъ очень занятъ планомъ трагедіи, которую хочетъ непременно кончить на будущей недѣлѣ.

Радугина. Нельзя быть! вотъ пріятель! ты на нихъ надѣешься, считаешь... а они!... Нельзя быть! боится-ли онъ Бога? нельзя быть! безсовѣстный!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Дребедневъ.

Радугина. А! г-нъ Дребедневъ!

Дребедневъ. Я сейчасъ отъ Змѣйкина, сударыня; онъ никакъ не можетъ быть у васъ сегодня.

Радугина. Какъ! и Змѣйкинъ!..

Дребедневъ. Бѣдняжка въ страшномъ горѣ: онъ потерялъ родного дядю, который оставилъ ему въ наследство три тысячи душъ. Вы не можете вообразить, въ какомъ онъ отчаяніи.

Радугина. Какое несчастье! и надобно же было этому дядѣ умереть сегодня!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И СЛУГА.

Слуга. Отъ г-на Усыпляева. (*Подаетъ письмо*).

Радугина. Отъ Усыпляева! неужели и онъ... нѣтъ, нѣтъ! быть не можетъ! (*Читаетъ*). «Нынѣшнимъ вечеромъ хотѣлъ я читать у васъ мою сатиру; но, къ крайнему моему сожалѣнію, не могу выполнить своего обѣщанія». — Не можетъ! — «Вчера былъ я въ театрѣ, давали комедію общаго нашего злодѣя Честонова. Несносная публика приняла ее рукоплесканіемъ. Я вѣбѣсилса, хотѣлъ освистать комедію, актеровъ, зрителей; отъ ужасной досады у меня разлилась желчь, и я долженъ теперь поневолѣ сидѣть дома!» Ну, и есть люди, которые говорить, что Честоновъ добрый человекъ; злодѣй! И зачѣмъ было Усыпляеву смотрѣть эту проклятую комедію? Ну, господа, у меня на васъ теперь только и надежда.

Дребедневъ. Къ несчастію, у меня, кромѣ двухъ строфъ новой оды, ничего къ сегодняшнему вечеру не приготовлено.

Радугина (*Сластилкину*). Нѣтъ-ли хоть у васъ чего-нибудь?

Сластилкинъ. Ничего, сударыня; я полагалъ, что и безъ меня довольно будетъ чтенія.

Радугина. Ничего? Ахъ, Боже мой! да какъ не имѣть чего въ запасъ? Прекрасно! что скажетъ братъ? Что скажетъ г. Людмиловъ? А я хотѣла ихъ удивить, поразить, заставить восхищаться! (*Дребедневу*). Нельзя-ли написать что-нибудь на скорую руку? что-нибудь! бездѣлицу! хоть какую-нибудь торжественную оду!

Дребедневъ. Я право не могу.

Радугина. Что мнѣ дѣлать? Осрамлюсь я передъ этимъ пріѣзжимъ; что онъ обо мнѣ подумаетъ? (*Сластилкину*). Батюшка, выкупи изъ бѣды, постарайся, поройся въ своихъ бумагахъ, нѣтъ-ли у тебя какой завалящей элегіи?

Сластилкинъ. Постойте, сударыня; у меня кажется есть одинъ сентиментальный отрывокъ прозы (*шаритъ въ карманъ*). Такъ точно! (*Вынимаетъ бумаги и читаетъ*). «Вздохи души моей, или мечтанія и мысли при лунномъ свѣтѣ на берегу тихо журчащаго ручейка».

Радугина. Прекрасно! прекрасно!...

Сластилкинъ. Я его окончу непременно къ вечеру.

Радугина. Постарайтесь только, чтобъ онъ былъ длиннѣе. Пойдемте теперь обѣдать. Г-нъ Сластилкинъ, если-бъ вы вмѣсто обѣда пошли ко мнѣ въ кабинетъ окончить вашъ отрывокъ.

Сластилкинъ. Вмѣсто обѣда? о, Боже, сохрани! да я и двухъ словъ не напишу на тощій желудокъ.

Радугина. По крайней мѣрѣ тотчасъ послѣ обѣда.

Сластилкинъ. Не безпокойтесь, лишь только изъ-за стола, то и за перо!

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

На сценѣ столъ, накрытый краснымъ сукномъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Саша (*одна*). Я думаю, скоро уже начнется чтеніе; надобно приготовить и зажечь свѣчи. (*Беретъ ихъ со стола и хочетъ ставить въ шандалы*). Вотъ обѣда! нечѣмъ подвернуть; онъ такъ держаться не будутъ. А! это что за листъ? Какой измаранный! (*Читаетъ*). «Ахъ! увы! милая природа». Такъ точно, сочиненіе г-на Сластилкина; вѣрно написано начерно: почти всѣ слова перекрещены. Кстати же онъ его здѣсь бросилъ. (*Беретъ и подвертываетъ однимъ свѣчи*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Саша, Софья и князь Вячеславичъ.

Князь. Нѣтъ, сударыня! я не отстану отъ васъ: я хочу непременно, чтобъ вы сказали...

Софья. Какъ вы мнѣ наскучили, князь.

Князь. Я постараюсь вамъ наскучить еще болѣе; можетъ быть вы рѣшитесь тогда отвѣчать на мои вопросы.

Софья. Прекрасное средство! и вѣрно оно вамъ часто дается.

Князь. Всегда-ли вы будете платить за любовь мою одною холодною?

Софья. Перестанете-ли вы когда-нибудь мучить меня своими жалобами?

Князь. Признайтесь сами, можно-ли быть постояннѣе меня?

Софья. Согласитесь, князь, что я очень терпѣлива.

Князь. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я говорю вамъ безпрестанно о любви моей и сношу вашу холодность.

Софья. Вотъ уже два часа, какъ я слушаю это и не мѣшаю вамъ говорить.

Князь. Вы всегда избѣгаете изъясненія. Узнаю-ли я когда-нибудь причину вашего равнодушія?

Софья. Вы хотите знать ее, — извольте: я не могу принадлежать вамъ, — выборъ мой уже сдѣланъ.

Князь. Какъ, сударыня!

Софья. Да, князь, нынѣшнимъ утромъ я рѣшилась, и ничто въ свѣтѣ не перемѣнитъ моего намѣренія.

Князь. Нынѣшнимъ утромъ? А! понимаю, сударыня; этотъ пріѣзжій, который былъ знакомъ съ вами еще въ деревнѣ...

Софья. Вы думаете, что Людмиловъ?

Князь. Нѣтъ, право, не думаю этого... я такъ недогадливъ... я ошибаюсь...

Софья. Да, князь, вы ошибаетесь.

Князь. Неужели? Позвольте-же мнѣ узнать имя счастливаго смертнаго...

Софья. Я и сама еще не знаю.

Князь. Вы смѣетесь надо мною.

Софья. Князь, вы любезны, имѣете много достоинствъ;

но все это не составило-бы моего счастья: я хотѣла имѣть мужемъ человѣка, который восхищаль-бы меня своимъ талантомъ; я нашла его и твердо рѣшилась принадлежать ему, или не быть никогда замужемъ. Этотъ человѣкъ есть неизвѣстный сочинитель стиховъ, которые сестрица получила сегодняшнимъ утромъ.

Князь (*въ сторону*). Что я слышу?

Софья. Смѣйтесь надо мною, называйте меня мечтательницею, сумаспешнею, всѣмъ чѣмъ вамъ угодно; но я не переменяю своего намѣренія.

Князь. Напротивъ, я...

Софья. Я хочу доказать, что женщины умѣютъ не менѣе мужчинъ цѣнить таланты и дарованія.

Князь. Кто смѣетъ сомнѣваться въ этомъ. (*Въ сторону*). Какое счастье!

Софья. Вы заставили меня признаться, и если это для васъ неприятно...

Князь. О! нѣтъ, сударыня! признаніе ваше восхищаетъ меня!

Софья. Восхищаетъ васъ? Какъ, сударь! Неужели? Но я не хочу теперь ничего знать...

Князь. Незнакомый, котораго стихи имѣли счастье вамъ понравиться...

Софья. Не долженъ еще открывать своего имени.

Князь. Но можно-ли удержаться?...

Софья. Князь! я имѣю на то свои причины, я хочу этого.

Князь. Вы хотите? Желанія ваши для меня законы, — я молчу, сударыня.

Софья. Нынче на чтеніи мы его узнаемъ, и тогда, если онъ меня любитъ...

Князь. Онъ обожаетъ васъ!

Софья. Я повторю при всѣхъ обѣщаніе принадлежать ему.

Князь. Какъ онъ благополученъ! (*въ сторону*). Я не ожидалъ такой счастливой развязки.

Софья. Теперь вы видите, что Людмиловъ для васъ совсѣмъ не опасенъ.

Князь. Мнѣ право жаль его. Бѣдняжка! онъ васъ любитъ, я это замѣтилъ, точно замѣтилъ! Можетъ быть въ деревнѣ вы отличали его отъ прочихъ знакомыхъ вашихъ.

Софья. Это правда.

Князь. Так точно! онъ вѣрно надѣется, и, что всего забавнѣе, сколько я могъ замѣтить, онъ никакъ не предчувствуетъ этого громового удара; онъ такъ спокоенъ, такъ увѣренъ... и вдругъ, какой сюрпризъ! ха! ха! ха! бѣдный Людмиловъ.

Софья. Перестаньте, князь, пожалуйте его.

Князь. Я пойду теперь къ г-жѣ Радугиной. Она знаетъ намѣреніе ваше?

Софья. Да, князь, я сказала ей, что никто, кромѣ неизвѣстнаго сочинителя стиховъ, не получитъ моей руки.

Князь. И она...

Софья. Согласна на это.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Презніе и Болеславскій.

Князь. Я внѣ себя отъ восхищенія! Ахъ, сударыня, еслибъ я могъ... но я не говорю теперь ничего; черезъ полчаса вы узнаете неизвѣстнаго, который... но я повинуюсь вамъ и молчу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Софья и Болеславскій.

Софья. Князь сказалъ правду: это будетъ такой забавный сюрпризъ!... (*увидя Болеславскаго*). Ахъ! это вы?

Болеславскій. Князь оставилъ васъ въ такомъ восхищеніи, онъ говорилъ о какомъ-то неизвѣстномъ...

Софья. Который долженъ быть непременно моимъ мужемъ.

Болеславскій. Неизвѣстный! вашимъ мужемъ! что это значитъ? но вы вѣрно шутите.

Софья. Нѣтъ, Болеславскій, я говорю правду. Сегодня сестрица получила отъ какого-то неизвѣстнаго стихи; они свели меня съ ума, и я рѣшила отдать свою руку тому, кто сочинилъ ихъ.

Болеславскій. А! теперь понимаю: это опять небольшое испытаніе.

Софья. Увѣряю васъ, я говорю не шутя.

Болеславскій. Въ самомъ дѣлѣ, это такъ походить на истину.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-жѣ и Волгинъ.

Волгинъ (*Софья*). Я тебя искалъ вездѣ. Правда-ли, что и ты также сошла съ ума?

Софья. Какъ, братецъ?

Волгинъ. Правда-ли, что ты хочешь выдти замужъ за какого-то риемача, который прислалъ сегодня къ сестрѣ стихи?

Софья. Правда, братецъ.

Волгинъ. И такъ, сестра меня не обманула. Ну, голубушки, я вижу, вамъ обѣимъ не миновать желтаго дома. (*Болеславскому*). Повѣдемъ, братъ.

Болеславскій. Однакожь, сударыня, такая шутка... я надѣюсь, вы скоро ее кончите.

Софья. Я увѣрена, братецъ, вы не откажетесь быть на моей свадьбѣ.

Волгинъ. На твоей свадьбѣ?

Софья. Даже и тогда, если я выйду за Болеславскаго?

Волгинъ. За Болеславскаго? Да что это за вздоръ. То то, то другое. Что ты морочишь что-ли насъ?

Софья. Это моя тайна; подождите полчаса и вы все узнаете.

Волгинъ. Послушай, Софья, я загадокъ не люблю, да мнѣ-же некогда и дожидаться; у васъ начнется сейчасъ чтеніе, такъ я намѣренъ заранѣе убраться по-добру да по-здорову.

Софья. Вотъ этого-то вамъ и не надобно дѣлать; вы должны непременно быть при развязкѣ.

Болеславскій. Оставайтесь, сударь; я самъ также горю нетерпѣніемъ видѣть, что все это значить.

Волгинъ. Да развѣ ты не можешь сказать теперь?

Софья. Никакъ... но тише, сюда идутъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Т в ж е и Р а д у г и н а .

Р а д у г и н а . Ахъ, братецъ! ты здѣсь. (*Людмилову*). И вы также? а я было испугалась, думала, что вы уѣхали. Саша, зови всѣхъ сюда. (*Саша уходитъ*).

В о л г и н ъ . Ну, нечего дѣлать, попался я какъ куръ во щи! Однако, смотри, сестра, чуръ не сердиться, неравно меня сонъ одолѣетъ.

Р а д у г и н а . Не безпокойся, я увѣрена, ты не заснешь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Т в ж е и С н ѣ г и н ъ .

Р а д у г и н а . А! г-нъ Снѣгинъ! я ужь думала, что и вы не будете?

С н ѣ г и н ъ . Я немного опоздалъ, сударыня; разныя хлопоты, дѣла...

Р а д у г и н а . У васъ вѣрно есть что-нибудь новенькое.

С н ѣ г и н ъ . Да, сударыня, со мной есть кой-что, небольшая бездѣлка, которую я буду имѣть счастье представить сегодня на благоразсмотрѣніе всего почтеннаго общества.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Т в ж е , к н я з ь , Ш м е л е в ъ , С л а с т и л к и н ъ , Д р е б е д н е в ъ и С а ш а .

С н ѣ г и н ъ (*подходя къ князю, кланяется*). Ваше сіятельство!

К н я з ь ! А! г-нъ Снѣгинъ, очень радъ васъ видѣть!

Р а д у г и н а . Князь, прошу покорно занять ваше мѣсто. Господа! (*Всѣ садятся за столъ, выключая Софьи, Волгина и Болеславскаю*). Г-нъ Людмиловъ, не хотите-ли вы также?

Б о л е с л а в с к і й . Позвольте мнѣ остаться въ числѣ

слушателей, сударыня.

Волгинъ. Садись-ка подлѣ меня, братъ. (*Волгинъ, Софья и Болеславскій садятся на другой сторону театра*).

Радугина. Г-нъ Сластилкинъ, не угодно-ли вамъ начать?

Сластилкинъ. Сейчасъ, сударыня. (*Вынимаетъ бумаги, кашляетъ и начинаетъ читать*). «Вздохи души моей, или мысли и мечтанія при лунномъ свѣтѣ».

Волгинъ. А смѣю спросить, батюшка, много-ли листовъ въ этихъ вздохахъ?

Радугина. Тсъ! братецъ, прошу не прерывать чтенія. Продолжайте, г-нъ Сластилкинъ.

Сластилкинъ (*читаетъ*). Какая глубокая тишина! какое мертвое молчаніе! Все тихо, все предано сну; вся природа дремлетъ; одинъ я лишень покоя. Увы! сонъ бѣжитъ несчастныхъ! я сижу подъ тѣнью вѣтвистаго дуба, на берегу мирнаго ручейка; вздохи мои мѣшаются съ бурнымъ его журчаніемъ, и ночное эхо разноситъ ихъ по воздуху. Ахъ! сказалъ я... Ахъ! сказалъ я... (*Перевертываетъ листъ*). Ахъ! сказалъ я... (*Снова перевертываетъ*).

Волгинъ. Ну, сударь, ахъ! сказали вы.

Сластилкинъ. Что это значитъ? изъ самой середины не достаетъ одного листа.

Радугина. Неужели?

Сластилкинъ. Я не знаю, куда онъ дѣвался. Вѣрно я оставилъ его, когда здѣсь писалъ.

Саша. На столѣ, сударь, валялся листъ, весь измаранный.

Сластилкинъ. Гдѣ-же онъ?

Саша. Онъ, сударь... онъ...

Радугина. Да скажешь-ли ты?

Саша. Ахъ, сударыня! я... виновата, я думала, что онъ ни на что не годится, и...

Сластилкинъ. Да гдѣ-же онъ?

Саша (*показывая на свѣчи*). Вотъ здѣсь, сударь.

Сластилкинъ. Боже мой! она подвернула имъ свѣчи.

Волгинъ. Ха! ха! ха! ай-да Саша!

Радугина. Прошу покорно! ахъ, ты негодница! Да дѣлать нечего. Добро ты, голубушка! господа, не угодно-ли вамъ?... (*Дребедневъ и Снѣгинъ начинаютъ вмѣстѣ читать*).

Дребедневъ. «Къ Поли-} Снѣгинъ. «Погибшее
гимнъ, ода, строфа первая.» } дитя, романическая повѣсть».

Шмелевъ. Поодинокъ, господа, ради Бога, поодиночкы!

Снѣгинъ. Очень хорошо, я начну первый.

Дребедневъ. Вы можете погодить, г-нъ Снѣгинъ.

Снѣгинъ. А почему-бы такъ, если смѣю спросить, г-нъ Дребедневъ?

Волгинъ. Послушайте-ка, господа, читайте вмѣстѣ, авось этакъ скорѣй кончите.

Радугина. Мнѣ пріятно видѣть, господа, такое благородное рвеніе; но я полагаю, что намъ лучше начать съ оды. Г-нъ Дребедневъ!

Дребедневъ. Гмъ! гмъ! «Къ многогѣсной Полигимнѣ ода», то есть лирическое произведеніе.

Шмелевъ. Благодаримъ за поясненіе.

Дребедневъ, Я представляю на разсмотрѣніе почтеннаго общества только двѣ строфы сей оды, — произведеніе минуты пламеннаго восторга!

Къ Полигимнѣ.

Небо пылаетъ, грозныя тучи
Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ;
Бури волнуютъ воды зыбучи;
Въ страхѣ Эратой дышитъ Эроть!
Кто се грядетъ къ намъ со свода небесна?
Ты-ль, Полигимна? Ты-ль, многогѣсна?
Твой-ли священный образъ я зрю?
Полно-жъ пѣть мнѣ, речетъ гордыни,
Сѣять для рюмы гнусныя дщи, —
Духомъ теперь я къ небу вспарю!

Радугина. Что твой Ломоносовъ! какая быстрота!

Снѣгинъ (*важно*). Строфа достойна Пиндара и Го-
рація.

Ластилкинъ. Небо пылаетъ! грозныя тучи!

Радугина. Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ! —
Какая величественная картина!

Дребедневъ.

Тщетно уранги, буйно строптивы,
Силются стрѣлы въ грудь мнѣ вонзить;
Черви, грызущи тощія пивы,
Могутъ-ли птицу Зевеса азвить?
Горе крамольнымъ, если воспряну!
Палицей грозной въ дерзкихъ я грану;
Всѣ обратятся мигомъ во прахъ!...
Ужасъ пройдетъ отъ рода до рода,

И отъ земли до небснаго свода
Слухъ о моихъ разнесется дѣлахъ!

Радугина. Превосходно! какой лирической безпорядокъ!

Сластилкинъ. Какая описательная поэзія!

Снѣгинъ. Какое звукоподраженіе!

Радугина. Палицей грозной! то-есть грозной палицей, гнетущей палицей!

Сластилкинъ. Прелестно!

Волгинъ. Чортъ возьми, если я тутъ хоть одно слово понимаю.

Радугина. Бѣдненькій, мнѣ право тебя жаль. Какъ досадно, г. Дребедневъ, что ода вышла не кончена: мы лишены большого удовольствія.

Дребедневъ. О! сударыня, вы слишкомъ милостивы.

Радугина. Г-нъ Снѣгинъ! у васъ есть что-то новенькое?

Снѣгинъ. Да, сударыня, это такъ, милая бездѣлка въ нѣмецкомъ мрачномъ родѣ, гдѣ все дышитъ въ ней истиннымъ чувствомъ и простотою.

Дребедневъ. Г-нъ Снѣгинъ охотникъ до предисловій.

Снѣгинъ. Сюжетъ самый простой, самый невинный! Мальчикъ въ глухую осеннюю полночь ушелъ потихоньку отъ отца удить рыбу въ пустынномъ озерѣ. Водяные черти утащили его на дно и несчастный погибъ невозвратно. Тутъ есть много поэтическихъ картинъ: мрачныя небеса и свѣтлая луна, тихое шептаніе вѣтерка и грозное завываніе водяной сволочи, скрежетъ зубовъ, визгъ, гудъ, гулъ, пискъ и прочія принадлежности. (*Вынимаетъ толстую тетрадь и кладетъ на столъ*).

Волгинъ (*вскакиваетъ*). Помилуй, Господи! что это такое?

Радугина. Что ты, братецъ?

Волгинъ. Какъ что? посмотри-ка, какую онъ тетрадищу вывалилъ!

Снѣгинъ. Въ ней всего пятьдесятъ листовъ.

Волгинъ. Только-то? Нѣтъ, сестра, слуга покорный! слушай эту милую бездѣлку кто хочетъ, а я...

Князь. Въ самомъ дѣлѣ, г. Снѣгинъ, ваше сочиненіе немного велико.

Снѣгинъ. Помилуйте, я берусь оную кончить съ небольшимъ въ два часа.

Князь. Позвольте мнѣ прежде прочесть стихи неизвѣстнаго сочинителя.

Радугина. Въ самомъ дѣлѣ, князь, прочтите ихъ. Садись, братецъ; я увѣрена, ты съ удовольствіемъ ихъ выслушаешь: они не велики.

Софья. Я готова биться объ закладъ, что она очень понравится г. Людмилову.

Болеславскій (*тихо Софью*). Эти стихи...

Софья. Тѣ самыя, которые вскружили мнѣ голову.

Князь. Сочинитель ихъ имѣетъ право на ваше снисхожденіе. Они написаны сегодняшнимъ утромъ въ четверть часа. (*Вынимаетъ стихи и читаетъ*).

Къ моей любезной:

Гонимый гнѣвною судьбою,
Я дни лишь горестями считалъ;
Наскуча свѣтомъ и собою,
Одной отрады въ смерти ждалъ.

(*Пьетъ изъ стакана*).

Болеславскій (*въ сторону*). Что это значитъ? Не ошибаюсь-ли я?

Князь (*продолжаетъ*).

Но вдругъ какъ солнцемъ озарилась
Унылая душа моя;
Надежда въ сердцѣ водворилась,—
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

Болеславскій. Такъ точно, они мои! (*встаетъ*).
Князь, эти стихи...

Софья. Прекрасны! не правда-ли, г. Людмиловъ? Попрошу васъ удержаться отъ восторговъ,—выслушайте до конца. (*Болеславскій садится*).

Радугина (*брату*). Видишь-ли, мой другъ, какое вліяніе имѣютъ хорошіе стихи на человека съ талантомъ: г-нъ Людмиловъ не могъ на стулѣ усидѣть.

Волгинъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ будто не въ себѣ.

Радугина. Отъ восхищенія, мой милый!

Князь (*продолжаетъ читать*):

Что жизнь безъ страсти, сердцу милобъ?
Печальный къ смерти переходъ!
На что ни взглянешь—все постыло,

Все къ горестямъ лишь насъ ведетъ;
Когда-же къ чувствамъ прикоснется
Хоть искра страстнаго огня,
Тогда, мой другъ, лишь жизнь начнется—
Тогда и началась моя.

Радугина. Можетъ ли быть что лучше!

Софья (*тихо Болеславскому*). Потерпите еще немного.
(*Громко*). Сестрица, я обѣщала сказать при всѣхъ свое
мнѣніе объ этихъ стихахъ.

Радугина. Да, да, милая.

Софья. Они до того мнѣ нравятся, что я говорю те-
перь рѣшительно: никто, кромѣ неизвѣстнаго сочинителя
стиховъ, не получить мою руку, и кто бы онъ не былъ...

Шмелевъ. Какъ, сударыня! кто бы онъ не былъ?

Софья. Да, кто бы онъ не былъ, — я держу свое
слово.

Шмелевъ. Что я слышу? Такая богатая невѣста!

Софья (*сестрѣ*). Надѣюсь, вы не будете противиться
моему желанію?

Радугина. Напротивъ, съ радостію соглашусь и
утверждаю твой выборъ.

Софья. Братецъ, вы слышите, сестрица согласна.

Волгинъ. Да что это за комедія?

Князь (*встаетъ и всѣ также встаютъ*). Какое бла-
гополучіе! Теперь пора разорвать завѣсу, которая скры-
вала до сихъ поръ неизвѣстнаго. Прелестная Софья! ваша
рука принадлежитъ мнѣ.

Софья. Какъ, князь! Эти стихи...

Князь. Написаны мною.

Болеславскій. Нѣтъ! такая наглость... (*Громко*).
Князь!...

Шмелевъ. Позвольте одно слово. (*Софьѣ*). И вы вы-
полнили бы свое обѣщаніе и тогда, еслибъ неизвѣстный
былъ не князь, но простой обыкновенный человѣкъ?

Софья. Безъ сомнѣнія.

Шмелевъ. А если такъ, то извините, князь, я дол-
женъ сказать правду: эти стихи не ваши.

Радугина. Какъ!

Князь. Что это значить, г-нъ Шмелевъ?

Шмелевъ. Они сочинены мною.

Радугина. Быть не можетъ.

Князь. Г. журналистъ! вы съума сошли.

Шмелевъ. Извините, я въ полномъ разумѣ. (*Софьѣ*).

Ваше слово. сударыня, должно быть для васъ священно; и если вы согласитесь сдѣлать счастливымъ человека, который втайнѣ обожалъ васъ, то я сейчасъ докажу, что эти стихи принадлежать мнѣ.

Князь. Такая дерзость!... (*Радугиной*). Я удивляюсь, сударыня, что въ вашемъ домѣ смѣютъ меня манкировать до такой степени.

Радугина. Я тутъ ничего не понимаю, князь.

Болеславскій. Споръ этотъ не трудно кончить. Успокойтесь, господа! — зачѣмъ вамъ ссориться за чужіе стихи?

Радугина. Вотъ еще новое!

Князь. Какъ, сударь!

Болеславскій. Стихи, которые вы сегодня поутру написали, сочинены три года тому назадъ.

Князь (*съ гордостью*). Государь мой! совѣтую вамъ...

Болеславскій. Потише, князь! повторяю вамъ еще разъ: вы присвоили себѣ чужое; и если это вамъ не нравится...

Софья. То вы можете отсюда уѣхать.

Князь. И вы, сударыня? Прекрасно!... здѣсь всѣ были въ заговорѣ. (*Радугиной*). Вы также?

Радугина. Но растолкуйте мнѣ, чьи эти стихи?

Болеславскій. Мои, сударыня.

Радугина. Ваши!...

Волгинъ. Вотъ тебѣ и развязка!

Болеславскій. И признаюсь, князь, я удивляюсь безстыдству...

Князь. Избавьте отъ объясненій: я не люблю никакихъ исторій.

Радугина. Какъ, князь! вы рѣшились назвать чужое произведение своимъ!... рѣшились!...

Князь. О! сударыня, я охотно отъ нихъ отступаюсь: стихи преплоскіе! (*Дребедневу, Стыгину и Сластилкину*). Господа! не угодно ли вамъ ко мнѣ? (*Уходитъ съ ними*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, КРОМѢ КНЯЗЯ, ДРЕВБЕДНЕВА, СЛАСТИЛКИНА И СВѢГИНА.

Радугина. Пойдите, князь!... Ахъ, Боже мой! онъ ушелъ!

Болеславскій. Ну, г. Шмелевъ, прошу быть откровеннѣе: какимъ образомъ достались вамъ эти стихи.

Шмелевъ. Я, сударь, написалъ ихъ самъ; и для меня очень удивительно...

Болеславскій. Г. журналистъ! какъ вы ни увертливый, но отъ меня не отдѣляетесь. Говорите сейчасъ, что вы солгали, или сегодня же дня мы будемъ стрѣляться!

Шмелевъ. Стрѣляться!... нѣтъ, сударь, я не стрѣляюсь, я не хочу стрѣляться!

Софья. Какъ, сударь, вы трусите?

Шмелевъ. Я, сударыня, рѣзаться готовъ на бумагѣ съ кѣмъ угодно; но стрѣляться — слуга покорный! это не по моей части.

Болеславскій. Говорите-же, сударь, прошу васъ.

Шмелевъ. Ну, если пошло на правду, то я скажу все: эти стихи не принадлежать ни мнѣ, ни вамъ, г-нъ Людмиловъ: они написаны Болеславскимъ; а такъ какъ онъ убитъ...

Болеславскій. Онъ живъ, сударь.

Шмелевъ. Неужели! Гдѣ-же онъ?

Волгинъ (*показывая на Болеславскаго*). А вотъ, батюшка, передъ вами.

Шмелевъ. Какъ! что! (*Въ сторону*). Ну, въ какихъ же я дуракахъ!

Радугина. Какъ, сударь! это вы? и подъ чужимъ именемъ?

Волгинъ. За это, сестра, сердись на меня. Да дѣло не о томъ: ты соглашалась, чтобъ Софья вышла замужъ за того, кто написалъ эти стихи?

Софья. Надѣюсь, сестрица, вы не будете противиться моему счастью?

Радугина. Хорошо, сударыня, вы меня обманули, какъ пошлую дуру.

Волгинъ. Какъ бы то ни было, а ты соглашалась,

отъ этого тебѣ нельзя отпереться: я самъ былъ свидѣтелемъ.

Радугина. Дѣлать нечего, я подтверждаю свое согласіе, съ уговоромъ только, чтобъ Болеславскій и для меня что-нибудь сочинилъ.

Болеславскій. Все что вамъ угодно. (*Софья*). Наконецъ я могу назвать васъ своею!

Шмелевъ (*подходя къ Болеславскому*). Не прикажете ли въ будущемъ номерѣ напечатать ваши стихи?

Волгинъ (*отходя въ сторону Шмелева*). Совѣтоваль бы вамъ, батюшка, отсюда скорѣе убраться: Болеславскій человекъ горячій, а вы же хотѣли было перебить у него невѣсту.

Шмелевъ. Неужели?... о! если такъ... (*Хочетъ идти*).

Радугина. Г. Шмелевъ!...

Шмелевъ. Извините, я позабылъ: мнѣ надобно еще заняться корректурою заграничной книжки. Слуга покорный! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, БЕЗЪ ШМЕЛЕВА.

Радугина. Надобно сказать правду, такого несчастнаго вечера у меня не бывало: не успѣла даже прочесть своего посланія къ Хаританѣ!

Волгинъ. Ну, сестра, ты согласилась на желаніе Софьи, надобно и тебя потѣшить. Пойдемъ въ кабинетъ читать твое посланіе; а завтра поутру, какъ я хорошенько выплюсь, то такъ и быть, что со мною ни будетъ, читай мнѣ всѣ свои драмы одна за другою.

К О Н Е Ц Ъ .

РОМАНЪ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

КОМЕДІА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ на Большомъ театрѣ,
1819 года, іюля 29 дня, въ пользу актера и актрисы г-дъ Сосницкихъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ландышева	<i>Г-жа Ежова б.</i>
Софья, ея племянница	<i>Г-жа Олгина.</i>
Тирсизъ Ивановичъ Посошковъ, женихъ Софьи	<i>Г. Величкинъ.</i>
Изборскій, племянникъ Ландышевой	<i>Г. Сосницкій.</i>
Пронскій, пріятель Изборскаго	<i>Г. Брлскій.</i>
Трактирщикъ	<i>Г. Хотлищевъ.</i>

Дѣйствіе происходитъ на станціи, въ трактирѣ по Большой Московской дорогѣ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

*Пронскій сидитъ у стола съ правой стороны театра и читаетъ; съ лъвой стороны также столъ и нѣсколько стульевъ.
Трактирщикъ входитъ.*

Пронскій. Что, привели ли лошадей?

Трактирщикъ. Нѣтъ, сударь! я сейчасъ былъ на почтовомъ дворѣ, — всѣ до одной въ разгонѣ.

Пронскій. Но я думаю, можно найти вольныхъ?

Трактирщикъ. Человѣкъ вашъ побѣждалъ на село, да врядъ ли найметъ: нынѣ пора рабочая.

Пронскій. И такъ, мнѣ придется пробыть здѣсь цѣлый день.

Трактирщикъ. Такъ чтожъ, сударь, милости просимъ. Не въ похвальбу сказать, по всей Петербургской дорогѣ нѣтъ трактира лучше моего: вы найдете у меня все, что вамъ угодно.

Пронскій. Есть-ли у тебя особая комната?

Трактирщикъ. Какъ же, сударь: вотъ здѣсь направо, чистая горница.

Пронскій. Хорошо, я буду въ ней обѣдать.

Трактирщикъ. Слушаю, сударь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Пронскій (*одинъ*).

Какая досада! безпрестанно остановки; впрочемъ, кажется, мнѣ некуда спѣшить: здѣсь, въ Москвѣ, на краю свѣта — вездѣ тоска и скука будутъ меня преслѣдовать! (*беретъ книгу и начинаетъ читать*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ПРОНСКІЙ И ИЗБОРСКІЙ.

Изборскій (*входитъ скоро и, не обращая вниманія на Пронскаго, садится подлѣ стола на лѣвой сторонѣ*). Чортъ озьми проклятую телѣгу! Мы ѣздили шагомъ, а я такъ усталъ, какъ будто бы скакалъ на почтовыхъ. Куда бы хорошо что-нибудь закусить. Посмотримъ мою казну. (*Смотритъ въ книжку*). Пять рублей—только; а до Москвы далеко. Да полно, есть ли здѣсь что-нибудь путное; трактиршка дрянной, въ немъ, я думаю, и за деньги ничего не достанешь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И ТРАКТИРЩИКЪ.

Трактирщикъ (*Пронскому*). Не прикажете ли водки? Пронскій (*не переменяя положенія*). Нѣтъ!

Изборскій. Что если бы выпить рюмочку?... Нѣтъ, мнѣ и такъ жарко.

Трактирщикъ (*увидя Изборскаго*). Еще пріѣзжій! (*подходитъ и кланяется; Изборскій киваетъ ему головой*). Ага! да онъ, кажется, человекъ не простой. Милостивый государь! не угодно ли вамъ чего-нибудь покушать?

Изборскій. А что у тебя есть, мой другъ?

Трактирщикъ. Что прикажете: котлеты съ горохомъ, телятина, бифштексъ. .

Изборскій. И бифштексъ! да нѣтъ, я не хочу ѣсть... А что стоитъ у тебя обѣдъ?

Трактирщикъ. Пять рублей, сударь.

Изборскій. Только!—А ужинъ?

Трактирщикъ. Два съ полтиной.

Изборскій. Такъ давай мнѣ ужинать.

Трактирщикъ. Помилуйте! какъ ужинать?

Изборскій. Да, ужинать,—я ужь обѣдалъ; проворнѣе, любезный.

Трактирщикъ. Слушаю, сударь! (*Въ сторону*). Что это за чудакъ!

Изборскій. Да кстати, подай мнѣ чего-нибудь на-
пится.

Трактирщикъ. Не прикажете-ли бутылку вина?

Изборскій. Ужъ и вина? Да какого? Есть-ли у тебя
марго?

Трактирщикъ. Есть, сударь.

Изборскій. А лафить?

Трактирщикъ. Самый лучший; только что изъ Пе-
тербурга.

Изборскій. Неужели?

Трактирщикъ. Прикажете чего-нибудь?

Изборскій. Да, мой другъ, подай мнѣ — стаканъ
воды.

Трактирщикъ. Съ виномъ?

Изборскій. Нѣтъ, нѣтъ! свѣжей ключевой воды: я не
люблю никакой смѣси.

Трактирщикъ. Сейчасъ, сударь! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, ВЕЗЪ ТРАКТИРЩИКА.

Изборскій. Ба! да я не одинъ. Что это? Не оши-
баюсь-ли я?... Точно такъ, это онъ! Какая счастливая
встрѣча!—Пронскій!

Пронскій. Что я вижу? Изборскій! ты ли это, лю-
безный сослуживецъ?

Изборскій (*обнимая его*). Я, мой другъ, я!...

Пронскій. Какъ мы давно съ тобой не видались.

Изборскій. Да, съ тѣхъ поръ, какъ ты вышелъ въ
отставку.

Пронскій. Ты ѣдешь въ Москву?

Изборскій. Въ Москву, милый, и какъ ты думаешь—
зачѣмъ?—чтобъ на другой же день отправиться назадъ въ
Петербургъ.

Пронскій. Что это тебѣ вздумалось прокатиться?

Изборскій. А вотъ послушай. Въ Москвѣ живетъ у
меня тетушка, у которой двѣ тысячи душъ, а родныхъ
только я, да моя двоюродная сестра; дней девять назадъ,
получилъ я отъ нея письмо, которымъ она увѣдомляетъ

меня, что намѣрена прѣхать вмѣстѣ съ моею кузиною въ Петербургъ. Ну какъ имъ, бѣдняжкамъ, ѣхать такую даль однѣмъ безъ провожатаго, а особливо тетужкѣ, которая, начитавшись страшныхъ романовъ, видитъ вездѣ разбойниковъ, убійць и привидѣній. Я собрался въ полчаса, сѣлъ въ кибитку, поскакалъ, и теперь седьмой день въ дорогѣ.

Пронскій. Помилуй, седьмой день! И ты ѣдешь на почтовыхъ?

Изборскій. Да, голубчикъ! и я ѣхалъ на почтовыхъ.

Пронскій. Ѣхалъ,—а теперь?

Изборскій. На долгихъ, мой милый!

Пронскій. Какъ это тебѣ вздумалось?

Изборскій. Да такъ—для перемѣны.

Пронскій. Ужъ не обокрали-ли тебя?

Изборскій. Хуже, мой милый. Два дня скакалъ я, сломя голову, все шло хорошо; одно только меня бѣсило: я позабылъ взять съ собою мелкихъ ассигнацій, а съ крупными на каждой станціи мнѣ были хлопоты. Въ одномъ мѣстѣ меня позадержали; на бѣду случился тутъ какой-то провѣзкій: онъ предложилъ мнѣ отъ скуки маленькій банчикъ. Я конечно бы не согласился, да этотъ злодѣй, какъ будто-бы на смѣхъ, выложилъ на столъ пятьсотъ рублей все синенькими; ну, какъ было не прельститься? Я сталъ играть...

Пронскій. И проигралъ?...

Изборскій. Прогоня, дорожную шкатулку, чемоданъ, однимъ словомъ—все. Представь же себѣ, мой другъ, весь ужасъ моего положенія: мнѣ приходилось окончить мое путешествіе пѣшкомъ, а я отъ роду не служилъ въ инфантеріи! Къ счастью, отъ общаго пораженія уцѣлѣли двадцать пять рублей, которые были у моего Семена. Онъ сыскалъ попутчиковъ, далъ имъ задатку, и мы теперь на легкѣ тащимся по пятидесяти верстѣ на день.

Пронскій. Надѣюсь, Изборскій, ты не откажешься: моя коляска, деньги—все къ твоимъ услугамъ.

Изборскій. О! Конечно, не откажусь!... Въ Москвѣ мы разочтемся. *(Входитъ человекъ со стаканомъ воды).*

Слуга. Вотъ, сударь, вода.

Изборскій. Убирайся съ нею къ чорту! Скажи своему хозяину, что я уже раздумалъ ужинать: пусть дастъ онъ намъ скорѣй обѣдать; да чтобъ не забылъ вынуть бутылку своего славнаго лафита.

Слуга. Слушаю, сударь! (*Уходитъ*).

Изборскій. Знаешь-ли, Пронскій, я замѣчаю въ тебѣ большую переѣвну: ты ужасно похудѣлъ.

Пронскій. Ахъ, мой другъ!

Изборскій. Ба, ба, ба! да ты ужь выучился вздыхать! давно-ли?—Тѣфу пропасть! что съ тобой сдѣлалось? Ты ли тотъ веселый, лихой гусарь, краса своего полка, любимецъ женщинъ, всегда послѣдній въ ретирадѣ и первый на пріятельской пирушкѣ.

Пронскій. Все это прошло, какъ сонъ.

Изборскій. Да развѣ съ тобой случилось какое-нибудь несчастье?

Пронскій. Большое, мой другъ: я влюбленъ.

Изборскій. Только-то!

Пронскій. И безъ всякой надежды.

Изборскій. Большая бѣда! Такъ отъ этого и надобно сходить съ ума? Да еслибъ я худѣлъ отъ такихъ вздоровъ, то давно бы высохъ какъ спичка.

Пронскій. Ты не имѣешь понятія объ истинной любви.

Изборскій. Право! такъ разскажи же мнѣ свою исторію. Я весь въ мою тетушку: страхъ люблю романы.

Пронскій. Ты знаешь, я давно уже вышелъ въ отставку; проживши около двухъ лѣтъ въ деревнѣ, я пріѣхалъ на зиму въ Москву. Въ нѣсколько мѣсяцевъ познакомился я съ цѣлымъ городомъ, веселился, каждый день развѣзжалъ по баламъ; на одномъ изъ нихъ встрѣтилъ я Софью...

Изборскій. Ага! романъ начинается.

Пронскій. Я привыкъ видѣть прекрасныхъ женщинъ; но со всѣмъ тѣмъ...

Изборскій. Увидѣвши ее, остолбенѣлъ, не правда-ли?

Пронскій. Я желалъ-бы описать тебѣ прелестную ея наружность...

Изборскій. Не безпокойся, я читалъ «Новую Элоизу»: ужь вѣрно-же твоя Софья не лучше Юліи.

Пронскій. Лучше, мой другъ, несравненно лучше.

Изборскій. Нѣтъ, шутишь?

Пронскій. Одна минуту рѣшила навсегда мою участь. Я не спускалъ съ нея глазъ, говорилъ, танцевалъ безпрестанно съ нею...

Изборскій. Постой, остальное я доскажу самъ. Ты

познакомился со всеми домами, куда она ъздить, стала вездѣ съ нею встрѣчаться, открылся ей въ любви...

Пронскій. И узналъ, что я взаимно любимъ.

Изборскій. Неужели! Такъ о чемъ-же мы плачемъ?

Пронскій. Къ несчастію, Софья зависить отъ одной старой родственницы, у которой она воспитывалась. Нашлись добрые люди, которые описали меня самыми черными красками, и когда тетущкѣ стали обо мнѣ говорить, то она наотрѣзъ отказала.

Изборскій. Злодѣйка!

Пронскій. И что всего хуже — увезла Софью въ деревню.

Изборскій. Въ деревню? Какое варварство!

Пронскій. Я все еще надѣялся; но мѣсяца два назадъ, услышалъ, что Софья помолвлена за какого-то деревенскаго сосѣда ея тетущки. Я возненавидѣлъ Москву, уѣхалъ въ Петербургъ; но и тамъ мнѣ было не легче: образъ прелестной Софьи въ объятіяхъ другого всюду меня преслѣдовалъ. Я рѣшился ѣхать опять въ Москву, устроить свои дѣла и отправиться путешествовать.

Изборскій. Пресчастливая мысль, мой милый! Знаешь-ли, что я также выйду въ отставку: побѣдемъ въ Саксонію; тамъ много хорошенькихъ, — ты какъ разъ забудешь свою Софью, влюбишься въ какую-нибудь Шарлоту, я въ Вильгельмину; женимся, поселимся на берегахъ Эльбы и начнемъ разводить виноградъ и сажать картофель.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и трактирщикъ.

Трактирщикъ. Обѣдъ готовъ.

Пронскій. Ужь и готовъ! а мнѣ совсѣмъ ѣсть не хочется.

Изборскій. Не безпокойся, мой другъ, я потружусь за тебя. Пойдемъ и за бутылкою вина обдумаемъ хорошенько планъ будущей нашей жизни. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Трактирщикъ (*одинъ*).

Что за несчастіе! сегодня поутру проѣзжихъ было безъ счету; а теперь, какъ лошадей нѣтъ и всякій по неволѣ долженъ у меня остановиться, ну на смѣхъ никто не ѣдетъ. (*Смотритъ въ окно*). А! кто-то еще подѣхалъ. По Московской дорогѣ... карета — бричка — кибитка — другая; остановились, говорятъ съ смотрителемъ, выходятъ, идутъ сюда... Побѣгу на встрѣчу! (*Бѣжитъ къ дверямъ и открываетъ*). Милости просимъ, милости просимъ!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Г-жа Ландышева, Софья, Посошковъ (*съ приколотымъ къ груди букетомъ цвѣтовъ*). Трактирщикъ, двое слугъ и двѣ горничныя (*съ ящичками и узлами*).

Ландышева. Нѣтъ! вѣкъ мой не буду ѣздить на почтовыхъ: скачутъ себѣ проклятыя, сломя голову, того и гляди, что косточки живой не останется. (*Трактирщику*). Батюшка трактирщикъ! покажи моимъ дѣвушкамъ особенную комнату.

Трактирщикъ. Сейчасъ, сударыня. Да не прикажете-ли чего-нибудь покушать?

Ландышева. Нѣтъ, голубчакъ, мы на той станціи обѣдали, здѣсь будетъ ужинать.

Трактирщикъ. Пожалуйста сюда, дѣвушки! (*Уходитъ съ горничными и слугами на лѣвую сторону*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ трактирщика.

Ландышева. Какъ меня укачало! Что, Сонюшка, ты устала?

Софья. Да, тетушка, у меня и теперь еще кружится голова.

Ландышева. Да и жениху-то твоему видно досталось: онъ что-то молчить. Что, Тирсисъ Ивановичъ, какова дорога?

Посошковъ. Прелестная!

Ландышева. И, батюшка, помилуй! — Оврагъ на оврагъ!

Посошковъ. Самые живописные виды.

Ландышева. Легко-ли, верстъ пять мы ѣхали по ко-согору, — какъ Богъ помиловалъ. А лѣсомъ-то, лѣсомъ! душа вся выдрогла.

Посошковъ. Чего-же вы боялись?

Ландышева. Какъ чего? Помните-ли этотъ оврагъ, гдѣ мы спускались на узенькій мостикъ? Ну, точь въ точь такое-же мѣсто описано въ «Удольфскихъ тайнствахъ», или въ «Сенклерскомъ аббатствѣ»... не помню хорошенько. Настоящее разбойничье гнѣздо!

Посошковъ. А! помню, помню! тутъ нарвалъ я этотъ букетъ... Какое прелестное уединеніе для несчастнаго любовника! (*Софья*). Какъ вы думаете, сударыня, не поселиться-ли мнѣ въ этомъ пустынномъ уголкѣ?

Софья. Почему-же нѣтъ, если онъ вамъ нравится.

Посошковъ. Право! Такъ поэтому я несчастный любовникъ? Хе, хе, хе! дайте-ка взглянуть на ваши глаза... (*Софья отворачивается*). Ага! боитесь, чтобъ эти милые плутишки вамъ не измѣнили? То-то же, притворщица!

Софья (*въ сторону*). Несносный человекъ!

Ландышева. Сонюшка! да будь поласковѣе съ своимъ женихомъ; вѣдь, право, подумаетъ, что ты его не любишь.

Посошковъ. Оставьте ее, пускай себѣ скромничаетъ, это такъ, маленькое кокетство. Я знаю, она отъ меня безъ памяти. (*Софья*). А что, сударыня, за кого-бы вы болѣе всѣхъ испугались, если-бы на насъ напали разбойники?

Ландышева. Эй перестань, Тирсисъ Ивановичъ! Наговоришь ты на свою голову. Знаешь-ли что? я не хотѣла васъ только перепугать: какъ мы ѣхали лѣсомъ, то я точно слышала свистъ.

Посошковъ. Свистъ! это вѣрно было пѣніе Филомелы.

Ландышева. Какъ, батюшка, Филомелы?

Посошковъ. То есть соловья.

Ландышева. А! знаю, знаю! это по-французски.
Посошковъ. По-французски? ха, ха, ха! (*Въ сторону*).
Какое невѣжество!

Ландышева. Да на какомъ-же это, батюшка, языкѣ?
Посошковъ. Помилуйте! и вы этого не знаете? На древнемъ латинскомъ, сударыня.

Ландышева. Вотъ что! Ну, батюшка, хоть побожиться, такъ не знала.

Изборскій (*за кулисами*). Хозяинъ!

Ландышева. Что это! да здѣсь видно кромѣ насъ есть провѣзжіе.

Изборскій (*за кулисами*). Хозяинъ, хозяинъ!

Ландышева. Голось что-то мнѣ знакомъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-жѣ и Изборскій.

Изборскій. Куда онъ дѣвался? Что я вижу? Тетушка!

Ландышева. Ахъ, Боже мой! племянникъ!

Софья. Братецъ!

Изборскій (*цѣлуя руку у Ландышевой*). Здравствуйте, тетушка! Здорово, кузина! (*Увидя Посошкова, въ сторону*).
Что это за уродъ?

Ландышева. Какъ ты здѣсь очутился, мой милый?

Изборскій. Самымъ натуральнымъ образомъ: я хотѣлъ васъ застать въ Москвѣ и провожать до Петербурга.

Ландышева. Такъ ты это для меня скакалъ пятьсотъ верстъ? Ахъ, мой милый Ваничка, дай себя обнять, мой другъ! (*Обнимаетъ его*).

Изборскій. Какъ досадно, что я не засталъ васъ въ Москвѣ!... Правда, я давно-бы тамъ былъ, еслибъ не одно несчастное приключеніе...

Ландышева. Несчастное приключеніе! Что ты говоришь? Ужъ не напали-ли на тебя разбойники?

Изборскій. Да, тетушка! Представьте себѣ, пятьдесятъ два разбойника...

Ландышева. Ахъ, Боже мой! Какая шайка.

Изборскій. Злодѣи не оставили у меня копейки въ карманъ.

Ландышева. Другъ мой Ваничка! какъ быть-то, вѣдь намъ ѣхать по той-же самой дорогѣ?

Изборскій. Не безпокойтесь, тетушка, они давно уже въ Петербургѣ.

Ландышева! Право! такъ ихъ переловили? Слава Богу! Ну, Сонюшка, видишь-ли теперь, какъ на большихъ дорогахъ не быть разбойникамъ: вѣдь вздоръ-то въ книгахъ печатать не станутъ.—Племянникъ, да я еще тебя не поз-накомила. (*Подводитъ его къ Посошкову*). Прошу любить, да жаловать.

Посошковъ (*кланяясь*). Милостивый государь! Эхо, достигшее до нашихъ мѣстъ о достоинствахъ вашихъ, давно уже содѣлало для меня имя ваше драгоценнымъ.

Изборскій (*въ сторону*). Что это за вздоръ?

Ландышева. Ну, племянникъ, отгадай, кто это?

Изборскій. Я право не знаю.

Ландышева. Не предчувствуешь ли ты чего-нибудь?

Изборскій. Постойте! (*въ сторону*). Тетушка кажется писала ко мнѣ, что шутъ ея Сидорка ошлся, — точно такъ! (*Громко*). Теперь понимаю.

Ландышева. Какъ! неужели?

Изборскій. Поздравляю васъ, тетушка, да это на-ходка!—Познакомимся, пріятель! (*Бьетъ его по плечу*).

Посошковъ. Вы, какъ я вижу, человекъ не церемонный.

Изборскій (*повертывая его*). Смотри пожалуй, какой молодець! Ну право, тетушка, жаль будетъ, если и этотъ у васъ обопъется.

Ландышева. Обопъется? Да за кого ты его при-нимаешь?

Изборскій. А вы думали, что я не отгадаю: это вашъ новый шутъ на мѣсто Сидорки.

Ландышева. Что ты, батюшка!

Посошковъ. Шутъ, я шутъ? Вотъ знатокъ въ фи-зіономіяхъ!

Ландышева. Опомнись, племянникъ, это сосѣдъ мой Тирисъ Ивановичъ Посошковъ.

Изборскій. Какъ!

Ландышева. И сверхъ того Сонюшкинъ женихъ.

Изборскій. Женихъ! Кузина, неужели?

Софья (*печально*). Да, братецъ.

Ландышева. Я не писала объ этомъ для того, что мнѣ хотѣлось сдѣлать тебѣ скорпризъ.

Изборскій. Какъ можно было такъ ошибиться!
Ахъ, сударь! извините меня...

Посошковъ. Ничего, сударь, ничего.

Изборскій. Мнѣ право совѣстно...

Посошковъ. Оставимте это. Прошу меня полюбить; я надѣюсь, мы будемъ друзьями; сыны Марса должны любить дѣтей Аполлона.

Изборскій. Такъ вы стихотворецъ?

Посошковъ. Къ вашимъ услугамъ.

Изборскій. Тѣмъ лучше, я очень люблю хорошихъ поэтовъ.

Посошковъ. Такъ! вы меня полюбите: мои стихи всѣмъ нравятся. Кстати, вы ѣдете изъ Петербурга; я посылалъ кое-какія бездѣлки въ тамошніе журналы; скажите, знаютъ ли меня тамъ, говорятъ ли обо мнѣ?

Изборскій. Какъ же, теперь я вспомнилъ: имя Посошкова всѣмъ извѣстно.

Посошковъ. Позвольте узнать, какая изъ моихъ пьесъ болѣе всѣхъ нравится петербургской публикѣ?

Изборскій. Какая?—Постойте!... какъ бишь названы эти стихи, которые такъ милы, въ которыхъ такъ много ума?... Вотъ эти... не припомните ли ихъ?

Посошковъ. «Игрушки Амура»...

Изборскій. Точно такъ; весь Петербургъ отъ нихъ безъ памяти.

Посошковъ. Весь Петербургъ! — Позвольте обнять себя... Весь Петербургъ!... (*Ландышевой*). О! сударыня, племянникъ вашъ малый безцѣнный!...

Ландышева. Я знала напередъ, что вы поладите.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Т ѣ - ж е и т р а к т и р щ и к ѣ .

Трактирщикъ (*Ландышевой*). Смію спросить, сударыня, вы будете здѣсь ночевать?

Ландышева. Да, батюшка, мнѣ таки хочется немного отдохнуть.

Трактирщикъ. У меня теперь четыре порожнія комнаты, такъ не угодно ли вамъ будетъ выбрать самую любую?

Ландышева. Хорошо, мой другъ. Пойдемъ, Тирсисъ Ивановичъ, да посмотримъ вмѣстѣ. (*Изборскому*). А ты останься здѣсь съ Сонюшкой, я вижу, тебѣ хочется съ нею обо многомъ поговорить. (*Уходитъ съ Посошковымъ, а за ними и трактирицкиъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Изборскій и Софья.

Изборскій. Ну, кузинушка, женихъ-то у тебя не нарядный. Помилуй, неужели это твои выборы?

Софья. Можешь ли ты это думать, братецъ!

Изборскій. Такъ онъ и тебѣ не нравится? Какъ я радъ!

Софья. Чему же ты радуешься?

Изборскій. Какъ чему? Да знаешь ли, кузина, я бы отъ родства съ тобою отказался, если бы этотъ уродъ могъ тебѣ нравиться.

Софья. Но, несмотря на это, я должна быть его женою.

Изборскій. И вздоръ, милая! не выходи за него.

Софья. Тетушка хочетъ этого; она очень его любить.

Изборскій. Любить! такъ съ Богомъ, за чѣмъ дѣло стало, пускай сама за него выходить.

Софья. Ты шутишь, братецъ, а мнѣ совсѣмъ не весело.

Изборскій. Бѣдняжка! мнѣ право тебя жаль. А кто виновать, сударыня? Вы всѣ разборчивыя невѣсты: этотъ не хорошъ, тотъ дуренъ, — вотъ и дождалась до того, что тетушка сама выбрала тебѣ жениха.

Софья. Ахъ, братецъ! я гораздо несчастнѣе, чѣмъ ты думаешь: я люблю...

Изборскій. Любишь? Кого?

Софья. Одного любезнаго молодого человѣка; онъ сватался, но тетушка ему отказала.

Изборскій. И все для этого Посошкова? Послушай, сестра, сдѣлай съ нимъ одинъ конецъ: попробуй, скажи ему, что ты его терять не можешь.

Софья. Да я ужь ему это говорила.

Изборскій. И онъ все отъ тебя не отстаешь?

Софья. Онъ вѣрить не хочетъ, что я его не люблю.

Изборскій. Нѣтъ, шутишь.

Софья. Ахъ, братецъ! ты не можешь представить, какъ самолюбивъ этотъ Посошковъ: что-бъ я ни сдѣлала, онъ все умѣетъ толковать въ свою пользу.

Изборскій. Ну, если ужь отъ него нельзя добромъ отдѣлаться, такъ постой же, кузинушка, я какъ-нибудь къ нему придерусь, вызову на дуэль, обрублю ему носъ и уши, и тогда... неужели тетушка захочетъ выдать тебя за урода?

Софья. И, братецъ! ты все дурачишься.

Изборскій. По чести, нѣтъ! я готовъ на все рѣшиться, чтобъ избавить тебя отъ этого дурака. Однакожъ, какъ я подумаю, какое странное приключеніе! Сегодня безпрестанно встрѣчаются со мной влюбленные: ты вздыхаешь здѣсь, а вотъ тутъ за стѣной стонетъ другой.

Софья. Кто такой?

Изборскій. Старинный пріятель, съ которымъ я давнѣе нечаянно повстрѣчался. Что если бы васъ свести вмѣстѣ, то-то бы вы навздыхались досыта. У васъ одинокое горе, и я готовъ биться объ закладъ, что вы съ перваго взгляда полюбите другъ друга... Да вотъ, кажется, и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ и Пронскій *(выходитъ, задумавшись и не примѣчая Софью)*.

Софья. Ахъ, братецъ!

Изборскій. Не правда ли, онъ очень интересенъ?

Пронскій *(взглянувъ на Софью)*. Что я вижу!

Изборскій. Вотъ что значитъ симпатія: взглянули другъ на друга—и оба остолебли.

Пронскій. Софья! вы ли это?

Изборскій. Ба, ба, ба! такъ ты влюбленъ въ мою кузину?

Пронскій. Какъ, мой другъ, ты братъ ей?

Изборскій. Да, мой милый, и теперь мнѣ еще досаднѣе.

Пронскій. Я не смѣю васъ спросить, сударыня, — вы замужемъ?...

Изборскій. Нѣтъ еще, мой другъ, а скоро будетъ.

Пронскій. Вы свободны и отдаете вашу руку другому?

Софья. Я, сударь, привыкла повиноваться своей тетушкѣ.

Пронскій. И, какъ видно, повинуетесь охотно. Я не спорю, сударыня, можетъ быть женихъ вашъ гораздо любезнѣе меня...

Изборскій. Да, надобно сказать правду, мой милый, молодецъ! Я было его совсѣмъ принялъ за тетушкина дурака.

Пронскій. Какъ! и вы будете принадлежать этому человѣку?

Софья. Ахъ, Пронскій! я буду несчастлива, но по крайней мѣрѣ стану утѣшать себя мыслью, что выполнила свою обязанность.

Пронскій. И такъ, я не могу имѣть никакой надежды?... Вы молчите!... Прощай, мой другъ!... (*хочетъ уйти*).

Изборскій. Постой, куда ты?

Пронскій. Куда глаза глядятъ; но здѣсь не останусь ни минуты!

Изборскій. Эхъ, братецъ, погоди! Мнѣ все кажется, что судьба не даромъ свела насъ вмѣстѣ, подумаемъ-ка, нельзя ли какъ-нибудь отдѣлаться отъ этого Посошкова.

Софья. Ахъ, еслибъ можно было... Но нѣтъ, тетушка никогда не согласится.

Изборскій. Послушай, пріятель: мы оба съ тобою надѣлали дурачества: ты влюбился въ кузину, а я плѣнился синенькими бумажками; ты мнѣ помогъ, теперь очередь за мною. Какъ бы намъ разжалобить или напугать тетушку?... Что если бы на скорую руку сплести какой-нибудь романъ... Постой! помнится, ты игралъ однажды на благородномъ театрѣ роль любовника въ оперѣ «Иаступленный»... что если бы... Впрочемъ, если это не удастся, такъ бѣда не большая: вѣдь хуже то съ тобою ничего уже не будетъ.

Пронскій. Я тебя не понимаю.

Изборскій. Пойдемъ, въ нашей комнатѣ я изъясню тебѣ подробно мой планъ; здѣсь могутъ насъ застать и тогда все пропало.

Софья. Да скажи, братецъ, что ты хочешь дѣлать?

Изборскій. А вотъ увидишь; себѣ надобно будетъ только смотрѣть, молчать, на все соглашаться, и, если можно, быть гораздо ласковѣе съ своимъ Терсисомъ. Пойдемъ, Пронскій. *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Софья *(одна)*.

Нѣтъ, изъ этого ничего не будетъ; я боюсь, братецъ надѣлаетъ какихъ-нибудь дурачествъ, не пособить намъ ни въ чемъ, а только поспорится съ тетусшкою!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Софья, Ландышева, Посошковъ и дѣвушка съ узломъ.

Ландышева *(дѣвущкѣ)*. Положи это на столъ. *(Дѣвушка кладетъ узелъ и уходитъ)*. Да гдѣ же племянникъ?

Софья. Онъ пошелъ въ свою комнату.

Ландышева. Ну, Сонечка, какую намъ отвели прекрасную горенку! Намъ будетъ очень спокойно. Тирсисъ Ивановичъ, покуда тамъ прибираютъ, выберетъ что-нибудь почитать; вечеръ дологъ, а дѣлать-то намъ нечего.

Посошковъ. Съ величайшею охотою.

Ландышева. Это все новыя книги, которыя я купила передъ отъездомъ изъ Москвы... Что за названія! одно другого лучше.

Посошковъ. Посмотримъ, сударыня, посмотримъ, *(вынимаетъ по очереди книги и читаетъ)*. «Видѣнїе въ Невродскомъ замкѣ»; «Улло, горный Бардъ, или Страшилище въ скалахъ Хиллы»; «Ночныя привидѣнїя въ западной башнѣ Чернаго лѣса»...

Ландышева. Какъ, Тирсисъ Ивановичъ! въ западной

башни? Это должно быть хорошо. Я замѣтила, гдѣ есть западная и восточная башня, то ужь тамъ такіе страхи, что и Боже упаси! Не правда-ли, Сонюшка?

Софья. Не знаю, тетушка; я вѣдь никогда не читаю этихъ книгъ.

Ландышева. Вотъ, сударь, какой вкусъ! читаетъ себѣ какую-то «Матильду» да «Элоизу»! Что въ нихъ толку-то? На первой страницѣ заснешь. То-ли дѣло мои любезные романы, подземельные ходы, западни да опускающія двери, — чудеса на чудесахъ! Нѣтъ, ужь тутъ не до сна: то раздается гробовой голосъ, то вздохъ, то мелькнетъ блѣдная тѣнь, то вспыхнетъ огонекъ, а сердце, батюшка, сердце такъ и замираетъ!

Посошковъ. Посмотримъ-же далѣе. (*Читаетъ*). «Люксембургскій разбойникъ, или таинственныя развалины»; «Саксонскій разбойникъ, или подземелье Гонштейна»; «Разбойникъ поневолю, или ужасы лѣсовъ Шварцвальдскихъ»; «Таинственный свитокъ, или сумасшедшій отъ любви». Какъ вы думаете, не прочесть-ли намъ эту книгу? Сумасшедшій отъ любви! это должно быть трогательно и чувствительно.

Ландышева. Правда, батюшка! я сама думаю, это должно быть чувствительно и трогательно!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Изборскій.

Изборскій. Какая куча книгъ!—Что это вы дѣлаете, тетушка?

Ландышева. Да вотъ выбрали себѣ книжку, хотимъ почитать... Не знаешь-ли ты ея? Сумасшедшій отъ любви!

Изборскій. Ахъ, тетушка, что вы мнѣ напомнили!

Ландышева. Что такое?

Изборскій. Несчастный другъ! ты также сдѣлался жертвою алополучной любви!

Ландышева. Твой другъ? Расскажи пожалуйста, племянникъ: это должно быть очень интересно.

Изборскій. Ахъ! сердце ваше обольется кровью! Садитесь и слушайте.

Ландышева (*торопливо*). Ну, батюшка, мы слушаемъ. Изборскій. Я познакомился въ арміи съ однимъ молодымъ офицеромъ. Въ нѣсколько недѣль мы сдѣлались совершенными друзьями, обстоятельства насъ разлучили, и я, не болѣе какъ три мѣсяца назадъ, встрѣтился съ нимъ опять въ Петербургѣ. Я насилу узналъ его: тайная скорбь, казалось, снѣдала его сердце. Ахъ! свинцовая рука неумолимой судьбы положила на чело его печать мрачнаго отчаянія.

Ландышева. Ахъ, мой милый! Какъ ты хорошо рассказываешь! точь въ точь, какъ у меня въ романахъ.

Посошковъ. Свинцовая рука!.. сильно сказано!..

Изборскій. Несмотря на нашу дружбу, онъ былъ отиѣнно скромень, и я могъ только узнать, что, будучи въ Москвѣ, онъ влюбился въ какую-то Софью, и что родственница, у которой воспитывалась Софья, отказала ему наотрѣвъ.

Ландышева. Жестокая!

Изборскій. Онъ переписывался съ московскими своими пріятелями и не потерялъ еще надежды, какъ вдругъ однажды въ полночь... И теперь еще сердце мое замираетъ отъ страху!

Ландышева (*оглядываясь кругомъ*). Ну, батюшка, надежды въ полночь?...

Изборскій. Двери съ шумомъ растворились и другъ мой, блѣдный, какъ ночное привидѣніе, явился предо мною. «Изборскій», — сказалъ онъ ужаснымъ голосомъ, — «все пошло: Софья выходитъ за другого!» Тутъ глаза его забли-
стали, онъ схватилъ со стѣны одинъ изъ моихъ пистоле-
товъ...

Ландышева. И застрѣлился?...

Изборскій. Нѣтъ, пистолетъ не былъ заряженъ. А лучше, если-бы онъ, бѣдняжка, застрѣлился!

Ландышева. Чтожь съ нимъ сдѣлалось?

Изборскій. Онъ сошелъ съ ума.

Ландышева. Несчастный молодой человекъ!

Изборскій. Онъ вообразилъ въ своемъ сумасшествіи, что Софья умерла отъ отчаянія. Сколько его лѣчили, ничто не помогло, и я, собираясь ѣхать въ Москву, взялъ его съ собою для того, чтобъ отвести къ одному изъ его родственниковъ, который живетъ недалеко отъ Москвы.

Ландышева. Какъ, племянникъ! такъ онъ здѣсь?

Изборскій. Здѣсь, тетушка.

Ландышева. Да какъ называется этотъ несчастный

Изборскій. Пронскій.

Ландышева. Пронскій!— Сонюшка, за тебя сватался какой-то Пронскій.

Софья. Сватался, тетушка.

Ландышева. Да быть не можетъ: гдѣ тому сойти съ ума— тотъ былъ сущій повѣса.

Изборскій. Точно, точно, это онъ! Теперь все становится для меня ясно, и какъ до сихъ поръ мнѣ не пришло это въ голову? Ахъ! тетушка, сжальтесь надъ моимъ несчастнымъ другомъ!

Ландышева. Да что я могу сдѣлать, племянникъ?

Изборскій. Очень много. Пронскій помѣшанъ на томъ, что Софья умерла; если-бы онъ увидѣлъ...

Посошковъ. Понимаю! вы хотите, какъ въ «Швейцарскомъ семействѣ», или какъ въ «Нинѣ», посредствомъ нечаяннаго появленія Софьи, возвратить ему рассудокъ. Это дѣло возможное, и если-бы я за это взялся...

Ландышева. Что ты, батюшка! подумай хорошенько: вѣдь онъ былъ влюбленъ въ Сонюшку.

Посошковъ. Ну такъ чтожь? Не думаете-ли, что я боюсь соперника? Ха, ха, ха! не безпокойтесь!

Изборскій. Ахъ, Тирсисъ Ивановичъ! какая будетъ для васъ слава: вы возвратите, такъ сказать, жизнь, и кому-же?—сопернику вашему!

Посошковъ. Хорошо, мы сдѣлаемъ этотъ опытъ впрочемъ, что-же будетъ пользы: вѣдь ему не жениться-же на вашей сестрицѣ.

Изборскій. Да кто объ этомъ говорить, лишь-бы только его вылѣчить, а любовь пройдетъ сама собою.

Посошковъ. О! если такъ, то я согласенъ; только прошу меня слушаться: тутъ нужна большая осторожность; для этого надобно знать хорошо сердце человѣческое, а я знаю его, какъ мои пять пальцевъ.

Изборскій (*прислушиваясь у дверей*). Пойдите, онъ, кажется, говорить.

Ландышева. Племянникъ, я боюсь!

Посошковъ. Вѣдь онъ не дерется?

Изборскій. И, сударь! Какъ будто вы не знаете, что всѣ сумасшедшіе отъ любви отмѣнно тихи. На него только находить иногда такое изступленіе, что онъ ничего

не видитъ, и тогда первому, который, ему попадетсѣ, онъ рассказываетъ свои несчастія, думая, что говорить со мною.

Ландышева. Бѣдняжка!

Изборскій. Тише, онъ идетъ сюда.

Посошковъ. Скорѣе, скорѣе! (*Софья*). Вы станьте поодаль; мы покажемъ васъ тогда, когда будетъ надобно. (*Ландышевой*). Вы можете стать позади насъ, а мы останемся здѣсь и будемъ дѣйствовать.

Софья (*въ сторону*). Что изъ всего этого будетъ?

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ-жѣ и Пронскій (*отворяетъ съ шумомъ дверь и скоро входитъ. Въ одеждѣ замѣтенъ нѣкоторый беспорядокъ*).

Пронскій. Постой, постой милая тѣнь!... Ахъ! она исчезла! Прелестный призракъ, зачѣмъ покидаешь ты несчастнаго?... Теперь опять стало все такъ мрачно... скучно... Ахъ! Софья! (*Задумывается*).

Ландышева. Какая жалость!

Посошковъ. Надобно его понемногу приготовить къ рѣшительному удару. Тише!—Господинъ Пронскій!

Пронскій. Кто меня зоветъ? Ахъ! это ты, другъ мой!

Посошковъ. Онъ принялъ меня за васъ, тѣмъ лучше!—Послушай, Пронскій, перестань грустить, я имѣю предчувствіе, ты опять будешь счастливъ.

Пронскій. Да, да! она звала меня къ себѣ, тамъ я буду счастливъ, очень счастливъ!... а здѣсь, здѣсь я совершенный сирота!... Дай мнѣ свою руку, Изборскій; ты одинъ не покинулъ несчастнаго!... Благодарю тебя, мой другъ!

Посошковъ. Ай, ай, ай, чортъ возьми; какъ онъ жметъ!

Пронскій (*смотритъ быстро на Посошкова*). Изборскій, что съ тобой сдѣлалось? Я не узнаю тебя... Ахъ, мой другъ, зачѣмъ ты надѣлъ эту гнусную маску?

Посошковъ. Маску? Бѣдняжка!

Пронскій. Скинь, мой другъ, скинь скорѣе эту отвратительную харю.

Посошковъ. Эге! да онъ совсѣмъ сумасшедшій!
Изборскій. Однакожъ, иногда онъ говоритъ довольно кстати.

Посошковъ. Только, надѣюсь, не теперь.

Пронскій. Изборскій! ты вѣрно ѣдешь въ маскарадъ? Не ѣзди, мой другъ!... можетъ быть, ты встрѣтишь тамъ Софью и будешь несчастливъ; ты не знаешь, я также въ первый разъ увидѣлъ на балу мою Софью... Ахъ! жестокіе люди насъ разлучили!... Ее хотѣли отдать насильно замужъ, и за кого-же, мой другъ?—за какого-то деревенскаго поэта, дурака, осла...

Посошковъ. Что это? Да онъ ужь ругается.

Ландышева. И, батюшка! да вѣдь онъ сумасшедшій.

Пронскій. Другъ мой! пожалѣй о Софьѣ: она умерла отъ отчаянія!... Жестокая тетка! ты была ея убійцею, ты будешь и моей! Трепещи, безжалостная, я умру, но тѣмъ моя будетъ повсюду тебя преслѣдовать!...

Ландышева. Ахъ, Боже мой! племянникъ, что онъ говорить?

Пронскій. Въ каждомъ дыханіи зефира ты будешь слышать послѣдній вздохъ мой; журчаніе тихаго ручейка будетъ тебѣ казаться стонами умирающаго... и лишь только ударить полночь...

Ландышева. Какой ужасъ!

Пронскій. Лишь только проглянетъ блѣдная луна, окровавленная тѣмъ моя предстанетъ предъ тобою!

Ландышева (*падая въ кресла*). Ахъ, умираю!

Посошковъ (*Софьѣ*). Спирту, сударыня, спирту!

Изборскій (*сажая Пронскаго на стулъ*). Успокойся, мой другъ.

Пронскій (*тихо*). Каково?

Изборскій. Мастерски!

Ландышева. Ахъ, не могу опомниться! Ваничка, мой другъ! что мнѣ дѣлать? Ну, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ умретъ да начнетъ ко мнѣ приходить по ночамъ?

Изборскій. Вотъ то-то-же, тетушка, зачѣмъ вы не выдали за него Софью.

Посошковъ. Не беспокойтесь, сударыня! лишь-бы только его вылѣчить, а то ужь онъ вѣрно не умретъ. Пойдите, онъ задумался, не надобно упускать этой минуты. (*Софьѣ*). Станьте, сударыня, вотъ здѣсь, напротивъ него; вотъ такъ... тсъ, тише!

Пронскій (*посль минутнаго молчанія вскакиваетъ и, глядя на Софью*). Изборскій! видишь-ли?

Изборскій. Вижу, мой милый!

Пронскій. Кто это? Говори, мой другъ, кто это?

Изборскій. Неужели не узнаешь? Посмотри-ка на нее хорошенько!

Посошковъ. Не то, не то, вы все испортите. Эхъ, сударь, зачѣмъ браться не за свое дѣло? Ты хочешь знать, Пронскій, кто это? Ахъ! это несчастная дѣвушка.

Пронскій. Несчастная! — Изборскій, позови ее, я также несчастливъ.

Посошковъ (*Софью*). Подойдите, сударыня, поближе, еще ближе. Если онъ начнетъ съ вами говорить, то не противорѣчьте ему ни въ чемъ.

Пронскій. Вы несчастливы, сударыня? Ахъ, вѣрно васъ хотятъ выдать замужъ за дурака?

Софья. Да, сударь, это правда.

Посошковъ. Не то, совсѣмъ не то!

Софья. Вы сами велѣли...

Посошковъ. Да не такъ! Ее, мой другъ, любилъ одинъ молодой человекъ.

Пронскій. И васъ разлучили?

Софья. Да, сударь, насъ разлучили.

Пронскій. Жестокіе!

Посошковъ. Любовникъ ея сталъ грустить, тосковать...

Пронскій. Бѣдный!

Посошковъ. И, наконецъ, отъ ужасной горести сошелъ съ ума.

Пронскій. Что ты говоришь, мой другъ, онъ сошелъ съ ума?

Посошковъ. Ему вообразилось, что любезная его умерла отъ отчаянія.

Пронскій. Умерла отъ отчаянія? Боже мой! — Говори, говори скорѣе, какъ зовутъ эту несчастную?

Посошковъ. Софья.

Пронскій. Софья!... А его?

Посошковъ. Пронскій.

Пронскій. Пронскій! какое воспоминаніе! Боже мой!... Гдѣ я?... Что со мною дѣлается? Софья! ты-ли это?

Посошковъ. Bravo! онъ спасенъ!

Ландышева. Спасенъ? Какое счастье!

Пронскій (*Ландышевой*). Вы здѣсь, сударыня? Вы возвращаете мнѣ Софью? Ахъ! гдѣ найду я словъ выяснить мою благодарность.

Изборскій (*Ландышевой*). И мы должны вывести его изъ заблужденія. Ну, не жалость-ли это, тетушка?

Ландышева. Не говори, племянникъ, я плачу!... (*утираетъ глаза*).

Изборскій (*подводя Пронскаго къ Посошкову*). Вотъ, мой другъ, твой спаситель.

Пронскій. Такъ это вы возвратили мнѣ разсудокъ? Ахъ! г. докторъ, требуйте все, что вамъ угодно.

Посошковъ. Я, сударь, не докторъ, а другъ вашъ.

Пронскій. Да, сударь, это имя навсегда принадлежитъ вамъ: вы возвратили мнѣ разсудокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и мою Софью.

Посошковъ (*въ сторону*). Бѣдняжка! а нечего дѣлать, надобно ему сказать. (*Громко*). Г. Пронскій! вы теперь можете управлять вашимъ умомъ, и, конечно, не будете желать невозможнаго. Софья не можетъ быть вашей женою: она любитъ другого.

Пронскій. Другого? Невозможно!

Посошковъ. Жаль мнѣ васъ, Пронскій, ей-ей жаль! а должно однимъ словомъ лишить васъ всей надежды: Софья любитъ меня.

Пронскій. Что вы говорите?

Посошковъ. Вы не вѣрите? такъ пускай-же она сама рѣшитъ. Говорите, сударыня!

Ландышева (*тихо Посошкову*). Тирсисъ Ивановичъ, ну, если Сонюшка скажетъ, что она тебя не любитъ?

Посошковъ. Не скажетъ, не бойтесь! теперь ужь ей нельзя скромничать. Говорите, сударыня, говорите смѣло.

Софья. Вы этого хотите, сударь?... извольте! Я люблю Пронскаго, и если-бы тетушка согласилась, то сейчасъ-бы отдала ему мою руку.

Ландышева. Слышишь, батюшка?

Посошковъ (*тихо Софьѣ*). И, сударыня! боитесь-ли вы Бога? Ну, какъ вамъ не жалко дурачить этого бѣдняжку?

Софья. Ахъ, тетушка, отъ васъ теперь зависитъ наше благополучіе!

Пронскій. Скажите одно слово,—и мы счастливы!

Изборскій. Неужели вы рѣшитесь разлучить этихъ несчастныхъ любовниковъ?

Ландышева. Я право не знаю, что дѣлать? они мнѣ очень жалки! Какъ ты думаешь, Тирсисъ Ивановичъ, не согласиться-ли намъ?

Посошковъ. Что это значить? Такъ это ужь не шутка? Помилуйте! да я-то чѣмъ не женихъ?

Ландышева. И, батюшка! да вѣдь ты еще съ ума то не сходилъ?

Изборскій. И не сойдетъ, за это я вамъ ручаюсь.

Пронскій. Зачѣмъ возвратили вы мнѣ разсудокъ? Я былъ гораздо счастливѣе, думая, что Софья нѣтъ на свѣтѣ.

Ландышева. Въ самомъ дѣлѣ, сударь, кто просилъ тебя его лѣчить?

Посошковъ. Какъ хотите, а мы ужь помолвлены, и я никогда не соглашусь...

Пронскій. Г. Посошковъ! вы не иначе получите Софью, какъ вмѣстѣ съ моею жизнію.

Посошковъ. Если такъ, то пожалуй — я готовъ за нее драться.

Ландышева. Слышишь, племянникъ? дойдетъ у нихъ до бѣды.

Изборскій. Пойдите, я его уговорю. (*Посошкову*). Послушайте, Тирсисъ Ивановичъ, ну, что будетъ хорошаго, если онъ опять сойдетъ съ ума.

Посошковъ. Пускай себѣ сходить.

Изборскій. Да вѣдь и драться-то невесело, а я долженъ вамъ сказать, онъ рубится такъ мастерски, что въ полминуты окарнаетъ васъ какъ моську.

Посошковъ. Неужели?

Изборскій. Рѣшитесь на доброе дѣло, пусть будетъ онъ вамъ всѣмъ обязанъ: отступитесь отъ Софьи.

Посошковъ. Ни за что на свѣтѣ.

Изборскій. Ну, такъ рубитесь.

Посошковъ. Нѣтъ, сударь, я буду съ нимъ стрѣляться.

Изборскій. Стрѣляться! что вы? Да знаете-ли, что онъ попадетъ безъ промаху въ туза?

Посошковъ. Въ десяти шагахъ?

Изборскій. Въ тридцати, сударь! Послушайте, не упрямитесь, докажите, что вы человѣкъ великодушный.

Посошковъ. Великодушный! Нечего дѣлать! вы тронули мою слабую струну, — такъ и быть, я буду великодушень (*беретъ Пронскаго и Софью за руки*). Пожалуйте сюда. (*Подводитъ къ Ландышевой*). Узнайте, каковъ Посошковъ: я отступаюсь отъ моей невѣсты. Мать, благослови дѣтей своихъ!

Ландышева. Отъ всего сердца! (*они цѣлуютъ у нея руки*). Уфъ! какъ гора съ плечъ! Вѣдь ты, батюшка, теперь ужь не умрешь?

Изборскій. До того ли ему, тетушка: теперь то ему и пожить.

Посошковъ (*Ландышевой*). Ну, кто-бы подумалъ, сударыня, что съ нами случится сегодня такой романъ.

Ландышева. Подлинно, романъ! тутъ все есть, что надобно: тетка, страстные любовники...

Изборскій. Услужливый пріятель.

Посошковъ. И великодушный соперникъ.

КОНЕЦЪ.

ДОБРЫЙ МАЛЫЙ

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ въ Большомъ театрѣ, іюня
23 дня, 1820 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ладовъ	<i>Г-нъ Бобровъ.</i>
Ладова	<i>Г-жа Валбергова.</i>
Посидѣлова, тетка Ладовой	<i>Г-жа Ежова б.</i>
Лиза, дочь Ладова отъ перваго брака.	<i>Г-жа Аверкьева.</i>
Стародубъ 1-й, пріѣзжій изъ Рязани	<i>Г-нъ Брянскій.</i>
Рославлевъ, племянникъ его	<i>Г-нъ Булатовъ.</i>
Вельскій	<i>Г-нъ Сосницкій.</i>
Тузовъ	<i>Г-нъ Боченковъ.</i>
Маша, горничная Ладовой	<i>Г-жа Жебелева.</i>
Служанка	<i>Г-жа Соловьева.</i>
Слуга Ладова	<i>Г-нъ Шемаевъ м.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Ладова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату хорошо убранную. По бокамъ и въ срединѣ двери. Съ правой стороны на аванъ-сценѣ столъ, со вѣсьмъ нужнымъ для письма.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СТАРОДУБОВЪ (*одинъ говоритъ, оборотясь къ дверямъ*).

— Скажи своему барину, что къ нему пріѣхалъ Стародубовъ, — слышишь-ли? Стародубовъ! Ну, пріятель мой Ладовъ живетъ, видно, попрежнему; тотъ-же самый порядокъ: людей содомъ, а въ цѣломъ домѣ ни одной бѣшеной собаки; насилу отыскалъ какого-то полупьянаго лакеишку. — Слава Богу! кто-идеть.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СТАРОДУБОВЪ И МАША.

Стародубовъ. Ба, ба, ба! Машенька, это ты!

Маша. Ахъ, Николай Степановичъ! милости просимъ! Давно-ли изволили пріѣхать?

Стародубовъ. Вчера съ ночью. Ну, Машенька, что подѣлываетъ мой старый пріятель?

Маша. Баринъ, сударь? То-же, что и прежде: собираетъ рѣдкости, да покупаетъ картины.

Стародубовъ. Я слышалъ, у васъ что день, то новое веселье.

Маша. Да, сударь, съ тѣхъ поръ, какъ баринъ опять женился, мы живемъ очень весело.

Стародубовъ. Право! Такъ видно ужъ Ладовъ со всѣмъ забылъ покойную свою жену?

Маша. Какъ забыть, сударь? Она была такая добрая!

Стародубовъ. А эта развѣ зла?

Маша. Напротивъ, всѣ говорятъ, что она настоящій ангель.

Стародубовъ. Такъ поэтому онъ счастливъ?

Маша. Да, сударь, всѣ говорятъ, что онъ очень счастливъ.

Стародубовъ. И они живутъ согласно?

Маша. Какъ-же, всѣ говорятъ...

Стародубовъ. И, Машенька, всѣ говорятъ: да самъ-то онъ что говорить?

Маша. Онъ, сударь?... ничего.

Стародубовъ. Какъ ничего?

Маша. Да вѣдь нечего дѣлать, противъ цѣлаго свѣта одинъ не сговоришь.

Стародубовъ. Такъ вотъ что! понимаю; видно жена-то его ангель для всѣхъ, а чортъ для него?

Маша. Да, сударь, она такъ прибрала его къ рукамъ, что онъ у себя въ домѣ значитъ меньше, чѣмъ въ другомъ дворецкій или управитель.

Стародубовъ. Жаль мнѣ Ладова; да кто виноватъ? Какой нечистый духъ дернулъ его жениться подъ старость, имѣя дочь невѣсту.

Маша. Ахъ, сударь! вотъ она-то мнѣ и жалка! настоящая сирота!

Стародубовъ. Бѣдненькая! хотъ бы Ладовъ выдалъ ее скорѣе замужъ.

Маша. А женихъ-то есть. Вотъ, на примѣръ, г-нъ Рославлевъ.

Стародубовъ. Племянникъ мой?

Маша. Да, сударь. Я знаю, они любятъ другъ друга.

Стародубовъ. Не ошибаешься-ли ты?

Маша. Нѣтъ, сударь, я это замѣтила также, какъ и то, что баринъ хочетъ ее выдать за пріятеля вашего племянника г-на Вельскаго.

Стародубовъ. За Вельскаго? Боже сохрани! Да развѣ Ладовъ хотеть погубить свою дочь?

Маша. Что вы, сударь? Вельскаго здѣсь всѣ любятъ: баринъ называетъ его своимъ другомъ, барыня не можетъ быть безъ него ни минуты, и даже тетюшка Настасья Левлевна...

Стародубовъ. Посидѣлова?— Да развѣ эта рязанская барыня здѣсь? Давно-ли?

Маша. Дней пять. Да вотъ, кажется, и баринъ. Я оставлю васъ однихъ, вѣрно вамъ есть о чемъ переговорить. (*Уходитъ*):

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Стародубовъ (*одинъ*).

Если Маша говорила правду... Но прежде надо хорошенько узнать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стародубовъ и Ладовъ.

Ладовъ. А! любезный другъ! поздравлю съ прїездомъ. (*Обнимаются*).

Стародубовъ. Здорово, прїятель, здорово!

Ладовъ. Какъ мы давно не видались! Ну, мой милый, а я безъ тебя опять женился.

Стародубовъ. Знаю.

Ладовъ. У меня ужъ есть сынъ.

Стародубовъ. И это знаю.

Ладовъ. Извини, что я не поведу тебя знакомить съ женою. Она у себя въ комнатѣ и очень грустна: Володя нашъ боленъ, а на бѣду и попугай ея занемогъ. Да ты, кажется, съ нею знакомъ?

Стародубовъ. Да, я знавалъ ее ребенкомъ, когда она еще жила у тетки своей Посидѣловой.

Ладовъ. Какъ это ты разстался съ своею деревнею? Вѣрно захотѣлъ повидаться съ племянникомъ?

Стародубовъ. Да, мой другъ. Онъ только что вышелъ изъ университета, молодъ, неопытенъ, и хотя съ добрымъ сердцемъ, но съ такой пылкой и опрочечивой

головой, что какъ разъ надѣлаешь глупостей. Я слышалъ, онъ проигралъ какому-то Тузову двадцать тысячъ.

Ладовъ. То-ли-бы онъ еще проигралъ, если-бы его не удерживалъ Вельскій. Этотъ честный человѣкъ, чтобъ успокоить Рославлева, скупилъ у Тузова всѣ его векселя и заплатилъ за нихъ послѣднія свои деньги.

Стародубовъ. Вельскій—честный человѣкъ! Нѣтъ, пріятель, онъ изъ нашей стороны, такъ я его коротко знаю, и готовъ биться объ закладъ, что этотъ честный человѣкъ за одно съ Тузовымъ обыгралъ племянника.

Ладовъ. Что ты, братецъ! опомнись! Ну можно-ли подумать, чтобъ Вельскій, чтобъ этотъ благородный, добрый малый...

Стародубовъ. Добрый малый! Да сжался надо мною! скажи, что находишь ты добраго въ этомъ безпутномъ человѣкѣ?

Ладовъ. Что? да все! Во первыхъ, онъ... очень добрый малый; во-вторыхъ...

Стародубовъ. Безстыдный лжецъ!

Ладовъ. И, братецъ, какъ тебѣ не стыдно! Правда, если хочешь, у него есть небольшая слабость: любить красное слово отпустить; да развѣ это бѣда?

Стародубовъ. Насмѣшникъ!

Ладовъ. Вотъ что правда, то правда, нашъ грѣхъ! любимъ посмѣяться! оно не хорошо—не спорю; но за то, если-бы ты зналъ, какъ онъ честенъ!

Стародубовъ. Прекрасная честность! у всѣхъ занимаетъ и никому не платить.

Ладовъ. А ты развѣ это знаешь? Ну если такъ, то и я скажу—за нимъ это водится; правда, онъ и самъ готовъ отдать послѣднюю копейку. Ужъ вѣрно никто не скажетъ, чтобъ онъ былъ худой пріятель, а и того менѣе худой родственникъ; послушалъ бы, какъ онъ говорить о своей родинѣ.

Стародубовъ. А говорить-ли онъ когда-нибудь о своемъ двоюродномъ братѣ Простаковѣ, котораго обыгралъ самыхъ безстыднымъ образомъ и пустилъ по міру?

Ладовъ. Неужели? Да вздоръ! это клевета. Чтобъ Вельскій обыгралъ своего двоюроднаго брата,—быть не можетъ! Онъ, конечно, игрокъ—это правда; просиживаетъ дѣлыя ночи за картами—не спорю; но со всѣмъ тѣмъ... Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Впрочемъ, надѣюсь также, никто не скажетъ, чтобъ Вельскій велъ себя дурно?

Стародубовъ. О нѣтъ! онъ только разъ по шести въ недѣлю бываетъ пьянъ.

Ладовъ. Ба! ба, ба! такъ ты и этотъ грѣхъ за нимъ знаешь? Ну, нечего таить, онъ любитъ повеселиться; оно кажется какъ будто-бы и худо, а поговори-ка съ нимъ, такъ онъ тебѣ докажетъ, что нѣтъ. У него, братъ, своя философія; онъ придерживается системы Эпикура: наслаждается жизнью, да и все тутъ! Признаюсь, люблю его за это, хоть что, такъ докажетъ; мастеръ говорить! Что за познанія! что за острота! какой умница!...

Стародубовъ. Нѣтъ, не умница, а злоязычникъ, для котораго нѣтъ ничего святого; безчестный, подлый насмѣшникъ...

Ладовъ. Безчестный? Худо же ты его знаешь, мой другъ. Нѣтъ, не дасть никому наступить себѣ на ногу: онъ очень дорожитъ своею честію.

Стародубовъ. Какою?... Знаю я эту честь-то, пріятель! Куда хорошо вы ее понимаете! По вашему, стыдно бѣдному человѣку принять отъ кого-нибудь подарокъ, а не стыдно богатому скупать по гривнѣ свои векселя и разорить нѣсколько семействъ; по вашему, безчестно женатому человѣку и отцу семейства не стрѣляться съ какимъ-нибудь сорванцомъ, который ищетъ исторіи, а не безчестно обыграть своего пріятеля, развратить его жену, сдѣлать ихъ на вѣкъ несчастными!... Эхъ! какъ подумаю, такъ я за эту честь и гроша бы не далъ.

Ладовъ. Горячись, горячись, любезный, а Вельскій все таки добрый малый.

Стародубовъ. Въ самомъ дѣлѣ! онъ только что дурной плательщикъ, худой родственникъ, лжець, игрокъ, насмѣшникъ и безпутнаго поведенія,—а впрочемъ, конечно добрый малый.

Ладовъ. Что ты? Помилуй!

Стародубовъ. Да ты самъ въ этомъ признался.

Ладовъ. Что ты, братецъ, перекрестись! я не спорю, онъ имѣетъ свои слабости, недостатки; но со всѣмъ тѣмъ... воля твоя... спроси кого хочешь... въ немъ есть что-то такое... онъ имѣетъ... ну, однимъ словомъ, что ни говори, а онъ право добрый малый!

Стародубовъ. Хорошо, хорошо! я вѣдь тебя знаю, заберешь что въ голову, такъ тебя самъ чортъ не переувѣритъ. Прощай!

Ладовъ. Куда же ты?

Стародубовъ. На минуточку къ графу Знатову; онъ живетъ отсюда въ двухъ шагахъ. Черезъ полчаса, а можетъ быть и прежде, я опять здѣсь буду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Ладовъ (*одинъ*).

Онъ все таковъ же, какъ былъ: честный человекъ, хороший пріятель, а не приведи Господи попасться ему на языкъ!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Ладовъ, Ладова и Посидѣлова.

Ладовъ (*идя къ Ладовой*). А, мой ангель, это ты! кстати, я шель къ тебѣ.

Посидѣлова. Кто это у тебя былъ, племянникъ?

Ладовъ. Стародубовъ.

Ладова. Стародубовъ! этотъ чудакъ, дядя Рославлева?

Посидѣлова. Не слышать, зачѣмъ изволилъ пожаловать? Жилъ бы у себя въ деревнѣ, — здѣсь и безъ него много дураковъ.

Ладовъ. Вы, кажется, съ нимъ коротко знакомы.

Посидѣлова. Какъ же, батюшка, мы съ нимъ сосѣди. Пренесносный человекъ! все на свѣтѣ ругаетъ, всѣхъ онъ умнѣ; ну, житья отъ него никому нѣтъ.

Ладовъ. Правда, у него есть эта замашка.

Посидѣлова. Онъ было однажды и ко мнѣ подѣхалъ съ поученіями: «Къ чему, дескать, мать моя, это пустое чванство: женщина ты одинокая, а дворовыхъ у тебя больше, чѣмъ крестьянъ; дѣлать-то они ничего не дѣлаютъ, а только по пустому хлѣбъ ѣдятъ»...

Ладовъ. Что-же вы ему отвѣчали?

Посидѣлова. Что будешь отвѣчать на такое холодное разсужденіе? Плюнула, да пошла прочь. А самъ-то онъ—

стыдокъ въ люди сказать — человекъ богатый, а живетъ хуже много однодворца: ни псовой охоты, ни роговой музыки, — и всего-то на всего въ домѣ пять, шесть лакешковъ, — срамъ, да и только! А вотъ у меня, такъ не въ похвальбу сказать, какъ набьются въ переднюю, такъ прошу продраться!

Ладовъ. Признаюсь, эта азiятская роскошь мнѣ очень нравится.

Посидѣлова. Благодаря Бога, у меня, батюшка, не считая моего шута, кормилицы, двухъ дуръ и одного гуслиста, полтора ста душъ на мѣсячинѣ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Вельскій.

Ладова. А! Вельскій!

Вельскій. Здравствуйте, сударыня! (*Цѣлуетъ у Ладовой и Посидѣловой руки*).

Ладовъ. Здорово, мой философъ! откуда?

Вельскій. Не спрашивайте, я обскакалъ половину Москвы.

Посидѣлова. Гдѣ-же ты рыскалъ, повѣса?

Вельскій. Постойте, я расскажу вамъ по порядку. Во-первыхъ, я былъ на Преснѣ, почти за заставою, у одного иностранца, который торгуетъ попугаями. (*Ладовой, показывая скляночку*). Какъ вы думаете, что въ этой скляночкѣ?

Ладова. Я право не знаю.

Вельскій. Лѣкарство для вашего жако.

Ладова. Для моего попугая? Какъ вы добры, Вельскій.

Ладовъ. Напрасно беспокоился, любезный, у жены ужъ есть чѣмъ его лѣчить. Я перерылъ сегодня всѣ мои книги, и, наконецъ, нашель описаніе лѣкарства, которымъ лѣчатъ попугаевъ въ Бразиліи.

Ладова. Однакожь не лучше-ли...

Ладовъ. Эхъ, мой ангелъ! не беспокойся, это мое дѣло, — я ужъ вылѣчу твоего попугая.

Посидѣлова (*Вельскому*). Ну, батюшка, а съ Пресни куда ты поѣхалъ?

Вельскій. Въ ряды; мнѣ надобно было кой-что купить. Да гдѣ-же вашъ Иванушка? Здоровъ-ли онъ?

Посидѣлова. Шутъ мой? Слава Богу! Я сегодня отпустила его гулять на цѣлый день.

Вельскій. Право? Такъ потрудитесь отдать ему эту бездѣлку.

Посидѣлова. Что это? Табакерка! Ужь не золотая-ли?

Посидѣлова. Спасибо, мой отецъ! То-то добрый человекъ! никогда не забудетъ моего шута.

Вельскій. Да онъ такой забавный, а я страхъ люблю тѣшить дураковъ. Пойдите, чуть было не забылъ. (*Ладову*). Иванъ Архиповичъ, знаете-ли, что я для васъ досталъ? Посмотрите-ка.

Ладовъ. А! древняя монета! Дай-ка сюда! Тѣфу пропасть! тутъ ничего не разберешь, все стерлось... Однакожь... кажется это русская полушка?

Вельскій. Точно, русская полушка, — да какая?... Владиміра Мономаха!

Ладовъ. Владиміра! Ба, ба, ба! да это вещь отменно рѣдкая.

Вельскій. Надѣюсь.

Ладова (*тихо Вельскому*). Признайтесь, Вельскій, вѣдь это обыкновенная полушка?

Вельскій (*также тихо*). Вы думаете?

Ладова. Точно, точно! я вижу по вашимъ глазамъ, — не стыдно-ли?

Вельскій. Послушайте!... да еслибъ и такъ, что за бѣда, — вѣдь это его утѣшаетъ.

Ладовъ (*который во все время разсматриваетъ монету*). Чѣмъ болѣе разсматриваю я эту монету, тѣмъ болѣе тебѣ благодаренъ, Вельскій. Драгоценная вещь!

Посидѣлова. Ужь и драгоценная! Ну что за важность, батюшка, полушка.

Ладовъ. И, тетушка, вы не знаете—Владиміра Мономаха! Да для охотника весь мой кабинетъ не стоитъ этой полушки.

Ладова. Для охотника! а я такъ думала для всякаго. Не правда-ли, Вельскій?

Вельскій. И, нѣтъ! у него много такихъ рѣдкостей.

Посидѣлова. Да что мы стоимъ, — сядемте.

Ладовъ. Эй! малый, стульевъ! (*Садятся*). Ну, Вельскій, спасибо, одолжилъ. Какъ-же не сказать, что ты добрый

малый. А! кстати! Знаешь-ли, я сегодня чуть за тебя не поспорился съ Стародубовымъ.

Вельскій. Съ Стародубовымъ? Когда онъ прїѣхаль?

Ладовъ. Я думаю, вчерась. Онъ очень тебя не любитъ, мой милый.

Вельскій. Я это знаю. Мы были съ нимъ нѣкогда хорошіе прїатели, и если-бы не одинъ забавный случай...

Посидѣлова. Какой случай?

Вельскій. Ну, право, стыдно рассказывать, вы сочтете это за сказку. Если хотите, Стародубовъ не глупый человекъ, но такой невѣжда, что способу нѣтъ! Года два назадъ, въ Рязани, я былъ съ нимъ въ одномъ обществѣ. Разговоръ коснулся до древнихъ художниковъ, и какъ вы думаете? кто, по мнѣнію Стародубова, былъ лучшимъ греческимъ живописцемъ?

Ладовъ. Тутъ спрашивать нечего, — Апелесь.

Вельскій. Нѣтъ, сударь, — Сократъ.

Ладовъ. Сократъ живописецъ! ха, ха, ха! какое невѣжество!

Вельскій. Мнѣ-бы должно было смолчать; но я не вытерпѣлъ и доказалъ въ двухъ словахъ, что онъ невѣжда. Съ тѣхъ поръ Стародубовъ меня терпѣть не можетъ.

Ладовъ. Пожаловать Сократа въ живописцы! ха, ха, ха! Пстой-же, Вельскій, я надъ нимъ позабавлюсь.

Вельскій. И, нѣтъ! не говорите ему ничего объ этомъ.

Ладовъ. Ты слишкомъ добръ, Вельскій, онъ отзывается о тебѣ такъ дурно...

Вельскій. А я, напротивъ, буду спорить съ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ очень честный и хорошій человекъ!

Ладовъ. Слышите-ли, тетушка?

Ладова. Какія благородныя чувства.

Посидѣлова. О, добрая душа!

Вельскій. Признаюсь, я не умѣю мстить. У меня много слабостей: я вѣтренъ, неоснователенъ и даже повѣса; но право не злой человекъ.

Ладовъ. Худо-же тебѣ платитъ Стародубовъ. Вообрази себѣ, онъ задумалъ увѣрить меня, что ты обыгралъ двоюроднаго своего брата.

Вельскій. Простакова? Ну чтожь, онъ не солгалъ, это правда.

Ладовъ. Помилуй! твоего двоюроднаго брата?

Вельскій. Ну да, моего двоюроднаго брата.

Ладова. Вы шутите?

Вельскій. Нимало.

Ладовъ. Вотъ это, Вельскій, не хорошо, воля твоя, не хорошо!

Вельскій. Да постойте, выслушайте меня. Прїѣхавши въ Рязань, я нашель, что Простаковъ проигралъ уже половину своего имѣнія какому-то Подтасовкину; сколько я ему не говорилъ, что онъ даромъ отдаетъ свои деньги, онъ не хотѣлъ никакъ перестать.

Ладовъ. И ты рѣшился обыграть его самъ?

Вельскій. А по вашему лучше-бы было, если-бы онъ проигралъ все одному Подтасовкину?

Посидѣлова. Въ самомъ дѣлѣ! вѣдь ему отъ этого легче-бы не было.

Ладовъ. Оно, если хочешь, такъ; а все бы лучше, если-бы ты оставилъ своего брата...

Вельскій. На произволь судьбы? Нѣтъ, сударь, я сдѣлалъ гораздо лучше: я обыгралъ его; но за то онъ живетъ теперь у меня въ деревнѣ, на пансіонѣ, ни въ чемъ не нуждается, и гораздо счастливѣе, чѣмъ былъ прежде.

Ладовъ. Вотъ это другое дѣло! (*Ладовой*). Какъ ты думаешь, мой другъ, вѣдь Вельскій-то правъ?

Ладова Разумѣется.

Вельскій. Притомъ-же, согласитесь сами, не долженъ-ли я былъ стараться удержать въ нашей фамилиі родовое имѣніе, которое могло-бы все достаться въ чужія руки.

Ладовъ. Точно, точно! Теперь и я вижу, что ты правъ; а какъ говорилъ объ этомъ Стародубовъ...

Вельскій. То я казался виноватымъ? Неудивительно, — злые люди умѣютъ все перетолковать въ дурную сторону.

Ладовъ. Это правда, — отъ злыхъ людей никуда не уйдешь. А что, Вельскій, я думаю, иногда и мнѣ достается?

Вельскій. Вамъ?... Хотите-ли, чтобъ я говорилъ откровенно? Теперь я знаю, что вы человекъ почтенный, по вашему необыкновенному уму, глубокимъ познаніямъ...

Ладовъ. Спасибо, мой другъ, спасибо! Признаюсь въ моей слабости, люблю, когда меня хвалятъ! Да и ты, мой милый, человекъ съ большимъ вкусомъ.

Вельскій. А знаете-ли, что я думалъ о васъ прежде?

Ладовъ. А чтобы напрімѣръ?

Вельскій. Представьте себѣ, меня увѣрили, что вы

человѣкъ слабый, безхарактерный, смѣшной,—что вы беретесь судить обо всемъ и ничего не знаете.

Ладовъ. Неужели?

Вельскій. Считаете себя знатокомъ въ живописи, и платите отъменно дорого за рублевья картины.

Ладовъ. Ха, ха, ха!

Вельскій. Выдаете себя охотникомъ до древностей, и разоряетесь, покупая антики, которые моложе васъ.

Ладовъ. Ха, ха, ха! перестань, ты уморишь меня! Чего, подумаешь, злые люди не скажутъ: я не знаю толку въ древностяхъ!... Ха, ха, ха! Посмотри, и жена смѣется.

Ладова. Какъ-же, мой другъ, это очень забавно. Послушайте, Вельскій, будьте также откровенны и со мною, скажите, что говорили вамъ обо мнѣ?

Вельскій. Совершенную истину. Мнѣ описывали васъ, какъ женщину чувствительную, любезную, добрую;—правильные обвиняли васъ въ излишней привязанности къ попу; другіе увѣряли даже, что вы любите его болѣе, чѣмъ вашего Володю; но я никогда этому не вѣрилъ, и вижу теперь на самомъ дѣлѣ, что это сушая клевета.

Ладова. И самая ужасная! Я не люблю моего Володю? Боже мой! да я жизнь-бы отдала, только чтобъ онъ былъ теперь здоровъ. *(Горничная выбѣгаетъ съ правой стороны).*

Посидѣлова. Что ты?

Горничная. Пожалуйте въ дѣтскую, сударыня.

Ладовъ. Къ Володѣ? Ужъ не сдѣлалось-ли ему хуже?

Горничная. Да, сударь, онъ очень слабъ. *(Уходитъ).*

Ладова. Сердце мое предчувствовало! *(Ладову).* Поидемъ, мой другъ, пойдемъ! *(Хочетъ идти).*

(Маша выбѣгаетъ съ лѣвой стороны).

Маша. Сударыня! съ поугаемъ что-то сдѣлалось.

Ладова. Что ты говоришь?

Маша. Онъ совсѣмъ крылья опустилъ.

Ладова. Бѣдный попинька!

Маша. И глазами не смотреть.

Ладова. Не смотреть! Боже мой!

Маша. Онъ совсѣмъ умираетъ, сударыня.

Ладова. Умираетъ! Что мнѣ дѣлать?... Какое ужасное положеніе!... Володя!... Жако!... Я совершенно потеряла голову... Тетушка!... другъ мой!... ступайте скорѣе въ Во-

лодь... Пойдемъ, Машенька, пойдемъ! Бѣдный Жако! (*Уходитъ въ лѣвую сторону*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, безъ Ладовой.

Посидѣлова. Останься здѣсь, батюшка; я пойду посмотрю Володю,—вѣрно какой-нибудь вздоръ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Посидѣловой.

Вельскій. Какъ вы счастливы, Иванъ Архиповичъ! Какая у васъ чувствительная жена.

Ладовъ. Да, чувствительная! — Послушай, братецъ, мы съ тобой приятели. (*Осматривается кругомъ*). Ну, скажи пожалуйста, на что это походить: сынъ умираетъ, а она побѣжала къ попугаю? срамъ, да и только!

Вельскій. Да оно немного смѣшно; впрочемъ, кто не имѣетъ своихъ слабостей.

Ладовъ. Эхъ, братецъ! да ужь это изъ рукъ вонъ! терпѣнья не достаетъ! Что, въ самомъ дѣлѣ! скажу ей самой, что это ни на что не походить.

Вельскій. Смотрите, чтобъ не было худо: за нее вступится тетушка...

Ладовъ. Такъ чтожъ? Развѣ я ее боюсь? Я скажу ей въ глаза: «Стыдно, матушка Настасья Іевлевна! какъ ты воспитала свою племянницу? Въмѣсто того, чтобъ любить своего мужа, дѣтей,—она любить одного лишь попугая». Нѣтъ, любезный, ты меня не знаешь: какъ начну рѣзать правду, такъ она у меня на ногахъ не устоитъ! Давай ее сюда!...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тъ-же и Посидѣлова.

Посидѣлова (*которая слышала послѣднія слова*). Кого это, батюшка?

Ладовъ (*испугавшись*). Ахъ! это вы? Ничего, ничего.— Что, каковъ попугай?

Посидѣлова. Я вѣдь была у Володи.

Ладовъ. Да бишь, я хотѣлъ сказать, каковъ Володя?

Посидѣлова. У него былъ кризисъ; теперь ему гораздо лучше. Сейчасъ пріѣхалъ докторъ и говоритъ, что вся опасность прошла. Да о чемъ ты здѣсь такъ раскричался?

Вельскій. Такъ, мы говорили объ васъ, сударыня.

Посидѣлова. Обо мнѣ? Что такое?

Вельскій. Вы хотите знать? Такъ и быть, скажу!...

Ладовъ (*тихо*). Что ты, Вельскій, полво!

Вельскій. Иванъ Архиповичъ говорилъ о воспитаніи, которое вы дали вашей племянницѣ.

Ладовъ (*тихо*). Да перестань, братецъ!

Вельскій. Онъ не могъ довольно нахвалиться своимъ счастіемъ.

Посидѣлова. Право, мой другъ?

Ладовъ. Какъ-же, тетушка! (*Тихо Вельскому*). Добро ты, негодный!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тъ-же и М а ш а.

Маша. Ахъ, Боже мой!

Ладовъ. Что ты, Машенька?

Маша. Бѣда, сударь!

Посидѣлова. Бѣда?

Ладовъ. Что такое?

Маша. Ахъ, сударь! если-бы вы видѣли, въ какомъ положеніи барыня.

Посидѣлова. Что съ ней сдѣлалось?

Маша. Какое несчастіе!

Ладовъ. Да тѣфу пропасть, скажешь - ли ты, проклятая!

Маша. Вотъ и барыня, — вы узнаете отъ нея самой.

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Ладова.

Посидѣлова. Что, мой другъ, съ тобою сдѣлалось?

Ладова. Бога ради, кресла! я насиду дышу! (*Вельскій подаетъ кресло*).

Вельскій. Успокойте насъ, сударыня! скажите, что сдѣлалось?

Ладова. Ахъ! пожалѣйте обо мнѣ! я совершенно осиротѣла!

Ладовъ. Что ты, мой другъ! вѣдь Володѣ лучше.

Ладова. Бѣдный Жако!

Вельскій. Вашъ попугай?

Ладова. Все кончено! онъ не существуетъ болѣе.

Вельскій. Какая жалость! Ужъ не ошиблись-ли вы?... Почему знать? Пойдите! (*Уходитъ скоро на лѣвую сторону*).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тъ-же (*безъ Вельскаго*).

Ладовъ. Да отчего онъ умеръ?

Ладова. И онъ спрашиваетъ? Злодѣй! ты уморилъ его!

Ладовъ. Я?... помилуй!

Маша. Да, сударь, это правда. Лишь только барыня дала ему вашего заморскаго лѣкарства, то онъ, бѣдняжка, тутъ-же протянулся.

Посидѣлова. Такъ и есть! Вотъ тебѣ и лѣченье! И зачѣмъ хвататься не за свое дѣло. Я, дескать, не хуже доктора лѣчить умѣю. Ну, какой ты докторъ?... Коноваль!

Ладовъ. Помилуйте, тетюшка, да въ Бразиліи...

Посидѣлова. Замолчи, батюшка!

Ладовъ. Да въ книгѣ...

Ладова. Перестаньте, сударь! Вы нарочно уморили моего попугая; вамъ досадно было, что я имъ утѣшаюсь.

Посидѣлова. Вотъ, это напрасно, племянница! вѣдь онъ хотѣлъ тебѣ же услужить.

Ладова. Ахъ, тетушка! вамъ хорошо говорить; посмотрѣла-бы я, если бы онъ уморилъ вашего шута.

Посидѣлова. Что ты, мать моя? Богъ съ тобою! вѣдь шутъ-то мой все-таки человѣкъ, а не скотина.

Ладовъ. Не грусти, мой ангелъ! я куплю тебѣ хоть цѣлую дюжину попугаевъ, только успокойся.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И СТАРОДУБОВЪ.

Стародубовъ. Вотъ и воротился. (*Посидѣловой*). А, матушка Настасья Іевлевна! какъ поживаете?

Посидѣлова. Слава Богу, батюшка Николай Степановичъ, слава Богу!

Стародубовъ, (*Ладову*). Кто эта дама?

Ладовъ. Жена моя.

Стародубовъ. Прошу покорно! я совѣмъ ее не узналъ. (*Въ сторону*). Она что-то печальна! Да бишь, я и забылъ, малютка ихъ боленъ. (*Подходитъ къ Ладовой*). Вы вѣрно меня не помните: я знавалъ васъ еще ребенкомъ.

Ладова. Ахъ! извините! я васъ не узнала; я теперь такъ растроена.

Стародубовъ. Мнѣ ужъ сказывали о вашемъ горѣ, и повѣрьте, я принимаю въ немъ душевное участіе.

Ладова. Ахъ, сударь!

Стародубовъ. Но для чего же такъ отчаяваться!

Ладова. Еслибъ я имѣла хотя малую надежду!

Стародубовъ. Да развѣ вы ее не имѣете?

Ладова. Онъ умеръ!

Стародубовъ. Умеръ.

Ладова. И мои слезы не воскресятъ его.

Стародубовъ. Боже мой! какое несчастье!—Бѣдная!

Ладовъ. Да успокойся, мой другъ, эту потерю можно

замѣнить. Вотъ тебѣ моя рука, у тебя будетъ другой и гораздо лучше.

Стародубовъ. Эхъ, братецъ, хоть-бы ты людей постыдился! до шутокъ-ли ей теперъ?

Ладовъ. Да я и не шучу.

Стародубовъ. Безсовѣстный!

Ладова (*мужу*). Ну, сударь, видите-ли, что есть люди, которымъ горестъ моя не кажется смѣшною?

Стародубовъ. Смѣшною? Да развѣ я извергъ? Нѣтъ, сударыня, я дѣлалъ самъ большія потери. (*Съ чувствомъ*). Я знаю, какво сердцу родительскому, и никогда не буду смѣяться надъ горестію нѣжной матери, которая оплакиваетъ свое дитя! (*Утираетъ слезы*).

Ладова. Что это значить? Да о комъ вы говорите?

Стародубовъ. Я говорю о вашемъ сынѣ.

Ладова. А я о моемъ попугаѣ.

Стародубовъ. (*Съ большимъ сердцемъ*). И, сударыня! чортъ возьми вашего попугая!

Ладова. Что вы?

Стародубовъ. Тѣфу пропасть! а я было перепугался. Такъ поэтому вашъ сынъ живъ?

Ладовъ. Съ чего ты взялъ, что онъ умеръ? Попугай ея...

Стародубовъ. Околѣлъ, большая важность! Ну, сударыня, видно слезы-то у васъ даровыя.

Посидѣлова. Ахъ, батюшка! да ты ужь ругаешься.

Ладова. Какъ я ошиблась! Я думала, что у васъ есть сердце.

Стародубовъ. Есть сударыня; да видно не такое, какъ у васъ. Я люблю свою семью, родныхъ, всѣхъ добрыхъ людей, готовъ съ ними всякое горе пополамъ дѣлить; а не стану оплакивать смерть какой-нибудь кошки или собаченки. Всему есть мѣра: почему не забавляться и попугаемъ; но сходить съ ума оттого, что онъ издохъ, и смѣшно и стыдно!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И ВЕЛЬСКІЙ.

Вельскій (*вбѣгая скоро*). Онъ живъ!

Ладова. Что я слышу?

Вельскій. Да, сударыня, вашъ Жако живъ. Я замѣтилъ, что онъ еще дышетъ, влилъ ему нѣсколько капель своего лѣкарства,—онъ открылъ глаза...

Ладова. Открылъ глаза!

Вельскій. И теперь, я увѣренъ, останется живъ.

Ладова. Какое счастье! Ахъ, Вельскій! вы возвратили мнѣ жизнь! Чѣмъ могу я вознаградить васъ.

Вельскій. Помилуйте! стоитъ ли это...

Ладова. Нѣтъ, нѣтъ! я не хочу быть неблагодарною. (*Вполголоса*). Я знаю, вы любите Лизу, и чтобы мнѣ это не стоило, а вы получите ея руку. (*Уходитъ съ Посидѣловой и Машей*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ, БЕЗЪ ЛАДОВОЙ, ПОСИДѢЛОВОЙ И МАШИ.

Ладовъ. Ну, хорошо, что такъ кончилось. Не стыдно ли тебѣ, братецъ! жена и безъ того огорчена, а ты вздумалъ ее дразнить.

Стародубовъ. Признаюсь, я не могъ хладнокровно слышать...

Ладовъ. То-то и горе, пріятель, живя въ свѣтѣ, надобно на многое сквозъ пальцы смотрѣть.

Стародубовъ. Въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, любезный! я и съ молодую не бывалъ льстецомъ, а теперь ужъ и по-давно кривить душой не буду.

Вельскій (*подходя къ Стародубову*). Позвольте мнѣ, Николай Степановичъ, поздравить васъ съ пріѣздомъ.

Стародубовъ. Слуга покорный.

Вельскій. Я такъ давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

Стародубовъ. Я думаю, сударь, ни вамъ, ни мнѣ объ этомъ горевать нечего.

Ладовъ. Онъ все еще на тебя сердить; но погоди немного...

Вельскій. Что вы хотите дѣлать? перестаньте!

Ладовъ. Нѣтъ, нѣтъ! я помирю вѣсь. (*Стародубову*).
Послушай, любезный, пора-бы ужъ тебѣ съ нимъ помириться.

Стародубовъ. Помириться?

Ладовъ. Неужели ты никогда не забудешь неосторожный его поступокъ?

Стародубовъ. Какой поступокъ?

Ладовъ. Ему конечно бы не должно было доказывать при всѣхъ, что ты не знаешь истории...

Стародубовъ. Что ты, въ умѣ-ли?

Ладовъ. Повѣрь, онъ теперь самъ раскаивается, что завелъ разговоръ объ этихъ древнихъ художникахъ.

Стародубовъ. О какихъ художникахъ? Г-нъ Вельскій! что это значить?

Ладовъ. Полно, полно! кто старое вспомнить, тому глазъ вонъ; будьте по прежнему друзьями; что было, то прошло. Вельскій, обними своего друга!

Вельскій. Отъ всего сердца! (*Хочетъ обнять Стародубова, но онъ его отталкиваетъ*).

Стародубовъ. Что это? Что это? Дуракъ что-ли я вамъ достался? Государь мой! я не позволю надъ собою шутить.

Ладовъ. Какъ тебѣ нѣ стыдно? Да помирись съ нимъ.

Стародубовъ. Тѣфу пропасть! да въ чемъ мнѣ съ нимъ мириться? Я отъ роду не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла, да, вѣроятно, и имѣть не буду. Чего вы, сударь, отъ меня хотите?—денегъ что-ль? такъ ступайте къ племяннику: я ужъ велѣлъ ему съ вами разсчитаться.

Вельскій. Я вижу, вы рѣшились меня ненавидѣть. Не желая быть долге вамъ въ тягость, я ухожу; можетъ быть въ другое время вы отдадите мнѣ болѣе справедливости. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ, БЕЗЪ ВЕЛЬСКАГО.

Ладовъ. Эхъ, братецы! у тебя каменное сердце.

Стародубовъ. Что это за вздоръ?

Ладовъ. Не стыдно-ли быть такъ злопамятну!

Стародубовъ. Да растолкуй мнѣ.

Ладовъ. Что тутъ толковать, — ты знаешь лучше моего...

Стародубовъ. Чтобъ мнѣ сквозь землю прсвалиться, если я тутъ что-нибудь понимаю.

Ладовъ. Ты не можешь простить Вельскому, что онъ при всѣхъ обнаружилъ твое невѣжество.

Стародубовъ. Мое невѣжество? Ха, ха, ха!

Ладовъ. Смѣйся, смѣйся! А кго называь Сократа живописцемъ? А?

Стародубовъ. Ха, ха, ха! теперь вижу: эгогъ безпутный сплелъ тебѣ сказку, — и ты ему вѣришь?

Ладовъ. Добро, сказку! вѣдь ты, братъ, не признаешься. (*Глядитъ на часы*). Два часа! Пойдемъ-ка лучше, да позавтракаемъ; можетъ быть, за рюмкою вина ты будешь откровеннѣе. (*Уходитъ*).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ВЕЛЬСКІЙ (*одинъ входитъ изъ среднихъ дверей*).

Вельскій. Рославлевъ еще не пріѣхалъ. Странно! онъ хотѣлъ быть вслѣдъ за мною. И такъ, Лиза можетъ быть моею. Ладова съ тетужкою рѣшились мнѣ помогать, и если я поспорю Рославлева съ Лизою... Однакожъ, отнять у пріятели невѣсту?... Вотъ забавно! развѣ я обязанъ любить друга больше, чѣмъ самого себя?... Да я хотѣлъ-бы еще знать, будетъ-ли онъ счастливъ, жениась на Лизѣ? Не думаю! ха-

рактеры ихъ совершенно различны; они, конечно, не уживутся; дойдетъ до ссоры, ихъ разведутъ, и тогда они оба несчастны. Ну, право, если подумать хорошенько, то я, какъ истинный другъ Рославлева, не только могу, но долженъ отбить у него невѣсту.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Вельскій и Тузовъ.

Вельскій. Ба! Тузовъ! ты какъ сюда попалъ?

Тузовъ. Мнѣ нужно съ вами кой о чемъ переговорить.

Вельскій. И ты за этимъ сюда пріѣхалъ? Какая неосторожность!

Тузовъ. Да что-же дѣлать? я завѣжалъ къ вамъ, и мнѣ сказали, что вы цѣлый день не будете дома; а дѣло, о которомъ я долженъ говорить съ вами, не терпитъ ни минуты.

Вельскій. Ну, что такое? Говори скорѣй!

Тузовъ. Худо, очень худо?

Вельскій. Ты всего боишься; вѣрно какой-нибудь вздоръ?

Тузовъ. Нѣтъ, не вздоръ. Полковникъ Рубакинъ, который проигралъ намъ прошлую недѣлю сорокъ тысячъ, не подписываетъ векселей, и сказалъ наотрѣзъ, что не намѣренъ платить ни копейки.

Вельскій. Неужели? Тебѣ надобно къ нему съѣздить и путемъ изъясниться.

Тузовъ. Изъясниться? съ Рубакинымъ? Нѣтъ! слуга покорный! онъ живетъ въ третьемъ этажѣ, а я прыгать совсѣмъ не мастеръ; не угодно-ли вамъ?

Вельскій. Хорошо, я объ этомъ подумаю.

Тузовъ. Мнѣ сказывали также, что Пустодомовъ...

Вельскій. Ну, что такое Пустодомовъ? Неужели и онъ не хочетъ платить?

Тузовъ. Совсѣмъ не то! Онъ человѣкъ добрый и вѣрно-бы расплатился; но у него жена и шестеро дѣтей, которые останутся безъ куска хлѣба.

Вельскій. Да развѣ это наша вина? Кто-жъ ему велѣлъ играть?

Тузовъ. Разумѣется! Однакожь жена и дѣти Пустодомова, какъ слышно, хотятъ подавать просьбу.

Вельскій. Ужь эти мнѣ жены! мѣшajúтся не въ свои дѣла!—Послушай, съѣзди отъ меня къ Пустодомову, поторгуйся, и, если надобно, то... чортъ возьми! мирись съ нимъ хотя на половинѣ.

Тузовъ. Потрудитесь сами къ нему съѣздить.

Вельскій. А для чего-же не ты?

Тузовъ. Я рѣшился перестать играть, и не хочу теперь ни во что мѣшаться.

Вельскій. Помилуй! что тебѣ сдѣлалось?

Тузовъ. Того и гляди, что попадешь въ какую-нибудь неприятную исторію.

Вельскій. Полно дурачиться!

Тузовъ. Нѣтъ, конечно, я больше не играю.

Вельскій. Ну, какъ хочешь, я на твое мѣсто найду много охотниковъ. Прощай!

Тузовъ. Постойте на минуту,—намъ надобно еще поразсчитаться.

Вельскій, Разсчитаться! Въ чемъ?

Тузовъ. Въ сущей бездѣлицѣ. О векселяхъ я ни слова; но я знаю, что Рославлевъ заплатилъ вамъ сполна всѣ двадцать тысячъ, а такъ какъ я былъ въ пятой долѣ...

Вельскій. Ахъ, Тузовъ! не говори мнѣ объ этомъ выигрышѣ: онъ лежитъ у меня на душѣ. Я хотѣлъ Рославлеву дать небольшой урокъ, а, право, не обыграть его, — и хочу непременно, чтобъ онъ отыгрался.

Тузовъ. Какъ угодно, отдайте только мою долю.

Вельскій. Хорошо, мы сочтемся послѣ.

Тузовъ. Нѣтъ, сударь, не послѣ: мнѣ уже наскучило получать одни обѣщанія.

Вельскій. Что это значить?

Тузовъ. Это значить то, что я съ мѣста не сойду, пока вы со мною не раздѣляетесь.

Вельскій. Да вы, сударь, видно забыли, что играли съ Рославлевымъ на мои деньги, и должны быть довольны тѣмъ, что я вамъ дамъ за труды.

Тузовъ. Прекрасно! такъ вы этакъ выполняете ваши обѣщанія? Какая низость!

Вельскій. Прошу не забываться, г-нъ Тузовъ! вспомните, что вы были прежде.

Тузовъ. То-же, что и теперь.

Вельскій. Не забудьте, что вы всѣмъ обязаны мнѣ: я поставилъ васъ на ноги; если-бы не я, то вы до сихъ поръ играли-бы по гривнѣ въ бостонъ.

Тузовъ. Такъ вспомните-же, что и я для васъ дѣлалъ: я проспживалъ цѣлыя ночи за картами, а вы были въ сторонѣ! подбиралъ, приписывалъ, обсчитывалъ, — а вы были въ сторонѣ! меня ругали, меня называли бездѣльникомъ, плутомъ, и даже иногда... а вы были въ сторонѣ!

Вельскій. Такъ чтожъ? я платилъ вамъ за это деньги.

Тузовъ. Трудясь для васъ, я совершенно потерялъ свою репутацію.

Вельскій. Не разорительная потеря.

Тузовъ. Право! такъ стойте-же, я выведу и васъ на чистую воду.

Вельскій. Какъ вы смѣете!...

Тузовъ. Дайте мнѣ увидѣть Рославлева, посмотримъ, устоитъ-ли тогда и ваша репутація.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Рославлевъ.

Вельскій (*не замѣчая Рославлева*). Г-нъ Тузовъ! если я потеряю терпѣніе... (*Увидя Рославлева въ сторону*) Рославлевъ!

Тузовъ. Ну, сударь! чтожъ вы тогда сдѣлаете?

Вельскій (*перемѣнивъ голосъ*). Я не ожидаю, сударь, что-бы вы осмѣлились сдѣлать мнѣ такое гнусное предложеніе.

Тузовъ. Что это значить?

Вельскій (*какъ будто-бы увидя нечаянно Рославлева*). А! мой другъ! ты пріѣхалъ? очень кстати!

Тузовъ. Г-нъ Рославлевъ здѣсь? прескрасно!

Рославлевъ. Что вы, господа?

Вельскій. Представь себѣ! этотъ господинъ, узнавши, что дядя привезъ къ тебѣ много денегъ, пріѣхалъ подговорить меня—за одно съ нимъ тебя обыграть.

Рославлевъ. Меня! нѣтъ, шутишь?

Тузовъ. Это ужъ ни на что не походитъ! Г-нъ Рославлевъ!...

Вельскій И когда я сказалъ, что выведу наружу его плутни, вздумалъ меня сгрѣщать, да и чѣмъ-же? Что скрѣжетъ тебѣ, будто-бы я и прежде за одно съ нимъ тебя обыгрывалъ.

Рославлевъ. Ты? ха, ха, ха!

Тузовъ. Это правда, г-нъ Рославлевъ, онъ точно васъ обыгрывалъ.

Вельскій (*Рославлеву*). Слышишь?

Тузовъ. Эги двадцать тысячъ...

Рославлевъ. Онъ выигралъ пополамъ съ вами?... Экій злодѣй!— Не стыдно-ли тебѣ, братецъ? а?

Тузовъ. Я вижу, вы не вѣрите?...

Рославлевъ. Помилуйте! не вѣрите вамъ? такому честному человѣку!

Тузовъ. Клянусь вамъ честію!

Рославлевъ. Слышишь, Вельскій, онъ клянется...

Вельскій. Да еще своею честію! Чортъ возьми! тутъ нехотя повѣришь.

Тузовъ. Хорошо, судары! вы теперь торжествуете, но погодите! я найду способъ сорвать съ васъ личину. До свиданья! вы скоро обо мнѣ услышите! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рославлевъ и Вельскій.

Вельскій. Прошу покорно! и онъ же грозитъ! Какой безпутный клеветникъ!

Рославлевъ. Признаюсь, и я не ожидалъ этого отъ Тузова. Да онъ настоящій плутъ!

Вельскій. Насилу увидѣлъ! Вотъ то-то-же, Рославлевъ, тысячу разъ говорилъ тебѣ не связываться съ этимъ негодяемъ, — двадцать тысячъ были-бы дома...

Рославлевъ. Полно! ты вѣчно бранишь меня; что сдѣлано, того не воротишь. Скажи-ка лучше, гдѣ ты вчерась пропадалъ? Я искалъ тебя по всему городу. Ужъ гдѣ я не былъ! У Волгиной, Зарѣцкой, Лидовой и даже у Прелестинной, — и тамъ тебя не было.

Вельскій. Ахъ, кстати о Прелестинной. Знаешь-ли что? Кто-то ей сказалъ, что я намѣренъ жениться, и она

написала ко мнѣ сегодня преотчаянную записку. Мнѣ хотѣлось-бы ей отвѣчать; сказать, напримѣръ, что она ребячится; что если-бы и въ самомъ дѣлѣ я вѣдумалъ по какимъ-нибудь причинамъ жениться, то это не помѣшало-бы мнѣ любить ее по прежнему. Да вотъ моя бѣда! лишь только дойдемъ дѣло до любовныхъ записокъ, такъ я дуракъ дуракомъ, двухъ словъ не напишу сряду.

Рославлевъ. Бѣдняжка! Хочешь-ли я тебѣ помогу?

Вельскій. А что, въ самомъ дѣлѣ! садись-ка, братъ, да пиши; вѣдь это по твоей части, ты злодѣй на любовныя фразы.

Рославлевъ (*садится за столъ*). Тебѣ надобно это покороче?

Вельскій. Да, да! словъ десять.—Послушай, если ты мастеръ, такъ пиши прямо набѣло, безъ помарокъ.

Рославлевъ. Что ты думаешь, не напишу?

Вельскій. Посмотримъ! посмотримъ!

Рославлевъ. А вотъ увидишь. (*Пишетъ*).

Вельскій (*въ сторону*). Онъ пишетъ,—хорошо! (*Громко, смотря черезъ плечо*). Славно, славно! ай да Рославлевъ!... Довольно! дай сюда; я спишу и отошлю его къ Прелестинной. (*Кладетъ письмо въ карманъ*). Ну, это кончено, поговоримъ теперь о твоихъ сердечныхъ обстоятельствахъ. Ты все еще любишь Лизу?

Рославлевъ. Больше, чѣмъ когда-нибудь.

Вельскій. Право! такъ ты влюбленъ не на шутку?

Рославлевъ. Какая шутка! я хочу на ней жениться.

Вельскій. Жениться! ха, ха, ха! жениться въ твои лѣта!

Рославлевъ. Что-же тутъ страннаго?

Вельскій. Жениться на двадцать второмъ году! Подумай самъ, на что это похоже?

Рославлевъ. Смѣйся какъ хочешь, а я ужъ рѣшилъ.

Вельскій. Жениться недолго, Рославлевъ, только воля твоя, сердись на меня или нѣтъ, а ты будешь несчастливъ.

Рославлевъ. Почему ты это думаешь?

Вельскій. Потому, что знаю твой характеръ. Скажи самъ, женился-ли бы ты на Лизѣ, если-бы знать, что она тебя не любитъ?

Рославлевъ. Разумѣется, нѣтъ; но Лиза...

Вельскій. Ты ее не знаешь. Это холодное твореніе

не любить ни тебя, ни меня, никого на свѣтѣ; а выдетъ за всякаго для того только, чтобъ не жить вмѣстѣ съ своей мачихой.

Рославлевъ. Ха, ха, ха! какой вздоръ!

Вельскій. Эй, Рославлевъ, смотри, не разсерди меня, вѣдь я докажу.

Рославлевъ. Доказывай, мой милый, доказывай!

Вельскій. Ты смѣешься? хорошо же! только смотри, чуръ не сердиться.

Рославлевъ. Не беспокойся.

Вельскій. Послушай, если Лиза тебя любитъ, то вѣдь она не пойдетъ охотою за другого?

Рославлевъ. Разумѣется; но неужели ты думаешь, что Лиза...

Вельскій. Я ничего не думаю. (*Размышляя*). Такъ точно! это одинъ способъ вывести тебя изъ заблужденія; онъ нѣсколько страненъ—это правда; но такъ и быть! когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ спасти друга, то всѣ средства хороши. Да, мой другъ, я открою тебѣ глаза.

Рославлевъ. Но растолкуй мнѣ...

Вельскій. Ни слова болѣе! ты узнаешь скоро, другъ-ли я тебѣ, и любить-ли тебя Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же, Ладова, Посидѣлова и Лиза.

Ладова. А! Здравствуйте, Рославлевъ. Куда вы пропали, Вельскій? Я думала, что вы у насъ обѣдаете.

Вельскій. Я никакъ не могъ.

Ладова. Мы идемъ гулять по саду,—время прекрасное!

Посидѣлова (*Рославлеву*). Что, батюшка, твой дядя скоро отсюда уѣдетъ?

Рославлевъ. Я думаю, сударыня.

Посидѣлова. Въ самомъ дѣлѣ, что ему здѣсь дѣлать.—ѣхаль-бы опять къ себѣ въ деревню.

Ладова. Пойдемте-же, тетушка.

Посидѣлова. Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ!

Ладова. А вы, господа?

Рославлевъ. Съ большою охотою. (*Подавая Лизь руку*). Не угодно-ли вамъ?

Ладова. Нѣтъ, нѣтъ! дайте мнѣ вашу руку, Рославлевъ. (*Тихо Вельскому*). Ступайте съ Лизою. (*Посидьлова, Ладова и Рославлевъ уходятъ. Вельскій останавливаетъ Лизу*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вельскій и Лиза.

Вельскій. Одно слово, сударыня!

Лиза. Что вамъ угодно?

Вельскій. Я цѣлый день ницу случая поговорить съ вами наединѣ. Скажите, правда-ли, что вы выходите замужъ?

Лиза. Я! съ чего вы это взяли?

Вельскій. Послушайте! вы всегда были со мною откровенны; къ чему таиться; вѣдь я знаю, Рославлевъ вѣрно не получитъ отказа: вашъ батюшка его любить... вы также къ нему равнодушны... Не правда-ли?... Вы молчите?

Лиза. Что-же я буду вамъ говорить?

Вельскій. Понимаю! кто молчитъ, тотъ соглашается. И такъ, это кончено; теперь еще одинъ вопросъ: скажите, можете-ли вы быть счастливы съ человѣкомъ честнымъ, добрымъ, хорошимъ, но который женится на васъ не по любви, а по однимъ расчетамъ?

Лиза. Что вы этимъ хотите сказать?

Вельскій. Отвѣчайте прежде на мой вопросъ: можете-ли вы быть счастливы съ такимъ человѣкомъ?

Лиза. О, конечно, нѣтъ! но я надѣюсь, что Рославлевъ...

Вельскій. Рославлевъ!... Ахъ, сударыня! я очень о васъ жалѣю.

Лиза. Боже мой! да что такое?

Вельскій. Еслибъ я могъ быть увѣренъ, что это останется между нами...

Лиза. Говорите, говорите!

Вельскій. Такъ и быть! вы узнаете все... Однакожъ, подумайте хорошенько; малѣйшая нескромность съ вашей

стороны можетъ быть причиною большихъ несчастій; обѣщайте мнѣ, что Рославлевъ никогда не узнаеть...

Лиза. Да, да! обѣщаю вамъ все, только говорите.

Вельскій. Вы думаете, что Рославлевъ васъ любить?... Онъ васъ обманываетъ, сударыня!

Лиза. Какъ, сударь! и вы это говорите о вашемъ другѣ?

Вельскій. Да, сударыня, о немъ; дружба имѣеть свои предѣлы... Я люблю Рославлева и готовъ за него стрѣляться въ двухъ шагахъ; но помогать ему обманывать невинную дѣвушку, или молчать тогда, когда я могу ей открыть глаза, было-бы съ моей стороны преступленіемъ.

Лиза. Рославлевъ меня обманываетъ? Нѣтъ, это невозможно!

Вельскій. Я самъ бы этому не повѣрилъ, если-бы мнѣ не попалось нечаяннымъ случаемъ вогъ это письмо, которое онъ писалъ на дняхъ къ Прелестиной.

Лиза. Къ Прелестиной?

Вельскій. Вы знаете его руку—прочтите! (*Подаетъ ей письмо*).

Лиза (*читаетъ*). «Я не вѣрилъ глазамъ моимъ, читая вашу записку. Какъ можете вы сомнѣваться въ любви моей?» — Измѣнникъ! — «Если я въ самомъ дѣлѣ вздумаю жениться по какимъ-нибудь расчетамъ, то развѣ это помѣшаетъ мнѣ любить васъ; я могу отдать мою руку, а не сердце: оно давно принадлежитъ вамъ». — Злодѣй!...

Вельскій. Довольно, остальное вамъ читать не нужно. Отдайте мнѣ письмо.

Лиза. Нѣтъ, сударь! я оставлю у себя; пускай оно напоминаетъ мнѣ всегда, какъ я должна ненавидѣть всѣхъ мужчинъ.

Вельскій. Всѣхъ! это было-бы несправедливо, сударыня: не всѣ мужчины походягъ на моего друга; я знаю человѣка, который истинно васъ любитъ... который...

Лиза. Перестаньте! всѣ мужчины обманщики!

Вельскій. Послушайте меня!...

Лиза. Я не хочу ничего слышать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Вельскій (одинъ).

Постойте!... Она ушла! письмо осталось у нея. Ну, если она вадумаетъ показать его Рославлеву? На скромность влюбленной дѣвушки полагаться не можно. Пойду, постараюсь оное выручить.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Вельскій, Ладовъ и Стародубовъ.

Ладовъ. Куда ты бѣжишь, Вельскій?

Вельскій. Въ садъ; мнѣ надобно поговорить съ Рославлевымъ.

Ладовъ. Да побудь вмѣстѣ съ нами.

Вельскій. Извините, я, право, не могу. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Ладовъ и Стародубовъ.

Ладовъ. Вѣдь это онъ отъ тебя бѣгаетъ, Стародубовъ.

Стародубовъ. Тѣмъ лучше, — я очень радъ.

Ладовъ. А, однакожь, знаешь-ли что? я хочу съ тобою браниться за Вельскаго.

Стародубовъ. Эхъ, братецъ! оставь его въ покоѣ.

Ладовъ. Не стыдно-ли тебѣ, въ твои почтенныя лѣта, заслуживъ репутацію честнаго человѣка, мѣшаться въ сплетни, распространять гнусную клевету, и что всего хуже, — давать дурной толкъ хорошимъ дѣламъ?

Стародубовъ. Я тебя не понимаю.

Ладовъ. Не ты-ли сказалъ мнѣ, что Вельскій обыгралъ двоюроднаго своего брата?

Стародубовъ. Ну да, это правда.

Ладовъ. А для чего-же ты не прибавилъ, что онъ сдѣлалъ это изъ великодушія?

Стародубовъ. Изъ великодушія!

Ладовъ. Да, сударь! онъ поступилъ въ семь случаѣ, какъ самый хорошій родственникъ: онъ обыгралъ Простакова! Но для чего? Для того, чтобъ дать ему спокойное убѣжище! Не оставилъ за нимъ души христіанской, — не спорю; но за то родовое ихъ имѣніе не досталось въ чужія руки. Вельскій не могъ удержать Простакова отъ игры и обыгралъ его самъ, — умно и сдѣлалъ! Изъ двухъ необходимыхъ золь надобно выбирать всегда меньшее. Что, пріятель, ты удивляешься, остолбенѣлъ? То-то-же, признайся, ты не ожидалъ найти во мнѣ такъ много философіи?

Стародубовъ. Нечего сказать! откуда ты набрался такой премудрости?

Ладовъ. Тутъ нѣтъ никакой премудрости, мой милый! Здравый смыслъ, очищенная мораль — и больше ничего.

Стародубовъ. Ужъ подлинно очищенная! Ну, мой другъ, теперь я вижу, — ты великій философъ!

Ладовъ. Эхъ, любезный! не то бы еще было, если бы жена не отвлекала меня отъ ученыхъ занятій; а то иногда я за разборъ какого-нибудь манускрипта, — а она меня въ модную лавку; я за перо, — а она меня въ англійскій магазинъ.

Стародубовъ. Видно же она тобой изрядно помыкаетъ.

Ладовъ. Да что будешь дѣлать? У нея разстроены нервы: чуть не по ней, такъ и спазмы; и признаюсь тебѣ, какъ старинному другу, иногда мнѣ бываетъ, ой, ой, ой, какъ тяжело!

Стародубовъ. Вѣрю.

Ладовъ. Въ иное время ты право бы обо мнѣ пожалѣлъ.

Стародубовъ. Нѣтъ, любезный другъ! человекъ, который въ твои лѣта не умѣетъ поддержать достоинство мужа, не жалокъ, а смѣшонъ.

Ладовъ. Да скажи мнѣ, что я долженъ дѣлать?

Стародубовъ. Осмѣлся хотя однажды имѣть собственную свою волю: не выполняй всѣхъ ея капризовъ...

Ладовъ. И, милый! вѣдь это будетъ шумъ да слезы; а я люблю тишину и спокойствіе.

Стародубовъ. Скажи лучше, ты боишься жены своей.

Ладовъ. Боюсь! съ чего ты это взялъ?

Стародубовъ. Ты слова не смѣешь сказать ей вопреки.
Ладовъ. Не смѣю? Нѣтъ, братъ! если дѣло пойдетъ на то, я и самъ упрямя.

Стародубовъ. Полно, правда ли?

Ладовъ. Если я не шута чего захочу, то она себѣ хоть тресни, а дѣлай по моему.

Стародубовъ. Не вѣрю.

Ладовъ. Не вѣришь? Такъ я же тебѣ докажу. Что въ самомъ дѣлѣ! стоитъ только однажды рѣшиться.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же, Посидѣлова и Ладова.

Ладова. Какъ я устала!

Посидѣлова. Мы сегодня много ходили.

Ладова (*мужу*). Зачѣмъ ты, мой другъ, не пришелъ гулять вмѣстѣ съ нами?

Ладовъ. Зачѣмъ? Оттого, что не хотѣлъ.

Ладова. Да отчего же?

Ладовъ. Не хотѣлъ, да и все тутъ.

Ладова. Напрасно, я совѣтовала бы тебѣ...

Ладовъ. Нечего совѣтовать, — я ужь не ребенокъ.

Ладова. Что это значить?

Ладовъ. Да такъ, ничего.

Ладова. Помилуйте, сударь! что за глупый тонъ?

Ладовъ. Глупый? Прошу не забывать, сударыня, что вы должны говорить со мною съ уваженіемъ, — разумѣете-ли?

Ладова. Какъ!

Ладовъ. Я мужъ, а вы жена! — понимаете-ли?

Посидѣлова. Что, что?

Ладовъ. Мнѣ наскучило уже выполнять ваши капризы, — слышите-ли!

Посидѣлова. Что ты, батюшка, рехнулся что-ль?

Ладовъ. Не ваше дѣло, тетушка! Я хочу ей доказать, что я господинъ въ моемъ домѣ.

Ладова. Вы, сударь?

Ладовъ. И что я могу ходить гулять, когда мнѣ угодно.

Посидѣлова. Ты господинъ въ своемъ домѣ? а племянница-то чтожь, развѣ она твоя служанка?

Ладовъ. Я не говорю этого...

Посидѣлова. Развѣ ты думаешь, что она должна выносить твои грубости? негодный!

Ладовъ. Прошу не ругаться! у меня у самого есть языкъ.

Ладова. Уйдемте, тетушка, отъ этого бѣшеннаго челоука.

Посидѣлова. Уйдемъ, милая!... Но добро! осмѣлся только придти въ нашу комнату!... покажись только! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Ладовъ и Стародубовъ.

Ладовъ. Ну, братъ, каково?

Стародубовъ. Очень дурно.

Ладовъ. Какъ! да развѣ и не выдержалъ характера?

Стародубовъ. Зачѣмъ ты поссорился съ своею женою?

Ладовъ. Да не ты-ли мнѣ совѣтоваль?

Стародубовъ. Я никогда тебѣ не совѣтоваль придираться къ ней изъ за пустяковъ.

Ладовъ. Такъ поэтому я виноватъ?

Стародубовъ. Безъ сомнѣнія; она имѣетъ полное право на тебя сердиться.

Ладовъ. Ну, такъ и есть!... Эхъ, братецъ! охота тебѣ давать совѣты!

Стародубовъ. Вольно-жь было тебѣ...

Ладовъ. И кто проситъ постороннихъ людей мѣшаться въ семейственныя дѣла?

Посидѣлова (*за кулисами*). Воды! скорѣй воды!

Ладовъ. Что это? (*Слуга бѣжитъ черезъ сцену*). Куда ты?

Слуга. Барыня, сударь, сдѣлалось дурно. (*Уходитъ*).

Ладовъ. Дурно!... Ахъ! Боже мой!—Ну, пріятель, нечего сказать, удружилъ!

Стародубовъ. Помилуй, братецъ...

Ладовъ. Хорошо, очень хорошо! ссорить мужа съ женою!

Стародубовъ. Да ты самъ хотѣлъ, чтобъ я сказалъ свое мнѣніе.

Ладовъ. Твое мнѣніе? да мнѣніе-то твое гроша не стоитъ! Какъ я покажусь теперь женѣ? я ее огорчилъ, разобидѣлъ! (*Служанка бѣжитъ черезъ сцену*). Что жена?

Служанка. Съ ней сдѣлались спазмы. (*Уходитъ*).

Ладовъ. Спазмы!... Прекрасно, прекрасно! и какой чортъ дернулъ меня... Да и что говорить! подѣломъ мнѣ! напелъ съ кѣмъ совѣтоваться.. Человѣкъ, который называетъ Сократа живописцемъ... (*Маша бѣжитъ черезъ сцену*). Ну что? говори, говори проворнѣй!

Маша. Барыня, сударь...

Ладовъ. Ну!

Маша. Съ ней сдѣлался обморокъ! (*Уходитъ*).

Ладовъ. Обморокъ!... Ну, пропалъ я!

Стародубовъ. Успокойся!

Ладовъ. Да слышишь-ли, варваръ? обморокъ! Вотъ тебѣ и пріятельскіе совѣты! вотъ тебѣ и достоинство мужа! спазмы, обморокъ—и все это по твоей милости!... Что мнѣ теперь дѣлать?... пойду!... побѣгу!... Спасибо, любезный! спасибо! (*Уходитъ*).

(Въ продолженіе сей сцены слуга проходитъ назадъ со стаканомъ воды; горничныя также перебѣгаютъ, —вообще, на сценѣ должна быть большая суматоха).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Стародубовъ (*одинъ*).

Бѣдный Ладовъ! какъ тебя дурачатъ! ужь пускай-бы жена, а то и этотъ негодный Вельскій. Жаль, очень жаль! а пособить нечѣмъ. (*Входитъ слуга и подаетъ Стародубову письмо*). Что это? (*Читаетъ*). «Милостивый государь, если вы желаете знать нѣчто касающее до вашего племянника, то потрудитесь съѣздить на вашу квартиру: вы найдете тамъ человѣка, который откроетъ вамъ одну важную тайну»... И безъ подписи! Терпѣть не могу эти безыменные письма; честный человѣкъ не стыдится нигдѣ

подписывать своего имени; но дѣло идетъ о племянникѣ— такъ и быть, пойду! Посмотримъ, что это за тайна.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛАДОВЪ, ЛАДОВА и МАША (*ведетъ подъ руку Ладову. Ладовъ идетъ позади*).

Ладова. Куда ты меня ведешь!

Маша. У васъ очень душно, сударыня; здѣсь гораздо свѣжѣе. (*Сажаетъ ее на кресло*).

Ладовъ. Ангель мой! душа моя!

Ладова. Подите, сударь: я не могу васъ видѣть!

Ладовъ. Помилуй, неужели тебя нельзя умиловить.

Ладова. Нѣтъ, сударь, я никогда этого не забуду.

Ладовъ. Другъ мой!...

Ладова. Разругать меня при постороннемъ человѣкѣ, наговорить мнѣ тысячу грубостей!... Ахъ! отъ одной этой мысли... Спирту! Машенька, спирту!

Ладовъ. Что это? ей опять дурно!... Негодный Стародубовъ!

Маша (*тихо Ладову*). Пройдетъ, сударь, не хлопчите!

Ладовъ. Дай-то Богъ! Какъ ты себя чувствуешь мой, другъ?

Ладова. Ахъ! оставьте меня умереть спокойно.

Ладовъ. Умереть!... Слышишь - ли, Машенька? это ужъ не шутка.

Маша (*тихо Ладову*). Не бойтесь, не умереть.

Ладовъ. О, проклятый Стародубовъ! Безцѣнное мое сокровище! другъ мой!... Она молчитъ! О, злодѣй Стародубовъ... Душенька, жизнечекъ мой! да взгляни хоть на меня!... О, разбойникъ Стародубовъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же и Посидѣлова.

Ладовъ. Вступитесь хоть вы за меня, тетушка.

Посидѣлова. Что, она тебя не прощаетъ? подѣломъ, надобно тебя путемъ проучить.

Ладовъ. Да вѣдь повинную-то голову и мечъ не сѣчетъ.

Посидѣлова. Добро, добро! я тебя помирю съ нею, только съ уговоромъ.

Ладовъ. Говорите, я на все согласенъ.

Посидѣлова. А вотъ посмотримъ. (*Говоритъ тихо Ладовой*).

Маша (*въ сторону*). Къ чему это онѣ подбираются?

Посидѣлова. Маша, позови къ намъ Лизаньку.

Маша. Барышню?

Посидѣлова. Ну да! развѣ ты оглохла? (*Маша уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же, безъ Маши.

Посидѣлова. Послушай, батюшка! племянница хочетъ, чтобъ ты выдалъ замужъ Лизаньку.

Ладовъ. Лизаньку! за кого.

Посидѣлова. За Вельскаго?

Ладовъ. За Вельскаго? по мнѣ пожалуй, я очень радъ! Будеть-ли только согласна Лизанька.

Посидѣлова. Согласна? вотъ еще какой вздоръ! Нѣтъ, сударь, въ старину мы этого не знали; бывало, хочешь или не хочешь, а замужъ ступай!

Ладовъ. Помилуйте! выдавать насильно замужъ.

Посидѣлова. И, батюшка! что за насильно? Припугни-ка ее порядкомъ, такъ она пойдетъ и охотою.

Ладовъ. Воля ваша, а я принуждать ее не буду.

Ладова. Ну, тетушка, видите, какъ онъ меня любить? Послушайте, сударь, если вы не сдѣлаете сегодня помолвку...

Ладовъ. Сегодня!...

Ладова. Вы не соглашаетесь?

Ладовъ. Да разсуди сама, матушка!...

Ладова (*вскочивъ съ кресель*). Такъ знайте-же, сударь, я больше не живу съ вами.

Ладовъ. Что ты, мой другъ?

Ладова. Я не хочу быть долѣе гувернанткой вашей дочери. Да, сударь, рѣшено! или она будетъ сегодня помолвлена, или я... Ахъ, Боже мой! (*Бросается опять на кресло*).

Посидѣлова. Что ты, милая?

Ладова. Какой ужасный шумъ въ головѣ!

Посидѣлова. Слышишь-ли, батюшка? соглашайся скорѣй!

Ладовъ. Я, право, не знаю...

Ладова. Ахъ, душно!

Посидѣлова. Злодѣй! что ты, уморить что-ль ее хочешь?

Ладова. Спазмы!

Ладовъ. Спазмы!... Согласенъ, матушка, на все согласенъ.

Посидѣлова. Слава Богу!... Экій упрямый! — Что, мой другъ?

Ладова. Немного получше.

Посидѣлова. Теперь, милая, его можно ужъ и простить. Поди сюда, батюшка, — сюда!... Проси у нея прощеніе... да на колѣняхъ!

Ладовъ. Помилуйте! кто нынче становится на колѣни?

Посидѣлова. Да вѣдь ты, сударь, не любовникъ, а мужъ, — а мужей баловать не должно. На колѣни!

Ладовъ. Нечего дѣлать! (*Становится на колѣни*).

Ладова. Какъ вы думаете, тетушка, простить-ли мнѣ его?

Посидѣлова. Прости, мой другъ!

Ладова. Чувствую сама, что я слишкомъ добра; но такъ и быть, встань — я тебя прощаю. (*Даетъ ему поцѣловать руку*).

Ладовъ. Ухъ! какъ гора съ плечъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и Лиза.

Ладовъ. Поди сюда, Лизанька; мнѣ надобно погово-
рить съ тобою о важномъ дѣлѣ.

Лиза. О важномъ дѣлѣ! (*Въ сторону*). Что это значить?

Ладовъ. Ты, мой другъ, ужь не ребенокъ: пора тебя
пристроить къ мѣсту.

Лиза. Какъ, батюшка! вы хотите...

Ладовъ. Да, мой другъ, я хочу выдать тебя замужъ

Лиза (*въ сторону*). Боже мой? неужели Рославлевъ?...

Ладовъ. Женихъ тебѣ вѣрно понравится; ты съ нимъ
давно уже знакома.

Лиза (*въ сторону*). Я не ошибаюсь, это Рославлевъ.
(*Громко*). Я знаю, о комъ вы говорите, батюшка; но ни за
что на свѣтѣ не соглашусь выдти за него замужъ.

Ладовъ. Какъ!

Лиза. Я его ненавижу.

Ладова. Что это значить, сударыня?

Лиза. Онъ злой человекъ.

Посидѣлова. Опомнись, мать моя!

Лиза. Чудовище!

Ладовъ. Да тѣфу пропасть! что онъ тебѣ сдѣлалъ?
Послушай, Лизанька, не дурачься, вѣдь надобно-же когда
нибудь выдти замужъ.

Лиза. За него—никогда.

Ладовъ. Лизанька, другъ мой! утѣшь меня, не упрячься.

Лиза. Батюшка! если вы непремѣнно хотите, чтобъ я
была замужемъ, то я готова выдти за всякаго, кромѣ Ро-
славлева.

Ладовъ. Дурочка! да кто говоритъ тебѣ о Рославлевѣ?

Лиза. Какъ! такъ это не онъ?

Ладовъ. Совсѣмъ нѣтъ; я хочу выдать тебя за Вель-
скаго.

Лиза (*испугавшись*). За Вельскаго?... Ахъ, Боже мой!

Ладовъ. Чего-же ты испугалась?

Лиза. Батюшка!

Посидѣлова. Что, сударыня, и этотъ не по праву?
Да пустое, матушка! ты сама сказала, что выйдешь за
всякаго, кромѣ Рославлева.

Ладовъ. Да, да! и если ты еще будешь упрямиться, то прошу меня не называть отцомъ.

Лиза (*въ сторону*). Такъ и быть! пускай узнаетъ этотъ измѣнникъ, какъ я его презираю! (*Громко*). Батюшка! дѣлайте, что вамъ угодно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же и Стародубовъ.

Стародубовъ. Всѣ здѣсь! тѣмъ лучше.

Ладовъ. А! Стародубовъ! Небось, иди! я ужъ на тебя не сержусь. Да ты что-то весель?

Стародубовъ. Это правда. Я сдѣлалъ одно важное открытіе; теперь, надѣюсь, не трудно будетъ вывести тебя изъ заблужденія?

Ладовъ. Изъ какого заблужденія?

Стародубовъ. Я имѣю вѣрные доказательства, что пріятель вашъ Вельскій негодный человѣкъ.

Ладовъ. Опять принялся за старое.

Стародубовъ. Вы думаете, что Вельскій васъ любитъ?

Ладова. О, сударь! оставьте насъ въ этомъ заблужденіи.

Стародубовъ. Онъ всѣхъ васъ обманываетъ.

Ладовъ. Вздоръ, сударь! Вельскій не обманщикъ.

Ладова. Правда, онъ никому не говоритъ грубостей...

Посидѣлова. Не выдаетъ себя за прямого человѣка для того, чтобъ ругать цѣлый свѣтъ.

Ладовъ. И никогда не мѣшается въ семейныя дѣла для того, чтобъ ссорить мужа съ женою.

Стародубовъ. Знаете-ли вы, что этотъ Вельскій...

Ладовъ. Я знаю только, что онъ добрый малый.

Посидѣлова. Да! онъ добрый малый! а ты, батюшка, злой человѣкъ.

Ладова. Вы, сударь, клеветникъ!

Ладовъ. У тебя, братецъ, прескверный характеръ!

Стародубовъ. Да послушай!...

Ладовъ. Что?... тебѣ не удалось поссорить меня съ

женою, такъ ты хочешь ссорить съ пріятелемъ? Да нѣтъ! не на того напалъ, любезный!

Стародубовъ. Погоди, ты сейчасъ увидишь...

Ладовъ. Что тутъ видѣть? онъ мнѣ другъ, и я не хочу о немъ слышать ничего дурного; а если это тебѣ не нравится, то прошу не знать моего дома, — вотъ и все тутъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-жъ, Вельскій и Рославлевъ.

Вельскій. Здѣсь кажется, о чемъ-то спорять!

Ладовъ. Поди сюда, Вельскій. Пускай Стародубовъ говоритъ что хочетъ, никто не увѣритъ меня, чтобъ ты не былъ добрый малый.

Рославлевъ. Дядюшка! неужели вы всегда будете несправедливы противъ моего друга?

Стародубовъ. И ты называешь его своимъ другомъ?

Рославлевъ. Да, дядюшка, онъ истинный мнѣ другъ.

Стародубовъ. Истинный другъ! Ну, право, мнѣ придется треснуть съ досады!

Ладовъ. Такъ тресни-же: я отдаю за него мою дочь.

Рославлевъ (*въ сторону*). Что я слышу?

Ладовъ. Вельскій! ты хотѣлъ жениться на Лизанькѣ?

Вельскій. Я почту себя отмѣнно счастливымъ...

Рославлевъ (*тихо Вельскому*). Что ты, Вельскій?...

Вельскій (*тихо*). Молчи! я спасаю тебя.

Ладовъ. Такъ дѣло и кончено; Лизанька также согласна. Ну, дѣти, по рукамъ! (*Соединяетъ ихъ*).

Рославлевъ (*Лизѣ*). И вы согласны, сударыня?

Лиза. Да, сударь, я согласна.

Ладовъ (*Посидѣловой*). Не правда-ли, тетушка, черезъ недѣлю и свадьба?

Посидѣлова. Конечно, зачѣмъ откладывать.

Рославлевъ (*Вельскому*). Что это значить? Ты женишься на Лизѣ?

Вельскій. Кажется что такъ.

Рославлевъ. И такъ, я былъ обманутъ?

Вельскій. Да, мой другъ! хорошъ бы ты былъ, еслибы не я.

Стародубовъ. Что, племянникъ, каковъ твой истинный-то пріятель?

Рославлевъ. Ахъ, дядюшка! вы не знаете, — онъ дѣлаетъ это изъ великодушія.

Стародубовъ. Изъ великодушія! Нѣтъ, чортъ возьми, это ни на что уже не похоже! вы всѣ съ ума сопли (*Ладову, который во все это время говорилъ тихо съ Посидѣловой*). Послушай, Ладовъ! я думаю, ты не разсердишься, если я познакомяю тебя покороче съ будущимъ твоимъ зятемъ. Вотъ письмо, которое онъ на прошлой недѣлѣ писалъ къ пріятелю своему Тузову.

Вельскій (*въ сторону*). Какъ! неужели?... Проклятый Тузовъ!

Ладовъ (*заглянувъ*). Точно такъ! рука его.

Стародубовъ. Прошу послушать, что онъ пишетъ.

Вельскій. Г-нъ Стародубовъ! для меня очень странно...

Ладова. Въ самомъ дѣлѣ! куда какъ благородно, сударь, читать при всѣхъ чужое письмо.

Стародубовъ. Выслушайте только.

Ладова. Нѣтъ, я не могу спокойно видѣть такую низость. Позвольте! (*вырываетъ письмо*).

Стародубовъ. Что это значить? Письмо мое, сударыня! прошу васъ...

Вельскій (*тихо Ладовой*). Изорвите его.

Ладова (*взглянувъ на письмо*). Что это?... (*Читаетъ*). «Вчера съ я не могъ съ тобою увидѣться: я былъ у Ладовой; эта сентиментальная дура...» Какъ, сударь! и вы осмѣлились?...

Стародубовъ. Позвольте мнѣ, я прочитаю сряду. (*Беретъ письмо и читаетъ*). «Вчера съ я не могъ съ тобою увидѣться: я былъ у Ладовой; эта сентиментальная дура засадила меня въ пикетъ съ любезной своей тетушкой; ужъ выдержалъ я пытку.

Посидѣлова. Что, что, батюшка?

Стародубовъ (*продолжаетъ читать*). Ты не знаешь, каково играть съ скупой старухой, которая за каждую полушку готова удавиться...»

Посидѣлова. Какъ! и это тутъ написано?

Стародубовъ (*показывая письмо*). Посмотрите сами.

Посидѣлова. Прошу покорно, я готова удавиться за каждую полушку! Ахъ ты богоотступникъ!

Стародубовъ. Постоите, постоите! дайте кончить. (*Продолжаетъ читать*). «Если Рославлевъ вздумаетъ опять играть, то отдѣлайся повѣжливѣе; бѣдняжка проигралъ намъ двадцать тысячъ и чуть не сошелъ съ ума; долго ли до грѣха, — проиграетъ соронъ и застрѣлится». Ну, племянникъ, что скажешь?

Рославлевъ. Нѣтъ, это невозможно! Какъ! тотъ, кого я считалъ моимъ другомъ...

Посидѣлова. И, батюшка! да отъ этого злодѣя все станется. Скупая старуха!... негодный!

Рославлевъ. Дружба и любовь, все для меня исчезло! (*Лиза*). И вы, сударыня, вы!...

Лиза. Нѣтъ, я не могу долѣе молчать! (*Подавая Рославлеву письмо*). Прочтите, сударь, и краснѣйте, если вы еще можете краснѣть.

Вельскій. Все противъ меня!

Рославлевъ. Что это значить? Это самое то письмо... Неужели Вельскій?...

Лиза. Да, сударь! Вельскій открылъ мнѣ глаза.

Рославлевъ. А! теперь все для меня ясно! Какое гнусное предательство!

Ладовъ. Что за вздоръ? я тутъ ничего не понимаю!

Ладова. И я также.

Рославлевъ (*Вельскому*). Я надѣюсь, сударь, вы не заставите просить себя и скажете при всѣхъ, что значить это письмо. (*Вельскій смѣется*).

Посидѣлова. Экій безбожникъ! посмотрите: онъ же еще смѣется!

Рославлевъ. Говорите, сударь, я требую этого.

Вельскій. Ха, ха, ха! что за повелительный тонъ! Ты съ ума сошелъ, Рославлевъ.

Рославлевъ. И вы смѣете?...

Вельскій. Не горячись, милый! я могъ бы доказать въ двухъ словахъ, что дѣлалъ все съ добрымъ намѣреніемъ; но я не привыкъ оправдываться, а особливѣе, когда мнѣ приказываютъ. Впрочемъ, если ты считаешь себя обиженнымъ...

Рославлевъ. Да, сударь, я обиженъ, и вы должны раздѣлаться со мною со шпагою въ рукахъ.

Посидѣлова. Ахъ, батюшка, дуэль!

Стародубовъ. Не безпокойтесь! — Стыдись, племянникъ, упоминать о шпагѣ, говоря съ этимъ господиномъ; презрѣнье — вотъ одно оружіе противъ бездѣльниковъ.

Вельскій. Что это значить? Государь мой, благодарите вашимъ лѣтамъ... Но вы не стоите того, чтобъ я съ вами изъяснился. Рославлевъ! ты можешь каждое утро застать меня дома,—понимаешь? До свиданья! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ-ЖЕ, БЕЗЪ ВЕЛЬСКАГО.

Посидѣлова, Ахъ, племянница! отдохнуть не могу; экій головорѣзъ!

Рославлевъ. Какъ я былъ обманутъ!

Ладова. Растолкуйте намъ, что значить письмо? (*Рославлевъ, Лиза, Ладова и Посидѣлова говорятъ межъ собою тихо*).

Стародубовъ. Ты что молчишь, пріятель? а?

Ладовъ. Да я по сихъ поръ не могу ничего понять; вы всѣ на него опрокинулись, не дали бѣдняжкѣ двухъ словъ сказать въ оправданіе.

Стародубовъ. Помилуй! чѣмъ могъ онъ оправдаться?

Ладовъ. Чѣмъ? полно, братецъ! ты хотѣлъ только на своемъ поставить. И нечего сказать, поставилъ! пріѣхаль, всѣхъ перемутиль, перессорилъ... Я было затѣялъ свадьбу...

Стародубовъ. Не сердись! за свадьбой дѣло не станеть. Послушай, мой другъ: племянникъ любить твою дочь; какъ ты думаешь, не породниться-ли намъ?

Ладовъ. Намъ? нѣтъ, любезный, выкинь это изъ головы.

Стародубовъ. Почему же ты не хочешь согласиться?

Ладовъ. Не я, братецъ; по мнѣ пожалуй, Рославлевъ малый хорошій; немного вѣтренъ,—да это пройдетъ.

Стародубовъ. Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

Ладовъ. А вотъ зачѣмъ. (*Вполголоса*). Лиза его терпѣть не можетъ.

Стародубовъ. Полно, такъ ли?

Ладовъ. Точно! я это давно уже замѣтилъ.

Стародубовъ. Не ошибаешься-ли ты?

Ладовъ. Я? Нѣтъ, пріятель! что касается до этого, то я очень проницателенъ.

Стародубовъ. Однакожь, попробуй, скажи ей.

Ладовъ. Пожалуй, только это напрасный трудъ. Лизанька! пріятель мой Стародубовъ сватаетъ тебя за племянника своего Рославлева; согласна ли ты за него выдти?

Лиза. Согласна, батюшка.

Ладовъ. Вотъ тебѣ на! что это значить?

Стародубовъ. Это значить, что ты очень проницателенъ.

Ладовъ. Такъ чортъ же васъ разберетъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну, не ты ли съ полчаса назадъ говорила, что Рославлевъ злодѣй, чудовище; что ты скорѣе выйдешь за всякаго, чѣмъ за него?

Лиза. Ахъ! батюшка, я думала тогда, что Рославлевъ меня обманываетъ.

Рославлевъ. Вельскій употребилъ самую гнусную хитрость, чтобъ насъ поссорить.

Ладовъ. Вотъ что, понимаю! Ну, такъ-бы и говорила.

Лиза. И я чуть было изъ отчаянія не вышла за этого негоднаго Вельскаго.

Посидѣлова. Хороша бы ты была, голубушка! Чего ждать путнаго отъ человѣка, который не постыдился сказать... Мерзавецъ! вспомнить не могу!

Ладовъ. Правда, тетюшка, правда! теперь и я вижу, Вельскій поступилъ очень дурно, а особливо съ Рославлевымъ, — и какъ подумаешь, такъ нечего сказать, — пострѣль!... А жаль, право жаль!

Стародубовъ. Помилуй! о комъ ты жалѣешь? Человѣкъ, который всѣхъ васъ обманывалъ, обыгралъ своего пріятеля, хотѣлъ отбить у него невѣсту...

Ладовъ. Эхъ, милый! все такъ... да малый то онъ добрый!

К О Н Е Ц Ъ .

БОГАТОНОВЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ

или

СЮРПРИЗЪ САМОМУ СЕБѢ.

КОМЕДІА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІАХЪ

Представлена въ первый разъ въ Императорскомъ Московскомъ театрѣ,
января 20 дня, 1821 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Богатоновъ		<i>Г. Щепкинъ.</i>
Князь Фольгинъ		<i>Г. Зубовъ.</i>
Владимірь, сынъ Фольгина,		<i>Г. Сабуровъ.</i>
Оленька, дочь князя Фольгина		<i>Г-жа Лилева.</i>
Зарѣцкій		<i>Г. Козловскій.</i>
Мирславскій	}	<i>Г. Пиряевъ.</i>
Сундуковъ		<i>Г. Воеводинъ.</i>
Сундукова		<i>Г-жа Шенелева.</i>
Ладушкинъ		<i>Г. Катковъ,</i>
Даша, служанка Оленькина		<i>Г-жа Налева.</i>
Прохорычъ, дворецкій Богатонova		<i>Г. Медвѣдевъ.</i>
Филутони, иностранецъ		<i>Г. А. Лобановъ.</i>
Демьянъ, камердинеръ Богатонova		<i>Г. Котловъ.</i>
1-я гостя		<i>Г-жа Никифорова.</i>
2-я гостя		<i>Г-жа Мальшева.</i>
1-й гость		<i>Г. Д. Ивановъ.</i>
2-й гость		<i>Г. Никифоровъ.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ двухъ верстахъ отъ губернскаго города, въ деревнѣ Богатонova.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ кабинетъ г-на Богатонова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

БОГАТОНОВЪ, ЛАДУШКИНЪ И ДЕМЬЯНЪ.

(Богатонсъ сидитъ передъ зеркаломъ; Демьянъ завиваетъ ему волосы; Ладушкинъ сидитъ подлѣ него съ лѣвой стороны).

Богатоновъ. Ну, что замолчалъ, Андрей Карпычъ? болтай!

Ладушкинъ. Что прикажете, батюшка?

Богатоновъ. Эхъ, братецъ! да ври что-нибудь! вѣдь молча-то сидѣть скучно.

Ладушкинъ. Такъ, сударь, такъ, конечно скучно.

Богатоновъ. Ну, то-то и есть! — Рассказывай чтонибудь. Не слыхаль-ли чего новенькаго? Вѣдь, благодаря Бога, мы живемъ не въ глуши: губернской городъ отъ насъ въ двухъ верстахъ; да тамъ же теперь и ярмарка.

Ладушкинъ. Я уже два дня, отецъ мой, не былъ въ городѣ.

Богатоновъ. Гдѣ же ты вчера цѣлый день шатался?

Ладушкинъ. Да былъ, сударь, съ почтеніемъ у нашего сосѣда Степана Юдича Сундукова.

Богатоновъ. Ну, что дѣлаетъ этотъ скряга? Чай, деньги считаетъ?

Ладушкинъ. До счету ли, батюшка! тоскуеть такъ, что и Боже"упаси!

Богатовъ. Тоскуеть!... О чемъ?

Ладушкинъ. Бѣдушка сдѣлалась: получаль онъ съ кого-то двадцать тысячъ, такъ попалась между деньгами синенькая безъ нумеровъ; сокрушила его окаяннаго: не знаетъ куда съ нею дѣваться.

Богатовъ. Экій жидь!—Ну, а всесвѣтная-то невѣста, сестрица его, что поговариваетъ?

Ладушкинъ. Марья Юдишна? Она все извольтъ говорить со мною о князѣ Фольгинѣ.

Богатовъ. Ужь не прочить-ли она его въ мужья? чего добраго!—Чтожь она говорила?

Ладушкинъ. Куда, дескать, Иванъ Сидорычъ Богатовъ съ нимъ дружень; да и не удивительно!—всякій поставитъ себѣ за честь быть его пріятелемъ! Князь челоувѣкъ умный...

Богатовъ. Правда, правда! Одно только плохо,—хочеть до сихъ поръ казаться молодымъ; ну, какъ это можно? Чего другого, а лѣтъ не украдешь. (*Взглянувъ въ зеркало*). Эге! Демка, что это?

Демьянъ. Свдой волосъ, сударь!

Богатовъ. Такъ чтожь ты смотришь! вонъ его съ корнемъ злодѣя.

Демьянъ. Да ихъ, сударь, много!

Богатовъ. Врешь, дуракъ!—Ну, Андрей Карпычъ, чтожь она еще говорила о князѣ?

Ладушкинъ. Что онъ челоувѣкъ ученый!...

Богатовъ. И это правда—что хочешь, все знаетъ! а ужъ если о философи заговорить, то ужъ такъ красно, такъ хитро, что ничего, братъ, не поймешь.

Ладушкинъ. Такъ, такъ, батюшка, ничего не поймешь.

Богатовъ. Пуще всего мнѣ нравится то, что онъ вездѣ былъ и все видѣлъ. Ужь нечего сказать! какъ примется рассказывать, что твой всемірный путешественникъ.

Ладушкинъ. Куда, батюшка, этому путешественнику съ нимъ схватываться!

Богатовъ. Небось, теперь нашъ капитанъ-исправникъ язычекъ прикусиль, а то бывало, Боже упаси! Удалось ему, видишь ты, побывать когда-то въ Курланди, такъ онъ думаетъ, что весь свѣтъ объѣхаль; не дастъ бывало слова вымолвить: ты лишь только ротъ разинулъ, а онъ тутъ какъ тутъ съ Митавою.

Ладушкинъ. А всего-то, батюшка, важнѣе, что его сіятельство природный князь!

Богатовъ. Вотъ что вздоръ, такъ вздоръ! Какое мнѣ дѣло до его княжества? Я самъ князь у себя въ деревнѣ.

Ладушкинъ. Такъ, батюшка, такъ! Однакожь, все-таки...

Богатовъ. Полно врать, Андрей Карпычъ! вѣдь княжествомъ-то сытъ не будешь. Покойница моя жена до самой смерти была на этомъ помѣшана, а я, благодаря Бога, давно уже образумился. Видали мы князей—иному перекусить нечего; а я и не князь, а взгляни-ка на мое житье-бытье, — ась?

Ладушкинъ. Такъ, сударь, такъ!

Богатовъ. Какова сукожная-то фабрика—а?

Ладушкинъ. Ужь подлинно диво!

Богатовъ. А винный-то заводъ—плохъ что-ль?

Ладушкинъ. Что и говорить, отецъ мой, — благодать Господня!

Богатовъ. То-то-же! мы хоть и не сіяемъ, да въ шкатулкѣ-то у насъ свѣтло, — это, братъ, никакъ вѣрнѣе. *(Въ продолженіе сей сцены Демьянъ уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Прохорычъ.

Богатовъ. Что-ты, Прохорычъ?

Прохорычъ. Къ вамъ пріѣхаль, сударь, какой-то мусье изъ города.

Богатовъ. Мусье! — какой мусье?

Прохорычъ. Да Богъ его знаетъ; бормочетъ что-то себѣ подъ носъ, — ничего не разберешь.

Богатовъ. Зови его сюда. *(Прохоръ уходитъ).* Ко-му-бы это быть? Развѣ кто изъ пріѣзжихъ купцовъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же и Филутони.

Богатовъ. Что это! не спшибаюсь-ли я?—ба, ба, ба! старый знакомый Филутони!

Филутони. Тошно такъ, мой патюшка.

Богатовъ. Какъ это тебя, братецъ, нелегкая сюда занесла?

Филутони. Я, monsieur, приѣхалъ сюта съ расна товаръ на ярморкъ. Мой слишилъ, что фи, касподинъ Покатонъ, стесь шифить, и я тотшасъ явился съ моя потшенія.

Богатовъ. Спасибо, братъ, спасибо! Мнѣ бы по настоящему, мусье, на тебя сердиться должно: помнишь-ли въ Петербургъ-то?—а? Ну, да такъ и быть: я не злопамятенъ; ты-же кстати и пожаловалъ: я сегодня именинникъ.

Филутони. А, monsieur, шесть имѣй пострафляить.

Богатовъ. Въ старину ты бывалъ на все гораздъ; останься-ка у меня да похлопочи.

Филутони. Катовъ, monsieur, — что уютна?

Богатовъ. А вотъ изволишь видѣть: сегодня вечеромъ будетъ у меня маскарадъ и ваксаль, такъ надобно, знаешь ты, иллюминацію въ саду сдѣлать.

Филутони. Исразна стаканшикъ?

Богатовъ. Да, да! изъ стаканчиковъ; у меня ужъ все запасено—и стаканчики, и плошки, и цвѣтные фонарики, ты только разставь это хорошенько, да достань, любезный, побольше маскарадныхъ платьевъ и масокъ.

Филутони. Карашо, monsieur, мой путеть вскорость все доставать.

Богатовъ. У меня, мусье, кой что еще въ головѣ вертится: хочу дать сурпризь.

Филутони. Сурпризь! какая сурпризь?

Богатовъ. Это ужъ, мусье, не твоя забота; ты мнѣ только изготовь къ вечеру прозрачный щить, то-есть по вашему транспарантъ, — понимаешь?

Филутони. Понимай.

Богатовъ. Вензель на щить велимъ дѣлать по рисунку, который отъ меня получишь.

Филутони. Ошень карашо! Monsieur! у меня есть прекрасна французка конфектъ и шанпанска винъ.

Богатовъ. Привози, братъ, все привози.

Филутони. Слушай, мой патюшкъ, слушай!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и Прохорычъ.

Прохорычъ. Баринъ, сударь!

Богатовъ. Что тамъ еще?

Прохорычъ. Господинъ Мирославскій изъ Петербурга прѣхалъ.

Богатовъ. Ба, ба, ба! еще нечаянный гость! Проси скорѣй сюда... Да вотъ и онъ! (*Прохорычъ открываетъ дверь и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же и Мирославскій.

Богатовъ. Здравствуй, благопріятель, здравствуй! давно-ли изъ Питера?

Мирославскій. Сегодня по утру. (*Обнимаются*).

Богатовъ. Вотъ, любезный, рекомендую! Богъ даль намъ новаго сосѣда;—Андрей Карпычъ Ладушкинъ. (*Мирославскій и Ладушкинъ другу другу кланяются*). Ему досталось въ верстѣ отсюда по наслѣдству душонокъ пятнадцать. (*Вполголоса*). Такъ, мелкая сошка — почти однодворецъ, однакожь, малый хорошій.

Мирославскій (*показывая на Филутони*). А это кто? Лицо что-то знакомое.

Богатовъ. Не узналъ! Мусье Филутони; онъ прѣхалъ сюда на ярмарку.

Мирославскій. Право! (*Въ сторону*). Ну, эта встрѣча добра не предвѣщаетъ.

Богатовъ. Какъ мнѣ много говорить съ тобой надобно; постой на минуту! — Ступай покамѣсть въ садъ,

мусье, да осмотри все хорошенько. — Андрей Карпычъ, проводи его.

Ладушкинъ. Слушаю, сударь! (*Уходитъ съ Филитони*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Богатовъ и Мирославскій.

Мирославскій. Графъ и графиня Владимовы тебѣ кланяются.

Богатовъ. Спасибо, спасибо! давно я къ нимъ не писалъ; все какъ-то времени не было.

Мирославскій. Хозяйствомъ занимаешься? Хорошо, мой другъ, человекъ ты сталъ одинокій: безъ дѣла съ тоски-бы умеръ.

Богатовъ. Да, пріятель, грустно мнѣ было третьяго году: покойница скончалась, племянница съ мужемъ уѣхала въ Петербургъ, ты по дѣламъ отправился туда-же — совсѣмъ было осиротѣлъ! Одно только меня утѣшало, что состояніе-то мое опять поправилось.

Мирославскій. Я мимоѣздомъ замѣтилъ — у тебя идутъ въ деревнѣ и около дома большія перестройки.

Богатовъ. Да, мой другъ, фабрика моя почти вся передѣлывается.

Мирославскій. Для чего-бы кажется? Вѣдь она у тебя всего три года какъ построена.

Богатовъ. А вотъ изволишь видѣть: надъ нею будетъ греческій куполь, а передъ нею римскій портикъ.

Мирославскій. Послушай, мой другъ, я люблю самъ хорошую архитектуру, и живя въ Петербургѣ, восхищался, смотря на великолѣпныя общественныя зданія — тамъ они на своемъ мѣстѣ; но въ деревнѣ и притомъ суконная фабрика!... Да гдѣ-же теперь работаютъ?

Богатовъ. Да нигдѣ; вотъ уже около мѣсяца, какъ мои фабриканты безъ дѣла шатаются.

Мирославскій. Плохая же, братъ, это экономія! и что тебѣ захотѣлось?...

Богатовъ. Не мнѣ, братецъ; маѣ бы это и въ голову не пришло. А замѣтилъ-ли ты переѣзду въ моей деревнѣ?

Мирославскій. Да, я хотѣлъ спросить тебя: что это значитъ, что вмѣсто улицы у тебя всѣ избы по полю разбросаны?

Богатовъ. А вотъ что: это, любезный, на саксонскій манеръ; у каждого мужика пашня, луга, выгонъ, все теперь подъ руками.

Мирославскій. Все подъ руками, конечно, да какъ нагрянетъ зима, поднимется вьюга и занесетъ ихъ снѣгомъ, вѣдь имъ придется тогда жить какъ на островахъ—прѣзда не будетъ.

Богатовъ. Правда, милый, правда! Я ужь и самъ смекнулъ—трудненько сначала мужичкамъ будетъ; да и то сказать—покряхтятъ, покряхтятъ, да привыкнуть; а у меня, межъ тѣмъ, не такъ какъ у другихъ, не деревня будетъ, а ферма.

Мирославскій. Большая утѣха! и пришло же тебѣ въ голову!

Богатовъ. Не мнѣ, братецъ! мнѣ бы это и въкъ не выдумать. А кстати! помнишь-ли ты эту березовую рощу, въ которой мы съ тобой такъ часто по вечерамъ чай пили?

Мирославскій. Какъ не помнить.

Богатовъ. Ну, какъ ты думаешь, братецъ?... Вѣдь прутика не осталось.

Мирославскій. Боишься ли ты Бога! Зачѣмъ ты ее вырубилъ?

Богатовъ. Зачѣмъ? Да умные люди посоветовали. Она какъ бѣльмо на глазу была передъ самымъ домомъ. Посмотри теперь изъ диванной—то-ли дѣло! Рощи нѣтъ, это правда; но за то какой пуанъ де вю, братецъ, удивительно!

Мирославскій. Ну, милый, въ три года ты много переимѣнъ надѣлалъ.

Богатовъ. То-ли еще услышишь—погоди! Ну, отгадаешь-ли, кто у меня управляетъ теперь деревнею? Небось, скажешь бурмистръ, староста, десятскіе? Нѣтъ, любезный, депутаты!

Мирославскій. Депутаты!

Богатовъ. Да, мой другъ, я теперь ни во что не мѣшаюсь, а если сдѣлается какая экстра, то мои депутаты сойдутся въ сборную избу, да и начнутъ межъ собой толковать,—ну, вотъ, ни дать, ни взять, какъ въ парламентѣ. —Чему-жь ты смѣешься?

Мирославскій. Ахъ ты чудакъ, чудакъ! да вѣдь деревня-то твоя не государство, — ты могъ бы ея и самъ управлять.

Богатовъ. Нѣтъ, любезный, я хочу, чтобъ мои крестьяне сами собою управляли.

Мирославскій. Не знаю, мой другъ, можетъ быть это и хорошо, только, воля твоя, а мнѣ кажется, тутъ немного толку будетъ. Вѣдь не все то, что прилично для государства много, можетъ быть кстати для твоей деревни. Да какъ это тебѣ вздумалось?

Богатовъ. Все-таки не мнѣ, братецъ! мнѣ бы и во снѣ это не приснилось.

Мирославскій. Да кто же у тебя это чудесить?

Богатовъ. А вотъ послушай. Мнѣ Богъ послалъ пріятеля — сокровище! Въ нашу губернію пріѣхалъ изъ Петербурга покупать имѣнье князь Фольгинъ; мы съ нимъ подружились и вотъ уже четвертый мѣсяць, какъ онъ гоститъ у меня въ деревнѣ.

Мирославскій. Такъ онъ-то тебѣ все это совѣтуетъ? Фольгинъ!... Не тотъ-ли это Фольгинъ, который много путешествовалъ?

Богатовъ. Я думаю, что такъ. Онъ, изволишь видѣть, служилъ сначала въ морскомъ флотѣ; все по морямъ ѣздилъ; былъ въ Америкѣ, въ Царьградѣ, въ Дрезденѣ и Богъ знаетъ гдѣ!

Мирославскій. А потомъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ лѣтъ десять во Франціи.

Богатовъ. Онъ и есть! Что за просвѣщенный человекъ, братецъ! все дѣлаетъ не такъ, какъ другіе. Напримѣръ, какъ онъ воспиталъ своего сына? Любо посмотреть, какъ они межъ собой обходятся: настоящіе друзья!

Мирославскій. У него, кажется, есть и дочь, которая была имъ покинута съ самаго ребячества и воспитывалась въ какомъ-то пансіонѣ.

Богатовъ. Есть, мой милый, есть дочка лѣтъ во-семнадцати — красоточка!

Мирославскій. Право?

Богатовъ. Ангель настоящій!

Мирославскій. Неужели?

Богатовъ. Божество!

Мирославскій. Что это! ты говоришь о ней съ такимъ жаромъ?

Богатовъ. Послушай, любезный, съ тобою мнѣ секретничать нечего: я хочу на ней жениться!

Мирославскій. Жениться!

Богатовъ. Мнѣ одиночество ужь наскучило.

Мирославскій. Жениться на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ!

Богатовъ. Да это, братъ, еще не бѣда, что ей восемнадцать лѣтъ.

Мирославскій. Ей, подумай хорошенько.

Богатовъ. Не безпокойся.

Мирославскій. Вѣдь тебѣ безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ.

Богатовъ. Ну такъ чтожь? Да вѣдь я тебя знаю — хорошъ пріятель! что только я ни задумалъ — вѣчно поперекъ! Я, братъ, этакихъ друзей не больно жалую.

Мирославскій. Да не сердись, — я только тебѣ совѣтую.

Богатовъ. Нечего совѣтовать! теперъ ужь и поздно: половина дѣла сдѣлана.

Мирославскій. Право? такъ ты уже помолвленъ?

Богатовъ. Нѣтъ еще. Княжна объ этомъ ничего не знаетъ.

Мирославскій. Какъ же ты говоришь, что половина дѣла сдѣлана?

Богатовъ. Конечно, сдѣлана. Послушай! чтобъ сладить свадьбу, что нужно? — Во-первыхъ, надобно, чтобъ мужчина былъ согласенъ жениться — не правда-ли? во-вторыхъ, чтобъ дѣвушка хотѣла за него выйти — не такъ-ли?

Мирославскій. Положимъ, что такъ.

Богатовъ. Ну, а я давно уже согласенъ, — такъ половина-то дѣла и сдѣлана. *(Входитъ слуга)*. Что ты?

Слуга. Степанъ Юдичъ Сундуковъ пріѣхалъ.

Богатовъ. Эхъ, братъ! а я не одѣтъ — въ халатъ; да онъ безъ сестры пріѣхалъ?

Слуга. Одинъ, сударь.

Богатовъ. Такъ проси его сюда! *(Слуга уходитъ)*.

Мирославскій. Кстати онъ пожаловалъ: мнѣ надобно съ нимъ поговорить. Племянникъ его живетъ въ Петербургѣ въ крайней бѣдности; не поможетъ-ли онъ ему?

Богатовъ. Не думаю; впрочемъ, почему знать? онъ у насъ нынче въ богомолье ударился — милостыню подаѣтъ,

и даже иногда, какъ ты думаешь, въ большой праздникъ копѣекъ двадцать раздастъ нищимъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Сундуковъ.

Богатоновъ А, сосѣдушка любезный! милости просимъ!...

Сундуковъ (*низко кланяется*). Честь имѣю, батюшка, поздравить васъ со днемъ вашего ангела, даруй Господи, чтобъ благодѣянія небесная пребывала съ вами въ долготу дней и чтобъ вождельнное здравіе и всякія другія неисчерпаемыя блага ниспослались невидимо, какъ на васъ, такъ и на всѣхъ домочадцевъ вашихъ.

Богатоновъ (*въ сторону*). Экую рацею прочель. (*Громко*). Спасибо, батюшка Степанъ Юдичъ, спасибо!

Сундуковъ (*Мирославскому*). А, милостивый государь, давно-ли изволили возвратиться въ наши края?

Мирославскій. Сегодня, сударь.

Сундуковъ. Изъ С.-Петербурга, батюшка?

Мирославскій. Да, сударь, и привезъ вамъ поклонъ отъ вашего племянника.

Сундуковъ. Покорнѣйше благодарю! Ну, что онъ, сердечный, тамъ подѣлываетъ?

Мирославскій. Онъ очень жалокъ, сударь: терпитъ крайнюю нужду.

Сундуковъ. Бѣдняжка!

Мирославскій. Жалованье получаетъ небольшое, а жить тамъ очень дорого.

Сундуковъ. Бѣдняжка!

Мирославскій. Иногда доходитъ до того, что ему ѣсть нечего.

Сундуковъ. Бѣдняжка!

Богатоновъ. Послушай, Степанъ Юдичъ, ты чловѣкъ богатый, одинокій,—что-бы тебѣ помочь племяннику?

Сундуковъ. Ахъ, отецъ мой! радъ-бы радостью, да Бога боюсь.

Мирославскій. Полно, боятесь-ли вы Его, сударь?

Сундуковъ. Да послушайте, батюшка! Если уже

Всевышнему угодно, чтобъ племянникъ мой терпѣлъ нищету, такъ мое-ли дѣло тутъ мѣшаться.

Богатовъ. Что ты, братецъ, перекрестись!

Сундуковъ. Нѣтъ, батюшка Иванъ Сидорычъ, буди Его Святая воля!

Богатовъ. Не стыдно-ли тебѣ, любезный...

Сундуковъ. Эхъ, сударь, да вѣдь Бога-то, отецъ мой, мудренѣе не будешь.

Богатовъ. Не хорошо, братецъ, воля твоя, не хорошо!

Сундуковъ. Умру, такъ все ему достанется.

Богатовъ. Да вѣдь тогда ему и спасибо не за что будетъ тебѣ сказать. Послушай...

Сундуковъ. Извините, я заѣхалъ только на минутку — васъ поздравить.

Богатовъ. Да дай себя урезонить!...

Сундуковъ. Прошу не прогнѣваться, мнѣ должно вѣхать.

Богатовъ. Развѣ ты у меня не обѣдаешь?

Сундуковъ. Никакъ не могу. Я званъ на именинный столъ, къ нашему засѣдателю; сестра къ вамъ будетъ, а мнѣ позвольте послѣ обѣда завернуть. И такъ, до свиданія!...

Богатовъ. Да куда-же ты торопишься?— погоди!

Мирославскій. Подумайте-ка о вашемъ племянникѣ!

Сундуковъ. Прощенья прошу, милостивый государь, прошу прощенья!... (*Бѣжитъ вонъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Владиміромъ*). Ахъ, ваше сіятельство, извините. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Мирославскій, Богатовъ и Владиміръ.

Владиміръ. Какъ онъ бѣжитъ! (*Богатову*). Пари держу—вы просили у него денегъ.

Богатовъ. Отгадалъ, милый! Прошу покорно познакомиться съ пріятелемъ моимъ Мирославскимъ. (*Мирославскому*). Молодой князь!

Владиміръ (*Мирославскому, который ему кланяется*). Я очень радъ, сударь!...

Богатовъ (*Владимиру*). Что, какова княжна?
Владимиръ. Сестра?... не знаю; я думаю, она еще не просыпалась.
Богатовъ. А его сиятельство?
Владимиръ. Одъвается.—У васъ сегодня большой праздникъ?
Богатовъ. Да, сударь, мы попируемъ.
Владимиръ. Ваксалъ! Маскарадъ!...
Богатовъ. И кой что еще, можетъ быть, будетъ.
Владимиръ. А что такое?
Богатовъ. Такъ-съ, ничего,—небольшой сюрпризъ!..

Владимиръ. Сюрпризъ?
Богатовъ. Да, сюрпризъ! да какой! необыкновенный, въ новомъ вкусъ!—я съ тобою объ этомъ поговорю: умъ хорошо, а два лучше; но это послѣ.—Теперь пойдемъ-ка, Мирославскій, въ садъ: Филутони тамъ меня дожидается; посмотримъ, что онъ придумалъ. А вы, ваше сиятельство, побудьте-ка здѣсь; да если кто зайдетъ, похозяйничайте. Я, мой милый, съ тобой не чинюсь, вѣдь можетъ быть скоро... понимаешь? (*Уходитъ съ Мирославскимъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Владимиръ (*одинъ*).

Понимаю, Иванъ Сидорычъ, очень понимаю; только удастся-ли вамъ?... Вы затѣяли это съ батюшкой потихоньку отъ меня; не хотѣли даже посоветоваться со мною. Нѣтъ, господа, несмотря на то, что вамъ безъ малаго двѣсти лѣтъ, вы меня не перехитрите. Сестра выйдетъ замужъ, да только, прошу не погнѣваться, г. Богатовъ, не за васъ, а за пріятеля моего Зарѣцкаго.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Владимиръ и Зарѣцкій.

Владимиръ. Здравствуй, Зарѣцкій! ты вѣрно пріѣхалъ поздравить именинника? онъ теперь въ саду.

Зарѣцкій. Въ саду?—такъ я пойду туда.

Владимиръ. Постой, постой! мнѣ надобно поговорить съ тобой.

Зарѣцкій. О чемъ?

Владимиръ. Что, мой милый, дѣла наши идутъ худо!

Зарѣцкій. Неужели?

Владимиръ. У тебя есть соперникъ.

Зарѣцкій. Соперникъ!

Владимиръ. И очень опасный.

Зарѣцкій. Не мучь меня, князь, говори скорѣй, кто этотъ соперникъ?

Владимиръ. Дорогой нашъ именинникъ.

Зарѣцкій. Богатоновъ?

Владимиръ. Да, mon cher!—я давно уже замѣтилъ, что наши старики перешептываются, но никакъ не могъ отгадать, что у нихъ за секреты. Сегодня только почтенный мой родитель изволилъ мнѣ объявить, что Оленька должна выдти за Богатонova—понимаешь-ли? Должна, слѣдовательно между ними кончено.

Зарѣцкій. Ахъ! мой другъ, какъ я несчастливъ!

Владимиръ. Да тутъ охать нечего, мой милый, а надобно дѣйствовать. Богатоновъ даетъ сегодня маскарадъ; надобно этимъ воспользоваться.—Ты обѣдаешь здѣсь?

Зарѣцкій. Не думаю.

Владимиръ. Да это и не нужно, пріѣзжай только послѣ обѣда; у меня кой что въ головѣ уже бродитъ—и если не ошибаюсь, то не мы, а именинникъ будетъ сегодня въ дуракахъ. Теперь пойдемъ его поздравить, а потомъ завернемъ въ мою комнату и вмѣстѣ обдумаемъ хорошенько нашъ планъ. (*Уходитъ*).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та-же комната.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Богатовъ и Прохорычъ.

Богатовъ. Ступай сюда! Покамѣсть Мирославскій осматриваетъ заводъ и строеніе, мы съ тобой на просторѣ потолкуемъ. Сегодня, за обѣдомъ, какъ станутъ пить мое здоровье, будетъ пушечная пальба—слышишь?

Прохорычъ. Слушаю, сударь. Да изъ какихъ пушекъ стрѣлять прикажете?

Богатовъ. А вотъ изъ четырехъ чугунныхъ, что стоятъ за воротами, противъ гумна.

Прохорычъ. Слушаю, сударь.

Богатовъ. Надобно также подумать объ ужинѣ: обѣдать у меня будутъ только короткіе, а вечеромъ-то весь городъ нагрянетъ. Что, князевъ поваръ готовить ужинъ?

Прохорычъ. Никакъ нѣтъ, сударь.

Богатовъ. А почему такъ?

Прохорычъ. Вотъ изволите видѣть—кухню по вашему приказу передѣлываютъ на голландскій манеръ; а такъ какъ старую сломали, а новая еще не поспѣла...

Богатовъ. Такъ чтожъ? Развѣ мои повара въ приспѣшной не готовили?

Прохорычъ. Да то наши повара, сударь, а кухмистеръ его сѣятельства и слышать не хочетъ.—«Я, дескать, за моремъ учился и на такой дрянной поварнѣ рукъ мартать не хочу».

Богатовъ. Прошу покорно, какой причудливый! Такъ чортъ-же съ нимъ, коль такъ! скажи монимъ поварамъ, чтобъ они принялись за ужинъ,—да слышишь-ли? чтобъ блюдъ-то было больше: шесть, семь холодныхъ, да соусовъ перемѣнъ съ двѣнадцать.

Прохорычъ. Слушаю, сударь.

Богатовъ. Теперь придумать-бы только, гдѣ дать маскарадъ. Зала-то у насъ тѣсенька, а надобно мѣсто просторнѣе, чтобъ было гдѣ развернуться.

Прохорычъ. Да не прикажете-ли, сударь, опростать каретный сарай?

Богатовъ. Врешь, братецъ! совсѣмъ не то. Погоди немного... да, да! чего-же лучше? Лубки у насъ есть, тѣсъ также. Послушай, кликни мужиковъ да вели въ саду передъ домою построить на скорую руку лубочную галлерею; полъ настелемъ изъ досокъ, а стѣны убережь Филутони такъ, что любо будетъ смотрѣть. Да послали-ли въ городъ за музыкой?

Прохорычъ. Какъ же, сударь, трое распусковъ отправлено.

Богатовъ. Ну, хорошо!... Э! постой, постой! Вели снести съ чердака тѣ картины, что я прошлаго года купилъ въ городѣ, и повѣсить въ залѣ. Ступай! да смотри, братъ, у меня поворачивайся.

Прохорычъ. Слушаю, сударь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Богатовъ (*одинъ*).

Теперь, кажется, все кончено, и если только сюрпризъ мой удастся, то ужъ будетъ праздникъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Богатовъ и Даша.

Богатовъ. Куда ты бѣжишь, Дашенька? постой, маленькая!

Даша. Что, сударь, вамъ угодно?

Богатовъ. Княжна встала?

Даша. Встала, сударь.

Богатовъ. Каково она почивать изволила?

Даша. Не очень хорошо: часто просыпалась, вздыхала.

Богатовъ. Вдыхала? Послушай, Дашенька! даромъ не вдыхаютъ; скажи правду—ужь не влюблена-ли въ кого твоя барышня?

Даша. И, сударь! какъ будто-бы княжна станеть со мною объ этомъ разговаривать; вѣдь это только въ комедіяхъ служанкамъ-то все рассказываютъ.

Богатовъ. Однакожь, все-таки, какъ ты думаешь? Напримѣръ, о комъ она чаще говоритъ?

Даша. Чаще всѣхъ она говоритъ о васъ.

Богатовъ. Обо мнѣ? Нѣтъ, шутишь?

Даша. И всякій разъ, сударь, лишь только о васъ заговорить, то и начнетъ смѣяться.

Богатовъ. Смѣяться?... Ахъ, моя крошечка! смѣяться?... Такъ поэтому я ей не противенъ?

Даша. Что вы, сударь?

Богатовъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Даша. Вотъ вамъ и еще доказательство: вашъ портретъ висѣлъ въ ея спальнѣ,—она велѣла его снять.

Богатовъ. Снять!... Зачѣмъ?

Даша. Потому, сударь, что, глядя на него, она однажды цѣлую ночь прохотала. Видите-ли, Иванъ Сидорычъ, вы отъ сна ее даже отбили.

Богатовъ. Право?

Даша. Я ужь не знаю, на что и подумать.

Богатовъ. Ничего. Дашенька, пройдетъ!

Даша. Ну, да если она отъ васъ совсѣмъ покоя лишится?

Богатовъ. Небось, душенька, мы ужь ее успокоимъ. На-ка тебѣ покамѣстъ — возьми. *(Даетъ ей горсть денегъ)*.

Даша. Покорнѣйше благодарю, сударь!

Богатовъ. Я вѣдь, Даша, вотъ каковъ — безъ счету даю.

Даша. А я-то, сударь, развѣ счетомъ принимаю?

Богатовъ. А что, княжна скоро сюда выйдеть?

Даша. Она, сударь, хотѣла сейчасъ придти васъ поздравить.

Богатовъ. Право? Такъ ступай-же, миленькая, оставь меня здѣсь одного.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

БОГАТОНОВЪ (одина).

Вотъ какъ! всю ночь прокохотала! Ай да Иванъ Сидорычъ! Видно, ей весело на меня смотрѣть! Чего-же еще дожидаться? сдѣлаю одинъ конецъ. Она сейчасъ придетъ сюда; скажу ей: «матушка сударыня! рѣши однимъ словомъ; какъ видишь—весь твой!» Ну, а если она на бѣду скажетъ... да быть не можетъ! я ей правлюсь, точно правлюсь! Какъ-бы только умненько за это взяться.—Вдругъ озадачить не годится—сконфузишь. (Думаетъ). Да! точно такъ!... Нѣтъ — слишкомъ просто — надобно начать свысока...—Постой! положимъ, я начну вотъ такъ... Гмъ, Гмъ!—«Несравненная княжна!...»—Несравненная княжна: не дурно! не дурно—«Несравненная княжна! какъ я счастливь, что въ день моего ангела—вижу такого ангела!»—Хорошо! очень хорошо! Натурально, она скажетъ: Вы шутите, Иванъ Сидорычъ.—А я ей тотчасъ въ отвѣтъ: «Никакъ нѣтъ, сударыня»—и такъ далѣе. Потомъ, когда дѣло дойдетъ до объясненія, я скажу ей, что пылаю, горю и прочее, и прочее; а послѣ... да послѣ-то и говорить ужь будетъ нечего. Ну, то-ли дѣло, какъ обдумаешь хорошенько. Теперь милости просимъ, ваше сіятельство! небось, не запнемся ни въ одномъ словѣ!... Ахти бѣда! кто-то идетъ... а! князь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

БОГАТОНОВЪ и князь.

Князь. Здравствуй, mon ami! Поздравляю тебя съ именинами.

Богатоновъ. Спасибо, любезный, спасибо! Знаешь что? я здѣсь дожидаюсь княжну.

Князь. Для чего?

Богатоновъ. Я рѣшился съ ней объясниться.

Князь. Мнѣ кажется, лучше было-бы не торопиться.

Богатоновъ. И, князь! чего лучше, какъ сегодня? за однимъ-бы разомъ именины и помолвку отпраздно-

вали. Да у меня есть на это особенная причина, мой милый!

Князь. Хорошо, хорошо, посмотримъ. Только мнѣ надобно будетъ прежде переговорить съ нею.

Богатовъ. Такъ ты будешь съ ней объ этомъ говорить? Эхъ, милый! а я было уже совсѣмъ приготовился.

Князь. Это необходимо нужно.

Богатовъ. Нужно, такъ дѣлать нечего. А что, братъ, если я межъ тѣмъ немного принаряжусь? вѣдь это не мѣшаетъ?

Князь. Конечно, не мѣшаетъ.

Богатовъ. Я въ одну минуту буду готовъ стану дожидаться вотъ въ этой комнатѣ; а ты, какъ у васъ будетъ все слажено, дай лишь сигналъ: это будетъ знакомъ, что она согласна.

Князь. Сигналъ?

Богатовъ. Ну да; хоть кашляни, напримѣръ, а я тутъ и готовъ.

Князь. Хорошо, хорошо.

Богатовъ. Да смотри, князь, постарайся!

Князь. Не безпокойся! ты знаешь, какъ я самъ хочу этого. Но вотъ, кажется, и она; оставь меня одного. *(Богатовъ уходитъ направо; въ то самое время съ лѣвой стороны входитъ Оленька).*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Князь и Оленька.

Оленька. Здравствуйте, папенька!

Князь. Ma fille! Я хочу говорить съ тобою о весьма серьезномъ предметѣ.

Оленька. Говорите, папенька, я слушаю.

Князь. Тебѣ уже восемнадцать лѣтъ, мой другъ: пора подумать о твоёмъ замужествѣ.

Оленька. Такъ вы позволяете мнѣ объ этомъ думать?

Князь. Не только позволяю, но даже приказываю.

Оленька *(присѣдаетъ)*. Слушаю, папенька.

Князь. У тебя есть женихъ.

Оленька. Женихъ! *(Въ сторону)*. Вѣрно Зарѣцкій!

Князь. Человѣкъ честный, хорошій...

Оленька. И молодой?...

Князь. То есть... какъ бы тебѣ сказать... среднихъ лѣтъ; впрочемъ, не ребенокъ, но очень добрый, богатый; однимъ словомъ, точно такой женихъ, какой тебѣ надобенъ.

Оленька (*съ стороны*). Это точно Зарѣцкій!

Князь. Надѣюсь, мой другъ, ты не будешь упрямиться?

Оленька. Нѣтъ, папенька, Зарѣцкій мнѣ всегда нравился.

Князь. Право! вотъ этого я не зналъ.

Оленька. Онъ также меня любитъ.

Князь. Поздравляю! такъ ты и это уже знаешь?

Оленька. Ахъ, папенька! еслибъ вы слышали, какъ онъ изъяснялся мнѣ въ любви.

Князь. Да, жаль очень, что я этого не слыхалъ. Послушайте, сударыня! если вы осмѣлитесь когда-нибудь подумать о Зарѣцкомъ...

Оленька. Что это значить!

Князь. А это значить то, что не Зарѣцкій, сударыня, а Иванъ Сидорычъ Богатоновъ будетъ твоимъ мужемъ.

Оленька. Богатоновъ! ха, ха, ха!

Князь. Чему ты смѣешься?

Оленька. Вы шутите! Богатоновъ, ха, ха, ха!

Князь. Ma fille! прошу не дурачиться.

Оленька. Вотъ забавный женихъ! ха, ха, ха!

Князь. Перестанете-ли вы, сударыня?

Оленька. Помилуйте, папенька! да этотъ старичекъ мнѣ въ дѣдушки годится.

Князь. Старичекъ? вздоръ, сударыня! онъ однихъ со мною лѣтъ

Оленька. Ну да! я о томъ-то и говорю.

Князь. Какъ о томъ! прошу покорно, какая грубиянка! Да твое-ли дѣло, дѣвчонка, считать лѣта? Твое дѣло слушать, когда тебѣ приказываютъ.

Оленька. Воля ваша, папенька, а я никогда не соглашусь.

Князь. Послушай, дурочка! вѣдь онъ беретъ тебя безъ приданого, — хочеть выплатить мои долги...

Оленька. Почему вы знаете — можетъ быть Зарѣцкій...

Князь. Опять Зарѣцкій!... Я вамъ говорилъ, сударыня, не смѣть о немъ и думать.

Оленька. Да не сердитесь, папенька: въ ваши лѣта это не здорово.

Князь. Да что тебѣ до моихъ лѣтъ, негодная!

Оленька. У васъ и такъ грудь слаба, а вы кричите.

Князь. Пустое, голубушка, у меня грудь не слаба; — я хочу кричать, кричу и буду кричать!... *(Закашляется)*.

Оленька. Вотъ, вѣдь я вамъ говорила.

Князь. Насмѣшница! *(Кашляетъ)*. Она уморитъ меня!.. *(Кашляетъ)*: Злодѣйка!... *(Кашляетъ)*.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Богатовъ *(въ кафтанѣ съ большимъ пучкомъ и розаномъ на груди)*.

Богатовъ *(князю, который продолжаетъ кашлять)*.
Слышу, князь, слышу!

Князь. А! это ты? Послушай, мой другъ!...

Богатовъ. Понимаю, любезный, понимаю. *(Оленька)*. Не дивитесь, сударыня...

Князь. Да ты не знаешь—Оленька...

Богатовъ. Согласна?—знаю, милый, знаю! *(Оленька)*. Не дивитесь, прекрасная княжна...

Князь. Да выслушай меня...

Богатовъ. И, братецъ! не сбивай. *(Оленька)*. Не дивитесь, несравненная княжна, что я въ такомъ смятеніи: съ одной стороны радость, съ другой удовольствіе, съ третьей...

Князь. Иванъ Сидорычъ...

Богатовъ. Эхъ, милый, не мѣшай!... Съ третьей... съ третьей... Ну, вотъ, и сбилъ!

Оленька. Что это значить?...

Богатовъ. Это значить, что я въ восхищеніи! въ восторгѣ! въ радости!...

Оленька. Отчего?

Богатовъ. Оттого, что вы готовы увѣнчать тотъ нѣжный пламень, или, лучше сказать, тотъ страстный огонь, которымъ я пылаю.

Оленька. О, сударь, если этотъ пожаръ кромѣ меня тушить некому, то сгорѣть вамъ непременно.

Князь. Оленька!

Богатовъ. Ахъ, матушка княжна! да, я и такъ уже совсѣмъ истлѣлъ!

Оленька. Я вижу, мнѣ должно говорить яснѣе. — Послушайте, Иванъ Сидорычъ!...

Князь. Оленька!

Богатовъ. Позвольте, позвольте! Я люблю все дѣлать на чистоту, и потому прежде всего хочу объявить, какъ намѣренъ съ вами жить въ законномъ супружествѣ. Вы будете, сударыня...

Князь. Иванъ Сидорычъ, позволь мнѣ сказать...

Богатовъ. Тѣфу пропасть! да отстань, братецъ!... (Оленькѣ). Вы будете, сударыня, госпожею всего моего имѣнія; располагайте имъ и мною какъ вамъ угодно... Только потѣшите и меня, матушка! не водитесь съ этими пострѣлами, которые къ вамъ зимою изъ Москвы, да Петербурга наѣзжаютъ. Я не ревнивъ—Боже сохрани!... но признаюсь, терпѣть не могу этихъ негодныхъ подлипалъ, — особливо въ очкахъ-то, да съ лорнетами; — саранча проклятая! такъ въ душу и вьются!

Оленька. Да съ чего вы взяли сударь, что я...

Богатовъ. Знаю, ваше сіятельство! знаю. Вы вѣрно сами не можете терпѣть этихъ сорванцовъ; да и какъ ихъ любить?—Злѣдъи!—Помотрите-ка, въ танцахъ, — ахъ, Боже мой! схватятъ у тебя жену, вертятъ ее, повертываютъ, нашептываютъ на ухо, а бѣдный мужъ стой въ углу, да облизывайся. Нѣтъ, матушка сударыня, не танцуйте!...

Князь. Да выслушаеть-ли ты меня?

Богатовъ. Сейчасъ, братецъ! Еслибъ я могъ надѣяться, сударыня, еслибъ вы дали мнѣ обѣщаніе...

Оленька. Сколько словъ напрасно. Да я, сударь, никогда...

Богатовъ. Не танцуете? Ахъ, матушка ваше сіятельство! тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Да мы какъ будто нарочно родились другъ для друга! И такъ, позвольте мнѣ теперь, вмѣсто перваго свадебнаго подарка, — о, несравненная роза! — поднести вамъ этотъ будетъ розановъ. (Подаетъ ей цветы).

Оленька. Я, сударь, не хочу брать отъ васъ никакихъ подарковъ.

Князь. Ma fille!

Богатовъ. Помилуйте! да почему же нѣтъ?
Оленька (*скоро*). Потому, сударь, что вы никогда не
будете моимъ мужемъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

БОГАТОНОВЪ И КНЯЗЬ.

Богатовъ (*посль краткою молчанія*). Князь! что
это она сказала?—а?

Князь. Ребячество, мой другъ, ребячество.

Богатовъ. Вы никогда не будете моимъ мужемъ!
Что это значить? Вѣдь она была согласна?

Князь. Вотъ то-то и дѣло, что еще не совсѣмъ.

Богатовъ. Не совсѣмъ? Ну, боишься-ли Бога? За-
чѣмъ же ты кашлялъ?

Князь. Это сдѣлалось нечаянно.

Богатовъ. Хорошо, сударь, очень хорошо! что я
теперь по твоей милости? дуракъ дуракомъ!

Князь. Ничего, мой милый.

Богатовъ. Какъ ничего? Развѣ ты не слыжалъ?

Князь. Пустое ребячество. Вотъ изволишь видѣть: она
гадала въ карты, и ей вышло, что ты никогда не будешь
ея мужемъ.

Богатовъ. Какъ! неужели? и она этому вѣрить?

Князь. Чтожъ дѣлать, mon ami! Пансіонское воспи-
таніе! Притомъ-же, она такой еще ребенокъ...

Богатовъ. Такъ вотъ что! Ну, это не бѣда: мы ее
какъ разъ переувѣримъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ВЛАДИМИРЬ.

Владимиръ. Что у васъ здѣсь было? Мнѣ повстрѣчалась
сестра; она такъ разстроена, въ такомъ замѣшательствѣ...

Богатовъ. А вотъ что, милый: мы затѣяли было
дѣло, да на ладъ нейдетъ.

Владиміръ. Что такое? Ужь не помолвку-ли?

Богатоновъ. То-то и есть.

Владиміръ. Ну такъ чтожь? Вѣрно сестра согласна.

Богатоновъ. Согласна, да не совсѣмъ.

Владиміръ. Быть не можетъ.

Богатоновъ. Да, князь! Она гадала, и ей вышло, что я не буду ея мужемъ.

Владиміръ. Ха, ха, ха! какой вздоръ! Послушайте, вы вѣрно не такъ за это взялись; дайте мнѣ только съ нею поговорить, — дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе.

Князь. Въ самомъ дѣлѣ, поговори съ ней...

Богатоновъ. Да, да, поговори съ ней.

Владиміръ. Положитесь во всемъ на меня, Иванъ Сидорычъ, и я вамъ ручаюсь, что Оленька, если дѣло пойдетъ на то, сегодня же будетъ замужемъ.

Богатоновъ. Замужемъ! Что ты, князь! дай Богъ хоть помолвку-то сегодня сдѣлать.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Мирославскій.

Богатоновъ. А, любезный! Прошу познакомиться. *(Князю)*. Пріятель мой Мирославскій.

Мирославскій. Я очень радъ, князь...

Князь. Для меня весьма пріятно, сударь...

Богатоновъ. Да что мы все на ногахъ; прошу покорно садиться. *(Садятся)*.

Владиміръ *(князю, который садится съ краю)*. Сколько разъ говорилъ тебѣ, мой другъ, не садиться къ окну.

Князь. Да ничего, Вольдемаръ.

Владиміръ. Какъ ничего? Полно дурачиться, мой милый, опять простудишься; садись сюда.

Мирославскій *(тихо Богатону)*. Иванъ Сидорычъ, да кто изъ нихъ отецъ-то?

Богатоновъ. Кто отецъ? А, понимаю! Какъ ты думаешь, князь, вѣдь Мирославскому-то странно, что ты такъ обращаешься съ своимъ сыномъ.

Князь. Неужели! И это васъ удивляетъ?

Мирославскій. Признаюсь, сударь...

Князь. И можетъ быть не нравится?

Мирославскій. Вотъ это другое дѣло; всякій имѣеть право мыслить и поступать, какъ ему угодно, — и потому, князь, извините, если я не буду отвѣчать на вашу просьбу.

Князь. Почему же нѣтъ, г. Мирославскій? Отчего не поспорить, не пофилософствовать? Прошу покорно.

Мирославскій. Если вамъ угодно.

Князь. Напримѣръ: отчего вы полагаете, что сынъ не можетъ говорить отцу — ты?

Мирославскій. А вотъ почему, князь: глупо-ли оно, или умно, но у насъ уже принято, что это выраженіе предполагаетъ какое-то равенство, которое между отцомъ и сыномъ существовать не можетъ.

Князь. Не можетъ! а почему, если смѣю спросить?

Мирославскій. Я увѣренъ, сударь, что сынъ...

Богатовъ. Эй, братъ, не спорь.

Мирославскій. Что сынъ можетъ любить отца своего болѣе даже, чѣмъ друга; но думаю, однакожъ, что это равенство, необходимое между истинными друзьями, не можетъ существовать тамъ, гдѣ одинъ человекъ обязанъ другому всѣмъ, даже своею жизнью.

Владиміръ. Признаюсь, г. Мирославскій, ваша логика забавна. Я обязанъ отцу моему всѣмъ за то, что онъ далъ мнѣ жизнь, — это правда; но все-таки я не могу согласиться съ вами.

Князь. Конечно, конечно.

Владиміръ. Надѣюсь, вы согласитесь, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ государства просвѣщеніе Франціи; ну, сударь, а тамъ этотъ обычай, который кажется вамъ страннымъ, сдѣлался почти общимъ.

Мирославскій. Быть можетъ, но...

Богатовъ. Полно срамиться, братецъ; гдѣ тебѣ съ нимъ спорить!

Князь. Тамъ, сударь, неизвѣстенъ этотъ семейственный деспотизмъ, это рабское повиновеніе, унижающее человека; тамъ какой верхъ просвѣщенія! какое торжество истинной философіи! Тамъ, сударь, отецъ и сынъ друзья.

Мирославскій. Все такъ, князь, между друзьями бой равный; а если отецъ съ сыномъ заспорятъ: одинъ захочетъ поставить на своемъ — прикажетъ ломать; другой начнетъ упрямиться...

Князь. И, сударь, захочеть! прикажетъ! Да это самовластіе прилично только тѣмъ, кои не имѣютъ никакого просвѣщенія, никакой философіи...

Мирославскій. По крайней мѣрѣ согласитесь, что неравенство лѣтъ...

Владиміръ. Неравенство лѣтъ! Ну такъ чтожь? Всѣ крайности сближаются, и нѣтъ сомнѣнія, что рассудокъ дряхлаго старика и умъ весьма молодого человѣка почти равны межъ собою.

Князь. Вотъ это вздоръ, сударь...

Владиміръ. Нѣтъ, папа, не вздоръ. Я скажу еще лучше, если есть какое неравенство между молодымъ человѣкомъ и старикомъ, то тѣмъ хуже для послѣдняго: молодой человѣкъ съ каждымъ годомъ приобретаетъ новыя познанія; рассудокъ его дѣлается совершеннѣе, понятія развиваются; а старикъ съ каждымъ годомъ становится глуше...

Князь. Владимиръ! я совѣтовалъ-бы тебѣ...

Владиміръ (*не слушая*). Воображеніе его хладѣеть: онъ забываетъ все—и скорыми шагами приближается къ первобытному своему сосоянію, то-есть дѣлается опять ребенкомъ.

Мирославскій. Иванъ Сидорычъ! это и до насъ касается.

Князь (*съ досадою*). Позволь тебѣ сказать, Владимиръ, ты сегодня не рассуждаешь, а бредишь.

Владиміръ (*насмѣшливо*). Въ самомъ дѣлѣ?

Князь. Да, сударь! Ты судишь о вещахъ какъ мальчишка.

Владиміръ. Какъ мальчишка? Это ужь обидно!

Князь. Да, да! какъ не доучившійся школьникъ.

Владиміръ. Bravo, папа! да ты сердишься? Вотъ оно каково: лишь дошло до насъ дѣло, такъ и философія вся къ чорту.

Князь. До насъ! какъ до насъ? Что вы этимъ хотите сказать?

Владиміръ. Ничего; я хочу сказать, что...

Князь. Нельзя-ли замолчать.

Владиміръ. Замолчать! вы шутите?

Князь. Нѣтъ, сударь, не шучу.

Владиміръ. Право! ну, а если мнѣ хочется говорить?

Князь (*вставая*). Я, сударь, вамъ приказываю!

Владиміръ. Приказываете? что-то новое.

Богатовъ. Господа, господа! что вы?

Мирославскій (*тихо Богатову*). Не мѣшай имъ, братецъ, вѣдь они друзья.

Князь (*Владимиру*). Не забудьте, сударь, что уваженіе, которымъ вы мнѣ обязаны...

Владиміръ. Между друзьями оно должно быть взаимное; но если одинъ изъ нихъ до того выжилъ изъ ума, что думаетъ приказывать..!

Князь. Какая дерзость! Да какъ ты смѣешь?

Богатовъ. Князь!

Владиміръ. Какъ я смѣю! Ха, ха, ха! Какъ я смѣю! Ну, право, папа, тебя надобно будетъ скоро пеленать.

Князь. Пеленать... Ахъ, ты негодный! (*Хочетъ на него броситься*).

Богатовъ (*удерживая*). Что ты, любезный? Помилуй!

Князь. Я тебя проучу, мальчишка!

Владиміръ. Часъ отъ часу лучше! Ха, ха, ха!

Князь. Пусти меня, братецъ, пусти!

Владиміръ. Оставьте его, Иванъ Сидорычъ. Посмотримъ, какъ онъ меня проучить.

Богатовъ. Что вы, что вы! съ ума что-ль сошли.

Князь. Безпутный!... наглець!... грубіянь!...

Владиміръ. Ха, ха, ха!

Мирославскій (*въ сторону*). Какой верхъ просвѣщенія! Какое торжество истинной философіи!

Богатовъ (*Владимиру*). Какъ тебѣ не стыдно?

Владиміръ. Вольно-жъ ему бѣситься.

Богатовъ (*князю*). Опомнись, мой другъ.

Князь. Забыться до такой степени!

Богатовъ. Да вѣдь вы друзья.

Князь. Друзья!... конечно!... я не спорю!... мы друзья... но со всѣмъ тѣмъ...

Богатовъ. Эхъ, братецъ! да не всяко лыко въ строку; ну, погорячились, — что за бѣда? Не сердись на него. (*Владимиру*). И, милый! Князь и безъ того такой тщедушный, а ты его сердшишь;—ну, что хорошаго? закапшляется, да и умереть,—помиришь съ нимъ.

Владиміръ. Пожалуй! я не сержусь: ребенку и старику надобно извинять все. (*Подходитъ къ князю*). Полно, папа, гнѣваться.

Князь. Всему есть границы, сударь.

Владимиръ. Какая странность! ты началъ самъ.

Богатовъ. Перестаньте.

Князь. Я надѣюсь, Владимиръ, что въ другой разъ...

Богатовъ. Полно, полно! Обнимитесь;— вотъ такъ.

Князь. Мнѣ, право, совѣстно, что г-нъ Мирославскій былъ свидѣтелемъ этой сцены.

Мирославскій (*улыбаясь*). Ничего, сударь, ничего; это бездѣлица! то-ли еще между друзьями бываетъ. (*Богатову, вполголоса*). А что, Иванъ Сидорычъ, я думаю, иногда случается...

Богатовъ. Что такое? что? нѣтъ, братецъ, до драки у нихъ никогда не доходить.

Мирославскій. Впрочемъ и это-бы не бѣда — дѣло домашнее.

Князь. Я, право, не знаю, что съ нимъ сегодня сдѣлалось.— Однакожъ, господинъ Мирославскій, могу васъ увѣрить, наша дружба отъ этого нимало не потерпитъ.

Богатовъ. Правда, милый, правда! Вотъ этакъ-то они каждый день другъ друга пудрятъ,— а все друзья!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Т в - ж е и П р о х о р ы ч ъ .

Прохорычъ. Прикажете, сударь, собирать къ столу?

Богатовъ. А что, пора уже, я думаю? Вели накрывать; да закусить бы намъ чего-нибудь.

Прохорычъ. Закуска приготовлена въ гостиной.

Богатовъ. Такъ пойдете-ка, господа. Милости прошу! (*Богатовъ, князь, Прохорычъ и Мирославскій уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

В л а д и м и р ъ (*одинъ*).

Пора приниматься за дѣло. Иванъ Сидорычъ открылъ мнѣ, въ чемъ будетъ состоять его сюрпризъ; и если сестра

согласится мнѣ помогать, то наши дѣла пойдутъ прекрасно! Богатоновъ, вмѣсто того, чтобъ дать сюрпризъ другимъ, сдѣлаетъ его самому себѣ. Я нахожусь до сыта, пріятель мой будетъ счастливъ, а батюшка... Посердится, посердится, — да перестанетъ. Надобно только человѣкъ трехъ путемъ подурaczyć. — А! кто-то пріѣхалъ... Сундукова! — Очень хорошо; — начнемъ съ нея.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Владимірѣ и Сундукова.

Сундукова (*оборотясь къ дверямъ*). Карпушка! останься самъ здѣсь, а линия чтобъ вѣхала домой, слышишь? Ахъ, здравствуйте, князь.

Владимірѣ. Ахъ, Марья Юдишна! позвольте на себя полюбоваться, Какъ вы авантажны! какъ хороши!...

Сундукова. Въ самомъ дѣлѣ, ваше сіятельство?

Владимірѣ. По-чести, вы сегодня обворожительны! Бѣдный именинникъ! теперь-то ты совсѣмъ пропалъ!

Сундукова. Что вы, батюшка, отчего ему пропасть?

Владимірѣ. Отчего, отчего! и вы это спрашиваете?

Сундукова. Да я, право, не понимаю.

Владимірѣ. Можетъ-ли это быть? Неужели вы до сихъ поръ не замѣтили, что Богатоновъ безъ памяти въ васъ влюбленъ?

Сундукова. Что вы, князь?

Владимірѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ вы не замѣтили? да это въ глаза бросается! — Послушайте, сударыня, мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами; я васъ истинно люблю и уважаю. Г-нъ Богатоновъ также человѣкъ честный, хорошій...

Сундукова. Какъ, сударь! такъ вы не шутите?

Владимірѣ. Боже сохрани! шутятъ-ли такимъ важнымъ дѣломъ; вы увидите, можетъ быть, сегодня... онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе.

Сундукова. Прошу покорно! Признаюсь, князь, я и сама было кой-что ужъ замѣчала; да у насъ прошелъ слухъ, что онъ женится на вашей сестрицѣ.

Владимірѣ. Какой вѣдоръ! Ну, можетъ-ли быть, чтобъ

человѣку солидному, степенному, каковъ Иванъ Сидорычъ, понравилась такая молоденькая дѣвочка? Дѣло другое дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ — похожая на распутившуюся уже розу; наприимѣръ, вы, сударыня.

Сундукова. Ахъ! полноте шутить, милый князь.

Владиміръ. А сестра моя... такъ и быть, открою вамъ эту семейственную тайну, — она выходитъ за Зарѣцкаго.

Сундукова. Въ самомъ дѣлѣ?

Владиміръ. Видите-ли, какъ я съ вами откровененъ.

Сундукова. Помилуйте, князь! я хочу вамъ заплатить тѣмъ-же. Присовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? За меня еще сватается женихъ.

Владиміръ. О! за женихами у васъ дѣло не станетъ. А кто это?

Сундукова. Вашъ батюшка.

Владиміръ. Нѣтъ! шутите?

Сундукова. Да, сударь, онъ со мною уже изъяснялся.

Владиміръ. Ай да папа! Какъ онъ исподтишка изволить пошаливать.

Сундукова. Какъ вы думаете?

Владиміръ. Для меня весьма было-бы пріятно называть васъ маменькой; но я предпочитаю вашу пользу своему удовольствію, и для того совѣтую вамъ лучше выйти за Богатонова.

Сундукова. Но князь такъ любезенъ, такъ уменъ...

Владиміръ. А Иванъ Сидорычъ такъ добръ, такъ богатъ...

Сундукова. Да, кажется, и князь имѣетъ хорошее состояніе.

Владиміръ. Да, это правда!... Но между нами будь сказано: имѣніе, которымъ владѣетъ батюшка, почти все принадлежитъ мнѣ съ сестрой.

Сундукова. Неужели!

Владиміръ. Впрочемъ, любовь не разбираетъ состоянія.

Сундукова. Конечно, конечно. И такъ, вы думаете, что я лучше сдѣлаю...

Владиміръ. Я ничего не думаю, сударыня: тутъ должно рѣшить ваше сердце.

Сундукова. Ахъ, сударь! я не знаю, сказать-ли мнѣ?...

Владиміръ. Ахъ, сударыня! говорите.

Сундукова. Ахъ, князь! мнѣ кажется, сердце мое согласно съ вашимъ мнѣніемъ.

Владиміръ. Ахъ, Марья Юдишна! какъ сердце ваше благоразумно постушаетъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И ДАША.

Даша (*Сундуковой*). Княжна просить васъ къ себѣ, сударыня.

Владиміръ. Мы поговоримъ объ этомъ еще послѣ; а теперь позвольте мнѣ, сударыня, имѣть честь проводить васъ къ сестрѣ.

Сундукова. Съ величайшею охотою, любезный князь! (*Уходятъ*).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ столовую комнату. Кромѣ стола, за которымъ обѣдаютъ, въ глубинѣ театра также столъ, накрытый скатертью, служацій вмѣсто буфета.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

БОГАТОНОВЪ, КНЯЗЬ, ВЛАДИМІРЪ, ОЛЕНЬКА, СУНДУКОВА, МИРОСЛАВСКІЙ, ЛАДУШКИНЪ (*сидятъ за столомъ*). ДЕМЬЯНЪ И МНОЖЕСТВО СЛУГЪ (*въ разныхъ лиреяхъ и платьяхъ*).

Богатоновъ. Матушка Марья Юдишна! чтожъ вы не изволите кушать? Сдѣлайте милость!

Примѣчаніе для актеровъ: дѣйствующія лица расположены слѣдующимъ образомъ: съ боку на лѣвой сторонѣ отъ зрителей сидитъ Богатоновъ; прямо, противъ зрителей, начиная отъ Богатонова: Ладушкинъ, Мирославскій, князь, Оленька, Сундукова; на углу, съ правой стороны отъ зрителей, Владимиръ.

Сундукова. Я ужь сыта, Иванъ Сидорычъ.
Богатовъ. Да на здоровье кушайте, сударыня, кушайте.

Владимиръ (*тихо Сундуковой*). Посмотрите, какъ именинникъ вами занимается: такъ и глядитъ вамъ въ глаза.

Сундукова. Перестаньте князь, услышать.

Богатовъ. Э! Андрей Карпычъ! ты ничего не пьешь? Сенька! налей ему.

Ладушкинъ. Нижайше благодарю.

Богатовъ. Да пей, братецъ,—вѣдь это пиво. Подай малагу!

Сундукова. Что вы, матушка княжна, сегодня скучны?

Оленька. Такъ-съ, ничего.

Сундукова. То-то, смотрите, милая, чтобъ у васъ меланхолия не сдѣлалась; я сама ею цѣлый годъ страдала.

Богатовъ (*князю*). Чтожъ это, князь? Малажки-то, батюшка, малажки! Прошу покорно.

Князь. Я не охотникъ до сладкихъ винъ.

Богатовъ. А вотъ сейчасъ подадутъ покрѣпче. Шампанскаго!

Владимиръ (*Сундуковой*). Надѣюсь, отъ этого вина вы не откажетесь,—это за здоровье именинника.

Богатовъ. Андрей Карпычъ! (*Ладушкинъ встаетъ и подходитъ*). Послушай, любезный, стань къ окну, да смотри, какъ я мигну—понимаешь?

Ладушкинъ. Разумѣю, Иванъ Сидорычъ, разумѣю! (*Подходитъ къ окну. Князю подають шампанскаго*).

Князь. За здоровье именинника! — исполненіе всѣхъ его желаній!

Богатовъ. Покорнѣйше благодарю! Андрей Карпычъ. (*Ладушкинъ махаетъ салфеткою; слышенъ выстрѣлъ*).

Сундукова. Ай! что это такое?

Богатовъ. Ничего, сударыня, ничего.

Сундукова. Иванъ Сидорычъ, я боюсь.

Богатовъ. И, сударыня, есть чего бояться;—что это за стрѣльба? Погодите, матушка, можетъ быть у меня будетъ скоро праздникъ почище сегодняшняго; вотъ тутъ послушайте: велю всѣ пушки зарядить двойными зарядами, то-то будетъ трескотня. Признаюсь, господа, люблю пальбу.

Мирославскій. Поздравляю тебя, мой другъ, съ именинами.

Богатовъ. Спасибо, пріятель. (*Дѣлаетъ знакъ Ладушкину*).

Сундукова. Ахъ, княжна! у меня сердце такъ и замираетъ, — сейчасъ выпалать.

Богатовъ. Ну чтожъ тамъ зѣваютъ? — Эхъ, братецъ! махни хорошенько...

Владиміръ. Ваше здоровье!

Богатовъ. Благодарю. — Андрей Карпычъ! Что это? Ладушкинъ. Помилуйте, всю руку отмотать.

Богатовъ. Такъ, такъ! подгадать какъ подгадать — злодѣи!

Оленька и Сундукова. Ваше здоровье, Иванъ Сидорычъ.

Богатовъ. Покорнѣйше благодарю! — Ахъ они варвары! не стрѣляютъ да и только! (*Ладушкину*). Сбѣгай, да посмотри, что они проклятые стали! (*Ладушкинъ уходитъ*).

Князь. Полно, милый, не сердись, что за бѣда! — да у тебя обнова. Откуда взялись эти картины?

Богатовъ. Я купилъ ихъ еще прошлаго года. Знатныя картины! А особливо одна — удивительная!

Миротлавскій. Историческая?

Богатовъ. Нѣтъ, братецъ, не историческая.

Князь. Понимаю! Миеологическая?

Богатовъ. И не миеологическая, а просто Венера.

Князь. Венера! да гдѣ-же она?

Богатовъ. А вотъ съ краю-то, въ бѣломъ капотѣ.

Князь. Венера въ капотѣ?

Богатовъ. Да! теперь въ капотѣ, а какъ я ее купилъ, то куда она плохо была одѣта.

Владиміръ. Такъ это вы уже надъ ней сжалились, Иванъ Сидорычъ?

Богатовъ. Да, милый! Я отдалъ ее Ванькѣ живописцу; онъ у меня дѣтина проворъ: разомъ ее въ капотъ нарядилъ.

Владиміръ. Прошу покорно! я не зналъ, что онъ такой художникъ.

Богатовъ. Какъ-же, братецъ. (*Слышенъ шумъ между слушателями*). Что вы расшумѣлись, дурачье! за подачку подрались? Я васъ!

Демьянъ (*подходитъ къ Богатову и вполголоса*). Извольте-ка, сударь, взглянуть въ окошко.

Богатовъ. Что такое?

Демьянъ. За дворомъ что-то горить.

Богатовъ. Ахти, пожаръ!

Оленька. Пожаръ!

Сундукова. Пожаръ? Ахъ, Боже мой! *(Всѣ встаютъ изъ-за стола).*

Богатовъ. Ничего, ничего! не беспокойтесь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Ладушкинъ.

Богатовъ. Ну, что, Андрей Карпычъ?

Ладушкинъ. Бѣда, батюшка—пожаръ!

Богатовъ. Да гдѣ горить? и отчего загорѣлось?

Ладушкинъ. Горить, сударь, гумно, а загорѣлось отъ пушки: пыжомъ попало въ одонье, одонье вспыхнуло, отъ него занялся овинъ, а теперь, чай, и рига ужь горить.

Сундукова. Какой ужасъ! Ахъ! мнѣ дурно!

Князь. Оленька! проводи скорѣй Марью Юдишну въ свою комнату. Не бойтесь, сударыня, это ничего. *(Сундукова и Оленька уходятъ).*

Ладушкинъ. Побѣгу опять на пожаръ, какъ-бы и до моего дворишка не добралось. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же безъ Сундуковой, Оленьки и Ладушкина.

Богатовъ. Да чего всѣ перепугались? вѣдь у меня не такъ, какъ у другихъ: большой порядокъ; всякій знаетъ свое дѣло. Напримѣръ, пожарные случаи по части моихъ дворовыхъ людей; посмотрите, какъ они повернуть, — въ полчаса какъ ничего не бывало.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и Прохорычъ.

Богатовъ. Ну что, Прохорычъ, тушатъ-ли пожаръ?

Прохорычъ. Никакъ нѣтъ, сударь!

Богатовъ. Какъ нѣтъ!—да чтожь дѣлають депутаты?

Прохорычъ. Собрались, сударь, въ сборную избу и такъ спорять, что и Боже упаси!

Богатовъ. Да о чемъ-же они окаянные спорять?

Прохорычъ. Одни говорятъ, что надобно на пожаръ трубу отправить, другіе стоятъ въ томъ, что должно послать туда бабъ съ ведрами; такъ прислали меня спросить, какъ прикажете?

Богатовъ. Ахъ, разбойники! они спорять, а гумно-то межъ тѣмъ горить!

Прохорычъ. Горить, сударь.

Богатовъ. Бѣги скорѣй на конюшню, да скажи кучерамъ, чтобъ сейчасъ везли трубу на пожаръ. (*Слушамъ*). Эй вы, сволочь! чтожь стали?... всѣ туда-же. (*Всѣ слуги уходятъ*).

Прохорычъ. Депутатамъ-то что прикажете сказать?

Богатовъ. Гони ихъ всѣхъ дубиной изъ сборной избы.

Прохорычъ. Слушаю, сударь. (*Уходитъ*).

Князь. Ты слишкомъ опрометчивъ, мой другъ. Депутаты твои поступили какъ должно: они не могли согласиться въ средствахъ и требовали твоего разрѣшенія; а ты вмѣсто того, чтобъ утвердить одно изъ мнѣній, поступаешь самопроизвольно...

Богатовъ. Да помилуй, князь!...

Князь. Воля твоя, мой другъ, это деспотизмъ.

Богатовъ (*съ сердцемъ*). Деспотизмъ! деспотизмъ! эхъ, братецъ!... Да что въ самомъ дѣлѣ? вѣдь гумно-то горить не твое, а мое.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ПРОХОРЫЧЪ.

Прохорычъ. Баринъ, сударь!...

Богатовъ. Что ты?

Прохорычъ. Худо, батюшка! заливная труба вовсе не годится: совсѣмъ разохлась.

Богатовъ. Ну, одно къ одному! да чего-жь смотрѣли проклятые депутаты?...

Прохорычъ. Они говорятъ, что ни въ чемъ не виноваты. Депутатъ Бобылевъ завѣдывалъ пожарными инструментами.

Богатовъ. Такъ отчего-же?...

Прохорычъ. А вотъ изволите видѣть: Бобылевъ, имѣя другія занятія, отдалъ ихъ подѣ присмотрѣ кучеру Федоту; Федотъ, у котораго и безъ того на рукахъ всѣ экипажи, препоручилъ ихъ конюху Вавилѣ, Вавила положился на своего помощника форейтора Степку...

Богатовъ. Ну такъ чтожь дѣлалъ Степка?

Прохорычъ. А Степка-то, сударь, ничего ужъ не дѣлалъ: онъ третій мѣсяцъ не встаетъ съ постели!...

Мирославскій. Вотъ видишь-ли, мой другъ, что господскій-то надзоръ вездѣ нуженъ, вѣдь не даромъ пословица: у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу!

Богатовъ. Ахъ, они негодяи! Да полно, будетъ дурачиться... депутаты!... чортъ-бы ихъ взялъ—депутаты!

Мирославскій. Пойдемъ лучше на пожаръ сами: это будетъ вѣрнѣе.

Богатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего добраго — они меня всего сожгутъ, злодѣи!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ЛАДУШКИНЪ.

Ладущкинъ. Иванъ Сидорычъ!

Богатовъ. Ну, еще что-нибудь.

Ладущкинъ. Нѣтъ, сударь, слава Богу! овинъ потушили, ригу отстояли и одно только одонье сгорѣло.

Князь. Вотъ, мой другъ, ты по пустому горячился: депутаты твои не теряли времени.

Ладушкинъ. Нѣтъ, ваше сіятельство! гдѣ-бы имъ: они и теперь еще шумятъ въ сборной избѣ, такъ что и святыхъ вонъ понеси! а дай Богъ здоровье сосѣду нашему господину Зарѣцкому: прислалъ своихъ людей съ трубами и самъ прибѣжалъ на пожаръ.

Богатовъ. Ай да сосѣдъ! Спасибо ему! по милости его дешево я отбѣлся.— Нѣтъ! полно! у меня будетъ все по прежнему. Воля твоя, князь, сердись или нѣтъ, а выдумка твоя гроша не стоитъ.

Князь. Да развѣ я виновать, что у насъ ничего путнаго завести не можно.

Богатовъ. Какъ насъ всѣхъ перепугали! И надобно-же было этой бѣдѣ случиться! Ну, да дѣлать нечего. Не угодно-ли вамъ теперь, господа, ко мнѣ въ кабинетъ? кому отдохнуть, кому выкурить трубку; прошу покорно!

Мирославскій. Пойдемте, князь.

Богатовъ (*Владимиру*). Подожди меня здѣсь; мнѣ надобно съ тобой поговорить. (*Вст., крокъ Владимира, уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Владимиръ (*одинъ*).

Сестра за обѣдомъ играла хорошо свою роль; теперь если-бы только уговорить ее... Да вздоръ! она долго упрямиться не будетъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Владимиръ и Зарѣцкій.

Зарѣцкій. Славу Богу! пожаръ кончился.

Владимиръ. А, Зарѣцкій! Ну что, мой милый, все-ли у тебя готово?

Зарѣцкій. Все, мой другъ. Въ девять часовъ моя коляска будетъ у воротъ сада; тетюшка моя знаетъ все,

мы ускачемъ къ ней въ деревню, и, не заходя въ домъ, отправимся прямо въ церковь. Но увѣренъ-ли ты, что Оленька рѣшится?...

Владиміръ. Убѣжать съ тобою? Рѣшится, мой милый; надобно только тебѣ съ нею переговорить: одно слово страстнаго любовника подѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ всѣ мои краснорѣчивыя фразы.

Зарѣцкій. Вотъ то-то и бѣда! Какъ найду я случай поговорить съ нею наединѣ? Богатовъ не отходитъ отъ нея ни на минуту.

Владиміръ. Ну такъ чтожь? Ты можешь при немъ изясниться съ нею.

Зарѣцкій. Ты шутишь?

Владиміръ. Нѣтъ, не шучу. Дай мнѣ только съ нимъ переговорить: я его такъ настрою, что онъ самъ будетъ помогать.

Зарѣцкій. Но какимъ образомъ?

Владиміръ. Это не твое уже дѣло. Онъ сейчасъ сюда будетъ; уйди поскорѣе и приходи опять чрезъ нѣсколько минутъ.

Зарѣцкій. Хорошо... Только я желалъ-бы очень...

Владиміръ. Уйди поскорѣе. (*Зарѣцкій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Владиміръ (*однѣн*).

Ну, Иванъ Сидорычъ! Сундукова ужь готова; теперь пора приниматься за васъ.—А, вотъ и онъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Владиміръ и Богатовъ.

Богатовъ. Послушай, князь, ты долженъ быть мною доволенъ: во весь обѣдъ я не говорилъ ни слова съ твоею сестрой; теперь скажи мнѣ, для чего я долженъ быть это дѣлать?

Владиміръ. А вотъ для чего: я хотѣлъ увѣриться, точно-ли сестра васъ любить.

Богатоновъ. Чтожъ ты думаешь?

Владиміръ. Теперь я не имѣю въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Богатоновъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Владиміръ. Сегодня поутру, когда вы изъяснились ей въ любви, она не хотѣла васъ слушать,—не правда-ли?

Богатоновъ. Правда, правда!

Владиміръ. Обошлась съ вами очень холодно,—не такъ-ли?

Богатоновъ. Да, да! очень холодно.

Владиміръ. А за обѣдомъ безпрестанно на васъ взглядывала и потихоньку улыбалась!

Богатоновъ. Точно, точно улыбалась!

Владиміръ. Когда же увидѣла, что вы этого не замѣчаете, то вдругъ сдѣлалась печальна. Все это доказываетъ, что она васъ любитъ, а хотѣла только немного почваниться.

Богатоновъ. А что ты думаешь, князь, вѣдь это быть можетъ?

Владиміръ. Точно! Но погодите, мы ее путемъ просколимъ. Послушайте, начните при ней волочиться за Сундуковой;—это приведетъ ее въ отчаяніе.

Богатоновъ. Въ отчаяніе?—Ахъ, милый!...

Владиміръ. Что, чай, жалко? Полноте! Чего ее жалеть: она хотѣла васъ мучить, а ей спускать. Нѣтъ, Иванъ Сидорычъ, прочимъ ее хорошенько.

Богатоновъ. Ну, а если она больно огорчится?

Владиміръ. Такъ чтожъ? подѣломъ ей—но чванься.

Богатоновъ. Такъ, братецъ, такъ!—Да Марья-то Юдишна можетъ въ самомъ дѣлѣ подумать...

Владиміръ. Пускай себѣ думаетъ,—что за бѣда? Намекните ей даже о свадьбѣ, да только погромче, чтобъ сестра слышала; это произведетъ удивительное дѣйствіе! Я воображаю себѣ, Оленька съ вами заговариваетъ, вы отвѣчаете сухо, холодно; подходите къ Сундуковой—сестра начинаетъ беспокоиться; вступаете съ ней въ разговоръ—сестра блѣднѣетъ отъ ревности, и, чтобъ скрыть свою досаду и чѣмъ-нибудь вамъ отомстить—начинаетъ говорить съ первымъ мужчиною, который попадется ей въ глаза,—напримѣръ съ Зарѣцкимъ...

Богатовъ. Какъ, братецъ!...

Владиміръ. Да это ничего. Вашъ разговоръ съ Судуковой становится часъ отъ часу нѣжнѣе; сестра начинаетъ говорить съ Зарѣцкимъ очень ласково...

Богатовъ. Помилуй!

Владиміръ. Это ничего. Вы изъясняетесь въ любви; сестра, слушая Зарѣцкаго, улыбается, глядитъ на него съ нѣжностію...

Богатовъ. Съ нѣжностію! Какъ съ нѣжностію?

Владиміръ. Это ничего. Вы намекаете о свадьбѣ, сестра...

Богатовъ. Нѣтъ, любезный, слуга покорный!...

Владиміръ. Это ничего.

Богатовъ. Какъ ничего! Что ты, братецъ.

Владиміръ. Да неужели вы не понимаете, что все это дѣлается нарочно—на зло вамъ.

Богатовъ. Знаю, знаю! Однакожь...

Владиміръ. Повѣрьте, вамъ нечего бояться.

Богатовъ. Да чѣмъ же это кончится?

Владиміръ. А вотъ чѣмъ. Когда сестра увидитъ, что васъ ничто не беретъ, то перестанетъ скрывать истинныя свои чувства; любовь и ревность, досада и самолюбіе, всѣ эти сильныя страсти произведутъ въ душѣ ея... то боре-ніе... которое... вы меня понимаете?

Богатовъ. Понимаю, братецъ. Бореніе страстей—понимаю!

Владиміръ. Точно, точно, бореніе страстей. Вы это знаете?

Богатовъ. Какъ-же, князь; я читалъ объ этомъ въ «Клевеландѣ», въ «Мирамондѣ» и во многихъ другихъ романахъ.

Владиміръ. Слѣдовательно вы знаете также, что это счастливая минута для любовника. Я, какъ братъ, начну васъ мирить; потребую, чтобъ Оленька сказала рѣшительно: да или нѣтъ; сестра, узнавъ на опытъ, что съ вами шутить опасно, подумаетъ, подумаетъ и скажетъ—да; мы сдѣлаемъ тотчасъ помолвку, и всѣ хлопоты будутъ кончены.

Богатовъ. Вотъ это-то и надобно. Ты знаешь самъ, если мы сегодня не кончимъ, то сюрпризъ мой пойдетъ къ чорту.

Владиміръ. То-то и есть.

Богатовъ. Такъ и быть, только ужь пожалуйста, братецъ, не томи ея: лишь замѣтимъ, что бореніе страстей началось, такъ ты скорѣе и на выручку.

Владиміръ. Не безпокойтесь, это мое ужь дѣло.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ЗАРЬЦКІЙ.

Богатовъ. А, сосѣдь дорогой! спасибо, что помогъ въ бѣдѣ: очень благодаренъ.

Зарьцкій. Не за что, сударь; на моемъ мѣстѣ всякій-бы это сдѣлалъ. (*Тихо Владиміру*). Ну, что Богатовъ?

Владиміръ. Готовъ, мой милый.

Богатовъ. А! никакъ наши барышни сюда идутъ? Точно такъ! Княжна и Марья Юдишна.

Владиміръ. Въѣсть? Прекрасно! (*Вполголоса Богатову*). Не упускайте этого случая; да смотрите, холодность, пренебреженіе...

Богатовъ. Да ужь если пошло на то, такъ небось не выдамъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, СУНДУКОВА И ОЛЕНЬКА.

Оленька (*Богатову*). Что пожаръ, сударь?

Богатовъ. Ничего-съ. Какъ вы себя чувствуете, Марья Юдишна?

Сундукова. Прошло, сударь.

Оленька. Такъ повѣтому потушили?

Богатовъ. Да-съ. (*Сундуковой*). Вы перепугались очень, матушка?

Сундукова. Какъ-же, у меня сердце такъ замерло.

Оленька. И больше ничего не сгорѣло?

Богатовъ. Нѣтъ-съ. Да не угодно-ли вамъ присѣсть, Марья Юдишна. Мнѣ съ вами словца два надобно перемолвить. Вотъ сюда, прошу покорно. (*Подаетъ ей стулъ и садится самъ подлѣ нея*).

Зарѣцкій (*подавая Оленькѣ стулъ*). Не прикажете-ли, княжна? (*Садятся другъ подле друга, на противной сторонѣ театра*).

Богатовъ (*тихо Владиміру*). Ну, что?

Владиміръ (*также*). Да такъ, ничего; посмотрите-ка, что съ сестрой дѣлается.

Богатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, братецъ, на ней лица нѣтъ!

Владиміръ. Ништо ей! умнѣй впередъ будетъ. Начинайте, начинайте.

Богатовъ (*Сундуковой*). Что это, матушка, какъ вы моложавы: ужъ вотъ лѣтъ тридцать, какъ я васъ знаю, — а все цвѣтете какъ роза.

Владиміръ. Что вы, Иванъ Сидорычъ! да Марья Юдишна и теперъ нѣтъ тридцати лѣтъ.

Богатовъ. Какъ-бы то ни было, сударыня, а вы прекрасны, и признаюсь, для меня удивительно, очень удивительно... (*Оглядывается*).

Сундукова. Что такое?...

Богатовъ (*безпрестанно оглядывается*). Ничего, сударыня, ничего.

Зарѣцкій (*стололоса Оленькѣ*). Но если намъ не осталось другого средства, если вашъ батюшка...

Богатовъ. Князь! они о чемъ-то шибко разговариваютъ.

Владиміръ. Да не занимайтесь ими: вѣдь сестра все замѣчаетъ.

Сундукова. Что вы хотите мнѣ сказать?

Владиміръ. Онъ удивляется, сударыня, что вы до сихъ поръ не сдѣлали еще никакого выбора.

Сундукова. Ахъ, Иванъ Сидорычъ! я несчастная молодая сирота...

Богатовъ (*оглядывается безпрестанно и не слушая*). Такъ, матушка, такъ!...

Сундукова. Кто захочетъ соединить свою судьбу съ моею!

Богатовъ. Правда, сударыня, правда...

Сундукова (*Владиміру*). Что это значить?

Владиміръ. Вотъ истинная-то любовь, сударыня! — хочеть сказать одно, а говорить другое. (*Богатову*). Ну, сударь, что-же вы?

Богатовъ. Конечно, конечно: истинная любовь

великое дѣло! однакожь, я знаю человѣка, который истинно васъ любить...

Владиміръ. Громче.

Богатовъ. Да, сударыня, который истинно васъ любить, котораго ваша красота съ ногъ срѣзала, который... (*Омльдывается*).

Оленька (*отполоса*). Нѣтъ! я никогда не соглашусь.

Богатовъ. Князь! да она не слушаетъ.

Владиміръ. Не бойтесь, слова не проронить (*Громко*). Какъ трудно влюбленному человѣку говорить рѣшительно. (*Сундуковой*). Да ободрите его чѣмъ-нибудь.

Сундукова. Ахъ, сударь!

Владиміръ. Какой ваглядъ! и вы еще боитесь, Иванъ Сидорычъ.

Богатовъ. Признаюсь—я не смѣю надѣяться.

Сундукова (*тихо*). Надѣйтесь!

Владиміръ. Ну, сударь, живѣе, живѣе.

Богатовъ. Ахъ, матушка! что я слышу? какое счастье! какая радость!

Владиміръ. Продолжайте, сударь; не скрывайте долѣе то чувство, которое наполняетъ вашу душу! А ты, несчастная, молодая сирота, говори, рѣшай нашу участь.

Сундукова (*подивив Богатову руку*). Вотъ мой отвѣтъ!

Богатовъ. О, сударыня! (*тихо Владиміру*). Князь, что это? ужь онъ цѣлуетъ у нея руку.

Владиміръ. Чтожь вы ей спускаете? Цѣлуйте скорѣй сами.

Богатовъ (*цѣлуетъ у Сундуковой руку*). Позвольте, матушка, позвольте!

Сундукова (*не отнимая руки*). Что вы дѣлаете? Остановитесь!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тъ-жъ и князь.

Князь. Что я вижу! (*Оленькѣ*). Что это значить, сударыня? (*Сундуковой*). Признаюсь, Марья Юдишна, я не ожидалъ... (*Богатовъ дѣлаетъ ему знакъ*).

Сундукова. Что такое, князь?

Князь. Прекрасно, прекрасно!

Богатовъ. Тсъ! Тсъ!

Князь (*Оленькѣ*). Ступайте въ свою комнату, сударыня.

Богатовъ. Экій человекъ! не понимаетъ. (*Вполголоса*). Перестань!

Князь. Оленька! я тебѣ сказалъ...

Богатовъ. Тѣфу пропасть! да замолчишь-ли ты?

Сундукова (*Оленькѣ*). Не бойтесь, онъ не на васъ сердится. (*Громко*). Послушайте-ка, княжна, пойдите въ садъ: время прекрасное. (*Тихо*). Зарѣцкій, пойдите съ нами.

Оленька. Въ самомъ дѣлѣ, папенька, я пойду въ садъ.

Князь. Я вамъ сказалъ...

Сундукова. И, князь, какъ вамъ не стыдно? Ступайте, милая, ступайте. (*Оленька идетъ впередъ*). Пойдемте, Зарѣцкій. (*Подаетъ ему руку и уходитъ вслѣдъ за Оленькой*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Князь, Богатовъ и Владиміръ.

Князь. Они ушли, и Зарѣцкій съ ними! Что это значитъ?

Богатовъ. А это значитъ то, что въ тебѣ ни на копѣйку нѣтъ толку.

Князь. Какъ! и ты же на меня сердишься.

Богатовъ. Нужно было прикатить, все испортилъ, — и кто просить? Пожалуйста не мѣшайся.

Князь. Я не долженъ мѣшаться? Вотъ забавно! Зарѣцкій перешептывается съ Оленькой, а вы, сударь, женихъ ея, вмѣсто того, чтобъ остановить этотъ безпорядокъ, не стыдитесь сами...

Богатовъ. Экій безтолковый! Да вѣдъ это любовная хитрость!

Князь. Любовная хитрость!

Богатовъ. Да, сударь; если бы ты не ворвался сюда какъ бѣшеный, то бореиѣ-бы страстей началось, и все-бы было кончено.

Князь. Что это значить?...

Богатовъ. А это значить, что ревность, досада, любовь и прочія страсти... Да что съ тобою говоришь! Ты, чай, этого не понимаешь.

Князь. Владиміръ! да скажи хоть ты!...

Владиміръ. Я точно также ничего не понимаю; спроси у него (*тихо Богатову*). Не сказывайте ему: онъ вадумаетъ учить, и все испортить.

Князь (*Богатову*). Признаюсь, для меня очень странно, и если ты мнѣ не растолкуешь...

Богатовъ. Прошу не погнѣваться, не растолкую.

Князь. Но, сударь, я хочу знать...

Богатовъ. На хотѣнье есть терпѣнье, любезный. Подожди до вечера.

Князь. Да знаешь-ли ты, что Зарѣцкій-то влюбленъ въ Оленьку.

Богатовъ. Неужели! (*Владимиру*). Такъ вотъ что, милый, то-то онъ такъ и разсыпался... О, дуракъ, дуракъ!...

Князь. Мнѣ кажется, что и Оленька къ нему неравнодушна.

Богатовъ. Право! ха, ха, ха!

Князь. Смѣйся, смѣйся.

Богатовъ. Полно, братецъ, перестань.

Князь. Да если я знаю.

Богатовъ. Ты ничего не знаешь.

Князь. Хорошо! вѣрь мнѣ или нѣтъ, только я не оставлю Оленьку одну съ Зарѣцкимъ.

Богатовъ. Пожалуй, ступай къ нимъ; только смотри, не брани свою дочь, а не то мы поссоримся.

Князь (*уходя*). По чести, я тутъ ничего не понимаю.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Богатовъ и Владиміръ.

Владиміръ. Я вамъ говорилъ, что мой папа совсѣмъ не знаетъ женщинъ.

Богатовъ. Экая досада! что-бы ему минутъ десять не придти послѣ.

Владиміръ. Да не безпокойтесь, кажется, урокъ по-
дѣйствовалъ.

Богатоновъ. Ты думаешь?...

Владиміръ. Не только думаю, но готовъ биться объ
закладъ, что теперь сестра во всемъ со мною согласна.

Богатоновъ. И такъ, мой сюрпризъ...

Владиміръ. Удастся—въ этомъ нѣтъ никакого со-
мнѣнія.

Богатоновъ. А знатный будетъ сюрпризъ! Никто не
знаетъ, что я хочу жениться. Я созову всѣхъ гостей въ
садъ на площадку; махну, щить откроютъ,—Иванъ и Оленька!
«Что это значить?»—А вотъ что: «Рекомендую вамъ мою
невѣсту!»—Честь имѣю поздравить!—Шампанскаго! Вивать!
А, каково, братецъ?

Владиміръ. Прекрасно!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Филутони.

Филутони (*Богатову*). Monsieur! укотна смотрѣтъ
галери? Онъ совсѣмъ катовъ.

Богатоновъ. Ты ужъ галерею убралъ? Хорошо, мы
посмотримъ.

Филутони. Я сейшасъ пошолъ въ корать за маска-
ратна платя и транспарантъ. Пошалуй рисунка для шифръ.

Богатоновъ. Князь, ты обѣщаль мѣнъ нарисовать
вензель?

Владиміръ. Ступайте въ галерею, а я съ нимъ сей-
часъ приду.

Богатоновъ. Хорошо. Смотри-же, мусье, попроворь,
чтобъ къ восьми часамъ все поспѣло (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Владиміръ и Филутони.

Владиміръ. Ты знаешь, какой вензель долженъ быть
на щитѣ?

Филутони. Monsieur Пакатовъ кафариль, што надопно Иванъ и Оленька.

Владимірь. Совсѣмъ не то. Вели сдѣлать по этому рисунку. *(Дастъ ему рисунокъ)*.

Филутони *(смотритъ)*. Карашо. И и емъ.

Владимірь. Да, да! Я хочу сдѣлать ему сюрпризъ.

Филутони. А! понимамай.

Владимірь. Теперь мнѣ надобно поговорить съ тобою о маскардвыхъ платьяхъ. Послушай...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Сундуковъ.

Сундуковъ. А, ваше сіятельство! Гдѣ-же нашъ дорогой именинникъ?

Владимірь. Вышелъ на минуту въ садъ. *(Филутони)*. Пойдемъ, я скажу тебѣ, что мнѣ надобно. *(Сундукову)*. Извините, что я васъ оставляю одного; Иванъ Сидорычъ сейчасъ будетъ. *(Уходитъ съ Филутони)*.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Сундуковъ *(одинъ)*.

Въ садъ; видно, дѣлаетъ приготовленіе къ празднику. Въ воротахъ попался мнѣ цѣлый возъ плошекъ; чай, на одну эту дрянъ рублей триста вышло. Не долго-же онъ этакъ протянется; да что и говорить—глупому сыну не въ помощь и богатство.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Сундуковъ и Сундукова.

Сундукова. Братецъ,—а, братецъ!

Сундуковъ. Что, матушка сестрица?

Сундукова. Я лишь увидѣла изъ окошка, что ты прѣѣхалъ-то, и прѣѣжала тотчасъ сюда; мнѣ надобно съ тобой переговорить.

Сундуковъ. О чемъ, сударыня?

Сундукова. Батюшка братецъ! ты занимаешь мѣсто покойнаго моего родителя, и хотя я уже вышла изъ ребячества...

Сундуковъ. Да, матушка, да! ты давно уже въ законныхъ лѣтахъ.

Сундукова. Однакожь, не хочу безъ твоего совѣта и благословенія...

Сундуковъ. Благословенія? Ужь не о свадьбѣ-ли идетъ дѣло?

Сундукова. Да, братецъ, пришелъ часъ воли Божіей.

Сундуковъ. Старая пѣсня, матушка, старая пѣсня!

Сундукова. Нѣтъ, сударь, за меня сватаются...

Сундуковъ. Да кой прахъ, сестра, весь свѣтъ за тебя сватается и никто не женится.

Сундукова. Чтожь дѣлать, я очень разборчива; да мнѣ, кажется, и торопиться-то не къ чему.

Сундуковъ. Нѣтъ, сестра, торопись.

Сундукова. Поэтому ты согласенъ?

Сундуковъ. Погоди, погоди! Такъ ты точно выходишь замужъ?

Сундукова. Да, сударь, выхожу.

Сундуковъ. Кто-же этотъ богобоязливый человѣкъ?

Сундукова. Иванъ Сидорычъ Богатовъ.

Сундуковъ. Богатовъ?

Сундукова. Да, Богатовъ; онъ сейчасъ со мною изъяснялся.

Сундуковъ. Въ самомъ дѣлѣ! (*Въ сторону*). Ну! такъ, видно, онъ еще глупѣе, чѣмъ я думалъ.

Сундукова. Что ты, братецъ?

Сундуковъ. Ничего, сестрица, ничего. (*Въ сторону*). Прошу покорно! ну, чѣмъ бы, кажется, прельститься.

Сундукова. Какъ-же ты думаешь?

Сундуковъ. Выходи съ Богомъ.

Сундукова. Такъ это кончено?

Сундуковъ. Кончено, да не совсѣмъ: ты знаешь, батюшка, умирая, отдалъ тебѣ во владѣніе двѣсти душъ, но съ тѣмъ, однакожь, что ежели ты безъ моего согласія выйдешь замужъ, то это имѣніе должно поступить ко мнѣ.

Сундукова. Знаю, братецъ, да вѣдь ты согласенъ?

Сундуковъ. Согласенъ? Нѣтъ, душенька сестрица! запрещать я не запрещаю, а соглашаться не соглашаюсь.

Сундукова. Да почему-же?

Сундуковъ. Чтобъ я позволилъ тебѣ выйти за этого мота, который возами плошки покупаетъ, — какъ это можно!

Сундукова. Какъ! ты не позволяешь мнѣ?

Сундуковъ. Я не говорю этого; дѣлай что хочешь, и, если надобно, такъ я изъ дружбы и помогать тебѣ стану; но согласиться никакъ не могу.

Сундукова. Понимаю, сударь! вы хотите завладѣть моимъ имѣниемъ.

Сундуковъ. И, сестра, сестра! да изъ чего тебѣ тянуться-то? Ну, что двѣсти душонокъ? дрянъ!

Сундукова. Что будешь дѣлать? Я теперь у него въ рукахъ. Послушай, братецъ, уступи мнѣ хоть половину.

Сундуковъ. Ни одной души.

Сундукова. Хоть триста-то десятинъ лѣсу...

Сундуковъ. Ни одного осминника! Что ты, сестра? Чтобъ я пошелъ противъ воли покойнаго моего родителя? Чтобъ сталъ тревожить его прахъ? Да Боже сохрани!

Сундукова. Братецъ, голубчикъ!...

Сундуковъ. И слушать не хочу! Пожалуйста, не искушай меня, сестра!

Сундукова. Хорошо-же, сударь, если такъ, то будемъ съ вами судиться.

Сундуковъ. Милости просимъ.

Сундукова. Я выйду непременно замужъ.

Сундуковъ. Выходи, матушка.

Сундукова. Ты меня ограбишь, но я все-таки буду втрое тебя богаче.

Сундуковъ. На здоровье.

Сундукова. И когда буду замужемъ, такъ прошу не знать моего дома.

Сундуковъ. Какъ угодно.

Сундукова. Прощайте, сударь!

Сундуковъ (*кланяется*). Слуга покорный!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Сунлуковъ (одинъ).

Добро, говори себѣ, а двѣсти-то душъ со всѣми дачами и угодыями будутъ мои. Только, право, не могу понять, какъ это вздумалось Ивану Сидорычу... Ну, что за находка!... Подлинно, кого поищеть Господь! Пойду теперь въ садъ: здѣсь его не дождешься. И если дѣло пойдетъ на помолвку, то объявлю при всѣхъ, что я не согласенъ, а тамъ себѣ вѣнчайся, какъ хочешь.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ садъ. Въ глубинѣ театра на небольшомъ возвышеніи закрытый щитъ; вдали слышна по временамъ музыка. Съ лѣвой стороны отъ зрителей бѣсъдка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Прохорычъ, Филутони (и нѣсколько слугъ, которые развѣшиваютъ на деревьяхъ цѣпные фонари).

Прохорычъ. Что, мусье, хорошо такъ?

Филутони. Карашо! фонъ тутъ ешо три фонарь.

Прохорычъ. Сейчасъ! вотъ на это дерево еще три фонаря. Ну, мусье, этакого игрища у насъ еще никогда не бывало; я заглянулъ мимоходомъ въ галерею, такъ меня морозомъ по кожѣ подрало, — что за хари! Ахъ, батюшки свѣты! ужъ такъ всѣ вырядились, что и на людей-то не похожи. И баринъ въ какой-то красной мантильѣ расхаживаетъ. Не погнѣвайся, мусье сударь, позволь спросить: Господа-то наши святки чтоль не русскія справляютъ?

Филутони. Это, тушинька, маскарадъ. Теперь сдѣсь карашо; пашоль плотка класть на пальшой алей.

Прохорычъ. Сейчасъ, лишь только здѣсь управятся. (Филутони уходятъ). Вотъ ужь сюда изъ галлерен и гости идутъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Богатовъ и Владиміръ (Прохорычъ и слуги остаются нѣсколько въ глубинѣ театри, потомъ уходятъ).

Богатовъ. Ну что, братецъ, говори.

Владиміръ. Постойте, чтобъ насъ кто не подслушалъ.

Богатовъ (осматривается кругомъ). Ну!

Владиміръ. Какое странное открытіе!

Богатовъ. Да говори, что такое?

Владиміръ. Вѣдь батюшка не ошибся: Зарѣцкій точно влюбленъ въ Оленьку.

Богатовъ. Такъ чтожъ? ему же хуже.

Владиміръ. Однакожъ онъ этого не думаетъ и увѣренъ, что Оленька также его любитъ!

Богатовъ. Неужели?

Владиміръ. Давича сестра говорила съ нимъ ласково, а онъ...

Богатовъ. Съ дуру-то и повѣрилъ, что ей нравится,—хорошъ мальчикъ!

Владиміръ. Да такъ повѣрилъ, что во время танцевъ предложилъ сестрѣ, пользуясь теперешней суматохой, ускакать съ нимъ въ деревню его теткн.

Богатовъ. Какъ!

Владиміръ. И сегодня-же тамъ обвѣнчаться.

Богатовъ. Обвѣнчаться? Ахъ, онъ разбойникъ!

Владиміръ. Сестра этимъ очень обидѣлась; но, чтобъ лучше наказать его за дерзость, скрыла свою досаду и просила меня сказать вамъ, что она согласна быть вашей женою, но только съ уговоромъ, чтобъ вы не мѣшали ей путемъ проучить этого Зарѣцкаго.

Богатовъ. Мѣшать? Помилуй, братецъ, да я готовъ ей помогать. Увозить мою невѣсту! — Погоди, голубчикъ, я тебя такъ пугну, что ты у меня и ногъ не унесешь.

Владиміръ. Предоставьте это сестрѣ: она нашла способъ отомстить ему презабавнымъ образомъ. Вы, я думаю, замѣтили, что на Оленькѣ и Сундуковой совершенно одинакіе венечаны и головные уборы.

Богагоновъ. Да, да! я самъ раза два ошибался.

Владиміръ. То-же самое случилось и съ Зарѣцкимъ. Сначала ему удалось сказать Оленькѣ только нѣсколько словъ; потомъ, желая съ ней хорошенько изъясниться, онъ попалъ на Сундукову. Бѣдная Марья Юдишна, услышавъ, что ее уговариваютъ бѣжать, до того обрадовалась, что, не отвѣчая ни слова, побѣжала отыскать сестру, рассказала ей все—и требовала совѣта Оленьки, увѣряя, что Зарѣцкій давно уже ее любитъ...

Богагоновъ. Понимаю, братецъ, понимаю! Сундукова повѣрила княжнѣ и рѣшилась дать тягу?...

Владиміръ. Точно такъ! Сестра шепнула мимоходомъ Зарѣцкому, что согласна на его предложеніе и велѣла ему дожидаться себя въ саду.

Богагоновъ. А пришлетъ вмѣсто себя Сундукову?...

Владиміръ. Разумѣется, Зарѣцкій ускачетъ съ ней къ своей теткѣ, а вы...

Богагоновъ. Понимаю, братецъ, понимаю! Ха, ха, ха!

Владиміръ. Лишь только они отправятся, сестра придетъ сюда и будетъ дожидаться въ этой бесѣдкѣ; вы сововете всѣхъ гостей...

Богагоновъ. Оленька выйдетъ, щить откроютъ—и пошла потѣха!... Эхъ, князь! да вотъ бѣда: вѣдь Зарѣцкій-то узнаетъ Сундукову по голосу.

Владиміръ. Не беспокойтесь: сестра увѣрила ее, что дѣвушка, которую увозятъ, должна непременно плакать, грустить и на всѣ вопросы отвѣчать одними вздохами.

Богагоновъ. Ха, ха, ха! Ну, милый, зарѣжемъ-же мы его.

Владиміръ. Вообразите его отчаяніе, когда онъ вмѣсто Оленьки увидитъ Марью Юдишну.

Богагоновъ. Воображаю, братецъ, воображаю!

Владиміръ. Теперь ступайте, да постарайтесь занять чѣмъ-нибудь Сундукова: я боюсь, чтобъ онъ прежде времени не хватился своей сестры и не надѣлалъ шуму.

Богагоновъ. Не бойся, я засажу его въ бостонъ по грошу, такъ онъ у меня съ мѣста не тронется. Про-

щай покудова. Ха, ха, ха! Экая будеть кутерьма! — ха, ха, ха! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Владимиръ (*одинъ*)

Смѣйся, голубчикъ, смѣйся! А сюда кто-то крадется! Марья Юдишна!... милости просимъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сундукова и Владимиръ.

Сундукова (*въ венеціанъ, на голову чертый токъ съ перьями, въ рукъ маска*). Князь! Князь!

Владимиръ. Тсъ—тише! Я здѣсь.

Сундукова. Вы хотѣли, чтобъ я пришла сюда съ вами поговорить.

Владимиръ. Да, сударыня.

Сундукова (*оглядываясь*). Ахъ, Боже мой!

Владимиръ. Чего-же вы испугались?

Сундукова. Я съ вами здѣсь одна.

Владимиръ. О, сударыня, вамъ нечего бояться.

Сундукова. Ахъ! князь, я трепещу!

Владимиръ. Не трепещите.

Сундукова. Но, сударь...

Владимиръ. Выслушайте меня. Иванъ Сидорычъ желаетъ, чтобъ помолвка ваша съ нимъ была сегодня.

Сундукова. Сегодня?

Владимиръ. Да, сегодня. А такъ какъ онъ намѣренъ сдѣлать это торжественнымъ образомъ и удивить нечаянностію всѣхъ своихъ гостей, то вамъ должно нѣсколько времени посидѣть въ этой бесѣдкѣ.

Сундукова. Къ чему это?

Владимиръ. Это нашъ секретъ. Войдите въ нее поскорѣе, и когда васъ позовутъ, то выходите въ маскѣ.

Сундукова. Да я хотѣла-бы знать...

Владимиръ. Узнаете все послѣ; ступайте. (*Вводитъ*)

ее въ бесѣдку). Хорошо, этотъ постъ занять. Да что нейдутъ мои любовники?...

Сундукова (*выходитъ изъ бесѣдки*). Князь! Князь!

Владиміръ. Что, сударыня?

Сундукова. Я боюсь такъ сидѣть въ потѣмкахъ: мнѣ все мерещится.

Владиміръ. И, Марья Юдишна! вы черезчуръ ужъ пугливы: всякаго вздору боитесь. Ступайте, ступайте! (*Вводитъ ее въ бесѣдку*). Экая неугомонная! Да что нейдѣтъ Зарѣцкій?

Сундукова (*растворивъ дверь бесѣдки*). Князь! а князь!

Владиміръ. Опять?...

Сундукова. Тамъ что-то въ углу шевелится.

Владиміръ. Послушайте, если вы не усядетесь на одномъ мѣстѣ, такъ я отъ васъ совсѣмъ отступлюсь.

Сундукова. Ну, ну, не сердитесь, князь, не сердитесь! Я не выйду больше. (*Затворяетъ дверь*).

Владиміръ. А вотъ кажется и они.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Зарѣцкій, Владиміръ и Оленька (*въ такомъ-же нарядѣ, какъ и Сундукова*).

Владиміръ (*идя къ нимъ навстрѣчу*). Какъ вы долго не шли: я начиналъ уже терять терпѣніе.

Зарѣцкій. Я едва могъ убѣдить Оленьку согласиться на мое благополучіе.

Владиміръ. Отправляйтесь-же скорѣй, — минуты дороги.

Зарѣцкій. Я сейчасъ посмотрю, гдѣ моя коляска. (*Уходитъ*).

Оленька. Ахъ, братецъ! я чувствую, что поступаю очень дурно.

Владиміръ. Пустое, та воешь! ты выходишь за того, кого любишь — ну что тутъ дурного?

Оленька. Но батюшка...

Владиміръ. Не безпокойся, онъ сегодня же съ вами помирится; я за это тебѣ ручаюсь.

Зарѣцкій. *(вбѣгая, къ Владимиру)*. Вообрази, какая досада! коляска моя еще не прѣехала.

Владимиръ. Неужели?

Зарѣцкій. Я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать?

Владимиръ. Постойте! Мнѣ кажется... точно!... вотъ идетъ человекъ, который выкупить насъ изъ бѣды.

Зарѣцкій. Богатовъ!...

Владимиръ. Тсъ! станьте къ сторонѣ и молчите.
(Зарѣцкій и Оленька надѣваютъ маски).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Богатовъ. Князь.

Владимиръ. Не шумите!

Богатовъ. Я не могъ вытерпѣть, — прибѣжалъ опять; что у тебя дѣлается?

Владимиръ. Тсъ, тише! не перепугайте нашихъ любовниковъ.

Богатовъ. Какъ! это они?

Владимиръ. Они.

Богатовъ. Ха, ха, ха! не бойтесь, нѣжные голубки, я вамъ не помѣшаю!... Ха, ха, ха!

Владимиръ. Иванъ Сидорычъ, да вѣдь дѣло-то худо; имъ не на чемъ ускакать, коляска Зарѣцкаго не прѣехала.

Богатовъ. Что ты говоришь?

Владимиръ. Одна минута — и все можетъ открыться.

Богатовъ. Какъ-же быть-то?

Владимиръ. Послушайте, вы ведѣли запречь парныя дрожки и отвезти въ городъ Филутони: онѣ стоятъ здѣсь возлѣ садовой калитки; я назову ихъ своими.

Богатовъ. Въ самомъ дѣлѣ! Ступай, посади ихъ; да скажи Ванькѣ моимъ именемъ, чтобъ онъ гналъ и въ хвостъ и въ голову... Или нѣтъ, погоди! я самъ прикажу.
(Уходитъ).

Владимиръ *(подходитъ къ Зарѣцкому)*. Не хлопчите, у васъ будетъ сейчасъ экипажъ.

Зарѣцкій. Я не понимаю, какимъ образомъ ты умѣлъ сдѣлать, что самъ Богатовъ намъ помогаетъ.

Владимиръ. Теперь некогда рассказывать, — узнаете

послѣ, и вмѣстѣ со мною нахохочетесь до сыта. Но вотъ и онъ. (*Идя навстрѣчу Богатонову*). Ну, что?

Богатовъ. Вѣдь ихъ, братецъ, Ванька качнеть такъ, что они не успѣютъ опомниться.

Владимиръ. Станьте-же за дерево, — вотъ такъ. (*Подходитъ къ Зарѣцкому*). Пойдемте. (*Уходитъ вмѣстѣ съ ними*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Богатовъ и потомъ Владимиръ.

Богатовъ (*глядя вслѣдъ за ними*). Отправились. Ха, ха, ха! Ай да Оленька, сыграла же она съ нимъ шуточку;—миѣ бы этого вѣкъ не выдумать!—Чу! поскакали!—Счастливаго пути!—Ха, ха, ха! (*Владимиръ входитъ*). Что, милый, чай, Зарѣцкій въ восхищеніи?

Владимиръ. Какъ же! если бы вы видѣли, какъ онъ цѣловалъ у ней руку.

Богатовъ. Ха, ха, ха!—Ахъ, батюшки! какъ подумаешь, какъ можно человека дурачить!

Владимиръ. И, сударь! кого не обмануть женщины!

Богатовъ. Ну, не говори, братецъ, не всякаго: меня бы этакъ не поддѣли.

Владимиръ. Васъ, васъ!... Да много-ли такихъ людей, какъ вы, Иванъ Сидорычъ?

Богатовъ. Правда, любезный, правда! Да ужъ у меня такая натура: смѣтливъ,—насквозь вижу. Ну, князь, теперь пора приниматься за нашъ сюрпризъ.—Гдѣ княжна?

Владимиръ. Вотъ здѣсь, въ этой бесѣдкѣ.

Богатовъ. Какъ! ужъ здѣсь? Такъ постой-же, я пойду къ ней...

Владимиръ. Нѣтъ, погодите; надобно прежде все приготовить: созвать гостей, и тогда ужъ...

Богатовъ. Хорошо, хорошо!—Эй! ктонибудь.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ-же и Прохорычъ.

Богатовъ. Тебя-то я надобно. — Чтобъ шампанское было готово—слышишь-ли?

Прохорычъ. Слушаю, сударь.

Богатовъ. Вели просить всѣхъ гостей сюда;— да кликни людей: двухъ поставь позади щита, и лишь князь махнетъ, чтобы мигомъ его открыли—понимаешь?

Прохорычъ. Понимаю, сударь.

Богатовъ. А ты въ ту же самую минуту и начнай подавать шампанское.

Прохорычъ. Слушаю, сударь.

Богатовъ. Ступай. (*Прохорычъ уходитъ*). Теперь, кажется, все пойдет своимъ порядкомъ. Только я не могу вспомнить о Зарѣцкомъ! Онъ разсмотреть, какую подѣлалъ мамзель, — заблѣнится, прискачетъ опять сюда, — а ему поднесутъ шампанскаго! Ха, ха, ха!

Владимиръ. Правда, это будетъ очень забавно.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ-же и князь.

Князь. А! вы здѣсь. — Скажите, не знаете-ли, куда дѣвалась Оленька?

Богатовъ. Оленька? (*Тихо Владимиру*). Пострашаемъ его.

Князь. Я нигдѣ не могъ ее найти.

Богатовъ. Да и не найдешь, мой другъ.

Князь. Какъ не найду?

Богатовъ. Не пугайся, мой милый; будь твердъ: что сдѣлано, того не воротить.

Князь. Да что такое?

Богатовъ. Такъ, ничего, бездѣлица: Оленька убѣжала съ Зарѣцкимъ.

Князь. Съ Зарѣцкимъ? Быть не можетъ.

Богатовъ. Какъ нѣтъ, братецъ? Я самъ ихъ проводилъ изъ саду.

Князь. Самъ? Иванъ Сидорычъ, это дурная шутка.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Ладушкинъ.

Ладушкинъ. Ахъ! батюшки свѣты! какая оказія!

Богатовъ. Что ты? Что ты?

Ладушкинъ. Бѣда, сударь! Ея сѣятельство княжна...

Князь. Дочь моя?...

Ладушкинъ. Изволила неизвѣстно куда ускакать съ господиномъ Зарѣцкимъ.

Князь. Какъ! неужели въ самомъ дѣлѣ?

Богатовъ. Почему ты это знаешь?

Ладушкинъ. Они повѣхали отсюда на вашихъ дрожкахъ; за околицей попалась имъ коляска господина Зарѣцкаго; онъ пересѣлъ въ нее съ княжною и сказалъ Ванькѣ: «Кланяйся своему барину и скажи, дескать, ему, что я и княжна благодаримъ его за лошадей».

Богатовъ (*тихо Владиміру*). Слышишь, братецъ? Княжна! ха, ха, ха! Что еслибы онъ съ горяча-то на ней обвѣнчался.

Владиміръ. Чего добраго.

Князь. Ахъ, Боже мой! Такъ это ужъ не шутка? Владиміръ! лошадей, скорѣи лошадей. (*Владиміръ хочетъ идти*).

Богатовъ. Постой, постой! Куда?

Князь. Злодѣйка! ожидаль-ли я. (*Хочетъ бѣжать самъ*).

Богатовъ (*останавливая его*). И, милый, оставь ихъ! Пускай себѣ вѣнчаются.

Князь. Какъ! чтобъ я позволилъ...

Богатовъ. Да гдѣ ихъ догнать: они ужъ, чай, далеко.

Князь. Нѣтъ, нѣтъ! надобно сейчасъ скакать за ними. Эй, человекъ! человекъ!—люди! (*Нѣсколько слугъ вбѣгаютъ*). Скажи кучерамъ, чтобъ сейчасъ заложили мою коляску, — проворнѣй, проворнѣй!...

Богатовъ. Пстой! А отъ меня скажите въ конюшнѣ, чтобъ князю не давали ни одной лошади—слышите? (*Служи уходятъ*).

Князь. Нѣтъ, это ни на что не походить! Г. Богатовъ!...

Богатовъ. Ха, ха, ха, какъ онъ горячится!

Владимиръ (*тихо князю*). Батюшка, онъ, кажется, насъ дурачить.

Князь. И вы еще смѣтаетесь.

Богатовъ. Не сердись, любезный, опять закашляешься.

Князь. Государь мой...

Богатовъ. Ну полно, не хлопочи! Оленька найдется: дай только мнѣ сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

Князь. Какой сюрпризъ?

Богатовъ. Сейчасъ увидишь... но тише, сюда идутъ.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, Сундуковъ, Мирославскій, 1-я гостья, 2-я гостья, 1-й гость, 2-й гость, Филутони и прочіе гости (*большая часть въ маскаранныхъ платьяхъ*).

Богатовъ. Сюда, сюда! милости просимъ. (*Тихо Владимиру*). Князь! взгляни, все-ли готово.

1-я гостья. Что у васъ здѣсь будетъ, Иванъ Сидорычъ?

Богатовъ. Сейчасъ, сударыня! сейчасъ! Да всѣ-ли здѣсь?

1-й гость. Кажется, что всѣ.

Богатовъ (*Владимиру, который къ нему подходитъ*). Что, князь?

Владимиръ. Все готово.

Богатовъ. Любезные и дорогіе мои гости! я хочу вамъ дать сюрпризъ.

2-й гость. Въ самомъ дѣлѣ?

Богатовъ. Напримѣръ, думали-ли вы быть сегодня на сговорѣ?

2-я гостья. На сговорѣ!

Сундуковъ (*въ сторону*). А, понимаю!

2-я гостья. Да кто-жь женится?
Богатовъ. Кто?... Я!... *(Всѣ показывают удивленіе. Богатовъ отворяетъ дверь въ бесѣдку). Пожалуйте сюда. (Сундукова входитъ въ маску).*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И СУНДУКОВА.

Богатовъ. И вотъ моя невѣста, рекомендую!—Согласны-ли вы, сударыня?

Сундукова *(снимая маску)*. Я согласна! *(Въ эту самую минуту Владиміръ даетъ знакъ: щитъ открываютъ и Прохорычъ показывается изъ-за кулисъ съ слугою, который несетъ на подносье рюмки).*

Богатовъ *(съ ужасомъ)*. Что это?...

Князь. Сундукова!

1-я гостья. Марья Юдишна!

Сундуковъ. Ну, двѣсти душъ мои!...

2-я гостья. Какъ я рада! Поздравляю васъ, матушка.

1-я гостья. Поздравляю!... *(Всѣ дамы подходятъ и целуютъ Сундукову).*

Богатовъ *(вполголоса)*. Князь!...

Владиміръ *(также)*. Ну, Иванъ Сидорычъ! сестра провела насъ обоихъ!

Богатовъ. Такъ поэтому...

Владиміръ. Она ускакала съ Зарѣцкимъ.

Богатовъ. И на моихъ лошадяхъ!... Злодѣйка!

1-й гость. Посмотрите, посмотрите! какой щитъ: Иванъ и Марья.

2-й гость. Точно, точно!—Иванъ и Марья, прекрасно!

Богатовъ. Какъ! Князь, помилуй!...

Владиміръ. Молчите... ошибка.

Князь. Одно слово, Иванъ Сидорычъ. Такъ вотъ сюрпризъ, который вы отъ меня скрывали?

Богатовъ. Послушай...

Князь. Не безпокойтесь, я не требую никакого объясненія; да кажется оно и не нужно: вы женитесь на Сундуковой, а я ѣду къ Зарѣцкому.

Богатовъ. Какъ, князь!...

Князь. Да, сударь! — и если они еще не обвѣнчались, обвѣнчаются завтра.—Прощайте! (*Идетъ къ Сундуковой*).

Владимиръ. Прощайте, Иванъ Сидорычъ!—Чтожь дѣлать? Несчастье!

Князь (*Сундуковой*). Желаю, сударыня, чтобъ вы были счастливы—и я радъ!... очень радъ!... отъменно радъ!... (*Задыхаясь отъ досады*). Я... я... слуга покорный!—Владимиръ! (*Уходитъ съ Владимиромъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДАТАЕ.

Тѣ-же, безъ князя и Владимира.

1-я гостья. Что это съ княземъ сдѣлалось?

Сундукова. Ахъ, милая! онъ мнѣ очень жалокъ! Боже мой! сколько несчастныхъ надѣлаетъ моя свадьба!

Прохорычъ (*подходитъ къ Богатонову и говоритъ сполноса*). Прикажете подавать шампанское?

Богатовъ. Убирайся къ чорту!

1-й гость. Позвольте мнѣ, Иванъ Сидорычъ, обнять и поздравить васъ.

2-й гость. Позвольте и мнѣ...

Богатовъ. Не беспокойтесь, не беспокойтесь!—Что мнѣ дѣлать?

Сундуковъ. Свидѣтелей много—тѣмъ лучше!—Милостивые государи! прошу прислушать: сестра моя въ тѣхъ уже лѣтахъ, что можетъ располагать сама собою; но я, желая выполнить мой долгъ и остаться съ чистой совѣстію, объявляю вамъ, что я на сей бракъ не согласенъ.

Богатовъ (*въ сторону*). Не согласенъ? хорошо.

1-й гость. Что это значить?

2-й гость. Неужели?...

Сундуковъ. Я имѣю на это свои причины.

Богатовъ. Слышите, Марья Юдишна?—Такъ по этому наша свадьба не состоялась?

Сундукова. Какъ, сударь?..!

Богатовъ. Чтобъ я сталъ ссориться съ почтеннымъ моимъ сосѣдомъ.

Сундуковъ. И, сударь, да кто вамъ говоритъ, что

мы поссоримся? Я только не соглашаюсь, а вы себя вничайтесь съ Богомъ.

Богатовъ. Нѣтъ, нѣтъ! дѣло кончено. — Ты не соглашаешься, такъ свадьбы не бывать.

Сундукова. Братецъ!...

1-й гость. Что вы, Степанъ Юдичъ, помилуйте!

2-я гостыя, Такая выгодная партія.

Сундукова (*тихо*), Послушай, братецъ, если ты согласишься, завтра-же укрѣплю все мое имѣніе.

Сундуковъ. Право!... Смотри-же, сестра. (*Говоритъ съ ней тихо*).

Богатовъ. Ахти бѣда! уговорятъ его злодѣи!

Сундуковъ. Ну, когда уже меня всѣ просятъ, такъ дѣлать нечего я согласенъ.

Богатовъ. Ну, такъ и есть!

Сундукова. Когда-же у насъ свадьба?...

Богатовъ. Ба, ба, ба! да они въ самомъ дѣлѣ хотѣть меня женить.

Сундуковъ. Свадьбу можно назначить черезъ недѣлю; какъ вы думаете, Иванъ Сидорычъ?

Богатовъ. Я, думаю, что... мнѣ кажется... конечно... впрочемъ... чортъ возьми! я не хочу жениться!

Сундуковъ. Какъ!

Богатовъ. Да, такъ, не хочу.

Сундуковъ. Почему-же?

Богатовъ. Потому... потому... что не хочу, да и все тутъ.

Сундукова. Что это значить?

Богатовъ. Вы, матушка, дѣвица почтенная, достойная, но прошу не погнѣваться, я раздумалъ жениться.

Сундукова. Какъ! такъ это была шутка?

Богатовъ. Ну да, сударыня, маскарадная шутка.

Сундуковъ. Нѣтъ, сударь мой, этакъ не шутать...

1-я гостыя. Она можетъ имѣть непріятныя послѣдствія.

Сундуковъ. Да, сударь! и если вы не женитесь на моей сестрѣ...

Богатовъ. Да что вы пристали, въ самомъ дѣлѣ; я ужъ сказалъ, что не хочу жениться—слышите-ли, не хочу!

Сундукова. Злодѣи!... Ахъ! я не переживу этого! (*Блжтитъ возг*). Карпушка! линею!

Сундуковъ. Нѣтъ, сударь, вы этакъ отъ меня не отыграетесь: я потребую отъ васъ отчета.

Богатовъ. Что, что!

Сундуковъ. Я человекъ благородный и не позволю шутить надъ моей сестрой.

Богатовъ (*въ сторону*). Ай, ай, ай! ужь не дуэль-ли?

Сундуковъ. Мы съ вами раздѣляемся!

Богатовъ. Что ты, братецъ, что ты? уголовщину чють затѣваешь.

Сундуковъ. Перейдетъ, сударь, и въ уголовную; а теперь подамъ на васъ въ надворный судъ.

Богатовъ. Въ судъ? Подавай!

Сундуковъ. Да, сударь, и мы увидимъ, позволено-ли шутить честью благородной дѣвицы. (*Уходитъ*).

1-я гостя. Кажется, и намъ здѣсь дѣлать нечего. Прощайте, Иванъ Сидорычъ! Прекрасный сюрпризъ! Ха, ха, ха! (*Уходитъ*).

2-я гостя. Счастливо оставаться, Иванъ Сидорычъ! Благодаримъ за угощеніе. Славный сюрпризъ! ха, ха, ха! (*Уходитъ*).

1-й гость. До свиданія, Иванъ Сидорычъ! Что за щить! удивительно! Ха, ха, ха! (*Уходитъ*).

2-й гость. Добраго здорovia, Иванъ Сидорычъ! Ну ужь важный задали вы праздникъ. Ха, ха, ха! (*Уходитъ*).

(*Прочіе гости уходятъ и также говорятъ*): Прощайте, Иванъ Сидорычъ! (*И смѣются*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Богатовъ и Мирославскій.

Богатовъ. Проваль-бы васъ взялъ, проклятые на-смѣшники!

Мирославскій. Поздравляю тебя, мой другъ!

Богатовъ. Какъ, братецъ! и ты...

Мирославскій. Да, мой другъ; я вижу, княжна тебя обманула и отъ всего сердца тебя поздравляю. Лучше быть въ дуракахъ прежде, чѣмъ послѣ свадьбы.

Богатовъ. Я до сихъ поръ не могу образумиться. Ну, ужь нечего сказать, задавъ я сюрпризъ самому себѣ!

И как подвернулась эта проклятая Сувдукова? Отчего этот щить?...

Филутони (*подавая Богатонову бумагу*). Monsieur, уютно смотреть щить?

Богатоновъ. Счетъ? Ахъ, ты заморская чучела! И ты еще смѣешь говорить о счетѣ.

Филутони. Что такой?

Богатоновъ. Что у тебя на щить-то сыло написано—а?

Филутони. Mais, monsieur! вотъ рисунка.

Богатоновъ. Какъ! и ты получилъ его отъ князя?

Филутони. Да, monsieur, онъ кафарилъ, что кати фамъ дѣлать сюрпризъ.

Богатоновъ. Сюрпризъ?... мнѣ?... Ахъ, онъ злодѣй! Теперь я все понимаю. Ну, хороши-же у князя дѣтки: сынъ дурачилъ и его и меня; дочка ускакала съ Зарѣцкимъ...

Мирславскій. Да и чему быть путному: князь, воспитывая по своей методѣ сына, сдѣлалъ изъ него сущаго негодая, а дочь, которая была имъ брошена съ ребячества и выросла на чужихъ рукахъ, можетъ-ли имѣть любовь и довѣренность къ отцу, котораго почти не знаетъ.

Богатоновъ. Эхъ, братецъ! Князю-то подѣломъ, да я-то за что въ дураки попался.

Мирславскій. А ты за то, что вздумалъ жениться подъ старость на молодой дѣвушкѣ.

Богатоновъ. Куда я теперь покажусь? всѣ станутъ на меня пальцами показывать. Чортъ дернулъ меня дать этотъ праздникъ, маскарадъ, иллюминацію!... Эй! ступайте сюда! гасите фонари! тушите плошки! Да щить-то проклятый, щить съ глазъ долой!

Мирславскій. Полно, братецъ, пойдемъ-ка лучше спать: утро вечера мудренѣе. Повѣрь мнѣ, какъ образумишься, такъ можетъ быть будешь самъ благодарить Бога, что тебѣ удалось въ самомъ дѣлѣ сдѣлать сюрпризъ не другимъ, а самому себѣ.

КОНЕЦЪ.

...
 ...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...
 ...

УРОКЪ ХОЛОСТЫМЪ

ИЛИ

НАСЛѢДНИКИ.

КОМЕДИЯ ВЪ СТИХАХЪ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Представлена въ первый разъ въ Императорскомъ Московскомъ театрѣ,
мая 4 дня 1822 года.

Его Сіятельству

КНЯЗЮ

ДМИТРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ.

1880

1881

1882

1883

Позвольте мнѣ, посвящая вамъ первую мою комедію въ стихахъ, забыть на нѣсколько минутъ военныя заслуги и достоинства, возведшія васъ на степень градоначальника древней столицы русской, довѣренность Монарха, признательный гласъ цѣлаго общества и любовь подчиненныхъ: вотъ одно, что можетъ быть достойной ихъ наградою. Принося сей даръ не вельможѣ, но истинному любителю отечественной словесности, всегда готовому покровительствовать тѣмъ, кои занимаются ею, я жалью только объ одномъ, что не могу украсить симъ почетнымъ именемъ произведенія болѣе достойнаго вниманія вашего и одобренія просвѣщенной публики.

Михаилъ Загоскинъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-нъ Звонкинъ *Г-нъ Зубовъ.*
Г-жа Звонкина *Г-жа Лисицына.*
Любимъ, сынъ ихъ *Г. Обуровъ.*
Лиза, дальняя родственница Звонкиной *Г-жа Рѣпина и.*
Г. Турусинъ, двоюродный братъ Звонкина *Г. Воеводинъ.*
Г. Здравосудовъ, дядя Звонкина и Турусина *Г. Ширлеевъ.*
Иванъ, слуга Звонкина *Г. Капылеевъ.*
Маша, дочь Турусина, 8-ми лѣтъ.
Пятеро дѣтей Турусина отъ 9-ти до 14-ти лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Звонкина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляет гостиную комнату; столъ, нѣсколько стульевъ, вольтеровское кресло, на столѣ колокольчикъ).

Л и з а и Лю б и м ѣ.

Лю б и м ѣ.

Да, Лиза милая, надѣяться намъ можно.

Л и з а.

Мнѣ даже и мечтать о счастьи не должно!
Зачѣмъ, Любимъ, зачѣмъ обманывать меня?
Къ родителямъ своимъ почтеніе храня,
Обязанъ ты забыть,—ихъ волю исполняя,—
Меня... любовь свою... и можетъ быть... другая...

Лю б и м ѣ.

Чтобъ я забылъ тебя? Чтобъ съ сердцемъ ледянымъ,
Съ холодною душой смотрѣлъ, какъ ты съ другимъ
Пойдешь къ вѣнцу? Чтобъ я навѣкъ съ тобой простился?...

Л и з а.

Что, если-бы за насъ хоть дѣдушка вступился!

Лю б и м ѣ.

О, вѣрно вступится.

Л и з а.

Но какъ? Его здѣсь нѣтъ.

Лю б и м ѣ.

Онъ знаетъ все.

Л и з а.

Такъ ты писалъ? Ну, чтожь отвѣтъ?

Лю б и м ь.

Отвѣта жду давно съ большимъ я нетерпѣньемъ.
Я знаю,—дѣдушка съ душевнымъ огорченьемъ
Читалъ мое письмо.—Ты спросишь, отчего?
Возьми, прочти сама—вотъ копія съ него.

Л и з а (*читаетъ*).

«Любезный дѣдушка! вы одни можете спасти Лизу, а вмѣстѣ съ ней и вашего Любима. Вы знаете—она сирота, дальняя родственница моей матушки. Мы любимъ другъ друга; но батюшка съ матушкой не хотятъ и слышать объ этомъ; а что всего ужаснѣе—ее принуждаютъ выйти замужъ за моего двоюроднаго дядюшку, г-на Турусина, который втрое ея старѣе. Сколько разъ вы говорили при мнѣ, что Лиза милая дѣвушка и составить счастье того, кому отдастъ свою руку. Любезный дѣдушка! я не смѣю просить васъ пріѣхать къ намъ въ Москву,—по крайней мѣрѣ вступитесь за насъ—напишите къ батюшкѣ. Если вы этого не сдѣлаете, то я умру отъ отчаянія».

Лю б и м ь.

Не правда-ли, что онъ хотя изъ сожалѣнья
Къ тебѣ поможетъ намъ?

Л и з а.

О, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Лишь только-бы письмо твое онъ прочиталъ;
Но я боюсь, что онъ... Давно-ли ты писалъ?

Лю б и м ь.

Отвѣтъ ужь получить мнѣ должно-бы съ недѣлю.

Л и з а.

Ну, если боленъ онъ и слегъ опять въ постелю?

Лю б и м ь.

А я такъ думаю, скорѣй ждать должно намъ,
Что дѣдушка сюда на-дняхъ пріѣдетъ самъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Т в - ж е и З в о н к и н а .

З в о н к и н а .

Что вижу я? опять негодные вы вмѣстѣ!
Пристало-ли тебѣ, помолвленной невѣстѣ,
Забывши мой приказъ, съ нимъ быть наединѣ?
Нѣтъ, свѣтикъ мой! вѣдь я живу по старинѣ
И вольностей такихъ терпѣть никакъ не буду.

Л ю б и м ь .

Но мы...

З в о н к и н а .

Прошу молчать! Я вѣкъ не позабуду,
Что эта дѣвочка свела тебя съ ума.

Л и з а .

Ахъ, тетушка!...

З в о н к и н а .

Ну, да! я знаю и сама,
Что какъ-то мы родня по дядюшкѣ Пламенѣ,
Что тетка я тебѣ въ двѣнадцатомъ колѣнѣ
И что изъ милости даю лишь уголокъ.

Л и з а .

Конечно, я бѣдна, но бѣдность не порокъ.

З в о н к и н а .

А чтожъ, сударыня, чай, скажешь, добродѣтель.
Покойный твой отецъ, всемірный благодѣтель—
А нищій самъ, какъ ты, точь въ точь-же рассуждалъ,
Престрогій былъ судья и взятокъ онъ не бралъ.
Тотъ домикъ выстроилъ, другой купилъ деревню,
А онъ примехонько попалъ-бы въ богадѣльню.

Л ю б и м ь .

Честнѣйшій человѣкъ!

З в о н к и н а .

Скажи, сударь, гордецъ:
Хотѣлъ быть всѣхъ умнѣй! Чтожъ вышло наконецъ?
Да что и говорить! онъ былъ совсѣмъ безъ правилъ.
Служилъ въ палатѣ вѣкъ,—а дочь съ сумой оставилъ.

Любимъ.

Все такъ, однакожъ овъ...

Звонкина.

Ну полно врать—молчи!

Пошли ко мнѣ отца: а ты достань ключи
Отъ сахару—они въ столѣ;—отдай ихъ Дунькѣ;
Да у меня смотри! прошу ходить по стрункѣ.
Ступай!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Звонкина *(одна)*.

Нѣтъ, надобно разстаться намъ скорѣй,
Къ чему откладывать?—Пора ужъ быть умнѣй;
Мнѣ кажется, и такъ терпѣла я не мало,
Ждать больше не хочу;—да, да, во что-бъ ни стало,
Все дѣло приведу сегодня я къ концу.
И плачь она, иль нѣтъ,—а завтра-же къ вѣнцу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Звонкинъ и Звонкина.

Звонкинъ.

Здорово, ангель мой! Ты нынче рано встала.

Звонкина.

Я что-то, Ваничка, всю ночь не засыпала.
А ты, мой милый другъ, какъ чувствуешь себя?

Звонкинъ.

Изрядно, Катенька!—А,—глядя на тебя,
Подумаетъ иной... Да что съ тобой случилось?
Ты такъ красна, мой другъ...

Звонкина.

Я очень разсердилась!

Представь, моя душа! сейчасъ былъ здѣсь Любимъ;
И какъ ты думаешь, кого нашла я съ нимъ?

Звонкинъ.

Неужь-то Лизаньку?

Звонкина.

Ее.—Дѣвчонка эта,
Которая у насъ накормлена, одѣта,
Живеть десятый годъ,—Богъ знаетъ почему,
Рѣшилась голову совсѣмъ вскружить ему.
Нѣтъ!—долженъ завтра-же твой братъ на ней жениться.

Звонкинъ.

А если быть за нимъ она не согласится?

Звонкина.

Тогда... весь этотъ вздоръ окончить мнѣ пора,—
Тогда, безъ дальнихъ словъ—сгоню ее съ двора.

Звонкинъ.

Помилуй, да она...

Звонкина.

Должна повиноваться:

Я этого хочу.

Звонкинъ.

А надобно признаться,—

Не кстати братецъ мой жениться захотѣлъ.

Звонкина.

Не кстати?—Почему?

Звонкинъ.

Онъ слишкомъ устарѣлъ.

Звонкина.

Да развѣ срокъ кому для этого назначенъ?
Какіе пустяки!

Звонкинъ.

Собой не очень взраченъ.

Звонкина.

За то богатъ.

Звонкинъ.

Вдовецъ.

Звонкина.

Такъ чтожъ?

Звонкинъ.

И дѣти есть.

Звонкина.

Какъ будто много ихъ—всего то на все шесть.

Звонкинъ.

Да стоятъ двадцати. Кричи, хотъ какъ изволишь...

Звонкина.

Что это, ангель мой?—мнѣ кажется, ты споришь?

Звонкинъ (*устулавшись*).

О нѣтъ, моя душа, я тотчасъ уступлю.

Звонкина.

Ну то-то, ангель мой, я споровъ не терплю.
А ты всегда готовъ о всякомъ спорить вдорѣ,—
Не стыдно-ли тебѣ!—Твой братъ въ ужасномъ горѣ,
Влюбленъ, не ѣсть почти, не пьетъ ужъ ничего!
Иссохъ какъ спичка весь,—и ты-жъ противъ него.

Звонкинъ.

Эхъ, нѣтъ! да Лиза-то съ нимъ будетъ несчастлива.
Наружность у него отмѣнно некрасива,
Онъ часто боленъ, старъ, ужасно прахотливъ.

Звонкина.

Лишь былъ-бы только онъ съ женой своей счастливъ.

Звонкинъ.

Однакожъ и о ней подумать также должно.

Звонкина.

Да къ мужу всякому, мой другъ, привыкнуть можно—
Я знаю по себѣ. А кстати вотъ и онъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же и Турусинъ.

Турусинъ.

Желаю здравія!

Звонкинъ.

Здорово, селадонъ!
Что скажешь новаго? Чай, все въ тоскѣ, въ кручинѣ?

Звонкина.

Ну, милый мой, куда легокъ ты на поминѣ.
Сейчасъ лишь о тебѣ у насъ былъ съ мужемъ споръ.

Турусинъ.

Осмѣлюсь-ли спросить, за что?

Звонкина.

Да такъ, за вздоръ.
Со мной онъ не хотѣлъ сначала согласиться,
Что завтра-жъ долженъ ты на Лизанькѣ жениться;
А мнѣ такъ кажется и лучше и вѣрнѣй
Окончить это все какъ можно поскорѣй.

Турусинъ.

Согласенъ съ вами я, дѣйствительно вы правы;
Однакожъ, хоть ждать мнѣ вовсе нѣтъ забавы,—
На время отложить придется свадьбу вамъ.

Звонкина.

Помилуй, для чего?

Турусинъ.

Извѣстно уже вамъ.
Что въ каждый свой приѣздъ и лѣтомъ, и зимою
Нашъ дядюшка въ Москвѣ живетъ всегда со мною;
Ко мнѣ-же вѣсть дошла, что ѣдетъ онъ сюда.

Звонкинъ.

Сюда? зачѣмъ?

Звонкина.

Къ чему? въ его-ли ужъ годы.
Забывши докторовъ совѣты и угрозы,
Таскаться по зимамъ въ крещенскіе морозы?

Звонкинъ.

Затѣмъ, чтобы въ Москвѣ обрыскать всѣ дома.

Звонкина.

Да онъ, повѣрьте мнѣ, ужъ выжилъ изъ ума.

Т у р у с и н ь.

Я слышалъ, что на дняхъ онъ будетъ непременно.

З в о н к и н ь.

А что, любезный мой, сказать-ли откровенно:
Мнѣ кажется, могу побиться объ закладъ,
Что гостю этому не слишкомъ будешь радъ.

Т у р у с и н ь.

Не радъ, да будь готовъ; а вправду-то признаться—
Я такъ его люблю, что вѣкъ-бы не видаться.

З в о н к и н а.

Рѣшиться можно-бы на это безъ труда.

З в о н к и н ь.

Да полно—правда-ли, что ѣдетъ онъ сюда?
Давно-ли, кажется, онъ былъ опасно боленъ.

Т у р у с и н ь.

Совсѣмъ ужъ умиралъ,—и докторъ былъ уволенъ.

З в о н к и н а.

Вотъ то-то и бѣда; онъ вѣрно-бы не всталъ,
Когда-бъ по прежнему лѣчиться продолжалъ.

Т у р у с и н ь.

И, нѣтъ! лишь даромъ всё лѣкарства растеряютъ;
Его и доктора никакъ не доконаютъ;
Теперь, увидите, лѣтъ на сорокъ пойдетъ:
Не только насъ однихъ, внучатъ переживетъ.

З в о н к и н а.

И долженъ пережить. Мы горе испытали:
Съ семьей, съ дѣтьми,—подъ-часъ изсохнемъ отъ печали;
Ему-жъ, скажите мнѣ, крушиться отчего?
Живетъ себѣ одинъ, не любитъ никого,
Привязанность къ роднымъ считаетъ за пустое...

Т у р у с и н ь.

Да есть-ли у него хоть что-нибудь святое?
Онъ суцій эгоистъ.

З в о н к и н а.

Ханжа.

Т у р у с и н ъ.

Злословь!

З в о н к и н а.

Скупець!

Безъ чувства...

Т у р у с и н ъ.

З в о н к и н а.

Безъ души...

Т у р у с и н ъ.

И только, наконецъ,

Одно могу сказать къ нему изъ состраданья,
Что онъ пустой старикъ, не стоющій вниманья.

З в о н к и н ъ.

Да стоять, или нѣтъ, какъ хочешь разсуждай,
А дѣлать нечего,—хоть плачь, да угождай.

З в о н к и н а.

Чтобъ стала угождать я этому уроду?
Да еслибъ не имѣлъ ста тысячъ онъ доходу,
И не было-бъ у насъ съ тобой кой-что въ виду...

Т у р у с и н ъ.

Когда-бъ наслѣдникомъ я не былъ на бѣду,
Давно-бы съ дядюшкой почтеннымъ ужъ разстался.

З в о н к и н а.

Визита-бы отъ насъ тогда онъ не дождался.

Т у р у с и н ъ.

Тогда-бы не пустилъ его на полъ-двора.

З в о н к и н а.

Нѣтъ, гнаться передъ нимъ я слишкомъ ужъ стара;
Я-жъ лести не терплю, а подлость ненавижу;
И если чванства въ немъ хоть крошечку увижу—
Посмотрите тогда, какъ съ нимъ я обойдусь.

Т у р у с и н ъ.

Да я, невѣстушка, и самъ не очень гнусь!
Онъ будь со мной на старости и тѣмъ доволенъ,
Когда зайду узнать здоровъ-ли онъ, иль боленъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же и Иванъ (запыхавшись).

Иванъ.

Сударыня!

Звонкина.

Ну что?

Звонкинъ.

Зачѣмъ пришелъ, Иванъ?

Иванъ.

Позвольте отдохнуть!

Звонкина.

Смотри, какой болванъ!

Пришелъ къ намъ отдыхать!—Да что ты запыхался?

Иванъ.

Бѣжалъ, сударыня!... Со мною повстрѣчался
Отсюда въ полверстѣ... насилу обогналъ!

Звонкина.

Кого?

Иванъ.

Слуга его Антипка мнѣ сказала,
Что въѣдетъ онъ сюда, и хочетъ здѣсь остаться.

Звонкинъ.

Да кто?

Иванъ.

Вашъ дядюшка.

Турусинъ.

Сюда! не можетъ статься!

Звонкина.

Возможно-ль—дядюшка?

Звонкинъ.

Ступай, бѣги скорѣй,

Пошли мнѣ повара!

Звонкина.

Зови сюда людей!

(Иванъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Ть-же безъ Ивана.

Звонкинъ.

Признаться, этого не ждалъ я посѣщенья.

Турусинъ.

Едва опомниться могу отъ удивленья!
Онъ прямо вѣдетъ къ вамъ?

Звонкина.

Да кажется, что такъ.

Турусинъ.

И будетъ жить у васъ?

Звонкинъ.

Какой ты, братъ, чудакъ!

Ну что тутъ страннаго?—Я думаю, свободно
Онъ можетъ жить вездѣ.

Звонкина.

Да братцу негодно,

Чтобъ жилъ онъ здѣсь.

Турусинъ.

И, нѣтъ, мнѣ, право, все равно;

И этой честію ужъ пользуюсь давно.

А жаль, что домикъ вашъ не выгодно устроенъ

И даже слишкомъ малъ.

Звонкина.

За то, сударь, покоенъ.

И лучше въ десять разъ, чѣмъ вашъ огромный домъ,
Въ которомъ тьма дѣтей и цѣлый день содомъ.

Турусинъ.

И жить-то въ тѣснотѣ не всякому охота.

Звонкина.

Да это, батюшка, не ваша ужь забота.

Турусинъ.

Однакожь, дядюшка всегда любилъ просторъ.

Звонкина.

О, зависть гнусная! все это сударь вздоръ:
Нашъ домъ не малъ, и я могу увѣрить смѣло—
Онъ будетъ жить у насъ.

Турусинъ.

А мнѣ какое дѣло?

Пускай себѣ живетъ.

(Входятъ моды).

Звонкинъ.

Всѣ люди здѣсь, мой другъ.

Звонкина *(людямъ)*.

Андрей, и ты, Фома, здѣсь будьте для услугъ!
Сегодня вы должны, какъ въ праздникъ быть одѣты.

Звонкинъ *(повару)*.

Чтобъ были къ ужину подъ соусомъ котлеты:
Я помню, дядюшка до нихъ охотникъ былъ.

Звонкина.

А вафли-то, мой другъ?

Звонкинъ.

Совсѣмъ было забылъ!

Вѣдь вафли для него пирожныхъ всѣхъ вкуснѣе.

Звонкина.

Ну, слышишь-ли?—пошелъ! А ты бѣги скорѣе,
Шампанскаго купи—иль нѣтъ,—ступай верхомъ:
Не правда-ль, жизнь моя, намъ надо за столомъ
Его здоровье пить?

Звонкинъ.

Безъ всякаго сомнѣнья.

Турусинъ *(въ сторону)*.

Бѣдвяжечки! съ ума сошли отъ восхищенья.

Звонкина (*людямъ*).

А вы всё дядюшку встрѣчайте у воротъ.

Турусинъ (*въ сторону*).

О, подлая душа! давно-ль онъ былъ урокъ!

Звонкина.

Смотрите у меня! услуживать старайтесь.

Звонкинъ.

Почаще кланяйтесь и ниже нагибайтесь.

Турусинъ (*въ сторону*).

Видалъ-ли кто-нибудь безстыднѣе льстеца.

Звонкина.

А мы съ тобой пойдёмъ, дождемся у крыльца.

Звонкинъ.

Замерзнешь, матушка! вѣдь градусовъ чай, двадцать.

Звонкина.

Пустое, сударь, едва-ли есть двѣнадцать.

Турусинъ.

Я слышу шумъ... пойдёмъ!

Звонкина (*мужу*).

Ну, что-же ты нейдешь?

(*Встрѣчаются въ дверяхъ съ Турусинами*).

Помилуй, батюшка! проходу не даешь!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тѣ-же и Здравосудовъ (*два челоѣтика бѣгутъ впереди и растворяютъ двери*).

Звонкинъ.

Любезный дядюшка!

Звонкина.

Почтенный благодѣтель!

Турусинъ.

Ахъ, дядюшка!—клянусь!—и въ этомъ Богъ свидѣтель,—
Я радости такой никакъ не ожидалъ!

Здравосудовъ.

Не правда-ли, что я какъ съ неба къ вамъ упалъ.
Ну что, мои друзья, здоровы-ль?

Звонкинъ.

Понемногу.

Здравосудовъ.

А Лизанька и нашъ Любимъ?

Звонкина.

Все слава Богу!

Здравосудовъ.

Какъ радъ, что наконецъ могу на нихъ взглянуть!

Звонкина (*подвигая кресла*).

Садитесь, дядюшка, вамъ надо отдохнуть.

Здравосудовъ.

И, милые друзья! Къ чему? не хлопочите;
Я сяду самъ.

Звонкина.

Иль нѣтъ; немного погодите!

Подушку поскорѣй!

(*Звонкинъ бѣжитъ вонъ и возвращается тотчасъ съ подушкой*).

Здравосудовъ.

Напрасно!—не нужна.

Звонкина.

Нѣтъ, нѣтъ! покоить васъ я всячески должна.

Проѣхать триста верстъ, чтобъ съ нами повидаться!
(*Мужу*).

Подай! (*бередъ подушку и кладетъ на кресла*).

Турусинъ (*въ сторону*).

Ну! начали теперъ въ ногахъ валяться.

Добро-бы ужъ она,—а то и онъ?... Подлецъ!

(*Громко дядь*).

Неловко вамъ? сейчасъ! (*вынимаетъ изъ-подъ стола скамейку и ставитъ ему подъ ноги*).

Звонкина (*мужу*).

Смотри, какой срамец!

Скамейку подаетъ!

Здравосудовъ.

И, какъ тебѣ не стыдно!

Турусинъ.

Позвольте, дядюшка!

Звонкина (*мужу*).

Подумать-то обидно!

И этотъ человѣкъ къ несчастію твой братъ!

Здравосудовъ.

Кому бы въ умъ пришло: дней нѣсколько назадъ,—
Когда и двухъ ступить я не былъ въ силѣ,
Когда одной ногой стоялъ уже въ могилѣ,—
Что я оправлюся недѣли черезъ двѣ,
Увижу васъ опять—и буду самъ въ Москвѣ?
Все это для меня какъ будто сновидѣнье!

Турусинъ.

Повѣрьте, дядюшка, благое провидѣнье,
Молитвамъ внявъ моимъ и всѣхъ моихъ сиротъ,
Болѣзни перенестъ вамъ силы подаетъ!
И если-бы мое желаніе сердечно
Исполниться могло—вы-бъ жили безконечно.

Звонкина.

Когда бы умирать не общій былъ удѣлъ...

Здравосудовъ.

И, полноте, друзья! всему вѣдь есть предѣлъ.
И такъ на свѣтѣ я помаялся довольно,—
Пора ужъ на покой.

Звонкина.

По чести, слышать больно!

Ну, вамъ-ли умирать?

Здравосудовъ.

Иной-бы, жизнь любя,
Старался всячески обманывать себя;

А я такъ нахожу, что этотъ трудъ напрасенъ.
Мой докторъ думаетъ,—и въ этомъ я согласенъ,—
Что мнѣ осталось не долго ужъ пожить.

Т у р у с и н ъ.

Охота доктору объ этомъ говорить?
Ужь эти доктора!—пугать всегда ихъ дѣло;
И я хоть объ закладъ готовъ побиться смѣло,
Что вамъ назначено прожить... конечно имъ...

З д р а в о с у д о в ъ.

Немного, милые!—лѣтъ двадцать съ небольшимъ.

З в о н к и н а.

Лѣтъ двадцать?—Боже мой!

З д р а в о м ы с л о в ъ.

Не спорю, это мало;

Да дѣлать нечего.

Т у р у с и н ъ.

И духу въ немъ достало

Вамъ это говорить?

З в о н к и н а.

Возможно-ль! двадцать лѣтъ!

З в о н к и н ъ.

Да это вздоръ.

З в о н к и н а (*утирая глаза*).

Въ такихъ лѣтахъ покинуть свѣтъ!

З д р а в о с у д о в ъ.

И, милая, не плачь! Ну, есть о чемъ крушиться!
Вѣдь докторъ не пророкъ—онъ могъ и ошибиться.

Т у р у с и н ъ.

Ахъ, дай-то Богъ!

З в о н к и н а.

Злодѣи!

З в о н к и н ъ.

Онъ бредитъ на яву!

З д р а в о с у д о в ъ.

Не бойтесь, друзья, и сорокъ проживу.

Я-жь чувствую въ себѣ большую перемѣну:
Сталъ хуже на лицо—поэтому въ замѣну
Здоровъ какъ въ тридцать лѣтъ, совсѣмъ помолодѣлъ.
Бывало прежде я, безъ трости, встать не смѣлъ;
Теперь—хоть взапуски готовъ пуститься съ вами.

Звонкина (*мужу*).

Мнѣ кажется, что онъ смѣется ужъ надъ нами?

Здравосудовъ.

Все это хорошо; да только вотъ бѣда—
Здоровье-то въ мои обманчиво года:
Сегодня хотъ на балъ, а завтра и въ постелѣ.
Вотъ я бы страхъ хотѣлъ на будущей недѣлѣ,
Окончивъ всѣ дѣла, отправиться домой;
А можетъ быть...

Звонкинъ.

Такъ вы хотите и зимой

Въ деревнѣ жить?

Звонкина.

И, нѣтъ, зачѣмъ вамъ торопиться:
Въ Москвѣ такъ весело!

Здравосудовъ.

Да я не веселиться
Пріѣхалъ къ вамъ; совсѣмъ другое въ головѣ.
Нельзя-ли вамъ найти кого-нибудь въ Москвѣ,
Кто зналъ-бы толкъ въ дѣлахъ?

Звонкинъ.

Конечно для совѣта?

Здравосудовъ.

Есть дѣло у меня.

Турусинъ.

Для этого предмета
Приказный нуженъ вамъ?

Здравосудовъ.

И даже бы сейчасъ;
Вѣдь дѣло, можетъ быть, касается до васъ.

Турусинъ (*въ сторону*).

До насъ?

Звонкина (*мужу*).

Ахъ, Ваничка!—ну, есть-ли завѣщанье?...

Турусинъ.

Позвольте ваше мнѣ исполнить приказанье!
Есть стряпчій у меня,—большой знатокъ въ дѣлахъ,
Извѣстенъ онъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ;
Не только что дѣлецъ, онъ даже и писатель.

Звонкинъ.

Здѣсь нѣкто мнѣ знакомъ, или лучше мой пріятель,
Который, такъ сказать, въ приказахъ посѣдѣлъ;
Теперь-же, находясь два года не у дѣлъ,
Трудится иногда для собственной забавы,—
Не денегъ ищетъ онъ—единственно лишь славы,
Угодно, дядюшка?—онъ явится какъ разъ;
Бумагу-ль написать, подвѣсть-ли вамъ указъ—
На все готовъ.

Турусинъ.

На все! По чести удивленье;
Да это сущій кладъ! Безъ всякаго сомнѣнья
Сей славный мужъ, кѣмъ нашъ гордиться долженъ вѣкъ...

Звонкинъ (*перерывая*).

Пріятель мой Крючковъ.

Турусинъ.

Прекрасный человѣкъ!

Звонкина.

А вы, сударь,—вопросъ за дерзость не сочтите—
Конечно, Цаплина представить намъ хотите?

Турусинъ.

Его, сударыня!

Звонкина.

Какая честь для насъ!
Увидѣть Цаплина! Ну, есть-ли совѣсть въ васъ?
Знакомить дядюшку съ такимъ извѣстнымъ воромъ!
Я знаю все: онъ былъ когда-то прокуроромъ;
Въ грабительство не зналъ ни мѣры, ни конца,—
Не только что съ чужихъ—онъ взятки бралъ съ отца;
И, наконецъ, набивъ путемъ свои карманы,
За гнусныя дѣла, за плутни и обманы,—
Какъ самъ объ говорить,—невинно пострадалъ.

З в о н к и н ъ.

Да, да! какъ взяточникъ подъ слѣдствіе попалъ.

З в о н к и н а

И вы-бъ, сударь, должны стыдиться этой дружбы!

Т у р у с и н ъ.

Такъ чтожъ, сударыня? Онъ выключенъ изъ службы;
А другъ-то вашъ Крючковъ,—забыли вы о томъ?
За кляузы свои пять лѣтъ былъ подъ судомъ.

З в о н к и н а.

Не спорю, батюшка—онъ былъ, да оправдался.

Т у р у с и н ъ.

Да кто за Цаплина бѣдняжку заступался?
Извѣстно всѣмъ, что онъ...

З в о н к и н ъ.

И ябедникъ, и плуть.

Т у р у с и н ъ.

Помилуйте! да всѣ Крючкова такъ зовутъ.

З в о н к и н а.

И Цаплинъ... Боже мой, какое посрамленье!
Вашъ другъ!—и эта тварь, достойная презрѣнья...
Да я, сударь, за васъ краснѣю отъ стыда.

Т у р у с и н ъ.

И вы краснѣете? Ну, это ужь бѣда!

З в о н к и н а.

Насмѣшки глупыя ни мало не обидны:
Извѣстно всѣмъ, что вы и дерзки и безстыдны;
Но, несмотря на то, еще вамъ повторю...

З д р а в о с у д о в ъ.

Постойте, милые! тотчасъ васъ помирю,
Изъ этихъ двухъ господъ одинъ мнѣ только нуженъ.
Я въ домѣ у тебя—а ты съ Крючковымъ друженъ,
Такъ пусть прійдетъ онъ.

З в о н к и н а.

Ступай скорѣй за нимъ.

Звонкинъ.

Сейчасъ, мой другъ, иду. (*Уходитъ*)

Здравосудовъ.

Да гдѣ же нашъ Любимъ?

Звонкина.

Онъ дома, дядюшка—и вѣрно занятъ чтеньемъ.
Когда-бъ онъ зналъ, кто здѣсь—съ какимъ бы восхищеньемъ...

Здравосудовъ.

Такъ чтожъ его, мой другъ, никто не позоветъ?

Звонкина.

Позвольте, я сама...

Здравосудовъ.

Да вотъ и онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же и Любимъ.

Звонкина (*идя навстрѣчу къ Любиму*).
Ступай, спѣши, Любимъ, скорѣе взять участие
Въ всеобщей радости.

Любимъ

Вы здѣсь? Какое счастье!
Вы-ль это, дѣдушка? Какъ могъ я ожидать?...

Здравосудовъ.

Здорово, милый другъ! Да дай себя обнять! (*Обнимаетъ его*).

Любимъ.

Ахъ, дѣдушка! а мы надѣяться не смѣли...

Здравосудовъ

Чтобъ я, Любимъ, забывъ и вьюги, и метели,
Рѣшилъ къ вамъ въ Москву отправиться зимой?
Хоть это тяжело, не спорю, милый мой,
Но я хотѣлъ давно увидѣться съ роднею,
Съ друзьями побывать,—а больше всѣхъ съ тобою.

Звонкина.

Къ тому-жь у дядюшки скопилось много дѣлъ.

Здравосудовъ (*глядя на Любима*).

Мнѣ кажется, что ты еще похорошѣлъ!
Когда-бъ, Любимушка, всегда мы вмѣстѣ жили,
Куда-бъ я счастливѣ былъ!

Турусинъ (*въ сторону*).

Ну, внучка подпустили!

Звонкина.

За то ужь, дядюшка, и онъ какъ любить васъ!

Турусинъ (*въ сторону*).

Ахъ, Боже мой! да онъ съ него не сводить глазъ;
Попался дѣдушка теперь злодѣямъ въ руки!
Да нѣтъ, любезные, и я пушусь на штуки:
Пойду, сберу дѣтей,—и мигомъ здѣсь явлюсь. (*Идетъ*).

Здравосудовъ.

Куда, племянникъ, ты?

Турусинъ.

Я тотчасъ ворочусь.

•(*Уходитъ*).

Здравосудовъ (*вслѣдъ ему*).

Смотри-же, поскорѣй!

Звонкина.

Ушелъ!—Ну, легче стало!

(*Здравосудову*).

Вы знаете, я васъ никакъ не ожидала;
И такъ позвольте мнѣ кой-что распорядить.

Здравосудовъ.

Ступай, мой другъ!

Звонкина (*уходя, Любиму*).

Смотри, старайся ласковъ быть,
Какъ слѣдуетъ всегда почтительному внуку;

(*тихо*).

А пуще-то всего цѣлуй почаще руку.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Здравосудовъ и Любимъ.

Здравосудовъ.

Когда-бъ ты зналъ, мой другъ, какъ я сюда спѣшилъ,
Надѣюсь, мой прїездъ...

Любимъ.

Онъ жизнь мнѣ возвратилъ.
Вы вѣрно вступитесь...

Здравосудовъ.

За Лизу?—Будь спокоенъ.
Она тебя, Любимъ, а ты ея достоинъ,
Родители твои... но это не бѣда,—
Я ихъ склонить могу безъ дальняго труда.

Любимъ.

Вамъ стоитъ объявить при нихъ свое желанье.

Здравосудовъ.

И, нѣтъ!—Они сочтутъ его за приказанье,
А я приказывать отъменно не люблю;
Нѣтъ, милый другъ, совсѣмъ иначе поступлю.
И ежели мои догадки не напрасны,
То слова не скажу, а будутъ всѣ согласны.

Любимъ.

Вы шутите?

Здравосудовъ.

О, нѣтъ!

Любимъ.

Я долженъ вѣрить вамъ;
Однакожь признаюсь...

Здравосудовъ.

А вотъ увидишь самъ.
И если никакой не будетъ остоявки,
Сегодня-жъ можете быть доидеть и до помолвки.

Любимъ.

А свадьба, дѣдушка?

Здравосудовъ.

Недѣли черезъ двѣ.

Любимъ.

Какое счастье!

Здравосудовъ.

Я знаю, что въ Москвѣ

Всѣ стануть говорить: ну, какъ, дескать, возможно
Жениться въ двадцать лѣтъ? Ему служить-бы должно;
Вѣдь время не ушло,—на все свои года.

Я этого сказать не смѣю никогда,
Особенно тому, въ комъ бралъ всегда участие.
Повѣрь, кто въ жизни сей, Любимъ, имѣлъ несчастье
Въ одиночествѣ прожить до старыхъ лѣтъ,
Жениться—другу тотъ всегда подастъ совѣтъ.

Любимъ.

Я помню, дѣдушка, вы часто говорили,
Что если-бы могли, то всѣхъ бы вы женили.

Здравосудовъ.

Да, да, Любимъ!—Пускай смѣются надо мной.
Одно лишь счастье,—жить съ доброю женой.
Ахъ! старость въ сиротствѣ не жизнь, мой другъ,—страданье,
Ужаснѣе, Любимъ, нѣтъ въ мѣрѣ состоянья.
Конечно, знаю самъ, здѣсь много есть людей,
Которые, живя въ кругу своихъ друзей,
Среди веселостей и роскошей столицы,
Не зная прихотямъ ни мѣры, ни границы,
Найдутъ меня тотчасъ и страннымъ и смѣшнымъ.
Жениться? Боже мой! Къ чему?—Ну, кстати-ль имъ,—
Когда для нихъ что день, то радости готовы,—
Супружества надѣтъ несносныя оковы?
Нѣтъ, нѣтъ! свободные лишь счастливы одни,—
Для нихъ весь свѣтъ открытъ.—Такъ думаютъ они;
И наслажденія встрѣчая съ каждымъ шагомъ,—
Свободу юноша считаетъ первымъ благомъ;—
Но, молодость пройдетъ—исчезнутъ вмѣстѣ съ ней
Надежды, радости, друзья,—всего скорѣй;
Тогда ничтожность ихъ увидитъ онъ на дѣлѣ:
Тогда,—болѣзнями прикованный къ постелѣ,
Забытый ото всѣхъ,—друзей онъ тщетно ждетъ:
Одни наемники вокругъ его;—умреть,—
И явятся тотчасъ наслѣдники толпою
Въ глубокомъ траурѣ, но съ радостной душою!
Ахъ, эта мысль, Любимъ, ужаснѣе всего!

Любимъ.

Зачѣмъ же думать вамъ...

Здравосудовъ.

Коль мало и того,
Представь, что онъ забыть и смертію самою.
Томяся скукою, измученный тоскою,
Встрѣчая лишь одни холодныя сердца,
Страданіямъ своимъ не видитъ онъ конца;
Года уже прошли счастливыхъ заблужденій:
Онъ ясно видитъ все—онъ мертвъ для наслажденій.
Разсѣянья-ль искать среди людей... ахъ, нѣтъ!
Коварный ужь давно ему наскучилъ свѣтъ;
И словомъ, все, мой другъ, что прежде веселило,
Все стало для него и скучно и постыло;
Одними горестями считая лишь года,
Онъ смерть, какъ друа, ждетъ.—Тогда, Любимъ, тогда
Повѣрь,—ничто ему, страдальцу, не поможетъ!
Несчастный!—чувствами онъ жить уже не можетъ,
А сердцемъ—не живетъ!—Я самъ...—нѣтъ, нѣтъ, Любимъ!
Отрадой ты всегда былъ горестямъ моимъ!
Тобой еще однимъ дышу на этомъ свѣтъ!

Любимъ.

Ахъ, дѣдушка! ..

Здравосудовъ.

Постой, мнѣ кажется,—въ каретѣ
(Смотритъ въ окно)

Подъѣхали къ крыльцу,—и что-то много въ ней.
Хоть ждать и не могу такъ скоро я гостей,
Однакожь, можетъ быть... а я отиѣнно некрасиво,
Кей-какъ одѣтъ!—принять ихъ въ этомъ не учтиво.
Пойду, принаряжусь. (Уходитъ).

Любимъ (глядя ему вслѣдъ).

Почтеннѣйшій родной!

Но что за странный шумъ.

Турусинъ (за кулисами).

Ступайте всѣ за мной!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Любимъ и Турусинъ; за нимъ Маша и 5 другихъ дѣтей.

Турусинъ *(дѣтямъ)*.

Смотрите! не шумѣть, не бѣгать и не драться!

(Любиму).

Да гдѣ-же дядюшка?

Любимъ.

Онъ вышелъ одѣваться.

Угодно вамъ къ нему?

Турусинъ.

Нѣтъ, милый, все равно,

И здѣсь я подожду.—Да онъ ушелъ давно?

Любимъ.

Сейчасъ.

Турусинъ.

Нельзя-ль сказать вотъ такъ—между словами,—
Что здѣсь я жду его съ моими сиротами.

Любимъ.

Извольте, я скажу. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же безъ Любима.

Турусинъ.

Сюда! ко мнѣ, въ кружокъ!

Вамъ надо повторить сегодняшній урокъ:

Чтобъ дѣдушкѣ отъ васъ не стало безпокойно,—

Прошу вести себя и тихо и пристойно.

Вы помните, что вамъ твердилъ я на дому!

Лишь только онъ войдетъ, бросайтесь всѣ къ нему.

Маша.

Да я боюсь.

Турусинъ.

Чего, сударыня?—пустое.
Ты дѣдушку цѣлуй въ плечо, а ты въ другое;
Вы также всё его старайтесь ласкать.
И если вамъ руки не будетъ онъ лавать,
(одному изъ дѣтей)
Хватайте на легу!—Проклятая привычка!
(другому)
Опять разинуль ротъ! На что похожь, чумичка!
(третьему)
Испачканъ весь: утрись! А ты растрепанъ какъ!
Ну, что стоишь? Поправь манжеты-то, дуракъ!
Но, кажется, идутъ... Смотрите-же—смѣлѣе;
Подходятъ ужъ къ дверямъ... Ну, милые, дружище!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Звонкина.

Звонкина.

Что это? Боже мой! здѣсь цѣлая орда!
Зачѣмъ изволили пожаловать сюда?

Турусинъ.

Зачѣмъ, невѣстухка?—по чести, это странно!
Вѣдь дѣдушка у васъ—такъ очень натурально,
Что имъ хотѣлося...

Звонкина.

Не имъ, сударь, а вамъ.
Повѣрьте, толкъ давать умѣю я словамъ,
И ваши хитрости проникнуть мнѣ не трудно.

Турусинъ.

Позвольте вамъ сказать, мнѣ право очень чудно...

Звонкина.

А я такъ не дивлюсь,—другого не ждала:
Обманы, подлости, всё гнусныя дѣла
Приличны вамъ.

Турусинъ.

Да я...

Звонкина.

Конечно, позабыли?

Давно-ли, кажется, вотъ здѣсь вы говорили:
(передразнивая)

«Да я, невѣстуха, и самъ не очень гнусь!»
Скамейку подаешь!

Турусинъ.

Такъ что-же! не запрись:

Я къ старости всегда имѣю уваженье.
И что за важнсе, скажите, преступленье—
Скамеечку подать? А врядъ-ли и отца
Встрѣчать я побѣгу у самаго крыльца.

Звонкина.

Какъ будто-бъ вѣжливость есть подлая услуга...

Турусинъ.

Повѣрьте намъ краснѣть не должно другъ отъ друга.
Притомъ-же и бѣды не вижу я большой.
Не мы одни кривимъ подчасъ своей душой!

Звонкина.

Возможно-ли?—и онъ еще себя изволить
Равнять со мной!

Турусинъ.

Слѣпецъ слѣпцу всегда глазъ колетъ.

Звонкина.

Да ты забылъ весь стыдъ, подлѣйшій изъ людей!..

Турусинъ.

И ваша память-то не лучше вѣдь моей.

Звонкина.

Наглець!

Турусинъ.

Помилуйте!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ЗДРАВСУДОВЪ.

Звонкина (не примѣя Здравосудова).

Ужь подлинно не даромъ.

Зовутъ тебя вездѣ...

Здравосудовъ.

О чемъ съ такимъ вы жаромъ
Ведете разговоръ?...

Звонкина.

Ахъ!... такъ-съ.. былъ споръ у насъ...

Турусинъ.

Мы спорили о томъ, кто больше любитъ васъ.

Здравосудовъ.

Спасибо, милые!

Турусинъ (*указывая на дѣтей*)

Позвольте вамъ представить...

Здравосудовъ (*не слушая его*)

Я знаю, вы со мною не станете лукавить.

Турусинъ.

Почтенный дякуюшка! здѣсь вся моя семья.

(*Дѣтямъ тихо*)

Бѣгите всѣ къ нему! (*дѣти не трогаются съ мѣста*).

Здравосудовъ.

А, здравствуйте, друзья!

Вы здѣсь? — Я очень радъ.

Турусинъ.

О, глупые ребята!

Ну, что-же стали въ пень? Ступайте, пострѣлята!

Дѣти (*подбѣгая къ Здравосудову, одна Маша остается на своемъ мѣстѣ*).

Ахъ, дѣдушка!

Звонкина.

Смотри! — чуть-чуть не сшибли съ ногъ!

Здравосудовъ.

Здорово, милые!

Турусинъ.

Молитвы ваши Богъ

Услышалъ, наконецъ! — Повѣрите-ль, бывало

Лишь только и рѣчей, — ну, такъ, что скучно стало:

«Да скоро-ль дѣдушку увидимъ своего?
«Какъ прѣдетъ онъ? Дождемся-ль мы его?»
А вотъ и дождались.

Здравосудовъ.

Совсѣмъ не тѣ ужь стали.

(Показывая на Машу).

Вѣдь это Машенька!

Турусинъ.

Такъ вы ее узнали!

Поди же въ дѣдушкѣ! (*тащитъ, а она неидетъ*).

Здравосудовъ.

Зачѣмъ, не принуждай.

Турусинъ.

(*Громко*)

(*Тихо ей*)

Не бойся, душенька!

Вотъ я тебя!—ступай!

(*подводитъ ее насильно*)

Ужъ какъ застѣнчива!—взглянуть, такъ скажешь — дура
А право нѣтъ!—робка, такая ужь натура.

Здравосудовъ.

Поди сюда, мой другъ! вѣдь мы, чай, года три
Не видѣлись съ тобой.

Турусинъ.

Ну, что же?—говори!

Скажи хоть что-нибудь! (*тихо*) Ужъ быть тебѣ безъ чаю!

(*громко*)

Ты любишь дѣдушку?

Маша.

Люблю!

Здравосудовъ.

За что?

Маша.

Не знаю.

Турусинъ.

За то, молъ, дѣдушка, что вы одни у насъ,
Отецъ, и дѣдъ, и все...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Звонкинъ.

Здравосудовъ (*Звонкину*)

Пріѣхалъ ты?

Звонкинъ.

Сейчасъ.

Здравосудовъ.

Ну, что пріятель твой?

Звонкинъ.

Онъ ждетъ васъ въ кабинетѣ.

Здравосудовъ.

О важномъ говорить мнѣ надобно предметъ:
И такъ, мой другъ, прошу, останься здѣсь со мной,
А дѣточекъ своихъ отправь теперь домой;
Хоть съ ними поболтать желалъ бы я о многомъ,
Да некогда теперь.

Турусинъ.

Сейчасъ! Ступайте съ Богомъ!

Здравосудовъ.

Прощайте, милые!

Турусинъ (*проводя дѣтей до дверей*)

Дорогой не шалить!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Тъ-же безъ дѣтей.

Здравосудовъ.

Послушайте, друзья! я тайну вамъ открыть,
Какъ истиннымъ роднымъ, преважную намѣрень;
Васъ зная хорошо, я долженъ быть увѣренъ,
Что счастье вамъ мое дороже всѣхъ богатствъ;
Что чужды вы со мной всѣхъ хитростей, лукавствъ;
Что тотъ, по вашему, достойнѣй всѣхъ презрѣнья,
Кто любить не родныхъ, а только ихъ имѣнья;
Что вы...

Звонкинъ.

Ахъ, дядюшка!—наслѣдство ваше намъ
Не нужно ни на что.

Звонкина.

Не вѣрите словамъ?
Такъ это доказать на дѣлѣ мы готовы.

Турусинъ.

Лишь были-бъ только вы спокойны и здоровы.
А то, помилуйте,—гори оно огнемъ!

Здравосудовъ.

Я вижу, что могу открыться вамъ во всемъ.
Безспорно, что давно я умеръ ужъ для свѣта,
Но живъ еще;—а жить безъ всякаго предмета,—
Быть вѣчно одному—куда какъ тяжело!
Мнѣ-бъ ваше общество отрадой быть могло;
Но съ вами вѣкъ живу, къ несчастію, я розно:
И такъ рѣшился я,—хоть нѣсколько и поздно...

Звонкина.

Рѣшились?... На что?

Здравосудовъ.

Не смѣйтесь надо мной!...
Жениться, милые.

Звонкина.

Жениться? Боже мой!...

Здравосудовъ.

Да, это рѣшено: женюсь я непременно!
Но впрочемъ вамъ, друзья, признаюсь откровенно,
Что выборъ мой не васъ, а можетъ быть другихъ
Немного удивитъ:—да что смотрѣть на нихъ!
Лишь былъ-бы счастливъ я, живя спокойно дома...

Турусинъ.

Но кто-жъ особа та?

Здравосудовъ.

Она вамъ всѣмъ знакома.

(Звонкиной).

Особенно тебѣ. И вотъ ея портретъ:

Какъ ангель хороша, семнадцать только лѣтъ.
Бѣдна,—за то добра, тиха, неприхотлива,
Всѣ горести сносить привыкла терпѣливо,
И сверхъ того во всемъ послушна такъ уму,
Что उपрекнуть ее не можно никому
И въ самомъ мелочномъ, незначущемъ капризѣ:
Теперь вы знаете, что я женюсь на Лизѣ.

Т у р у с и н ъ.

Что слышу я?

З в о н к и н ъ.

Ай, ай!

З в о н к и н а.

Возможно-ль, чтобъ она...

З д р а в о с у д о в ъ.

Чему-жъ дивишься ты? Вѣдь Лизанька бѣдна.
Смѣяться надо мной конечно всѣ свободны;
Но признаюсь,—хотя лѣтами мы не сходны,
А я смѣшного тутъ не вижу ничего.
Я старъ, за то богатъ,—и право оттого
Племянница твоя несчастнѣе не будетъ,
Что бѣдность прежнюю, живя со мной, забудетъ.
Я все ей поручу: хозяйство и дѣла,
И даже, наконецъ, чтобъ Лиза не могла
Имѣть въ любви моей ни малаго сомнѣнья,—
При жизни укрѣплю ей все мое имѣнье.

З в о н к и н а.

Какъ, дядюшка!

З д р а в о с у д о в ъ.

Да, да! повѣрьте, не шучу!

Все это выполнить рѣшительно хочу.
Но съ благодарностью приму я всѣ совѣты;
Ошибки свойственны во всякіе намъ лѣты.
И васъ покорнѣйше прошу, безъ дальнихъ словъ,
Всю правду мнѣ сказать; я слушать васъ готовъ,
Хотя бы вы со мной заспорили о вздорѣ.
И такъ оставайтесь здѣсь подумать на просторѣ.
А я межъ тѣмъ пойду съ Крючковымъ толковать. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ БЕЗЪ ЗДРАВСУДОВА.

Звонкина (*помолдавъ нѣсколько времени*).

Что это, Ваничка?

Турусинъ.

Кто могъ-бы ожидать?

Звонкинъ.

Очнуться не могу!

Турусинъ.

И этотъ вѣкъ прошедшій

Жениться захотѣлъ!

Звонкина

Онъ вовсе сумасшедшій!

Турусинъ.

Имѣнье все отдать!

Звонкина.

Наслѣдниковъ забыть!

Звонкинъ.

Да дѣло не о томъ,—какъ горю пособить?

Звонкина (*Турусину*).

Досаду на меня оставь свою покуда!

Ты видишь, мой отецъ, намъ всѣмъ приходитъ худо;

Что мы бранимся, объ этомъ позабудь,

Скажи-ка лучше мнѣ: нельзя-ли какъ-нибудь

За слабоуміемъ отдать его въ опеку?

Турусинъ.

Но какъ?...

Звонкина.

И, батюшка! Ну, трудно-ль человѣку

Разумному подвѣсть какой-нибудь указъ?

Турусинъ.

Никакъ нельзя.

Звонкина.

Нельзя! когда онъ грабитъ насъ!

Такъ дѣло заведемъ.

Турусинъ.

И этого не можно.

Звонкина.

Несносный человекъ!—Да чтожь намъ дѣлать должно?

Турусинъ.

Ума не приложу!

Звонкина.

Ну, такъ!—Пришлось одной мнѣ думать обо всемъ!—А кто всему виною! Когда-бъ не ты съ твоимъ дурацкимъ предложеньемъ, То вѣрно бъ, сжалившись надъ Лизинимъ мученьемъ, И сына моего отъ всей души любя,— Давно-бъ женила ихъ.

Звонкинъ (*Турусину*).

Все это отъ тебя.

Турусинъ.

Чтожь дѣлать!—я влюбленъ.

Звонкина.

Твоей-ли, сударь, рождъ

Влюбиться въ дѣвочку!

Звонкинъ.

На дѣло не похоже!

Турусинъ.

Такъ чтожь? Попробуемъ!—межь имъ и мной рѣшить Пусть Лизанка сама.

Звонкинъ.

Да чортъ-ли ей велить?—

Онъ старѣе тебя, а все-таки своснѣе.

Звонкина.

И сверхъ того умереть конечно ужъ скорѣе.

Звонкинъ.

Для бѣдной дѣвочки старикъ богатый—кладъ.

Турусинъ.

Вотъ то-то и бѣда, что больно онъ богатъ!
Ну, такъ и быть—рѣшу!—еще я средство знаю...

Пожертвую собой!... пускай одинъ страдаю,
Скажите, что вашъ сынъ не только что влюбленъ,
Но даже съ Лазою давно ужъ обрученъ.

З в о н к и н а.

Чтобъ я...

Т у р у с и н ъ.

Одно изъ двухъ: вамъ должно согласиться
Сейчасъ помолвить ихъ.

З в о н к и н а.

Сейчасъ!...

Т у р у с и н ъ.

Не то лишиться

Наслѣдства навсегда.

З в о н к и н ъ.

Рѣшись, мой другъ, скорѣй!

Т у р у с и н ъ.

Вѣдь мнѣ, невѣстуха, и вашего тошнѣй,—
Да дѣлать нечего.

З в о н к и н а.

А если не поможетъ

И это намъ,—какъ чтожъ тогда?...

З в о н к и н ъ.

О, быть не можетъ!

Т у р у с и н ъ.

Ужъ какъ ни думайте—все надо ихъ женить:
Рѣшитесь, матушка!

З в о н к и н а.

Согласна!—такъ и быть;

А признаюсь, и мысль мнѣ эта нестерпимъ!

Т у р у с и н ъ.

Да дѣлать нечего!

З в о н к и н ъ (*звонитъ въ колокольчикъ; входитъ слуга*).
Пошли сюда Лобима.

З в о н к и н а.

И Лазу позови!

(*Слуга уходитъ*).

З в о н к и н ъ.

Смотрите-же, при ней
О дядюшкѣ ни слова—молчать всего вѣрнѣй.
Хоть правда у него не важная осанка,
А все пять тысячь душъ большая вѣдь приманка.

З в о н к и н а.

Вотъ это пустяки! ты знаешь, что она...

З в о н к и н ъ.

Ну, да, въ Любимушку смертельно влюблена;
Да пять-то тысячь душъ...

Т у р у с и н ъ.

А чтожъ? и я согласенъ;
Не долго до грѣха. .

З в о н к и н ъ.

Повѣрьте—онъ опасенъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Т ѣ - ж е, Л ю б и м ѣ и Л и з а.

З в о н к и н а.

Сюда, мои друзья,—сюда! поближе къ намъ!

З в о н к и н ъ.

Какую объявить хотимъ мы радость вамъ!

З в о н к и н а.

И думать не могли объ этомъ вы сюрпризѣ.

Л ю б и м ѣ.

Позвольте намъ узнать?

З в о н к и н а.

Ты женишься на Лизѣ.

Л и з а.

На мнѣ!

Л ю б и м ѣ.

Что слышу я!

Турусинъ.

Божусь, я очень радъ!

Звонкинъ.

По милости его на Лизѣ ты женатъ.

Любимъ.

Какъ, дядюшка?

Звонкина.

Да, да! на слезы ваши глядя,
За васъ старался самъ почтеннѣйшій твой дядя.

Звонкинъ.

Невѣсту уступа, примѣръ овъ доброты
Неслыханный явилъ!

Звонкина (*Лизѣ*).

Ну чтожь, согласна ты?

Лиза.

Ахъ, тетюшка!... Но вѣтъ, и вѣрить я не смѣю.

Звонкина.

Не вѣришь, милая?... Такъ средство я имѣю
Увѣрить въ томъ тебя. Поди сюда, мой свѣтъ!
Любимъ! она твоя!

(*Подводитъ ее къ Любиму*).

Любимъ.

Теперь сомнѣнья нѣтъ.

Мы счастливы!

Звонкина.

Скажи, — будь искренна со мною,
Ты любишь вѣдь его?

Лиза.

Всѣмъ сердцемъ и душою!
Скрывать я не хочу предъ вами чувствъ моихъ.

Звонкина.

А если сдѣлаетъ другой тебѣ женихъ,
Повыгоднѣй еще, такое-жъ предложенье,
Тотчасъ откажешь ты?

Лиза.

Безъ всякаго сомнѣнья.

Звонкинъ.

Да полно, перестань!

Звонкина.

И даже еслибъ онъ
Сто тысячъ въ годъ имѣлъ!

Лиза.

Хотя-бы миллионъ.

Турусинъ.

Въ глаза и за глаза скажу: немногимъ сродно
Такъ чувствовать, какъ вамъ, и мыслить благородно.

Звонкина (*обнимая Лизу*).

Позволь, моя душа, позволь себя обнять!
Ну, можно-ли кому умнѣе разсудить?
Да ты сокровище, мой другъ!

Звонкинъ.

Какія чувства!

Турусинъ.

Заставить вамъ легко безъ всякаго искусства
Себя боготворить въ семейственномъ кругу.

Лиза (*тихо Любиму*).

Что значить это все?

Любимъ (*также*).

Постигнуть не могу.

Звонкина.

Теперь намъ дядюшку склонить на это должно.

Турусинъ.

Тутъ надо поступить отъѣнно осторожно.

Любимъ.

Ну, нѣтъ, за дѣдушку ручаюсь смѣло вамъ.

Звонкинъ.

Все такъ, да онъ подчасъ бываетъ страхъ упрямъ;
Какъ скажетъ: «не хочу!» такъ съ свадьбой и прощайтесь.

Турусинъ.

Мы будемъ всё просить, а вы ужь постарайтесь
Разжалобить его: поплакать не бѣда.

Звонкина.

А чтожъ, и подлинно!—вѣдь слезы-то вода.

(Лизъ)

Поплачь, мой другъ!

Любимъ.

Зачѣмъ...

Лиза.

Повѣрьте мнѣ, напрасно.

Звонкина.

Все лучше, милая! Согласенъ онъ—прекрасно!
А если нѣтъ?...

Любимъ.

Но я...

Звонкина.

Ты слишкомъ ужь уменъ:

Нельзя-ли помолчать!

Турусинъ.

Но тише,—вотъ и онъ!

Звонкинъ.

Ну, сердце замерло!

Звонкина.

Я что-то оробѣла.

Турусинъ.

Не бойтесь ничего!—начать мое ужь дѣло.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Тъ же и Здравосудовъ.

Здравосудовъ.

Да здѣсь, мнѣ кажется... такъ точно—вся семья.
Тѣмъ лучше—очень радъ!—Ну, что, мои друзья,
Чай все обдумали,—и ваши всё сомнѣнья
Теперь ужь рѣшены?... Но вы въ большомъ смущеньи;
Что сдѣлалось?

Турусинъ (въ сторону).

Съ чего бы мнѣ начать?

Здравосудовъ (*Звонкину*).

Скажи, мой друг!

Звонкинъ (*показывая на Турусина*).

Вотъ братъ вамъ будетъ отвѣчать.

Турусинъ (*въ сторону*).

Ахти, бѣда!—а онъ глядитъ такимъ злодѣемъ!

Звонкинъ (*тихо Турусину*).

Рѣшишь.

Турусинъ (*тихо Звонкиной*).

Нельзя-ли вамъ?

Звонкина (*громко*).

Сказать-то мы не смѣемъ.

Здравосудовъ.

Скажи!

Звонкина.

Ну, если васъ мы этимъ огорчимъ?

Вѣдь съ ней давно...

Здравосудовъ.

Ну, что?

Звонкина.

Помолвленъ нашъ Любимъ.

Здравосудовъ.

Возможно-ли? И я совсѣмъ не зналъ объ этомъ!

Звонкинъ.

Сегодня-жъ къ вамъ писать хотѣли съ эстафетомъ,
Да вы пріѣхали.

Здравосудовъ.

Въ какихъ я дуракахъ!

Звонкина.

Ихъ участь, дядюшка, у васъ теперь въ рукахъ!

Здравосудовъ.

И я въ тебѣ, Любимъ, соперника встрѣчаю!

Лиза.

Соперника?

Любимъ (*въ сторону*).

Ага! теперь я понимаю.

Здравосудовъ.

Вотъ этого, божусь, никакъ не ожидалъ,
Чтобъ ты, Любимъ...

Звонкина.

Да если бы онъ зналъ,
Что вы на Лизанькѣ намѣрены женаться,
То вѣрно-бъ ужъ не смѣлъ въ нее влюбиться.

Здравосудовъ.

Конечно, милая, я это знаю самъ,
Однакожь, признаюсь...

Турусинъ.

Не грустно-ль будетъ вамъ
Навѣкъ ихъ разлучить?

Звонкина.

Когда ужъ все готово
Для свадьбы ихъ; (*тихо Лизъ*). Да плачь!

Звонкинъ (*тихо Любиму*).

Ну чтожь! скажи хоть слово!

Турусинъ.

Заставьте за себя вѣкъ Бога ихъ молить!

Здравосудовъ.

Досадно, а пришлось невѣсту уступить.

Звонкина.

Согласны вы?

Здравосудовъ.

Но съ тѣмъ, чтобъ онъ съ своей женою
Съ сихъ поръ ужъ навсегда остался жить со мною.

Любимъ.

Отъ всей души.

Звонкинъ.

Да вамъ лишь стоитъ приказать.

Турусинъ (*въ сторону*).

Зарѣжетъ онъ меня!

Здравосудовъ.

Я долженъ вамъ сказать,
Что я, себя почти женатымъ ужъ считая,

И васъ вознаграждать отъ всей души желая
За безкорыстіе, достойное похвалъ,—
По двѣсти тысячъ вамъ въ духовной назначалъ,
Но такъ какъ, моему противно ожиданью,
Я долженъ ужъ теперъ, по вашему желанью,
Остаться холостымъ,—то эти деньги я,
Съ согласья вашего, любезные друзья,
Даю въ приданое Любимовой невѣстѣ.

Л и з а.

Возможно-ли?

Т у р у с и н ь *(въ сторону)*.

Чуть-чуть я устоялъ на мѣстѣ!

Л ю б и м ь.

Вы благодѣтель нашъ!

З д р а в о с у д о в ь.

Скажи, мой другъ, отецъ!

Да, дѣти милыя, я счастливъ, наконецъ:
Пусть буду я теперъ повинуть цѣлымъ свѣтомъ,
Повѣрьте мнѣ—грустить не стану я объ этомъ;
Живя средъ васъ, свое забуду сиротство:
Вы мнѣ замѣните и свѣтъ и все родство;
И, въ васъ однихъ найдя подъ старость утѣшенье,
Однимъ оставляю вамъ по смерти все имѣнье.

Т у р у с и н ь *(въ сторону)*.

Какъ? что? Ахъ, Боже мой! да это ужъ разбой!

З д р а в о с у д о в ь.

Теперъ, мои друзья, прошу идти со мной;
Все это утвердить хочу я завѣщаньемъ.

(Здравосудовъ, Любимъ и Лиза уходятъ).

З в о н к и н а Т у р у с и н у *(уходя)*.

Не мы, тая нашъ Любимъ съ богатымъ состояньемъ.

З в о н к и н ь *(женъ)*.

Пойдемъ! *(Уходитъ съ нею за Здравосудовымъ)*.

Т у р у с и н ь *(одинъ)*.

Что слышалъ я? Во снѣ, иль на яву?

Они наслѣдники—и я еще живу!

О, варваръ! о, злодѣй!... Ну, выдумалъ я средство:
Безъ денегъ, безъ жены и даже—безъ наслѣдства.

к о н е ц ь.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ФИЛОСОФЪ

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

Представлена въ первый разъ въ Императорскомъ Московскомъ театрѣ,
1 января 1823 года, въ бенефисъ актера Г. Сабурова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г-нъ Волгинъ	Г. <i>Зубовъ.</i>
Лиза, дочь его	Г-жа <i>Вятрои. м.</i>
Ленская, пріятельница Лизы	Г-жа <i>Вятрои. б.</i>
Г-нъ Ландышевъ, женихъ Лизы	Г. <i>Воеводинъ.</i>
Болеславскій, влюбленный въ Лизу	Г. <i>Булазовъ.</i>
Князь Зарѣцкій, пріятель Болеславскаго	Г. <i>Сабуровъ.</i>
Иванъ, слуга Волгина	Г. <i>Рязанцевъ.</i>

Театръ представляет садъ; съ лѣвой стороны деревня и кустарники, съ правой часть дома; въ глубинѣ сцены рѣшетчатый заборъ съ воротами, за которыми видно поле и нѣсколько крестьянскихъ избъ).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Болеславскій (*одинъ выходитъ изъ дому*). Какое прекрасное утро!—Какъ должно быть весело тому, кто счастливъ и покоенъ!—Давно-ли и я былъ счастливъ и покоенъ... а теперь...

Давно-ль въ безпечности счастливой,
Среди забавъ, не зная зла,
Въ ладу съ фортуной прихотливой,
Спокойно жизнь моя текла;
Я вслѣдъ за славой не стремился,
Довольный жребіемъ благимъ...
Увидѣлъ Лизу—и простился
Навѣкъ я съ счастьемъ моимъ.

* *
*

Давно-ли всѣхъ забавъ душою
Въ кругу пріятелей я былъ
И скуки никогда съ собою
Въ бесѣду ихъ не приносилъ;
Бездѣлкой всякой веселился,
Минуты не былъ безъ затѣй...
Увидѣлъ Лизу—и простился
На вѣкъ съ веселостью мой.

И такъ послѣзавтра этотъ несносный Ландышевъ назоветъ Лизу своею женою... Своей женою!... и я не могу помѣшкать этому!—не могу имѣть ни малѣйшей надежды!... А впрочемъ, почему-жь?... Она еще не замужемъ; легко

быть может какое-нибудь непредвидимое обстоятельство, какой-нибудь счастливый случай отдалить на нѣсколько времени эту свадьбу, и тогда... почему знать, может случиться:—отчаяваться никогда не должно.

Терять надежды никогда
Любовникамъ не должно;
И если робкимъ все бѣда,
То смѣлымъ все возможно.
Въ любви надежда умъ даетъ,
Отчаянье насъ губить;
И кто надеждой не живетъ,
Тотъ истинно не любить.

Такъ точно: кто любить, тотъ долженъ надѣяться. Надо только хорошенько подумать; можетъ быть, я и найду какое-нибудь средство избавиться отъ моего соперника. Что, еслибъ я... Подумаемъ!...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Болеславскій и князь Зарѣцкій.

Князь. Слава Богу! насилу отыскалъ живого чело-
вѣка. Да это, кажется, самъ хозяинъ.

Болеславскій (*продолжаетъ размышлять, не замѣчая князя*). Нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ!

Князь (*подходя къ Болеславскому*). Извините, милости-
вый государь... Кой чортъ!—не ошибаюсь ли я?—старый
мой сослуживецъ—Болеславскій!

Болеславскій. Возможно ли! князь Зарѣцкій!

Князь. Какая театральная встрѣча!—обними меня, мой
другъ! Да не у тебя-ли я въ гостяхъ?

Болеславскій. Ты въ домъ у сосѣда моего Николая
Ивановича Волгина.

Князь. У твоего сосѣда? Такъ ты помѣщикъ въ здѣш-
ней округѣ?

Болеславскій. Моя деревня въ пяти верстахъ от-
сюда.—Да тебя какъ Богъ занесъ въ нашу сторону? От-
куда ѣдешь, куда и зачѣмъ?

Князь. Изъ Москвы, въ деревню, жениться.

Болеславскій. Жениться?

Князь. И сдѣлаться твоимъ сосѣдомъ.

Болеславскій. Нѣтъ, шутишь?

Князь. Да, мой другъ; деревня будущей моей жены въ двадцати верстахъ отсюда. И вообрази мою досаду, на здѣшнемъ почтовомъ дворѣ всѣ лошади въ разгонѣ, а обывательскихъ не даютъ безъ помѣщика: и потому я пришелъ было просить его...

Болеславскій. Ты женишься—въ двадцати верстахъ отсюда;—да на комъ-же?

Князь. На милой, прелестной и богатой вдовушкѣ.

Болеславскій. На вдовѣ?

Князь. Мы познакомились въ Москвѣ. Я ей понравилась, она мнѣ приглянулась; я много думать не люблю, она также не охотница долго размышлять: въ двѣ недѣли мы полюбили другъ друга, объяснились, помолвили, и, чтобъ избѣгать пустыхъ толковъ и пересудовъ, рѣшились сыграть нашу свадьбу въ ея деревнѣ. Она поѣхала впередъ, а я остался окончить кой-какія дѣла; отдѣлался скорѣй, чѣмъ думалъ и лечу теперь на крыльяхъ любви, то есть скачу на почтовыхъ.

Болеславскій. Вѣдь это не секретъ? Твою невѣсту зовутъ?...

Князь. Ее зовутъ!... Чуть было не забылъ! Вѣдь я далъ ей слово не говорить никому о нашей свадьбѣ до тѣхъ поръ, пока мы не обвѣнчаемся.

Болеславскій. И ты, какъ вижу, не забываешь своего обѣщанія.

Князь. Разумѣется. Ахъ, Болеславскій! еслибъ ты могъ вообразить, какъ она мила!

Болеславскій. Воображаю, мой другъ, и даже такъ живо, что, кажется, могу описать ее.

Князь. Въ самомъ дѣлѣ?

Болеславскій. Послушай!

Всегда съ пріятелемъ готова
Смѣяться и шутить она...

Князь. Точно!—моя невѣста превеселаго характера.

Болеславскій.

Хотя и росту небольшого,
За то какъ грація стройна...

Князь. И это правда.

Болеславскій.

Плѣнять собою всѣхъ желанья
Враги въ ней даже не найдутъ...

Князь. О, нѣтъ она не кокетка!
Болеславскій.

И чтобъ окончить описанье,—
Ее Глафирую зовутъ.

Князь. Какъ, Болеславскій, такъ ты знаешь, что Глафира Ленская?...

Болеславскій. Твоя невѣста.

Князь. Вотъ женщины! Взяла у меня слово молчать, а сама проболталась.

Болеславскій. Не она, князь, а ты.

Князь. Помилуй! Да я только сказалъ, что ея деревня въ двадцати верстахъ отсюда.

Болеславскій. Бездѣлица! А въ двадцати верстахъ кругомъ, кромѣ Ленской, нѣтъ ни одной молодой, прекрасной и богатой вдовы.

Князь. Ну, Болеславскій, если ты знаешь мою невѣсту, то суди самъ, съ какимъ нетерпѣнiемъ я спѣшу ее увидѣть. И такъ, прошу не погнѣваться, я очень радъ, что встрѣтился съ тобою; но, несмотря на то, не хочу терять ни минуты, и для того... (*Хочетъ войти въ домъ*).

Болеславскій (*останавливая его*). И, нѣтъ, мой другъ, мы такъ скоро не разстанемся... твоя невѣста здѣсь.

Князь. Здѣсь?

Болеславскій. Да! Ленская, также, какъ я, въ гостяхъ у Волгина.

Князь. Она здѣсь? Возможно-ли? Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ. (*Хочетъ войти въ домъ*).

Болеславскій (*останавливая*). Какой нетерпѣливый! Да погоди! Ты сейчасъ ее увидишь: она приходитъ каждое утро сюда гулять, и можетъ быть чрезъ полчаса...

Князь. Чрезъ полчаса! И я долженъ дожидаться полчаса!

Болеславскій. Какъ тебѣ не стыдно, князь! Можетъ быть чрезъ нѣсколько дней она навсегда будетъ твоею, и ты не хочешь подождать полчаса! Каково-жъ мнѣ, вообрази, мой другъ! Въ кои-то вѣки вздумалъ я влюбиться въ прелестную милую дѣвушку,—и черезъ двѣ недѣли она выходитъ замужъ за другого.

Князь. Ага, пріятель, такъ и ты попался!

Болеславскій. Чтожъ дѣлать, мой другъ; видно уже такъ написано было въ книгѣ судьбъ. Выпедши въ отставку, я пріѣхалъ сюда, познакомился съ Волгинымъ, влюбился въ его дочь, и только третьяго дня узналъ, что онъ намѣренъ ее выдать замужъ за своего пріятеля Ландышева.

Князь. А что за человекъ этотъ Ландышевъ?

Болеславскій. Вотъ то-то и досадно, мой милый! Ужъ пускай-бы онъ былъ человекъ, а то животное, какой-то деревенскій философъ, въ которомъ нѣтъ ни на волосъ здраваго смысла.

Князь. Это въ самомъ дѣлѣ досадно. Да нельзя-ли какъ-нибудь помочь твоему горю? Послушай! увези ее; я помогу.

Болеславскій. Нѣтъ, князь, она на это никакъ не рѣшится; а признаюсь, другого средства я и самъ не вижу. Но кто-то идетъ; кажется... такъ точно, Ленская.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Ленская.

Ленская. Боже мой! Князь! вы-ли это?

Князь (*цѣлуя у нея руку*). Да, сударыня, это я, вашъ страстный, нѣжный и вѣрный любовникъ!

Ленская. Какъ вы меня испугали и обрадовали; я никакъ не ожидала такъ скоро васъ увидѣть.

Князь. И вы могли думать, что я рѣшусь цѣлый мѣсяцъ быть съ вами розно?

Ленская. Какъ вы милы, князь! (*Увидѣвъ Болеславскаго*). Ахъ, Боже мой, вы здѣсь!

Князь. Не бойтесь ничего: это мой сослуживецъ и старинный пріятель; онъ знаетъ все.

Ленская. Какъ, сударь! Такъ вы забыли ваше обѣщаніе!

Князь. Боже сохрани! Да я пошлюсь на него. Я только намекнулъ, что пріѣхалъ сюда жениться, — а онъ тотчасъ и отгадалъ, что на васъ.

Болеславскій. И признаюсь, отгадать было очень трудно.

Князь. Теперь ничто въ мірѣ не заставитъ меня разстаться съ вами. Сегодня мы отправимся въ вашу деревню, завтра обвиняемся...

Ленская. А послѣ завтра поѣдемъ опять въ Москву, не такъ-ли?

Князь. Въ Москву, или въ Сибирь, въ Петербургъ, или въ Камчатку, — куда вамъ угодно, хотя на край свѣта, только вмѣстѣ съ вами.

Ленская. И вы рѣшитесь оставить безъ всякой помощи Болеславскаго? Я увѣрена, онъ успѣлъ уже рассказать вамъ о своемъ горѣ.

Князь. Какъ-же! — бѣдняжка влюбленъ.

Болеславскій. И безъ всякой надежды.

Ленская. Чтожъ дѣлать! Я никакъ не могу уговорить Лизу сказать на-отрѣзъ своему жениху, что она терпѣть его не можетъ: Лиза такъ робка, привыкла съ такою покорностію выполнять приказанія своего батюшки, что скорѣй рѣшится молчать и умереть отъ отчаянія, чѣмъ сказать одно слово и выдти замужъ за человѣка, котораго любить больше всего на свѣтѣ.

Князь. А что этотъ Ландышевъ не молодой ужъ человѣкъ?

Ленская. Нельзя сказать, — ему лѣтъ за пятьдесятъ.

Князь. Такъ поэтому онъ очень богатъ?

Болеславскій. Да — у него безъ малаго сорокъ душъ.

Князь. А, понимаю: онъ человѣкъ чиновный.

Ленская. Какъ-же: отставной титулярный совѣтникъ.

Князь. Тѣфу пропасть! Что-же въ немъ нравится вашему Волгину?

Болеславскій. Что нравится? Да ты не знаешь: Ландышевъ великій человѣкъ:

Онъ родился хоть незнатнымъ,
Но за то каковъ мудрецъ,
Сочинитель и дѣлецъ!
Языкомъ для всѣхъ понятнымъ
Двухъ не скажетъ сряду словъ;
И хоть даже не ассессоръ,
Но въ политикѣ профессоръ
И ужасный философъ.

Князь. Все это хорошо; но я никакъ не понимаю...

Болеславскій. А вотъ послушай! Надобно тебѣ сказать: этотъ Ландышевъ, тому лѣтъ двадцать назадъ, издалъ

въ свѣтъ какую-то политическую книгу, въ которой онъ доказываетъ, что отечество безъ него обойтись никакъ не можетъ; неблагодарное отечество не обратило на это никакого вниманія, — онъ разсердился, вышелъ въ отставку...

Ленская я. И, потерявъ всю надежду сдѣлаться чело-вѣкомъ государственнымъ, рѣшился быть философомъ, то есть, презирать славу, почести и чины.

Болеславскій. Его деревня отсюда въ двухъ верстахъ. Хозяинъ здѣшняго дома, г. Волгинъ, имѣетъ также слабость считать себя великимъ политикомъ, и, чтобъ доказать это на самомъ дѣлѣ, пишетъ безпрестанно проекты: натурально, они познакомились.

Ленская я. Ландышевъ, который въ глазахъ Волгина, какъ философъ и сочинитель политической книги, есть нѣчто очень важное, успѣлъ завладѣть имъ совершенно, сталъ поправлять его проекты, и скоро сдѣлался для Волгина столь необходимымъ...

Болеславскій. Что онъ, желая еще болѣе привязать его къ себѣ, рѣшился выдать за него свою дочь.

Князь. Бѣдненькая! Да чѣмъ же она виновата?

Болеславскій. Вотъ то-то и есть! А признаюсь, еслибъ Ландышевъ не былъ моимъ соперникомъ, то я отъ всей бы души надъ ними смѣялся. Я не знаю ничего забавнѣе этого чудака! Онъ, какъ философъ, презираетъ богатство и беретъ двойной оброкъ съ своихъ крестьянъ; говоритъ съ пренебреженіемъ о знатныхъ и готовъ рѣшиться на все, чтобъ только заслужить благодарную улыбку какого-нибудь вельможи.

Ленская я. Да вотъ не далѣе, какъ вчера, онъ получилъ письмо изъ Петербурга. Не знаю, кто-то пишетъ къ нему, что одинъ отмѣнно знатный чело-вѣкъ отправился подъ чужимъ именемъ путешествовать по Россіи и, вѣроятно, на этихъ дняхъ будетъ проѣзжать чрезъ нашу губернію; вы не можете представить, какъ эта новость его взволновала: цѣлый день онъ только о томъ и говорилъ.

Князь. Знаешь-ли что? Легко быть можетъ, что меня здѣсь примутъ за этого знаменитаго путешественника: вѣдь и я ѣду подъ чужимъ именемъ.

Ленская я. Неужели? Да для чего же?

Князь. Ужъ точно по неволѣ. Пріятелю моему Пронскому нужно было побывать въ здѣшней губерніи; онъ взялъ подорожную на свое имя, и мы поѣхали вмѣстѣ. На

половинѣ дороги повстрѣчался съ нами его дядя, къ которому онъ ѣхалъ; Пронскій воротился съ нимъ въ Москву, а я подѣ его именемъ, то-есть съ его подорожною отправился далѣе.

Болеславскій. Что, еслибъ въ самомъ рѣлѣ... Пойстой! какая счастливая мысль!—Такъ, мой другъ, ты долженъ быть и будешь этимъ знатнымъ путешественникомъ.

Князь. Я, мой милый?

Болеславскій. Да, князь, ты. И если только мы успѣемъ увѣрить въ этомъ Ландышева, то, можетъ быть, дѣла мои поправятся.

Князь. Я тебя не понимаю.

Ленская. А я такъ догадываюсь.

Князь. Изволь, мой другъ! Если тебѣ надобно, я знатнаго представить готовъ; впрочемъ, это не очень и трудно: должно только быть отмѣнно вѣжливымъ, любезнымъ...

Ленская. И, князь, какъ примѣтно, что вы не жили въ провинціи и не знаете, какое понятіе имѣютъ здѣсь о знатныхъ. Повѣрьте, чѣмъ менѣе вы будете походить на истиннаго вельможу, тѣмъ скорѣе васъ за него примутъ.

Быть разсѣяннымъ старайтесь,
Гордый вокругъ бросайте взглядъ,
Безъ причины улыбайтесь,
Отвѣчайте невпопадъ,
Говорите вздоръ и дѣло
Съ видомъ важнымъ всякій разъ,—
И тогда, надѣйтесь смѣло,
За вельможу примутъ васъ.

* * *

На диванѣ какъ въ постелѣ
Развалитесь безъ стыда;
Если рѣчь зайдетъ о дѣлѣ,
Задремляйте иногда,
Будто-бъ вамъ ужъ надоѣло
Говорить и слушать насъ,—
И тогда, надѣйтесь смѣло,
За вельможу примутъ васъ.

Князь. О, если такъ,—не безпокойтесь, я сыграю мастерски мою роль.

Болеславскій. Идя сюда, ты никого не встрѣтишь?

Князь. Ни одной души.

Болеславскій. Тѣмъ лучше. Теперь я проведу тебя

садомъ въ деревню; а чрезъ полчаса ты придешь сюда опять этими воротами.

Князь. Не придѣтся-ли мнѣ?

Болеславскій. Нѣтъ, нѣтъ, въ дорожномъ платьѣ. Пойдемъ скорѣе; здѣсь могутъ насъ застать вмѣстѣ,—а это совершенно разстроить нашъ планъ.

Князь. Но я еще ничего не знаю.

Болеславскій. Дорогой я расскажу тебѣ все. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛЕНСКАЯ (*одна*).

Какъ-бы я желала, чтобъ наши чудаки приняли его за знатнаго барина; тогда ему не трудно будетъ помочь своему пріятелю. Я воображаю: онъ скажетъ два-три ласковыя слова Волгину,—и Волгинъ будетъ внѣ себя отъ радости; приласкаетъ Ландышева,—и Ландышевъ сойдетъ съ ума, то-есть сдѣлается еще глупѣе, хоть это кажется и трудно. Онъ такой несносный, нестерпимый дуракъ, что я не могу никакъ понять, какъ Лиза не рѣшится на все, чтобъ только избавиться отъ этого уroda. Но что я говорю! Я и сама точно такъ же вышла за покойнаго моего мужа. Онъ былъ вовсе не любезенъ, и къ тому-жъ мнѣ было шестнадцать, а ему шестьдесятъ лѣтъ.

Я въ первый день рвалась, рыдала,
Родныхъ винила, дѣлалъ свѣтъ;
Сто разъ съ досадою повторяла:
Скажу на зло при всѣхъ я: нѣтъ!
Когда-жъ приданое поспѣло,
Послушнѣй стала я тогда,
И тѣмъ окончилось все дѣло,
Что въ третій день сказала: да!

Правда, я не была влюблена, а Лиза истинно любить Болеславскаго.—Но вотъ и она.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЛЕНСКАЯ И ЛИЗА.

Ленская. Здравствуй, милая! Боже мой! какъ ты блѣдна! Здорова-ли ты?

Лиза. Къ несчастью, очень здорова.

Ленская. Глаза заплаканы...

Лиза. Да, я проплакала всю ночь; но за то теперь очень весела, и знаете-ли, отчего?

Ленская. Нѣтъ, не знаю.

Лиза. Пусть батюшка сердится на меня, какъ хочетъ, а я рѣшилась...

Ленская. Сказать, что не можешь терпѣть Ландышева?

Лиза. Нѣтъ; я рѣшилась молчать.

Ленская. Только-то?

Лиза. Пускай батюшка прикажетъ мнѣ теперь сказать Ландышеву, что я его люблю,—ни за что не скажу.

Ленская. Въ самомъ дѣлѣ?

Лиза. Буду молчать, какъ убитая.

Ленская. Послушай, мой другъ, тебѣ не молчать, а говорить надобно. Почему знать? Скажи откровенно своему батюшкѣ, что ты любишь Болеславскаго,—такъ можетъ быть онъ посердится, посердится а, наконецъ, и согласится выдать тебя за него замужъ.

Лиза. О, нѣтъ, я на это никакъ не рѣшусь.

Ленская. Право? А я думала, что ты его любишь.

Лиза. Ахъ; Боже мой! да развѣ я не люблю его?

Ленская. Разумѣется, нѣтъ. Если-бы ты истинно его любила, то давно-бы сказала объ этомъ своему батюшкѣ.

Лиза. Я не люблю Болеславскаго?—и вы можете это думать? Боже мой! я не люблю его? И вамъ не стыдно это говорить? Такъ знайте-же: я готова на все рѣшиться! Я скажу батюшкѣ, что не терплю Ландышева, что люблю Болеславскаго, что сойду съ ума отъ отчаянія... что я... что я... умру, если онъ не сжалится надо мною... что я... да, да, сударыня, я все это скажу, и при васъ, слышите ли,—при васъ.

Не только батюшкѣ готова
Теперь, когда на то пошло,

Все это повторить до слова,
Но вамъ, сударыня, на зло,
Объ этомъ завтра-жъ, если надо,
Узнаеть вся моя родня...

Ленская (*оканчивая куплетъ*).

Тѣмъ лучше, милая, я рада,
Сердись побольше на меня.

Лиза. Я не люблю его!

Ленская. Ну, хорошо, согласна, мой другъ,—ты его любишь, очень любишь; только надобно доказать это на самомъ дѣлѣ.

Лиза. А вотъ увидите—я скажу батюшкѣ:

Ничто на свѣтѣ не принудить
Меня забыть любовь мою;
Мнѣ мужемъ Ландышевъ не будетъ,
При васъ я клятву въ томъ даю.
Другого сердцемъ обожаю,
Люблю душой и почитаю;
Моей достоенъ овъ руки.
И если вы не согласитесь,
То съ дочерью проститесь:
Умреть она съ тоски.

Ленская. Тихе, сюда идуть.

Лиза. Ахъ, Боже мой! батюшка!

Ленская. И твой женихъ. Смотри же, милая, не робѣй.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Ландышевъ, Волгинъ и Иванъ.

Волгинъ (*Ивану*). Такъ ты не спросилъ, кто эти прѣзжіе?

Иванъ. Нѣтъ, сударь; я видѣлъ только коляску.

Волгинъ. Бѣги же на почтовый дворъ, и узнай отъ смотрителя, кто мѣняетъ здѣсь лошадей.

Иванъ. Слушаю, сударь! (*Уходитъ*).

Ландышевъ. Да что это васъ такъ тревожить?

Волгинъ. Такъ, братецъ,—одно любопытство; а впрочемъ, почему знать,—можетъ быть это...

Ландышевъ. Тотъ знатный путешественникъ, о которомъ мнѣ писали? Не стыдно-ли! онъ не выходитъ у васъ изъ головы.

Волгинъ. Да и ты о немъ что-то часто поговариваешь.

Ландышевъ. Я? Стану я думать о такой мелочи! Знатный путешественникъ! Да какое намъ до него дѣло?

Волгинъ. Конечно, конечно.

Ландышевъ. Знайте, сударь, что истинный философъ, кто-бы онъ ни былъ, важнѣе для меня всякаго знатнаго человѣка.

Волгинъ. Безъ сомнѣнiя.

Ландышевъ. Знатность есть ничто иное, какъ мишурная оболочка, ослѣпляющая однихъ глупцовъ.

Волгинъ. Прекрасная сентенція! — Какъ бишь, мишурная оболочка...

Ландышевъ. Ослѣпляющая однихъ глупцовъ.

Волгинъ. Точно, точно, мой милый! (*Увидя Ленскую*). А, здравствуйте, сударыня! Вы ужь въ саду? Здорова, Лизанька! Что-жъ ты не кланяешься жениху? (*Лиза приспѣдаетъ*). А ты что стоишь, братецъ; подойди, да поговори съ нею.

Ландышевъ (*подойдя къ Лизѣ*). Вы нынче рано встали, сударыня?

Лиза. Да-съ.

Ландышевъ. Часу въ седьмомъ?

Лиза. Да-съ.

Ландышевъ. И давно въ саду?

Лиза (*приспѣдала*). Да-съ.

Волгинъ. Тѣфу пропасть, что это за разговоръ. Развѣ такъ отвѣчаютъ своему жениху?

Ландышевъ (*отводя его прочь*). И, полноте; вы пуще ее испугаете.

Къ чему такое нетерпѣнiе!
Прошу насъ слушать издали.
(*Лиза*). Позвольте взять мнѣ дерзновенье
Узнать, какъ ночь вы провели?

Ленская. Очень худо! — я за нее могу вамъ отвѣчать.

Ландышевъ.

Конечно васъ перепугали
Дурные сны? — Признайтесь мнѣ!

Л и з а.

Вы точно, сударь, отгадали,
Все васъ я видѣла во снѣ.

Ландышевъ. То-есть, вы видѣли во снѣ, что я бо-
лень—умираю—не такъ-ли?

Волгинъ. Или, можетъ быть, что ты женишься на
другой. Да небось, Лизанька, онъ отъ насъ не ускользнетъ!
Черезъ двѣ недѣли я васъ обвинчаю—такъ дѣло и кончено.

Лиза. Ахъ, батюшка!...

Волгинъ. Что такое?

Ленская (*тихо*). Смѣлѣй, милая!

Волгинъ. Ну, что же, говори!

Лиза. Неужели моя свадьба черезъ двѣ недѣли?

Волгинъ. Да, сударыня! А что ты хочешь этимъ
сказать?

Лиза (*истулавшись*). Ничего-съ.

Ленская (*тихо*). Рѣшишь!

Лиза. Ахъ, батюшка! я безъ ужаса и подумать не
могу объ этомъ.

Волгинъ. Ба, ба, ба!—что это значить? Ужь не упря-
миться-ли ты хочешь? Боже тебя сохрани!

Лиза. Ахъ нѣтъ-съ... я...

Волгинъ. Такъ чего-жъ ты боишься? А, понимаю:
тебѣ ужъ наскучило быть невѣстою, не правда-ли? Хо-
рошо, хорошо, мой другъ, свадьба твоя не черезъ двѣ не-
дѣли, а послѣзавтра.

Ленская (*въ сторону*). Прекрасно!

Волгинъ. Ты молчишь, плутовка? Добро, ступай-ка,
да примѣрь свое подвѣчное платье; я посмотрю его на
тебѣ самъ.

Ленская (*тихо Лизѣ*). Какое малодушіе! Не стыдно-
ли тебѣ?

Лиза. Ахъ, милая! я едва дышу отъ страха. (*Ухо-
дитъ*).

Ленская (*идя за нею, въ сторону*). Бѣдный Болеслав-
скій!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Волгинъ и Ландышевъ.

Волгинъ. Ну, любезный, мы теперь одни; при барыняхъ я не люблю говорить о дѣлѣ. Какъ ты думаешь? Я нынче писалъ всю ночь и кончилъ мой проектъ объ устройствѣ водяного сообщенія между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ.

Ландышевъ. Неужели кончили?

Волгинъ. И переписалъ на-бѣло.

Ландышевъ. Да вы убиваете себя.

Волгинъ. Что-жъ дѣлать, милый! Кто хочетъ быть полезенъ своему отечеству, тотъ долженъ забывать самого себя.

Ландышевъ. Это очень похвально; но...

Волгинъ. Нѣтъ, нѣтъ, любезный; для блага общаго можно и должно жертвовать собою.

Ландышевъ. Не спорю; однакожь...

Волгинъ. Подумать не могу безъ восхищенія: соединить два моря,—какое великое дѣло! А для торговли-то сколько выгодъ, мой другъ!...

Чтобъ подробно ихъ исчислить,
Коротка вся жизнь моя;
Безъ восторга и помыслить,
Не могу объ этомъ я.
Персіяне и китайцы,
Кашемирцы и бухарцы
Приплывутъ въ Одессу къ намъ.
Мы собою бросимъ ловлю,
А индѣйскую торговлю
Приберемъ тогда къ рукамъ.

* * *

Одного лишь опасаться,
Я, могъ другъ, сегодня сталь,
Что едва-ли согласится
Въ триста верстъ провестъ каналъ.

Ландышевъ.

И къ тому-же есть другое
Затрудненье небольшое.

Волгинъ.

Да пустое, братецъ, вздоръ!
Чтобъ свершить мое желанье...

Ландышевъ *(перерывая)*.

Нужно скрыть до основанья
Сотни двѣ кавказскихъ горъ.

Волгинъ. Эхъ, милый! Ну, конечно, съ перваго взгляда это какъ будто-бы и страшно; а впрочемъ пустое,—были-бы только руки. Да вотъ постой, я прочту тебѣ мой проектъ, такъ ты самъ увидишь.

Ландышевъ *(въ сторону)*. Ахти, бѣда!

Волгинъ. Слушай! кой чортъ! да это простая бумага!... Видно я захватилъ ее вмѣстѣ съ проектомъ.—Постой!... *(перебираетъ бумаги)*.

Ландышевъ *(въ сторону)*. Уморить онъ меня!

Волгинъ. А, нашель, вотъ онъ. *(Читаетъ)*. «Проектъ о соединеніи посредствомъ канала двухъ морей, Каспійскаго и Чернаго» *(откашливается)*. Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ-же и Иванъ *(входитъ скоро)*.

Волгинъ. Что ты?

Иванъ. Я, сударь, по вашему приказу былъ сейчасъ на почтовомъ дворѣ.

Волгинъ. Ну, кто этотъ проѣзжій?

Иванъ. А Богъ его знаетъ, сударь.

Волгинъ. Что ты врешь?

Иванъ. Да, точно такъ-съ. Почталіонъ сказалъ мнѣ, что ему этотъ господинъ отъменно подозрителенъ.

Волгинъ. Подозрителенъ.

Иванъ. Да, сударь! Въ подорожной онъ названъ просто какимъ-то Пронскимъ, а слуга говоритъ ему: ваше сиятельство.

Волгинъ. Что это значить, братецъ?

Ландышевъ. Странно, очень странно!

Волгинъ. Ужь не тотъ-ли это знатный путешественникъ?...

Ландышевъ. Быть можетъ.

Волгинъ. Какъ ты думаешь: не пригласить-ли его?

Ландышевъ. Зачѣмъ?

Волгинъ. Какъ, зачѣмъ? а если онъ знатный человекъ?

Ландышевъ. Такъ чтожь! Эхъ, Николай Ивановичъ! вовсе нѣтъ въ васъ философіи! Ну, что вамъ за дѣло, что онъ знатный человекъ?

Волгинъ. А что и въ самомъ дѣлѣ, изъ чего хлопотать; пусть сидитъ себѣ въ избѣ. (*Ивану*). Ступай!

Ландышевъ. Постой, постой! Конечно, онъ ни на что намъ не нуженъ, однакожь, гостепріимство есть философическая добродѣтель.

Волгинъ. Не спору, братецъ. Да не подумаль-бы онъ, что мы это дѣлаемъ изъ подлости.

Ландышевъ. А что вы думаете; быть можетъ. Нѣтъ, не надобно его звать.

Волгинъ. Не надобно. Ступай!

Ландышевъ. Погоди! А если онъ, бѣдняжка, усталъ и желаль-бы отдохнуть; послушайте: вѣдь и къ знатымъ надобно имѣть состраданіе, они такіе-же люди.

Волгинъ. Такъ ты мнѣ совѣтуешь...

Ландышевъ. Пригласите его.

Волгинъ (*Ивану*). Бѣги-же скорѣй, и проси его сюда.

Ландышевъ. Постой, постой! Что вы дѣлаете! Почему-жь и предъ знатымъ человекомъ не быть вѣжливымъ? Пригласите его сами.

Волгинъ. Правда, правда. (*Хочетъ идти*).

Иванъ. Не извольте беспокоиться: вонъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ же и князь Зарѣцкій.

Князь (*весьма холодно и отрывисто*). Позвольте узнать, кто хозяинъ здѣшняго дома?

Волгинъ (*кланаясь*). Я, милостивый государь.

Князь (*приподнявъ шляпу*). Извините! Я спѣшу ѣхать; на почтовомъ дворѣ всѣ лошади въ разгонѣ: надѣюсь, вы прикажете мнѣ дать обывательскихъ.

Волгинъ. Съ величайшею охотою! Мои лошади и я самъ къ вашимъ услугамъ.

Князь. Очень благодаренъ. Впрочемъ, мнѣ нужны однѣ лошади.

Ландышевъ (*съ сторону*). Какъ онъ отвѣчаетъ! О, онъ точно знатный человекъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Болеславскій.

Болеславскій (*не замѣчая князя*). Здравствуйте, Николай Ивановичъ! Вы нынче поздно встали, а я уже успѣлъ... Боже мой! не ошибаюсь-ли я!... (*Подходя почти-тельно къ князю*). Какой случай доставилъ намъ счастье...

Князь. А, любезный Болеславскій! очень радъ васъ видѣть. (*Волгину*). Это старинный мой пріятель.

Болеславскій. Возможно-ли! такая честь!... Ахъ, ваше сія....

Князь (*дѣлаетъ знакъ Болеславскому*). Тсъ! Какъ мы давно съ вами не видались!

Болеславскій. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ имѣлъ счастье служить...

Князь (*прерывая*). вмѣстѣ со мною. (*Волгину*). Вашу садъ, кажется, недурень.

Волгинъ. Вы очень милостивы!

Князь. И даже, сколько можно замѣтить, расположенъ съ нѣкоторымъ вкусомъ. (*Осматривается кругомъ*).

Волгинъ (*тихо Болеславскому*). Кто этотъ господинъ?

Болеславскій. Неужели вы не знаете?

Волгинъ. Скажи скорѣе!...

Болеславскій. Такъ знайте же...

Князь. Болеславскій!

Болеславскій (*подбѣгая*). Чего изволите?

Князь (*съ растянутымъ видомъ*). Такъ, ничего.

Болеславскій (*кланяясь*). Слушаю!

Князь. Да, да!... я хотѣлъ вамъ сказать... (*говоритъ съ нимъ тихо*).

Волгинъ (*Ландышеву*). Теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: этотъ тотъ знатный вояжеръ, о которомъ тебѣ писали.

Ландышевъ. Я и самъ то же думаю.

Волгинъ. Правда, онъ очень молодъ.

Ландышевъ. Что вы? помилуйте; онъ только молодежь.

Князь (*тихо Болеславскому*). Не бойся, я не забуду своей роли; а моя невѣста?

Болеславскій. Я ужь съ ней переговорилъ (*громко и клянясь*), смѣю васъ въ этомъ увѣрить.

Князь (*также*). Я полагаюсь на вашу скромность. (*Волгину*). Позвольте узнать: я скоро буду имѣть лошадей?

Волгинъ. Сію же минуту. Но еслибъ вамъ угодно было сдѣлать мнѣ честь у меня откушать.

Князь. Очень бы радъ, но я такъ тороплюсь.

Ландышевъ. Осмѣлюсь-ли спросить, куда вы изволите ѣхать?

Князь. Я, сударь? Я, право, не могу вамъ сказать; я путешествую.

Ландышевъ (*тихо Волгину*). Слышите?

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Ленская.

Князь. Мнѣ давно хотѣлось объѣхать нѣкоторую часть Россіи.

Волгинъ. Прекрасное намѣреніе!

Ленская (*тихо Ландышеву*). Кто это?—Лицо мнѣ что-то знакомо.

Ландышевъ. Быть можетъ.

Князь (*Волгину*). Не ошибаюсь-ли я: это г-жа Ленская?

Волгинъ. Точно такъ.

Князь (*подходитъ къ ней*). Вы не узнали меня, сударыня?

Ленская. Ахъ, князь!... извините!

Ландышевъ (*тихо Волгину*). Слышите,—князь.

Ленская. Какъ могло мнѣ придти въ голову, что я буду имѣть честь...

Князь (*прерывая*). Признаюсь, я и самъ не ожидалъ васъ такъ скоро увидѣть. Въ послѣдній разъ, если не ошибаюсь, я имѣлъ удовольствіе быть вмѣстѣ съ вами у пріятеля моего...

Ленская. Его свѣтлости князя Знатова.

Князь. Точно такъ.

Ландышевъ (*въ сторону*). У князя Знатова?—Онъ случайный человѣкъ.

Волгинъ. Осмѣлюсь вторично просить васъ сдѣлать мнѣ честь, откупать у меня сегодня.

Князь. Я право не знаю.

Ленская. Позвольте присоединить и мою просьбу.

Князь. О, если вамъ это угодно, то я согласенъ. Я не привыкъ отказывать такимъ любезнымъ просительницамъ.

Ландышевъ (*въ сторону*). Просительницамъ? Онъ министръ. (*Входитъ Иванъ*).

Иванъ. Вашъ человѣкъ здѣсь дожидается.

Князь. Сейчас! Извините. Черезъ двѣ минуты я вашъ. (*Уходитъ въ ворота*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ БЕЗЪ КНЯЗЯ.

Волгинъ (*Болеславскому*). Скажи скорѣе, братецъ, кто онъ такой? Неужели въ самомъ дѣлѣ Пронскій?

Ленская. Пронскій?... какой вздоръ!

Волгинъ. Кто-же онъ?

Ленская. Прекрасно! такъ вы не знаете?...

Болеславскій (*стараясь прервать*). Послушайте!...

Ленская. Онъ князь...

Болеславскій. Бога ради!... (*Говоритъ ей на ухо*).

Ландышевъ (*Волгину*). Слышите?

Ленская (*съ удивленіемъ*). Въ самомъ дѣлѣ? Я этого не знала.

Волгинъ. Такъ онъ не Пронскій?

Ленская (*съ смущеніемъ*). Это правда... онъ ѣдетъ подъ чужимъ именемъ; онъ точно князь...

Волгинъ. Да какой?

Болеславскій. Какой?... Пойдите! да... онъ князь Зарѣцкій.

Ландышевъ. Ха, ха, ха! откуда изволили выкопать эту фамилію?

Волгинъ. Но его званіе, чинъ?

Болеславскій. Кажется, онъ... точно, — отставной ротмистръ.

Ландышевъ. Отставной ротмистръ! ха, ха, ха!

Не хотите вы сознаться
И его связать намъ чинъ;
Но не трудно догадаться,
Что большой онъ господинъ—
Ошибиться невозможно,
Онъ на знатнаго похожъ.

Ленская (*доканчивая куплетъ*).

Для меня признаться должно,
Онъ важнѣе всѣхъ вельможъ.

Ландышевъ. Неужели?

Болеславскій (*Ленской*). Перестаньте!

Ленская. Я больше ничего не скажу.

Волгинъ (*Болеславскому*). Да полно, братъ, секретничать! Ну, чего ты боишься?

Ты слишкомъ, милый, остороженъ,
Вѣдь дѣло все лишь въ двухъ словахъ.

Болеславскій.

Бояться я къ несчастью долженъ;
Судьба моя въ его рукахъ.
И то, къ чему душой стремился,
Теперь зависить отъ него.

Волгинъ.

Я видно толку не добьюсь;
Понять нельзя тутъ ничего.

Болеславскій. Да, сударь, отъ него зависить все мое счастье.

Ландышевъ. Все ваше счастье, — и онъ отставной ротмистръ! — ха, ха, ха!

Ленская. Вотъ, кажется, и онъ. — Прощайте; я пойду

кончить мой туалетъ. Признаюсь, при вашемъ гостѣ я хочу быть какъ можно наряднѣе. (*Уходитъ*).

Болеславскій. И я также не намѣренъ остаться въ сюртукѣ; побѣгу скорѣй одѣться. (*Уходитъ; князь показывается за рѣшеткою*).

Ландышевъ. Посмотрите: ну, похожь-ли онъ на отставного ротмистра?

Волгинъ. Какой важный видъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Князь (*выходитъ на сцену, Ландышевъ и Волгинъ идутъ къ нему навстрѣчу*).

Князь. Представьте мою досаду: коляска изломана, и я долженъ пробыть здѣсь цѣлыя сутки.

Волгинъ. Эта неприятность весьма пріятна для хозяина, потому что доставить ему честь и пріятность.

Князь (*къ Ландышеву*). Далеко-ли отсюда губернской городъ?

Ландышевъ. Верстъ пятьдесятъ;—вы изволите туда торопиться?

Князь. Да, мнѣ нужно кой о чемъ поговорить съ губернаторомъ, и между прочимъ узнать отъ него, гдѣ живетъ въ здѣшней губерніи одинъ почтенный человекъ, съ которымъ я отмѣнно хочу познакомиться.

Волгинъ. Смѣю-ли спросить: кто эта знаменитая особа?

Князь. О, сударь, совсѣмъ не знаменитая; онъ человекъ не знатный, но одаренъ такими необычайными способностями, такимъ великимъ гениемъ...

Ландышевъ (*въ сторону*). Что это значить?

Князь. Еслибъ онъ согласился посвятить свои таланты отечеству, то безъ всякаго сомнѣнія обратилъ бы на себя вниманіе всей Европы.

Ландышевъ (*въ сторону*). Я начинаю догадываться.

Князь. Мнѣ удалось прочесть одно изъ его сочиненій, которое, къ стыду нашему, оставалось до сихъ поръ въ неизвѣстности. Какая глубокая политика!—какія соображенія!...

Ландышевъ (*въ сторону*). Точно, это я!

Волгинъ. Позвольте спросить: его фамилія?...

Князь. Весьма обыкновенная.—Имя его я не знаю, а по фамиліи онъ—Ландышевъ.

Волгинъ. Ландышевъ!

Ландышевъ (*князю*). Вы видите его передъ собою.

Князь. Возможно-ли! вы—г-нъ Ландышевъ! позвольте обнять себя! Какъ, сударь, это вы сочинитель книги или разсужденія?...

Ландышевъ. О политическомъ состояніи европейскихъ государствъ.

Князь. Точно такъ! Теперь я не жалѣю, что моя коляска изломалась.

Волгинъ (*въ сторону*). Я зналъ, что рано или поздно, а отдадутъ ему справедливость.

Князь. Я весьма-бы желалъ поговорить съ вами откровенно.

Ландышевъ. Съ величайшею охотою!... (*тихо Волгину*). Оставьте насъ однихъ!

Волгинъ (*князю*). Мнѣ нужно кой-что распорядить—и такъ, позвольте!...

Князь. Сдѣлайте милость...

Волгинъ (*отведя Ландышева къ сторонѣ*). Послушай-ка, милый! Вотъ мой проектъ; постарайся его прочесть князю.

Ландышевъ. И, сударь, къ чему это!

Волгинъ. Пожалуйста! нельзя-ли какъ-нибудь!

Ландышевъ. Ну, хорошо, хорошо!—ступайте. (*Беретъ бумагу и кладетъ ее въ карманъ*). Какъ надоѣли мнѣ эти проекты! (*Волгинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Князь и Ландышевъ.

Князь. Очень радъ, что мы остались одни. Я надѣюсь, вы будете со мною откровенны.

Ландышевъ. Повѣрьте, ваше сіятельство...

Князь. Какъ, сударь! что это значить?...

Ландышевъ. Можетъ быть я поступаю не скромно—вамъ угодно скрывать ваше имя; но мы здѣсь одни.

Князь. Прошу васъ, оставьте это. Завтра, а можетъ быть и сегодня вы узнаете все; но теперь поговоримте о другомъ. Неужели вы навсегда рѣшили предпочитать свободу славы и почестямъ, которыя ожидаютъ васъ въ службѣ?

Ландышевъ. Повѣрьте, ваше сіятельство, слава и почести...

Князь. Ничто въ глазахъ истиннаго философа—не спорю. Но быть полезнымъ своимъ согражданамъ, заслужить всеобщую благодарность... вы колеблетесь?...

Ландышевъ. Я право не знаю...

Князь. Г-нъ Ландышевъ! Отечество васъ призываетъ!

Ландышевъ. Отечество!—О, послѣ этого мнѣ ничего не остается сказать! Ваше сіятельство, располагайте мною.

Князь. Да я тутъ совершенно ничего; это одинъ дружескій совѣтъ.

Ландышевъ. Я принимаю его съ должнымъ уваженіемъ.

Князь. Какъ вы думаете: если какой-нибудь вельможа, государственный человѣкъ... вы меня понимаете?

Ландышевъ. Понимаю, ваше сіятельство.

Князь. Предложить вамъ на первый случай мѣсто правителя канцеляріи;—что вы на это скажете?

Ландышевъ. Я за счастье почту...

Князь. Нѣтъ, нѣтъ, виновать, способности ваши требуютъ обширнѣйшаго театра, и я думаю... точно такъ, вамъ должно служить по дипломатической части. Надѣюсь, вы не женаты?

Ландышевъ. Нѣтъ еще, ваше сіятельство.

Князь. Тѣмъ лучше.

Ландышевъ. Но я уже помолвленъ.

Князь. Въ самомъ дѣлѣ? Это жаль, очень жаль!

Ландышевъ. Впрочемъ, женитьба не помѣшаетъ мнѣ быть полезнымъ моему отечеству.

Князь. Не помѣшаетъ, сударь? Да знаете-ли, что государственный человѣкъ долженъ совершенно посвятить себя службѣ и не имѣть никакихъ другихъ обязанностей.

Ландышевъ. Конечно, ваше сіятельство, конечно; однакожь много есть примѣровъ.

Князь (*значительно*). По крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Ландышевъ. О, когда вы изволите это думать, то безъ всякаго сомнѣнія... и если ваше сіятельство полагаете это нужнымъ...

Князь. Необходимымъ, сударь, по крайней мѣрѣ для того, кто начинаетъ служить.

Ландышевъ. Я не смѣю сказать утвердительно; но можетъ быть, жертвуя собой общей пользѣ и выполняя желанія вашего сіятельства, рѣшусь...

Князь. Договаривайте.

Ландышевъ. Отказаться отъ моей невѣсты.

Князь (*съ радостію*). Отказаться? — Дайте мнѣ вашу руку! Вотъ истинный сынъ отечества! Такъ, вы заслуживаете всю мою довѣренность, и скоро, очень скоро узнаете меня короче. Повѣрьте, г. Ландышевъ, я кажусь вамъ со-всѣмъ не тѣмъ, что я есть въ самомъ дѣлѣ.

Ландышевъ. Почему-же вашему сіятельству не угодно теперь удостоить меня своей довѣренности?

Князь. О, я имѣю на это весьма важныя причины.

Ландышевъ. Впрочемъ, если-бы я смѣлъ догадываться...

Князь (*съ важностію*). Я васъ прошу быть недогадливымъ.

Ландышевъ. Слушаю, ваше сіятельство!

Князь (*въ сторону*). Начало сдѣлано; теперь надобно посоветоваться съ Болеславскимъ. (*Громко*). Извините; мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ Болеславскому. (*Идетъ въ домъ*).

Ландышевъ. Позвольте мнѣ проводить васъ...

Князь. Не беспокойтесь!

Ландышевъ. Сдѣлайте милость...

Князь (*съ важностію*). Я васъ прошу остаться.

Ландышевъ. Слушаю, ваше сіятельство. (*Князь уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Ландышевъ (*одинъ*).

Слава Богу! наконецъ и я могу выдти въ люди. Одно только досадно: неужели въ самомъ дѣлѣ я долженъ отказаться отъ моей невѣсты?... Ну, да объ этомъ еще подумаемъ. Смотри, Ландышевъ, не упускай своего счастья! Что этотъ князь знаменитый вельможа, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Что онъ отъ меня безъ памяти, это

также очень примѣтно. И такъ рѣшено: я служу... стараюсь всячески угождать князю; награды и чины польются на меня рѣкою, и вскорѣ, можетъ быть, имя мое сдѣлается повсюду извѣстнымъ.

О восторгъ, о восхищенье!
Какъ приятно знатымъ быть!
Я имъ буду безъ сомнѣнья;
Нужно только мнѣ служить.
До чиновъ большихъ добратся
Можно будетъ безъ труда;
Ставу ниже нагибаться,
И одно твердить всегда:

точно такъ, ваше сіятельство! справедливо, ваше сіятельство!—очень справедливо! и прочее и прочее. Его сіятельство улыбается, это значитъ: поздравляю васъ съ чиномъ; потреплетъ меня по плечу, то есть завтра вы получите новое мѣсто. Я удвою мои ласкательства, и можетъ быть... почему-же нѣтъ?—лѣтъ черезъ шесть или семь сдѣлаюсь и самъ большимъ бариномъ. О, тогда-то узнають, каковъ Ландышевъ! У меня будутъ каждое утро

Толпы просителей въ прихожей,
Въ приемной залѣ господъ.
Не хуже многихъ изъ вельможей
Я ставу бариться тогда.
Съ однимъ вступаю въ разговоры,
Кивну другому головой;
А на того лишь кивну взоры,
И тотъ-же часъ къ нему спиной.

Я слышу со всѣхъ сторонъ: Ваше превосходительство! будьте защитникомъ и благодѣтелемъ! — Ваше превосходительство! отъ васъ зависитъ мое счастье! Судьба моя въ рукахъ вашего превосходительства!

Вы защита всѣхъ несчастныхъ,
Покровитель и отецъ!

Будьте спокойны, сударь,—надѣйтесь.

Отъ прижимокъ я ужасныхъ
Разорюсь безъ васъ въ конецъ!

Хорошо, голубчикъ, мы это рассмотримъ.

Къ вашимъ я ногамъ готова,
Благодѣтель мой, упасть.
Ахъ, отецъ! скажите слово
И не дайте мнѣ пропасть!

Довольно, довольно! — Ступайте. (*Музыка первого куплета*).

О восторгъ, о восхищенье!
Какъ пріятно знатнымъ быть!
Я имъ буду безъ сомнѣнья,
Стоять только мнѣ служить.
Философію забуду;
Мудрость бѣднымъ лишь нужна;
Безъ нея извѣстнымъ буду, —
Такъ на кой-же чортъ она?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Ландышевъ и Волгинъ.

Волгинъ. Ну что, милый?

Ландышевъ (*съ нѣкоторою важностію*). А! это вы?

Волгинъ. О чемъ ты поговорилъ съ княземъ?

Ландышевъ. Его сіятельство предлагалъ мнѣ мѣсто правителя канцеляріи.

Волгинъ. Правителя канцеляріи!

Ландышевъ. Да, правителя канцеляріи; — но я на это не согласился.

Волгинъ. Что ты, братецъ, въ умѣ-ли?

Ландышевъ. Онъ упрашивалъ меня самымъ убѣдительнымъ образомъ, и, наконецъ, я рѣшился служить по дипломатической части.

Волгинъ. При какомъ-нибудь посольствѣ?

Ландышевъ. Нѣтъ, лично при его особѣ.

Волгинъ. Поздравляю, милый, поздравляю — очень радъ! А что его сіятельство сказалъ о моемъ проектѣ?

Ландышевъ. О вашемъ проектѣ?

Волгинъ. Ты обѣщалъ прочесть его князю.

Ландышевъ (*въ сторону*). Какъ-бы отъ него отдѣлаться. (*Громко*). Да, я докладывалъ его сіятельству.

Волгинъ. Чтожъ онъ изволилъ сказать?

Ландышевъ. Онъ на этотъ счетъ не совсѣмъ еще изъяснился; но, сколько можно замѣтить, князь отмѣнно имъ доволенъ.

Волгинъ. Неужели? А какъ ему показалось вступленіе?

Ландышевъ. Вступленіе? — Гмъ!... Вступленіе показалось ему нѣсколько неяснымъ.

Волгинъ. Неяснымъ? Такъ поэтому конецъ...

Ландышевъ. Да, да, конецъ-то болѣе всего и понравился.

Волгинъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Ландышевъ. Впрочемъ, я совѣтую вамъ не говорить ничего объ этомъ князю.

Волгинъ. Но я желалъ-бы кой-что пояснить...

Ландышевъ. Положитесь въ этомъ на меня.

Волгинъ. Послушай-ка, любезный! Если уже его снательство такъ ко мнѣ благосклоненъ, то нельзя-ли какъ-нибудь ему намекнуть, что я желаю... то-есть... что я, въ угодность ему, готовъ согласиться занять какое-нибудь мѣсто.

Ландышевъ. Помилуйте, Николай Ивановичъ! — служить въ ваши лѣта!

Волгинъ. Послужу еще, не беспокойся!

Ландышевъ. Съ вашими болѣзнями!

Волгинъ. Эхъ, братецъ! — Ну, да если я хочу пожертвовать собою...

Ландышевъ (*насмѣшливо*). Для блага общаго?

Волгинъ. Разумѣется.

Ландышевъ. А не вы-ли сегодня поутру мнѣ говорили:

„Завидовать я знатныхъ долѣ
Не вижу пользы никакой.
Служить лишь можно по неволѣ;
Тому, кто любить свой покой,
Чины, мѣста и награжденье
Пустое все, мой другъ—повѣрь!“

Волгинъ (*доканчивая куплетъ*).

Такъ чтожъ? За то большое рвенье
Я къ службѣ чувствую теперь.

Да я-же, братецъ, большого и не добиваюсь — на первый случай хоть въ губернаторы, а тамъ...

Ландышевъ (*насмѣшливо*). И въ министры?

Волгинъ. Я не говорю этого, — что Богъ дастъ.

Ландышевъ (*въ сторону*). Онъ повредился.

Волгинъ. Ну чтожъ, мой милый? Хочешь-ли взять на себя трудъ поговорить объ этомъ съ княземъ; а не то пожалуй я и самъ скажу.

Ландышевъ (*въ сторону*). Чего добраго: отъ этого

дурака все становится. (*Громко*). Хорошо, хорошо, будьте спокойны.

Волгинъ. Я заготовилъ на всякій случай записку, что такой-то, желая вступить въ службу, покорнѣйше просить о томъ и о томъ-то. Вотъ она; послушай, я прочту. (*Развертываетъ*). Что это? возможно-ли?

Ландышевъ. Что съ вами сдѣлалось?

Волгинъ. Да это мой проектъ.

Ландышевъ. Проектъ.

Волгинъ. Да, да, мой проектъ.

Ландышевъ. Такъ видно вы отдали мнѣ копію. (*Вынимаетъ изъ кармана бумагу*).

Волгинъ. Подай!... — Боже мой! простая бумага!

Ландышевъ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ на!

Волгинъ (*осматривая бумагу кругомъ*). Ни одной строчки, ни одного слова!... Чтожъ ты читалъ князю?

Ландышевъ. Но я не могу понять...

Волгинъ. И я также.

Ландышевъ. Какимъ образомъ...

Волгинъ. Вы прочитали мой проектъ князю? — Вотъ это-то и чудно! А еще страннѣе, что вступленіе показалось ему неяснымъ. а конецъ очень понравился. — Ну, чтожъ вы, сударь, молчите? Растолкуйте мнѣ это!

Такъ нагло можно-ль и безстыдно
Ко мнѣ почтенье все забыть!
Нѣтъ, это слишкомъ ужъ обидно,
И мнѣ-ль игрушкой вашей быть?

Ландышевъ.

Да кто-жъ велѣлъ вамъ ошибаться;
Вы сами этому виной.

Волгинъ.

Надъ тестемъ будущимъ смѣяться,
Шутить такъ дерзко надо мной!

Ландышевъ.

Все это ничего не значить;
Прошу васъ только не кричать.

Волгинъ.

Какъ смѣли вы меня дурачить!
Извольте, сударь, отвѣчать!

Ландышевъ. Да чтожь въ самомъ дѣлѣ вы пристали? Ну, не читаль, такъ не читаль, — да и читать не буду.

Волгинъ. А почему-бы такъ?

Ландышевъ. А потому, что если-бы князь взглянулъ на-вашъ проектъ, то счель-бы васъ за сумасшедшаго.

Волгинъ. За сумасшедшаго? Ба, ба, ба! Господинъ философъ! такъ вы этакъ-то поговариваете?

Ландышевъ. Да, сударь, я философъ и льстить не люблю.

Волгинъ. Такъ знайте-же, господинъ полоумный философъ, что вамъ не видать моей дочери, какъ своихъ ушей.

Ландышевъ. Тише, тише, сударь! — я самъ отъ нея отказываюсь.

Волгинъ. О, если такъ, то милости просимъ, — вотъ двери!

Ландышевъ. Потише, сударь, потише!

Волгинъ. Сей-же часъ вонъ изъ моего дома!

Ландышевъ. Не горячитесь! Я теперъ нахожусь при его сѣятельствѣ и не иначе какъ вмѣстѣ съ нимъ оставлю вашъ домъ.

Волгинъ. А вотъ увидимъ!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тъ-же, Ленская и Лиза.

Волгинъ. Ты здѣсь, Лизанька? Поди сюда! Да къ чему изволила такъ нарядиться?

Лиза. Вы сами приказали мнѣ надѣть подвѣчное платье.

Волгинъ. Подвѣчное платье! — Слышишь-ли? чтобъ я тебя въ немъ не видалъ! — Подвѣчное платье!... (*Лиза хочетъ идти*). Нѣтъ, нѣтъ, постой! посмотри хорошенько на этого человѣка! Если ты когда-нибудь осмѣлишься о немъ подумать, такъ я тебя со свѣту сживу.

Лиза. Какъ, батюшка?

Волгинъ. Да, да! забудь, какъ его зовуть.

Лиза. Какъ я рада!

Волгинъ. Рада ты, или нѣтъ, только знай, что онъ никогда не будетъ твоимъ мужемъ.

Лиза. Какое счастье!

Ландышевъ. Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, о чемъ вамъ горевать; вы такая выгодная невѣста, а жениховъ здѣсь такъ много...

Волгинъ. И онъ еще насмѣхается! Ужь не думаете-ли вы, что у Лизаньки безъ васъ и жениховъ не будетъ? Ахъ, Боже мой!... еслибъ теперь навернулся какой-нибудь женихъ, то я на зло-бы ему сейчасъ сдѣлалъ помолвку.

Ленская. За этимъ дѣло не станетъ; у насъ есть женихъ.

Волгинъ. Женихъ? Какой женихъ?

Ленская. Да вотъ онъ на лицо.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тъ-же, князь и Болеславскій.

Князь. Я имѣю до васъ большую просьбу, Николай Ивановичъ!.. Болеславскій признался мнѣ, что любить вашу дочь; она также къ нему не равнодушна: согласитесь на ихъ счастье...

Волгинъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ?

Князь. Я знаю, дочь ваша помолвлена за г. Ландышева; но я увѣренъ, онъ откажется.

Волгинъ. Откажется, ваше сіятельство. Да ужь ему отказано.

Ландышевъ (*тихо князю*). Вы сами изволите видѣть, какъ я успѣшилъ выполнить ваше приказаніе

Князь. Очень вамъ благодаренъ. Надѣюсь, теперь нѣтъ никакого препятствія.

Волгинъ. Ни малѣйшаго. Онъ мой сосѣдъ, я его уважаю, и если Лизанька согласна...

Лиза. Отъ всего сердца!

Волгинъ. Такъ дѣло и кончено,—по рукамъ! Послѣ-завтра и свадьба!

Болеславскій. Какое благополучіе! а я не смѣлъ и надѣяться!...

Ленская. И я не ожидала такой удачной развязки.

Князь. Какъ пріятно смотрѣть на счастливыхъ любовниковъ!—Не правда-ли, сударыня?

Ленская. О, конечно!

Князь. Как вы думаете? Не сдѣлать-ли и намъ того-же?

Ленская. Почему-же нѣтъ? (*Беретъ князя за руку*).

Имѣю честь рекомендовать вамъ моего жениха.

Ландышевъ. Что это значить?

Волгинъ. Возможно-ли! Его сіятельство...

Ленская. Давно уже на мнѣ помолвленъ.

Ландышевъ. Помолвленъ?—на васъ?

Ленская. Да что-же тутъ страннаго; это тотъ женихъ, котораго я сюда ожидала.

Волгинъ. Такъ поэтому вы не знатный?

Князь. Нѣтъ, сударь.

Ландышевъ. Да кто-же вы, если смѣю спросить?

Ленская. Отставной ротмистръ князь Зарѣцкій.

Волгинъ. Уфъ! какъ гора съ плечъ!—какъ я радъ!

Ленская. Чему-жъ вы радуетесь?

Волгинъ. А тому, сударыня, что если князь отставной ротмистръ, то и этотъ негодяй останется вѣчнымъ титулярнымъ совѣтникомъ.

Ландышевъ. Что это значить? Такъ я въ дуракахъ?

Ленская. Насилу догадались.

Ландышевъ (*Волгину*). Вы видите, Николай Ивановичъ, какъ я былъ обмануть.

Волгинъ. Вижу, братецъ, и душевно радуюсь.

Болеславскій. Да васъ никто не обманываль.

Ландышевъ. Никто не обманываль?...

Болеславскій. Конечно. Я вамъ говорилъ, что онъ отставной ротмистръ Зарѣцкій,—вольнo-жъ вамъ былъ не вѣрить.

Ландышевъ. А вы, сударыня, не постыдились сказать, что онъ важнѣе всѣхъ вельможъ?

Ленская. Для меня, разумѣется, — вѣдь онъ мой женихъ.

Ландышевъ. Какой гнусный обманъ! какое безстыдство!

Князь. Не горячитесь, г. философъ; это вовсе не пришло тому, кто имѣетъ счастье служить лично при моей особѣ.

Ландышевъ. И вы еще смѣете... Я задыхаюсь отъ бѣшенства! Прощайте, г-нъ безыменнѣй князь! прощайте, вы скоро обо мнѣ услышите! (*Уходитъ*).

Волгинъ (*кричитъ ему вслѣдъ*). Милости просимъ на свадьбу.—И этотъ мерзавецъ называетъ себя философомъ!

(Князю). Ну, батюшка, какъ вы его одурачили! Да скажите, что это вамъ вадумалось?

Болеславскій. Мы все подробно расскажем вамъ за столомъ.

Волгинъ. И то дѣло; кушанье уже подано. Ну, князь, нечего сказать, вы такъ хорошо представляли знатнаго, что ужь пускай Ландышевъ, а то и я чуть-чуть было не повѣрилъ.

Ленская. А что и въ самомъ дѣлѣ, его можно похвалить: онъ игралъ очень недурно свою роль.

Болеславскій. Конечно недурно, а еще-бы лучше,

Еслибъ зрители сказали:
Всѣхъ васъ можно похвалить;
Мы-бъ за счастье почитали,
Что могли имъ угодить.

Ленская (къ зрителямъ).

Еслибъ въ этомъ не успѣли,
Не судите строго насъ:
Мы отъ всей души хотѣли
Быть угодными для васъ.

Хоръ.

Мы отъ всей души хотѣли
Быть угодными для васъ.

К О Н Е Ц Ъ .

РЕПЕТИЦІЯ НА СТАНЦІИ

ИЛИ

ДОВРОМУ СЛУЖИТЬ СЕРДЦЕ ЛЕЖИТЬ.

АНАЛОГИЧЕСКІИ ВОЛЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Представленный въ 1827 году, 29 октября, въ селѣ Рождественѣ, имѣніи свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

Другъ человечества и твердый другъ закона,
Смиранный въ почестяхъ и скромный среди похвалъ,
Предстатель ревностный за древній градъ у трона,
Какихъ ты доблестей въ себѣ не сочеталъ?
Любовь високою въ святой землѣ отчизны,
Самоабвненіе и непрерывный трудъ;
Въ день брани—мужество, въ дни мира—правый судъ,
И чистоту души, и жизни безъ умерзны....
Вельможа—гражданинъ! Тебѣ—въ потомствѣ мада;
И зависти въ упрекъ, уже сілетъ снова
Знакомаа Москва безсмертіа вѣгада
Еропкина и Чернышева!

Ж.

Ты жель въ заботахъ,
Но Москва—твой вѣчный монументъ!

Глинка.

Ея Сіятельствѣ

КНЯГИНѢ

СОФЬѢ СТЕПАНОВНѢ

ЩЕРБАТОВОЙ.

Двора Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Кавалерственой Дамы

Усерднѣйшее приношеніе.

Милостивая Государыня!

Много летъ уже прошло, какъ люди, преданные достойно уважаемому князю Дмитрію Владиміровичу, влеченные не пристрастіемъ или какими видами, но по чувству души и сердца, собирались подъ гостепріимный кровъ его помѣстья, участвовать въ семейныхъ торжествахъ; время это для нихъ такъ драгоценно, что эти люди желали оживить воспоминаніе давно минувшаго, прекраснаго событія.

Вамъ, княгиня, болѣе чѣмъ кому либо, извѣстна частная жизнь незабвеннаго для нихъ человека, ознаменованная высокими добродѣтелями, независимо отъ государственныхъ его заслугъ, и вамъ же, по родству и чувству близкому покойному, судьба, въ утѣшеніе несчастныхъ, опредѣлила заступитъ мѣсто той благотворительницы въ Москвѣ, которой память живетъ и никогда не угаснетъ въ сердцахъ людей, исполненныхъ благодарности.

Позвольте, чтобъ эта небольшая пѣса, какъ свидѣтель любви и уваженія къ общественной заслугѣ князя Дмитрія Владиміровича, украсилась вашимъ именемъ и примите ее съ тѣмъ благосклоннымъ вниманіемъ, какое покойный, свѣтлѣйшій князь, оказывалъ участвовавшимъ въ Рождественскомъ праздникѣ.

А*.

Его забота объ одномъ:
О пользѣ родины и вѣка!
Въ Москвѣ, вельможу любяте въ немъ,
Въ деревнѣ—человѣка!

Писаревъ.

Москва знаетъ и хранитъ глубоко въ памяти высокія заслуги, ей оказанныя въ продолженіе четверти вѣка свѣтлѣйшимъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, но немногимъ изъ ея жителей, можетъ быть, извѣстна частная жизнь этого знаменитаго вельможи—гражданина; она была столь же прекрасна относительно общества его знакомыхъ и имѣвшихъ счастье находиться подъ его высокимъ покровительствомъ, какъ его дѣянія на поприщѣ государственномъ, какъ величественная наружность и кроткая улыбка, которою онъ привлекалъ къ себѣ cadaго. Князь Дмитрій Владиміровичъ имѣлъ обыкновеніе проводить время своего отдыха отъ заботъ и трудовъ въ любимомъ своемъ Рождественѣ, селѣ, находящемся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы; тамъ, нерѣдко лѣтомъ, и даже въ глубокую осень, въ домѣ, убранномъ съ изящною простотою, окруженнымъ террасами и роскошнымъ тѣнистымъ садомъ, собирався тѣсный кругъ его знакомыхъ; одинаково ласковый для всѣхъ пріемъ хозяина, который перерождался въ любезнаго, добродушнаго гражданина на это время, пріятельность его почтенной супруги, княгини Татьяны Васильевны, памятной Москвѣ своею примѣрно - добродѣтельною жизнію, обворожали гостей, сокращая и самыя ненастные осенніе вечера въ удовольствіи. Съ какииъ нетерпѣніемъ ожидали всегда день именинъ и рожденья князя, сколько приготавлилось къ этимъ двамъ искреннихъ ему пріятельствій знакомыми, людьми ему преданными; число

ихъ было велико потому, что князь Дмитрій Владиміровичъ, обладая рѣдкими душевными качествами, соединялъ его изъ всѣхъ состояній. Въ 1827 году, цѣлое общество собралось праздновать 29-го октября, драгоценный день его рожденія, въ Рождественѣ. Многіе изъ извѣстныхъ людей въ Москвѣ изъявили желаніе быть участниками предположеннаго торжества; въ дѣлѣ, гдѣ руководствуетъ сердце, не нужно прибѣгать къ усиліямъ; сюрпризъ былъ слаженъ въ нѣсколько дней. А. А. Б.***, будучи въ то время сосѣдомъ покойнаго князя по небольшой усадьбѣ, принадлежавшей ему близъ Рождествена, предложилъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ, чтобы всѣ приготовления дѣлались у него въ деревнѣ; онъ первый раздѣлилъ оригинальную мысль М. Н. З.***, чтобы въ водевилѣ, написанномъ симъ послѣднимъ, въ нѣсколько часовъ, каждый изъ участвующихъ назывался своимъ именемъ, за исключеніемъ лицъ вводныхъ, которыя должны были довершать интересъ и комизмъ пьесы. Дѣйствіе ея перенесъ З.*** въ Солнечную Гору, (вторую станцію отъ Москвы, по прежнему распредѣленію), отъ нея ближайшій поворотъ въ село Рождествено; остроумный А. И. Писаревъ, похищенный безвременно у друзей и поэзіи, написалъ къ водевилю куплеты, въ которыхъ выразилась дѣятельная жизнь и характеръ маститаго градоначальника; и такъ, участвующими были: А. А. Б.**** Б. К. Д.*** А. С. Т.*** А. Н. В.*** А. И. Писаревъ, кн. Н. А. Щ.*** П. Н. А.***; послѣдній представлялъ трактирщика; къ нимъ присоединились первоклассные артисты того времени, которые также просили включить ихъ въ число прочихъ, какъ людей обязанныхъ князю, во время его главнаго начальства надъ московскимъ театромъ *), М. С. Щепкинъ, покойные Рязанцевъ, Сабуровъ и Кубишта; обстоятельства не позволили тогда прозвѣщенному

* Князь Дмитрій Владиміровичъ со вступленія въ званіе генерал-губернатора 1820 г., до 1826 г., т. е. до времени учрежденія министерства Императорскаго Двора, заведывалъ московскимъ театромъ, который главнѣйше обязанъ ему, за значительные способы, которые князь исходатайствовалъ отъ Высочайшихъ щедротъ на его улучшение. Въ 1824 году, зданіе большаго Петровскаго театра возрождено при немъ отъ основанія; пріобрѣтенъ покупкою въ казну домъ купца Варгина, въ которомъ устроенъ Малый театръ. Первые артисты балетной труппы во время главнаго управленія театромъ князя Дмитрія Владиміровича выписаны изъ Парижа, а балетъ московскій приведенъ на степенъ совершенства; французскій спектакль также устроенъ его попеченіемъ. Русскіе артисты преимущественно были всегда ободрены имъ и состояли подъ его покровительствомъ.

любителю отечественнаго театра *Ө. Ө. Кокошкину* лично участвовать въ сюрпризѣ, но стихи его, для этого случая сочиненные, были прочитаны *А. А. Б.****, нѣсколько пробъ водевиля сдѣланы у *А. А. Б.**** въ деревнѣ, и передъ вечеромъ, 29-го октября, вся труппа съ подвижнымъ театромъ была уже въ Рождественѣ. Въ удобную минуту, когда хозяина заняли серьезнымъ разговоромъ въ гостиной, разобранъ былъ бильярдъ въ смежной съ нею комнатѣ, мгновенно разставлены кулисы, загремѣлъ оркестръ, нарочно привезенный изъ Москвы, составленный изъ первыхъ артистовъ театральнаго дирекціи, взвилась занавѣсъ — и сыгранъ водевиль *«Репетиція на станціи»*. Покойный князь *Дмитрій Владиміровичъ* былъ тронутъ до глубины души вниманіемъ общества, устроившаго ему сюрпризъ, и отъ души смѣялся въ сценѣ главнаго комика *Щепкина* съ просительницею бригадиршею, которую представлялъ неподражаемый *Рязанцевъ*; всѣ куплеты, относившіяся къ новорожденному, были приняты съ громкими рукоплесканіями и повторены нѣсколько разъ; восторгъ при этомъ былъ общій; за водевилемъ слѣдовалъ дивертисементъ, который заставилъ смѣяться зрителей. Дорога отъ Москвы до Рождествена, покрытая различными экипажами, представляла въ тотъ день многолюдное гулянье; между прочимъ осталась памятною черта характера покойнаго *Александра Васильевича Арсеньева*, служившаго въ то время членомъ репертуарной части при московскомъ театрѣ; онъ твердо сохранялъ обычай нигдѣ не бывать въ гостяхъ, даже у самыхъ короткихъ знакомыхъ, чуждаясь всякаго угощенія; ѣздилъ только каждый день въ театръ по должности; зная эту оригинальную странность *Арсеньева*, впрочемъ умнаго и любезнаго человѣка, никому изъ его знакомыхъ не пришло на мысль пригласить его въ день сюрприза въ Рождествено, но какъ онъ имѣлъ обыкновеніе каждый разъ подавать князю афишу, когда князь *Дмитрій Владиміровичъ* пріѣзжалъ въ театръ въ свою ложу, то *Арсеньевъ*, желая быть и въ этотъ разъ аккуратнымъ, въ ту минуту, когда зрители заняли мѣста, явился въ залѣ спектакля въ камергерскомъ вицъ-мундирѣ и почтительно поднесъ афишу князю; князь *Дмитрій Владиміровичъ* едва успѣлъ сказать ему два слова, какъ придумательный *Арсеньевъ*, исполнивъ свой пріятный, какъ онъ говорилъ, долгъ, сѣлъ въ коляску и ускакалъ обратно на почтовыхъ домой. Зрители спектакля въ Рождественѣ до

того были восхищены пьесою, что возбудили любопытство многихъ въ Москвѣ; все высшее общество желало видѣть повтореніе «*Репетиціи на станціи*»; покойный Э. Э. Кокошкинъ предложилъ участвовавшимъ еще разъ сыграть ее у него въ домѣ, самъ игралъ въ небольшой комедіи, предшествовавшей водевилю, и можно безъ преувеличенія сказать, что если-бы за да Кокошкина была въ три раза больше, то и тогда она не вмѣстила бы всей публики, которая, по первому свѣдѣнію о представленіи водевиля, во что бы то ни стало, стремилась его видѣть, аплодировала куплетамъ и заставляла ихъ многократно повторять при громкихъ восклицаніяхъ.

Считаемъ приличнымъ, чтобъ этотъ водевиль явился нынѣ въ печати; сборъ отъ распродажи экземпляровъ назначенъ въ пользу крайне нуждающихся и долженъ быть раздаваемъ въ память того, кто былъ виновникомъ истиннаго торжества жителей Москвы въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ, кто будетъ жить всегда въ сердцахъ и памяти благородныхъ соотечественниковъ, кому Москва есть вѣчный *монументъ!*

П. Араповъ.

Вышеприведенныя посвященіе княгини О. С. Щербатовой и предисловіе къ комедіи «*Репетиція на станціи*» написаны П. Н. Араповымъ, въ качествѣ издателя этой пьесы, при появленіи ея въ свѣтъ въ 1845 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

А. А. В.*** сосѣдъ кн. Д. В. Голицына.

Б. Б. Д.***

А. Н. В.*** въ видѣ хориста Реугова.

А. И. П.*** сочинитель куплетовъ.

Кн. Н. А. Щ.***

Г-жа Фондуклейкина, бригадирша *Г. Резанцовъ.*

Лордъ Бульдогъ, англійскій путешественникъ *Г. Сабуровъ.*

Макарони, итальянскій пѣвецъ *Г. Кубишта.*

М. С. Щепкинъ, актеръ московскаго придворнаго театра.

Трактирщикъ. П. Н. А.***

Слуга въ трактирѣ. А. С. Т.***

Двѣ горничныя дѣвки Фондуклейкиной.

Дѣйствіе происходитъ въ Солнечной Горѣ, на 2-ой станціи отъ Москвы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

(Общая комната въ гостиницѣ).

ТРАКТИРЩИКЪ, П.*** *(сидитъ за столомъ и пишетъ)* и
СЛУГА.

Трактирщикъ *(вошедшему слугѣ)*. Что никого не видно?

Слуга. Ни души; сейчасъ покатила легкая почта на четырехъ тройкахъ въ Питеръ.

Трактирщикъ. Отъ легкой почты мнѣ не легче: что ни день, то убытокъ. Ну, гдѣ-бы кажется и деньги брать, какъ не на Петербургской дорогѣ.

Слуга. То-то, видите-ли, что кумъ вашъ Торговъ правъ, снялъ себѣ въ Москвѣ Гербергъ, да и не тужить, его доходъ повѣрнѣе, чѣмъ вашъ на Солнечной Горѣ: сколько разъ онъ говорилъ вамъ, чтобъ вы не лѣзли въ гору.

Трактирщикъ. Чортъ меня дернулъ снять трактиръ! а все жена: «эй, сударь, послушайся, Подсолнечная—вторая станція отъ Москвы, денегъ не оберешься». Вотъ тебѣ и станціи! въ три дня пяти рублей не выручилъ.

Слуга. Проѣзжіе что-то нынче стали экономны, иной поѣстъ въ Москвѣ, да и терпитъ до Твери, развѣ что чаю спросить на перепутьѣ. *(Увидя П.)*. Да его милость ничего не требовалъ?

Трактирщикъ. Въ этомъ проѣждемъ на грошъ нѣтъ толку, сидитъ себѣ да пишетъ.

Слуга. Нѣтъ чтобъ спросить покушать или выпить рюмку водки: ужъ зачѣмъ этотъ народъ развѣзжаетъ по большимъ дорогамъ.

Трактирщикъ. Епрочемъ, можетъ быть, еще кто-нибудь подѣдетъ.

Когда здѣсь долѣ проживу,
Проѣзжихъ вѣрно будетъ много,
Отсель дорога есть въ Москву,
И есть въ Рождествоно дорога;
Но я, скитаяся вездѣ,
Привыкъ къ дорожному искусству;
Въ Москву все ѣздить по нуждѣ,
Въ Рождествоно—по чувству.

Хозяинъ этого села
Въ одномъ не избѣжалъ упрека:
Онъ не умѣетъ дѣлать зла,
А на добро великій дова!
Его забота объ одномъ:
О пользѣ родины и вѣка.
Въ Москвѣ вельможу любить въ немъ,
Въ деревнѣ—человѣка!

П. (*перечитывая про себя*). Кажется, куплеты не дурны;
не мудрено: въ нихъ дѣло идетъ о журналахъ; а это мой
любимый предметъ. (*Читаетъ*).

Попавши въ кругъ судей извѣстныхъ,
Къ нимъ такъ поддѣлялся Хапковъ,
Что безъ доводовъ полновѣсныхъ,
Не наклоняетъ ужъ вѣсовъ;
Не кончитъ тлазбы безъ натяжекъ,
Тѣму дѣлъ у правды оттягалъ,
И сто бумагъ, и сто бумажекъ,
Вседневно вносить въ свой журналъ.
Счастливъ, кто жить мѣшалъ злодѣю
И добрымъ людямъ помогалъ,
Кто не сгибалъ предъ сильнымъ шею,
Предъ слабымъ востъ не поднималъ;
Счастливъ, кто сбѣгалъ отъ амура,
И съ Бахусомъ не забывалъ,
Что тамъ престрогая цензура
Разсмотритъ дѣлъ его журналъ.
Всему великому причастенъ
Отважный русскій нашъ народъ,
Онъ только Богу лишь подвластенъ,—
Захочетъ лавровъ и пожнетъ!
Въ Москву вломились вражьи скопы,
Гори, Москва! онъ провѣщалъ,
И кровью—на поляхъ Европы,
Писалъ побѣдъ своихъ журналъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же и Б.***

Б. (*оборотясь къ дверямъ*). Безъ подорожной, братецъ:
пропши просто генералъ-маіоръ Б.*** Нѣтъ! нѣтъ! тѣфу
пропастъ! не могу привыкнуть—дѣйствительный статскій
совѣтникъ! (*Трактирщику*) А! здравствуй!—что нѣтъ ни-
кого проѣзжихъ?

Трактирщикъ. Никого, сударь!

Б. Какъ нѣтъ? а это? (*показывая на П.****).

Трактирщикъ. Какой это провѣзжій,—не ѣсть, не пьеть, только что пишеть.

Б. Ба! Да это П.***. Ай да умник! спасибо, что не опоздалъ.—Что ты пишешь.

П. Куплеты.

Б. Которые мы будемъ пѣть сегодня въ Рождественѣ.

П. Нѣтъ; это такъ, запасные куплеты для водевиля, который я когда-нибудь напишу.

Б. Эхъ, братец! Да брось этотъ вздоръ, давай наши куплеты—на сегодняшній день.

П. Я еще за нихъ не принимался.

Б. Помилуй, П.***—да чтожъ мы будемъ дѣлать? ай да народец! — Въ двѣнадцать часовъ хотѣли сюда всѣ съѣхаться, уговориться сдѣлать сюрпризъ князю, ты взялся написать стихи—и никого нѣтъ, ничего не готово! А кажется всѣ отъ добраго сердца взялись за это, всѣ на перерывъ хотѣли участвовать въ этомъ праздникѣ.

П. Чтожъ дѣлать: молоды—вѣтрены.

Б. Молоды! молоды! я и самъ человѣкъ не старій, однакожъ не вѣтреничаю!—Ахъ, Боже мой! Боже мой!—когда мы успѣемъ все это уладить.

П. Да чтожъ наши помощники?

Б. Хороши помощники! Посовѣтоваться не съ кѣмъ. Д.*** все молчитъ, шепчетъ только про себя *chère Anne! adorable amie!* а объ нашемъ дѣлѣ ни слова.—Хотѣлъ поговорить съ З.***, такъ присгупу нѣтъ: онъ пишеть какую-то оперу, въ которой чортъ главное дѣйствующее лицо, и такъ занятъ этимъ вздоромъ, что бредитъ какъ полоумный. В.***, такъ-же въ горячкѣ съ пятнами, пишеть музыку къ этой оперѣ; ну, словомъ, всѣ наши будто-бы согласились ничего не дѣлать.

П. Нельзя-ли какъ-нибудь отложить этотъ сюрпризъ?

Б. Вотъ то-то и бѣда, что не можно! и кто просилъ князя родиться въ субботу—почему-бы не въ воскресенье?

Иначе невозможно
Поспѣть намъ; потому
Что въ праздникъ было должно
Родиться-бы ему,
И выбрать воскресенье
По мнѣ ничуть не грѣхъ,
Когда его рожденье
День праздничный для всѣхъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же и Д.***

А. Б. К—чь! на силу прїѣхаль, ну, что? А Щ—ва то все еще нѣтъ?

Д. Слава Богу! она здорова!

Б. Не о томъ рѣчь—надѣнешься ли ты...

Д. Какъ-же! я сегодня ее увижу.

Б. Эхъ, милый!—ты долженъ сегодня...

Д. Да, сегодня я буду танцовать съ нею.

Б. Тьфу, чортъ возьми!—я говорю тебѣ о нашемъ сюрпризѣ.

Д. А! знаю! Да, конечно, сюрпризъ будетъ хорошъ;—*chère amie!*

Б. Ну, вотъ толкуй съ этимъ народомъ! Я спрашиваю тебя скоро ли всѣ сберутся?

Д. Да кстати! Никто изъ нашихъ прїятелей не можетъ сюда прїѣхать.

Б. Какъ никто?—а нашъ сюрпризъ?

Д. *(не слушая)*. Adorab...

Б. Да полно смотрѣть по сторонамъ, когда я съ тобой говорю, скажи, что мы будемъ теперь дѣлать?

Д. Я право не знаю.

Въ сюрпризѣ этомъ, признаюсь,
Я вамъ ничѣмъ не помогу,
Играть и пѣть въ немъ не беруся;
Любить—вотъ все, что я могу!
Какое въ свѣтѣ выраженье
Сравниться можетъ съ чувствомъ къ ней?
Ахъ! только къ князю уваженье
Равно съ любовію моею.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и Макароны *(входитъ во время пѣнія)*.

Макароны. Bravo! брависимо!

Б. Что это значитъ?

Макароны. Пердонате! Синьере такъ прекрасно пѣлъ, что я не могъ удержаться.

Б. Если не ошибаюсь, вы италяинець?

Макарони. Си, синьере.

Б. И вѣрно пѣвецъ?

Макарони. Си, синьере.

Б. Вы ѣдете въ Москву?

Макарони. Си, синьере! я желаетъ дать тамъ нѣ-
сколько представлений.

Б. Въ такомъ случаѣ я могу васъ рекомендовать прия-
телю моему, члену театральной дирекции З.***, онъ чрез-
вычайно любитъ италянскую оперу.

Макарони. О, фортуна бенедита! Екселенца! чѣмъ
могу я заслужить...

Б. Оставайтесь сегодня вмѣстѣ со мною и украсьте ва-
шимъ талантомъ праздникъ, который мы даемъ не далеко
отсюда.

Макарони. Съ величайшею охотою.

Б. Такъ пропойте намъ что-нибудь на пробу.

Макарони. Съ удовольстви! изволить слушай. (*Поетъ
арію*).

Б. Брагисимо! Б. К—чъ, прикажи переложить его че-
моданъ въ коляску.

Макарони. Но, но! Синьере! я ѣдитъ налегкѣ, со
мною нишего нѣтъ.

Д. А не хотите-ли вы позавтракать?

Макарони. Си, синьере! си, синьере!

Д. Пойдемте-же со мною! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Б.*** и П.*** (*вскорѣ*) трактирщикъ и Реутовъ.

П. Вамъ счастье помогаетъ, вотъ одного и завербовали.

Б. Не мудрено, братецъ.

Мнѣ усердье ихъ понятно.
И могло-ль иначе быть?
Самъ ты знаешь, какъ приятно
Добродѣтельнымъ служить;
Въ комъ съ любезностью прямою
Страсть къ добру всегда живетъ,
Тотъ къ себѣ, своей душою,
Какъ магнитомъ, всѣхъ влечетъ.

Трактирщикъ (*въ дверяхъ*). Куда лѣзешь — назадъ.

Реутовъ (*въ дверяхъ*). Да пустите, батюшка, отдохнуть.

Трактирщикъ. Пошелъ отдыхать въ харчевню. Видишь какой! пришелъ пѣшкомъ, а лѣзетъ въ ресторацію.

Реутовъ (*врываясь насильно*). Большая невидаль, ресторація! мы, батюшка, люди московскіе! — Здравія желаю, господа.

Б. Мнѣ что-то это лицо знакомо; кто ты, голубчикъ?

Реутовъ. Отставной артистъ, если позволите.

Б. Артистъ!

Реутовъ. Точно такъ-съ, я двадцать лѣтъ былъ хористомъ при московскомъ театрѣ, и если-бъ не имѣлъ несчастія поспориться съ регентомъ, то пѣлъ-бы и теперъ —

Прославимъ, прославимъ!
Господь молодыхъ!

Вы, господа, не можете представить, какъ безпокойно и хлопотливо служить при театрѣ.

Съ утра до вечера у насъ
Полна просителей контора,
Тамъ смѣхъ, тутъ слезы, или ссора.
И нѣтъ покоя ни на часъ.
Актеръ тамъ ссорится съ суфлеромъ,
Въ жару трагическомъ кричитъ;
Суфлеръ бранится съ бутафоромъ,
А всѣхъ ихъ публика бранить.
Повсюду страшный шумъ и крикъ:
Иному дайте вы прибавку,
Любовникъ просится въ отставку,
И въ службу просится старикъ;
Здѣсь, роль проходить сочинитель,
Съ Пиладомъ ссорится Орестъ;
А тамъ сажаетъ нашъ зритель
За пьянство чорта подъ арестъ!
У балетмейстера за то
Тамъ съ машинистомъ вышла сцена.
Что сдѣлалъ море по колѣна
И не похоже ни на что!
Всѣ безпрестанно суетятся,
Одинъ молчитъ, другой кричитъ,
Хлопочуть, ссорятся, бранятся,
А всѣхъ ихъ публика бранить.

П. Куда-же ты пробираешься?

Реутовъ. Да хочется въ Тверь. Говорятъ, въ тамошнемъ театрѣ недостаетъ перваго опернаго любовника.

Б. А что! и этотъ можетъ пригодиться; послушай-ка, братъ! во-первыхъ, гей кто-нибудь! рюмку настойки!

Реутовъ. Чувствительно благодарю!

Б. Во-вторыхъ, хочешь-ли пообѣдать даромъ и взять синенькую?

Реутовъ. Помилуйте-съ, какъ не хотѣть!

Б. Ты точно пѣвалъ на театрѣ?

Реутовъ. Въ двухъ-стахъ пятидесяти четырехъ операхъ русскихъ; да помнится въ шестидесяти двухъ операхъ французскихъ.

Б. Даже и во французскихъ!

Реутовъ. Какже, сударь; какъ теперь помню: я пѣлъ въ одной французской оперѣ теноромъ: Ешпантонъ съ се-ребромъ на бульваръ тащилъ.

П. То-есть chantons, célébrons la gloire d'Achille.

Реутовъ. Точно такъ-съ!

Б. А пѣваль-ли ты соло?

Реутовъ. Помилуйте, сколько разъ! Даже французскіе романсы пѣлъ, напримѣръ:

Лѣплю вербу въ хату!

Б. Что это за дичь?

П. Постойте—вѣрно: le plus vert bocage!

Реутовъ. Точно такъ-съ!

Б. А русскіе пѣваль?

Реутовъ. Если прикажете, и теперь спою.

Д. Не знаешь-ли ты куплеты, которые пѣли однажды въ Петровскомъ; можетъ быть и ты былъ въ числѣ хористовъ?

Реутовъ. Былъ, сударь, и знаю, но для этого надобно передразнить В—го.

П. Такъ что-жъ: передразни.

Реутовъ. И вы сами увидите, что мастерски. (*Ски-даетъ парикъ и стуртукъ*).

Всѣ. Возможно-ли! В—ой!

В. Что, господа, какова мистификація?

Всѣ. Безподобна!

П. Однакожь, хористъ, или В—ой, все долженъ намъ пропѣть обѣщанные куплеты.

В. Изволь, пропою, и съ такимъ-же удовольствіемъ, съ какимъ ты писалъ ихъ.

Счастливъ, кто можетъ наслаждаться
Плодами добрыхъ дѣлъ своихъ,
И только объ одномъ стараться,

Чтобъ быть полезнымъ для другихъ.
Кого одна боязнь тревожить,
Чтобъ даромъ дня не потерять,
И кто, подобно князю, можетъ
Добромъ всѣ дни свои считать.
Счастливы, кто могъ себѣ дѣлами
Отъ всѣхъ почтенье заслужить,
И благодарности слезами
Несчастья слезы замѣнить;
Къ кому съ надеждой шелъ невинный,
Кого виновный трепеталъ,
И кто справляетъ именины
При шумѣ праведныхъ похвалъ!

Б. Все это хорошо, да нынче не именины, а рожденье.

П. Знаю. В—ой пропоетъ третій, новый куплетъ, на тотъ-же голосъ.

В. Куплетъ новый, а чувства къ князю все прежнія; слушайте-жъ.

Давно вошло въ обыкновенье,
Кого мы любимъ, тѣхъ хвалить,
И похвалою въ день рожденья
Новорожденнаго дарить;
Но безъ того давно ужъ слава
Ему даръ этотъ поднесла,
И похвала съ нимъ будетъ права,
А правда будетъ похвала!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-жъ и лордъ Бульдогъ.

Лордъ (*въ дверяхъ*). Годдемъ! ви очень иерядно, скверно ѣхайте; нѣтъ фотка! пошелъ прошь! годдемъ! (*выходитъ*). Гайдиду! Господинъ трактирщикъ! Г-нъ трактирщикъ!

Трактирщикъ (*выходитъ*). Что вамъ угодно?

Лордъ. Г-нъ трактирщикъ! ви шрезвышайно, очень глупъ!

Трактирщикъ. Какъ, сударь?

Лордъ. Да, тошно, много глупъ! Ви русска шелофекъ, а на фаша тавернъ написанъ франсузска ресторасионъ.

Трактирщикъ. Такъ что-же?

Лордъ. Фи! скверна! годдемъ! въ нашъ Британи нѣтъ фрасузска надпись на таверна; мнѣ стытна за васъ, т-нъ трактирщикъ!

Б. Вотъ порядочный чудакъ! смѣю спросить, вы ѣдете въ Москву?

Лордъ. Да!

Б. По коммерческимъ дѣламъ?

Лордъ. Но.

П. Такъ вы путешественники?

Лордъ. Да!

Б. И вѣрно хотите пробраться въ Азію?

Лордъ. Но.

П. Вы долго намѣрены прожить въ Москвѣ?

Лордъ. Очень дофольно много! я желаю фидѣть въ Москвѣ акромическа обществъ.

Б. Такъ вы для этого ѣдете въ Москву?

Лордъ. Да! я шрезвычайно, очень шелайтъ былъ знакомъ съ президентъ эта обществъ.

Я слышалъ, онъ за край родной
Какъ русскій бился въ полѣ брани,
Въ дни мира, позабывъ покой,
Идетъ стезей благодаривъ;
Держа Оемидины вѣсы,
Къ одной лишь правдѣ ихъ склоняеть,
И, даже отдыха въ часы,
О земледѣльцахъ помышляеть.

Б. По этому описанію я узнаю князя Дмитрія Владиміровича Голицына; такъ вы съ нимъ хотите познакомиться?

Лордъ. Мнѣ все равно!—я слышалъ, што обществъ нашолъ фашна секретъ.

П. Да, труды его достойны всякаго уваженія!

Лордъ. Я очень знаить, што обществъ имѣй секретъ: изъ овса, когда онъ посѣить, дѣлать пшенись!

Б. (смѣясь). Полно, такъ-ли?

Лордъ. Годдемъ!—я снай, что снай! я самъ большой астрономъ;—годдемъ!

П. Не сердитесь, милордъ; если вы хотите познакомиться съ президентомъ общества, то поѣдемте съ нами вмѣстѣ: мы сегодня будемъ у него.

Лордъ. Такъ онъ не въ Москва?

Б. Нѣтъ, въ своей деревнѣ, недалеко отсюда.

П. Сегодня день его рожденія и мы хотимъ сдѣлать ему сюрпризь; не хотите-ли и вы участвовать?

Лордъ. Та! та!

Б. Умѣете-ли вы танцовать?

Лордъ. Годдемъ! Лордъ—Буль-догъ—ушилъ два годъ у Фестрисъ и тансуй какъ Биготинни.

Я любить всѣ экзерсицій,
Эта нушна въ модна свѣтъ,
И годдемъ, всѣ пять позицій
Тошасъ виучилъ,—въ пять лѣтъ,
Оттого вотъ и тольвуеъ
Объ милордъ Буль-догъ народъ,
Что я съ шуствами тансуеъ,
Что я грассаи поеъ!

Б. И такъ вы ѣдете съ нами?

Лордъ. Нѣтъ! я пошелъ пѣшкомъ; я презвычайно ошень люблю ходилъ пѣшкомъ, прошайтъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же безъ лорда.

П. А что вы думаете? этотъ англичанинъ стоитъ хорошаго сюрприза!

Б. Пусть онъ будетъ нашимъ авангардомъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ-же, Д.*** и Макарони.

Д. Когда-жъ мы ѣдемъ?

Б. Надобно прежде сдѣлать какую-нибудь репетицію.

Макарони. Я готовъ, экселенца.

П. То-есть вы ужъ сыты.

Д. Посмотрите: карета! коляска! бричка!

Фондуклейкина (*за кулисами*). Я васъ, негодные! Лошадей!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Трактирщикъ *вводитъ* Фондуклейкину,
(*за нею двѣ дѣвки съ узлами*).

Трактирщикъ. Пожалуйста сюда!

Фондуклейкина (*оборотясь къ дверямъ*). Филька! Антошка! смотрите, у меня не зѣвать.

Трактирщикъ. Не прикажете-ли, ваше благородіе? Фондуклейкина. Благородіе! за кого ты меня принимаешь, душенька?

Умѣй съ высокородной
Учтивымъ быть во всемъ,
Мой мужъ былъ благородный,
И бригадиръ при томъ;
Объ немъ въ газетахъ было,
Что выѣхалъ въ Ростовъ:
И такъ—я стою, милый,
Одна шести скотовъ!

Трактирщикъ. Не прикажете-ли покушать, ваше высокородіе?

Фондуклейкина. Да! голубчикъ! вели мнѣ подать молочной каши и кислыхъ щей! Дунька, шаль! *(Дѣвка надъвываетъ шаль)*.

Б. Не ошибаюсь-ли я? такъ точно, это Фондуклейкина. *(Подходитъ къ ней)*. Матрена Саввишна!

Фондуклейкина. Ахъ, батюшка А.—А—чь! сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Б. Какъ я радъ, что имѣю удовольствіе...

Фондуклейкина. Смотри пожалуй! совсѣмъ не перемѣнился, точь въ точь, какъ былъ, такой-же шаркунъ; рада, батюшка, что тебя вижу; мы старинные знакомые, помнишь-ли, какъ ты былъ поручикомъ гвардіи лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ.

Б. Помилуйте! не вѣрьте ей, господа, она вретъ.

Фондуклейкина. Какой ты былъ весельчакъ. *(Роняетъ платокъ)*. Фенька! подыми платокъ! *(Дѣвки исполняютъ приказаніе)*. Я сама была затѣйница, —а теперь дѣла, процессы съ ума свели; Дунька! окрой табакерку! *(нюхаетъ табакъ)*. Охъ! вдове дѣло, бѣда! всѣ обижаютъ. Фенька! поправь шаль! Да, батюшка, у меня каждый годъ процессъ за процессомъ, замучили по судамъ!

Б. Такъ у васъ есть тяжёбныя дѣла?

Фондуклейкина. Какъ-же, мой отецъ, у меня дѣла съ братомъ, съ двумя сестрами, съ вотчимомъ, золовкой, племянникомъ, пасынкомъ, съ тремя зятями и одной невѣсткою.

Б. То-есть со всею роднею.

Фондуклейкина. О, охъ-ти мнѣ! что дѣлать, польмибня протягала; да и я же ихъ путемъ добѣду, пойдутъ голубчики по-міру. Теперь одно дѣло перешло въ Москву—

такъ собралась туда хлопотать, своеручно подамъ просьбу господину генераль-губернатору.

Д. Его нѣтъ теперь въ городѣ.

Фондуклейкина. А гдѣ же онъ?

Д. Недалеко отсюда, въ своей деревнѣ.

Фондуклейкина. Ахъ, батюшки мои! такъ чтожъ? я и тамъ его найду; нѣтъ, мой родной! отъ меня не отдѣляется; гдѣ хочеть, хоть въ деревнѣ, хоть въ городѣ, а давай мнѣ судъ и расправу.

Б. Вы могли бы съ нимъ и здѣсь встрѣтиться, онъ часто бываетъ на этой станціи.

Фондуклейкина. Куда-бъ было хорошо! здѣсь на просторѣ я ему всё дѣла-бы мои рассказала.

Б. Да, еслибъ онъ сталъ васъ слушать.

Фондуклейкина. А почему-бъ, батюшка, ему меня и не выслушать?

Б. А вотъ почему: онъ готовъ выслушать всякаго, готовъ вступиться всегда за невиннаго, подать руку помощи притѣсненному, да только вотъ что худо—онъ очень не любить ябедниковъ.

Фондуклейкина. А кого-ты, батюшка, называешь ябедниками?

Б. Не васъ, сударыня, Боже упаси!

Фондуклейкина. То-то не меня! я вѣдь, батюшка, сама бригадирша и за обиду моей чести со мной добромъ не раздѣлаешься.

Б. Неужели вы могли подумать...

Фондуклейкина. И, родной мой! да развѣ нынче дружбу помнятъ? хоть ты, А.—А—чь, небось все забылъ, что было? Помнишь-ли ты, какъ однажды въ Москвѣ, въ благородномъ собраніи, танцевалъ ты со мною; какъ теперь гляжу, ты былъ такъ авангаженъ: въ свѣтлорозовомъ атласномъ кафтанѣ, въ шитомъ камаолѣ, причесанъ а дель депижонъ; весь вечеръ ты не спускалъ съ меня глазъ, смотрѣлъ на меня такъ нѣжно, такъ умильно.

Б. Не вѣрьте, господа, она лжетъ!

Фондуклейкина. Все прошло! и Матрена Саввишна стала ужъ не та! охъ! прости Господи мое прегрѣшенъе, заболталась окаянная! пойти-ка да посмотрѣть, скоро-ли лошади будутъ готовы. (*Дѣвкамъ*). Что вы бѣльмы-то выпучили? ступайте! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тъ-же безъ Фондуклейкиной.

Б. Уфы! какъ гора съ плечъ! Ну, теперь, господа, подумаемте, въ чемъ будетъ состоять нашъ сюрпризъ?

В. Я думаю, что можно спѣть романсъ.

Макарони. Не лучше-ли бравурная арія?

П. И, полноте, что за романсы? всего приличнѣе пропѣть куплеты.

Д. А мнѣ кажется, лучше протанцовать что-нибудь.

Б. Если каждый будетъ говорить свое, то мы ничего не сдѣлаемъ.

В. Я стою за романсъ.

П. А я за куплеты.

Д. А я за танцы.

Макарони. Екселенца! безъ бравурной ариі сюрпризы быть не мошна.

Б. Эй! уймитесь, господа! если мы будемъ спорить, то ничего путнаго не выйдетъ.

В. Я не отступлюсь отъ своего мнѣнія.

П. И я!

Д. И я!

Б. Что будешь дѣлать! толкуй съ ними, а время идетъ да идетъ!

Щепкинъ (*за кулисами*). Проворнѣй лошадей! дамъ на водку!

П. Знакомый голосъ! Неужели? Точно такъ—Щепкинъ.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Щепкинъ.

Б. А! любезнѣйшій!

В. Михайла Семеновичъ!

Щ. Здравствуйте, господа!

Б. Какъ ты попалъ сюда?

Щ. Вду въ Петербургъ.

Б. Зачѣмъ?

Щ. Сыграть нѣсколько разъ на тамошнемъ театрѣ и взять бенефисъ.

П. Вы выѣхали сегодня?

Щ. Нѣтъ, вчера, тотчасъ послѣ спектакля.

Б. А что давали?

Щ. Драму «Эдуардъ въ Шотландіи»; я игралъ въ ней полковника.

Трактирщикъ (*входитъ*). Смѣю спросить—извините, имя и званіе ваше не имѣю честь знать.

Щ. Не знаю, душенька, что сегодня, а вчера былъ полковникомъ.

Трактирщикъ. Ахъ, извините, ваше высокоблагородіе! не угодно-ли вамъ что-нибудь покушать.

Щ. Спасибо! не хочу.

Б. Голубчикъ Михайла Семеновичъ, помоги нашему горю!

Щ. О чемъ вы хлопчете?

Б. Во-первыхъ, ты останешься сегодня съ нами.

Щ. Невозможно — я тороплюсь.

Б. Для того, чтобъ сдѣлать сюрпризъ князю Дмитрію Владиміровичу; сегодня его рожденіе.

Щ. Вотъ это другое дѣло—извольте,—остаюсь!

Всѣ мы готовы съ восхищеньемъ
Тому начальнику служить,
Кто просвѣщеннымъ управленьемъ
Умѣлъ театръ возстановить.
Изъ рукъ его благотворенья
Москва и намъ всегда лилась,
И князю сдѣлать угожденье—
Вотъ самый лучший бенефисъ!

Б. Правда, придумай-же что намъ сдѣлать? Мы до сихъ поръ не можемъ согласиться между собой.

Щ. И, господа! да тутъ, мнѣ кажется, и спорить не о чемъ! Вы хотите сдѣлать сюрпризъ, вопросъ: какого рода?—сентиментальный или комическій?

Б. Комическій!

Щ. Слѣдовательно позабудьте объ умѣ—умъ хорошо, да только онъ не всегда бываетъ забавенъ, а вы вѣрно хотите, чтобъ всѣ смѣялись!

Всѣ. Разумѣется.

Щ. И такъ побольше глупостей — вы, ваше превосходительство! поете плохо—за то хорошо говорите, вы должны произнести рѣчь.

Б. Да что я за импровизаторъ? Я буду врать.

Щ. Тѣмъ лучше, будутъ смѣяться (П***) Вы сочините куплеты (В.**) а вы ихъ пропоете! (Д.**) а вы...

Д. Я хочу танцовать.

Щ. Резонъ! вы съ его превосходительствомъ протанцуете pas de deux à l'écho; да дѣлайте почаще пируэты à tir-bouchon; теперь бы въ заключеніе какую-нибудь великолѣпную глупость.

Макароны. Я пропою бравурную арію.

Щ. Брависимо! прекрасная музыка — глупыя слова—чего-же лучше! теперь кажется все улажено.

П. Нельзя-ли прорепетировать?

Щ. И можно и должно. (Б.**) Извольте говорить рѣчь!

Б. Хорошо! хорошо! Михаила Семеновичъ! садись здѣсь—представляй ты князя.

Щ. (садится).

Б. (Начинаетъ съ важностію, въ это время входитъ Фондуклейкина). Ваше сіятельство...

Фондуклейкина. Что я слышу!

Б. Ваше сіятельство! Вы видите предъ собою людей, которыхъ души наполнены одними и тѣми же чувствами! Занимая знаменитый постъ градоначальника московскаго, вы всегда цеклись...

Фондуклейкина. Такъ точно! это генераль-губернаторъ!—Батюшка! ваше сіятельство!

Щ. (вскакивая). Что это значить?

Фондуклейкина. Вы здѣсь инкогнито—но это все равно!

Щ. Я не князь, сударыня!

Фондуклейкина. Вы напрасно хотите скрывать свое достоинство: этотъ важный видъ, величественный ростъ,—все доказываетъ...

Щ. Что я человекъ не простой! Сытъ можетъ, конечно, мои товарищи носятъ иногда порфиру и корону, но я право совсѣмъ не тотъ, за кого вы меня принимаете.

Фондуклейкина (Б**) Отецъ мой, А. А., попроси, чтобъ онъ меня выслушалъ.

Б. А что и въ самомъ дѣлѣ. (Тихо Щепкину). Послушай, сыграй роль князя,—эта женщина ужасная ябедница,—отдѣлай ее хорошенько.

Щ. За этимъ дѣло не станетъ; отпущу ей сцену изъ

Мольера, такъ она у меня язычокъ прикусить. (*Фондуклейкиной*). Что тебѣ угодно, сударыня?

Фондуклейкина. Сіятельный князь! вступишь за бѣдную сироту, у меня тяжбы со всѣми родными.

Щ. Какъ! тяжбы со всѣми родными! (*Тихо Б****). Скажу ей тираду изъ «Скапиновыхъ Обмановъ!» (*Фондуклейкиной*). У тебя столько процессовъ! А думала-ли ты о всѣхъ каверзахъ правосудія? о подъячихъ, писцахъ, переписчикахъ, стряпчихъ, канцеляристахъ, регистраторахъ, засѣдателяхъ, прокурорахъ, ассессорахъ, судьяхъ?

Фондуклейкина. Думала, отецъ мой, думала!

Щ. Протоколистъ не такъ запишетъ въ протоколъ; стряпчій продастъ, регистраторъ запишетъ въ реестръ; прокуроръ пропуститъ, секретарь скрѣпитъ; судья осудитъ, засѣдатель справитъ.

Фондуклейкина. Долго-ль до грѣха!

Щ. А деньги! деньги! — онѣ нужны тебѣ будутъ на письмо, на переписку, на записку, на выписку и на расписку...

Фондуклейкина. Такъ! такъ!

Щ. Деньги! — надобно ихъ давать: за сочиненье, за явку, за справку и за выправку.

Фондуклейкина. Такъ! такъ!

Щ. Деньги! ихъ можно платить за просрочку, за неявку, за публикацію, за рукоприкладство, за штрафъ, за проторы, — убытки, волокиты и безчестье...

Трактирщикъ (*подходитъ скоро къ Щ.****) Извините! Почему, сударь, вы изволите называться полковникомъ, когда вы московскій придворный актеръ? — Я себя дурачить никому не позволю.

Фондуклейкина. Какъ! онъ актеръ?

Трактирщикъ. Я самъ смотрѣлъ въ подорожной!

Фондуклейкина. Ахъ ты, негодный скоморохъ! Да какъ ты осмѣлился! (*Всѣ смѣются*). Смѣйтесь, смѣйтесь! Я сейчасъ ѣду къ князю; я и въ деревнѣ его найду, отъ меня не спрячется, я буду просить — настою, потребую — смѣяться надъ бригадиршей! — Лошадей! сейчасъ лошадей! (*Уходитъ*).

Щ. Ну, господа! мнѣ за шутку досталось — не на шутку! Теперь за репетицію!

П. (*Б.****) Я хотѣлъ послушать, какъ вы импровизируете, а рѣчь-то есть готовая, ее написалъ Θ . Θ . К — нъ;

а такъ какъ ему самому нельзя прѣхать, то онъ просилъ отдать ее вамъ.

Б. Чтожь ты молчишь, разбойникъ? Давай проворнѣй.

П. А вотъ вамъ, господа, по куплету.

В. Какъ! ужъ и готовы!

П. Когда сердце водить перомъ, то стихи пишутся скоро!

Ш. Ну, начинайте, господа!

Б. (*говоритъ рѣчь*):

Обычай съ давнихъ лѣтъ ведется у людей

День праздновать рожденья

Въ кругу семейства и друзей;

И что огорчае сего обыкновеня!

Конечно, скажутъ мнѣ, однако, не для всѣхъ.

Иныхъ прѣзидъ на здѣшнюю планету

Семейству—безъ утѣхъ.

Безъ пользы—свѣту,

А часто и въ бѣдѣ; такъ тѣхъ

Рожденье праздновать, признайтесь, право, грѣхъ.

Нерѣдко—лишь храни приличя условье,

Наморщившись, ихъ пьютъ здоровье,

Нерѣдко ближвй и чужой,

Предлогомъ случай взявъ пустой,

На пиръ рожденнаго всегда не поспѣваетъ.

И скуки и бѣды избавяся такою,

Бокаломъ пѣнистымъ себя лишь поздравляетъ.

Кто-жь станеть спорить въ томъ, моя о томъ-ли рѣчь?

И долго-ль истину изъ этого извлечь.

Растеть къ несчастю и на лугахъ душистыхъ

Между цѣлебныхъ травъ негодная трава,

И мутный токъ течеть близъ водъ прозрачныхъ, чистыхъ;

Такъ смертнымъ Богъ даетъ различныя права,

И чтожь торжественнѣй, какъ праздникъ дня рожденья—

Того, кто, даръ благихъ небесъ,

Съ младенчества въ семьѣ причиной сладкихъ слезъ,

Слезъ радости и восхищенья,

А въ юности предметъ любви и уваженья;

На то лишь посвятилъ всѣ дни своей весны,

Чтобъ, въ добродѣтеляхъ гражданскихъ успѣвая,

Содѣлаться питомъ отечественна края

И славою родной страны!

Кто, съ поприща сошедъ священныя войны,

Довѣремъ моварховъ отличенный,

Святимъ усердемъ къ престолу вдохновенный,

Всѣмъ жертвуетъ, чтобъ долгъ священный

Начальника, правдиваго судьи,

Исполнить въ точности, ко благу всѣхъ сословій,

И сердца слухъ на стонъ склоняя вдовій,

На жалобу сиротъ, минуты всѣ свои

На благо общее, на пользу посвящаетъ,

Участиемъ своимъ науки ободряетъ,

И славу родины пріемля лишь въ предметъ,

Лелѣетъ всѣ полезныя искусства,

Распространяя веру́гь благо́ихъ позна́нїи свѣтъ,
Къ кому́ призна́тельныя чувства
Глу́боко вры́заны въ сердца,
Въ комъ вы́даты до́брыя до́брѣйшаго отца,
Чей кро́ткий нравъ и взоръ привѣтливый,
Отраду веру́гь лїа,
Храня́тъ прито́мъ и правды до́лгъ за́вѣтный,
Кому́ согра́ждане—поле́зные друзья,
Всѣ́ честны́е—своя́ семья!
О! кто́ въ че́ртахъ сихъ не узнае́тъ
Въ сей де́нь ро́жденнаго на свѣ́тъ,
Кто́ благо́му не пожела́етъ?
Кто́ въ се́рдцѣ не творитъ о́бѣтъ
Да тру́дъ его́ тяжельный у́слаждаетъ,
Во все́хъ благо́ихъ успѣ́хъ, въ те́ченьи до́лгихъ лѣтъ!

КУПЛЕТЫ.

Б.

Кто́, жизни не ща́дя, разли́тъ
Врага́ Евро́пы и отчизны?
Кто́ мечъ отцо́въ своихъ нося́тъ
Безъ тре́пета и укори́зны?
До сей по́ры создатъ о́ комъ
Безъ сладкихъ слезъ не воспомина́етъ,—
Того́ мы здѣ́сь не назове́мъ,
Но вся́кій самъ его́ узнае́тъ!

А.

Кто́, возвра́тившись на поко́й,
Объ обще́м дума́етъ поко́й,
Кто́ твердо́ю свое́й руко́й
Хранитъ до́стойнство пря́мое?
Кто́ про́ницательнымъ судомъ
Лю́бить зако́ны заставля́етъ? —
Того́ мы здѣ́сь не назове́мъ,
Но вся́кій самъ его́ узнае́тъ!

В.

Кто́, пра́ва дре́вней Москво́й,
Ее́ воздвигъ отъ разруше́нья?
Кто́ смы́слъ забо́тливой руко́й
Слѣ́ды враго́въ и расхи́щенья?
Кто́ гра́дъ престольный съ кажды́мъ дне́мъ
Красо́ю ново́й украша́етъ?...—
Того́ мы здѣ́сь не назове́мъ...
Но вся́кій самъ его́ узнае́тъ.

Д.

Кто́, до́бродѣтели лю́бя
Себя́ за нихъ лю́бить застави́тъ?
Кто́ благо́стью во́кругъ себя
По́кой и ра́дость все́мъ достави́тъ,
Кто́ все́хъ въ в́ругу свое́мъ родномъ
Семе́йнымъ сча́стьемъ надѣ́ляетъ?—
Того́ мы здѣ́сь не назове́мъ,
Но вся́кій самъ его́ узнае́тъ!

Щ:

Кто подчиненных породилъ
Благотвореніемъ съ собою,
Кто столько милостей излилъ
На нихъ правдивою рукою?
Служить отечеству при комъ
Съ восторгомъ каждый пожелаетъ,—
Того мы здѣсь не назовемъ,
Но всякій самъ его узнаетъ!

К.

Кто все прекрасное постигъ,
Умомъ разборчивымъ и чувствомъ,
Кто здѣсь убѣжище привыкъ
Давать артистамъ и искусствамъ;
Кто, бывъ надежнымъ ихъ щитомъ,
Свой отдыхъ ими услаждаетъ?—
Того мы здѣсь не назовемъ,
Но всякій самъ его узнаетъ!

П. Ба! Милорды! вы воротились?

Лордъ. Я не нашелъ дорогъ, зашелъ въ болото, и
очень много увязъ.

Д. Такъ вы поѣдете съ нами?

Лордъ. Есь! но вы все пѣль! — годдемъ! — и я кашу
пѣль.

П. А вы умѣете пѣть?

Лордъ. Очень много умѣеть.

П. А я не умѣю: пропойте за меня.

Лордъ (*поетъ*):

Новорожденнаго для васъ
Поэзія изобразила,
И подивитесь: въ этотъ разъ
Она ни врѣщечки не льстила,
Ей только стоило писать,
Что зрители давно ужъ знали;
И вамъ не нужно называть—
Кого вы сердцемъ угадали!

Трактирщикъ. Господа! не прогнѣвайтесь: впрочемъ,
я вовсе не виноватъ: ея высокородіе накушалась молочной
каши, да и захватила всѣхъ лошадей.

В. Какъ-же быть?...

П. Моя тройка, я думаю, выкормилась; чтобъ скорпизъ
былъ смѣшнѣе, поѣдьте верхами.

Б. Помилуй! насъ семеро, а лошадей только три.

П. По двое на лошадь, ваше превосходительство; возь-
мите ресторатора: онъ покажетъ дорогу; Б.*** повезетъ
итальянца въ торокахъ, а я сяду съ Щепкинымъ.

Лордъ. А я со всѣми вами...

П. Нѣтъ, вы пойдете пѣшкомъ: это будетъ похоже на капитана Кокрена.

Лордъ. Очень много хорошъ!

Всѣ. Ъдемъ! Ъдемъ!

Лордъ. А я идемъ.

Кн. Ц. (*входя*). Куда вы, господа?

Б. Къ князю.

Кн. Ц. Такъ поѣдемте вмѣстѣ: я везу фейерверкъ.

Б. И прекрасно!

Всѣ. Въ Рождество! въ Рождество!

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ	1
Г-нъ Богатовъ или провинціалъ въ столицѣ	47
Лебедянская ярмарка	125
Вечеринка ученыхъ	131
Романъ на большой дорогѣ	181
Добрый малый	207
Богатовъ въ деревнѣ, или сюрпризъ самому себѣ	251
Урокъ холостымъ или наследники	317
Деревенскій философъ	365
Репетиція на станціи или доброму служить сердце лежитъ	393

М. Н. ЗАГОСКИНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дв., 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1898

ТИПОГРАФІЯ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Спб., В. О., 16 л., № 5—7.

БЛАГОРОДНЫЙ ТЕАТРЪ

КОМЕДИЯ ВЪ СТИХАХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

C'est à qui sera jeune, amant, prince ou princesse
Et la troupe est souvent un beau sujet de pièce.

Delille.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. Любскій, дядя Оленьки			Г. Щепкинъ.
Г-жа Любская, жена его			Г-жа Кавалерова.
Оленька, племянница ихъ			Г-жа Н. Рѣпина.
Вельскій, влюбленный въ Оленьку			Г. Мочаловъ.
Честоновъ, братъ Любскаго отъ другого отца			Г. Соколовъ.
Волгннъ, дядя Вельскаго			Г. Третьяковъ.
Посошковъ, женихъ Оленькинъ			Г. Сабуровъ.
Кутермина, знакомая Любскихъ			Г-жа Лисимина
Лилъевъ } Актеры благородной				Г. Живокини.
Вирюлькинь } группы				Г. Воеводинъ.
Извѣдовъ, отставной придворный актеръ			Г. Рязаницевъ.
Наташа, горничная Оленьки			Г-жа Нагаева.
1-я племянница } Кутерминой				Г-жа Соцнева.
2-я племянница }				Г-жа Н. Сабурова
1-й племянникъ } Кутерминой				Г. Тихомировъ.
2-й племянникъ }				Г. В. Ребристовъ.
1 } Слуги Любскаго				Г. Копыловъ.
2 }				Г. Д. Ивановъ.
4 дѣвочки } 2 мальчика } Учитель. } Гувернантка } Нянюшка. }		Безъ словъ.		

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ, въ домѣ Любскаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляет гостиную, съ лѣвой стороны отъ зрителей большое зеркало, съ правой столъ, по бокамъ и въ срединѣ двери.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Г-жа Любская, Оленька, Наташа, Любскій, Посошковъ, Вельскій и Извѣдовъ (*все сидятъ, выключая Извѣдова и Наташи*).

Любскій.

И такъ, мои друзья, спектаклю должно быть
Сегодня къ вечеру; — прошу не позабыть,
Что ровно въ семь часовъ начнется представленье;
Потомъ дадимъ мы балъ; и вѣрно угощенье
Весь городъ удивить. — Не правда-ли, жена?

Любская.

Конечно, удивить. — Ну, тѣ-ли времена,
Чтобъ праздники давать.

Любскій.

Опять браниться стала!

Любская.

Да, да! рублей пятьсотъ какъ будто-бъ не бывало;
Къ чему, сударь? Зачѣмъ? Большая вѣдь нужда...

Любскій.

И, полно, матушка!..—Ну, что-же, господа?
Пора-бы, кажется, за пробу приниматься.

Извѣдовъ.

Конечно-бы пора; но должно всѣмъ собраться.

Посошковъ.

Слуги и дяди нѣтъ.

Любскій.

Да что за чудеса!

Ихъ вѣчно нѣтъ, какъ нѣтъ.

Вельскій.

А скоро два часа.

Посошковъ.

Мнѣ кажется, въ такихъ дѣлахъ единодушно
Всѣ дѣйствовать должны; а это ужъ и скучно,
Все я, да я: толкуй, показывай, учи,
Піесу сочиняй, со всѣми хлопочи;
За что?

Любскій.

Охъ эти мнѣ Бирюлькинь и Лилѣвы!
Всегда послѣдніе.

Посошковъ.

Отъ этихъ намъ злодѣевъ
Житія ужъ вовсе нѣтъ; играютъ хуже всѣхъ...

Любскій.

Сердись на нихъ, брани,—а имъ лишь только смѣхъ

Посошковъ.

Послѣдней не хотятъ порядкомъ сдѣлать пробы.

Любскій.

Изволь ихъ ждать! Да что за важныя особы?
Ужъ имъ опаздывать! Бирюлькинь, напимѣръ,
Вѣдь баринъ не большой,—въ отставкѣ землемѣръ,
Актеръ весьма плохой и человѣкъ прескучный;
По милости моей имѣетъ хлѣбъ насущный;
И еслибъ только я хотѣлъ его прижать...

Любская.

Вотъ то-то, батюшка, всѣхъ хочешь одолжать:
Готовъ хоть все отдать за пару комплиментовъ,
Онъ годъ по векселю не платитъ и процентовъ,
А ты, сударь, молчишь.

Любскій.

Ну, да, теперь молчу;
За то ужь послѣ я порядкомъ проучу,
И если вечеромъ по нашему желанью
Піеса не пойдетъ, такъ вексель ко взысканью.

Вельскій.

Онъ боленъ, можетъ быть.

Любскій.

И это не резонъ;
Ужь мнѣ наскучило терпѣть.

Посошковъ.

Да вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же и Бирюлькинъ

Любскій.

Помилуй, батюшка! на что это похоже!

Бирюлькинъ.

Простите, виноватъ!

Посошковъ.

Всегда одно и то-же!

Бирюлькинъ.

Дѣлишки завелись: сейчасъ въ палатѣ былъ;
Насилу вырвался.

Любскій.

А это позабылъ,
Что ты еще путемъ своей не знаешь роли?

Бирюлькинъ.

Не смѣя выступить никакъ изъ вашей волы,
Я всячески твержу, учусь, измученъ весь,
И еслибъ не дѣла...

Любскій.

Дѣла-то, сударь, здѣсь.

Посошковъ.

Не знаете-ль, куда Лилѣвъ напгь дѣвался?

Бирюлькинъ.

Гуляетъ, кажется; сейчасъ лишь мнѣ попался.

Любскій.

Гуляетъ! Боже мой!

Посошковъ.

Ну, есть-ли совѣсть въ немъ!

Ужь скоро третій часъ, когда-же мы начнемъ?
(Любскому). Хоть этотъ разъ его порядкомъ побраните.

Любскій.

Все это, братецъ, ты.

Посошковъ.

За чтожь меня вините?

Любскій.

За то, что безъ тебя, мнѣ въ умъ-бы не пришло
Театры заводить.

Посошковъ.

Когда на то пошло,

Позвольте-жь вамъ сказать, и вы не слишкомъ правы:
Театръ мы завели для собственной забавы,
Такъ вамъ-бы пригласить порядочныхъ людей;
На что Лилѣвъ вамъ?

Любскій.

Ужь подлинно злодѣи!

И какъ смѣлъ думать онъ, что можетъ насъ дурачить?
Откуда спесь взялась? и что онъ въ свѣтѣ значитъ?
Безпутный мотъ, давно извѣстный за глупца,
Съдой столѣтній франтъ, плѣняющій сердца,
Всемирный шутъ, нахаль, болтунъ и лжець безстыдный!

Посошковъ.

А сверхъ того талантъ ни мало незавидный:
Бормочетъ прозою, коверкаетъ стихи,
Ну, словомъ, истинно, актеръ онъ за грѣхи.

Любскій.

Какой актеръ! Пустой актеришка,—прездорный!

Вельскій.

Т-съ! тише, онъ идетъ.

Любскій.

Такъ чтожь?...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же и Лилѣвъ.

Лилѣвъ (*клянясь*).

Слуга покорный!

Посошковъ.

Насилу дождались.

Любскій.

Здорово, милый мой!

А я было хотѣлъ послать къ тебѣ домой.
Скажи пожалуйста, боишься-ли ты Бога!...

Лилѣвъ.

А что?

Любскій.

Ужь третій часъ.

Лилѣвъ.

Я опоздалъ немного;

Ну, что-же? не бѣда.

Посошковъ.

Конечно, не бѣда.

И это можетъ быть со всякимъ — иногда;
Но каждый разъ...

Любскій.

Мы всё сносили терпѣливо;
Теперь позволъ сказать: вѣдь это неучтиво
Заставить ждать...

Лилѣвъ.

Такъ чтожь? вина не велика;
Къ тому-жь, вы знаете, я ролю старика
Взялся играть у васъ единственно изъ дружбы.

Посошковъ

Но вы...

Лилѣевъ.

Ахъ, Боже мой! да это хуже службы!
Неужто долженъ я, для вашихъ всѣхъ затѣй,
Забыть родныхъ своихъ, знакомыхъ и друзей,
Съ утра до вечера ничѣмъ не заниматься,
Отъ всѣхъ веселостей охотой отказаться—
И даже не гулять? Нѣтъ, нѣтъ, благодарю!
Да этакъ я себя въ недѣлю уморю.

Посошковъ.

Зачѣмъ брались...

Лилѣевъ.

Зачѣмъ?... Вы, точно, сударь, правы:
Не должно-бы никакъ, для собственной мнѣ славы
Вездѣ любовниковъ играя молодыхъ,
Показывать себя въ такихъ роляхъ пустыхъ.
Возьмите, вотъ она!

Любскій.

И какъ тебѣ не стыдно!

Лилѣевъ.

Да чтожъ, помилуйте! Мнѣ это ужь обидно;
Я жертвую собой, хочу вамъ угодить,
Меня-жъ бранять.

Любскій.

Ну, вотъ! нельзя и пошутить.

Лилѣевъ (*Посошкову*).

Я, кажется, отъ васъ ни мало не завишу.

Любскій.

И, полно, братъ!

Извѣдовъ.

Прочестъ позволите-ль афишу?

Любскій.

А что, затѣйлива?

Извѣдовъ.

Старался сколько могъ.

Посошковъ.

Напрасно не сказалъ, а то-бы я помогъ.
Ужъ вѣрно хороша! Онъ былъ актеръ придворный
И малый умница, — досужій и проворный.

Извѣдовъ (*кланяясь*).

Помилуйте!

Лилѣевъ.

Да, да! и ловокъ и остеръ.

Посошковъ.

Къ тому-жъ, при немъ скажу, отличнѣйшій суфлеръ.

Извѣдовъ (*читаетъ афишу*).

«Сегодня, въ пятницу, въ домѣ Степана Ивановича Любскаго, обществомъ любителей театра представлена будетъ въ первый разъ: Осмѣянный опекунъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе г. Посошкова»...

Посошковъ.

Нельзя-ли это вонъ?

Любскій.

Зачѣмъ, сударь? Напрасно!

Комедія твоя написана прекрасно.

Посошковъ.

Но я бы не хотѣлъ...

Любскій.

И, полно, братецъ, вздоръ!

Пусть знаютъ всѣ, что ты и авторъ и актеръ.

Извѣдовъ (*читаетъ*).

«Дѣйствующія лица: Г. Сундуковъ, опекунъ Лизы—Андрѣй Михайловичъ Посошковъ; Лиза, богатая сирота — Ольга Дмитриевна Любская»...

Любскій.

Смотри, племянница, всю ролю знать до слова!

Оленька.

Она ужъ у меня недѣли двѣ готова.

Извѣдовъ (*читаетъ*).

«Эрастъ, влюбленный въ Лизу — Андрей Степановичъ Вельскій»...

Посошковъ (*Вельскому*).

Вотъ истинный талантъ! Отъ васъ я безъ души,
Въ любовныхъ сценахъ вы отлично хороши:
Натура чистая!

Извѣдовъ (*читаетъ*).

«Сурскій, дядя Лизы — Сергѣй Ивановичъ Лилѣевъ; Антропка, Эрастовъ слуга — Максимъ Петровичъ Бирюлькинъ; Машенька, служанка Лизы — госпожа... госпожа»...

Признаться откровенно,
Объ васъ не сказано.

Посошковъ.

А должно непременно.

Извѣдовъ.

Конечно, такъ; но я ужасно затрудненъ:
Не знаю, какъ назвать.

Любскій.

Ты, право, мнѣ смѣшонъ;
Неужто позабылъ? Она питомка наша,
Дочь крестная моя, по имени Наташа;
Ну, вотъ тебѣ и все!

Извѣдовъ.

Я это знаю самъ.

Любскій.

Такъ чтожъ еще?

Извѣдовъ.

Нельзя-жъ актрисъ по именамъ
Въ афишѣ называть, — вѣдь это неучтиво:
Фамилія нужна.

Любскій.

Она, братъ, не спесива,
Какъ хочешь назови. Отецъ ея Панфилъ
Былъ управителемъ, а чванства не любилъ;
Служилъ мнѣ по просту, и вѣренъ былъ до гроба;
За то и дочь его люблю.

Посошковъ.

Когда-же проба?

Мы вѣчно не начнемъ.

Извѣдовъ.

Позвольте дочитать.

(*Читаетъ*). «Начало въ 7 часовъ. Всѣ гости равно любезны
хозяину, — слѣдовательно, и мѣста всѣ равныя; плата за оныя—
дружба и снисхожденіе зрителей: это отменно дорого, но хо-
зяинъ дешевле уступить не можетъ».

Любскій.

Прекрасно, милый мой!

Извѣдовъ.

Такъ можно и въ печать?

Любскій.

Пошли скорѣй. Смотри, чтобъ къ вечеру поспѣла.

Посошковъ.

Теперь все кончено; пора-бы намъ за дѣло.

Любскій.

А что, позавтракать у васъ охоты нѣтъ?

Любская.

И, батюшка! къ чему! Испортите обѣдъ.

Любскій.

Все лучше закусить.

Бирюлькинъ.

И я такой-же вѣры.

Любскій.

Пойдемте-жъ, господа, — по рюмочкѣ мадеры,

А тамъ и на театръ.

(Уходятъ всѣ. Извѣдовъ останавливаетъ Наташу).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Извѣдовъ и Наташа.

Извѣдовъ.

Постой, моя душа!

Наташа.

Ну, что?

Извѣдовъ.

Сегодня ты какъ ангелъ хороша.

Наташа.

Благодарю. *(Хочетъ идти).*

Извѣдовъ.

Куда-жъ?

Наташа.

Съ тобой болтать пустого
Мнѣ некогда; прощай!

Извѣдовъ.

Позволь сказать два слова.

Наташа.

Какой привязчивый! — Чего-же хочешь ты?
Ну, говори скорѣй.

Извѣдовъ.

О, чудо красоты!
Соборъ всѣхъ прелестей и горничныхъ царица!
Скажи, доколь судьбы жестокая десница,
Или, яснѣй сказать, свирѣпая рука...

Наташа

Ты что-то говоришь не кстати свысока.

Извѣдовъ.

Служивъ пять мѣсяцевъ съ успѣхомъ Мельпоменѣ,
Я точно такъ всегда говариваль на сценѣ.

Наташа.

Да здѣсь вѣдь не театръ, и ты ужъ не актеръ.

Извѣдовъ.

За то артистъ въ душѣ — и страшный аматеръ;
Но дѣло не о томъ: когда-же наша свадьба?
Ты знаешь, у меня прекрасная усадьба
И домикъ щегольской; есть деньги — по рукамъ
И, если крестный твой отецъ поможетъ намъ,
Откроемъ здѣсь театръ; лишь надобно терпѣнье,
А труппу заведемъ безъ всякаго сомнѣнья;
Ты будешь представлять царицъ, а я царей.
Ну, что-же, ангелъ мой, рѣшайся поскорѣй;
Тутъ думать нечего.

Наташа.

Прошу не торопиться.
Во-первыхъ, баринъ мой...

Извѣдовъ.

Онъ вѣрно согласится.

Наташа.

Все такъ; но признаюсь, мнѣ свадьба въ умъ неидеть:
Какъ вспомню барышню, такъ сердце и замретъ.

Вотъ, милый, каково остаться сиротою!
Что къ Вельскому она привязана душою,
Ты это знаешь самъ, а что еще вѣрнѣй—
Несносный Посошковъ всего противнѣй ей;
И, несмотря на то, ему ужъ слово дали.

Извѣдовъ.

Неужто Вельскому сегодня отказали?

Наташа.

О, нѣтъ еще: теперь онъ надобенъ для насъ.

Извѣдовъ.

Такъ завтра поутру...

Наташа.

Рѣшительный отказъ.

Извѣдовъ.

А все, чай, дядюшка! Да какъ ему не стыдно
Губить племянницу! — Подумать-то обидно:
Ну, этотъ Посошковъ годится-ль ей въ мужья?

Наташа.

На мѣстѣ Вельскаго на все-бъ рѣшилась я.

Извѣдовъ.

Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ онъ очень жалокъ;
Влюбленъ, надежды нѣтъ, и къ этому вдобавокъ
Сегодня долженъ съ ней любовника играть—
Не больно-ли, скажи?

Наташа.

Ужь нечего сказать

Повѣришь-ли? На нихъ измучилась я глядя.

Извѣдовъ.

А что, мой другъ, вѣдь ей Честоновъ также дядя;
Неужели и онъ не хочетъ ей помочь?

Наташа.

О, нѣтъ! онъ барышню любилъ всегда, какъ дочь,
И этой свадьбою не можетъ быть доволенъ;
Но онъ теперь въ Москвѣ, два мѣсяца какъ боленъ
И — объ закладъ побьюсь — не знаетъ ничего.

Извѣдовъ.

Нельзя-ли какъ-нибудь увѣдомить его?

Что еслибъ ты къ нему объ этомъ написала?

Наташа.

Недолго написать, да пользы будетъ мало.

Извѣдовъ

А я такъ думаю, что онъ поможетъ намъ.

Наташа.

Охъ, трудно, милый мой! Старикъ нашъ такъ упрямъ,
Что Вельскому помочь нѣтъ средства никакого.

Извѣдовъ.

Постигнуть не могу! И какъ для Посопкова
Рѣшиться отказать такому молодцу!

Наташа.

Молчи! Мнѣ кажется, подѣхали къ крыльцу...
Ну, такъ и есть. (*Хочетъ идти*).

Извѣдовъ.

Постой! чего-жъ ты испугалась?

Наташа.

Пусти! И такъ съ тобой я слишкомъ заболталась.
Прощай! (*убываетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Извѣдовъ (*одинъ, глядя вслѣдъ за Наташей*).

Вотъ золото! Рѣшительно скажу:

Женясь на ней, театръ я смѣло завожу;
Съ такой актрисою мнѣ нечего бояться:
Ей только надобно на сцену показаться,
А то сведеть съ ума всю нашу молодежь.
И подлинно, такой субретки не найдешь,
Хоть изъ конца въ конецъ объѣзди всю Европу;
А здѣсь въ губерніи — сыграетъ и Меропу!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Извѣдовъ и Честоновъ.

Извѣдовъ.

Возможно-ль! Николай Степанычъ — это вы!

Честоновъ.

Извѣдовъ! здравствуй, братъ!

Извѣдовъ.

Давно-ли изъ Москвы?

Честоновъ.

Вчера пріѣхалъ въ ночь.

Извѣдовъ.

Вы насъ совсѣмъ забыли.

Честоновъ.

Я боленъ былъ; къ тому-жъ мнѣ голову вскружили,
Измучили совсѣмъ проклятыя дѣла.

Ну, что племянница? Здорова, весела?

Извѣдовъ.

О, нѣтъ, сударь! Она теперь...

Честоновъ.

Степеннѣй стала?

Тѣмъ лучше для нея.

Извѣдовъ.

Вы помните, бывало

Смѣется цѣлый день, а нынче иногда...

Честоновъ.

Не рѣзвится? Такъ чтожъ? На все свои года,

И рѣзвость прежняя была-бы не у мѣста:

Ей скоро двадцать лѣтъ, къ тому-жъ она невѣста...

Извѣдовъ.

Такъ вы ужь знаете?...

Честоновъ.

Сегодня поутру

Узналъ я все. Какъ жаль покойную сестру!

Какая-бъ радость ей! Но жалобы напрасны:

Ее не воскресишь!

Извѣдовъ *(съ удивленіемъ)*.

Такъ вы, сударь, согласны?

Честоновъ.

На что?... На свадьбу ихъ? А почему-жъ не такъ?

Извѣдовъ (*въ сторону*).

Возможно-ли! И вы!... Попался я впросакъ!

Честоновъ.

И что тутъ страннаго! Что Оленька счастлива,
Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ. Хоть очень прихотлива
На выборъ жениховъ покойница была;
А лучше-бъ мужа ей, конечно, не нашла:
Онъ добръ, уменъ; хотя фамилии не знатной,
Но старый дворянинъ; наружности пріятной...

Извѣдовъ.

Помилуйте!

Честоновъ.

Къ тому-жъ отмѣнно скромнень, тихъ...

Извѣдовъ.

Кто? Онъ, сударь?

Честоновъ.

Ну, да! Племянницынъ женихъ.

Извѣдовъ.

Такъ вы найдете въ немъ большую перемѣну.
Позвольте вамъ сказать...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же и Бирюлькинъ.

Бирюлькинъ (*Извѣдову*).

Васъ ждуть давно на сцену.

Извѣдовъ.

Начните безъ меня.

Бирюлькинъ.

Безъ васъ нельзя никакъ.

(*тихо*).

Кто этотъ господинъ? Честоновъ, точно такъ!
Позвольте, батюшка, съ приѣздомъ васъ поздравить.

Честоновъ.

А, старый другъ!

Бирюлькинъ.

Во снѣ не могъ себѣ представить
Такой я радости, — я вижу наяву.

Честоновъ.

Какъ поживаешь, братъ?

Бирюлькинъ.

Да такъ, кой-какъ живу.

(Извѣдову).

Ступайте-же!

Извѣдовъ.

Мы васъ должны оставить оба:
На пробу насъ зовутъ.

Честоновъ.

Да что у васъ за проба?

Извѣдовъ.

Сегодня здѣсь театръ.

Честоновъ.

Театръ?

Извѣдовъ.

А послѣ балъ.

Честоновъ.

Театръ? Вотъ этого никакъ не ожидалъ!
Кой чортъ! Да кто-жь у васъ? Хозяинъ самъ актеромъ!

Извѣдовъ.

О, нѣтъ, сударь!

Честоновъ.

Такъ вы?

Извѣдовъ.

Я только что суфлеромъ;

А вотъ одинъ артистъ.

Честоновъ.

Бирюлькинъ! Что ты, братъ!

Въ своемъ-ли ты умѣ!

Бирюлькинъ.

Отецъ! и самъ не радъ,

(Извѣдову)

Да дѣлать нечего. Ужь вамъ прочтутъ рацею!
Ступайте поскорѣй!

И з в ѣ д о в ъ .

А вы, сударь?

Б и р ю л ь к и н ъ .

Успѣю;

Я въ первомъ дѣйстви совсѣмъ не выхожу.

И з в ѣ д о в ъ (*Честонову*).

Позвольте мнѣ! Объ васъ я братцу доложу. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Б и р ю л ь к и н ъ и Ч е с т о н о в ъ .

Ч е с т о н о в ъ (*улыбаясь*).

Такъ вы, сударь, актеръ? Неужто въ самомъ дѣлѣ?

Б и р ю л ь к и н ъ .

Эхъ, батюшка! Чуть, чуть душа осталась въ тѣлѣ!
Совсѣмъ замучили! Пускай-бы два стиха
Нѣтъ, сотню выучи!... А память-то плоха.
Твердить примусь — бѣда: начнетъ душить зѣвота;
Къ тому-же у меня и кашель и перхота—
Ну, что я за актеръ!

Ч е с т о н о в ъ .

Нельзя-же безъ труда

Актеромъ быть. Когда старикъ въ твой года
Захочетъ въ рѣзвостяхъ тигаться съ молодыми,
Такъ долженъ все сносить.

Б и р ю л ь к и н ъ .

Конечно, такъ — кто съ ними

Проказить за одно; а я, почтенный мой,
И знать ихъ не хочу: мнѣ надобенъ покой.

Ч е с т о н о в ъ .

Но развѣ ты не могъ отдѣлаться отъ роли?
Зачѣмъ брался?

Б и р ю л ь к и н ъ .

Зачѣмъ! Возьмешься поневолѣ,
Когда на старости пугнуть тебя судомъ.

Ч е с т о н о в ъ .

Судомъ?

Бирюлькинъ.

Я думаю, извѣстны вы о томъ,
Что братцу вашему еще въ запрошломъ лѣтѣ,
Имѣя на бѣду покупочку въ предметѣ,
Рублей до тысячи, я какъ-то задолжалъ.
Хоть тысяча рублей неважный капиталъ,
Но такъ какъ у меня весь хлѣбъ побило градомъ,
А что осталось, пришлось продать съ накладомъ;
Къ тому-же мужички не выслали оброкъ:
Такъ деньги я внести по векселю не могъ.
Вашъ братецъ, знаете, зоветъ меня сосѣдомъ
И жалуется; ну, вотъ однажды за обѣдомъ
Изводитъ говорить: «Послушай-ка, сосѣдъ,
Заводимъ мы театръ; въ тебѣ хоть толку нѣтъ,
Однакожь, такъ и быть, ступай и ты въ актеры». —
Вотъ я было и прочь! Куда-те! Хоть до ссоры!
Какъ крикнетъ, батюшка: «Со мною не шути!
Прошу играть, не то — по векселю плати!»
Да что я за актеръ? Вѣдь мнѣ шестой десятокъ.
«Не хочешь, такъ плати!» — Дождитесь хоть святокъ!
Я все съ процентами сполна вамъ заплачу. —
«Нѣтъ! Въ судъ!» — Помилуйте! — «И слыпать не хочу!»
А, впрочемъ, не играй — вѣдь я, братъ, не неволю». —
Что дѣлать? Замолчалъ. Въ карманъ пихнули ролю,
Очнуться не дали...

Честоновъ

И жалко и смѣшно.

Бирюлькинъ.

Дурачить такъ меня, ей, ей, отецъ, грѣшно!
Во мнѣ-же вовсе нѣтъ способностей природныхъ.

Честоновъ (улыбаясь).

А вѣрно ты попалъ на роли благородныхъ
Отцовъ, — а можетъ быть, и знатный господинъ?...

Бирюлькинъ.

И должно-бъ такъ: вѣдь я природный дворянинъ,
Такъ нѣтъ, сударь. Меня упрятали въ холопы,
Ну, легче-бъ, кажется, идти мнѣ въ рудокопы —
А дѣлать нечего: хоть плачь, а будь актеръ.
Вѣкъ съ честію служилъ, ужъ двадцать лѣтъ майоръ —
И мнѣ лакеемъ быть!...

Честоновъ.

По чести, это больно.

Бирюлькинъ.

Вѣстимо, батюшка! да дѣло-то невольное.
Одно изъ двухъ: плати — не то играй слугу;
Попробуй отказать, такъ онъ согнетъ въ дугу.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ-же, Любскій, Любская и Оленька.

Любскій (*обнимается*).

Насилу Богъ принесъ! Какими, братъ, судьбами?

Честоновъ.

Хотѣлось поскорѣй увидѣться мнѣ съ вами.

Оленька.

Любезный дядюшка!

Честоновъ (*обнимая ее*).

Здорово, милый другъ.

Любскій.

Ты здѣсь? Послушай, братъ! Теперь ей недосугъ.
Позволь...

Оленька.

Ахъ, дядюшка! А я было хотѣла...

Любскій.

Ступай, сударыня!

Честоновъ.

Зачѣмъ?

Любскій.

Да такъ, есть дѣло.

(*Бирюлькину*). А ты что здѣсь?

Бирюлькинъ.

Охти! попался я въ бѣду!

Любскій.

Ну, что стоишь! пошелъ!

Бирюлькинъ.

Иду, сударь, иду!

(*Бирюлькинъ и Оленька уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТЪ-ЖЕ, ВЕЗЪ БИРЮЛЬКИНА И ОЛЕНЬКИ.

Любская

Какъ это, батюшка, пустился ты въ дорогу?
Проѣзду вовсе нѣтъ.

Честоновъ.

Однакожь, слава Богу,

Доѣхалъ какъ-нибудь.

Любскій.

Ты вѣрно, братъ, усталъ?

Но дѣлать нечего: у насъ сегодня балъ,
Какъ хочешь, а прошу со мною веселиться.

Честоновъ.

Нельзя-ль помиловать?

Любскій.

Вотъ это не годится.

Въ столицѣ побывалъ, такъ съ нимъ не говори,
Нашъ городъ не Москва, однакожь, посмотри,
Какъ мы пируемъ здѣсь — не хуже вашей знати!

Любская.

Охъ, эти мнѣ пиры! Совсѣмъ-бы намъ не кстати!
Доходовъ нѣтъ...

Любскій

Ну, такъ! Одно все въ головѣ!

(Честонову). Да полно, матушка! Услышать и въ Москвѣ,
Какъ мы живемъ. Ни въ чемъ не будетъ упущенья:
И танцы и театръ — а что за угощенье!
Какого подадутъ отличнаго вина!...

Любская.

И вѣрно выпьютъ все!

Любскій.

Уймешься-ль ты, жена!

(Честонову). Послушай, милый мой, сказать-ли по секрету?
Есть свадьбка у насъ.

Честоновъ.

Да и ужь новость эту
Узналъ и безъ тебя, и всей душою радъ.
Женихъ мнѣ по сердцу.

Любскій.

Не правда-ли, что кладъ?

Любская.

Живеть расчетисто, богатъ и здѣшній житель.

Любскій.

Преумный человѣкъ! Актеръ и сочинитель.

Честоновъ.

Я этого не зналъ.

Любскій.

Да это ничего:

Здѣсь въ обществахъ и жить не могутъ безъ него;
На все готовъ: завестъ игру, затѣять фанты..

Честоновъ.

Такъ Вельскій отъ меня скрывалъ свои таланты!

Любская.

Что, что?

Честоновъ.

По чести! Я совсѣмъ не зналъ объ нихъ.

Любскій.

Какъ Вельскій? Что за вздоръ!

Честоновъ.

Кто-жъ Оленькинъ женихъ?

Любскій.

Да развѣ жениха не можетъ быть другова?
Съ чего ты взялъ?

Любская.

Она идетъ за Посошкова.

Честоновъ.

Возможно-ли?

Любская.

Женихъ, надѣюсь, не худой!

Честоновъ.

Старикъ!...

Любская.

Какой старикъ! Онъ малый молодой.

Честоновъ.

Ему за пятьдесятъ...

Любскій.

Но всё единогласно

Со мною повторять, что можно даже страстно
Въ него быть влюблену: племянница сама...
Со временемъ его полюбить безъ ума.

Честоновъ.

Когда со временемъ, такъ видно это значить...

Любская.

Что, можетъ быть, теперь немного и поплачетъ,
Да слобится впередь.

Честоновъ.

Эй! на душу грѣхъ

Не должно брать.

Любскій.

И къ этому придачь

Шестьсотъ наличныхъ душъ, луга, лѣсныя дачи...

Честоновъ.

И десять тысячъ душъ, безъ собственной души,
Не значать ничего.

Любская.

Эй, братецъ, не грѣши!

Не значить ничего богатое имѣнье!

Честоновъ.

Богатство при слезахъ — плохое утѣшенье;
Оно должно быть здѣсь! Повѣрь, кто сердцемъ чистъ...

Любская.

Ты судишь, батюшка, какъ сущій атенстъ:
Вѣдь деньги Божій даръ.

Честоновъ.

А чаще — наказанье.

Но дѣло не о томъ. При первомъ я свиданьи
Намѣренъ Волгина порядкомъ побранить:
Онъ дяди Вельскому и, кажется, шутить
Насчетъ племянника ему-бы неприлично...

Любскій.

Какъ! Вѣдь здѣсь?

Честоновъ.

Да, здѣсь! и говорятъ публично
О свадьбѣ Вельскаго.

Любскій.

Съ чего-жъ онъ это взялъ?
Хоть Вельскій сватался...

Честоновъ.

Но ты вѣдь отказалъ?

Любскій.

Не то чтобъ отказалъ... однако, не далъ слова.

Честоновъ.

Но если Оленька идетъ за Посошкова,
Такъ должно отказать.

Любскій

Я это знаю самъ.

Честоновъ.

Зачѣмъ-же ты молчишь?

Любскій

Отвѣтъ я завтра дамъ.

Все кончу поутру.

Честоновъ.

А чтожъ тебѣ мѣшаетъ

Сказать теперь?

Любскій (*вполголоса*).

Нельзя! сегодня онъ играетъ.

Честоновъ.

Сегодня? У тебя?

Любскій

Вотъ то-то и бѣда!

Пришлось молчать; за то ужъ послѣ никогда
Я Вельскому къ себѣ и ѣздить не позволю.
Лишь нынче-бъ какъ-нибудь сыгралъ свою онъ ролю,
А завтра, конечно! Рѣшительный отказъ!

Честоновъ.

Я, право, отъ тебя не ждалъ такихъ проказъ.
Во всѣхъ дѣлалъ твоихъ и тѣни нѣтъ разсудка.

Любскій.

И, полно! Шутишь, братъ.

Честоновъ.

Какая это шутка!
Ну, пусть племянница идетъ за старика,
За чтожь изъ Вельскаго вамъ дѣлать дурака?

Любскій.

Но мой театръ...

Честоновъ.

Скажи! походить-ли на дѣло?
По милости твоей, теперъ онъ можетъ смѣло,
Съ утра до вечера, съ ней роли проходить;
Шептать ей на ухо, о страсти говорить;
И это все сносить ты долженъ терпѣливо.

Любскій.

Конечно, такъ, мой другъ! Ты судишь справедливо:
Да какъ-же мой театръ?...

Честоновъ.

Эй, братецъ, не шути!
Ну, если Оленька задумаетъ уйти?...
Хотя племянница во всемъ тебѣ послушна;
Но если къ Вельскому она неравнодушна..

Любская.

Не долго до грѣха!

Любскій.

Ты точно, милый, правъ!
И еслибъ не театръ...

Честоновъ.

Какой несносный нравъ!
Кой чортъ! Да что тебя къ театру привязало?

Любскій.

Меня?... По мнѣ его хоть вѣкъ-бы не бывало;
Но дѣлать нечего — и плачу, да люблю:
Вѣдь я, мой другъ, одинъ весь городъ веселю;
Такъ хочешь, или нѣтъ, а разсылай билеты.

Любская.

Да, батюшка! Что день, то новые банкеты...

Любскій.

Молчи, жена!

Любская.

Ну, вот! Всегда одинъ отвѣтъ.
Помилуй, мой отецъ! Расходамъ счету нѣтъ.
Ужъ этотъ насъ театръ дождетъ непременно.

Любскій.

Пустое! Вздоръ! Хотя, признаться откровенно,
Онъ нѣсколько и мнѣ становится тяжелъ.
Что грѣхъ таить! Съ тѣхъ поръ, какъ я его завелъ,
Покою нѣтъ; когда-жъ дойдетъ до представленья,
Вотъ тутъ-то, братъ, вертись: костюмы, освѣщенье...
Ну, словомъ: голова у всѣхъ пойдетъ кругомъ.

Любская.

Весь домъ въ послѣдній разъ поставили вверхъ дномъ;
А сколько извели холстины на кулисы!...

Любскій.

Спасибо, что теперь домашнія актрисы,
А то — хоть изъ дому бѣги! Съ ума сойдешь:
Бывало никого на пробу не сберешь:
То некогда придти, то роля не готова,
Та на вечеръ звана, другая нездорова...
Повѣришь-ли? Тоска! Подчасъ хоть въ петлю радъ.
Сегодня, напримѣръ, хоть все идетъ на ладъ
А, несмотря на то, дрожу, боюсь...

Честоновъ.

Чего-же?

Любскій.

Ну, если мой театръ, — чего избави Боже! —
На выворотъ пойдетъ? Что дѣлать мнѣ тогда?

Честоновъ.

А что! И подлинно, большая вѣдь бѣда!

Любскій.

Шути себѣ, шути! а я межъ-тѣмъ увѣренъ,
Что если-бы и ты...

Честоновъ.

Я спорить не намѣренъ,
А просто мнѣніе мое тебѣ скажу:
Что ты завелъ театръ, ни мало не тужу;

Я самъ любилъ играть, но только не для славы.
Бывало—въ два часа, для собственной забавы,
Готовъ я вытвердить хоть дюжину страницъ,
Но если эта страсть выходитъ изъ границъ:
То вѣрь, мой другъ, придетъ съ веселостью простить:
И скуки ждать одной. Тотъ худо веселится,
Кто, смыслу здравому идя напереломъ,
Забаву дѣлаетъ какимъ-то ремесломъ.
Вотъ самъ ты, напрімѣрь, скажи мнѣ, ради Бога...

Любскій.

Да ты не знаешь, братъ: судить-то будутъ строго.
Здѣсь много знатоковъ, не долго до бѣды:
Распишутъ такъ...

Честоновъ.

И вотъ тщеславія плоды!
Чтобъ только твой театръ хорошимъ называли,
Готовъ ты уморить племянницу съ печали,
Замучить самъ себя, имѣнье разорить...

Любская.

Ну, слышишь, батюшка?

Честоновъ.

Да что тутъ говорить!
Бывало въ старину мы рѣзвима для смѣха,
А нынче завели театръ—пошла потѣха!
Волненье страшное, тревога, кутерьма!
Хозяева въ чаду, актеры безъ ума;
Тотъ пламенной игрой и чувствомъ удивляетъ:
Забытаго дѣтми Эдипа представляетъ,
А самъ дѣтей своихъ давно уже забылъ.
На сценѣ, для другой, одинъ супругъ лишь миль,
Имъ дышитъ, имъ живетъ—тогда какъ въ самомъ дѣлѣ
Дѣйствительный супругъ лежитъ больной въ постелѣ.
Интригамъ нѣтъ конца; насмѣшки, сплетни, лесть...
А ссоры вздорныя нельзя и перечестъ:
Одинъ желаетъ быть отцомъ, другой тираномъ;
Тотъ ролю выплакалъ, тотъ взялъ ее обманомъ;
Та теткой хочетъ быть, тотъ просится въ слуги,
Тому любовника давай—ну, вонъ бѣги!
И, словомъ, труппа вся, признаться должно въ этомъ,
Прекраснымъ можетъ быть комическимъ сюжетомъ.

Любскій.

Все это пустяки, мой другъ, одни слова!
Хоть въ этомъ мнѣ повѣрь; я труппѣ всей глава,
Такъ дѣло вѣдь мое, чтобъ жили мы согласно.

Честоновъ.

Не вѣрю, милый мой.

Любскій.

Зачѣмъ судить пристрастно.

Ты прежде посмотри, а послѣ ужь брани.

Честоновъ.

И вы не ссоритесь?

Любскій.

О! Боже сохрани!

И знать не знаемъ мы, что есть на свѣтѣ ссоры.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Наташа.

Любскій (*Наташа*).

Зачѣмъ?

Наташа.

Бѣда, сударь! Поссорились актеры.

Любскій.

Охти! За что?

Наташа.

А вотъ спросите сами ихъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тъ-же, Посошковъ, Лилѣевъ, Бирюлькинъ,
Вельскій, Извѣдовъ и Оленька.

Лилѣевъ.

Я вамъ, сударь, сказалъ, что грубостей такихъ
Сносить я не хочу.

Посошковъ.

Играть изволить франта,

Тогда какъ вадобно...

Лилѣвъ.

Такъ нѣтъ во мнѣ таланта?

Посошковъ.

Я это говорилъ еще вамъ говорю
И буду говорить.

Любскій (Честонову).

Сейчасъ ихъ помирю.

Стыдитесь, господа! На что это похоже!
За что вы ссоритесь?

Лилѣвъ.

Мнѣ честь всего дороже

И я не дамъ себя обидѣть никому!

Любскій.

Да что скажите мнѣ!

Лилѣвъ.

Прилично-ли тому,

Кто самъ плохой актеръ...

Любскій.

И какъ тебѣ не стыдно!

Посошковъ.

Торжественно скажу, онъ хочеть очевидно
Испортить все.

Любскій.

Да что? Добьюсь-ли толку я?

О чемъ вы спорите?

Посошковъ.

Такъ будьте-жь вы судья!

Онъ ролю старика взялся безъ принужденья,
Охотой, самъ, играть...

Лилѣвъ.

Ну, да! Изъ снисхожденья.

Посошковъ.

И чтожь играетъ онъ? Терпѣнья, право, нѣтъ!
Намѣсто старика—мальчишку въ двадцать лѣтъ.

Лилѣвъ.

За чтожь винить меня? Вините въ томъ натуру,
Которая дала такую мнѣ фигуру.

Посошковъ.

Такъ знайте жъ, господинъ столѣтній селадонъ...

Лилѣевъ.

Столѣтній!...

Любскій.

Ну, бѣда!

Лилѣевъ.

Что значить этотъ тонъ?

Любскій.

Послушайте!

Лилѣевъ.

Кому вы это говорите?

Посошковъ.

О, вѣрно ужъ не вамъ! Вотъ зеркало, взгляните!

Лилѣевъ.

Насмѣшки, дерзости... но я вамъ отплачу;
Извольте ролю взять, играть я не хочу.

Любскій.

Какъ! Что! Помилуй, братъ! Сегодня представленье,
А ты...

Лилѣевъ.

Чтобъ я сносилъ такія оскорбленья!

Любскій.

Позволь...

Лилѣевъ.

Я вамъ сказалъ, что честь мнѣ дорога.

Любскій.

Да выслушай!...

Лилѣевъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Покорный вашъ слуга.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ БЕЗЪ ЛИЛѢВА.

Любскій (*бѣжитъ за Лилѣевымъ*).
Въ умѣ ли ты! Постой!

Посошковъ.

О, глупое созданье!
Повѣрьте мнѣ, въ немъ нѣтъ и капли дарованья.

Любскій (*возвращаясь съ отчаяніемъ*).
Ушелъ! Совсѣмъ ушелъ!

Посошковъ.

Тѣмъ лучше, очень радъ!

Любскій.

Зарѣзалъ безъ ножа!

Посошковъ.

Я бьюся объ закладъ,
Что онъ и смолоду пресквернымъ былъ актеромъ;
Ему подь шестьдесятъ, а хочетъ быть Линдоромъ.

Любскій.

Что дѣлать мнѣ теперь? Весь городъ приглашень,
А нашъ театръ...

Посошковъ.

Никакъ попасть не можетъ въ тонъ.
Гдѣ должно говорить съ душой—одни лишь крики.

Любскій.

Эхъ, братецъ!..

Посошковъ.

Никогда не ждетъ своей реплики.

Любскій.

Несносный человѣкъ!

Посошковъ.

Что скажетъ, то совретъ.

Любскій.

Да слышишь-ли, злодѣи! Театръ нашъ не поидеги!

Посошковъ.

И, что вы! Для него? Да это ужь безбожно!
Неужто замѣнить Лилѣва не можно?

Любскій.

Посмотримъ! Говори! Кого ты назовешь?

Посошковъ.

Хоть это не легко...

И звѣдовъ.

Не вдругъ теперъ найдешь.

Любскій.

Ну, что молчишь? Скорѣи зарѣжь однимъ ужь разомъ!

Любская.

Послать-бы, батюшка, скорѣи ко всѣмъ съ отказомъ.

Любскій.

Съ отказомъ? Боже мой! Вотъ дожилъ до чего!

Вельскій.

Позвольте... точно такъ! Я знаю одного
Охотника играть; старинный мой пріятель
И дальній родственникъ... Уздный засѣдатель...

Посошковъ.

Да кто такой?

Вельскій.

Андрей Степанычъ Пряниковъ;

Онъ былъ всегда въ числѣ хорошихъ знатоковъ
И мастеръ самъ играть.

Любскій.

Ахъ, сдѣлай одолженье!

Посошковъ.

Возьмется-ль выучить?

Вельскій.

Безъ всякаго сомнѣнья.

Любскій.

И! Роля ничего! Рѣшился-бъ только взять...

Посошковъ.

Она жъ не велика, всего страничекъ пять.

Любскій.

Ступай-же поскорѣи!

Вельскій.

Я не прощаюсь съ вами.

Честоновъ (*Вельскому*).

И я съ тобой.

Любскій.

А ты куда? Обѣдай съ нами.

Честоновъ.

Нельзя; мнѣ надобно кой-что распорядить.

(Тихо Вельскому).

Съ тобою долженъ я о многомъ говорить. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Тъ-же, безъ Вельскаго и Честонова.

Любскій.

Охъ, этотъ мнѣ театр! Прекрасная забава!

Ложись, да умирай!

Извѣдовъ.

За то какая слава!

Посошковъ.

Кто этотъ Прямиковъ? Я здѣсь живу давно,

А что-то не слыхаль.

Любскій.

Эхъ, братецъ, все равно!

Ну, что тутъ спрашивать? Актера нѣтъ другово.

Пойдемте, господа! Чай, кушанье готово.

Посошковъ.

Придется попозднѣй сегодня намъ начать.

Любскій *(уходя Посошкову).*

Добро, мой другъ! За все ты будешь отвѣчать.

(Всѣ уходятъ въ боковыя двери).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та-же комната.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Извѣдовъ *(одинъ).*

Мы нынче, кажется, обѣдали по модѣ.

(Смотритъ на часы).

Ну, такъ и есть! Легко-ль! Четвертый часть въ исходѣ,
А Вельскаго все нѣтъ, какъ нѣтъ! Эй, быть бѣдѣ!
Такого удалца не сыщеть онъ нигдѣ,
Кто-бъ ролю выучилъ серьезно, не для шутки,
Не только въ нѣсколько часовъ, но даже въ сутки.
Ужъ я-ли въ старину не дѣлалъ чудеса?
Бывало выучить придется въ два часа
Осьмушекъ до шести: а все играть какъ стануть,
Такою дичь начнешь пороть, что уши вянуть.
Нѣтъ! Видно по всему, театру не бывать;
А, право, жаль! Старикъ нашъ будетъ горевать.
Что еслибъ мнѣ?... А чтожъ? Чѣмъ хуже я другога?—
Лилѣвъ дворянинъ — объ этомъ я ни слова;
За то какой актеръ, послѣдней ужъ руки;
А я, сомнѣнья нѣтъ, сыграю мастерски,
И мой талантъ...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тотъ-же, Посошковъ, Оленька и Наташа.

Посошковъ (*Оленькѣ*).

Да, да! Вамъ съ Вельскимъ должно вмѣстѣ
Всю сцену повторить. Ну, что! Какія вѣсти?

Извѣдовъ.

Покуда никакихъ.

Посошковъ

Такъ Вельскій не бывалъ?

Извѣдовъ.

И слуху нѣтъ о немъ.

Посошковъ.

Куда же онъ пропалъ?

Не стыдно-ли ему! Онъ далъ честное слово,
Какъ можно поскорѣй привести къ намъ Прямикова...

Извѣдовъ.

Да врядъ-ли приведетъ.

Посошковъ.

И, что ты, братецъ! Вздоръ!

Извѣдовъ (*глядя въ окно*).

Постойте! Вотъ и онъ възвѣщаетъ къ намъ на дворъ.

Вельскій.

Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ.

Извѣдовъ.

Попасть какъ должно въ тонъ,
Реплики выучить, — все это не бездѣлки.

Посошковъ.

И, вздоръ!

Извѣдовъ (*въ сторону*).

Охъ, эти мнѣ актеры скороспѣлки!
Вездѣ отъ нихъ бѣда.

Посошковъ (*Вельскому*).

Такъ ровно черезъ часъ

Онъ будетъ здѣсь?

Вельскій (*тихо Оленькъ*).

Теперь, сударыня, отъ васъ

Зависитъ все.

Посошковъ (*Вельскому*).

И вы увѣрены, что можетъ

Онъ къ вечеру поспѣть?

Вельскій.

Старанье все приложить,

Ручаюсь за него.

Наташа (*стараясь отвѣчь Посошкова*).

Позвольте васъ спросить:

Здѣсь въ роли у меня должны ошибки быть, —
Вотъ тутъ?

Посошковъ.

Посмотримъ. Гдѣ?

Наташа (*показывая рукою*).

Внизу.

Вельскій (*тихо Оленькъ*).

Мнѣ очень нужно

Сказать вамъ слова два.

Посошковъ (*читаетъ роль*).

«Съ нимъ жить я стану дружно».

Наташа.

А, дружно? Точно такъ.

Вельскій *(тихо Оленькѣ)*.

Мнѣ съ вами говорить

Теперь нельзя, но я...

Посошковъ *(Вельскому)*.

А чтобъ намъ повторить...

Наташа *(показывая свою роль)*.

Позвольте! Вотъ еще тутъ что-то непонятно.

Посошковъ *(читаетъ роль)*.

«Какъ этихъ стариковъ обманывать пріятно!

«Ну, имъ-ли женщины быть умнѣе и хитрѣй».

Помилуй, матушка! Чтожъ этого яснѣй?

(Вельскому).

Андрей Степановичъ! За чѣмъ же дѣло стало?

Пройдемте сценки двѣ.

Наташа.

Не лучше-ли сначала

Заняться вамъ со мной?

Посошковъ.

На что же намъ однимъ?

Мы сцены двѣ, или три всѣ вмѣстѣ повторимъ.

(Вельскому). Не правда-ли?

Вельскій.

Отъ всей души.

Посошковъ *(Оленькѣ)*.

А вы?

Оленька.

Извольте.

Посошковъ.

Съ чего-бы намъ начать?

Вельскій.

Мнѣ кажется...

Посошковъ.

Постойте!

(Смотритъ въ тетрадь).

Явленье пятое... да! Точно съ этихъ поръ

Мы можемъ повторить. А гдѣ-же нашъ суфлеръ?

Извѣдовъ.

Я здѣсь, сударь.

Посошковъ.

Вотъ стулъ, прошу садиться.
Возьми комедію... Да, чуръ не торопиться.
(*Вельскому*). Вы въ этомъ дѣйствиі отъѣнно хороши;
(*Оленькѣ*). А въ васъ-бы я желалъ побольше души.
Натура и душа! — безъ этихъ двухъ условий
Искусство ничего.

Извѣдовъ (*въ сторону*).

Нельзя безъ предисловія.

Прикажете начать?

Посошковъ.

Да, душенька, начни.

Извѣдовъ.

Явленіе пятое. Сначала вы одни,
Потомъ Эрасть.

Посошковъ.

Живѣй какъ можно эту сцену!

Извѣдовъ (*Наташѣ*).

Извольте. Вамъ.

Наташа (*Оленькѣ*).

«Я въ васъ большую перемѣну
«Сегодня нахожу.

«Быть можетъ васъ я этимъ разсержу;
«Но, право, мнѣ смѣшно: вы плакали въ постелѣ,
«Теперь вздыхаете... неужто въ самомъ дѣлѣ
«Боятесь вы?»...

Оленька.

«Всего!

«Ахъ, Машенька! Я такъ люблю его!

«И вотъ ужь пятый день»...

Наташа.

«Къ окну онъ не подходитъ.

«Такъ это-то съ ума васъ сводить?

«Да онъ ужь не живетъ напротивъ насъ».

Оленька.

«Возможно-ли? Эрасть...»

Наташа.

«Изъ нашего сосѣдства

«Давно ужь выѣхалъ, и вѣрно ищетъ средства

«Увидѣть ближе васъ,
«Вашъ опекунъ хитерь, а онъ еще хитрѣе
«И, можетъ быть»...

Оленька.

«А мнѣ такъ кажется вѣрнѣе,
«Что онъ уѣхалъ изъ Москвы».

Наташа.

«Да вотъ онъ на лицо».

Оленька.

«Возможно-ль! это вы?»

Посошковъ.

Не то, совсѣмъ не то! Простое удивленье
Не значить ничего. Гдѣ-жъ радость, восхищенье?
Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! Вы слишкомъ холодны...
Не правда-ль, что въ него вы страстно влюблены?

Наташа.

Конечно, такъ.

Посошковъ.

Что съ нимъ и видѣться хотѣли?
Что онъ любовникъ вашъ... Ну, вотъ и покраснѣли!
Охъ, эта скромность мнѣ! Пора вамъ быть смѣлѣй.

Наташа.

Я то-же говорю.

Посошковъ.

Скажите веселѣй:

«Возможно-ль! Это вы!» Ну, что-же! Говорите!

Оленька.

«Возможно-ль! Это вы?...»

Посошковъ.

Куда-же вы глядите?

Смотрите на него; онъ главный персонажъ.

Вельскій.

«Да, Лиза, это я — любовникъ вѣрный вашъ!
«Я съ вами, вижу васъ... и все теперь, разлуку,
«Печаль, тоску... все, все забылъ!»

Посошковъ (*Вельскому*).

Цѣлуйте руку!

Оленька.

«Вы здѣсь, Эрастъ! И вы пять дней могли
«Не видѣться со мной!»

Наташа.

«Да будьте-жъ съ нимъ поостроже:
«Легко-ль, пять дней! На дѣло не похоже!
«Мы чуть было отъ васъ въ постелю не слегли;
«Съ утра до вечера, все плакали, грустили»....

Вельскій.

«Я ѣздилъ изъ Москвы».

Наташа.

«Вы ѣздили?»

Вельскій (*Оленькѣ*).

«Но вы вездѣ со мною вмѣстѣ были!
«Вы здѣсь и навсегда!»

Оленька (*Наташѣ*).

«Ахъ, какъ онъ милъ!»

Вельскій.

«Я съ вами разставался
«За тѣмъ, чтобъ вѣчно вашимъ быть:
«Я ѣздилъ къ дядюшкѣ, во всемъ ему признался,
«Клялся ему васъ вѣкъ любить:
«Кто чувствуетъ, какъ я — тому краснорѣчивымъ
«Не трудно быть: я всё сомнѣнья превозмогъ,
«Онъ мнѣ позволилъ быть счастливымъ.
«Теперь я здѣсь, у вашихъ ногъ!
«Отъ вашего зависить приговора
«Все счастье, жизнь моя»...

Посошковъ.

Ахъ, если-бы актера
Еще такого намъ!

Вельскій.

«Скажите только: да!
«И я, навѣки, навсегда
«Любовникъ вашъ, супругъ»...

Посошковъ.

Прекрасно, превосходно!
Вотъ истинный талантъ!

Оленька.

«Притворство мнѣ не сродно...

«Я васъ люблю»...

Посошковъ.

Нѣжнѣй, сударыня, нѣжнѣй!

Оленька.

«Я васъ люблю, Эрастъ»!..

Посошковъ (*Вельскому*).

Подвиньтесь ближе къ ней.

Оленька.

«Но я, къ несчастію, свободы не имѣю

«Располагать собой».

Наташа.

«Я васъ не разумѣю».

Оленька.

«Мой опекунъ»...

Наташа.

«Да что онъ за указъ?

«И есть-ли что-нибудь съ нимъ общаго у васъ?

«Онъ старъ, вы молоды; онъ дурень, вы прекрасны».

Вельскій.

«Что значить власть опекуна,

«Когда вы будете согласны

«Супругой быть моей?»

Оленька.

«Такъ я должна»...

Наташа.

«Должны, какъ слѣдуетъ, сначала колебаться,

«Твердить о томъ, о семъ,

«Поплакать и потомъ —

«Сегодня убѣжать, а завтра обвиняться»

Оленька.

«Что ждетъ меня? Насмѣшки, клеветы...

«Ахъ! Участь сироты

«Достойна сожалѣнья!»

Вельскій.

«Рѣшительте быть моей, и мы сегодня въ ночь

«Уѣдемъ къ дядюшкѣ; онъ приметъ васъ, какъ дочь»...

Оленька.

«Но, какъ рѣшиться мнѣ? Какое положенье!
«Предметомъ сдѣлаться злословья, клеветы...
«Нѣтъ, нѣтъ, Эрасты!»

Вельскій.

«О, если все напрасно,
«И просьбы и любовь»...

Наташа.

«Чего-жъ хотите вы?
«Не вдругъ же ей сказать:—Извольте! я согласна!»

Вельскій

«Какъ долго я обманывалъ себя!
«Васъ пламенно любя.
«Я смѣлъ мечтать, что тѣ же чувства
«Понятны и для васъ;
«Что съ сердцемъ искреннимъ, безъ всякаго искусства,
«Сказавъ: люблю! мнѣ въ первый разъ,
«На вѣкъ вы сдѣлались моею»..

Оленька.

«Вы сердитесь»?...

Вельскій.

«О, нѣтъ! Я холоденъ какъ ледъ;
«Упрека дѣлать вамъ я права не имѣю,—
«Его любовь даетъ.

«А вы»...

Наташа.

«Помилуйте! Ну то-ли
«Вамъ должно говорить?»

Оленька.

«Но я не вѣкъ остануся въ неволѣ:
«Быть можетъ, черезъ годъ...»

Вельскій.

«Безъ васъ годъ цѣлый жить!
«Безъ васъ! Ахъ, Боже мой! Кто можетъ быть порукой
«Что я, измученный тоской и скукой,
«Еще годъ цѣлый проживу?»

Наташа.

«И больше проживете».

Вельскій.

«Нѣтъ! Лучше навсегда оставлю я Москву;
«Тогда вы вѣрно предпочтете
«Моей любви вашъ собственный покой;
«Тогда соперникъ мой»...

Оленька.

«Соперникъ вашъ?... Какой?»

Вельскій.

«Вашъ милый опекунъ»...

Наташа.

«Ну, есть кого бояться!»

Вельскій.

«Быть можетъ, наконецъ, ему повиноваться,
«Рѣшитесь вы, и цѣлый свѣтъ
«Васъ будетъ прославлять—онъ самъ... нѣтъ.

«Лиза, нѣтъ!

«Ему-ль понять блаженство

«Супругомъ вашимъ быть!»!...

Посошковъ.

Какое совершенство!

Ну, Вельскій, признаюсь, отъ васъ я безъ ума!

Вельскій.

Недурно я сыгралъ?

Посошковъ.

Какъ Гарриксъ, какъ Тальма,

Почти какъ я!

Вельскій.

О, нѣтъ! Ужь это слишкомъ много.

Посошковъ.

Повѣрьте мнѣ, я васъ сужу отмѣнно строго;
Да иначе судить васъ было-бы грѣшно:
Вѣдь вы таланты! Вамъ все натурою дано.
Наружность славная, органъ отлично гибокъ;
Конечно есть кой-что—нельзя-же безъ ошибокъ;
Подчасъ играете вы слишкомъ горячо;
Руками машете, да лѣвое плечо
Немножечко шалить.

Извѣдовъ.

Нѣтъ, это ужь нападки:

Позвольте вамъ сказать, всѣ эти недостатки
Такъ мелочны, что ихъ смѣшно и замѣчать.

Посошковъ.

Да Вельскому нельзя и мелочи прощать—
Онъ истинный артистъ.

Извѣдовъ.

Все такъ, но разсудите...

Посошковъ.

Намъ спорить некогда! Извольте! Повторите
Послѣднія слова.

Вельскій.

Послѣднія?... Да, да!

«Супругомъ вашимъ быть».

Наташа.

«Ну, барышня, бѣда!

«Намъ нѣтъ спасенья никакого».

Извѣдовъ (*суфлируя*).

«За сценой голосъ Сундукова».

Посошковъ (*начиная играть свою роль*).

«Эй, люди! Дурачье? Да слышите-ль! Кто тамъ!»

Оленька.

«Ахъ, Боже мой! Куда дѣваться намъ».

Посошковъ.

«Я васъ, разбойники!»

Наташа.

«Пропали мы!»

Вельскій.

«Пустое!

«Не бойтесь ничего!»

Извѣдовъ (*суфлируя*).

«Явленіе шестое;

«Лишь только я съ двора»...

Посошковъ.

Эхъ, братецъ! Не слѣши!

«Лишь только я съ двора, такъ въ домѣ ни души...

«Кой чортъ! Да здѣсь проѣзжая дорога».

Оленька.

«Ахъ, ради Бога,

«Уйдите поскорѣй!»

Посошковъ.

«Ворота на запоръ! Ключи отъ всѣхъ дверей
«Принести ко мнѣ. Ужь я тебя, скотина!
«Шататься все, а нѣтъ, чтобъ дворъ подмести...
«Пошелъ, болванъ!... Эге! Да здѣсь и гости есть!
«Возможно-ли—мужчина!
«Вы кто, сударь? Зачѣмъ и почему?
«Кого вамъ надобно?»

Вельскій.

«Извините!

«Я только, что взошелъ».

Посошковъ.

«Взошли... Къ кому?...

«Что вижу къ вамъ?... Вотъ я васъ! Погодите!
«Взошли!... Зачѣмъ, сударь? Да развѣ здѣсь корчма?
«Взошли, когда хозяина нѣтъ дома»...

Вельскій.

«Вы все узнаете изъ этого письма».

Посошковъ.

«Рука, мнѣ кажется, знакома».

Вельскій.

«Отъ дяди моего».

Посошковъ.

«Да это все равно,

«Письмо—письмомъ, а вамъ бы не мѣшало
«Безъ спроса не входить».

Вельскій.

«Вы дружны съ нимъ давно.

«Степанъ Кондратьевичъ Окновъ».

Посошковъ.

«Окновъ? Такъ стало

«Онъ живъ еще?

(Читаетъ). «Любезный другъ! Податель сего племянникъ
мой Сурскій»...

«Вы Сурскій? Очень радъ!

«Покойный вашъ отецъ со мною знакомъ былъ лично;

«А все скажу, что вовсе неприлично

«Вломиться силой въ домъ».

Вельскій.

«Чтожь дѣлать—виновать!»

Посошковъ (*читаетъ*).

«Онъ любитъ одну весьма достойную дѣвицу но, къ не-
счастію, у него есть соперникъ. Я стараюсь уладить это дѣло,
а между тѣмъ, боясь, чтобъ онъ не надѣлалъ дурачества, отпра-
вилъ его въ Москву; не оставляйте его вашими совѣтами. На-
дѣясь на дружбу вашу, я увѣренъ и проч., и проч.»

«Такъ вы намѣрены жениться?»

«Вотъ это хорошо! Я съ вами подружиться

«Душою радъ.. Да только вотъ бѣда!

«Вы ѣздить будете напрасно—

«Меня нѣтъ дома никогда.

«И такъ вы любите? И очень страсно?»

Вельскій (*глядя на Оленьку*).

«И сердце и душа».

«Все ей принадлежитъ,—

Посошковъ.

«Ужъ вѣрно хороша?»

«И спрашивать не надо».

Вельскій.

«Всѣ въ мірѣ женщины ея не стоятъ взгляда».

Посошковъ.

«Похвально! Хорошо! Прошу ко мнѣ вперед!»

«А что, соперникъ вашъ и молодъ и прекрасенъ?»

Вельскій.

«О, нѣтъ! Онъ вовсе не опасенъ:

«Сѣдой старикъ, скупецъ, животное, уродъ...»

Посошковъ (*своимъ голосомъ*).

Эхъ, батюшка, не то! Вамъ должно обозначить
Насмѣшку тутъ: вѣдь вы должны меня дурачить.

Наташа.

Да онъ, мнѣ кажется, и такъ дурачить васъ.

Посошковъ.

Побольше тонкостей! Играя въ первый разъ,

Ихъ всѣ нельзя схватить, а вы, сударь, не вновь:

Вамъ стыдно ихъ не знать.—«Уродъ!»—При этомъ словѣ
Взгляните на меня.

Вельскій (*повторяя*).

Сѣдой старикъ! скупецъ!...

Посошковъ.
Вотъ, такъ!

Вельскій.
«Уродъ!»

Посошковъ.
Брависсимо!

Вельскій.
«Глупецъ!»

Посошковъ.
Отлично! Хорошо!

Вельскій.
«А сверхъ того...»

Посошковъ (*начинаетъ опять играть*).

«Увольте!»...

(*Наташа и Оленька*).

«Я брани не люблю. Ступайте вонъ!»

Наташа.

«Позвольте

«Сказать вамъ слова два».

*Отводитъ Посошкова къ сторонѣ, а между тѣмъ
Вельскій и Оленька говорятъ тихо.*

Посошковъ.

«Ну, что-же, говори!»

Наташа.

«Хотите-ли держать пари,

«Что этотъ господинъ пріѣхалъ къ вамъ не даромъ?»

Посошковъ.

«Неужели?»

Наташа.

«Тутъ что-нибудь да есть—

«Замѣтили-ль, съ какимъ онъ жаромъ

«Описывалъ любовь свою, а между тѣмъ

«Смотрѣлъ на барышню?»

Посошковъ.

«Смотрѣлъ? Зачѣмъ?»

Наташа.

«Я этихъ сорванцевъ ужасно ненавижу:

«Отъ нихъ того и жди...»

Посошковъ (своимъ голосомъ).

Да стань сюда! Я вижу;
Закрой побольше ихъ! Ахъ, нѣтъ! Еще впередъ;
(Вельскій отдаетъ записку Оленькѣ).

Все вижу, матушка: записку отдаетъ,
Вотъ шепчетъ на ухо!

Вельскій (тихо Оленькѣ).

Прочтите поскорѣе!

Посошковъ (Вельскому).

(Беретъ у Оленьки записку).

Не такъ! Позвольте мнѣ! Проворнѣй и хитрѣе:
Смотрите на меня! Совсѣмъ не тотъ приемъ;
(Отдаетъ записку Оленькѣ).

Мы вотъ какъ, батюшка, записки отдаемъ.

(Наташа, продолжая шрать свою роль).

«И такъ мнѣ должно опасаться?»

Наташа.

«Большой опасности тутъ нѣтъ».

Посошковъ.

«Все можетъ статья».

«Эхъ, Машенька, не долго до грѣха...»

Извѣдовъ.

Позвольте! У меня послѣдняго стиха

Въ піесѣ нѣтъ.

Посошковъ (беретъ тетрадь и смотритъ).

Ну, такъ! Впередъ я самъ засяду

И буду списывать. Тутъ двѣ ошибки сряду.

Кто списывалъ ее?

Наташа.

Фома, буфетчикъ нашъ.

Посошковъ (Изъ добу).

Охъ, эти мнѣ писцы!—Подай мнѣ карандашъ!

Вельскій.

Угодно мой? —

(Подаетъ ему. Посошковъ дѣлаетъ поправки, а между тѣмъ
Оленька въ помолоса читаетъ письмо).

Оленька (читаетъ).

«Я боялся, что не найду свободной минуты переговорить
съ вами, и для того заготовилъ это письмо. Почтенный благодѣ-
тель мой, вашъ дядюшка Честоновъ и слышать не хочетъ, чтобы
вы были за Посошковымъ; онъ далъ слово помогать намъ, и
если вы согласитесь...» (Прячетъ письмо).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гв-же, Любскій, Любская и Бирюлькинъ

Любскій.

Ну, вотъ они! А мы искали Васъ цѣлый часъ въ саду.

Наташа.

Мы роли повторяли.

Посошковъ (*перевортывая листы въ тетради*).

Постой, еще! Да тутъ премножество грѣховъ!

Любскій.

Ага! И Вельскій здѣсь? Ну, что твой Прямиковъ?

Вельскій.

Уѣхалъ за городъ; однакоже, къ обѣду Хотѣлъ онъ быть домой.

Любскій.

Такъ что-же ты?

Вельскій.

Я ѣду

Опять къ нему.

Любскій.

Боюсь, откажется злодѣй!

Вельскій.

О, вѣрно нѣтъ!

Любскій.

Да ты узналъ-бы отъ людей,

Куда уѣхалъ онъ.

Вельскій.

Теперь его застану;

Ужь скоро пятый часъ.

Любскій.

А если нѣтъ?

Вельскій.

Такъ стану

Искать его вездѣ, и гдѣ-нибудь найду.
(*Тихо Оленькѣ*). Вы все прочли?...

Любскій.

Ступай скорѣй!

Вельскій

Сейчасъ, иду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же, везъ Вельскаго.

Любскій.

Да этотъ Прямяковъ, какъ кладъ, намъ не дается.

Любская.

Эй, батюшка, повѣрь, намъ вечеромъ придется
Съ отказомъ посылать ко всѣмъ..

Любскій.

Молчи, жена!

(*Посошкову*). И безъ тебя тоска! А все твоя вина.

Не знать навѣрное—да это хуже пытки!

Одинъ бы ужъ конецъ.

Любская.

Напрасные убытки,

Расходы, хлопоты и больше ничего.

Любскій (*Посошкову, который смотритъ въ окно*).

Ну, что?

Посошковъ.

Отправился.

Любская.

Нельзя-ли безъ него

Кой-что пройти? Вѣдь онъ не нуженъ вамъ?

Посошковъ

Ни мало;

Мы можемъ повторить весь первый актъ сначала

Любскій.

Такъ что-же? Повтори.

Посошковъ (*беретъ тетрадь у Изядова*).

Извольте по мѣстамъ.

(*Оленькъ*). Явленье первое. Куда-же вы? Не тамъ.

(*Наташъ*). Вы здѣсь должны сидѣть. А вы сюда поближе.

(*Оленькъ*). Держите голову немножечко пониже!

Да кто-же въ горести такъ весело глядитъ?
Задумайтесь! Вотъ такъ! Еще печальнѣй видъ,
Чтобъ тотчасъ-же была замѣтна горестъ ваша.
Явленье первое...

Любскій.

Постой, постой! Наташа,
Подвинься-ка впередъ—еще лѣвѣй! Вотъ такъ.

Слуга (*входитъ и говоритъ громко*).
Матрена Саввишна Кутермина.

Любскій.

Дуракъ!

Скажи, что дома нѣтъ.

Слуга.

Докладываль.

Любскій.

Такъ что-же?

Слуга.

Изволить все идти.

Любскій.

Ну, вотъ! На что похоже!
Ступай, животное! Скажи, что я...

Любская.

Молчи!

Она идетъ.

Любскій.

Что мы...

Любская.

Да полно, не кричи!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Гь-же, Кутермина, 1-я племянница и 2-я племянница.

Кутермина.

(*Любской*). Здорово, матушка! (*Любскому*). А, здравствуй,
Федоръ Львовичъ!

(*Вирюмкин*). Каковъ ты, мой отецъ? Ты здѣсь, Максимъ
Петровичъ?

Не стыдно-ли! Совсѣмъ изволил насъ забыть.

(*Любской, представляя племянницъ*).

Племянницы мои! Прошу ихъ полюбить.

Они собирались къ вамъ вчера, да поздно встали:
На дежёне дансанъ всю ночь протанцовали;
Прыгуньи страшныя.

Любская.

Давно-ли здѣсь?

Кутермина.

Дней пять.

Любская.

Повѣрите-ль. Гляжу и не могу понять,
Какъ можно вырость такъ.

Кутермина.

А что, вѣдь не узнаешь.
Вотъ Софья, старшая. Ну, чтожъ не присѣдаешь!
Вся въ матушку свою, привычками, лицомъ,
Ну, словомъ: сходства нѣтъ съ покойникомъ отцомъ,
Предобрая! А вотъ меньшая, Катерина,
Не правда-ль, что въ отца? Красавецъ былъ мужчина,
А дочка вся въ него.

1-я племянница.

И, полноте, ma tante!

Кутермина.

Когда-бы знали вы, какой у нихъ талантъ?
Да вотъ, на этихъ дняхъ, заѣдемъ къ вамъ пораньше
И вы услышите! Большія музыкантши:
Вездѣ отъ пѣнья ихъ всѣ были безъ ума;
Объ этомъ изъ Москвы писала мнѣ кума
Глафира Саввишна, а кумушка не лгунья;
Ты знаешь, чай, ее?

Любскій (*въ сторону*).

Проклятая болтунья!

(*Громко*) Я звалъ васъ на вечеръ и очень буду радъ...

Кутермина.

А, кстати! Что у васъ сегодня? маскарадъ?...

Любскій.

Театръ, сударыня.

Кутермина.

Да, точно виновата!

Не знаю отъ кого, а, помнится, отъ свата
Андрея Карпыча я слышала... иль нѣтъ!
Отъ Ленской, кажется, что вы, не то балетъ,

Не то трагедію, а что-то дать хотите.
Да дѣло не о томъ—племянницы, просите,
Чтобъ мнѣ позволили и васъ съ собой привести.

Любскій (*въ сторону*).

Ну, такъ! Я это знаю!...

(*Громко*).

Мы вѣрно-бы за честь
Почли себѣ.. и намъ конечно... очень лестно,
Что вы.. Но, я боюсь, не будетъ-ли имъ тѣсно...

Кутермина (*Любской*).

Я васъ, мои друзья, считаю за родныхъ;
Однакожь, все-таки хотѣла прежде ихъ
Представить вамъ сама.

Любская.

Напрасно вы трудились.

Кутермина.

Помилуй, матушка! На чтобъ онѣ годились,
Когда-бъ учтивости не стали наблюдать?
А нынче, нечего—лишь стоитъ волю дать,
Тотчасъ нагрянуть всѣ, и даже есть нахалы,
Которые вездѣ втираются на балы,
Хоть не были-бъ никѣмъ туда приглашены.
Вотъ я, такъ нѣтъ! Люблю держаться старины
И долгъ мой не считать за вѣжливость пустую.
Всегда, какъ слѣдуетъ, сперва рекомендую,
А тамъ и привезу—и трудно-ль въ первый разъ
Съ визитомъ побывать? Сегодня я приказъ
Моимъ племянникамъ дала, и очень строго,
Чтобъ имъ... Ты знаешь ихъ?

Любскій.

У васъ родныхъ такъ много...

Кутермина.

Отецъ ихъ, Пустельгинъ, двоюродный мой братъ.
Я знала напередъ, что ты имъ будешь радъ;
Однакоже, сюда пріѣхать имъ велѣла.

Любскій.

Помилуйте! На что?

Кутермина.

Я просто-бы не смѣла

Ихъ на вечеръ привести.

Любскій (*въ сторону*).

Да что-же я молчу?

Громко).

Позвольте вамъ сказать..

Кутермина.

И слушать не хочу!

Любскій.

Вы беспокоили племянниковъ напрасно.

Кутермина.

Эхъ, батюшка, повѣрь, ихъ баловать опасно:

Какъ разъ зазнаются, повадку только дай!

Нѣтъ! Дружба дружбою, а долгъ свой наблюдай!

Любскій.

Не спорю, матушка, все это справедливо..

Кутермина.

О, я на этотъ счетъ отмѣнно щекотлива,

Невѣжу не пущу къ себѣ на полдвора.

Да чтожъ они? Давно-бъ пріѣхать имъ пора

Мнѣ кажется: я къ нимъ сегодня до разсвѣта

Смотритъ въ окно)

Отправила слугу.. А вотъ и ихъ карета!

Пріѣхали! (*Идетъ къ дверямъ*).

Любскій (*Посошкову*).

Въ ней нѣтъ и на волосъ стыда.

Посошковъ.

Какой въ ней стыдъ!

Кутермина.

Сюда, голубчики! Сюда!

Любскій.

Ну, можно-ль быть кому безстыднѣй и наглѣе!

Кутермина.

Андрюша, Ваничка! Ступайте-же скорѣе!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же, 1-й племянникъ и 2-й племянникъ.

Кутермина.

Вотъ, батюшка, они! Съ рукъ на руки сдаю.

Племянникъ мой, Андрей, отъ васъ не потаю,

Отцовскій фаворитъ.

Любскій.

О, въ этомъ я увѣренъ!

Кутермина.

Да то бѣда, служить онъ въ конницѣ намѣренъ,
И вотъ, какъ видите, усы ужь отпустилъ.
Охъ, эта молодежь! Отецъ его просилъ,
Мы всѣ: «Андрюшенька, убьютъ!» Такъ нѣтъ! Все даромъ.
Рѣшительно сказала, что хочетъ быть гусаромъ,
И служба статская ему какъ острый ножъ.
Вотъ Ваничка совсѣмъ на брата не похожъ,
Ученый человѣкъ и даже былъ студентомъ.
Племянникъ не сочтетъ, конечно, комплиментомъ,
Когда при всѣхъ ему скажу въ глаза, что онъ
Чуть-чуть не философъ, ученъ, переученъ;
Науки нѣтъ такой, гдѣ-бъ онъ не отличился,
Все знаетъ, мой отецъ, и физикѣ учился.

Посошковъ.

Да этой болтовнѣ не будетъ и конца.

Кутермина.

Со свѣчкой поискать такого мудреца.

Посошковъ (*тихо Любскому*).

Отдѣлайтесь скорѣй!

Любскій.

Я крайне сожалѣю,
Что не могу никакъ... и даже ихъ не смѣю
Сегодня пригласить. Я очень бы желалъ
Имѣть ихъ у себя; но нашъ театръ такъ малъ,
Ко мнѣ-же назвалось гостей, конечно, вдвое,
Чѣмъ могъ я ожидать..

Кутермина.

И, батюшка, пустое!

Два гостя лишніе не значать ничего.

Любскій.

Клянусь вамъ, не могу...

Кутермина.

Я-жъ мѣста одного

(*Показывая на другаго племянника*)

Для Ванички прошу; объ этомъ, мой почтенный,
Прошу не хлопотать: вѣдь онъ полувоенный —
Протрется какъ-нибудь.

Посошковъ (*Любскому*).

Охота жъ время длить!

Рѣшитесь поскорѣй.

Любскій.

Извольте, такъ и быть!

Кутермина (*племянникамъ*).

Спасибо, мой отецъ! Ну, чтожъ? Благодарите!

Любскій.

Быть можетъ, господа, въ дверяхъ вы постоите —
Впередъ вамъ говорю.

Кутермина.

Взойти-бы только въ дверь,

А тамъ ужъ ихъ бѣда

Любскій.

Позвольте намъ теперь

Заняться пробою, намъ право недосужно

Кутермина.

Сейчасъ, почтенный мой, сейчасъ! мнѣ только нужно
(*Племянникамъ*)

Минутки двѣ. При мнѣ карету запрягли,
Такъ чтожъ они?

1-й племянникъ.

Въ одну усѣсться не могли

Любскій.

Ахъ, Боже мой! Еще? Нѣтъ, это ужъ злодѣйство!

Кутермина.

Да, да! Еще кой-кто изъ нашего семейства:
Сейчасъ представлю вамъ, сейчасъ!

Любскій.

Напрасный трудъ!

Я вамъ ужъ объяснилъ.

Кутермина.

Ихъ тотчасъ привезутъ.

Чтожъ дѣлать, мой отецъ! Ужъ я дала имъ слово!
Къ тому-же все свои, ни одного чужого:
Мусье Де-Гро, жена его, мадамъ Адель,
Отличный человекъ; нѣмецкая мамзель,
Шарлотта Карловна, немножечко болтлива,
За то ужъ какъ добра, тиха, неприхотлива!

Какъ ходить за дѣтьми! На шагъ не отстаешь;
Старательна, умна и дешево беретъ.
А тамъ еще кой-кто; но этою бездѣлкой
Не стоить затруднять тебя—народъ все мелкій.
Послушай, душенька, голубчикъ, золотой!
Потѣшь моихъ внучатъ! Всего-то ихъ... постой!
Танюшка, Вѣрочка, Акулинька и Глаша,
Да, кажется, еще...

Любскій.

Еще? Нѣтъ воля ваша...

Кутермина (*бѣжитъ къ дверямъ*).

Пріѣхали. Сюда, мусье, ведите ихъ!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, учитель, гувернантка, нянюшка, че-
тыре дѣвочки и два мальчика.

Любскій.

Что вижу! Боже мой! Весь родъ Кутерминыхъ!

Кутермина.

Позволь имъ, батюшка! Ты этимъ мнѣ докажешь,
Что истинный мой другъ! Неужели откажешь?

Любскій.

Да чтожь, помилуйте! Вѣдь домъ мой не трактиръ.

Кутермина.

И! Что ты, мой отецъ!

Любскій.

Вы этакъ цѣлый міръ

Готовы привести.

Кутермина.

Но ты мнѣ самъ позволилъ...

Любскій.

Гдѣ видано...

Кутермина.

За что разгнѣваться изволилъ?

Любскій.

За что? Да вы ко мнѣ пристали, какъ съ ножомъ.

Кутермина.

Ахъ, батюшки! И вѣкъ не загляну въ твой домъ,
А съ горя не умру. Ступайте вонь!... Ну, что-же!
(Учитель, увертливка и дѣти уходятъ).

Не знала, батюшка, что вамъ театръ дороже
Такихъ друзей, какъ я! Возможно-ль! Отказать
Въ такой бездѣлицѣ! А правду-то сказать:
Чего смотрѣть?

Посошковъ.

Чего? Нѣтъ, это ужъ безстыдство
Изъ мѣры вонь!

Кутермина.

Да, да! И что за любопытство?
Большая невидадь—театръ! Ахъ, Боже мой!
(Племянницамъ)

Вы съ братьями сейчасъ въ карету и домой!
(Племянница и племянники уходятъ).

Посошковъ.

Позвольте доложить! Вы сердитесь напрасно...

Кутермина

За вѣжливость мою наказана прекрасно!
(въ сторону)

Добро, ты, грубиянъ!

Любскій.

Мнѣ, право, очень жаль...

Кутермина.

Конечно, и для насъ ужасная печаль!
Я знаю, вашъ театръ—восьмое въ свѣтѣ чудо.

Посошковъ (тихо Любскому).

Мы цѣлый день ее не выживемъ отсюда;
Уйдемте поскорѣй.

Кутермина (въ сторону).

О, еслибъ я могла
Порядкомъ отплатить!

Любскій (Кутерминой).

У насъ свои дѣла,
И такъ позвольте намъ...

Кутермина.

Кто держитъ васъ? Идите.

Посошковъ.

На пробу намъ пора.

Любскій.

Прощу васъ, не взыщите,
Что мы оставимъ васъ однѣхъ. Пойдемъ, жена!

Любская.

Позволь хоть мнѣ...

Любскій.

И, вздоръ! Пускай сидитъ одна!

(Всѣ уходятъ; Кутермина остается миааетъ Бирюлькина).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Кутермина и Бирюлькинъ.

Кутермина.

Два слова, душенька! Но только съ уговоромъ:
Всю правду мнѣ скажи! Ты также здѣсь актеромъ?

Бирюлькинъ.

Кто, я-съ? Что грѣхъ таить! Ужъ видно такъ судьбѣ
Угодно, матушка...

Кутермина.

Не стыдно-ли тебѣ,
Проживши столько лѣтъ, на старости срамиться!

Бирюлькинъ.

Такъ, такъ, сударыня!

Кутермина.

Ну, можно-ль согласиться?...

Бирюлькинъ.

Все знаю, матушка! Меня, какъ на убой,
Ведутъ...

Кутермина.

Они въ глаза смѣются надъ тобой.

Бирюлькинъ.

А что! И подинно!

Кутермина.

Да это очевидно.
Эхъ, батюшка Максимъ Петровичъ! Какъ не стыдно
Хотѣть въ твои лѣта наряднымъ шутомъ быть!

Бирюлькинъ.

Такъ, такъ!

Кутермина.

Эй, будешь ты въ бубенчикахъ ходить!
Ну, ежели они тебя одѣвнуть франтомъ?

Бирюлькинъ.

Навѣки осрамить.

Кутермина.

Добро бъ ты былъ съ талантомъ,
А то — подумай самъ! Ну, что ты за актеръ?

Бирюлькинъ.

Охъ, точно такъ! Вѣда! Безчестье и позоръ!

Кутермина.

Да что ты охаешь? Къ чему всѣ эти вздохи?
Не самъ-ли ты пошелъ охотой въ скоморохи?

Бирюлькинъ.

Охотой, матушка? Да кто-бы мнѣ велѣлъ!
Помилуйте, за что?

Кутермина.

Такъ ты, сударь, хотѣлъ
Всѣмъ разомъ угодить?

Бирюлькинъ.

Какое угожденье!
Я Любскаго боюсь: опишетъ все имѣнье.

Кутермина.

Опишетъ? Почему?

Бирюлькинъ.

Вѣдь я его должникъ.

Кутермина.

Должникъ?

Бирюлькинъ.

По векселю; хоть долгъ мой не великъ,
Но я уплатою отъѣнно озабочень.

Кутермина.

И срокъ уже прошелъ?

Бирюлькинъ.

Давнымъ-давно просроченъ.

Какъ-разъ потянетъ въ судъ.

Кутермина.

Смотри, какой злодѣй!

А сколько долженъ ты?

Бирюлькинъ.

До тысячи рублей!...

Повѣрите-ль, какой терплю я недостатокъ:

Копѣйки въ домѣ нѣтъ. Вотъ если-бы до святокъ

Хотѣлъ онъ подождать, иль только до зимы...

Кутермина.

Послушай! Такъ и быть! Я дамъ тебѣ взаймы,

Но только съ тѣмъ, чтобъ ты отъ роли отказался.

Бирюлькинъ.

Ахъ, Боже мой! Да какъ?

Кутермина.

Чего-жь ты испугался?

Бирюлькинъ.

А Любскій, матушка? Бѣда! Вѣдь онъ презлой!

Кутермина.

Какъ хочешь ты, чтобъ всё смѣялись надъ тобой,

Не только взрослые, но даже и ребята?

Подумай, у тебя давно ужъ есть внучата;

Хоть ихъ-то не срами!

Бирюлькинъ.

Все такъ... я знаю самъ...

Кутермина.

Послушай, душенька! Вѣдь я отсрочку дамъ

Еще на цѣлый годъ.

Бирюлькинъ.

О, если такъ—извольте!

Кутермина.

Нельзя-ль еще кого?... Да много-ль васъ?

Бирюлькинъ.

Постойте!

Во-первыхъ я, потомъ какой-то Пряниковъ,
Котораго всё ждуть; тамъ Вельскій, Посошковъ...

Кутермина.

И этотъ Вельскій здѣсь? Мальчишка преупрямый,
Племянникъ Волгина?

Бирюлькинъ.

Да, матушка, тотъ самый.

Кутермина.

Что еслибъ мнѣ?... А чтожъ? Попытка не бѣда:
Отправляюсь къ Волгину. А ты ступай туда,
Молчи, и въ пять часовъ иль около шестого
Явись ко мнѣ домой. Да слышишь-ли,—ни слова!
Чтобы никто не зналъ...

Бирюлькинъ.

Когда угодно вамъ,
Такъ я, сударыня, и виду не подамъ.

Кутермина.

Ну то-то-же, ступай! (*Бирюлькинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Кутермина (*одна*).

Теперь-то постараюсь!

Добро, мой другъ! Ужь я съ тобою расквитаюсь;
Всѣ мерзости твои на дѣлѣ докажу:
Поѣду къ Волгину, о всемъ ему скажу,
Раскрашу, распишу, гдѣ надобно прибавлю,
Взбѣшу его—и вашъ театръ вверхъ дномъ поставлю.
(*Уходитъ*).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДВѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та-же комната.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вельскій и Извѣдовъ.
(входятъ на сцену изъ среднихъ дверей).

Извѣдовъ.

И такъ спектакль нашъ придется отложить?

Вельскій.

Чтожь дѣлать! Прямяковъ...

Извѣдовъ.

Неужто упросить

Его нельзя никакъ?

Вельскій.

Къ несчастію — нѣтъ средства;

На-дняхъ онъ получилъ какое-то наслѣдство
И ѣдетъ за сто верстъ.

Извѣдовъ.

Когда?

Вельскій

Сегодня въ ночь.

Извѣдовъ.

Такъ горю вашему придется мнѣ помочь;
Отдайте ролю мнѣ, я дѣло все поправлю.

Вельскій.

Ты хочешь самъ играть?

Извѣдовъ.

За счастье поставлю.

Не спору—эта честь отъменно велика;
За то ручаюсь вамъ, что въ роли старика
Увидите вполне отличнаго актера.

Вельскій.

Все такъ, но какъ-же намъ остаться безъ суфлера?

Извѣдовъ.

Да развѣ приказать не можно никому?
Заставьте, напримѣръ, буфетчика Оому.
Онъ малый грамотный: не только что свободно,
Читаетъ мастерски—а впрочемъ, какъ угодно,
Принять и не принять вольны вы мой совѣтъ,
А только, вѣрьте мнѣ, другого средства нѣтъ.

Вельскій.

Ступай-же поскорѣй, узнай отъ Посошкова...

Извѣдовъ

Сейчасъ, сударь, иду! Одно лишь только слово:
Скажите мнѣ, что вамъ Честоновъ говорил?
За васъ онъ, или нѣтъ?

Вельскій.

Онъ жизнь мнѣ возвратилъ.

Извѣдовъ.

Такъ онъ не противъ васъ?

Вельскій.

Ни мало.

Извѣдовъ.

Что за диво

Къ чему-жъ онъ говорилъ: «Племянница счастлива:
Женихъ мнѣ по сердцу; онъ скромень, тихъ, съ умомъ...»

Вельскій.

Да знаешь-ли, кого считалъ онъ женихомъ?

Извѣдовъ.

Кого? Неужто васъ?

Вельскій.

Насилу догадался!

Извѣдовъ.

Вотъ что! Ахъ, я дуракъ! Чего-же я боялся?
Хоть дядя противъ васъ, но это пустяки.
Ура, сударь! Когда Честоновъ вамъ съ руки,
Бояться нечего: теперь намъ все возможно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Ть-же и Честоновъ.

Честоновъ (*Вельскому*).

Скорѣй, мой другъ, скорѣй! Тебѣ сейчасъ-же должно
Отправиться домой. Ужасная бѣда!

Вельскій.

А что?...

Честоновъ.

Твой дядюшка собирается сюда.

Вельскій.

Сюда?...

Честоновъ.

Не знаю, кто изволил потрудиться
И все ему сказать: онъ хочетъ объясниться,
Отъ Любскихъ получить рѣшительный отвѣтъ;
Кричить, что совѣсти ни на волосъ въ нихъ нѣтъ,
Что онъ никакъ не дастъ племянника дурачить,
Что свадьбы день должны сегодня-же назначить,
Что быть игрушкой ихъ никто не сотворенъ;
Бранить весь свѣтъ, шумить и, словомъ, такъ взбѣшенъ,
Что съ братомъ онъ тебя поссорить непременно.

Вельскій.

Ахъ, Боже мой! Онъ все испортить совершенно,
Разсердить Любскаго...

Честоновъ.

И нашъ разстроить планъ.

Вельскій.

А скоро будетъ онъ?

Честоновъ.

При мнѣ надѣлъ кастанъ,
И я его почти оставилъ за порогомъ.

Вельскій.

Чтожь дѣлать мнѣ?

Честоновъ.

Скачи домой и подь предлогомъ
Какимъ-нибудь его старайся удержать.

Вельскій.

Но вотъ бѣда: пѣшкомъ придется мнѣ бѣжать.
Я дрожки отпустилъ.

Честоновъ.

Ступай въ моей каретѣ,
А я къ своимъ пойду.

Извѣдовъ.

Вашъ братецъ въ кабинетѣ.
(Показывая, куда идти).
Вотъ здѣсь! (Уходитъ вмѣстѣ съ Честоновымъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вельскій и потомъ Посошковъ (во французскомъ
шитомъ кафтанѣ).

Вельскій.

Ну, если онъ?... И вздумать не могу!
(Хочетъ идти, но въ дверяхъ встрѣчается съ Посошковымъ).
Посошковъ (оборотясь назадъ).

Я завтра съ деньгами пришлю къ нему слугу.
Что, что?... И, вздоръ! Ужь мы условились о платѣ
съ хозяиномъ твоимъ; ступай! А, Вельскій! Кстати!
Я уважалъ всегда вашъ тонкій вкусъ и умъ—
Извольте-ка взглянуть! Каковъ, сударь, костюмъ?

Вельскій.

Хорошъ...

Посошковъ.

Не правда-ли? Ужь мы не ошибемся.
Ну, что вашъ дядюшка? Когда его дождемся?
Вельскій (съ удивленіемъ).
Такъ вы ужь знаете, что будетъ онъ сюда?

Посошковъ.

Да это знаютъ всѣ.

Вельскій.

Ахъ, Боже мой! (Хочетъ идти).

Посошковъ *(удерживая)*.

Куда?

Позвольте васъ спросить: онъ родственникъ вамъ дальній?

Вельскій.

Кто? дядя мой?

Посошковъ.

Ну, да! Вашъ Дядя театральный,
Вотъ этотъ — какъ его? Не помню...

Вельскій.

Пряниковъ?

Посошковъ.

Да, точно такъ! А что, онъ роли стариковъ
Всегда игралъ?

Вельскій *(съ нетерпѣніемъ)*.

Всегда. *(Хочетъ идти)*.

Посошковъ *(удерживая)*.

Да что за нетерпѣнье?

Куда спѣшите вы? И такъ — ужъ нѣтъ сомнѣнья.
Спектакль нашъ пойдетъ?

Вельскій.

Пойдетъ! Я слышу стукъ!

Посошковъ.

И вы увѣрены...

Вельскій.

Мнѣ, право, недосугъ! *(Смотритъ въ окно)*.
Такъ точно! Дядюшка!

Посошковъ.

А можете-ль ручаться,

Что скоро будетъ онъ?

Вельскій.

Сейчасъ! Куда дѣваться?

Посошковъ

Смотрите-же!

Вельскій *(въ сторону)*.

Пошлю Честонова скорѣй!
(Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Посошковъ (одинъ).

Куда же вы? Чуть, чуть не изломалъ дверей.
Да что съ нимъ сдѣлалось? О чемъ онъ такъ хлопочеть?
Когда ужъ и меня онъ выслушать не хочетъ,
Такъ видно чѣмъ-нибудь, а занять не шутя.
(Смотритъ въ зеркало).

Какой костюмъ! Я радъ и веселъ, какъ дитя!
Когда подумаешь, какъ мода прихотлива!
Что лучше этого? И прочно и красно.
Такъ нѣтъ! Дай выдумать—и чтожь? Дурацкій фракъ...
Ну, можно-ли сравнить?..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Посошковъ и Волгинъ.

Волгинъ (говоритъ челоуьку, который за нимъ входитъ).

Какъ нѣтъ? Ты врешь, дуракъ!
Я видѣлъ ихъ въ окно. (Челоуькъ уходитъ).

Посошковъ (продолжаетъ смотрѣться въ зеркало, не замѣчая Волгина).

Хоть въ этомъ я нарядѣ
Постарѣ кажусь, за то при первомъ взглядѣ
Замѣтенъ ужъ актеръ; во всѣхъ движеняхъ жаръ,
Экспрессія, душа!...

Волгинъ (глядя съ удивленіемъ на Посошкова).

Что это за фигляръ?

Посошковъ.

Прочестъ бы мнѣ теперь тирады двѣ изъ роли.
Во фракѣ все не то: нельзя и третьей доли
Таланта показать, всего важнѣй костюмъ.

(Декламируя).

Постой!—да, да! «Тебѣ наскучилъ этотъ шумъ,
«Такъ знай, сударыня, скажу тебѣ заранѣ,
«Что я...»—Опять забылъ!

(Вынимаетъ роль).

Волгинъ.

Въ узорчатомъ кафтанѣ...
Бормочеть про себя... Такъ точно! Это шутъ.

Посошковъ (*читая по роли*).

«Всѣ хитрости твои къ чему тебя ведутъ?
Что прибыли тебѣ въ уверткѣ бесполезной?
Скажи, безстыдная»...

Волгинъ (*ударивъ по плечу Посошкова*).

Послушай-ка, любезный!

Посошковъ.

Чего хотите вы? Кто-бъ это былъ таковъ?

Волгинъ.

Скажи пожалуйста...

Посошковъ.

Неужто Прямиковъ?

Кого вамъ надобно?

Волгинъ.

Хозяина мнѣ нужно.

Посошковъ.

Хозяина? На что?

Волгинъ.

Мнѣ, право, не досужно

Ступай и доложи ему...

Посошковъ.

Какой чудакъ!

Конечно, Вельскій васъ сюда...

Волгинъ.

Да, точно такъ,

Я здѣсь для Вельскаго.

Посошковъ.

Теперь я понимаю.

Волгинъ.

Ты хочешь знать, кто я таковъ?

Посошковъ.

Все знаю.

Мы ждали васъ...

Волгинъ.

Меня?

Посошковъ.

Ну, да! конечно, васъ;
Хоть съ вами видимся мы въ первый разъ,
Но я слышался о вашемъ дарованьи;
Давно хотѣлъ васъ знать: теперь мое желанье
Исполнилось и я..

Волгинъ (*въ сторону*).

Какъ Тришка мой, точь въ точь!

Посошковъ.

Надеждой льшу себя... (*подаетъ Волгину руку*).

Волгинъ (*подавая ему также руку*).

Пожалуй! Я не прочь.
До вашей братьи я охотникъ пресмертельный,
Да ты-жъ, мнѣ кажется, и вовсе неподдѣльный,
Съ природы такъ. Давно-ль ты къ Любскому попалъ?

Посошковъ (*въ сторону*).

Ужъ не ошибся-ль я? Чтожъ это за нахаль?
Спрошу!..

Волгинъ (*въ сторону*).

Ну, можно-ли, на эту рожу глядя,
Не треснуть со смѣху?..

Посошковъ.

Вѣдь вы должны быть дядя?..

Волгинъ.

Конечно, я! И что я этимъ дорожу,
Сегодня же при всѣхъ на дѣлѣ покажу.

Посошковъ.

Такъ точно — это онъ!

Волгинъ.

Мнѣ доказать не трудно...

Посошковъ.

Хоть изъясняетесь вы нѣсколько и чудно,
Но вашимъ истинно люблюсь я лицомъ;
Вы рождены, чтобъ быть комическимъ отцомъ

Волгинъ.

Какимъ?

Посошковъ.

Комическимъ, и точно есть надежда,
Что въ вашемъ ампуа...

Волгинъ.

Что, что?

Посошковъ (*въ сторону*).

Да онъ невѣжда!

Волгинъ.

О чемъ ты говоришь?

Посошковъ.

Я говорю о томъ,

Что вы...

Волгинъ.

И я хорошъ, связался съ дуракомъ.

Послушай, братъ! Съ тобой я только время трачу,

А мнѣ-бы надобно...

Посошковъ.

Пушуся на удачу!—

Позвольте прежде мнѣ кой-что вамъ пояснить.

Характеръ вашъ: его не трудно вамъ схватить?

Онъ простъ; за то на васъ племянникъ не походитъ

И дядю, то-есть васъ, порядкомъ за носъ водить.

Волгинъ.

Ну такъ! Я это зналъ.

Посошковъ.

Племянникъ вашъ влюбленъ.

Такъ васъ обманывать неволью принужденъ.

Волгинъ.

Вотъ что! Прекрасную-жъ играть я долженъ ролю.

Посошковъ.

Да, роля хороша!...

Волгинъ.

И я себя позволю...

Посошковъ.

Послушайте! Когда я вмѣстѣ васъ свожу,

Вы скажете ему...

Волгинъ.

Я знаю, что скажу:

(*съ жаромъ*).

Безсовѣстный! Тебя какъ сына я родного,

Съ ребячества любилъ! Пусть дядю-бъ ты другого

Не ставилъ въ грошъ; а то, кого-жъ?—Меня, злодѣй!

Обманывать, срамить, и всѣхъ честныхъ людей

Заставить надо мной, почти въ глаза, смѣяться!

Посошковъ.

Ого! Какой талантъ!

Волгинъ.

Прошу со мной не знаться!

Когда намѣренъе тобою принято
Дурачить старика...

Посошковъ.

Прекрасно,—а не то!

Горячій этотъ тонъ вамъ вовсе не приличенъ.

Волгинъ.

Таковъ характеръ мой...

Посошковъ.

Онъ тѣмъ-то и отличенъ,

Что вы другихъ во всемъ гораздо холоднѣй.

Волгинъ.

Съ чего ты это взялъ?

Посошковъ.

Кому-же знать вѣрнѣй?

Вы смирный человѣкъ, ни бѣдны, ни богаты,
Не дальняго ума и даже глуповаты...

Волгинъ.

Кто? Я?

Посошковъ.

Ну, да! Вотъ весь характеръ вашъ.

Волгинъ.

Ты врешь!

Посошковъ.

Я вру? Какъ смѣли вы?...

Волгинъ.

Да что ты пристаешь?

Пошелъ, дуракъ!

Посошковъ.

Дуракъ! На что это похоже?

Позвольте вамъ сказать—за это бьютъ по рожѣ.

Волгинъ.

Эй, слушай, братъ, отстань!

Посошковъ.

Зажмите, сударь, ротъ!

Да, знаете-ль, кто вы? Вы сущій готтентотъ!

Вы варваръ, вы мужикъ, вы въ лицахъ вѣкъ прошедшій...

Волгинъ.

Эге! Да онъ не шутъ, а просто сумасшедшій.

Посошковъ.

Возможно ли! И какъ вамъ въ голову взошло!...
Какъ смѣли вы сказать...

Волгинъ.

Чтобъ худо не пришло,

Убраться поскорѣй!

Посошковъ.

Нѣтъ, кончено! Вамъ роли

Въ шіесѣ не даю.

Волгинъ.

Ну, можно-ли по волѣ

Пускать такихъ людей!

(Хочетъ идти).

Посошковъ.

И кто вамъ право далъ!

Я васъ не выпущу. Куда!

Волгинъ.

Вотъ чортъ присталъ!

Посошковъ.

Не думаете-ль вы, что важную находку
Мы въ васъ нашли?

Волгинъ.

Ну, ну! Я дамъ тебѣ на водку,
Лишь только отвяжись! На, гривенникъ, возьми!

Посошковъ.

Какъ, гривенникъ! Кому!

Волгинъ.

Да полно, не шуми!

Я дамъ еще.

Посошковъ.

Какъ! что! Такъ дерзко насмѣхаться!
Да знаете-ль, что я...

Волгинъ.

Ахти! Онъ хочетъ драться!

Посошковъ.

Куда, сударь! Я васъ заставлю отвѣчать!

Волгинъ.

Ахъ, батюшки! Да онъ презлой! Пришлось кричать!
(Бѣжитъ къ дверямъ и кричитъ).

Послушайте!

Посошковъ (становится въ дверяхъ).

Я васъ не подпущу къ порогу.

Волгинъ (кричитъ).

Эй, кто-нибудь! Сюда!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-жъ и Честоновъ.

Волгинъ.

Честоновъ! Слава Богу

Посошковъ.

Ага! Вы струсили теперь!

Честоновъ.

Что здѣсь за шумъ?

Волгинъ.

Поди сюда, скорѣй!

Честоновъ.

Ба, ба! Любезный кумъ!

Давно-ли здѣсь?

Волгинъ (прячется за него).

Постой! Дай отдохнуть немного.

Честоновъ.

Что сдѣлалось съ тобой?

Волгинъ.

Бойтесь-ли вы Бога!

Къ чему держать такихъ опасныхъ дураковъ!

Посошковъ (отводя Честонова).

Позвольте васъ спросить—вѣдь это Прямиковъ?

Честоновъ (въ сторону. Громко).

Вотъ кстати!—Точно такъ.

Посошковъ.

Предерзкое творенье!
Какой трактирный тонъ, какое обращенье!
Такихъ людей, какъ онъ, животными зовутъ.

Волгинъ (тихо Честонову).

Скажи, пожалуйста! Безумный онъ, или шутъ?

Честоновъ (такъ-же).

Да какъ тебѣ сказать? Я думаю—все вмѣстѣ.

Посошковъ (Честонову).

Я вовсе не бретеръ, но ежели до чести
Коснется кто моей, то, Боже сохрани!
Я этимъ не шучу.

Волгинъ (Честонову).

Эхъ, братецъ! Прогони

Его!

Посошковъ (Честонову).

Чтобъ я спустилъ такому грубияну!
Во первыхъ, съ нимъ играть рѣшительно не стану;
Хоть, правда, безъ него придется худо намъ,
Но, такъ и быть!

Честоновъ.

Да онъ совсѣмъ не нуженъ вамъ.

Посошковъ.

Вотъ то-то и бѣда! Актера нѣтъ другого.

Честоновъ.

Напротивъ, вашъ театръ идетъ безъ Прямикова.

Посошковъ.

Нѣтъ, шутите?

Волгинъ (Честонову).

Ну, чтожъ! Спровадъ скорѣй его.

Честоновъ.

И чтобъ уладить все, ждуть васъ лишь одного.

Посошковъ (Волгину).

Иду, бѣгу, сейчасъ! Мнѣ должно бы отчета
Отъ васъ потребовать...

Честоновъ (отводя Посошкова).

И, что вамъ за охота!

Онъ человѣкъ простой, къ тому же мнѣ родня...

Посошковъ.

Ну, если-бы не вы—узналъ-бы онъ меня! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Волгинъ и Честоновъ.

Волгинъ.

Тьфу, чортъ его возьми! Насилу провалился!
Когда-бъ послушалъ ты, какъ онъ со мной бранился!
Сначала все шутили, да вдругъ передъ концомъ
И ну ругать меня: комическимъ отцомъ,
Невѣжой, мужикомъ,—вотъ такъ и лѣзь на драку.
Охота же держать такого забягу!
Нѣтъ! Тришка мой хоть золь, а все таки смиришй:
Съ нимъ можно пошутить, а этого не смѣй
Назвать и дуракомъ....

Честоновъ.

А ты назваль?

Волгинъ.

Такъ что-же!

По моему: дуракъ и шутъ—одно и то же.

Честоновъ.

Да, что онъ говорилъ съ тобой?

Волгинъ.

Какой-то вздоръ.

О ролю мнѣ твердилъ, какъ будто-бъ я актеръ;
Да это ничего—изъ этихъ словъ лишь видно,
Что вовсе онъ дуракъ; а вотъ что, братъ, обидно,
Что я теперъ и самъ попался въ дураки.

Честоновъ.

Попался! Какъ?

Волгинъ.

А что? Чай, скажешь пустяки?

Вотъ этотъ глупый шутъ, и тотъ, сударь, находить;
Что дядю своего племянникъ за носъ водить:

А дядя-то вѣдь я!

Честоновъ.

Охота-жъ о пустомъ

Такъ долго толковать. Да дѣло не о томъ!
Зачѣмъ пріѣхаль ты?

Волгинъ.

Зачѣмъ? Чтобъ изъясниться,
Ты это знаешь самъ.

Честоновъ.

Эхъ, братецъ! Торопиться
Не должно бы.

Волгинъ.

Я ждалъ и такъ четыре дня;
И буду ждать еще?

Честоновъ.

Да выслушай меня!
Не лучше-ль подождать и, выбравъ часъ свободный...

Волгинъ.

Чтобъ я, премьеръ-маіоръ и дворянинъ природный,
Позволилъ надъ собой шутить?

Честоновъ.

Съ чего ты взять?...

Волгинъ.

Съ чего? Такъ слушай-же! Племянникъ мнѣ писалъ,
Что онъ посватался, что все идетъ порядкомъ:
Дѣвица умная, хорошая, съ достаткомъ;
Что ей онъ нравится, и самъ въ нее влюбленъ;
Обласканъ дядею, родными ободренъ
И прочее. Вотъ я, ну! шить скорѣй наряды;
Домашнія дѣла: покосъ, жнитво, подряды—
Бросаю все, скачу,—приѣхалъ наконецъ,
«Здорово, братъ! Ну, что! Когда же подь вѣнецъ?
«Я мѣшкать не люблю, и на твоемъ-бы мѣстѣ
«Все мигомъ повернулъ. Вези меня къ невѣстѣ.
—«Ахъ, дядюшка, нельзя! Вѣдь Оленька больна.
«А Любскій?»—Нездоровъ.—«Такъ Любскаго жена?...»
—Могла-бы васъ принять, но также нездорова.
«Помилуй! Что за морь? Неужто дали слово
«Всѣ разомъ захворать? Весь домъ въ постелю слегъ.
«Ну, такъ и бытъ! Я-жъ самъ съ дороги занемогу:
«Такъ не-хотя пришлось мнѣ дома оставаться».
Сегодня, лишь успѣлъ со мной ты распрощаться,
Вдругъ шастъ ко мнѣ на дворъ—и кто-жъ! Кутермина!

Честоновъ.

Матрена Саввишна?

Волгинъ.

Ты знаешь, что она
Болтунья страшная.

Честоновъ .

За ней одно лишь дѣло:

Злословить всѣхъ

Волгинъ.

А тутъ какъ будто онѣмѣла .

Я то, я се—молчить. Конечно, есть печаль,—
Подумаль я. Спросилъ: «Да, батюшка, мнѣ жаль».
—Кого, сударыня?—«О! если непременно
«Ты хочешь знать—тебя! Признайся откровенно:
«Зачѣмъ ты прискакалъ?»—«Племянника женить.
«Охота-же себя на старости срамить!»
—Какъ такъ?—«Да такъ! Тебя съ племянникомъ дурачать».
—Но онъ ко мнѣ писалъ.—«Что эти письма значать!
«Пустое, вздоръ! Его бѣдняжку завели.
«Не вѣришь мнѣ? Такъ чтожь! Попробуй и вели
«Узнать ему: когда его судьба рѣшится?
«А лучше и того, ступай-ка изъясниться
«И Любскихъ самъ спроси.»—Спросить-то я готовъ,
Да только у кого? Вѣдь Любскій нездоровъ,
Жена его больна, племянница въ постелѣ.—
«Какъ! Любскій нездоровъ? Неужто въ самомъ дѣлѣ?»
—Добро-бъ одинъ, а то, какъ на смѣхъ, вся семья!—
«Давно-ли, мой отецъ?»—Объ этомъ слышалъ я
«Дня три тому назадъ.—«Дня три! Ахъ, мой Создатель!
«Вчера съ ихъ угощаль гражданскій предсѣдатель,
«А нынче былъ у нихъ губернский прокуроръ.
«Ну, видишь-ли теперь, что это все подборъ,
«И Любскіе тобой, какъ пѣшкой, играютъ».
—Какъ пѣшкой! Меня за пѣшку почитаютъ!
И послѣ этого прикажешь мнѣ молчать?
Молчать! Нѣтъ, чортъ возьми! Да я готовъ кричать
Не только здѣсь, вездѣ—въ Москвѣ на лобномъ мѣстѣ,
Что въ Любскихъ нѣтъ стыда, ни совѣсти, ни чести,
Что братецъ твой...

Честоновъ.

Злодѣй! Что вся его семья,

Весь Любскихъ родъ:, всѣ братья, сваты, кумовья,
Сестрицы, тетушки въ двѣнадцатомъ колѣнѣ,
Всѣ внуки, правнуки и даже предковъ тѣни,
Тобой рѣшительно, навѣки прокляты—
Довольно, кажется? Теперь спокоенъ ты?

Волгинъ.

Да! Смѣйся, братъ! Куда смѣшно! Умора!

Честоновъ.

Мы долго продолжать не можемъ разговора
И такъ прошу мнѣ дать рѣшительный отвѣтъ,
Но только въ двухъ словахъ: ты хочешь, или нѣтъ,
Чтобъ Вельскій былъ женатъ?

Волгинъ.

Хочу-ль, чтобъ онъ женился!
Да развѣ двѣсти верстъ я даромъ прокатился?
Нѣтъ, вздоръ! Хоть плачь, а мнѣ невѣсту подавай!

Честоновъ.

Такъ дѣло кончено. Теперь, мой другъ, ступай
Скорѣй домой!

Волгинъ.

Домой?

Честоновъ.

Ты можешь быть спокоенъ:
Мнѣ Вельскій по сердцу, онъ Оленьки достоинъ
И будетъ мужемъ ей—за это я берусь.

Волгинъ.

Нѣтъ, милый, извини! Пока не изъяснюсь,
Я съ мѣста не сойду.

Честоновъ.

Но это изъясненье

Поссорить васъ.

Волгинъ.

Такъ чтожъ?

Честоновъ.

Да, сдѣлай, одолженье,
Послушайся меня! Ступай скорѣй домой!

Волгинъ.

И слышать не хочу.

Честоновъ.

Такъ знай, любезный мой,
Ты этой скоростью племянника погубишь.

Волгинъ.

Мнѣ все равно.

Честоновъ.

Равно? Такъ ты его не любишь?

Волгинъ.

Вотъ то-то и бѣда! Къ несчастію, люблю.
Ну, такъ и быть, изволь! Сегодня потерплю,
Но завтра ни за что; я больше не намѣренъ
Минуты ждать одной.

Честоновъ.

Сегодня-жъ, я увѣренъ,
Все будетъ кончено.

Волгинъ.

Ну, то-то-же, смотри!
Помолвка черезъ день, а свадьба черезъ три—
Дашь-ли слово мнѣ?

Честоновъ.

Да, да, мой другъ! Согласенъ.
Ступай!

Волгинъ (*идетъ и возвращается назадъ*).

Чтобъ былъ отвѣтъ рѣшителенъ и ясенъ,
Иль да, иль нѣтъ...

Честоновъ

Я все порядкомъ поведу,
Лишь только уѣзжай скорѣй.

Волгинъ (*уходя*).

Иду, иду!

(*Возвращаясь*).

Смотри! Чтобъ Вельскому сегодня-жъ слово дали;
Не то—въ кибитку съ нимъ, и поминай какъ звали!

Честоновъ.

Уйдешь-ли ты?

Волгинъ.

Вѣдь я на это молодецъ,
И если ужъ рѣшусь...

Честоновъ.

Да будетъ-ли конецъ?

Волгинъ.

Иду! Но слушай, братъ, ты далъ мнѣ обѣщанье
(*Честоновъ показываетъ большое нетерпѣніе*)

И я... Ну, ну! Прощай покамѣстъ, до свиданья!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Честоновъ (одинъ) и потомъ Вельскій.

Честоновъ.

Уйдетъ-ли онъ? Ахти! Никакъ идетъ назадъ!
Ну, если какъ-нибудь съ нимъ встрѣтится мой братъ?
Бѣда! Нѣтъ! Кажется, уѣхалъ. Слава Богу!

Вельскій (выглядывая изъ боковыхъ дверей).
Что дядюшка?

Честоновъ.

Ушелъ. (Вельскій выходитъ). Надѣлалъ онъ тревогу!
Съ нимъ былъ соперникъ твой.

Вельскій.

Я это ожидалъ.

Честоновъ.

И если-бы меня позвать ты опоздалъ,
То плохо-бы ему пришлось отъ Посошкова.
Онъ дядю твоего почелъ за Прямикова,
А тотъ его назвать изволилъ дуракомъ—
Чуть, чуть не подрались. Но дѣло не о томъ;
Мнѣ Оленька во всемъ призналась откровенно;
Я нашъ открылъ ей планъ и должно непременно
Сегодня кончить все. Какой сюрпризъ для всѣхъ!
И смѣло можно-бы ручаться за успѣхъ,
Да то бѣда—она ужасно боязлива.
Послушай, милый мой! Любовь краснорѣчива—
Повѣрь, одинъ твой взглядъ подѣйствуетъ сильнѣй,
Чѣмъ всѣ мои слова; а чтобъ успѣть вѣрнѣй,
Рѣшительно скажи, что средства нѣтъ другого.

Вельскій.

Она сюда придти сейчасъ дала мнѣ слово,
И, чтобъ склонить ее, я все употреблю.
Ахъ! Еслибъ знали вы, какъ я ее люблю!

Честоновъ.

Тѣмъ лучше, милый другъ! На свѣтѣ все непрочно;
Но добрая жена... Идутъ! Она? Такъ точно!
Смотри, не опоздай! У задняго крыльца
Карета въ шесть часовъ, а въ восемь отъ вѣнца.
Прощай, мой другъ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Вельскій и Оленька.

Вельскій (*идя на встречу Оленькѣ*).

Съ какимъ я ждалъ васъ нетерпѣньемъ!
Все кончено! Одно осталось намъ спасеньемъ,
И если ужъ ничто не можетъ тронуть васъ,
Такъ знайте-же, что мы теперь, въ послѣдній разъ,
Не только говоримъ, но видимся другъ съ другомъ;
Что нынче-жъ вы должны назвать мени супругомъ
Иль, можетъ быть, со мной разстаться навсегда.

Оленька.

Разстаться? Боже мой! Нѣтъ, Вельскій! Никогда!

Вельскій.

А если завтра-же откажутъ мнѣ отъ дому?

Оленька.

Хотя рука моя обѣщана другому,
Хоть сердцемъ я могу лишь вамъ принадлежать,
Но долгъ забыть къ роднымъ, рѣшиться убѣжать..

Вельскій.

Такъ будьте-жъ имъ во всемъ, сударыня, послушны,
Когда къ судьбѣ моей вы вовсе равнодушны...

Оленька.

Ахъ, нѣтъ! Я вамъ клянусь!...

Вельскій.

Что значать всѣ слова?

Что клятвы всѣ! Когда священные права
И дружбы и любви и все—забыто вами!
Любви, въ которой мнѣ сто разъ клялись вы сами,
Мечтая съ радостью о томъ счастливомъ днѣ,
Когда я буду вашъ на вѣкъ! Ахъ! Вѣрьте мнѣ,
Что счастье мое, а можетъ быть и ваше
Въ рукахъ теперь у васъ. Я все сказалъ Наташѣ.
Сегодня въ шесть часовъ насъ будетъ ждать къ себѣ
Вашъ дядюшка. Когда и онъ въ моей судьбѣ
Участіе беретъ (*бросаясь на колѣни*) такъ вы-ли захотите...-

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Ть-же, Любскій и Посошковъ.

Любскій.

Что вижу! Боже мой!...

Посошковъ.

Эхъ! Тише, не шумите!

Вельскій (*не видя Любскаго и Посошкова*).
Минуты дороги—рѣшайтесь скорѣй!

Любскій.

Возможно-ли! Одна!..

Посошковъ.

Тагъ чтожъ?

Любскій.

И Вельскій съ ней...

Посошковъ.

Да какъ-же иначе? Они проходятъ роли.

Вельскій.

И вы колеблетесь! Когда отъ вашей воли
Зависить все...

Любскій.

Какъ смѣтъ!...

Посошковъ.

Еще! Какой болтунъ!

Вельскій.

Рѣшитесь быть моей!...

Посошковъ (*Любскому*).

Тутъ входитъ опекунь.

(*Подходитъ къ Вельскому и Оленькѣ*).

Ага, сударыня! Попалсъ!

Оленька.

Ахъ, Боже мой!

Вельскій (*въ сторону*).

Ай, ай.

6*

Посошковъ.

«Чего-жь вы испугались?»

«Вѣдь я не мужъ, а только что женихъ.

Гдѣ видано! Застать вдвоемъ—однихъ!

«Да какъ вы смѣли!

«Къ чему, сударыня, зачѣмъ онъ съ вами былъ?»

«Что матушка! Я вижу, онѣмѣли!»...

«А васъ, сударь... А васъ»... Кой чортъ! Опять забылъ.

(*Вынимаетъ роль и читаетъ по ней*).

«А васъ, сударь, велю»...

(*Вельскому*). Подвиньтесь немножко!

«Велю сейчасъ я выкинуть въ окошко!

«И этотъ сорванецъ, и этотъ глупый франтъ

«Подумать смѣлъ, что я»... (*Любскому*). Вотъ, батюшка,
талантъ!

Вотъ геній истинный! Смотрите, удивляйтесь!

Каковъ испугъ?

Любскій (*съ досадою*).

Хорошъ.

Посошковъ.

Да что-же! Восхищайтесь!

Взгляните на него! Какъ истуканъ стоитъ!

(*Оленькъ*). И вы? Брависсимо! Какой смущенный видъ!

Вотъ это мимика! Смотрите, поблѣднѣла!

Давно-ль двухъ словъ сказать порядкомъ не умѣла?

А все вѣдь я!... (*Вельскому*). Одно замѣтить должно вамъ,—

Напрасно вы къ ея бросааетесь ногамъ,—

Оно не худо-бы, да слишкомъ театрално.

Но испугались вы...

Любскій (*поглядывая на Вельскаго*).

Да! Очень натурально.

(*Тихо Оленькъ*).

Сто разъ я говорилъ, не быть наединѣ!

Негодная! (*Громко*). Ступай въ гостиную, къ женѣ.

(*Оленька уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, безъ Оленьки. Извѣдовъ (*входитъ изъ среднихъ дверей*).

Любскій (*Извѣдову*).

Ну, что? Ты былъ въ саду?

Вельскій.

Обѣгалъ всё дорожки:

Его тамъ нѣтъ.

Любскій.

Вели запречь скорѣ дрожки
И съѣзди самъ къ нему. (*Извѣдовъ уходитъ и тотчасъ
возвращается*).

Бирюлькины нашъ пропаль.

Посошковъ.

Да что съ нимъ, сдѣлалось? На пробѣ онъ все спалъ,
Забывъ всё выходы, разъ двадцать ошибался..

Любскій.

Вотъ я его пугну! Совсѣмъ избаловался.
(*Вельскому*).

А что-же твой Андрей Степанычъ Прямыковъ?

Вельскій.

Ушелъ домой.

Любскій.

Эхъ, жаль!

Посошковъ.

Я повторить готовъ

Въ немъ есть талантъ; но съ нимъ играть,—слуга покорный!
Онъ страшный грубиянъ и человекъ превздорный.
Къ тому-жь и безъ него у насъ охотникъ есть:
(*Извѣдову*). Ты, кажется, взялся?

Извѣдовъ (*клянясь*).

Я чувствую всю честь

Аптеромъ въ трушѣ быть, гдѣ важныя особы...

Посошковъ.

Я думаю, что ты сыграешь и безъ пробы?

Извѣдовъ.

Извольте, я готовъ.

Любскій.

Смотри, не осрамишь!

Извѣдовъ.

Кто? Я, сударь?

Любскій.

Да, ты! Не больно, братъ, храбрись!
Я что-то за тебя ужасно какъ робѣю.

Извѣдовъ.

Но ролю выучить я къ вечеру успѣю.

Посошковъ.

И! Какъ не выучить! Она не велика. (*Входитъ слуга*).

Слуга (*подавая Любскому письмо*).

Письмо, сударь!

Любскій.

Подай! Знакомая рука...

Бирюлькинъ! Что за вздоръ!... Какъ! Что!... Ахъ, мой Создатель!

Возможно-ли! Злодѣй! Разбойникъ и предатель!

Вельскій.

Что съ вами сдѣлалось?

Любскій.

Что сдѣлалось! Нѣтъ силъ!

(*Подаетъ письмо Посошкову*).

Прочти!

Посошковъ (*читаетъ*).

«Милостивый государь и благодѣтель! Убѣдясь просьбами всѣхъ моихъ знакомыхъ и чувствуя самъ, что въ мои лѣта не прилично быть актеромъ, я рѣшился не играть сегодня и возвращаю при семъ мою роль. Должны мною тысячу рублей по векселю, съ глубочайшей моей благодарностию, завтрашняго числа не премину къ вамъ доставить.—По гробъ обязанный вами и всепокорнѣйшій слуга Максимъ Бирюлькинъ».

Любскій.

Что скажешь, братъ?

Посошковъ.

Да кто его подбилъ?

Любскій.

Весь городъ—всѣ!

Посошковъ.

И, нѣтъ! Какой-нибудь проказникъ

Не встати пошутить...

Любскій.

Чтобъ нашъ испортить праздникъ!

И послѣ этого театры затѣвай!

Придумывай, трудись, здоровье убивай,

Тѣшь этихъ неучей! Давай пиры и балы!
О, варвары! Мордва!... Чуваши!... Камчадалы!...
Вамъ хочется самимъ? Извольте, господа!
Театръ мой не пойдётъ.

Вельскій (*въ сторону*).

Вотъ новая бѣда!

Любскій.

Неблагодарные!

Вельскій.

За чтожь на всѣхъ сердиться?

Любскій.

Посмотримъ, безъ меня какъ станутъ веселиться!

Посошковъ.

Повѣрьте мнѣ—всему виной Кутермина.

Любскій.

Матрена Саввишна?

Посошковъ.

Она сотворена

На эти мерзости.

Любскій.

Ну, такъ! Она хотѣла

Сгубить меня за то, что я... Да что за дѣло!..

Она, иль нѣтъ—теперь и самъ я не хочу:

Велю сломать театръ, въ деревню ускачу...

Посошковъ.

Постойте! Точно такъ! Театръ мы не отложимъ.

Любскій (*съ радостью*).

Неужели?...

Посошковъ.

Да, да! Мы все поправить можемъ:

Но мѣры сильныя теперь намъ должно брать:

Извѣдовъ можетъ роль Бирюлькина сыграть,

И очень будетъ милъ въ Антропкиномъ нарядѣ;

А вы попробуйте,—сыграйте ролю дяди.

Любскій.

Кто? Я? Въ умѣ ли ты? Съ чего ты взялъ?

Да я и съ молодую актеромъ не бывалъ.

Вельскій.

Всему начало есть.

Посошковъ.

Попробуйте, начните!

Любскій.

Нѣтъ, братецъ! Ни за что!

Посошковъ.

Такъ вы себя вините,
Что нашъ театръ неидетъ; я средство вамъ даю.

Любскій.

Я знаю наизусть комедию твою
И могъ-бы, кажется мнѣ роль учить не надо...
Да нѣтъ! Нельзя никакъ!

Посошковъ.

Ужъ какъ-же будетъ рада,
Матрена Саввишна! Начнетъ по всѣмъ домамъ
Скакать, рассказывать, шутить—заѣдетъ къ вамъ...

Любскій.

Ко мнѣ? Нѣтъ, душенька! И носу не покажетъ.

Посошковъ.

Куда бы ни взошла—поклонъ и тотчасъ скажетъ:
«Что, матушка, каковъ вчерась спектакль былъ?
«Ужъ вѣрно Любскій васъ отлично угостилъ;
«Сбирался дѣлать годъ: такъ диво-ли?...

Любскій.

Злодѣйка!

Посошковъ.

«Вѣдь у него ребромъ послѣдняя копѣйка.
—Театра не было.—«Такъ что-же онъ кричалъ?
«Зачѣмъ такъ чванился?—По выбору всѣхъ звалъ?
«Къ чему?—Да онъ и тѣмъ быть долженъ благодаренъ,
«Что ѣздили къ нему!—Ну, что за важный баринъ?
«Съ его-ль имѣньяшкомъ мотать?...

Любскій.

Ахъ! Чортъ возьми!..

Посошковъ.

«Пусть это водится межъ знатными людьми;
«А онъ-то что?...

Любскій.

Какъ, что!

Посошковъ.

«На дѣло не похоже!
«А ужъ хвастунъ какой! Хвастунъ—избави Боже!

—«Сегодня принимать гостей я не вею—
«Я такъ усталъ! Одинъ весь городъ весело,
«Театры завожу, актеровъ набираю...
—«Анъ, вотъ вашъ и театр!»

Любскій.

Такъ вреть она! Играю!

Посошковъ.

Рѣшились наконецъ! Теперь мы спасены.

Любскій.

Я знаю, мѣ житья не будетъ отъ жены:
Да такъ и быть! Пойдемъ!

Посошковъ.

Я думаю на сцену?

Тамъ лучше роль пройти.

Любскій.

А что-же я надѣну?

Посошковъ.

Кафтанъ, большой парикъ...

Любскій.

Да въ немъ на дурака

Я буду походить! Нельзя-ль безъ парика?

Посошковъ.

Никакъ нельзя: таковъ характеръ вашей роли.

Любскій.

Хорошъ же буду я! Куда красивъ! Въ камзолѣ,
Въ косматомъ парикѣ... въ узорчатыхъ чулкахъ...

Вельскій.

За то, подумайте! Кто будетъ въ дуракахъ!

Посошковъ.

Что этой можетъ быть пріятнѣе награды:
Матрена Саввишна задохнется съ досады!

Извѣдовъ.

Да, ништо ей! А мы поставимъ на своемъ.

Любскій.

Такъ пусть задохнется! Негодная!... Пойдемъ! (*Всѣ уходятъ.*)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ комнату позади домашняго театра, на правой и лѣвой сторонѣ двери; прямо небольшая лѣсенка, приставленная къ дверямъ, которыми входятъ на сцену; нѣсколько кресель, два стола и большое зеркало.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Л ю в с к і й (*сидитъ*), П о с о ш к о в ъ (*расписываетъ ему лицо*),
П А Р И К М А Х В Р Ъ (*держитъ парикъ*). С л у г а.

Л ю б с к і й (*одному слугѣ*).

По окнамъ шкалики, а плошки на крыльцо;
Ступай! (*Слуга уходитъ*). Эхъ, полно, братъ!
Испачкалъ все лицо.

Да будетъ-ли конецъ?

П о с о ш к о в ъ.

Еще одну морщину;
Вѣдь вы играете не среднихъ лѣтъ мужчину,
Вамъ должно походить лицомъ на старика.
Взгляните на меня! Да, лѣвая щека
Блѣднѣй; а вотъ сейчасъ мы разомъ подрумянимъ,
Сидите-же смиреннѣй! Вотъ такъ! Теперь мы станемъ
Прилаживать парикъ! Подай!
(*Беретъ парикъ и надѣваетъ на Любскаго*).

Л ю б с к і й.

Ну что, надѣлъ?

П о с о ш к о в ъ.

Постойте! Надобно, чтобъ ловко онъ сидѣлъ.

Л ю б с к і й.

Ай! Волосы дерешь! Терпѣнія не стало!

П о с о ш к о в ъ.

Мнѣ кажется парикъ, напудренъ очень мало—
(*Парикмахеру*). Вотъ съ этой стороны!

Любскій.

Да полно! Не тирань!

Пусти меня!

Посошковъ.

Сейчасъ!

(Парикмахеръ пудритъ Любскаго).

Любскій (вспрыгиваетъ съ кресла).

Довольно! Перестань!

Посошковъ (парикмахеру).

Пошли Извѣдова.

Любскій (смотрясь въ зеркало).

Ну, такъ! Уродъ уродомъ!

И кто могъ слѣдовать такимъ дурацкимъ модамъ?

Какой нечистый духъ придумалъ парики!

Да ништо мнѣ! Пошелъ охотой въ дураки...

Посошковъ.

А мнѣ такъ кажется, что въ этомъвы нарядѣ...

Любскій.

Да, батюшка, красивъ! И спереди и сзади
Святочной пугало.

Посошковъ.

Охота-жъ вамъ терзать

Самихъ себя...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Извѣдовъ (изъ среднихъ дверей).

Извѣдовъ (Посошкову).

Что вамъ угодно приказать?

Посошковъ.

Готово-ль у тебя?

Извѣдовъ.

На сценѣ все готово.

Любскій.

А что, который часъ?

Извѣдовъ.

Три четверти седьмого.

Любскій.

Чтожь Оленька неидеть?

Посошковъ.

Я къ ней сейчасъ послалъ;

А Вельскій гдѣ? И онъ опаздывать ужь сталь,
И прежде не знавалъ за нимъ привычки этой.

Извѣдовъ.

Онъ изъ дому хотѣлъ совсѣмъ уже одѣтый
Пріѣхать въ шесть часовъ.

Посошковъ

Нельзя жъ ему забыть,

Что ровно въ семь часовъ на сценѣ должно быть.

(Входитъ слуга).

Любскій.

Ну, что ты?

Слуга.

Доложить, что начали съѣзжаться.

Любскій.

Ухъ! Сердце замерло! Хотъ вовсе отказаться.

Посошковъ.

Помилуйте!

Любскій.

Да я навѣрно осрамлюсь,

Я знаю напередъ, лишь только появлюсь,
Всѣ лопнуть со смѣху.

Посошковъ.

Ахъ, какъ вы малодушны!

Не стыдно-ли?

Любскій.

Боюсь!

Посошковъ.

Да будьте же послушны

Разсудку вашему. Чего бояться вамъ?

(Слуга). Ступай! Проси сюда скорѣе нашихъ дамъ.

Любскій.

Эй, братецъ, быть бѣдѣ! Не даромъ лихорадка
Меня трясеть.

Посошковъ.
Да вы сыграете...

Любскій.

Прегадко!

Я-жъ въ этомъ парикѣ на чучелу похожъ...
Ахъ, батюшки мой! То бросить въ жарь, то въ дрожь!

Посошковъ.
Неужели на васъ не дѣйствуютъ примѣры?
Ну вотъ, боюсь-ли я?

Любскій.

Не выпить-ли мадеры?

Посошковъ.
Помилуйте! Зачѣмъ? Чтобъ ролю позабыть?

Любскій.

Хоть рюмочку одну

Посошковъ.
Нѣтъ, нѣтъ.

Любскій.

Да какъ-же быть?

Смотри, я весь дрожу.

Посошковъ.

Вамъ это не поможетъ.

И что, скажите мнѣ, такъ сильно васъ тревожить?
Вы знаете, у насъ партеръ не прихотливъ,
Сыграйте какъ-нибудь!

Любскій.

Ты видишь, я чуть живъ.

Посошковъ.

Добро, останьтесь здѣсь; а я пойду на сцену.

Любскій.

Нѣтъ, вѣчно не прощу Бирюлькину измѣну!
По милости его теперь я въ западнѣ.

Посошковъ.

Когда сберутся всѣ, махните только мнѣ,
И я велю начать тотчасъ же увертюру.

Любскій (*смотрясь въ зеркало*).
И эту глупую, несчастную фигуру
Я долженъ выставить сегодня на показъ!
Добро-бъ я былъ талантъ.

Посошковъ.

Таланта много въ васъ.
Хотя замѣтна въ немъ какая-то незрѣлость,
Но это ничего: вы знаете, что смѣлость
Береть и города. Смѣлѣй, сударь, смѣлѣй!
(*Уходитъ на сцену*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, везъ Посошкова.

Любскій.

Да, да! Толкуй! А все по милости твоей.
Нѣтъ, душенька! Впередъ театра не затѣнешь!
(*Извѣдovu*).
Признайся, братъ! И ты немножечко робѣешь?

Извѣдовъ.

Кто! Я-съ?

Любскій.

Чай, скажешь, нѣтъ?

Извѣдовъ.

Такъ это въ первый разъ,
Помилуйте! Ну, что за публика у васъ?
Кого робѣть? Друзья, пріятели, старушки,
Поль-дюжины дѣтей. Да это что! Игрушки!
И роля-то моя всего странички двѣ.
Нѣтъ, сударь! Въ старину, какъ я игралъ въ Москвѣ,
Такъ есть чего робѣть: не мало и не много
Три тысячи персонъ. А судять-то какъ строго!
Ужъ милости отъ нихъ не жди и не проси:
Какъ шикать примутся, такъ Боже упаси.
Бѣда! Не такъ, какъ здѣсь: тамъ публика не наша,
Соврать не смѣй!

Любскій.

А вотъ идетъ сюда Наташа.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И НАТАША (*входитъ съ лѣвой стороны и бѣжитъ на сцену*).

Наташа (*не видя Любскаго*).

Гдѣ Федоръ Львовичъ? Гдѣ?

Любскій.

Куда бѣжишь? Куда?

Я здѣсь.

Наташа.

Ахъ, Боже мой!

Любскій.

Что сдѣлалось?

Наташа.

Бѣда!

Любскій.

Ахти! Спектакль нашъ неидетъ?

Наташа.

Ахъ, сударь! Хуже!

Вѣдь Ольга Дмитріевна...

Любскій.

Плѣмянница? Да ну-же!

Злодѣйка, говори!

Наташа.

Она...

Любскій.

Я жду всего!..

Съ ней дурно сдѣлалось?

Наташа.

Охъ! это-бъ ничего;

А то какъ вздумаю... Какое приключенье!

Какой ударъ!

Любскій.

Ну, вотъ, прошу имѣть терпѣнье!

Негодная! Да, что?

Наташа.
Она...

Любскій.
Занемогла?

Наташа.
Нѣтъ, хуже...

Любскій.
Что за вздоръ?

Наташа.
Она, сударь... Ушла!

Любскій.
Ушла?... Куда?... Зачѣмъ?... Не можетъ это статься.

Извѣдовъ (*тихо Наташѣ*).
Такъ барышня твоя...

Наташа (*также*).
Уѣхала вѣнчаться.

Любскій.
Ушла?... Нѣтъ, нѣтъ! Ты врешь!

Наташа.
Я все вамъ расскажу:
Вотъ съ часъ тому назадъ, въ уборной я сижу
И барышня со мной, совсѣмъ уже одѣта;
Вдругъ, къ заднему крыльцу подъѣхала карета...

Любскій.
Ну, ну!

Наташа.
Дверь скрипнула и кто-то на крыльцо
Тихонечко взошелъ; глядь барышнѣ въ лицо,
Она—какъ смерть!

Любскій.
Ну, ну.

Наташа.
Заплакала, вскочила,
Накинула платокъ и въ дверь...

Любскій.
А ты пустила?...

Наташа.
Эхъ, сударь! Слушайте!

Любскій.
Ну, ну!

Наташа.
Я вслѣдъ за ней.
Выходимъ на крыльцо; гляжу—въ сѣняхъ лакей.
Онъ подъ руку ее; тутъ барышня взглянула
Такъ жалко на меня, платочкомъ мнѣ махнула,
Въ карету прыгъ! И слѣдъ простыль...

Любскій.
А ты?—Ну, ну!

Наташа.
Не вспомнилась.

Любскій.
И ты не кликнула жену.
Людей, весь домъ?...

Наташа.
Безъ чувствъ я цѣлый часъ лежала.
А послѣ, кажется—да, точно такъ—кричала.

Любскій.
Злодѣй-то кто?

Наташа.
Да какъ увидѣть въ темнотѣ?
Помилуйте!

Любскій.
Ты врешь! Нѣтъ, душенька! Не тѣ
Уловки у тебя! Ты знала шашни эти.

Наташа.
Кто? Я-съ?

Любскій.
Да, ты! Сейчасъ скажи, кто былъ въ каретѣ?

Наташа.
Сказать навѣрное не смѣю я никакъ,
А Вельскій, кажется...

Любскій.
Ахъ, старый я дуракъ!

Такъ точно! Это онъ.

Н а т а ш а.

Я, впрочемъ, не ручаюсь.

Л ю б с к і й

Молчи, негодная! Чего-жь я дожидаюсь?
Пошлю!—Пойду!—Куда?—Я вовсе безъ ума...
(Наташъ). Пошли жену!

Н а т а ш а.

Да вотъ она идетъ сама.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Т ь-ж е и Л ю б с к а я.

Л ю б с к а я.

Ахъ, я несчастная! Ну, сгнбла да пропала!
Вотъ грѣхъ какой!

Л ю б с к і й.

Ага! Теперь ты плакать стала!

Безумная!

Л ю б с к а я.

Кричи, сударижъ мой, кричи!

Л ю б с к і й.

Чего смотрѣла ты?

Л ю б с к а я.

А ты, сударь?

Л ю б с к і й.

Молчи!

Л ю б с к а я.

Чтобъ стала я молчать! Нѣтъ, батюшка, довольно!
Вѣкъ цѣлый поступать ты хочешь самовольно,
А я должна...

Л ю б с к і й.

Жена!

Л ю б с к а я.

Такъ нѣтъ, не замолчу!

Терпѣть не буду я, не стану, не хочу!
Все выскажу...

Любскій.

Жена!

Любская.

Ну, вотъ твои заѣбы,
Вотъ глупый твой театр! Актеры всѣ—злодѣи,
Губители твои, и даже Посошковъ.
Кого ты набрала въ домъ?—Фигляровъ, дураковъ;
Срамилъ себя, моталъ, разстроилъ все имѣнье.
Что праздники твои?—Безпутство, разоренье!
А твой театр...

Любскій.

Жена!

Любская.

Разбойничій вертепъ!
Скажи мнѣ, батюшка, иль вовсе ты ослѣпъ?
Бывало, при тебѣ, шушуканье, безстыдство
Одно лишь на умѣ, амуры, волокитство,—
И съ кѣмъ?—Съ племянницей! Чтожъ вышло, наконецъ?
Она изъ-за кулисъ бѣжала подъ вѣнецъ.
Не я-ль сто разъ одно и то-же говорила...

Любскій.

Ты только объ одномъ, сударыня, воюла,
Что деньги трачу я..

Любская.

А кто твердилъ о томъ,
Что должно запереть отъ Вельскаго нашу домъ
И выдать поскорѣй племянницу—злодѣйку!
Да я-бы отдала послѣднюю копѣйку,
Лишь только-бъ этотъ срамъ поправить чѣмъ-нибудь,
Лишь только-бъ этотъ грѣхъ... Нѣтъ силъ! Стѣснило грудь!
(*Падаетъ на кресло.*)

Наташа.

Пойдемте къ вамъ...

Любская.

Нѣтъ, нѣтъ! Пускай умру при мучкѣ!
Ахъ, душно!—Смерть моя!

Любскій.

Часъ отъ часу все хуже!

Наташа (*ищетъ въ карманахъ*).

Куда дѣвался спиртъ?

Извѣдовъ (подавая бутылку со стола).
Вотъ здѣсь ло-де-лаванъ.

Наташа.

Подай сюда!
(Льетъ Любской на голову и третъ виски).

Любскій (кричитъ).
Воды! Скорѣй воды стаканъ!

Любская (хватаетъ себя за голову и вскакиваетъ).
Ахъ, Боже мой! Ты вѣкъ останешься скотиной!
Ну, что ты, дура, льешь! Бутылка два съ полтиной.
Подай! (Беретъ бутылку и прячетъ въ ридиколь).

Любскій (глядитъ въ окно).
Смотрите-ка! Полнехонекъ весь дворъ!
Кареть до двадцати!

1-й слуга.
Пріѣхаль прокуроръ!
(Уходитъ).

Любскій.
Зачѣмъ я звалъ его! Вѣдь онъ московскій житель,
Насмѣшникъ, зубоскаль!

2-й слуга.
Губернскій предводитель.
(Уходитъ).

Любскій.
И вѣрно не одинъ, съ невѣсткой и женой!
Съѣзжайтесь, господа! Потѣшьте надо мной!

3-й слуга (обтываетъ затылкомъ).
Его сіятельство!...

Любскій.
Гражданскій губернаторъ?

3-й слуга.
И съ нимъ пріѣзжій князь. (Уходитъ).

Любскій.
Возможно-ли! Сенаторъ!

Зачѣмъ?

Наташа.
Его Авдѣй Михайлычъ пригласилъ.

Любскій.

Негодный Посошковъ! И кто его просил!
Подай его!

Извѣдовъ (*подходитъ къ среднимъ дверямъ и кричитъ*).
Авдѣй Михайловичъ! Два слова!

Наташа (*Любскому*).

Онъ сдѣлать вамъ сюрпризъ хотѣлъ.

Посошковъ (*показываясь въ дверяхъ*).

Что? Все готово?

Сейчасъ! (*Уходитъ*).

Любскій.

Постой! Постой! Куда бѣжишь? Зачѣмъ?

(*За кулисами начинаютъ играть увертюру*).

Что слышу! Музыка!... Прирѣзали совсѣмъ!
Все кончено! Погибъ! Куда себя я дѣну?
Гдѣ спрятаться?...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Посошковъ (*сходитъ постепенно внизъ*).

Посошковъ.

Ну, что нейдете вы на сцену?

Любскій.

Идти? Куда идти?... На что?... Зачѣмъ?... Къ чему?
Ну! что молчишь?

Посошковъ.

Играть пора

Любскій.

Играть?... Кому?

Играй, голубчикъ мой! Играй! И точно кстати!
Не хочешь-ли одинъ попрыгать на канатѣ?

Посошковъ.

Что съ вами сдѣлалось?

Любскій.

Со мною?... Ничего!

Я здѣсь... а Вельскій гдѣ?

Посошковъ.

Неужто нѣтъ его?

Любскій.

А гдѣ племянница?...

Посошковъ.

Какъ гдѣ?

Любскій.

Я жду отвѣта.

Ну, что-же? Говори!

Посошковъ.

Она была одѣта—

Я это видѣлъ самъ.

Наташа.

И даже прежде всѣхъ.

Посошковъ.

Что съ нею сдѣлаться могло?

Любская.

Такой-то грѣхъ,

Что вымолвить нельзя!

Любскій.

Ступай къ своей невѣстѣ!

Ступай! Ищи ее!... Она и Вельскій вмѣстѣ.

Посошковъ.

Какъ вмѣстѣ? Гдѣ?—Такъ чтожъ! Зовите ихъ сюда.

Любскій.

Такъ знай: племянница ушла.

Посошковъ.

Ушла? Куда?

Возможно-ль! Какъ ушла?

Наташа.

Да такъ, какъ всѣ уходятъ.

Любскій.

Что, видишь-ли теперь?—Вотъ роли какъ проходятъ!

Посошковъ.

Уйти... когда гостей полнехонекъ весь дворъ!

Любская

Когда назначены помолвка и сговоръ!

Посошковъ.

Какъ будто-бъ убѣжать и завтра не успѣла!
Ахъ, Боже мой!

Любскій.

Тебѣ, голубчикъ мой, за дѣло!

Посошковъ.

Да я чѣмъ виновать?

Любскій.

Кто въ петлю-то втащилъ
Себя, меня, всѣхъ насъ—зарѣзалъ, погубилъ?
Злодѣй! Не ты-ль завелъ всѣ эти представленны?
По милости твоей въ какомъ мы положеньи!
Что дѣлать намъ?

Посошковъ.

Театръ вамъ должно отказать.

Любскій.

Но какъ и для чего?

Посошковъ.

Вы можете сказать.

Что Оленька больна.

Любскій.

И всѣ единогласно

Начнутъ кричать...

Любская.

Къ чему убытчиться напрасно!

Отказывай скорѣй!

Любскій.

Эхъ, матушка! Молчи!

Любская (*Изьдому*).

Ступай, вели гасить всѣ лампы и свѣчи!

Любскій.

Зачѣмъ, сударыня! Все думаешь о вздорѣ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Т в - ж е и Ч е с т о н о в ъ .

Любскій (*идя къ нему навстрѣчу*).

Ты здѣсь? Пооди сюда! Ты слышалъ наше горе?

Честоновъ.

Какое горе?

Любскій.

Какъ! Не знаешь ничего?

Вѣдь Оленька...

Честоновъ.

Ушла.

Любскій.

Ты слышалъ? Отъ кого?

Честоновъ.

Я видѣлъ ихъ.

Любскій.

Ага, голубчики! Попались!

Ну, гдѣ-жъ они? Пойдемъ!

Честоновъ.

Они при мнѣ вѣнчались.

Любскій.

Возможно-ли! Они вѣнчались при тебѣ?...

И ты?...

Честоновъ.

Послушай, братъ! Противиться судьбѣ

Не должно и нельзя.

Любскій.

Эге, сударь! Такъ стало

Вы были за одно?

Честоновъ.

Сердиться пользы мало:

Они обвѣнчаны.—Что думать, братъ, рѣшишь!

Любскій.

Простить племянницу?

Честоновъ.

Да полно, не сердись.

Что сдѣлано, того поправить невозможно.

Любскій.

Чтобъ я простилъ ее! Она, сударь, безбожно,
Злодѣйскимъ образомъ зарѣзала меня.
Представь себѣ, пойдетъ какая болтовня:
Прибавки, выдумки, разспросы, пересуды!
И завтра же ко мнѣ пріятели—Гуды
Нагрянуть всѣ! А что мнѣ будетъ отъ старухъ!
Начнутъ терзать меня не шопотомъ а вслухъ;
Читать мораль, бранить, ругать, давать совѣты;
Засудятъ, наказнятъ; а здѣшнія газеты -
Матрена Саввишна!... Нѣтъ! Вѣчно не прощу!

Честоновъ.

Но выслушай!...

Любскій.

Нѣтъ, нѣтъ!

Честоновъ.

Пожалуй, замолчу.

А жаль! Они теперь сыграли-бъ превосходно.

Любскій.

Что, что?

Честоновъ.

Такъ, братецъ, вздоръ! Вамъ это неугодно—
Такъ чтожъ и говорить.

Любскій.

Ты холоденъ, какъ ледь,

Тогда какъ я—твой братъ...

Честоновъ.

Спектакль вашъ пойдетъ,

И даже не съ тобой, мой другъ! Съ другимъ актеромъ.

Любскій.

Неужели пойдетъ?

Честоновъ.

Но только съ уговоромъ:

Прости племянницу.

Любскій.

Нѣтъ, братецъ! Ни за что!

Честоновъ.

О, если такъ! Прощай! (*Хочетъ идти*).

Любскій.

Постой! Да я не то
Хотѣлъ сказать... Злодѣи! Какъ онъ меня терзаегъ!
Добро! Ужь такъ и быть... пускай она играетъ.

Честоновъ.

Такъ ты прощаешь ихъ? Ну, милый, очень радъ!

Любскій.

Да, да! Я... завтра ихъ прощу.

Честоновъ.

Нѣтъ, шутишь, братъ!
Теперь, или никогда.

Любскій.

Такъ вздоръ! Я не намѣренъ...

Честоновъ.

О, если такъ... (*Хочетъ идти*).

Любскій.

Постой! Да точно-ль ты увѣренъ,
Что нашъ театръ...

Честоновъ.

Пойдетъ.

Любскій.

Кто-жь выкупить меня?

Честоновъ.

Найдемъ кого-нибудь.

Любскій.

Кого? Моя родня.

Пріятели, весь свѣтъ составленъ изъ злодѣевъ.

Честоновъ.

А прежній другъ — Сергѣй Ивановичъ Лилѣевъ?

Любскій.

Возможно-ли?

Честоновъ.

Я съ нимъ объ этомъ говорилъ.

Вы съ нимъ поссорились, но я васъ помирилъ.

Любскій.

Да точно-ли?...

Честоновъ.

Ужь я за это отвѣчаю.

Любскій.

Ну! Дѣлать нечего! Изволь, мой другъ!... Прощаю!
Давай-же ихъ скорѣй!

Любская.

А я такъ не прошу.

Любскій.

Вотъ выскочка! Когда ужъ я простить хочу,
Такъ кстати-ли тебѣ!...

Честоновъ.

Сестра! Побойся Бога!

Вѣдь ты ихъ уморишь!

Любская.

Туда имъ и дорога!

Любскій.

Жена!

Любская.

Ну, слыхано-ль! Невѣстѣ уходить!

Честоновъ.

А что-бъ вамъ стоило ихъ свадьбу снарядить?
Скромненько обвинчать нельзя: не тѣ ужъ годы.
Какіе бы тогда пошли у васъ расходы,
На мелочи, на вздоръ послѣдній рубль отдашь;
Подумай-ка, сочти! — Нарядный экипажъ,
Четверка вороныхъ, богатая ливрея,
Кафтаны кучерамъ и прочія затѣи,
Которымъ нѣтъ конца...

Любская.

Такъ, батюшка! Ты правъ.

Бѣда!

Честоновъ.

Вотъ то-то же! Ты знаешь братнинъ нравъ:
Что вышло-бъ у него на разные предметы?
Чего-бы стоили сюрпризы и конфекты,
Одинъ вечерній столъ, десертъ, питье, бѣда,
Шампанское вино...

Любская.

Охъ, подлинно, бѣда!

Честоновъ.

Вотъ то то-же! А тамъ визиты, посѣщенья,
Обѣды, вечера, театры, угощенья...
Да, Боже сохрани! Онъ сряду-бъ цѣлый годъ
Пиры давалъ.

Любская я.

Такъ, такъ!

Честоновъ.

Теперь-же безъ хлопотъ:
Они обвѣнчаны безъ всякаго парада —
Эхъ, матушка, прости! Приданого не надо!

Любская я.

Пришлось простить.

Честоновъ.

Такъ дѣло и съ концомъ!

Посошковъ.

А я-то, сударь, что?

Честоновъ.

Вы были женихомъ...

Посошковъ.

И точно былъ любимъ.

Честоновъ.

Не Оленькой, а братомъ.

Посошковъ.

Да что-же я теперь?

Любскій.

Остался, братъ, за штатомъ.

Посошковъ.

Такъ я же не одинъ останусь въ дуракахъ

Любскій.

Что, что еще?

Посошковъ.

Теперь вы всѣ въ моихъ рукахъ:
Театръ вашъ не пойдетъ.

Любскій.

Ну, такъ! Недоставало,
Чтобъ онъ еще!... Злодѣй! Безсовѣстный! Такъ стало...
Да, нѣтъ! Ты шутишь, братъ!...

Посошковъ.

Повѣрьте, не шучу.

Играть не буду я.

Любскій.

Не хочешь?

Посошковъ.

Не хочу.

Честоновъ (*Посошкову*).

Авдѣй Михайловичъ! Мы всё молчимъ покуда,
А какъ разсердимся, такъ не было-бъ вамъ худо:
Сыграютъ и безъ васъ.

Посошковъ (*въ сторону*).

Не хочеть-ли ужь онъ...

Честоновъ.

Намъ стоитъ выкинуть всю ролю вашу вонъ.

Любскій.

Но какъ!...

Извѣдовъ.

Помилуйте! Да это сплошь бываетъ.

Любскій.

Неужели?

Извѣдовъ.

Одинъ лишь авторъ пострадаетъ,

А мы свое возьмемъ.

Посошковъ.

Но авторъ-то вѣдь я!

Любскій.

Твоя комедія и такъ галиматья:
Такъ все равно! (*Извѣдову*). Марай.

Посошковъ.

Но я вамъ не позволю...

Любскій.

Да! Стану я смотрѣть! (*Извѣдову*). Вымарывай всю ролю!

Посошковъ.

Помилуйте!

Любскій.

Ступай!

Честоновъ (*подавая карандашъ*).
А вотъ и карандашъ.

Посошковъ.
Какъ можно выкинуть главнѣйшій персонажъ?

Любскій.
А вотъ увидишь какъ!

Посошковъ.
Совсѣмъ не будетъ связи:
За чтожъ срамить меня при публикѣ, при князѣ...

Любскій.
Все это, душенька, зависитъ отъ тебя—
Играй!

Честоновъ (*Посошкову*).
Послушайте! Васъ искренно любя,
Я долженъ вамъ сказать, что это представленье...

Посошковъ.
Убьетъ комедию!...

Честоновъ.
Безъ всякаго сомнѣнья.
Вы знаете, кому охота разбирать,
Кто правъ, кто виноватъ...

Любскій (*Посошкову*).

Ну, что?

Посошковъ.
Пришлось играть!

Любскій.
Вотъ такъ-то лучше, братъ!

Посошковъ.
Но будьте справедливы.
Легко-ли мнѣ сносить! Они теперь счастливы,
А я...

Любскій.
А ты кричалъ: «Имъ надо роль пройти!
Не троньте ихъ!»...

Честоновъ (*въ боковыя двери*).
Теперь вы можете взойти.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Т в - ж е, В е л ь с к и й, О л е н ь к а и Л и л ь в е в ь (*въ костюмъ*).

О л е н ь к а.

Ахъ, дядюшка!

Ч е с т о н о в ь (*Оленькѣ*).

Смѣлѣй! Все кончилось прощеньемъ.

В е л ь с к и й (*Любскому*).

Одна любовь моя мнѣ служить извиненьемъ..

Л ю б с к и й.

Добро! Ужъ такъ и быть.

Л ю б с к а я.

И я прощаю васъ.

Ч е с т о н о в ь (*подводя къ Любскому Лилъева*).

А вотъ вамъ и актеръ!

Л ю б с к и й (*Лилъеву*).

Надѣлалъ ты проказы!

Не стыдно-ли тебѣ!

Л и л ь в е в ь.

Забудемте объ этомъ!

Ч е с т о н о в ь.

Ему не надобно сидѣть за туалетомъ:

Какъ видишь, онъ готовъ.

П о с о ш к о в ь (*Изъводу*).

Совсѣмъ не старикомъ

Одѣтъ.

Л ю б с к и й.

Такъ я могу разстаться съ парикомъ!

Долой его! (*Сбрасываетъ парикъ*). Теперь играйте какъ хотите!

П о с о ш к о в ь (*Оленькѣ*).

Ну, Ольга Дмитревна!..

О л е н ь к а (*присѣдая*).

Чтожъ дѣлать! Извините!

Любскій (*женѣ*).

А ты, сударыня, ступай теперь къ гостямъ.
(*Любская уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тв-же безъ Любской.

Любскій.

Ну, что-же, господа!

Извѣдовъ (*подводя Наташу*).

Позвольте ужь и намъ...

Любскій.

На всѣхъ пошло! И вы жениться захотѣли?

Извѣдовъ.

Когда позволите, на будущей недѣль...

Любскій.

Хоть завтра поутру; лишь только не теперь.

Гей, малый! Кто-нибудь! (*Входитъ слуга*). Смотри, чтобъ
въ эту дверь

Никто не проходилъ. (*Показываетъ направо*).

Посошковъ (*Вельскому и Оленькѣ*).

Подите, подрумяньтесь!

Вамъ такъ играть нельзя.

Извѣдовъ (*отворяя дверь направо*).

Пожалуйте!

Лилѣевъ (*Извѣдову*).

Останьтесь!

Я это сдѣлаю.

Посошковъ (*съ насмѣшкою*).

И вѣрно лучше всѣхъ.

Кто опытенъ, какъ вы...

Лилѣевъ.

Что значить этотъ смѣхъ?

Любскій.

Эхъ, полноте! (*Лилѣеву*). Ступай! (*Вельскій, Лилѣевъ и
Оленька уходятъ направо*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢЖЕ, БЕЗЪ ЛИЛѢВА, ОЛЕНЬКИ И ВЕЛЬСКАГО, А
ВСКОРЪ ВОЛГИНЪ.

Извѣдовъ.

Онъ сердится.

Любскій.

Вотъ то-то!

Къ чему шутить! И что за смертная охота
Дразнить Лилѣва!

Волгинъ (*за кулисами съ правой стороны*).

Прошу-же не толкать!

Слуга (*за кулисами*).

Нельзя, сударь!

Волгинъ (*орываясь насильно*).

Пусти!

Слуга.

Не велѣно пускать!

Посошковъ.

Возможно-ль! Прямиковъ!

Любскій.

Какъ, этотъ засѣдатель,

Что къ намъ въ актеры-то хотѣлъ?

Волгинъ (*Честонову*).

Ага, пріятель!

Ты спрятался! Да вздоръ! Тебя вездѣ найдутъ.

Скажи-ка мнѣ... (*Увидя Посошкова*). Ахти! Опять проклятый
шутъ!

И кажется хмѣлень...

Посошковъ.

Да чтожъ онъ въ самомъ дѣлѣ!

Вотъ я его! (*Кричитъ Волгину*). Зачѣмъ вы здѣсь? И какъ вы
смѣли?

Ступайте, сударь, вонъ!

М. ЗАГОСКИНЪ. Т. IX.

8

Волгинъ.

Ну, такъ! Совсѣмъ готовъ! (*Увидя Изъ-дова и Любскаго въ костюмахъ*).

Ахъ, батюшки! Да здѣсь коллекція шутовъ!
Одинъ, два... три!

Посошковъ (*подходя ближе къ Волгину*).

Вы что!—Упрямы или глупы?
Вамъ, сударь, сказано, что вы для нашей труппы
Не надобны,—и вамъ актеромъ не бывать!
Ступайте вонъ сейчасъ!

Волгинъ.

Прошу не приставать!
Послушай, братъ! Вѣдь я сердитъ! Эй, будетъ схватка!
(*Честонову*).
Уйми его! Кой чортъ! Присталъ, какъ лихорадка!

Честоновъ.

Не трогайте его!

Волгинъ.

Пожалуйста отстанъ!
Поди-ка, братъ, сюда! Вотъ такъ, поближе станъ!

Честоновъ.

Что значить твой прїѣздъ?

Волгинъ.

А это, сударь, значить.
Что Волгина никто никакъ не одурачить.
Ты что мнѣ обѣщаль? Твердилъ и то и се...
Нѣтъ, шутишь, душенька! Теперь я знаю все,
Подай племянника! Подай!

Честоновъ.

А что ты знаешь?

Волгинъ.

Что ты со мной и съ нимъ прескверно поступаешь;
Что всѣ вы за одно,—твой братъ, его жена
И даже Оленька. Сейчасъ Кутермина,
Матрена Саввишна, мнѣ всѣ пересказала.
Вотъ дѣло въ чемъ: у васъ актера не достало—
Такъ вы племянника ласкали для того,
Чтобъ онъ игралъ. Теперь вы держите его
Для вашихъ нуждъ, игры, комиссій и рассылокъ;
А послѣ этого забрѣте затылокъ?

Честоновъ.

Но выслушай меня!...

Волгинъ.

Нѣтъ! Я вѣдь не дуракъ...

Подай племянника!

Честоновъ.

Да онъ женатъ!

Волгинъ.

Кто!... Какъ!...

На комъ?

Честоновъ.

На Оленькѣ.

Волгинъ.

Когда-жъ они успѣли?

Честоновъ.

Сейчасъ лишь отъ вѣнца.

Волгинъ.

Неужто въ самомъ дѣлѣ?

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ВЕЛЬСКІЙ, А ВСКОРѢ ЛИЛВЕВЪ И ОЛЕНЬКА
(*выходятъ изъ лѣвыхъ дверей*).

Вельскій.

Ахъ, дядюшка! Вы здѣсь!

Волгинъ.

Поди сюда, пострѣль!

Такъ ты меня позвать на свадьбу не хотѣлъ?

Онъ женится, а я себѣ и въ усъ не дую.

Честоновъ.

Гдѣ Оленька? (*Лилвевъ и Оленька входятъ*).

Вельскій.

А вотъ она. (*Подводитъ ее къ Волгину*).

Рекомендую!

Честоновъ.

Его жена, мой другъ.

Волгинъ.

Я очень, очень радъ!

Прошу любить меня!... (*Вельскому*). Да точно-ль ты женать?
Смотри!

Честоновъ.

О! Въ этомъ нѣтъ сомнѣнья никакого.

Посошковъ.

Что это значить все? (*Любскому*). Вы поняли?

Любскій.

Ни слова!

Честоновъ (*Волгину, подводя его къ Любскому*).
А вотъ мой братъ.

Волгинъ (*Любскому*).

Съ тобой мы слишкомъ сорокъ лѣтъ

Не видѣлись...

Любскій.

Такъ вы?...

Волгинъ.

Гусарскій тожъ корнетъ,

Проказникъ, балагуръ, твой старый сослуживецъ,
Ну—Волгинъ!

Любскій.

Какъ?

Волгинъ (*обнимая его*).

Да, да! Ты былъ всегда счастливецъ.

И въ картахъ и въ любви; теперь, чай, не таковъ?

Честоновъ (*подводя Посошкова*).

Пріятель нашъ, Авдѣй Михайлычъ Посошковъ.

Волгинъ.

Неужели?

Честоновъ.

Вы съ нимъ немного посчитались...

Волгинъ.

Такъ вы, сударь, не шутъ?

Посошковъ.

Мы оба ошибались,
И я васъ принималъ совсѣмъ не за того.

Волгинъ.

Мнѣ, право, совѣстно...

Посошковъ.

И, сударь! Ничего!

Любскій.

А что—который часъ?

Извѣдовъ.

Безъ малаго ужъ восемь.

Любскій.

Пора-бы начинать.

Посошковъ.

Сейчасъ! (*Къ другимъ актерамъ*). Покорно просимъ!

Честоновъ (*Волгину*).

Пойдемъ-ка, милый мой! Посмотримъ молодыхъ.

Волгинъ.

Вотъ такъ-то бы всегда, безъ вычуровъ пустыхъ,
Женились, да и все! А то, глядишь, бѣдняжки
Прождали-бъ цѣлый годъ. Отстрочки, да оттяжки!
А все вѣдь я, мой другъ, ихъ свадьбой повернулъ.

Честоновъ.

Конечно, ты! Пойдемъ! (*Уходитъ*).

Волгинъ.

Насилу отдохнулъ.

Ступайте-же! (*Уходитъ на сцену*).

Посошковъ (*Лилѣву*).

Я васъ прошу: не молодитесь!

Играйте старика!

Лилѣвъ.

Тьфу, пропасть! Отвяжитесь!

Я знаю лучше васъ, какъ должно мнѣ играть.

(*Уходитъ*).

Посошковъ.

Ну, вотъ увидите! Онъ точно будетъ врать!

(*Всѣ уходятъ на сцену, кромѣ Наташи и Извѣдова*).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

И з в ѣ д о в ъ и Н а т а ш а.

И з в ѣ д о в ъ.

Я счастья своего никакъ не постигаю:
Афишку сочинилъ, женюсь—и самъ играю!

Н а т а ш а.

Все это хорошо; однако-же пойдемъ!

И з в ѣ д о в ъ.

Теперь сомнѣнья нѣтъ, театръ мы заведемъ.
И, вѣрно, съ честію поддержимъ наше званье!

Н а т а ш а.

Ну, чтожъ! Пойдемъ!

И з в ѣ д о в ъ.

Постой! Еще одно желанье:
Безъ этого, мой другъ, все прочее хоть брось;
А признаюсь, когда-бъ и это удалось—
Афишку бы тогда я въ рамочки повѣсилъ...

Н а т а ш а.

Чтожъ надобно?

И з в ѣ д о в ъ.

Чтобъ намъ похлопали изъ кресель!

К о н е ц ъ.

НЕДОВОЛЬНЫЕ

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ въ Большомъ Петровскомъ театрѣ
2 декабря 1835 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Иванъ Ильичъ Радугинъ	<i>Г. Щепкинъ.</i>
Анисья Дмитріевна Камская, его теща	<i>Г-жа Сибурова.</i>
Владиміръ, его сынъ	<i>Г. Ленскій.</i>
Княжна Наташа, его дочь	<i>Г-жа Пилова.</i>
Глинскій, знакомый князя Радугина	<i>Г. Потаниковъ.</i>
Запяткинъ, пріятель Владимира	<i>Г. В. Степановъ.</i>
Анюта, фавортка Анисьи Дмитріевны	<i>Г-жа Орлова.</i>
Шумиловъ, повѣренный князя Радугина	<i>Г. Соколовъ.</i>
Жоховъ, камердинеръ князя Радугина	<i>Г. Барановъ.</i>
Княгиня Глафира Саввишна Дутикова	<i>Г-жа Камша.</i>
Цустельгнъ	<i>Г. Живокини.</i>
Сундуковъ	<i>Г. П. Степановъ.</i>
Федосья Львовна Полканова	<i>Г-жа Божановская.</i>
Котоминъ	<i>Г. Пихиборовъ.</i>
Графъ Мишурскій	<i>Г. Щепинъ.</i>
Баронъ Турухтановъ	<i>Г. Орловъ.</i>
Молодой человекъ	<i>Восп. Максимъ 2-й.</i>
Федотъ, } слуги князя Радугина	<i>Г. Смоляниновъ.</i>
Иванъ, }	<i>Г. Миняевъ.</i>
Авонька, } слуги Анисьи Дмитріевны	<i>Г. Сахаровъ.</i>
Михей, }	<i>Г. Бодановъ 2-й.</i>
Слуга на искусственныхъ минеральныхъ водахъ	<i>Г. Петровъ.</i>

Посѣтители и посѣтительницы искусственныхъ минеральныхъ водъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату на половинѣ Анисьи Дмитревны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Анюта (входитъ изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны отъ зрителей; за ней служанка несетъ чайный приборъ).

Поставь сюда!... да тише! не разлей!

Подвинь же столъ къ дивану...

Ахъ, какъ ты неловка! Впередъ сама я стану
Готовить чай!... Подай побольше кренделей—
Вотъ тѣхъ, что принесли вчера намъ отъ графини!...

Глинскій (за дверьми).

Что, дома князь?

Михей (входя за Глинскимъ на сцену).

На этой половинѣ

Ихъ матушка изволитъ жить.

Глинскій.

Анисья Дмитревна?... Нельзя-ли доложить
Хоть ей...

Анюта (подходитъ къ Глинскому).

Иванъ Степановичъ!... Вы-ль это?

(Михей уходитъ).

Глинскій.

Что вижу? Боже мой!... Неужели Анюта?...
Да нѣтъ, не можетъ быть!

А н ю т а.

Такъ точно, это я.

Г л и н с к і й.

Да мы съ тобой старинные друзья.

А н ю т а.

Въ моемъ ребячествѣ я счастье имѣла.

Что вы...

Г л и н с к і й (*перерыва*).

Какъ выросла и какъ похорошѣла!

Ну что, мой другъ! Ты здѣсь по-прежнему въ чести?

Попрежнему ты въ званьи фаворитки?

Должна держать себя въ струнѣ, ходить по ниткѣ,

Сидѣть въ углу и кружева плести?

А н ю т а.

О, нѣтъ! я всею хозяйствомъ управляю,

Анисью Дмитревну стараюсь занять,

Играю съ ней въ лото..

Г л и н с к і й.

Такъ вотъ что? Поздравляю!

А что ея почтенный зять,

Князь Радугинъ?

А н ю т а.

Его дѣла не хороши.

Г л и н с к і й.

Неужели нашель онъ средство,

Недавно получа въ наслѣдство

Пять тысячъ душъ...

А н ю т а.

Остаться безъ души?—

Такъ это вамъ и чудно?

Помилуйте! У насъ въ Москвѣ не трудно

И вчетверо прожить. Одинъ Кузнецкій мостъ

Доѣдетъ хоть кого. По мясоѣдамъ балы,

Концерты въ постъ;

А эти господа, честные объѣдалы,

Которымъ все не въ честь...

Вы знаете, князь жалуешь поѣсть:

Зимою кушаетъ малину

И свѣжіе въ Крещенье огурцы;

То тысячъ пятьдесятъ заплатитъ за картину,

То самъ пойдетъ въ купцы,
Начнетъ мѣнять, даетъ придачи,
Въ Москвѣ разводитъ садъ, а самъ живетъ на дачѣ...
Ну, послѣ этого прошу сводить концы!

Глинскій.

Да, это не легко! Такъ, видно, имъ придется...

А н ю т а.

Въ деревню поскорѣй.
За то ужъ какъ Россіи достается:
«Жилище варваровъ, звѣрей;
Земля, гдѣ головы всѣ пусты,
Гдѣ, кромѣ огурцовъ, да кваса и капусты,
Не знаютъ ничего».—Ну, словомъ—день и ночь
Кричатъ одно и батюшка и дочь,
А пуще сынъ...

Глинскій.

А! этотъ парижанинъ,
Полуфранцузовъ всѣхъ наставникъ и герой?

А н ю т а.

Онъ на дуэли былъ слегка недавно раненъ;
Поссорился за карточной игрой.

Глинскій.

Такъ онъ игрокъ?

А н ю т а.

О, нѣтъ! Одно лишь наслажденье
Имѣетъ онъ въ виду. Запяткинъ, другъ его,
Мнѣ изъяснилъ, что онъ играетъ для того,
Чтобъ чувства приводить въ волненье
И нервы потрясать.

Глинскій

Запяткинъ?... Это кто?

А н ю т а.

Да какъ-бы вамъ сказать?...
Онъ не въ большихъ чинахъ, не знатенъ онъ по роду,
Не служить онъ, затѣмъ что любить страхъ свободу.
И потому на счетъ другихъ живетъ;
Все русское клянеть,
Злословьемъ князя забавляетъ;
Чужіе знаетъ всѣ грѣхи;
Въ журналы отдаетъ безденежно стихи,
А деньги въ карты промышляетъ.

Глинскій.

Скажи, мой другъ, а часто ли у васъ
Племянникъ мой?

Анюта.

Андрей Ивановичъ Лидинъ?

Глинскій.

Ну, да?

Анюта.

Онъ каждый день у насъ.

Прекрасный молодець, собою очень видень,
Привѣтливъ, добръ—а какъ уменъ!

Ну, право, лучше я мужчины
Не знаю здѣсь.

Глинскій.

И онъ къ вамъ ѣздитъ безъ причины?

Анюта.

Не думаю.

Глинскій.

А что?

Анюта.

Онъ, кажется, влюбленъ.

Глинскій.

Влюбленъ!... Въ княжну?

Анюта.

Помилуйте, въ кого-же?

Неужто въ бабушку? Вѣдь внучка помоложе.

Глинскій

А что она?

Анюта.

Быть можетъ, и она

Немножко влюблена,

А, впрочемъ, не ручаюсь:

Я мало съ ними обращаюсь,

Такъ истинно не знаю и сама.

Вотъ если-бы онъ былъ не просто дворяниномъ,

А графъ, иль князь, хотя бъ съ хорошимъ чиномъ,

То вѣрно-бъ свель ее съ ума;

Но онъ похвастаться не можетъ знатнымъ саномъ,

Не князь, и служить капитаномъ...

Глинскій.

И такъ, ты думаешь...

А н ю т а.

Да, года три назад,
Ему-бъ навѣрно отказали...

Г л и н с к и й.

Три года!... А теперь?

А н ю т а.

Теперь смириѣ стали.
Княжнѣ лѣтъ подь-тридцать, Андрей Ивановичъ богатъ;
Хоть ей не хочется съ сѣятельствомъ разстаться,
Да дѣлать нечего, когда пришла бѣда,
Вѣдь капитаншей быть все менѣе стыда,
Чѣмъ отъ долговъ въ деревню закопаться.

Г л и н с к и й

Ну, жаль-же мнѣ его!

А н ю т а.

И я о немъ тужу.
Что если-бъ вы...

Г л и н с к и й.

Оставимъ это.

Могутъ-ли я твою увидѣть госпожу?

А н ю т а.

Анисья Дмитревна давно уже одѣта
И въ эту горницу придетъ сейчасъ.
Она здѣсь чай изволить кушать,
Приказы отдавать и рапорты всѣ слушать.

Г л и н с к и й.

Какъ рапорты?...

А н ю т а.

Да такъ - своя полиція у насъ:
Анисья Дмитревна Покровкой управляетъ.

Г л и н с к и й.

Покровкой!... Что за вздоръ!

А н ю т а.

Васъ это удивляетъ?
Ну, видно, что давно вы не были въ Москвѣ!
Побудьте-ка у насъ недѣльки двѣ,
Такъ мы васъ выучимъ.—Повздорить-ли съ сосѣдомъ.
Его жилецъ, иль кто помолвитъ дочь,
Иль выпьетъ лишнее за дружескимъ обѣдомъ,

Иль въ карты проиграетъ ночь,
Съ женою мужъ-ли побранится,
Иль кто задумаетъ жениться,
Кому отказъ, кому успѣхъ,
И горе всякое, и всякій смѣхъ,
И, словомъ, все, что здѣсь случится,
Мы знаемъ прежде всѣхъ.

Глинскій.

Ну, нечего! дворянская забава!
Поэтому вашъ домъ...

Анюта.

Ни дать, ни взять—управа.
Отъ нашихъ сыщиковъ никакъ не ускользнешь:
Весь домъ на томъ стоитъ, а пуще два лаяя!
Нигдѣ шпионовъ не найдешь
Противъ Аюньки и Михея.
Но тише!... Вотъ она,
И, кажется, сердита.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Анисья Дмитріевна.

Анисья Дмитріевна (*не замѣчая Глинскаго*).

Въ диванной два стекла разбито,
Гостиная совсѣмъ не убрана,
Въ присадникѣ потоптаны всѣ грядки...

Анюта.

Анисья Дмитревна!

Анисья Дмитріевна.

Молчи!... Садовникъ пьянъ..

Анюта.

Сударыня!...

Анисья Дмитріевна.

Ну, вотъ какіе безпорядки!
Держи людей!... Отъ нихъ убытки да изьянъ,
А проку ни на грошъ!—Одинъ неблагодаренъ,
Другой лѣнивъ какъ баринъ,

Тоть пьяница, тотъ воръ:
Да вотъ постой! Лишь только-бы наборъ—
Въ солдаты всѣхъ!...

А н ю т а.

Взгляните, передъ вами...

А н и с ь я Д м и т р і е в н а (*увидя Глинскаго*).
Иванъ Степановичъ!... Какими чудесами?
(*Глинскій цѣлуетъ у нея руку*).
Давно-ли здѣсь?

Г л и н с к і й.

Вчера пріѣхаль по-утру.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Прошу покорнѣйше садитесь!

(*Анисья Дмитриевна садится на кресло. Глинскій на стулъ; Анюта стоитъ подлѣ Анисьи Дмитриевны, которая, садясь, кладетъ на столикъ платокъ и табакерку*).

Ну, можно-ли такъ мало измѣниться!

Нѣтъ, батюшка, постой!... Очки протру!...

Да ты никакъ живой хлебнулъ водицы:

Совсѣмъ не постарѣлъ!

Съ дороги, кажется, немного загорѣлъ,

А, право, молодець!—Ну, что твой сестрицы?

Забилась далеко отъ матушки Москвы?

Здоровы-ли онѣ?

Г л и н с к і й.

Здоровы всѣ. А вы?

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Охъ, худо, мой отецъ! Стара и дѣло вдовье—

Такъ тутъ какое ужъ здоровье!

На старости за всѣмъ присматривай сама;

А люди у меня ужъ такъ избаловались,

Что мочи нѣтъ!—Ну, что моя кума,

Ирина Саввишна? Мы съ ней давно разстались;

Чай, очень ужъ дряхла?

Г л и н с к і й.

О, нѣтъ!

Она еще совсѣмъ здорова.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

А, кажется, сложенія сырого,

И сверхъ того однихъ со мною лѣтъ..

И то сказать: нельзя всѣхъ мѣрить въ свою мѣрку,
Кому что дать Господь! (*Аюта*). Открой мнѣ табакерку!
Да ты то, батюшка, каковъ? Ну, что твой бокъ?
(*Аюта подаетъ открытую табакерку; Анисья Дмитриевна
тохаетъ*).

Глинскій.

Болишь попрежнему?

Анисья Дмитриевна.

Болишь? Охъ, это худо!
Да вотъ постой! У насъ Москвѣ есть докторъ—чудо!
Иванъ Фомичъ—я васъ сведу (*Аюта*). Подай платокъ!
Онъ нѣмецъ, батюшка!

Глинскій.

Теперь хорошихъ много

И русскихъ докторовъ.

Анисья Дмитриевна.

И—полно, ради Бога!
Гдѣ русскимъ докторамъ лѣчить!
Ну, ихъ-ли это дѣло?
Пожалуй и меня племянница хотѣла
Увѣрить, что въ Москвѣ умѣютъ ихъ учить;
Да вздоръ! Умны ужъ больно стали;
Объ этомъ въ старину слыхомъ мы не слыхали.
Эй, батюшка, возьми Ивана Фомича!
Я ревматизмомъ годъ страдала отъ плеча,
Онъ вылѣчилъ.

Глинскій.

Да я лѣчиться не намѣренъ;
А, можетъ быть, попью искусственныхъ здѣсь водъ...

Анисья Дмитриевна.

Что на Остоженкѣ? Гдѣ модныйъ весь народъ
Баклуши бьетъ?

Глинскій.

Ну, да! и я почти увѣренъ,
Что облегченье получу.

Анисья Дмитриевна.

О, Господи!... но спорить не хочу:
Вѣдь всѣ съ ума сошли, у всѣхъ одно и то-же:
Володенька, княжна, и князь Иванъ Ильичъ,
И, словомъ, всѣ такую порячь дичь,
Что истинно на дѣло не похоже!

Ну, пусть-бы молодежь, а то и старики
Туда-жь кричать: не воды, чудо!
А знаешь-ли, берутъ откуда

Эго чудо?

Да просто изъ Москвы-рѣки!

Глинскій (*улыбаясь*).
Нѣтъ, шутите!

Анисья Дмитріевна.
Смотри пожалуй, онъ хохочетъ!
Ахъ, мой Творецъ! Какъ всё ослѣплены!
Какъ будто-бы обѣлись бѣлены:
Никто и вѣрить мнѣ не хочетъ.
Вотъ также и вчера часъ битый Вельскій вралъ...
А, кстати! Знаете-ль? Вѣдь онъ ужъ генераль!...

Глинскій.
Кто?... Вельскій?

Анисья Дмитріевна.

Да.

Глинскій.

Такъ чтожь?

Анисья Дмитріевна.
Какъ что? Мальчишка!
Давно-ли у него былъ маленькій чинишка?...

Глинскій.
Онъ въ службѣ тридцать лѣтъ; такъ, право, не грѣшно...
Анисья Дмитріевна.
Ужь Вельскій генераль!... Подумать-то смѣшно!...
Я помню, въ курточкѣ ходилъ!... и какъ не стыдно...

Глинскій.
За что-же обходить служащихъ безъ вины?
И если всѣмъ даютъ за выслугу чины...

Анисья Дмитріевна.
Чины!—Кому?... Подумать-то обидно!
Да ты не знаешь видно,
Что Вельскому отцомъ роднымъ
Былъ просто сдаточный, а дѣдъ былъ крѣпостнымъ.

Глинскій.
Такъ чтожь! Тому и больше чести,
Кто самъ собой, безъ происковъ и лести,

Безъ знатнаго родства, однимъ своимъ умомъ,
Талантомъ, иль трудомъ
Проложить для себя блестящую дорогу

Анисья Дмитриевна.
Помилуй, батюшка, да этакъ понемногу...

Глинскій.
Не бойтеса, не всѣмъ талантъ Господь даетъ.

Анисья Дмитриевна.
Да всѣмъ даютъ чины. Давно я замѣчаю,
Что все у насъ навыворотъ идетъ:
Купцы не пьютъ вина, давай имъ чаю;
Мѣщане лѣзутъ въ господа,
А господа идутъ въ студенты;
Ужъ первый чинъ схватить невозможно безъ труда—
На все ученье, да патенты!
Ужъ стали грамотѣ учить простой народъ,
И всякій лавочникъ толкуетъ про балансы!...
Въ Москвѣ шоссе да дилижансы,
А въ Питерѣ какой-то пароходъ,
Лихія болѣсти да выдумки пустыя!
Ну, словомъ—все поставили вверхъ дномъ...
Мы люди, батюшка, простые,
Такъ просто говоримъ.

Глинскій.
Позвольте мнѣ въ одномъ
Немножечко поспорить съ вами.
Дурнымъ хорошее не надо называть.
У насъ есть также люди съ головами,
Такъ стыдно отъ другихъ въ полезномъ отставать:
Художества, искусства и науки
Для пользы общей созданы,
Они идутъ впередъ, и если всѣмъ даны
И здравый смыслъ и руки —
Такъ почему-жь и намъ..

Анисья Дмитриевна.
Мы знаемъ эти штуки!
Разсказывай!... Какія здѣсь науки?
Ужъ намъ хитрить!... да съ нашимъ-ли умомъ?
Мы развѣ иностранцы?
Мы русскіе!...

Глинскій.
Подчасъ и въ этомъ самозванцы,
Но, къ счастью, не всѣ.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Подумали-бъ о томъ,

Что все пришло въ забвенье,

Что даже и въ Москвѣ ни къ роду, ни къ лѣтамъ

Нѣтъ должнаго почтенья;

Все разночинцы по мѣстамъ..

Кому житье?—Однимъ повѣсамъ.

Бывало, въ старину, отецъ въ чести и съ вѣсомъ,

Такъ сынъ въ пеленкахъ офицеръ;

Чтожъ нынче, напримѣръ?

Чиновный человекъ — посмотришь: что за рожа!

Откуда взялся! и даже не москвичъ!

А столбовой, хоть князь Иванъ Ильичъ,

Безъ мѣста, батюшка, а чѣмъ онъ не вельможа?

Открытый дворъ, шпалеры на стѣнахъ,

Сервизъ серебряный, услуга въ галунахъ,

Всегда приѣздъ—и чтожъ? Вотъ ровно три недѣли

Писаль онъ въ Петербургъ, а все отвѣту нѣтъ.

Г л и н с к и й.

Такъ хочеть онъ служить?

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Да! принялъ мой совѣтъ.

Эхъ, батюшка; когда-бъ цѣнить людей умѣли,

Такъ вотъ министр! Осанка, видъ, приемъ,

Все барское—ума палата.

Г л и н с к и й.

О, спору нѣтъ! Талантовъ много въ немъ,

Да жаль, что онъ служилъ всегда сверхъ штата,

И, кажется, былъ вѣчно въ отпуску.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Такъ что-же, батюшка?

Г л и н с к и й.

Кто быть министромъ хочеть,

Тотъ долженъ послужить.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Ну, вотъ о чемъ хлопочеть!

Ты этой службою нагонишь мнѣ тоску!

И развѣ онъ на службѣ не считался?

Онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ нужно потолкался,

Гдѣ слѣдуетъ, друзей умѣлъ нажить...

Глинскій.

Охота есть, толкайтесь въ прихожей;
Но чтобъ достойнымъ быть вельможей
Такъ надобно служить.

(Вставая).

Да я никакъ ужь слишкомъ заболтался.
Пора!

Анисья Дмитриевна.

Куда спѣшишь? Обѣдать бы остался...

Глинскій.

Мнѣ ѣхать надобно сейчасъ такую даль,
Что я...

Анисья Дмитриевна.

Ну, Богъ съ тобой!

Глинскій *(откланиваясь)*.

Мнѣ, право, очень жал...

Анисья Дмитриевна *(проводящая)*.

И, батюшка! Не ты, а мы въ потерѣ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-жѣ безъ Глинскаго, а вскорѣ Аюнька и
Михей.

Анисья Дмитриевна *(садится за столъ и нали-
ваетъ себѣ чай)*.

Хорошъ и этотъ гусь!... И онъ туда же вретъ,

Что все идетъ у насъ впередъ.

Другіе хоть и врутъ, да все, по крайней мѣрѣ,

Не хвалятъ нашъ дурачкѣй вѣкъ;

А этотъ добрый человекъ—

Голубчикъ мой! всѣмъ, батюшка, доволенъ!

Эхъ, жаль, что князь Андрей Петровичъ боленъ:

Ужъ онъ бы доказалъ ему,

Что нынче всѣ негодны ни къ чему:

Что наша молодежь...

(увидя вошедшихъ Аюньку и Михея).

Вы здѣсь?... Ну, чтожь вы стали?

Что видѣли вчера? О чемъ узнали?

Начни хоть ты, Михей!

М и х е й (*низко поклонясь*).
Сейчасъ я былъ по вашему приказу
У Фрындиной; она больна.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
И вѣрно съ глазу?
Куда глупа, Богъ съ ней!

М и х е й.
Не съ глазу, матушка, а развѣ отъ досады;
На всѣхъ прогнѣвалась, позорить безъ пощады,
А पुще барина и дочь.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
За что?

М и х е й.
Да такъ! Мусью французъ отходить прочь.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
Неужели?

М и х е й.
Его Бирюлькина сманила.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
Ну, такъ, я знала напередъ!
Ужъ то-то, чай, ему и то и се сулила;
Да съ нею онъ не долго наживетъ,
У ней вѣдъ каждый годъ обновка,
То нѣмецъ, то французъ. А что ея золовка?

М и х е й.
Матрена Власьева? Не очень вссела:
Вчера послѣднюю деревню продала.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.
Негодная мотовка!
Пустила по міру и мужа и дѣтей,
Да ништо ей!
Теперь, я думаю, потише стала:
Не чванится, а то бывало
Швыряетъ деньгами, ну, вотъ ни дать, ни взять,
Какъ князь Иванъ Ильичъ, почтеннѣйшій мой зять.
Нѣтъ, матушка! За нимъ тягаться-то накладно.
А что его дѣла?

М и х е й.
Ходилъ въ надворный судъ
И спрашиваль...

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.
Ну, что?

М и х е й.

Да мало-ли что врутъ.

И то и се, а, кажется, не ладно.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Вотъ то-то же! Эхъ, князь Иванъ Ильичъ!
Умень ты на словахъ, а тамъ, глядишь по справкѣ,
Анъ вышло—сглуповаль! Ну, трудно-ли постичь,

Что быть въ долгахъ и жить въ отставкѣ

Нельзя никакъ: таковъ ужъ нынче свѣтъ,
Никто по векселю и на годъ не отсрочить.

Теперь о мѣстѣ онъ хлопочеть,

А мѣста нѣтъ, какъ нѣтъ!

Да вотъ авось-либо получить онъ отвѣтъ;

А нечего сказать, пора добиться толку,

Вѣдь зубы положить не весело на полку,

Всть надобно. Ну, что?... Еще чего-нибудь

Не знаешь-ли? Смотри не позабудь!

М и х е й.

Кой-что, сударыня, все сущія бездѣлки:

У Ольгиной въ дому большія передѣлки;

Агуевъ промѣнялъ трехъ гончихъ и псара

На двухъ борзыхъ. Еще-жъ подъячій изъ палаты

Мнѣ сказывалъ, что ихъ секретаря

Со свѣту гонить предсѣдатель,

За взятки будто-бы.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Ахъ, мой Создатель!

Какое же онъ! Другимъ ворами

Потачки нѣтъ, а самъ-то, мой кормилецъ,

Безсовѣстный! Къ нему, чай, съ заднихъ крылецъ

Просители не ходятъ по утрамъ?

Вотъ такъ-то всё: къ чужимъ грѣхамъ

Въ насъ нѣтъ ни мало снисхожденья.

О, Господи! Прости намъ прегрѣшенья!

Мы всё на томъ стоимъ:

Другихъ ругаемъ и бранимъ,

А насъ попробуй—тронь-ка!

Такъ Боже упаси!... Ну, что молчишь, Аеонька!

Разсказывай! Что новаго узналъ,

Гдѣ былъ?

Аеонька.

У Волгиныхъ въ гостяхъ, и такъ былъ встрѣченъ,
Что еле живъ теперъ: насилу всталъ.

Анисья Дмитріевна.

Что сдѣлалось съ тобой?

Аеонька.

Я вовсе изувѣченъ,
И какъ еще на Божій свѣтъ гляжу!

Анисья Дмитріевна.

Но кто и какъ?

Аеонька.

Я все въ подробность доложу.

Вчера послали вы меня узнать отъ Сицкой,
Побѣдетъ ли она въ Орель на этихъ дняхъ;
Вотъ я иду тихонько по Мясницкой,
Гляжу, у Волгиныхъ весь домъ горитъ въ огняхъ.

«Какой банкетъ они справляютъ?»

Подумалъ я; «не худо-бъ заглянуть.»

Войти нельзя, меня въ дому ужъ знаютъ,
А окна высоки. Самъ чортъ никакъ шепнуть
Мнѣ вздумалъ на-ухо! За лѣстницей бѣгомъ,

Сыскалъ, принесъ... взглянулъ кругомъ:

Прохожихъ нѣтъ. Я ну-ка помаленьку,

Тихонько, да ползкомъ

Придвинулъ лѣстницу, поставилъ подъ окномъ,
И только лишь ступилъ на первую ступеньку,
Какъ двери хлопъ—и Волгинъ самъ какъ тутъ.

«Ага! ты здѣсь?... Попался плутъ!

..Постой!»—Вотъ я туда—сюда, не тутъ-то было!

Народу куча привалила,

Схватили молодца.

«Зачѣмъ стоишь у нашего крыльца?»

—Я мимо шелъ, увидѣлъ плошки

И только что взглянулъ.—«Зачѣмъ смотрѣлъ въ окошки?»—

— Вы видите, какая грязь,

Я шелъ сторонкою.—«Вотъ я тебѣ!»—Позвольте,—

Сказалъ я, прибодрясь,—

Хоть я не кто другой, а драться не извольте.

«Ты плутъ, шпіонъ!»—Анъ-нѣтъ, сударь, совсѣмъ не то!—

Какъ вдругъ онъ, матушка, снаскоку,

Брякъ въ щеку!—

— Помилуйте, за что?

«А вотъ за что!»—Да хльсть въ другую...

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Ахъ, батюшки! Съ чего онъ волку взялъ такую,
И какъ онъ смѣлъ?...

А ѳ о н ь к а.

Ужъ онъ меня каталь, каталь!

Натѣшился, отсталъ,
Людишки приняли... Ну, вѣрите-ль, не зналъ,
Какъ вырвался, какъ до дому добрель...

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Ужъ я-жь его, мерзавца, доконаю!
Съ ума что-ль онъ сошелъ?
Кого онъ смѣлъ обидѣть?
Лишь только-бъ Богъ привелъ
Его хоть гдѣ-нибудь увидѣть:
Все разомъ отпою.—Смотри, какой бунякъ!
И кто онъ самъ таковъ? Давно-ль завелъ крестьянъ?
Давно-ли дворяниномъ?
Вѣдь дѣдушка его былъ здѣшнимъ мѣщаниномъ,
А мать купчихою; хоть это не порокъ,
А нечѣмъ хвастаться;—онъ самъ ангикъ ходячій,
Воришка, взяточникъ, подъячій:
И братцы хороши: меньшей игрокъ,
А старшій пьяница, жена его болтунья,
Невѣстка сплетница, золовка лгунья;
Изъ двухъ зятевъ
Одинъ дуракъ, всѣ дочери кривляки,
А сыновья—невѣжи, забіяки...

А ѳ о н ь к а.

Да у него нѣтъ вовсе сыновьевъ.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Какъ нѣтъ? Да все равно! Лишь только-бы родились,
А то ужъ будутъ сорванцы,
За это я берусь.

М и х е й.

Я, чай, у нихъ гонцы

Разосланы вездѣ; они давно хвалились,
Что отъ своихъ отучать насъ дверей.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Хвалились? Боже мой!... За докторомъ скорѣй!
Охъ, душно!... Хвалились!

Анюта.

Онъ вретъ, не можетъ статься...

Анисья Дмитриевна.

Молчи! Такой афронтъ ужасный получа,

Нельзя мнѣ въ люди показаться!

Охъ, батюшки!... Скорѣй Ивана Фомича!

Анюта.

Поступокъ Волгиныхъ, не спору я, обиденъ,

Но стоять ли они...

Слуга (*входя въ комнату*).

Андрей Ивановичъ Лидинъ.

Анисья Дмитриевна.

Сегодня никого я видѣть не хочу!

Хвалилися!... И кто-жь? Добро-бы люди!...

Охъ, спазмы!... Здѣсь!... У самой груди!...

Анюта.

Пойдемте къ вамъ!

Анисья Дмитриевна.

Пойдемъ!... Ужь я-жь имъ отплачу!

КОНЕЦЪ ПЕРВОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату на половинѣ князя Радугина. Вечерь. Въ простѣнкахъ горятъ лампы. На авансценѣ: столы, кампѣ и нѣсколько креселъ. — Въ срединѣ и по бокамъ двери.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Владиміръ и Запяткинъ (*входятъ изъ среднихъ дверей*).

Владиміръ (*смотритъ на часы*).

Девятый часъ!... Я думалъ, что позднѣе.

(*Звѣсть*).

Сегодня, кажется, отъ скуки я умру.

Запяткинъ.

Да развѣ мы не ѣдемъ на игру?

Владиміръ.

Нѣтъ, cher ami! Соснуть гораздо бы умнѣе:
Я такъ изломанъ, такъ усталъ!

Запяткинъ.

Какъ хочешь, князь! я въ общество попалъ
Чудесное, мой другъ! Есть партія для виста,
И банчикъ есть, и даже есть бостонъ;
Всѣ съ деньгами, играютъ чисто,
У всѣхъ прекрасный тонъ,
Хозяйка милая, и—что отмѣнно рѣдко,—
Въ ней русскаго ни крошки нѣтъ!
Ловка, умна, немножечко кокетка,
Жила въ Италіи пять лѣтъ
И вышла замужъ тамъ, да что-то ей съ супругомъ
Не очень пожилось, такъ онъ налѣво кругомъ,
Въ Италію назадъ—теперь и слѣдъ простылъ.
А жаль! Онъ малый добрый былъ
И смиренъ какъ ягненокъ.

Владиміръ.

Да что она, стара?

Запяткинъ.

Конечно, не ребенокъ;
За то, мой другъ, талантами беретъ.
Рисуетъ какъ Вандикъ, танцуетъ всѣмъ на диво,
И *танги пальтита* ужасно какъ поетъ.

Владиміръ

Поетъ?...

Запяткинъ.

Теперь немножечко фальшиво,
А славно пѣла въ старину!

Владиміръ.

Чтожъ бѣдный мужъ?

Запяткинъ.

Найдеть себѣ жену—

Въ Неаполѣ ихъ много.
Поѣдемъ, душенька!

Владиміръ.

Ну, такъ и быть, изволь!
Но только въ часъ домой.

Запяткинъ.

Ужь въ часъ? Къ чему такъ строго?
А ужинать?

Владиміръ.

О, нѣтъ, отъ ужина уволь!
Я воды пью.

Запяткинъ.

Охъ, эти воды:
Ты пьешь—зачѣмъ?

Владиміръ.

Да такъ!

Запяткинъ.

Для моды?

Владиміръ.

Вотъ вздръ какой! Я пью затѣмъ, чтобъ пить,
Чтобъ время какъ-нибудь убить.

Запяткинъ.

И только-то?

Владиміръ.

О, нѣтъ! Причина осталъная

Сильнѣе всѣхъ... Тамъ есть одна больная..

Она пьетъ Спрудель, я Нарзанъ...

Она больна—и я страдаю отъ недуга..

А какъ мила!... Лицо, походка, станъ,

Прелестно все! Въ глазахъ весь пламень юга,

Въ улыбка тьма восточныхъ думъ...

А что за взглядъ!... Какая ножка!

Какіе волосы, мой другъ!... Глупа немножко,

Да что до этого? Къ чему для женщинъ умъ?

Запяткинъ.

Чтобъ быть еще милѣй.

Владиміръ.

Какое заблужденіе!

Да женщины съ умомъ прескучныя творенья.

Запяткинъ.

Такъ чтожь онъ?

Владиміръ.

Сейчасъ рѣшу вопросъ,
Но только чуръ нейти въ доносъ!
Всѣ женщины, мой другъ, какъ дѣти:
Ихъ надо забавлять, имъ должно льстить,
Побольше подличать, поменьше ихъ любить,
И вещи брать, какъ есть онѣ на свѣтѣ,
А то себя и ихъ со скуки уморишь.
Люблю за это я Парижъ—
Для всѣхъ хорошихъ пріятнѣй нѣтъ столицы:
Мужчины тамъ рабы, а женщины царицы,
Ихъ воля—нашъ законъ; имъ это говорятъ,
Ихъ тѣшатъ какъ дѣтей, какъ куколь наряжаютъ,
И если женщинъ тамъ не очень уважаютъ,
За то боготворятъ.

Запяткинъ.

По мнѣ такъ жребій ихъ завиденъ;
Но если-бы слышала это Лидинъ?...

Владиміръ.

О, Боже сохрани! Вчера онъ по-утру
Часть битый увѣрялъ бѣдняжечку сестру,
Что будетъ уважать жену свою, какъ друга;
Что добрая и кроткая супруга
Должна для мужа только жить;
Что онъ одной женою будетъ занятъ,
Но боготворить ея не станеть,
А будетъ вѣкъ любить,
И прочее.

Запяткинъ.

Ну, чтожъ твоя сестрица?

Владиміръ.

Отдѣлала!

Запяткинъ.

Она на это мастерица.
А Лидинъ что?

Владиміръ.

Совсѣмъ погибъ!

Сестра такъ тѣшилась надъ кроткою женою,
Что бѣднаго холодный потъ прошибъ

Запяткинъ.

Я думаю,—шутить невыгодно съ княжною.
Да что онъ за чудакъ!

В л а д и м і р ь.

Онъ вовсе не орелъ, однакожъ, не дуракъ,

И есть какъ будто-бъ просвѣщенъ;

Но что за пошлыя сужденья!

Что скажетъ, то совереть,

Смѣшной онъ патриотъ,

Ужасный старовѣръ, невѣжда запоздалый...

А, впрочемъ, добрый малый.

З а п я т к и н ь.

Да что въ немъ добраго? — Солдатъ изъ-подъ ружья!

На что годится онъ?

В л а д и м і р ь.

И, душенька! въ мужья;

На это онъ отменно какъ пригоденъ.

Да кстати, cher ami! Поздравь, вѣдь я свободенъ.

З а п я т к и н ь.

Свободенъ? Какъ?...

В л а д и м і р ь.

Я больше не служу.

З а п я т к и н ь.

Давно-ли ты въ отставку вышелъ?

В л а д и м і р ь.

Вчера. Объ этомъ здѣсь никто еще не слышалъ,

И даже мой папа. Я все тебѣ скажу:

У должности я не былъ три недѣли,

Являюся—меня трактуютъ какъ пшца,

Мнѣ выговоръ!

З а п я т к и н ь.

Неужто въ самомъ дѣлѣ?

В л а д и м і р ь.

Начальникъ мой—ты знаешь этого глупца—

При всѣхъ сказалъ, что стыдно мнѣ шататься,

Что должно дѣломъ заниматься,

А дѣло что?—Безсмыслица и вздоръ!

Вотъ я вступилъ съ нимъ въ жаркій споръ

И доказалъ ему, что вретъ онъ очевидно.

Чтожъ онъ, мой другъ?—И вспомнить-то обидно!—

Молчать велѣлъ!

З а п я т к и н ь.

Какой ужасный деспотизмъ!

В л а д и м и р ь.

«Къ тому-жъ», примолвилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой,

«У васъ на всякой строчкѣ галицизмъ,

«И слово каждое съ ошибкой.

«Учитесь грамотѣ». Такой обидный тонъ

Взбѣсилъ меня! Когда-жъ онъ, къ этому въ прибавку,

Осмѣлился сказать: «Подите, сударь, вонъ!»—

Я тотчасъ объявилъ, что подаю въ отставку;

Что въ руки не возьму пера;

Что службою у насъ лишь только тотъ доволенъ,

Въ комъ нѣтъ души. И чтожъ? Вдругъ узнаю вчера,

Что я отъ службы ужъ уволенъ,

И что мнѣ выдадутъ прескверный аттестатъ.

Тѣмъ лучше—очень радъ!

Я посмѣюсь надъ этой отсталюю

Толпой невѣждъ, глупцовъ, и докажу,

Какъ мало дорожу

Ихъ вздорной похвалою

З а п я т к и н ь.

Брависсимо, мой другъ! Позволь себя обнять!

Ну, какъ, подумаешь, судьбу не обвинягъ:

Съ такими чувствами, съ такой душою,

Почти турецкимъ быть шапою,

Быть русскимъ!... Боже мой!

В л а д и м и р ь.

Судьба, mon cher, слѣпа,

Могло-бъ и хуже быть. Да вотъ и нашъ пѣпа.

Съ повѣреннымъ своимъ и, кажется, не въ духѣ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же, князь, Радугинъ и Шумиловъ, *(выходятъ изъ боковыхъ дверей)*.

Князь *(Шумилову)*.

Все это вздоръ, одни пустые слухи;

И что мнѣ твой надворный судъ?

Ш у м и л о в ь.

Я вашему сѣятельству не смѣю

Пустое говорить; возьмите сами трудъ,

Извольте посмотреть!

(Подаетъ ему бумаги).

Князь.

Отстань! (*Увидя Запяткина*). А! честь имѣю!
Запяткинъ! Здравствуйте!

(*Подаетъ ему руку*).

Шумиловъ.

Одно изъ вашихъ дѣлъ
Ужъ кончено и, кажется, рѣшенъе
Надворнаго суда, чтобъ ваше все имѣнъе
Въ Орловской волости...

Князь.

Эхъ, братецъ, надоѣлы!

Шумиловъ.

Село Борисовку, Котлы...

Князь.

Спроси газеты;

Да если съ почты есть пакеты,
Вели подать. Ну, что стоишь? Пошелъ! (*Шумиловъ уходитъ.*
Запяткину).

Вы нынче, кажется, обѣдали не въ клубѣ?

Запяткинъ.

Не могъ: я обѣщаль давно одной особѣ...

Князь (*грозясь пальцемъ*).

И вѣрно женщинѣ?...

Запяткинъ (*заминая рть*).

А что хорошъ былъ столъ?

Князь (*съ большою важностью*).

Да такъ! Вѣдъ лучший поваръ боленъ,
И я жаркимъ былъ очень недоволенъ,
За то подъ соусомъ телячія ушки,
А лучше и того съ вареньемъ пирожки
Отличные! Одни могли бы быть еще послаще,
И масла, кажется, пропорція мала,
Но, впрочемъ, хорошо. Чтобъ ихъ готовить чаще,
Я подаль голось мой. Какъ встали изъ стола,
Объ этотъ начались сужденья,
Различныя явились мнѣнья—
Пошли на голоса,
И пѣлыхъ два часа
Такія были пренья,

Что я отъ крику онѣмѣлъ.
Князь Викторъ пуще всѣхъ шумѣлъ.
Но я убилъ его однимъ вопросомъ.

З а п я т к и н ъ.

А что?

К н я з ь.

Да такъ! Спросилъ: обѣдалъ онъ или нѣтъ?
А онъ, чтобъ не платить бездѣлки за обѣдъ,
Лишь только завтракалъ.

З а п я т к и н ъ.

Такъ князь остался съ носомъ?

К н я з ь.

И мигомъ прикусилъ языкъ. (*Входитъ слуга и подаетъ князю газеты*).

З а п я т к и н ъ (*тихо Владимиру*).

Да тамъ дѣла

Не въ шутку важныя.

В л а д и м і р ь.

Какія, братецъ, шутки?

Вѣдь дѣло-то идетъ объ ихъ желудкѣ.

К н я з ь (*пересматривая газеты*).

Журналъ «Франкфуртскій» и «Пчела»...

Начнемъ съ «Франкфуртскаго» журнала...

Опять онъ хвалить насъ!... Ну, право, скучно стало:
Побольше-бъ насъ бранилъ, такъ меньше-бы онъ вралъ!

З а п я т к и н ъ (*тихо Владимиру*).

Ого! Да твой папа ужасный либераль!

В л а д и м і р ь.

И онъ годится на безлюдья.

К н я з ь.

Ну, вотъ парижскіе гораздо строже судьи,
И дѣло говорятъ.

З а п я т к и н ъ (*Владимиру*).

Онъ мыслить хоть куда.

В л а д и м і р ь.

За то, мой другъ, какого стоило труда
Мнѣ просвѣтить его!

Запяткинъ

Безъ всякаго сомнѣнья.

Вѣдь это старое упрямо поколѣнье.

Владимиръ.

Да! наши старики
Смѣшны. Они надѣли парики,
Въ нѣмецкіе кафтаны нарядились,
Обрили бороды, да только не умылись;
И если имъ объ этомъ намекнешь,
Такъ, Боже упаси! Отъ вздорной ихъ морали
Въ Камчаткѣ мѣста не найдешь.

Запяткинъ.

За то ужъ мы съ тобой отъ вѣка не отстали;
И если-бы судьба въ Парижѣ насъ свела,
Ужъ то-то-бъ пожили!

Владимиръ.

А что, и въ самомъ дѣлѣ!

Князь (*читаетъ газеты*).

Опять испанскія дѣла!
До смерти надѣли!
Посмотримъ-ка «Пчелу».

Владимиръ.

Когда-бъ ты зналъ Парижъ!

Вотъ жизнь, мой другъ! У насъ все гладь да тишь,
И мы спокойно всѣ отъ скуки умираемъ,
Волочимся тайкомъ, украдкою играемъ,
Въ театрѣ спимъ,
А въ клубѣ англійскомъ ѣдимъ,
Ростемъ въ Москвѣ, или въ деревнѣ прозябаемъ:
А тамъ все жизнію кишитъ! И всѣ въ чаду—
Старикъ и юноша, глупецъ и геній.
Всѣ пьютъ равно изъ чаши наслажденій!
И если ты съ фортуною въ ладу...

Запяткинъ.

А если нѣтъ?

Владимиръ.

Такъ чтожъ? И это предрассудки:

Счастливо прожилъ сутки,
А тамъ—хоть пулю въ лобъ!

Запяткинъ.

Ай, ай! Нѣтъ, лучше жить въ Москвѣ и ѣздить въ клубъ!

Владиміръ.

Ахъ, сколько въ этой буйной жизни
Поэзіи, мой другъ! А въ нашей-то отчизнѣ,
И съ нашей прозаической зимой,
Прошу поэтомъ быть.

Князь (*читая газеты*).

Что вижу! Боже мой!

Возможно-ли?

Владиміръ (*князю*).

Да что такое
Вы тамъ нашли?

Князь.

Въ четвертый классъ!

Кого?... за что?... И разомъ двое:
Умковъ и Зоринскій!... Вотъ такъ-то все у насъ.

Запяткинъ.

И этотъ вздоръ тревожить васъ!

Князь.

Въ четвертый классъ!... Да, сдѣлай дружбу,
Скажи, за что?

Владиміръ.

И вамъ не стыдно дорожить
Такою мелочью?

Князь.

Чай, скажутъ, все за службу?
А тотъ, кто могъ-бы съ честію служить,
И даже быть отличнымъ публицистомъ...

Запяткинъ.

Проводить жизнь свою за вистомъ...

Князь.

Ну, послѣ этого прошу въ Россіи жить!

Запяткинъ.

А жить, къ несчастью, надо.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Ть-же, Анисья Дмитриевна, княжна и Анюта.
(*выходитъ съ лѣвой стороны изъ боковыхъ дверей*).

Анисья Дмитриевна (*князю*.)

Ты здѣсь? Я очень рада!

Ну что, Иванъ Ильичъ, надѣюсь, не забылъ?...

(*Запяткинъ кланяется*).

Здорово, батюшка, здорово!...

(*Князю*).

У полицмейстера ты былъ?

Князь.

Сегодня нѣтъ; но я скажу ему два слова

Объ этомъ завтра на водахъ.

Анисья Дмитриевна.

А нынче что?...

Князь.

Все сдѣлаю, повѣрьте.

Анисья Дмитриевна.

Аеонька мой чуть живъ, избить до смерти,

А ты молчишь...

Князь.

Я былъ на Прѣсененскихъ прудахъ,

А тамъ взглянулъ на скачку,

Да съѣздили въ паркъ: такъ, право, не успѣлъ.

Анисья Дмитриевна.

Вѣсимо, батюшка, отъ этихъ важныхъ дѣлъ

Урваться некогда. Давай, сударь потачку,

Давай! Пусть Волгинъ бьетъ

И нашихъ слугъ, и насъ,—мы этого достойны,

Мы терпимъ все...

Князь.

Да будьте-же покойны,

Имъ это даромъ не пройдетъ.

Анисья Дмитриевна.

Вотъ то-то быть вдовой, остаться безъ пріюта!

Кто хочетъ обижай—заступы нѣтъ!—Антоша!

Поддай работу мнѣ.

(*Садится къ столу. Князь принимается опять за газеты
Запяткинъ также просматриваетъ листокъ журнала*)

Владиміръ (*князь*).

Ну, что, та боеуг, скажи,
Твои дѣла идутъ изрядно?

Княжна.

Дѣла?

Владиміръ.

Ну, да! Съ твоимъ чувствительнымъ Вержи,
Ну съ Лидинымъ. Но ты одѣта не нарядно—
Не будетъ онъ?... Злодѣи!... Да полно, не тужи!

Княжна.

Ахъ, какъ ты надоѣль!

Владиміръ.

Не сохиз отъ печали!

Онъ завтра явится и новый курсъ морали
Начнетъ съ тобой; а ты подашь ему совѣтъ
Любезнѣй быть, и очень граціозно
Отдѣлаешь его. А что, скажи серьезно,
Онъ нравится тебѣ?

Княжна:

И да, и нѣтъ!

Быть можетъ, я къ нему была-бъ неравнодушна;
Но онъ такой чудакъ, такой смѣшной педантъ:
Все любить русское, вездѣ найдетъ талантъ,
Въ восторгѣ отъ всего...

Владиміръ.

Не спорю, это скучно,

За то богатъ, и съ нимъ вступитъ въ законный бракъ
Не стыдно никому. Онъ даже не дуракъ.
И если-бы родился хоть крошечку пораньше,
Такъ сталь-бы умницей въ Москвѣ.

Княжна.

Все такъ, mon frère!

Да жаль, что онъ...

Владиміръ.

Лишь оберъ-офицеръ.

Что вижу, душенька, не хочешь въ капитанши.

Нельзя-жъ тебѣ имѣть все вдругъ!

Чины, богатство, умъ, лицо...

Княжна (*присѣдая*).

О, много чести!

Анисья Дмитриевна.

Володенька, послушай-ка, мой другъ!
Что это до меня дошли какія вѣсти?
Я слышала,—и этотъ слухъ не лживъ,—
Что плохо служишь ты, и очень сталъ лѣнивъ.

Владиміръ.

Я занятъ былъ...

Анисья Дмитриевна.

Ты занятъ? Чѣмъ?... Примѣрить платье,
Скакать въ театръ, да ѣздить на бала,
Да вздоръ болтать,—преважныя дѣла!

Владиміръ.

Повѣрьте мнѣ, мои домашнія занятія
Важнѣе во сто разъ...

Анисья Дмитриевна.

Чего?

Владиміръ.

Всѣхъ глурыхъ дѣлъ,
Среди которыхъ мы въ невѣжествѣ коснѣли,
Когда никто изъ насъ не постигалъ
Ни любомудрія высокой цѣли,
Ни просвѣщенія свѣтлый идеаль.

Анисья Дмитриевна.

Опять занесъ ты ахинею!
Ну вотъ толкуй съ ученымъ дуракомъ!
Да полно говорить халдейскимъ языкомъ,
Уймись!

Запяткинъ (*тихо Владиміру*).

Охота-жъ спорить съ нею!
У этихъ дамъ невѣжество...

Владиміръ (*перерывая*).

Въ крови!

Слуга (*входитъ изъ среднихъ дверей*).
Иванъ Степановичъ...

Князь.

Глинскій? Ну чтожъ? Зови!
(*Слуга уходитъ*).

Запяткинъ.

Кто этотъ господинъ?

Князь.

Губернскій предводитель,
Не помню только гдѣ.

Запяткинъ.

Такъ онъ не здѣшній житель?

Князь.

О, нѣтъ! Я съ нимъ по службѣ былъ знакомъ.
Теперь онъ сталъ ужасный агрономъ,
Зарылся въ конопляхъ, толкуеть все о просѣ,
И съѣтъ рожь въ своемъ саду.
Мы нѣкогда живали съ нимъ въ ладу
Чиновный человекъ, и прежде былъ въ ходу;
Но, кажется, теперь въ забросѣ:
Въ деревнѣ все живетъ;
А, несмотря на то, жестокой патриотъ.

Запяткинъ.

Охъ, эти мнѣ квасные патриоты!
У нихъ не отобьешь ничѣмъ охоты
Хвалить святую Русь.

Владиміръ.

Да, душенька, они
Съ характеромъ.

Запяткинъ.

На ихъ восторги глядя,
Подумаешь, что мы блаженствуемъ одни.

Владиміръ (*князю*).

Вѣдь Глинскій Лидину приходится съ родни?

Князь.

Да, Лидину родной онъ дядя.

Владиміръ (*княжнѣ*).

Смотри жъ, та соеи! при немъ себя веди
Какъ слѣдуетъ племянницѣ послушной,
Пониже присѣдай, да къ ручкѣ подойди!

Княжна.

Эхъ, полно, Вольдемаръ! Отстань! Какой ты скучный!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Т ъ ж е и Г л и н с к і й .

Князь (*идя на встречу Глинскому*).
Иванъ Степановичъ! Вы-ль это, наконецъ?

Г л и н с к і й .

А вотъ какъ видите.

Князь.

Повѣрьте, непритворно
Я радуюсь, что вы въ Москвѣ. Прошу покорно!
(*Подвигаетъ кресла, и, указывая на Владимира и княжну*).
Мой сынъ и дочь!...
(*Раскланиваются; Глинскій и всѣ садятся*).

А н и с ь я Д м и т р і е в н а .

Здоровь-ли, мой отецъ?
Ну что, наѣздился?
Г л и н с к і й .

Я дѣлалъ все визиты,
И признаюсь, меня послѣдній доконалъ:
Я былъ у Вельскаго.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а .

Конецъ изрядный далъ!
Чай, всѣ бока твои избиты.
Куда нейдетъ зимой,
А то теперь прошу, по нашей мостовой,
Къ Нескучному съ Покровки прокатиться!

Г л и н с к і й

Ну, глядя на Москву, нельзя не подивиться!
Подумаешь, какъ все идетъ впередъ:
Гдѣ грязь была,—сады тамъ зеленѣютъ,
Дома растутъ...

А н и с ь я Д м и т р і е в н а .

А люди все глупѣютъ...

В л а д и м і р ъ .

И просвѣщенъ не растеть.

Глинскій.

Напротивъ, кажется, и даже очевидно.
Теперь и намъ похвастаться не стыдно:
У насъ есть много своего,
И я надѣялся...

Анисья Дмитриевна.

Надѣялся—чего?...

Князь.

Вы обманулися въ своей надеждѣ...

Владиміръ.

Все то-жъ невѣжество, какое было прежде...

Анисья Дмитриевна.

Все исковеркано на новый ладъ...

Князь.

А мнѣ такъ кажется, что мы идемъ назадъ.

Глинскій.

Вотъ разомъ три различныхъ мнѣнья!
Нельзя-ли сдѣлать одолженье
И изъяснить: кто правъ, кто виноватъ?
Я слушать васъ готовъ, и очень буду радъ
Узнать всю истину.

Князь.

Мы въ самомъ дѣлѣ

Отмѣнно какъ во всемъ успѣли.
Помилуйте! Да что хорошаго у насъ?

Владиміръ.

Святая родина, ея священный гласъ,
И дымъ отечества, и тѣма подобныхъ фразъ—
Давно свой вѣкъ отжили,
Ихъ воскрешать,—напрасный трудъ.
Онѣ еще бредутъ

Въ какомъ-нибудь народномъ водевиль;
Но если станемъ мы какъ люди разсуждать,
Такъ смѣю васъ спросить: чѣмъ можно оправдать
Смѣшное наше чванство?

И чѣмъ намъ хвастаться? Не тѣмъ-ли, что у насъ

Брусника есть, капуста, квасъ?
Въ любви къ невѣжеству большое постоянство
И нѣсколько давно истасканныхъ идей?

Князь (*Глинскому*).

Неужто скажете, что это все злословье?

Владимиръ.

Конечно и у насъ есть разныя сословья;

У насъ три класса есть людей.

Во-первыхъ: есть крестьяне,

Тамъ средній классъ,—а тамъ дворяне;

И разницу межъ ихъ мы видимъ каждый день.

Въ однихъ—невѣжество и пьянство,

Въ другихъ—невѣжество и лѣнь...

Глинскій (*улыбаясь*).

А въ третьихъ—что?

Владимиръ.

Невѣжество и чванство,—

И въ людяхъ грамотныхъ всегдашній недочетъ.

Скажите сами:

Ну чѣмъ гордится нашъ народъ?

Какими славится Россія именами?...

Глинскій.

Назвать не трудно ихъ, на славу ихъ права

Извѣстны всѣмъ; ихъ всѣ въ Европѣ уважаютъ.

Владимиръ.

Да много-ль ихъ?—Одинъ или два;

А тамъ ихъ сотнями считаютъ.

Запяткинъ.

Какими сотнями—да имъ и счету нѣтъ!

Князь.

Иванъ Степановичъ, примите мой совѣтъ,

Не спорьте съ нимъ; - вѣдь вамъ ужь доказали,

Что мы во всемъ ужасно какъ отстали...

Глинскій.

Такъ чтожь? И это не бѣда.

Идти впередъ не должно торопливо.

Была бы наша Русь спокойна и счастлива,

А прочее придетъ.

Владимиръ.

Не знаете-ль когда?

Глинскій.

Мы молоды еще, такъ надо взять терпѣнье:
Народа цѣлый вѣкъ не то, что вѣкъ людской.

Владиміръ.

А чтожъ по вашему—какой?

Глинскій.

У насъ года, а тамъ считаютъ поколѣнья.

Запяткинъ.

А я такъ думаю, что наше просвѣщенье
Начнется лишь тогда,
Когда у насъ, не только что въ лакейской,
Но даже въ деревняхъ исчезнетъ борода,
И станутъ всѣ ходить въ одеждѣ европейской.

Глинскій.

Резонъ! Вѣдь нашъ мужикъ отъ этого и глупъ,
Что носить шапку и тулупъ.
Ему-бы надобно, какъ умному французу,
Въ холстинную одѣться блузу
И выѣхать въ морозъ.

Владиміръ.

Зачѣмъ мѣнять костюмъ,

Помилуйте, на что? Вы точно правы:

У насъ свой собственный есть умъ,
Свои обычаи, привычки, нравы,
Такъ надо ихъ беречь.
Повѣрьте мнѣ, всѣ эти улучшенья
Пора-бы намъ пресѣчь,
И такъ насъ губить просвѣщенье;
Не правда-ль, бабушка?

Анисья Дмитріевна (*занимаясь работою*)

Что, что?... Что тамъ онъ вретъ?

Владиміръ.

Да то же, что и вы: что мы ушли впередъ,
И что характеръ нашъ совсѣмъ ужъ измѣнился,
Хоть вонъ бѣги изъ матушки-Москвы.

Глинскій.

И я-бы съ этимъ согласился,
Когда бъ всѣ думали, какъ вы.
Скажите мнѣ: да что вамъ за охота
Свое отечество позорить и срамить,
И сряду все браня безъ всякаго отчета,

На этихъ крикуновъ несносныхъ походить,
Которые хотятъ, во-что-бы-то ни стало,
Увѣрить всѣхъ, что мы неидемъ впередъ ни мало;
Сидимъ за азбукой и все твердимъ зады;

Что просвѣщенія плоды

Въ Россіи вовсе незамѣтны:

Чтобъ русскимъ просто быть никто изъ насъ не смѣлъ;

Что это все невѣжество и чванство,

И что всегдашній нашъ удѣлъ

Одно смѣшное обезьянство.

О, Господи! Когда избавишь насъ

Отъ этихъ вздорныхъ фразъ,

Отъ этихъ выходцевъ изъ чужеземныхъ краевъ,

Полу-французскихъ сорванцовъ,

Да отъ затянутыхъ въ шнуровки попугаевъ,

А пуще и того, отъ юныхъ мудрецовъ,

Которые въ сужденьяхъ такъ свободны,

За вѣкомъ вслѣдъ идутъ, смѣются надо всѣмъ,

Зовутъ негоднымъ все—затѣмъ,

Что сами ни къ чему не годны;

И этихъ птицъ зловѣщихъ родъ

Всегда злословить свой народъ,

И отвратительнымъ встрѣчаетъ крикомъ

Въ своемъ отечествѣ великомъ

Прекрасный солнечный восходъ!

Владиміръ (*тихо Запяткину*).

Да онъ поэтъ.

Запяткинъ (*также*).

И въ родѣ самомъ старомъ

Онъ лирикъ, кажется.

Князь.

Позвольте вамъ сказать:

Вы спорите съ излишнимъ жаромъ,

Гдѣ должно фактами все дѣло доказать,

Тамъ краснорѣчіе напрасно.

Положимъ, что у насъ въ Россіи все прекрасно,

Что въ просвѣщеніи мы отмѣнно далеки,

Что мы умнѣе всѣхъ;—извольте, я не спорю!

Да этому пособите-ль вы горю,

Что все у насъ идетъ разсудку вопреки...

Владиміръ.

У насъ?... Помилуйте, папа! И вамъ не стыдно

Позорить такъ святую Русь?

Да знаете ль, что всѣмъ смотрѣтъ на насъ завидно—

Я это доказать на каедрѣ берусь.

Скажите мнѣ: когда у насъ видали,
Чтобы съ просителей безстыдно взятки брали;
Чтобъ кто нибудь страдалъ невинно отъ суда?
Не правда-ль, что у насъ всегда
Невинный правъ, наказанъ виноватый;
Вельможа не спесивъ, не чванится богатый,
И сильный слабого не давить никогда?

Г л и н с к і й.

Да гдѣ-же этого, къ несчастью, не бываетъ,
И гдѣ подчасъ невинность не страдаетъ?
Неужто тамъ, гдѣ каждый сорванецъ
И плуть отъявленный печатаеть что хочеть,
Срываетъ съ доблести вѣнецъ,
Злословить все, надъ всѣмъ хохоchetъ,
И имя честное свободно топчетъ въ грязь?
Неужто тамъ, гдѣ къ родинѣ любовью
Зовутъ позорный бунтъ, злодѣевъ гнусныхъ связь;
Гдѣ чернь, упившиися виномъ и кровью,
Гдѣ пѣна общества, гдѣ всякій подлый сбродъ,
Въ ногахъ законы попираеть,
И гдѣ бессмысленный народъ
За вздорную мечту дерется, умираеть,
И въ глупой гордости зоветъ себя царемъ?
Неужто тамъ, гдѣ съ каждымъ новымъ днемъ
Для блага общаго являются препоны,
Гдѣ всякій дѣлаеть свои законы,
И жить хотя лишь собственнымъ умомъ,
Ярмо постыдное въ порядкѣ общемъ видить?
Да что и говорить о томъ!
Порокъ всегда порядокъ ненавиditъ,

В л а д и м і р ъ.

Да это все одни слова,
И еслибъ вы хотя немного
Старались изучать народныя права,
То можетъ быть...

А н и с ѣ я Д м и т р і е в н а.

Эхъ, полно, ради Бога!
О чемъ вы спорите? Все это пустяки,
Все модныя, дурацкія затѣи.

В л а д и м і р ъ.

Вы правы, бабушка! Конечно, есть идеи,
Которыхъ понимать не могутъ старики.

Анисья Дмитріевна.
Вѣстимо, батюшка! Вѣдь нынче дѣти
Всегда умнѣй своихъ отцовъ.

Князь.
Объ этомъ намъ судить случается предметъ
Не хуже васъ, господь новѣйшихъ мудрецовъ!

Запяткинь *(въ сторону)*.
Обидѣлись!

Владиміръ.
Случается, да рѣдко.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тъ же и слуга.

Слуга.
Вельдюзева!
Глинскій.
Моя почтенная сосѣдка,
Ненила Карповна?

Князь.
Зачѣмъ Господь принесъ?
Ужъ эта мнѣ провинціалка!
Начнетъ все выть: «Ахъ, батюшка, какъ жалко;
Побило градомъ рожь, пропаль совсѣмъ овесь,
Гречиха не въ цѣнѣ!» Несносная болтунья!
Скупа,
Глупа!

Анисья Дмитріевна.
А ужъ какая лгунья!

Князь.
И кто просиль? Я право не зову

Анисья Дмитріевна.
Туда-жъ таскается въ Москву!
Жила-бы, да жила въ своей Калугѣ.

Князь.
Куда какъ глупы эти слуги:
Не могутъ отказать. Скажи, что дома нѣтъ!

Глинскій.

Вы слышали? Она разбогатѣла.

Князь.

Неужели? (*Слут*). Пстой!

Глинскій.

Ея покойный дѣдъ,
Къ которому она поддѣлаться умѣла,
Имѣнье славное оставилъ ей.

Князь.

Вотъ что?

Глинскій

Теперь у насъ въ округѣ всеъ
Богаче нѣтъ ея: душъ тысяча безъ-мала.

Князь.

Ого!

Глинскій.

Отличный лѣсъ, луговъ хоть не коси,
Да триста тысячъ капитала,
И все наличными!

Князь (*слут*).

Проси!

Анисья Дмитріевна (*слут*).

Въ гостиную ко мнѣ.

Князь.

На половинѣ вашей

Такъ тѣсно, матушка!

Анисья Дмитріевна.

Помилуй, все равно!

Мы примемъ тамъ ее съ Наташей.

(*Кляжеть*).

Пойдемъ, мой другъ!

Глинскій (*взглянувъ на часы*).

Десятый часъ давно...

Позвольте ужъ и мнѣ...

Князь.

Я не прощаюсь съ вами;

Вы также лѣчитесь водами,
Такъ завтра поутру увижу васъ:

Анисья Дмитріевна.

Да, да!

Мы тамъ увидимся!

Глинскій (*Анисья Дмитріевна*).

Такъ вы рѣшились сами...

Анисья Дмитріевна.

Взглянуть однажды не бѣда;
Посмотримъ, батюшка, что это за вода?

Глинскій (*раскланиваясь*).

И такъ въ пріятномъ ожиданьи...

Анисья Дмитріевна.

До завтрава!

Князь.

Прощайте, до свиданья!
(*Глинскій уходитъ*).

Анисья Дмитріевна (*князю*).

Что, князь Иванъ Ильичъ, идешь со мною?

Князь.

Иду!
(*Всѣ уходятъ тѣми боковыми дверьми, кромѣ Владимира и Запяткина*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Владиміръ и Запяткинъ.

Владиміръ.

Каковъ пріемъ калужской-то дворянкѣ!

Запяткинъ.

Чтожъ ѣдемъ мы?

Владиміръ.

Куда?

Запяткинъ

Къ моей италіянкѣ?

Владиміръ.

Какой?

Запяткинъ.

Да ты совсѣмъ въ чаду:
Забылъ?

Владиміръ.

Да, да! А что, мой другъ, нельзя-ли
Остаться мнѣ? Я былъ вчера на балѣ,
И такъ усталъ, что мочи нѣтъ!
А завтра на воды чѣмъ-свѣтъ...

Запяткинъ.

Усталъ? Такъ чтожъ? Немножко выпей рома,
Хлебни шампанскаго, такъ разомъ все пройдетъ.
Ты будешь тамъ какъ дома:
Хозяйка милая тебя съума сведеть,
А какъ ужъ приметъ-то радушно!...

Владиміръ.

Да я-то не гожусь совсѣмъ: я глупъ и виль,
И спать хочу. Со мной ей, право, будетъ скучно:
Какой я гость?

Запяткинъ.

Съ чего ты это взялъ?

Такіе гости для нея подарки;
Да ты и самъ смотрѣть не станешь сентябрёмъ;
Свобода полная во всемъ:
Кури себѣ сигарки,
Ложись на канаве, зѣвай,—все сходить съ рукъ

Владиміръ.

А если бы охота мнѣ припала
Соснуть,—разсердится?

Запяткинъ.

Ни мало!

Она предобрая, мой другъ.
Пойдемъ!

(Уходятъ въ среднія двери).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

Театръ представляетъ комнату съ двумя окнами, посреди которыхъ стеклянная дверь; вмѣсто боковыхъ стѣнъ сквозная колоннада — Направо отъ зрителей должна быть зала, въ которой пьютъ воды; налѣво другая — истинная. Окна открыты; за ними галлерей съ шпильсомъ, за которой виденъ садъ. Въ галлерей толпится множество народу. — Чрезъ сцену, до начала дѣйствія, отъ времени до времени, проходятъ всякаго рода поспѣшители, а въ саду играетъ духовая музыка; на авансценѣ нѣсколько креселъ и канипе.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Владиміръ и Запяткинъ *(когда музыка перестаетъ, сходятся съ разныхъ сторонъ).*

Запяткинъ.

А, здравствуй, князь! Ты нынче очень поздно
Пріѣхалъ на воды.

Владиміръ.

Да я насилу всталъ.

Запяткинъ.

А, что и подлинно! Ты, кажется, усталъ:
Какой ты пасмурный, а смотришь-то какъ грозно,
Растрепанъ какъ!... Ну, сущій Беверлей!
Да будь повеселѣй!

Владиміръ.

И радъ бы, душенька, да что-то не забавно;
Вчера я много проигралъ.

Запяткинъ.

Такъ чтожь? За то игралъ-то славно!
Я, глядя на тебя, отъ страха умиралъ.

Когда отъ тысячи ты въ третій разъ загнулся,
Такъ помнишь, банкометь какъ выпучилъ глаза?
Гляжу: направо хлопъ червоннаго туза!
Всѣ вскрикнули, а ты безопасно улыбулся,
Спокойно отогнулся,
И снова грянулъ напроломъ!
Ну, истинно тебя списать бы надо
Во всей красѣ за карточнымъ столомъ.

Владимірь.

Большая мнѣ отрада!
И что мнѣ прибыли, что банкометь дрожалъ,
А я спокоенъ былъ! Мнѣ это не поможетъ.

Запяткинъ.

Да что тебя тревожить?

Владимірь.

Какъ что? Я много задолжалъ.

Запяткинъ.

Такъ въ этомъ-то, мой другъ, твоя вся дума?
Да десять тысячъ что за сумма?
Неужто не найдешь?

Владимірь

Ахъ, милый другъ! сыщи мнѣ, Бога ради!

Запяткинъ.

Скажи мнѣ, князь, зачѣмъ не продаешь
Ты подмосковную?

Владимірь.

Досталась мнѣ? Которая отъ дяди

Запяткинъ.

Ну, да! что толку въ ней?
Доходу нѣтъ; возись съ огромнымъ садомъ;
То хлѣбъ не родился, то выбьетъ его градомъ;
Вѣдь деньги во сто разъ вѣрнѣй.
А есть охотничекъ; быть можетъ, сорокъ тысячъ
Заплатить за нее.

Владимірь.

И больше ни гроша!

Запяткинъ.

Неужто дешево? Пятьсотъ рублей душа;
Да я себя позволю высѣчь,
Когда покущика мы выгоднѣй найдемъ.
Повѣрь мнѣ, князь, пускайся смѣло!

Владиміръ.

А лѣсъ-то, душенька?

Запяткинъ.

Такъ чтожъ! велико дѣло,
Сосновый лѣсъ! Да чортъ-ли въ немъ!
Къ тому-жъ одни кусты; едва и третья доля
Пойдетъ на что-нибудь.
А впрочемъ, князь, твой умъ, твоя и воля;
Но только не забудь,
Что есть долги, которые отсрочки
Не терпятъ никакой.

Владиміръ.

Да если денегъ нѣтъ?

Запяткинъ.

Такъ все продай, останься безъ сорочки,
А проигрышь плати

Владиміръ.

Спасибо за совѣты!

Запяткинъ.

Но средства нѣтъ другого.
Подумай, князь, вѣдь ты игралъ на слово,
А слово честное важнѣе векселей.

Владиміръ.

Ну, если этотъ грѣхъ нельзя ничѣмъ поправить,
Такъ быть по твоему.

Запяткинъ.

Имѣю честь поздравить,
Вы съ деньгами. Теперь прошу быть веселѣй.
(Смотритъ въ галерею).

Ого! да нынче тьма народа,
И сколько новыхъ лицъ!
А это кто идетъ?... вонъ подлѣ двухъ дѣвицъ?

Владиміръ.

Такъ ты не знаешь этого урода?
Вѣдняжечка!—онъ сталъ ужъ очень старъ!
Вотъ истинно старинныхъ русскихъ баръ
Живой образчикъ:

Шутовъ онъ любитъ безъ ума;
Дворецкій у него *Фома*;
Претолстый пьяница приказчикъ,
По имени *Фаддей*,

Двѣ дочери, точь-въ-точь невытыя кухарки;
Въ лакейской тѣмъ общипанныхъ людей...

Запяткинъ.

А въ люстрахъ сальные огарки...

Владиміръ (*смотря на галлерей*)
Что вижу я? Да точно такъ, — онѣ!

Запяткинъ.

О комъ ты говоришь?

Владиміръ.

Объ этихъ двухъ сестрицахъ,
Которыхъ я встрѣчалъ во всѣхъ столицахъ—
О *Лидиныхъ*. Мы нѣсколько съ родни,
Въ Парижѣ встрѣтились и очень подружались;
Онѣ, конечно, тамъ немножечко срамились,
Да жили весело! Ужъ какъ ихъ удивлю
И какъ обрадую! Я очень ихъ люблю:
Онѣ такъ живо мнѣ собой напоминаютъ
Парижъ, Пале-рояль...

(Проходятъ двѣ дамы; одна изъ нихъ одѣта съ большими претензіями и безъ всякаго вкуса. Запяткинъ ей кланяется).

Ого, какъ щеголяютъ

Твои знакомыя: и перья и цвѣты...

Запяткинъ.

Потипе, душенька! ея не знаешь ты;
Она поэтъ, краса и честь всего Арбата.
Ея послѣдняя кантата
Надѣлала ужасный шумъ.

Владиміръ.

Неужели и въ этой есть шутихъ
Претензіи на умъ?

Запяткинъ.

Престранныя!—Она блистаетъ на Плющихѣ.

Владиміръ.

И меркнетъ на Тверской?

Запяткинъ.

Нельзя же всю Москву

Плѣнять своимъ талантомъ.

(По сценѣ проходитъ молодой человекъ, одѣтый по последней модѣ. Запяткинъ ему кланяется).

А, здравствуйте!

Молодой человекъ *(проходя мимо)*.

Bonjour! Comment vous portez vous?

Владиміръ.

Вотъ истинно одѣтъ ужь франтомъ!

О, Господи! Да онъ одѣланъ весь подъ лагъ!

Жабо, въ чулкахъ!... Какъ будто бы на балѣ...

Неужто не дуракъ?

Запяткинъ.

О, нѣтъ! и онъ уменъ!... въ своемъ кварталѣ—

Зн Яузой.

(Молодой человекъ подходитъ къ дамамъ и начинаетъ любезничать).

Владиміръ.

Какой нарядный шутъ!

Смотри, смотри! какимъ разсыпался онъ бѣсомъ!

Запяткинъ *(увидя входящую княгиню Дутикову)*.

Ай, ай! вотъ барыня! Ну эта вѣрно съ вѣсомъ!

Ахъ, батюшки! Да въ ней сто пудъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тѣ-же, и княгиня Глафира Саввишна Дутикова.

Княгиня Дутикова *(запыхавшись)*.

Ахъ, смерть моя! Едва я двигаю ногами!

Владиміръ *(идя къ ней навстрѣчу)*.

Глафира Саввишна! Что съ вами?

Княгиня Дутикова.

Ахъ, это вы?... Bonjour, mon prince! Нѣтъ силъ!
Я такъ измучилась! Въ саду и въ галлерей
Скамейки заняты!

Владиміръ (*подавая ей кресло*).

Садитесь поскорѣй!

Княгиня Дутикова (*садясь*).

Merci! Теперь дышу!

Владиміръ.

Вамъ лучше?... Очень радъ!

Княгиня Дутикова.

Какъ видно, князь, что вы живали за границей;
А здѣсь! О, Боже мой!.. Повѣрите-ль, весь садъ
Обѣгала я съ вашею сестрицей,
И чтожъ?... Невѣжи, мужики!
Никто не тронулся; добро бы старики,
А то и мальчики, засѣли, развалились,
И мѣста не даютъ. О, если-бъ не дѣла,
Такъ завтра бы со мною вы простились.

Владиміръ

Да вы не въ шутку разсердились.

Княгиня Дутикова.

Какъ вспомню, князь, когда я въ Ревелѣ была..

Владиміръ.

Вы были въ Ревелѣ?...

Княгиня Дутикова.

Тому назадъ два года.

Вотъ истинно прелестный край!
Тамъ все не то—и люди, и природа.

Владиміръ.

Неужели?...

Княгиня Дутикова.

Ахъ, князь, тамъ сущій рай;
А сверхъ того какое просвѣщенье!

Владиміръ.

Нѣтъ, шутите?

Княгиня Дутикова.

А что за обращенье!

Какой отличный тонъ!

Что слово, то поклонъ.

Какое общество, какіе нравы!

А всё публичныя забавы

Не то, что здѣсь! Когда я въ Ревелѣ была,

Давали оперу, не помню я какую,

Но только всѣхъ она съ ума свела;

А здѣсь о музыкѣ я даже не толкую.

Въ Москвѣ живемъ мы по уши въ снѣгу,

А въ Ревелѣ... ахъ, вспомнить не могу!

Какая разница! Повѣрите-ль, тамъ сладко

И воздухомъ дышать. У насъ въ Москвѣ—Камчатка,

А тамъ...

Владиміръ (*улыбаясь*)

Италія?

Княгиня Дутикова.

Не вѣрите вы мнѣ?

Спросите у сестры моей, княгини Анны;

Я вмѣстѣ съ ней брала морскія ванны;

И мы теперь горимъ какъ на огнѣ,

Чтобъ какъ-нибудь скорѣй намъ въ Ревель перебраться.

Владиміръ.

Надолго-ли?

Княгиня Дутикова

Какой тутъ срокъ!

Да я готова тамъ на цѣлый вѣкъ остаться.

Я сохну здѣсь, какъ скошенный цвѣтокъ!

Владиміръ.

Ну, кто подумаетъ, что вы больны серьезно!

Какой прекрасный цвѣтъ, какой блестящій взглядъ!

Княгиня Дутикова.

Ахъ, князь! Вы знаете, какъ я нервозна,

А здѣшнее житье и скверный нашъ климатъ,

И скука смертная, и сплетни, и злословье,

Совсѣмъ разстроили мое здоровье.

Когда я въ Ревелѣ была,

Не знала докторовъ и ѣла все на свѣтѣ;

А здѣсь всегда на строгой я діетѣ,

Всегда голодная встаю изъ-за стола,

И такъ слаба, какъ маленькій ребенокъ.

Запяткинъ (*въ сторону*).

Бѣдняжка!

Княгиня Дутикова.

Ну, точно какъ цыпленокъ,
По зернышку клюю. Вотъ, помните, при васъ:
Бульону чашечка, желе, бифштексъ, котлетка,
И больше ничего,—а пью одинъ лишь квасъ.

Владиміръ.

И портеръ иногда?

Княгиня Дутикова.

Ахъ, нѣтъ! отъѣнно рѣдко;

Для груди пью.

Владиміръ.

А грудь вамъ надобно беречь:

Кто такъ поеть, какъ вы...

Княгиня Дутикова.

И, полноте смѣяться!

Владиміръ.

Помилуйте! да вамъ должны всё удивляться;
И если ужъ зашла у насъ объ этомъ рѣчь,
Такъ я всегда схожу съ ума, горю, плаю,
Когда поете вы: «Я птичкой быть желаю!»

Княгиня Дутикова.

Шалунъ!

Владиміръ.

Еще романсъ пѣвали вы одинъ:
«Увы! когда была я безпорочна»..

Княгиня Дутикова.

Да это ужъ давно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же и Пустельгинъ.

Княгиня Дутикова.

Что вижу я! Такъ точно!...

Андрей Андреичъ Пустельгинъ!
Насилу-то его хоть здѣсь мы увидали.

Пустельгинъ (Дутиковой).
Madame!—(Запяткину). Bonjour, mon cher!
(Владимиру).
А, здравствуй, князь!

Княгиня Дутикова.
Что съ вами сдѣлалось? Куда вы пропадали?

Пустельгинъ.
И въ подмосковной жилъ пять дней—какая грязь!
Вчера пятнадцать верстъ я цѣлый день тащился;
Прѣхаль, наконецъ, немного освѣжился,
И тотчасъ на Тверской отправился бульваръ;
Тамъ встрѣтилъ кой-кого, гулялъ, гляжу—пожаръ!
И близко, кажется. Ну, видно самъ лукавый
Шепнулъ мнѣ на ухо!—на дрожки, поскакалъ,
И чтожъ? Горить за Троицкой заставой!
Замучилъ лошадей, до смерти самъ усталъ;
Скачу назадъ—все пусто на бульварѣ.
Вотъ я отправился на балъ къ сестрѣ Варварѣ
И пробылъ у нея почти до трехъ часовъ.

Владимиръ.
Скажи, мой другъ, когда ты спишь?

Пустельгинъ. И самъ не знаю.

Запяткинъ.
Вотъ жизнь, подумаешь!

Владимиръ.
Не радъ, а будь готовъ!

Пустельгинъ.
Ахъ, князь! И я ужъ начинаю
Старѣть, и мнѣ подчасъ немножко тяжело;
Сегодня, напримѣръ, я въ Красное Село
Поѣду, Волгина съ днемъ ангела поздравить;
Хоть могъ бы я себя отъ этого избавить,
Живетъ онъ далеко, но добрый онъ старикъ
И родственникъ мой дальній,
Такъ надобно; а послѣ на пикникъ,
А тамъ на балъ, а тамъ на завтракъ танцевальный,
Тамъ на вечеръ,—ну, мочи нѣтъ!
Всѣ эти праздники, не спорю, очень милы,
Да, право, не достанетъ силы....

Владиміръ.

И, полно! У тебя натура хороша.

Пустельгинъ.

Но всё же не выходить изъ танцевальной залы ..

Владиміръ

Такъ чтожь? Тебѣ въ Москвѣ приказаны всѣ балы:
Такъ дѣлать нечего, трудись, мой душа!

Пустельгинъ.

Безъ отдыха пять дней—ну, право, это шалость.

Княгиня Дутикова.

Не знаете-ль, Иванъ Степановичъ каковъ?
Здоровъ-ли онъ?

Пустельгинъ.

Иванъ Степановичъ Сундуковъ?

Такъ вы не слышали?

Княгиня Дутикова.

А что?

Пустельгинъ

Какая жалость!

Онъ.. человекъ съ отличнымъ былъ умомъ...

Княгиня Дутикова.

Онъ умеръ?

Пустельгинъ.

Поутру вчера, часу въ седьмомъ.

Владиміръ.

Въ седьмомъ часу?—(Запяткину). А я съ нимъ видѣлся въ
десятомъ;

Живехонекъ, и будетъ на водахъ.

Пустельгинъ.

Ну, что ему теперь въ имѣніи богатомъ!

Княгиня Дутикова.

Да что съ нимъ сдѣлалось? Хоть онъ былъ и въ годахъ.
Но свѣжъ еще.

Пустельгинъ.

Тутъ есть моральная причина:

Въ немъ совѣсть возмущалъ какой-то тайный грѣхъ,

Княгиня Дутикова.

Неужели?

Пустельгинъ.

Тяжка была его кончина!

Княгиня Дутикова.

Бѣдняжечка!

Пустельгинъ.

Онъ каялся при всѣхъ

Въ какомъ то страшномъ преступленьи.

Княгиня Дутикова.

Я внѣ себя отъ удивленья!

Покойникъ былъ такъ добръ.

Пустельгинъ.

Да, видно, не всегда.

Въ послѣднія свои минуты

Онъ требовалъ къ себѣ какой-то все Анюты.

Онъ, видно, съ ней знакомъ былъ въ старые года.

Княгиня Дутикова.

И, вѣрно, погубилъ ее?

Пустельгинъ.

Потомъ оставилъ;

На этотъ счетъ онъ былъ всегда безъ правилъ;

За то не слышалъ я, хотя давно живу,

Чтобъ кто-нибудь такъ съ жизнью разставался.

Княгиня Дутикова.

Онъ былъ все въ памяти?

Пустельгинъ.

Почти не забывался;

Но что всего страннѣй: онъ видѣлъ наяву...

Да нѣтъ!—я этимъ васъ ужъ слишкомъ напугаю...

Княгиня Дутикова.

Не бойтесь!

Пустельгинъ.

Къ тому-жъ, я полагаю

Что это такъ, одинъ лишь бредъ:

Къ чему рассказывать...

Княгиня Дутикова.

Ахъ, нѣтъ!

Скажите мнѣ! Вѣдь я люблю до смерти
Всѣ ужасы...

Пустельгинъ (*вполголоса*).

Ему мерещились все черти.

Княгиня Дутикова.

О, Господи!

Пустельгинъ.

Ужъ онъ едва былъ живъ,

Какъ вдругъ глаза его ужасно заблестали,
А волосы всѣ дыбомъ стали...

Владиміръ.

Помилуй, душенька, покойникъ былъ плѣшивъ.

Дутикова (*князю*).

Эхъ, полноте! (*Пустельгину*). Ну, чтожъ вы замолчали?

Пустельгинъ (*съ досадою*).

Я больше этого не знаю ничего;

Къ тому-же мой рассказъ, какъ видно, не достойный
Вниманья князева...

Княгиня Дутикова.

Не слушайте его!

Владиміръ.

А, кстати, вотъ и самъ покойный;

Онъ все расскажетъ вамъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Иванъ Степановичъ Сундуковъ.

Княгиня Дутикова.

Что вижу! Сундуковъ.

Пустельгинъ.

Возможно ль?... Онъ воскресъ!

Запяткинъ.

И, кажется, здоровъ!

Владиміръ.

Да это мертвецовъ всегдашняя примѣта.

Пустельгинъ (*подходя къ Сундукову*).

Иванъ Степановичъ! Вы-ль это?

Сундуковъ.

Я, батюшка.

Пустельгинъ.

Ну, что вы, каковы?

Здоровы-ли?

Сундуковъ.

Таскаюсь понемногу.

Пустельгинъ.

Вы были при смерти больны?

Сундуковъ.

Нѣтъ, слава Богу;

Денька два-три страдалъ отъ головы,
Да кашель былъ; теперь здоровъ покуда,
Что дастъ Господь впередъ!

(*Уходитъ*).

Пустельгинъ.

Ну, право, это чудо!

Княгиня Дутикова.

Андрей Андреевичъ! Да вы людей какъ мухъ
Изволите морить.

Пустельгинъ.

Но этотъ слухъ

Не я вѣдь пропустилъ. Я очень огорчился;
Когда сказали мнѣ, я плакалъ какъ дитя.

Владиміръ.

А я такъ думаю, что точно онъ скончался;
А, можетъ быть, живымъ прикинулся шутя.

Запяткинъ.

И, нечего сказать, прикинулся отлично!

Пустельгинъ.

Да тотъ, кто мнѣ сказалъ, все это слышалъ лично
Отъ доктора его, Ивана Фомича.

Запяткинъ.

Чего-же вамъ еще? Свидѣтельство врача;
Вѣдь это было не заочно,
И докторъ видѣлъ самъ?

Владиміръ (*Пустельгину*).

Повѣрь, онъ умеръ точно!

Княгиня Дутикова.

А ходитъ хорошо.

Владиміръ.

Да это сгоряча.

Пустельгинъ.

Ахъ, Боже мой! Да вы меня совсѣмъ заѣли.
Помилуйте!... Ай, ай!.. Никакъ идетъ сюда
Анисья Дмитревна?... Ну, такъ и есть! бѣда!
Я не былъ у нея почти ужь три недѣли,
И если попадусь не въ добрый часъ,
Такъ Боже упаси! (*клянясь Дутиковой*). Надѣюсь повстрѣ-
чаться!

Дутикова.

Хорошій человекъ, а, надобно признаться,
Ужасно лжетъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Анисья Дмитріевна и княжна.

Анисья Дмитріевна (*княжнѣ*).

Да, да, въ послѣдній разъ!

Постой! Здѣсь, кажется, просторно,
И даже есть присѣсть на чемъ.
Ну, мать моя, благодарю покорно!
Впередъ меня и калачомъ
Не выманишь на эти воды!
Такого сборища сродясь я никогда
Не видѣла нигдѣ,—и что здѣсь за народы!

Княжна.

Здѣсь общество хорошее всегда...

Анисья Дмитріевна.

Не общество, а рынокъ здѣсь толкучій;
Всѣ въ шляпахъ, въ сюртукахъ, толпятся, бродятъ кучей,

И грубость ихъ изъ всёхъ выходитъ мѣръ;
Хоть князь Бирюлькинъ, напримѣръ:
Со мною встрѣтился, и шапки не ломаетъ!
Мальчишка, негодяй! Да развѣ онъ не знаетъ,
Кто я, и чѣмъ мой былъ покойный мужъ?
Чай, гордость глупая въ башку засѣла:
Князья Бирюлькины—велико дѣло!
Да ихъ въ одной Москвѣ семьсотъ наличныхъ душъ!
Вотъ князь Иванъ Ильичъ—такъ князь... Ты здѣсь, Володя?

Владиміръ.

Здѣсь, бабушка!

Анисья Дмитріевна.

Ахъ, ты хвастунъ, хвастунъ!
Ну, что ты насаказалъ?... Я смерть устала ходя,
А что здѣсь путнаго?

Заняткинъ подаетъ ей стулъ; она киваетъ головой. Заняткинъ кланяется).

Смотри, какой шаркунъ!
Туда-жъ кобенится, какъ будто благородный!
Мѣщанскій сынъ!

Владиміръ.

Чего-жъ хотите вы?
Хоть это не Карлсбадъ,—здѣсь духъ народный
Совсѣмъ не тотъ; однакожъ, для Москвы
Живетъ: опрятный домъ и видъ прекрасный;
Больныхъ не много есть, за то здоровыхъ тѣмъ.
Конечно, былъ-бы трудъ напрасный
Искать здѣсь пищи для ума;
За то одѣты все нарядно,
Все фразы модныя въ ходу,
И даже музыка въ саду

Анисья Дмитріевна.

Да, батюшка, пищить изрядно:
Могла-бы лучше быть.

Владиміръ

Помилуйте, зачѣмъ?
Вѣдь мы на этотъ счетъ совсѣмъ не прихотливы.

Анисья Дмитріевна (*увидя Дутикову*).
Глафира Саввишна!

Княгиня Дутикова.

А, здравствуйте!

Анисья Дмитриевна.

Вы живы?

Не стыдно-ль, мать моя, забыть меня совсѣмъ!

Ну, какъ не завернуть ко мнѣ,—живешь такъ близко.

Княгиня Дутикова.

Я, право, все больна.

Анисья Дмитриевна.

Больна, а лѣзетъ врозь!

Совсѣмъ испортилась, хоть брось!

(цѣлуются и межъ собой разговариваютъ).

Владиміръ *(княжна, которая держитъ въ рукѣ записку)*

Что это у тебя? Любовная записка?

Княжна.

Ну, да!

Владиміръ.

Отъ Лидина?

Княжна.

И это отгадалъ!

Владиміръ.

Да онъ былъ здѣсь?

Княжна.

И все гулялъ со мною.

Владиміръ.

Вдвоемъ?

Княжна.

Ахъ, да!—и точно какъ съ женою:

Глядѣлъ по сторонамъ, молчалъ...

Владиміръ.

Какой вандалъ!

Все можетъ говорить, а входитъ въ переписку!

И, вѣрно, самъ вручилъ тебѣ записку!

Княжна.

Да, самъ.

Владиміръ.

Вотъ что! *Intrigue epistolaire!*

Ужъ нечего сказать, преловкій кавалеръ!

Княжна.

Когда онъ сталъ со мной прощаться,

То все твердилъ, что мой отвѣтъ

Рѣшитъ его судьбу.

Владимірь.

Да полно защищаться!

Сдавайся поскорѣй! Вѣдь скоро тридцать лѣтъ,
Такъ долго-ль до бѣды, какъ разъ въ убыткѣ чистомъ;
Пройдетъ еще весна, а много-много двѣ —

Анъ глядь: княжна сидитъ за вистомъ,

И токъ на воловѣ.

Эй, душенька, смотри!

Княгиня Дутикова (*взглянувъ на часы*).

Три четверти седьмого.

Анисья Дмитриевна.

Куда бѣжишь? Дай мнѣ сказать два слова!

Княгиня Дутикова.

Мнѣ время пить.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Т в - ж е в в з ъ Дутиковой, вскорѣ Полканова и
М а ш е н ь к а .

Анисья Дмитриевна (*смотря вслѣдъ Дутиковой*).

Какой всѣ кинулись толпой.

Голубчики мои! Спѣшать на водопой!

Ну, москворѣцкая водица,

Вошла ты въ честь!

Владимірь.

Что, душенька сестрица,

Ты видѣла мою сѣльфиду? Какова?

Да вотъ она!... Прощай!

(*Убѣгаетъ*).

З а п я т к и н ъ (*посмотрѣвъ вслѣдъ за Владиміромъ*).

Пустая голова!

Тебѣ все надобны приманки:

Добро, ужъ такъ и быть—еще разокъ иль два

Свожу тебя къ моей италіянкѣ,

А тамъ и Богъ съ тобой!

(*Уходитъ въ противоположную сторону*).

Княжна (*Анисья Дмитриевна*).
Мнѣ скоро пять пора.

Анисья Дмитриевна.
А много-ль кружекъ пьешь?

Княжна.
Сегодня восемь ровно.

Анисья Дмитриевна.
А скоро-ли дойдешь до пѣлаго ведра,
Не знаешь, матушка? Ахти! Федосья Львовна!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же и Полканова.

Полканова (*кланяясь*).
Анисья Дмитриевна!

Анисья Дмитриевна.
Насилу Богъ привелъ
Увидѣть васъ въ Москвѣ!

Полканова.
Я также съ нетерпѣньемъ
Желала видѣть васъ, и завтра же съ почтеньемъ
Явлюся къ вамъ.
(*кланяется*).

Анисья Дмитриевна.
Когда я ѣздила въ Орель,
Вы такъ меня своею лаской обязали!
(*кланяется*).

Полканова (*кланяясь*).
А вы меня въ Москвѣ какъ друга принимали.

Анисья Дмитриевна.
И чѣмъ достойна я, за что и почему?

Полканова.
Помилуйте! Да это ужъ обидно!
Анисья Дмитриевна.
Мнѣ, право, слышать стыдно!

вмѣстѣ. {

Полканова.

Какіе въ вашемъ я дому
Всегда имѣла агременты..

Анисья Дмитріевна.

И, полноте...

Полканова.

Когда я въ прошлый разъ была
Со всей моей семьей...

Анисья Дмитріевна.

Оставимъ комплименты.

Скажите, матушка, вы прямо изъ Орла?
Что всё орловскіе?

Полканова.

Да такъ, живутъ исправно;

Велѣли кланяться.

(кланяется).

Анисья Дмитріевна.

Что Марья Николаевна?

Полканова.

Давно не видѣла; здорова, говорятъ.

Анисья Дмитріевна.

Все такъ-же весела?

Полканова.

Охъ, матушка, наврядъ!

Она смѣется вслухъ, а плачетъ втихомолку.

Анисья Дмитріевна.

Вотъ то-то-же! Все лѣзла въ знатный кругъ...

Полканова.

Имѣнье прожила безъ толку,

Могала все...

Анисья Дмитріевна.

А свой товаръ не сходить съ рукъ...

Полканова.

Да, дочки у нея ужъ взрослые дѣвицы;

Недаромъ изъ столицы

Изволила пріѣхать къ намъ:

По ярмаркамъ повозить ихъ, а тамъ
На выборы, да къ Липецкимъ водамъ,
Затѣетъ вечера, театры, фанты;
А наши-то всё франты
Гурьбою къ нимъ,—и вдругъ, глядишь, исподтишка...
Дай, дай Господь имъ женишка!

Анисья Дмитриевна.

Дай Господи!

Полканова.

Хотя бъ для старшей, Катерины;
Вѣдь дѣвка добрая и съ нею мы въ роднѣ:
Я мать ей крестная.

Анисья Дмитриевна.

А что, скажите мнѣ,
Надолго-ль въ наши палестины?

Полканова.

Да какъ прикажутъ доктора:
Они находятъ всё, что я слаба, стара,
И что мнѣ надобно, болѣзнь не запуская,
Здѣсь воду пить.

Анисья Дмитриевна.

Не лучше-ли вино?
А какъ зовутъ ее?

Полканова.

Охъ, больно мудрено!
Брунъ-Креницъ, матушка,—да гадость-то какая.
Вотъ такъ съ души и претъ!
Вѣдь внучка ваша также пьетъ?

Анисья Дмитриевна.

Пьетъ, матушка!

Полканова.

А вы?

Анисья Дмитриевна.

Благодарю покорно!
Я пью Трехгорную. Такъ вы у насъ въ Москвѣ
Пробудете?

Полканова.

Авось недѣльки черезъ двѣ
Отпустятъ, матушка.

Анисья Дмитриевна.

Къ чему-же такъ проворно?

Полканова.

Дѣлишки дома есть; а здѣсь мои дѣла
Я всё окончила: всёмъ нужнымъ закупилась,
Съ мадамой русской порѣшилась,
Мусью француза наняла...

Анисья Дмитриевна.

Ну что, хорошъ?

Полканова.

Бредеть покуда.

Анисья Дмитриевна.

Въ лѣтахъ?

Полканова.

Лѣтъ двадцать пять иль шесть.

Анисья Дмитриевна.

Охъ, это худо!

Полканова.

Паспорты онъ свои въ Парижѣ позабылъ,
А говорить, что въ службахъ разныхъ былъ.
Но гдѣ служилъ, кому, какимъ манеромъ—
Не знаю, матушка; а былъ онъ офицеромъ,
Все ѣздилъ по морямъ

Анисья Дмитриевна.

И, мать моя! французъ—такъ онъ семи царямъ

Отслужить на однѣхъ подметкахъ;

А, чай, вѣрнѣй всего, толкъ знаетъ въ папильеткахъ,
И съ гребнемъ онъ служилъ. Вѣдь нынче ужъ не то:
Я помню, въ старину бывали все аббаты,
Народъ превѣжливый; теперь, посмотришь, кто?—
Въ усахъ, въ хохлахъ, буяны, хваты—
Вотъ такъ бы всѣхъ дубиной со двора!

Княжна (*Анисья Дмитриевна*).

Пойдемте, бабушка; мнѣ, право, пить пора.

Анисья Дмитриевна.

Эхъ, полно, мать моя!

Полканова.

И мнѣ давно ужъ время.

Анисья Дмитриевна.

Лѣчить себя водой, конечно, всё вольны,
Не спорю я,—да чѣмъ же вы больны?

Полканова.

Кто? Я? Помилуйте! Стучитъ все въ темя,
Удуше схватитъ иногда...
Да что и говорить, болѣзней всякихъ бездна;
Подчасъ вздохнуть не можно безъ труда.

Анисья Дмитриевна.

А москворѣцкая вода
Отъ этихъ недуговъ отъменно какъ полезна.
Пойдемте поскорѣй!

(Анисья Дмитриевна, Полканова и княжна уходятъ направо отъ зрителей).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Князь Радугинъ, Котомкинъ, графъ Мишурскій,
баронъ Турухтановъ и Пустельгинъ *(выходятъ изъ среднихъ дверей).*

Князь Радугинъ.

За мною, господа!
Сюда! Присядемте! *(Всѣ садятся).* Ну, что?...

Графъ Мишурскій.

Да, здѣсь прелестно!
Просторно и свѣжо.

Пустельгинъ.

А тамъ—терѣбнѣе нѣтъ!

Баронъ Турухтановъ.

Въ саду печегъ, а въ галлерей тѣсно.

Котомкинъ.

Вы поздно ѣдите, бароны!

Баронъ Турухтановъ.

Нельзя-жъ чѣмъ свѣтъ
Въ мои года вставать съ постели.

Котомкинъ.

Да въ ваши-то года и вреденъ долгій сонъ.

Баронъ Турухтановъ.

А я вамъ докажу...

Князь Радугинъ.

И, полноте, баронъ!

Давайте говорить о дѣлѣ.

Что слышно новаго?

Графъ Мишурскій.

Да много кой-чего;

На-дняхъ увидите...

Пустельгинъ (*персидская*).

Большое производство?...

Князь Радугинъ.

Ну, такъ и есть!

Графъ Мишурскій.

Не слушайте его!

Совсѣмъ не то: выходить руководство

Къ познанью русскихъ всѣхъ производящихъ силъ

И средству вѣрному умножить капиталы.

Князь Радугинъ (*барону*).

Которымъ насъ баронъ, конечно, подарилъ?

Баронъ Турухтановъ.

Помилуйте! Мои способности такъ малы!

Конечно, опытъ мой и постоянный трудъ

Мнѣ право, можетъ быть, со временемъ дадутъ

читать себя не вовсе бесполезнымъ;

Я могъ-бы, какъ другой, легко прослыть любезнымъ;

Охриплымъ теноромъ кой-какой романсъ провить;

У старыхъ дураковъ просить во всемъ совѣта,

Придакивать, и прямо съ бальнаго паркета

Шагнуть въ министры, можетъ быть;

Но я плохой угодникъ свѣта;

Въ глазахъ невѣждъ—я неучъ и педантъ...

Пустельгинъ.

И, полноте! вашъ умъ, ученость и талантъ...

Баронъ Турухтановъ.

Повѣрьте мнѣ, пройдутъ, конечно, вѣки,

Пока въ моемъ отечествѣ родномъ

Поймутъ меня.

Князь Радугинъ (*графу*).

Какой глубокой экономы!

Котомкинъ (*тихо Пустельгину*).

А все имѣние въ опеку.

Графъ Мишурскій.

Мнѣ помнится, баронъ, еще готовишь ты

Для русской публики подарокъ...

Баронъ Турухтановъ.

Да! Мысль моя о томъ, чтобъ, вмѣсто нашихъ барокъ,
Устронть по рѣкамъ летучіе плоты.

Князь Радугинъ.

Большой трактатъ?

Баронъ Турухтановъ.

Изрядный будетъ томець:

Листахъ на двадцати, и скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Пустельгинъ (*князю*).

А, кстати, князь! Вы слышали, иль нѣтъ,

Вѣдь общій нашъ знакомецъ,

Финтюлькинъ, помѣщенъ...

Князь Радугинъ.

Иванъ Козьмичъ?

Пустельгинъ.

Ну-да!

Котомкинъ.

Добился своего!

Князь Радугинъ.

Вы знаете куда?

Пустельгинъ.

Директоромъ въ одномъ казенномъ заведеньи.

Графъ Мишурскій.

Такъ онъ теперь въ хорошемъ положеньи?

Котомкинъ.

Въ мѣстечко теплое залѣзь!

Князь Радугинъ.

Какое теплое! Вѣдь нынче все въ обрѣзь.

Баронъ Турухтановъ.
А экономія плохая!

Котомкинъ.
И, князь! Кой-гдѣ кроха, посмотришь, тамъ другая,
А все перепадетъ, была-бы голова.
Ремонтъ на домъ, казенные дрова,
Полсотни человѣкъ команды гарнизонной,
Да то, да се—анъ глядь, такъ съ хлѣбцемъ вся семья!

Князь Радугинъ.
Какой тутъ хлѣбъ!

Котомкинъ.
Какой!... Да пусть мнѣ воробья
Дадутъ кормить на счетъ казенный,
Такъ, вмѣстѣ съ нимъ, я... лошадь прокормлю!

Графъ Мишурскій (*улыбаясь*).
Я эту искренность отъменно какъ люблю.
Такъ вы?...

Котомкинъ
Не я... а есть такіе доки.
Я глупъ: во мнѣ есть разные пороки;
Но если вамъ скажу, такъ, право, не солгу,
Что это воровство и эти беспорядки
Спокойно видѣть не могу:
Я честный человѣкъ!

Пустельгинъ (*тихо барону*).
А выключень за взятки.

Графъ Мишурскій.
Ахъ, Боже мой! Чуть-чуть не позабылъ!
Пустельгину).
Андрей Андреевичъ! На новости ты былъ
Всегда ходокъ; но эту врядъ-ли знаешь!

Пустельгинъ.
Кто? я?... Не можетъ быть!

Графъ Мишурскій.
А если не скажу,
Такъ вѣкъ не отгадасшь;
Я этимъ васъ какъ громомъ поражу:
Андрей Степановичъ Правдинъ...

Пустельгинъ (*перерывая*).

А! слышали!

На этихъ дняхъ въ отставку вышелъ?
(*Графъ качаетъ головой*).

Съ женою развелся?...

Князь Радугинъ.

Помилуй! Онъ вдовецъ.

Пустельгинъ.

Да, точно, — виноваты! Постойте, вовсе сбился...
Вѣдь это братъ его, — а онъ опять женился.

Графъ Мишурскій.

О, нѣтъ; совсѣмъ не то.

Князь Радугинъ.

Да что-же наконецъ?

Графъ Мишурскій (*поглядѣвъ на встѣхъ молча*).
Въ совѣтъ опредѣленъ.

Баронъ Турухтановъ.

Въ совѣтъ?

Князь Радугинъ.

Ахъ, мой Творецъ!

Прошу сказать, въ какомъ живемъ мы свѣтѣ,
Андрей Степановичъ Правдинъ сидитъ въ совѣтѣ!
Да что у насъ иль вовсе нѣтъ людей?

Баронъ Турухтановъ.

Въ Европѣ много ихъ...

Князь Радугинъ.

И мы не африканцы.

Помилуйте, баронъ!... Конечно, иностранцы...

Графъ Мишурскій.

Немного русскихъ поумнѣй,
Такъ чтожъ! Мы новыхъ знать не хотимъ ихъ затѣй,
И чтобъ не слушать ихъ, давно заткнули уши;
За то у насъ ревизскія есть души,
Болота, степи и лѣса;
Въ войнѣ мы строимъ чудеса;
Противъ чугунной русской груди
Ничто не устоитъ, — на чтожъ намъ люди
Съ умомъ и головой!

Князь Радугинь.

Ну, это милый, вздор!
И если уж пошло на спорь...

Графъ Мишурскій.

Побойтесь Бога, князь! мнѣ, право, очень чудно,
Что вы...

Князь Радугинь.

Такъ доказать не трудно,
Что люди есть у насъ, и такъ-же какъ вездѣ
Есть головы, да только гдѣ?...
На службѣ?... нѣтъ! Они живутъ безъ дѣла;
А если-бы правительство хотѣло,
Такъ можно-бы сыскать и ночью безъ свѣча
Такихъ людей, какихъ и прежде не бывало.

Баронъ Турухтановъ (*тихо Пустельгину*).
Онъ мѣтитъ на себя.

Пустельгинь (*также*)

Да полно, замолчи!

Князь Радугинь.

Повѣрьте мнѣ, у насъ, конечно-бы, достало
Людей съ умомъ на все; но должно ихъ искать;
Нашли, такъ приголубить надо.

Баронъ Турухтановъ.

Да что служить-то за отрада:
Неужели чины васъ могутъ привлекать?

Князь Радугинь.

Конечно, жить пріятнѣй на покоѣ;
(входитъ слуга).
Но кто къ отечеству согрѣтъ огнемъ святымъ...

(слуга подходитъ къ князю).
Что надобно тебѣ? *(Слуга подаетъ письмо).* А это что
такое?

Слуга.

Изъ дома вашего прислали съ верховымъ.

Князь Радугинь.

Пакетъ... ко мнѣ... съ печатью министерскою!...
Позвольте, господа!

(Выходитъ впередъ и распечатываетъ письмо).

Пустельгинъ (*Котомкину*).

Правдинъ... вѣдь это тотъ,

Что былъ на слѣдствіи?

Котомкинъ.

И мучилъ цѣлый годъ

Честныхъ людей—характеръ самый звѣрскій.

Я также отъ него невинно пострадалъ:

Уважить не хотѣлъ ни лѣтъ моихъ, ни хилость...

Князь Радугинъ (*читая письмо*).

«Почтеннѣйшій мой другъ!...» Кто-жъ это подписалъ?...

смотритъ на подпись

Князь Любскій!... Самъ министр!... «мой другъ!»...

Какая милость!...

(читаетъ).

«Я очень радъ, что вы хотите снова посвятить себя службѣ;
вамъ грѣшно жить въ отставкѣ».

Ну, видно по всему, министръ большой дѣлецъ,

И знаетъ въ людяхъ толкъ.

«Спѣшу въ короткихъ словахъ увѣдомить васъ, что
вслѣдъ за симъ получите официальную бумагу о вашемъ на-
значеніи».

Очнулись наконецъ!

«Для начала вы займете мѣсто моего товарища».

Товарища!... ого!... Да, такъ начиная,

Я кончу хорошо!

«Часъ отъ часу здоровье мое становится хуже, я дряхлѣю
примѣтнымъ образомъ и, можетъ быть, скоро... но мы погово-
римъ объ этомъ при свиданіи. Поспѣшите вашимъ приѣздомъ;
здѣсь ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ. Прощайте!»

Да, ваша свѣтлость, да!

Мы поспѣшимъ!... Хотите-ль, господа,

Я новость вамъ скажу,—а новость не дурная,

И вашихъ всѣхъ гораздо повѣрнѣй.

Баронъ Турухтановъ

Всѣ эти новости между собой похожи;

Ужъ вѣрно вздоръ.

Князь Радугинъ.

Ну, вѣтъ!

Пустельгинъ.

Скажите поскорѣй!

Графъ Мишурскій.

Еще какой-нибудь глупецъ печаль въ вельможи.

Князь Радугинъ.

Попалъ—да не глупецъ; и вы, любезный графъ,
На этотъ разъ ошиблися немного.

Графъ Мишурскій.

Не думаю.

Пустельгинъ.

Да что? Скажите, ради Бога!

Князь Радугинъ.

Сейчасъ увидите, кто правъ,

(подавая письмо графу).

Вотъ доказательство—у васъ передъ глазами—

Возьмите трудъ, прочтите сами.

Графъ Мишурскій *(кинувъ быстрый взглядъ на письмо).*

Возможно-ли!... Такъ вы?...

Пустельгинъ.

Позвольте намъ взглянуть!

(Графъ отдаетъ ему письмо; Пустельгинъ, баронъ и Котомкинъ читаютъ его вмѣстѣ).

Графъ Мишурскій *(князю).*

Я очень радъ!

Князь Радугинъ.

Въ отставку отдохнуть

Хотѣлось мнѣ, хоть я съ министромъ очень друженъ.

Да службы-то боюсь какъ огня;

Но если я для пользы общей нуженъ,

Когда и самъ министръ не можетъ безъ меня

Своею частью править,

Такъ дѣлать нечего.

Пустельгинъ.

Имѣю честь поздравить!

Баронъ Турухтановъ.

Сегодня-жъ предложу я въ клубѣ первый тостъ...

Князь Радугинъ.

И, полноте!

Котомкинъ.

Когда достойный русскій баринъ

Займетъ такой высокій постъ,

Такъ сердцу весело.

Князь Радугинъ.

Я очень благодаренъ;
Но васъ прошу до времени молчать.

Пустельгинъ.

Повѣрьте, что никто...

Князь Радугинъ.

Ну, то-то-же, смотрите!
(Глядитъ на часы).

Ого! Пора домой.

Графъ Мишурскій.

Куда-же вы спѣшите?

Князь Радугинъ.

Министру должно мнѣ сегодня отвѣчать,
Такъ мѣшкать нечего. Слуга вашъ! До свиданья!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ-же, безъ князя Радугина.

Пустельгинъ.

Ну, этой новостью похвастать не грѣшно;
Сейчасъ пойду.

(Уходитъ).

Баронъ Турухтановъ (помолчавъ нѣсколько времени).

Что, графъ?

Графъ Мишурскій.

И жалко, и смѣшно!

Баронъ Турухтановъ.

Иванъ Ильичъ—министръ!

Графъ Мишурскій.

И что въ немъ за познанья!

Помилуйте! Въ нашъ вѣкъ любой звонарь
Умнѣй его!

Баронъ Турухтановъ.

Чему и гдѣ учился!

Котомкинъ.

Да! Этотъ князь въ дѣлахъ не искусился
И надобенъ ему не глупый секретарь!

Графъ Мишурскій.

Ну, видно, что совсѣмъ погибла справедливость.

Баронъ Турухтановъ.

Замѣтили-ль, какая горделивость
Явилась въ немъ? Какъ важень сталъ!
Чуть-чуть кивнулъ намъ головой.

Графъ Мишурскій.

Нахаль

Баронъ Турухтановъ.

Глупецъ!

Графъ Мишурскій.

Животное!

Баронъ Турухтановъ.

Вотъ чванства-то прибудеть
Въ Анисѣ Дмитревнѣ! Не станетъ никому
И кланяться.

Котомкинъ.

Куда! Къ ней приступу не будетъ.

Графъ Мишурскій.

А что, баронъ, поѣдете къ нему?

Баронъ Турухтановъ.

Къ нему? Зачѣмъ?

Графъ Мишурскій.

Я въ этомъ былъ увѣренъ.

Баронъ Турухтановъ.

Чтобъ сталъ я подличать!

Графъ Мишурскій.

Я также не намѣренъ,

И у дверей его не скоро постучусь.

Баронъ Турухтановъ.

Пожалуй этотъ чванъ—да, да! все можетъ статься,—
Заставить насъ въ передней дожидаться.

Графъ Мишурскій.

Ужъ вѣрно не меня.

Котомкинъ (*въ сторону*).

Ну, я не поручусь!

Баронъ Турухтановъ.

А гдѣ, бишь, онъ живетъ?

Котомкинъ.

Все тамъ же—на Покровкѣ.

Баронъ Турухтановъ.

А, да!—Мнѣ надобно туда къ моей золовкѣ
Сегодня утромъ завернуть.

Котомкинъ.

Съ Остоженки... ой, ой! Изрядный путь!

Баронъ Турухтановъ.

А ѣхать надобно: она больна, бѣдняжка.

Графъ Мишурскій.

Елена Власьевна больна?

Баронъ Турухтановъ.

И очень тяжело,

Чуть-чуть не умерла; теперь получше ей.
Прощайте, графъ!

(*Уходитъ*).

Графъ Мишурскій (*Котомкину*).

Да онъ съ золовкой своей
Былъ въ ссорѣ, кажется?

Котомкинъ.

Такъ, видно, помирился.

Графъ Мишурскій.

Онъ что-то очень торопился...

Мнѣ также надобно проѣхать туда...
Какъ я даль! Легко-ль, подумаешь... бѣда!

Котомкинъ.

Такъ рано ѣхать вамъ, мнѣ кажется, куда?

Графъ Мишурскій.

Хочу взглянуть одну старушку богомолку,
Она встаетъ чѣмъ свѣтъ.

(*Уходитъ*).

Котомкинъ (*глядя вслѣдъ за графомъ*).

Не глупы вы, друзья!

Ругаете его, а сами втихомолку..

А чтобъ и мнѣ?... Такъ чтожъ?... Отправляюся и я;

На первыхъ-то порахъ скорѣй добьешься толку:

Авось возьметъ въ секретари!

(*Уходитъ нальво*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Глинскій (*выходитъ съ правой стороны; онъ держитъ въ рукахъ письмо*).

Ну, такъ и есть! и я готовъ держать пари,

Что князь мое письмо знакомымъ всѣмъ читаетъ,

И нынче же весь свѣтъ въ Москвѣ узнаетъ,

Что я служу опять. (*Смотритъ надпись*). Да, точно такъ!

Ошибка въ адресахъ—теперь нельзя никакъ

Секретничать: его письмо ко мнѣ попало,

Такъ, стало,

Мое должно быть у него.

Оно, конечно, ничего

И стоитъ намъ лишь только размѣняться...

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Глинскій и Владиміръ.

Глинскій.

А, князь! Вашъ батюшка?...

Владиміръ.

Отправился домой.

Глинскій.

Такъ я заѣду къ вамъ; мнѣ нужно повидаться.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Владиміръ (и вскорѣ) Запяткинъ.

Владиміръ.

Очнуться не могу!... Да гдѣ Запяткинъ мой?...

(Запяткинъ входитъ).

Насилу встрѣтились! Поди сюда скорѣе!

Ты слышалъ?

Запяткинъ.

Что?

Владиміръ.

А то, чего смѣшивае

Ты, вѣрно, въ жизни не слыжалъ?

Запяткинъ.

Да что?

Владиміръ.

Въ товарищи къ министру кто попалъ?

Узнай!

Запяткинъ.

Знакомый нашъ?

Владиміръ.

Весьма.

Запяткинъ.

И здѣшній житель?

Владиміръ.

Природный, коренной москвичъ.

Запяткинъ.

Да кто, скажи!

Владиміръ.

Почтенный мой родитель,

Князь Радугинъ, Иванъ Ильичъ.

Запяткинъ.

Возможно-ли!

Владиміръ.

Что, милый, удивился?

Запяткинъ.

Да какъ онъ этого добился?
Ты шутишь, князь!

Владимиръ.

По чести, не шучу.

Запяткинъ.

Вѣдь онъ въ отставку былъ?..

Владимиръ.

Ну да.

Запяткинъ.

И вдругъ такъ быстро
Подвинуться впередъ! Нѣтъ, вѣрить не хочу.

Владимиръ.

Я видѣлъ самъ письмо за подписью министра;
Надѣюсь, это фактъ.

Теперь комедіи начнется первый актъ:

Толпы просителей въ прихожей,

Въ приемной залѣ—господа;

Иной стоитъ съ предлинной рожей,

Другой какъ мѣдный грошъ. Ужъ то-то мы тогда

Насмотримся на эту спесь и барство,

Когда всѣ милости пойдутъ изъ нашихъ рукъ...

Запяткинъ.

Ну, это хорошо!

Владимиръ (*насмѣливо*).

Для пользы государства?

Для блага общаго?

Запяткинъ.

И нѣтъ! для насъ, мой другъ.

Теперь опять съ тобой мы въ службѣ.

Владимиръ.

Какой ты эгоистъ!

Запяткинъ.

Быть можетъ, но не въ дружбѣ:

Ты это знаешь, князь. Однако-же, прощай!

Ты будешь дома?

Владимиръ.

Нѣтъ! Я нынче званъ на чай

Къ княгинѣ Лелевой, — обѣдаю на дачѣ,
Въ театрѣ, можетъ быть, сосну;
Такъ развѣ вечеромъ...

Запяткинь.

Когда нельзя иначе,
Такъ я къ тебѣ часу въ десятомъ заверну. (*Уходитъ*).

Владиміръ (*помолчавъ*).

Я много глупостей и вздора
На матушкѣ святой Руси видалъ;
А, признаюсь, никакъ не ожидалъ...
Ну вспомнить не могу!... Папа министр!... Умора!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ комнату на половину князя Радугина. — Въ глубинѣ театра двери; по бокамъ направо отъ зрителей двери, ведущія на половину Анисьи Дмитріевны. натьво въ кабинетъ князя Радугина.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Князь Радугинъ (*во фракъ сидитъ на креслахъ*). Жоховъ (*сидитъ нѣсколько поодаль, у среднихъ дверей*). Слуга (*съ богатой ливрѣй*).

Князь Радугинъ (*нюхая табакъ*).

Я все еще какъ будто-бы въ чаду;
Не вѣрится!... Вотъ вздоръ! — да это справедливость.
И больше ничего; но требуетъ учтивость,
Чтобъ я благодариль... Да скоро-ль попаду
Въ министры я? Князь Любскій пишетъ,
Что онъ и старъ и дряхль; да эти старики
Лишь только охаютъ! — Глядишь, иной чуть дышетъ.

А все сидить! Нѣтъ, это пустяки!
Ему товарищемъ мнѣ можно согласиться
Пробыть полгода, годъ; но долѣе никакъ.

Куда какъ весело трудиться,
Когда вся честь ему!... Да что я за дуракъ!
Нѣтъ, батюшка, пусть тотъ за васъ въ трудѣ
Работаетъ, кто самъ не значить ничего;
И если вы меня зовете для того,
Такъ вы, сіятельный, ошиблися въ расчетѣ

И плохо знаете мой нравъ...
А что, подумаешь... вѣдь я не вовсе правъ.
Не спорю я, у насъ дурного очень много;
Но сряду обо всемъ всегда судить такъ строго,
Какъ я судилъ, одинъ лишь можетъ врагъ.
Ну, какъ сказать, чтобъ не было желанья
Улучшить все, когда замѣтно ужъ старанье
Искать людей,—а это важный шагъ!

Въ толпѣ скрывается подчасъ великій геній...
Теперь и мой проектъ поидеть, надѣюсь, въ ходъ,
Какъ государственннй умножить намъ доходъ,
И погасить весь долгъ, безъ всякихъ затрудненій...
Увидите, какъ все поидеть, мои друзья,
Когда я въ дѣйствіяхъ моихъ не буду связанъ...

А, кстати о долгахъ!... Мнѣ помнится, что я
Подпиской былъ обязанъ

Не покидать Москвы?... Но я теперь служу,
И кто осмѣлится о долгѣ мнѣ напомнить,

Когда въ министры я гляжу!...

(Смотритъ на часы).

Одиннадцать часовъ! Я думаю, что скоро
Всѣ станутъ прїѣзжать; ужъ вѣрно поль-Москвы
Объѣздитъ Пустельгинъ и бьетъ набать... Эй, вы!

(Слуга и камердинеръ подходятъ).

Сегодня принимать всѣхъ сряду безъ разбора!

Ты, Жоховъ, будешь за-урядъ

Моимъ секретаремъ.

Жоховъ.

Такъ правду говорятъ

Что вы...

Князь Радугинъ.

Молчи, дуракъ!

Жоховъ.

А кто-жъ подастъ вамъ бриться?

Князь Радугинъ.

Не надобно. Когда прїѣдетъ кто явиться,

Проси здѣсь подождать; скажи, что занятъ я,
Къ министру почту отправляю;
Ты можешь намекнуть—я это позволяю,—
Что отъ хлопотъ мнѣ вовсе нѣтъ житья.
Ну, слышишь?

Жоховъ.

Слушаю.

Князь Радугинъ.

Для всѣхъ одинъ отвѣтъ:
Извольте подождать! Когда я въ кабинетъ
Войду, ты стань, Федотъ... Да гдѣ-же онъ?... Федотка!
Слуга (*очень громко*).
Чего изволите!

Князь Радугинъ.

Тьфу, пропасть! Эка глотка!
Ну, что кричишь, дуракъ! Ты тотчасъ подойдешь
Къ дверямъ—сюда!
(*Показываетъ на двери кабинета*).

Слуга.

Я знаю, сударь!

Князь Радугинъ.

Врешь!
Вотъ Богъ послалъ какого самоучку—
Все знаетъ самъ! Осель!... Смотри и замѣчай!
(*Становится къ дверямъ*).
Стой такъ; одной рукой держись за ручку,
И если спросить что, такъ шопотомъ отвѣчай.
Ну, слышишь?

Слуга.

Слушаю.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же, АНИСЬЯ ДМИТРИЕВНА и княжна. Жоховъ
и слуга (*отходятъ къ дверямъ*).

Анисья Дмитриевна.

Мы, князь, пришли съ Наташей

Къ тебѣ.

Князь Радугинъ.

Эхъ, матушка! Мнѣ, право, время нѣтъ.

Анисья Дмитриевна.

Есть дѣло, мой отецъ; хоть это въ волѣ нашей,
Однакожь надобенъ и твой совѣтъ.

Подайте стулъ! (*Слуха подаетъ*). Я ноги такъ отбила

И такъ устала отъ ходьбы,

Что мочи нѣтъ! (*Садится*). Княжна сегодня получила
Письмо отъ Лидина.

Князь Радугинъ.

Вотъ это очень мило!

Чего-же хочеть онъ?

Анисья Дмитриевна.

Рѣшенія судьбы.

Князь Радугинъ.

Какой судьбы?

Анисья Дмитриевна.

Да развѣ ты не знаешь?

Объ этомъ рѣчь давно идетъ у нихъ.

Князь Радугинъ.

Помилуйте! Да что онъ за женихъ?

Анисья Дмитриевна.

Вотъ слышишь, милая! О чемъ же ты вздыхаешь?

Княжна.

Мнѣ жаль его.

Анисья Дмитриевна.

Ну есть кого жалѣть!

Княжна.

Онъ такъ влюбленъ! Нельзя-жъ ему велѣть
Забуть меня.

Князь Радугинъ.

Тирада изъ романа!

Анисья Дмитриевна.

Министра дочь, женою капитана—
Да это курамъ смѣхъ!

Княжна.

Но можно подождать...

Князь Радугинъ.

Да что тутъ долго разсуждать!
Ужь если дѣлать что, такъ дѣлать надо разомъ.
Вотъ стоить; садись, пиши!

Княжна.

Не нужно! Мой отвѣтъ
Давно готовъ; вотъ онъ!

(Подаетъ ему запечатанное письмо).

Князь Радугинъ.

Ого! большой пакетъ.
Да только съ чѣмъ?

Княжна.

Съ отказомъ.
Я знала напередъ, что бабушка и вы...

Князь Радугинъ.

Плутовка!

Княжна.

Нѣтъ, мнѣ Лидинъ, право жалокъ;
Бѣдняжка!—Онъ совсемъ безъ головы.

Анисья Дмитриевна.

И, мать моя! На что ловить намъ галокъ.
Когда поймать мы можемъ соловья!

Князь Радугинъ.

Эй, малый! *(Федотъ подходитъ)*. Вотъ письмо, какъ можно
поскорѣ

Доставить Лидину

Федотъ.

Отнесъ?
Прикажете, чтобъ я

Князь Радугинъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Пошли съ письмомъ Андрея;
А ты останься здѣсь, и помни свою дверь.
(Федотъ уходитъ; потомъ черезъ минуту возвращается назадъ).
Вотъ дѣло и съ концомъ.—Ну, душенька, теперь
Ты можешь выбирать...

Анисья Дмитриевна.

Безъ всякаго сомнѣнья;

Да только изъ кого?

Князь Радугинъ.

Здѣсь много жениховъ:

Вотъ, Сурскій, на примѣръ, что скажете, каковъ?
Богатъ, умень...

Анисья Дмитриевна.

Глупецъ!

Княжна.

Несносное творенье!

Князь Радугинъ.

Помилуйте! Давно-ль попалъ онъ въ дураки?
Онъ умницей въ Москвѣ считался.

Княжна.

И, полноте! Да онъ лишь за умомъ гонялся...

Анисья Дмитриевна.

И такъ, что растерялъ, бѣдняжка, башмаки.
Изъ службы вышелъ вонъ, таскается по баламъ,
И вѣкъ не будетъ генераломъ.

Князь Радугинъ.

А князь Мальгинъ?...

Анисья Дмитриевна.

Хвастунъ!

Князь Радугинъ.

За то остеръ...

Анисья Дмитриевна.

На глупости.

Княжна.

Насмѣшникъ и бретеръ.

Князь Радугинъ.

Въ немъ много есть ума...

Анисья Дмитриевна.

И капли нѣтъ разсудка.

Князь Радугинъ.

Однакожъ,—онъ не глупъ...

Анисья Дмитриевна.

Ну да,—для здѣшнихъ дурь.

Князь Радугинъ.

Такъ что-же онъ?

Княжна.

Да такъ: дурная шутка,

Давно истасканный въ переднихъ каламбурь.

Князь Радугинъ.

Вамъ угодить рѣшительно нѣтъ средства.

Вы всѣхъ бракуете. Пойдите! вотъ женихъ—

Графъ Зоринскій! Въ виду огромное наслѣдство,

Прекрасное родство; онъ очень скромнень, тихъ,

Солидный человекъ, всегда уму послушенъ,

Такъ разсудителенъ...

Княжна.

И такъ безбожно скученъ!

Князь Радугинъ.

Ну, вотъ еще!... Конечно, онъ не франтъ...

Анисья Дмитриевна.

Несносный говорунъ...

Княжна.

Ужаснѣйшій педантъ.

Анисья Дмитриевна.

Когда съ нимъ рѣчь о чемъ-нибудь начнется...

Княжна.

Такъ кажется, что онъ твердитъ урокъ.

Анисья Дмитриевна.

Торчитъ какъ шесть, спина не гнется,

Ну, точно накрахмаленный платокъ.

Князь Радугинъ.

Итакъ по вашему здѣсь вовсе для Наташи

Нѣтъ партій?

Анисья Дмитриевна.

Конечно, нѣтъ.

Посмотришь—Боже мой!... одинъ другого краше:

Иль глупый франтъ, безъ малаго въ сто лѣтъ,

Иль знатный баричъ безъ имѣнья;
Тотъ моть, а тотъ дурного поведенья;
Одинъ игрокъ, другой мужикъ изъ-подъ сохи...
И, батюшка! Въ Москвѣ какіе женихи!
Оборвышь все—давно я эту мысль имѣла.
Вотъ Петербургъ—другое дѣло.
Какая разница! Приѣдете на балъ,
Такъ любо посмотрѣть: цвѣтъ русской молодежи;
Куда не обернись, все ленты и вельможи;
Тамъ даже и о томъ, кто полный генераль,
Поменьше говорить, чѣмъ здѣсь о бригадирѣ...

Князь Радугинъ (*глядя въ окно*)
Приѣхалъ кто-то... Да! и, кажется, въ мундирѣ...

Анисья Дмитриевна.

Являться начали: не должно никому
Отказывать. Чай, вся Москва отмѣнно рада,
Что ты...

Князь Радугинъ.

Позвольте-жъ мнѣ остаться одному!

Анисья Дмитриевна.

Пойдемъ, Наташенька! Дѣламъ мѣшать не надо.
Займись, мой другъ!

(*Анисья Дмитриевна и Наташа уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-жъ, ввѣзъ Анисьи Дмитриевны и Наташи.

Князь Радугинъ (*Жохову*).

Подай халатъ! Скорѣй!

Жоховъ.

Сейчасъ!...

Князь Радугинъ.

Куда-же ты?

Жоховъ.

Онъ въ вашемъ кабинетѣ.

Князь Радугинъ.

Такъ я надѣну самъ.

(Уходитъ; Федотъ становится къ дверямъ кабинета).

Иванъ (выглядывая изъ среднихъ дверей).

Пріѣхалъ гость.

Жоховъ.

Въ каретѣ?

Иванъ.

Нѣтъ, въ дрожкахъ.

Жоховъ.

А, въ дрожкахъ! Останься у дверей,

и отвори ему одну лишь половинку.

(Иванъ притворяетъ двери).

А ты, Федотъ, одѣтъ лоскутникомъ всегда;

Не стыдно-ли? Отдай ливрею то въ починку:

Увидитъ баринъ—такъ бѣда.

Иванъ (растворяя одну половинку дверей).

Пожалуйте сюда!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и Котомкинъ (въ мундирѣ).

Котомкинъ (кланяясь Жохову).

Его сіятельство...

Жоховъ.

Изволитъ заниматься,

и проситъ подождать.

Котомкинъ.

Что вижу! Боже мой!

Прокофій Сидорычъ! Да нѣтъ, не можетъ статься...

Жоховъ.

Такъ точно—это я.

Котомкинъ.

Вы прошлою зимой

здѣсь не были?

Ж о х о в ъ .

Имѣлъ я порученье
Отъ барина и ѣздилъ кой-куда.
Вы знаете, что намъ досталось имѣнье,
Такъ я отправленъ былъ туда
Кой-что на первый разъ устроить:
Одно продать, другое заложить,
Поправить мужицковъ, оброки все удвоить.

К о т о м к и н ъ .

Ну, какъ ему не дорожить
Такимъ служителемъ! Вѣдь прежній управитель
Мошенникъ былъ...

Ж о х о в ъ .

Такой, сударь, грабитель,
Что Боже упаси! Онъ вовсе разорилъ
Его сѣятельство.

К о т о м к и н ъ .

Я князю говорилъ:
«Повѣрьте мнѣ, приказчикъ иностранецъ
Бѣда! Въ нихъ толку нѣтъ: одинъ наружный гланецъ,
Да рѣчи красныя;—дойой его съ двора!
У васъ вѣдь есть, по милости Господней,
Прокофій Сидорычъ,—онъ, вѣрно, благороднѣй
И во сто разъ честнѣй, чѣмъ этотъ нѣмчура.
Помилуйте!»

Ж о х о в ъ .

Я очень благодаренъ.

К о т о м к и н ъ .

Насилу-то опомнился твой баринъ!
Еще годокъ или два, такъ этотъ бы пострѣлъ
Совсѣмъ сгубилъ его... А знаешь-ли, пріятель,
Я все гляжу и все дивлюсь... ахъ, мой Создатель!
Почтеннѣйшій!... Да какъ ты раздобрѣлъ!

(*Лынивая табакерку*).

Прикажешь табачку?

Ж о х о в ъ .

Нѣтъ, сударь, извините!
Не нюхаю. А если вы хотите,
Такъ грѣхъ не потею...

К о т о м к и н ъ .

А что? Куришь?

Жоховъ.

Курю.

Котомкинъ.

Вотъ что! Такъ я-жъ тебѣ, любезный, подарю
Картузъ отличнаго,—достался мнѣ случайно:
Малина—не табакъ, и пахнетъ чрезвычайно.

Жоховъ.

Нижайше васъ благодарю.

Котомкинъ.

Такіе табаки въ привозѣ очень рѣдки;
Да вѣдь для милаго дружка
Серезка изъ ушка!

Жоховъ.

Мнѣ совѣстно.

Котомкинъ.

И, вздоръ!... Скажи-ка мнѣ, что дѣтки?
Каковъ твой старшій сынъ?

Жоховъ.

Антошенька?

Котомкинъ.

Да, да!

Бывало, въ старину, онъ былъ со мной всегда

Товарищъ неразлучный.

Куда хороше! такой ребенокъ тучный,
Красикъ!... А что, чай, сталь ужъ все онъ понимать?

Жоховъ.

Давно, сударь.

Котомкинъ.

Вотъ я пришлю ему игрушку.

Жоховъ.

Теперь онъ нездоровъ.

Котомкинъ.

Какъ такъ?

Жоховъ.

Да дура мать

Балуешь все: вчера въ два фунта съѣлъ ватрушку,
Анъ вотъ и занемогъ.

Котомкинъ.

Вѣдняжка!

Жоховъ.

Пройдетъ!

Котомкинъ.

Эхъ, жаль!...

Жоховъ.

Пускай жена поохаетъ немножко,
Не станетъ баловать впередъ.

Котомкинъ.

А что, скажи-ка мнѣ, здорова-ль эта крошка?...

Жоховъ.

Кто, Феничка?...

Котомкинъ.

Ну, да! Вотъ рѣдкое дитя!
Я помню, грамотѣ училась шутя,
Да умныя какія рѣчи!...
Куда какъ весело имѣть такую дочь!

Жоховъ.

Чего, сударь, проплакала всю ночь.

Котомкинъ.

Что съ нею сдѣлалось?

Жоховъ.

Свалилась какъ-то съ печи,
Да счастливо: разбила только носъ.

Котомкинъ.

Голубушка моя!

Жоховъ.

Да это ничего-съ,
Бездѣлица! Ее лѣчить не надо,
И такъ пройдетъ.

Котомкинъ.

Позволь еще одинъ вопросъ:
За службу вѣрную должна же быть награда,—
Неужто князь въ твоей судьбѣ
Участья не возьметъ?

Жоховъ.

Я былъ всегда въ надеждѣ...

Котомкинъ.

А что, чай, вольнымъ быть? Да это было прежде.
Теперь ему легко не только что тебѣ,
И дѣтямъ-то твоимъ открыть дорогу:
Вѣдь онъ въ ходу, почти министръ... и слава Богу!
Побольше намъ давай такихъ людей!
Твой баринъ человекъ отличный и умнѣйшій..

А что, мой любезнѣйшій,
Сегодня не было у васъ другихъ гостей,
Опричь меня?

Жоховъ.

Нѣтъ, сударь, не бывало;
Никто не пріѣзжалъ.

Котомкинъ (*съ радостью*).

Никто? такъ стало
Пріѣхалъ первый я?... Нельзя-ли какъ нибудь,
Вотъ такъ... межъ словъ, за туалетомъ
Шепнуть его сіятельству объ атомъ?...
Пожалуйста, любезный, не забудь!

Жоховъ.

Помилуйте! Ужъ вѣрно не забуду.

Котомкинъ.

Ну то-то же!... (*Впомолоса*). Смотри, не говори!
Вѣдь я и самъ тебѣ пригоднымъ буду;
Быть можетъ, князь возьметъ меня въ секретари,
Глядишь, тогда—рука вѣдь руку мою—
Прокофій Сидорычъ имѣннице удвоитъ;
Домишко выстроить... Ну что, любезный?... Такъ?

Жоховъ.

Конечно, сударь, такъ!

Котомкинъ.

Ты малый не дуракъ;
Съ другимъ толкуй себѣ, никакъ не понимаетъ,
А ты смыслень и смѣтка есть.

Жоховъ.

Давно, сударь, живу.

Графъ Мишурскій (*за кулисами*).

Князь, вѣрно, принимаетъ?

Иванъ (*растворяя объ половинки*).

Пожалуйте!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-жъ и графъ Мишурскій.

Графъ Мишурскій (*увидя Котомкина*).
Сергій Фомичъ!

Котомкинъ (*кланяясь*).

Имѣю честь

Вамъ кланяться,

Графъ Мишурскій.

Вы здѣсь?

Котомкинъ.

И радъ, что вижу съ вами.
Вы, кажется, изволили сказать...

Графъ Мишурскій (*обращаясь къ Жохову*).
Что князь?

Жоховъ.

Преважными дѣлами

Онъ занятъ, и просить подождать
Минутки двѣ.

Графъ Мишурскій.

Ну что, здоровъ-ли ты, Прокофій?

Жоховъ (*кланяясь*).

Здоровъ-съ.

Котомкинъ (*графу*).

Вы, помнится, собирались не сюда?

Графъ Мишурскій.

Да такъ случилось. Я ѣздить кой куда
По близости: у Фрындиной пилъ кофе—
Она отсюда въ двухъ шагахъ живетъ ..

Котомкинъ.

Да, да!

Не болѣе двухъ верстѣ.

Жоховъ (*въ сторону*).

Ого, какія ноги!

Шагаетъ по верстѣ.

Графъ Мишурскій.

Однакожь по дорогѣ

Котомкинъ.

Немного въ сторону.

Графъ Мишурскій.

Сергѣй Фомичъ! Да вы

При формѣ, кажется? и съ ногъ до головы,

Какъ слѣдуетъ, въ большомъ парадѣ?

И что за важный видъ!

Какой мундиръ! Какъ ловко онъ сидитъ!

Позвольте мнѣ на васъ взглянуть немного сзади...

Отлично сшить!

Котомкинъ.

Живеть, сударь, каковъ ни есть.

Графъ Мишурскій.

Онъ могъ бы быть немножечко пошире,

Но это ничего—и вамъ большая честь:

Вы не по нашему—прѣхали въ мундирѣ!

Котомкинъ.

Да такъ водилось въ старину

Графъ Мишурскій

Вы крѣпко держитесь старинныхъ русскихъ правилъ,

На вашемъ мѣстѣ я привѣтъ бы и жену,

И всей семьей его сіятельство поздравилъ.

Котомкинъ.

Благодарю покорно за совѣтъ!

Что дѣлать, графъ, во мнѣ догадки нѣтъ,

И вашихъ тонкостей совѣтъ не постигаю;

Но если за глаза кого-нибудь ругаю,

Такъ врядъ-ли ужъ къ нему отправлюсь на поклонъ,

Я вовсе не похожъ на этихъ проидоховъ,

Я человѣкъ простой!

(Объ половинки дверей открываются).

Ахти! никакъ баронъ?

Ну, такъ и есть.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Ть-жъ и баронъ Турухтановъ.

Баронъ Турухтановъ.

А, здравствуй, Жоховъ!

Жоховъ.

Желаю здравія!

Баронъ Турухтановъ.

Что князь Иванъ Ильичъ?

Жоховъ.

Къ министру почту отправляетъ.

Баронъ Турухтановъ.

Вы здѣсь, любезный графъ! И вы, Сергѣй Фомичъ!

Котомкинъ.

Какъ видите.

Баронъ Турухтановъ (*графу*).

Васъ вѣрно удивляетъ

Мое присутствіе? Я самъ не ожидалъ,

Что буду здѣсь.

Котомкинъ (*въ сторону*).

Ошибкою попалъ.

Баронъ Турухтановъ.

Какой престранный случай вышелъ,

И какъ объ этомъ я не слышалъ:

Вѣдь, кажется, болтать охотница Москва.

Отсюда черезъ домъ, а много черезъ два

Жила Бушуева—предобрая старушка!

Вотъ я прибѣжалъ къ ней, послалъ узнать слугу;

Проходить пять минутъ—нейдетъ назадъ Петрушка...

Пришелъ!... и чтожъ она!... Очнуться не могу!...

Покушала грибокъ, да жареной форели,

Съ ней спазмы сдѣлались...

Графъ Мишурскій.

Неужто умерла?

Баронъ Турухтановъ.

Давно! И домъ ея купилъ ужь двѣ недѣли
Какой-то господинъ—пріѣзжій изъ Орла.

Графъ Мишурскій.

Ахъ, Боже мой!

Баронъ Турухтановъ.

Я сталъ втупикъ; куда дѣваться?...
Хотѣлъ домой—вдругъ вижу экипажъ;
Смотрю—такъ точно, это вашъ!
Вы здѣсь... Вотъ я, чтобъ съ вами повидаться,
Сюда и завернулъ.

Графъ Мишурскій.

А я пріѣхалъ съ водъ, немножечко соснулъ,
Потомъ пришла мнѣ въ голову идея...

Послушайте, баронъ!

(Выходитъ съ нимъ нѣсколько впередъ).

Изъ князя дѣлать намъ за что себѣ злодѣя?
Помилуйте! Конечно, онъ смѣшонъ:
Онъ мыслить обо всемъ и глупо и незрѣло,
Безграмотенъ—да намъ какое дѣло?

Баронъ Турухтановъ.

Вы правы, графъ! Пусть ходитъ онъ въ звѣздъ,
А мы... для насъ важнѣй готовится награда.

Графъ Мишурскій.

Къ тому-же я читалъ, не помню гдѣ,
Что намъ друзей своихъ кидать не надо
Не только въ горѣ и въ бѣдѣ,
Но даже и тогда, когда они счастливы.

Баронъ Турухтановъ.

Прекрасный афоризмъ!

Графъ Мишурскій.

Не будемте спесивы
Бѣднякъ!—его и такъ ругаетъ цѣлый міръ.
Лежачаго не бьютъ.

Баронъ Турухтановъ.

А онъ совсѣмъ лежачій!

Графъ Мишурскій.

Сергѣй Фомичъ не въ насъ..

Баронъ Турухтановъ.

А что?

Графъ Мишурскій (*показывая на Котомкина*).
Надѣль мундиръ

Баронъ Турухтановъ.
Чего хотите вы,—подъячій!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же и Пустельгинъ.

Пустельгинъ.

А, графъ! Баронъ!...

Графъ Мишурскій.
Откуда Богъ принесъ?

Пустельгинъ.
Ахъ, дайте отдохнуть!... Я такъ усталъ!... Нѣтъ мочи!

Котомкинъ (*въ сторону*).
Вотъ мученикъ! Ни дня, ни ночи
Покою нѣтъ!

Графъ Мишурскій.
Что? Почту ужъ развезъ?

Пустельгинъ.
Вы шутите. А я клянусь, что больше новыхъ
Знакомствъ не завожу. Ну, матушка Москва!
Повѣрите-ль, какъ будто на почтовыхъ
Сто верстъ я проскакалъ: кружится голова,
Карета чуть жива, всѣ лошади разбиты!...
Охъ, эти мнѣ проклятые визиты!
Да это сущій адъ!
Одинъ живетъ въ Донской, другая на Лубянкѣ.
Тотъ у Лефортова, а тотъ на Якиманкѣ,
Иной забился на Арбатъ...
Терпѣнья нѣтъ!... Таскаешься по грязи,
Глотаешь пыль...

Графъ Мишурскій.
И бьешь въ набать.

Пустельгинъ.

Въ набатъ? О чемъ?

Баронъ Турухтановъ

Теперь, я думаю, о князѣ.

Графъ Мишурскій.

И, чай, о томъ, что онъ въ большихъ ладахъ
Съ его сятельствомъ..

Пустельгинъ.

Съ чего вы это взяли!

Да этой новостью *меня* вездѣ встрѣчали;
Объ этомъ зналъ весь свѣтъ сегодня на водахъ,
Помилуйте!... Вотъ мнѣ на Прѣсенскихъ Прудахъ
Кой-что сказали по секрету;

Какъ истиннымъ друзьямъ моимъ, я новость эту
Могу вамъ сообщить. Хоть князь и новичокъ,
Онъ только что пошелъ сегодня въ гору;

А сдѣлаетъ такой скачокъ,

Какой и старому дѣльцу едва-ли въ пору.

Къ министру онъ въ товарищи попаль:

На первый разъ и это авантажно,

И всякій-бы служить охотно сталь;

Да это ничего, а вотъ что важно,

Какъ тутъ онъ попадетъ врасплохъ:

(*Втолмоса*).

Князь Любскій при смерти.

Графъ Мишурскій.

Министръ?

Пустельгинъ.

А что, не знали?

Такъ знайте-же, онъ очень плохъ;

Мнѣ люди вѣрные сказали.

Баронъ Турухтановъ.

Возможно-ли? Да онъ не старъ...

Пустельгинъ.

Такъ чтожъ?

Графъ Мишурскій.

И былъ всегда здоровъ.

Пустельгинъ.

Здоровъ!... Какая ложь!

Нѣтъ, графъ! Молва идетъ совсѣмъ иная:

Да у него двѣнадцать лѣтъ
Сухотка, кашель, водяная.
Не я дивлюсь одинъ, а цѣлый свѣтъ,
Что онъ еще отъ службы не уволенъ;
Онъ восемь разъ отчаянно былъ боленъ,
И два раза совсѣмъ ужь отходилъ.

Баронъ Турухтановъ (*тихо графу*).
Не вѣрю ничему.

Графъ Мишурскій.

Все сряду сочинилъ.

Баронъ Турухтановъ.

Какой хвастунъ!

Графъ Мишурскій.

Скажите, ради Бога,

Зачѣмъ мы всѣ стоимъ?

Пустельгинъ.

Присядемте немного.

(*Всѣ, кромѣ Котомкина, садятся*).

Графъ Мишурскій (*развалиясь въ креслахъ*).

Вотъ этакъ лучше слушать дичь.

Чтожь вы, Сергѣй Фомичъ?

Котомкинъ.

Позвольте постоять.

Графъ Мишурскій.

Стоять! Да для чего-же?

Котомкинъ.

Когда нашъ братъ въ приемной у вельможи,
Такъ слѣдуетъ.

Графъ Мишурскій (*барону*).

Каковы!

Баронъ Турухтановъ.

Подлецъ!

Графъ Мишурскій.

Какъ эти всѣ срамцы между собой похожи!

(*Въ кабинетъ звонятъ въ колокольчикъ; графъ, баронъ и Пустельгинъ вскакиваютъ и начинаютъ оправляться; Жоговъ входитъ въ кабинетъ*).

КОТОМКИНЪ.

Ну, вотъ выходитъ, наконецъ!

(Федотъ открываетъ обѣ половинки дверей кабинета, и князь Радугинъ выступаетъ въ халатъ).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и князь Радугинъ (всѣ кланяются).

Князь Радугинъ (откланиваясь).

А, графы! Я очень радъ, что вижу съ вами!
Что скажете?...

Графъ Мишурскій (кланяясь).

Я счелъ за первый долгъ...

Князь Радугинъ (не слушая его).

Дядьковы-ли, бароны? Все заняты дѣлами?

Баронъ Турухтановъ (кланяясь).

Тружусь попрежнему.

Князь Радугинъ.

И вѣрно будетъ толкъ

Отъ вашихъ истинно полезнѣйшихъ занятій.

Я вамъ скажу безъ всѣхъ лицепрятій,

Что ваши фабрики и сахарный заводъ

Отличные,—такихъ во всей Европѣ мало!

Баронъ Турухтановъ.

Конечно, не великъ теперь отъ нихъ доходъ,

Но если-бы правительство желало

Занять меня...

Князь Радугинъ.

Мы васъ займемъ! А, кстати, графы!

Вѣдь вы не служите?

Графъ Мишурскій.

Я службу ужъ оставилъ

Давно.

Князь Радугинъ.

Зачѣмъ моихъ не держитесь вы правилъ?

Дѣятельный вашъ зная нравъ,

Способности, таланты,

Я этому, по истинѣ, дивлюсь!
Ну, пусть слоняются въ Москвѣ смѣшные франты,
Глупцы—но вы!... Да я на всѣхъ пошлюсь,
Вамъ надобно служить,—вы созданы для службы.

Графъ Мишурскій.
Я этой ласкою такъ много дорожу,
И такъ желаю быть достойнымъ ващей дружбы...

Князь Радугинъ.
Что, служите?

Графъ Мишурскій.
Извольте, князь, служу!...
Но какъ и гдѣ?

Князь Радугинъ.
Ужь это наше дѣло.
(Обращаясь къ Пустельгину).
Андрей Андреевичъ! Вы здѣсь!

Пустельгинъ.
Позвольте мнѣ отъ всей души и смѣло
Увѣрить васъ, что городъ весь,
Что вся Москва, что всѣ единогласно...

Князь Радугинъ (обращаясь къ Котомкину).
Сергѣй Фомичъ! Къ чему такой парадъ?

Котомкинъ (низко кланаясь).
Я долгъ исполнилъ мой.

Князь Радугинъ.
Напрасно!
А впрочемъ видѣть васъ всегда я буду радъ;
И если вамъ могу я быть полезнымъ,
Скажите мнѣ.

Котомкинъ.
Извѣстно уже вамъ,
Что, годъ тому назадъ, я стряпчимъ былъ уѣзднымъ,
И съ честію служилъ,—я въ этомъ клятву дамъ!
Но, несмотря на то, злодѣи, прошлымъ лѣтомъ,
Начальству обнесли меня. Ужь какъ объ этомъ
Анисья Дмитревна изволила тужить!
Вы помните,—какъ мать родная
Жалѣла обо мнѣ.

Князь Радугинъ.

Хотите вы служить?

Котомкинъ.

Прошу о томъ! (*Подавая бумагу*). И вотъ записка докладная.

Князь Радугинъ (*разсматривая бумагу*)
Записка? Хорошо!

Котомкинъ.

Усердьемъ къ вамъ горя,
Которымъ буду я горѣть и въ самомъ гробѣ,
Я званіе прошу секретаря,
Дабы всегда при вашей быть особѣ

Князь Радугинъ.

Такъ вы желаете служить со мной?
Я очень радъ.

Пустельгинъ (*Котомкину*).

Имѣю честь поздравить!

Котомкинъ.

Сіятельныйшии князь!... Мой списокъ послужной...

Князь Радугинъ.

Да это можно все поправить.
Подайте просьбу мнѣ.

Котомкинъ (*клянясь*)

Клянусь вамъ, никогда

Я этой милости великой не забуду,
Готовъ по гробъ служить!

Князь Радугинъ.

Сегодня, господа,

Я дома вечеръ буду!

Прошу ко мнѣ—вотъ такъ часу въ седьмомъ;
Мы вмѣстѣ потолкуемъ,
Посудимъ кой о чемъ; потомъ,
Быть можетъ, повистуемъ.

(*Пустельгину*).

Съ Анисейей Дмитревной вы сядете въ шкеть;

(*Графу и барону*).

А мы втроемъ.

Пустельгинъ.

Я званъ сегодня на обѣдъ
Но я отдѣлаюсь, чтобъ быть у васъ пораньше.

Баронъ Турухтановъ.
Я ѣхалъ къ Лидиной...

Князь Радугинъ.
А! Къ этой музыкантшѣ?

Баронъ Турухтановъ.
У ней концертъ; но мнѣ позвольте предпочесть...

Князь Радугинъ (*беретъ его за руку*).
Благодарю! (*Графу*). А вы?

Графъ Мишурскій.
Я буду ровно въ шесть.

Князь Радугинъ.
Не можетъ быть!

Графъ Мишурскій.
О, князь, повѣрьте!
Я здѣсь обѣдаю не очень далеко.
(*Всѣ почтительно откланиваются и выходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, ВЪВЪ ГРАФА МИШУРСКАГО, БАРОНА ТУРУХ-
ТАНОВА, КОТОМКИНА И ПУСТЕЛЬГИНА.

Князь Радугинъ (*бросаясь съ кресла*).
Ухъ, батюшки, усталъ до смерти!
Ну! быть министромъ не легко!...
За то какой почетъ, какое уваженье,
Какой имѣютъ вѣсь его слова и мнѣнья!
Лишь только взглядомъ подари,
Всѣ счастливы!... Нѣтъ! что ни говори,
Пріятно быть вельможей!...
Чай, вся Москва кричить... А что кричитъ она?...
Постой!... Эй, ты!...

(*Федотъ подходитъ*).

Проси сюда Пустельгина:

Онъ долженъ быть еще въ прихожей.
Ступай! (*Слуга уходитъ*). Вотъ я его порядкомъ допрошу—
Онъ знаетъ все: вѣдь онъ ходячая газета
Всѣхъ новостей большого свѣта.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Ть-жѣ и Пустельгинъ.

Пустельгинъ.

Что, князь, прикажете?

Князь Радугинъ (*показывая на стулъ*).

Покорнѣйше прошу,

Андрей Андреечъ! (*Пустельгинъ садится*). Извините!

Я васъ займу минутки на двѣ!

Пустельгинъ.

Помилуйте!

Князь Радугинъ.

Всю правду мнѣ скажите:

Какіе слухи по Москвѣ

Идутъ о томъ, что я назначенъ

Занять такой высокій постъ?

Пустельгинъ.

Что этотъ выборъ страхъ удаченъ,

И даже очень простъ —

Такъ быть должно; что всѣ дѣла для васъ забава;

Что вы всегда имѣли право,

По вашему родству, познаньямъ и уму,

Министромъ быть; и всѣ дивятся одному,

Что вы такъ скоро согласились

Идти въ товарищи. Иные говорятъ.

Что сами вы просились,

Но Волгинъ, камергеръ, кричитъ, что это вздоръ

Что этого желалъ весь дворъ;

А самъ межъ-тѣмъ одѣтъ въ мундиръ шитомъ,

Съ ключомъ, и ѣдетъ къ вамъ съ визитомъ.

Князь Радугинъ.

Что Марья Саввишна? Чай, очень зла?

Вѣдь мы давно разсталися домами.

Пустельгинъ.

Помилуйте! Сочлась роднею съ вами.

Князь Радугинъ.

А князь Борисъ?

Пустельгинъ.

Его княгиня увезла

Въ деревню. кажется.

Князь Радугинъ.

Давно-ли?

Пустельгинъ.

Дня три тому назадъ и, вѣрно, по неволѣ;
Вы знаете...

Князь Радугинъ.

Я знать хочу совсѣмъ не то—

Богъ съ нимъ!

Пустельгинъ.

Еще кой-гдѣ я слышалъ кое-что..

Вчера въ обѣдъ курьеръ сюда примчался
Съ извѣстіемъ...

Князь Радугинъ.

О чемъ?

Пустельгинъ.

Съ трудомъ узнать я могъ,

Однако-же узналъ—князь Любскій...

Князь Радугинъ.

Занемогъ?...

Пустельгинъ,

Да это-бъ ничего.

Князь Радугинъ.

А чтожь еще?

Пустельгинъ (*вставая и кланяясь*).

Скончался.

Князь Радугинъ.

Возможно-ли?... Министръ?...

Пустельгинъ.

Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ;

Не помню отъ кого, я слышалъ, что чѣмъ-свѣтъ
О томъ-же полученъ сегодня вѣстафетъ,
И слухъ идетъ—слухъ радостный, пріятный,
Что вы...

Князь Радугинъ.

Но этотъ слухъ совсѣмъ невѣроятный;

Онъ былъ здоровъ...

Пустельгинъ.

Играль онъ съ кѣмъ-то въ вистъ
И весель былъ; вдругъ вскрикнулъ, покатился... *(Входитъ
слуга).*

Слуга.

Глинскій!

Князь Радугинъ.

Ага! И этотъ моралистъ

Ко мнѣ съ почтениемъ явился.

Проси!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Глинскій.

Князь Радугинъ *(сдѣлавъ два шага на встрѣчу Глин-
скому).*

Не смѣлъ никакъ вамъ отказать,
Хоть очень занятъ я дѣлами. .

Глинскій.

Я васъ не задержу Хотѣлъ проститься съ вами
И въ то-же время вамъ сказать,
Что мой племянникъ Лидинъ
Садится въ дилижансъ. Со мной пріѣхать онъ
Не могъ—вы знаете резонъ—
Я думаю для васъ онъ очевиденъ...

Князь Радугинъ.

Мнѣ, право, очень жаль... Я чувствую всю честь...
Но вамъ самимъ, надѣюсь, понятно,
Что у меня другіе виды есть

Глинскій.

Да! Это вѣроятно.

Князь Радугинъ.

Повѣрьте мнѣ, что я и вся моя родня...

Глинскій.

О, вѣрю, князь!... До васъ есть просьба у меня..

Князь Радугинъ

Я очень радъ, и мнѣ всегда при н)
Для васъ полезнымъ быть.

Глинскій.

Теперь у васъ въ рукахъ...

Князь Радугинъ.

А! старый вашъ процессъ по прежнему все иску?...
Такъ чтожь? Подайте мнѣ записку.

Глинскій (*улыбаясь*).

Не надобно—мы кончимъ на словахъ.
Отъ князя Любскаго письмо вы получили?...

Князь Радугинъ.

Сегодня поутру.

Глинскій.

Я также получилъ.

Князь Радугинъ.

Онъ знаетъ васъ?

Глинскій.

Мы вмѣстѣ съ нимъ служили,

И только случай насъ на время разлучилъ.

Князь Радугинъ.

Вы снова службою желаете заняться?

Глинскій.

Быть можетъ, князь!

Князь Радугинъ (*съ видомъ некрошительства*).

Повѣрьте мнѣ, что я,

Характеръ вашъ и умъ цѣня..

Глинскій.

Да дѣло не о томъ! Намъ должно размѣняться:

Мое письмо у васъ, а ваше у меня.

Князь Радугинъ.

Письмо?... Помилуйте, какое?

Глинскій (*подавая письмо*)

Извольте, вотъ оно!

Князь Радугинъ.

Да у меня другое.

Глинскій.

О томъ вы можете забыть:

То писано по мнѣ.

Князь Радугинъ.

Не можете быть!

Глинскій.

Прочтите, князь!

Князь Радугинъ (*читая письмо*).

«Милостивый государь, князь Иванъ Ильичъ! Желаніе вашего сіятельства, снова посвятить себя службѣ, весьма похвально; но, къ сожалѣнію, я не вижу возможности исполнить вашу волю. Вы такъ долго были въ отставкѣ, что рѣшительно не можете занять мѣста, приличнаго вашему званію; для этого нужны не одни чины, но и большая опытность, которая пріобрѣтается продолжительной и постоянной службою... Я пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ увѣрить васъ въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми честью имѣю... Князь Любскій...»

Чтожь это значить?

Неужели министръ меня дурачить?

Глинскій.

Ошибка въ адресахъ — и больше ничего.

Князь Радугинъ.

Такъ вы назначены товарищемъ его?

Глинскій.

Я, князь.

Пустельгинъ (*въ сторону*).

Вотъ новости!

Князь Радугинъ.

Я радъ! Такихъ людей,

Какъ вы, немного есть.

Пустельгинъ.

Ну, жаль мнѣ лошадей,

А дѣлать нечего!

Князь Радугинъ.

Вы человекъ придворный...

Умѣете молчать...

Пустельгинъ (*откланиваясь*).

Слуга покорный!

Князь Радугинъ.

Какъ ловко скрыли вы съ министромъ вашу связь!

Глинскій.

Напрасно сердитесь вы, князь...

Князь Радугинъ.

Сердиться—мнѣ!.. Да это было-бъ низко.

Помилуйте, за что!

Глинскій.

Тутъ есть еще приписка...

Князь Радугинъ.

Приписка? Гдѣ...

(читаетъ).

«Чтожь касается до вашего сына, то, къ крайнему моему прискорбію, я долженъ васъ увѣдомить, что онъ никакъ не можетъ ожидать повышенія; мнѣ извѣстно, что онъ совсѣмъ не занимается службою, и что начальникъ его рѣшительно имъ недоволенъ».

Какъ! имъ начальникъ недоволенъ?

Глинскій.

Такъ вы не знаете?... Отъ службы онъ уволенъ.

Князь Радугинъ.

Мой сынъ? Когда?

Глинскій.

Да вотъ ужь третій день.

Князь Радугинъ.

Возможно-ли!.. За что?

Глинскій.

Я думаю, за лѣнь;

А сверхъ того — мнѣ такъ сказали —

За грубости и дерзкія слова.

Князь Радугинъ.

Такъ я-же вамъ скажу, его не разгадали.

Да знаете-ль какая голова?

Его профессоромъ въ Парижѣ называли;

Ему въ Германіи, тому назадъ пять лѣтъ,

Дивился весь ученый свѣтъ—

А этотъ край учеными обилень,

И тамъ живутъ не дураки—

Отлично знаютъ языки...

Глинскій.

Да въ русскомъ-то не очень силенъ.

Князь Радугинъ.

И я смѣшонъ! Ну, есть о чемъ гужить!

Володя будетъ мой и въ Австріи служить...

Да, да! Мы съ нимъ уѣдемъ въ Вѣну,—

А лучше и того въ Парижъ:

Тамъ знаютъ людямъ цѣну,

А здѣсь, о, Боже мой!.. Посмотришь, поглядишь,

Такъ сердце кровью обольется:

Глушамъ вездѣ и ласка и привѣтъ,

Имъ все на свѣтѣ удается;

А кто съ умомъ, съ душой возвышенной... Нѣтъ, нѣтъ,

Святая Русь! пора съ тобой проститься,

Пора бѣжать отсюда вонъ!

Въ Парижъ, скорѣй въ Парижъ!

Глинскій.

Все надо воротиться

Когда-нибудь: вы знаете законъ?..

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Шумиловъ (*входитъ съ бумагой въ руку*).

Глинскій.

Да и къ чему вамъ жить всегда въ Парижѣ?

Кузнецкій мостъ гораздо ближе:

Кормите здѣсь его.

Шумиловъ (*въ сторону*).

Кормить-то не бѣда,

Да только чѣмъ?

Князь Радугинъ (*Шумилову*).

Ну, что пришелъ сюда?

Шумиловъ.

Принесъ я копію съ судейскаго рѣшенья.

Князь Радугинъ.

Чего еще хотятъ? — Злодѣи, палачи!

Подай! (*взглянувъ на бумагу*). Возможно-ли! Описано имѣнье!

Шумиловъ.

Я вамъ докладываль.

Князь Радугинъ.

Молчи!

(*Глинскому*).

Ну, что, сударь?

Глинскій.

Да, это неприятно.

Князь Радугинъ.

Не правда-ли, у насъ все гладь да тишь?..
Теперь, я думаю, для васъ самихъ понятно,
Зачѣмъ хочу уѣхать я въ Парижъ?

Глинскій.

Нѣтъ, князь; теперь еще мнѣ непонятнѣй.

Князь Радугинъ.

Такъ въ этомъ жить лѣсу по вашему пріятнѣй?
Вотъ, справедливости въ нашъ умный вѣкъ проси!
Вѣкъ жалкій, развращенный!
Ищи ее на родинѣ священной,
На нашей матушкѣ — Руси!

Глинскій.

Да чѣмъ-же тутъ Россія виновата?

Князь Радугинъ.

Мое имѣнье продадутъ!
Но кто судилъ меня?

Шумиловъ.

Надворный судъ.

Князь Радугинъ (*не слушая его*).

И будетъ кто судить?

Шумиловъ.

Гражданская палата.

Князь Радугинъ.

Невѣжды, варвары, которыхъ умъ и нравъ
Не стоятъ уваженья;
Въ которыхъ нѣтъ и тѣни просвѣщенья,
Не знаютъ ничего—и даже римскихъ правъ;
А судятъ всѣхъ и судятъ самовластно.

Глинскій.

Да это, кажется, съ законами согласно:
Кто братья займы, тотъ долженъ и платить.

Князь Радугинъ.

Ну, послѣ этого прошу въ Россіи жить!

К О Н Е Ц Ъ .

УРОКЪ МАТУШКАМЪ

РУССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ БЫЛЬ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анна Степановна Служива		<i>Сабурова.</i>
Варенька, падчерица Служиной		<i>Панова.</i>
Николай Иванович Холмитъ, крестный отецъ Вареньки		<i>Щеткинъ.</i>
Князь Верхоглядъ	} влюблен- ные въ Вареньку.	<i>Живокини.</i>
Иванъ Федоровичъ Вельскій		<i>Ленскій.</i>
Алексѣй Андреевичъ Зоринъ		<i>Потанчикосъ.</i>
Александръ Михайловичъ Тонскій		<i>Самаринъ.</i>
Княгиня Ландышева, молодая вдова		<i>Орлова.</i>
Глафира Филипповна Гореглядова	} ся зна- ю- мы.	<i>Ленская.</i>
Ольга Дмитриевна Зарѣцкая		<i>Синецкая.</i>
Ома Омичъ Фонъ-Дахъ, губернский докторъ		<i>Никифоровъ.</i>
Губернаторъ		<i>Сokolovъ.</i>
Губернский предводитель		<i>Волковъ.</i>
Аксинья, ключница	} Служивой.	<i>Кашина.</i>
Кондратьевна, нянюшка		<i>Богославская.</i>
Даша, горничная		<i>Златопольская.</i>
1-я дѣвушка		<i>Акимсва.</i>
2-я дѣвушка		<i>Григорьева.</i>
Маленькая дѣвочка		<i>Лаурентьева.</i>
Мальчикъ князя Верхоглядова.		
Слуги князя Верхоглядова.		
Слуги Служиной.		
Гости обихъ половъ на балѣ у княгини Ландышевой.		

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ домъ Слуквиной, обитую старинными обоями; по стѣнамъ развѣшаны фамилные портреты; мебель ветхая, старого фасона.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЛУКИНА, ХОЛМИНЪ и ВАРЕНЬКА. *(Слуквина сидитъ за ломбернымъ столомъ и раскладываетъ грань-пассіансъ; Холминъ также сидитъ подле нея на стулѣ; Варенька стоитъ у раствореннаго окна).*

Слуквина *(оттолкнувъ съ досадою карты)*. Опять не вышло!... А все этотъ проклятый валетъ; нейдетъ, какъ нейдетъ!... Эй, дѣвка!... Дашка!... *(Входитъ горничная)*. Возьми, положи карты въ комодъ, въ третій ящикъ!... Да что это, мать моя?... Никакъ въ корсетъ?... Смотри пожалуйста!... И онѣ ужъ стали затягиваться!... Варенька!...

Варенька *(оборачиваясь торопливо)*. Что вамъ угодно, маменька?

Слуквина. Ну, что?... Дождикъ пересталь?

Варенька. Кажется, пересталь, маменька.

Слуквина. Такъ на дворѣ прочищается?

Варенька. Кажется, прочищается.

(Въ эту минуту слышенъ большой шумъ отъ дожда).

Слуквина. Чу!... Помилуй, матушка! Дождь ливня льетъ, а ты говоришь... Да что ты—ослѣпла, что-ль?... Эй, человекъ... человекъ!... *(Человекъ входитъ)*. Ну, что стоишь?... Слышишь, протекло въ гостиной!... Ведро! *(Слуга уходитъ)*. Да вѣрно на чердакѣ ушатовъ нѣтъ; вотъ

Я васъ, разбойники!... Смотри пожалуй, дождь неидетъ!... прочистилось!... Да чего-жь ты въ окно-то смотрила, сударыня?... Ужь не на этого-ли молодчика?...

Холминъ. На кого это, матушка Анна Степановна, на кого?

Слукина. Да вотъ недавно отвели квартиру, противъ нашего дома... терпѣть не могу этого усача! Ну, словно осенняя муха, такъ въ глаза мнѣ и лѣзетъ... Куда ужъ я не люблю этихъ подлипалъ!

Варенька. А онъ очень васъ любить и уважаетъ, маменька.

Слукина. Право? И что мнѣ, матушка, въ его любви?... И на какую потребу уваженіе этого нищаго? Я и сама замѣчаю это; онъ что-то умильно на меня посматриваетъ; ужъ не хочеть-ли денегъ взаймы попросить — чего добраго! Вѣдь эта голь хитра на выдумки: на обухъ рожъ молотить.

Варенька. Вы напрасно, маменька, такъ дурно о немъ думаете: онъ, право, честный и хорошій человекъ.

Слукина. Ась?... Что, мать моя?

Варенька. Я говорю, что онъ хорошій человекъ.

Слукина. Право?... Да что ты за него такъ заступашься?... Что это значить, сударыня?

Варенька. Такъ, маменька, ничего.

Слукина. То-то ничего; у меня смотри!...

Холминъ. Да о комъ вы, матушка, говорите?

Слукина. Вотъ объ этомъ гусарскомъ офицерикѣ... какъ бишь его... дай Богъ память... Да!... Тонскій!

Холминъ. Александръ Михайловичъ?... Ну чтожь!... Онъ точно отличный молодой человекъ.

(Во время этого разговора Варенька потихоньку отходитъ прочь и становится опять у окна).

Слукина. И, батюшка! Да что въ немъ отличнаго... Ну, конечно, собой онъ молодецъ изрядный; говорятъ, не пьеть, въ карты не играетъ — да и то сказать, — что ему сердечному проигрывать? Вѣдь голь, какъ соколъ; а какъ поглядишь иногда — Господи Боже мой! — весь облить золотомъ; фунта три выжиги будетъ; а, чай, дома перекусить нечего. Вотъ то-то и есть: служилъ-бы себѣ да служилъ въ пѣхотѣ; такъ нѣтъ, — всякая стрень-брень въ гусары лѣзетъ.

Холминъ. Онъ не такъ бѣденъ, какъ вы думаете;

его дядя оставилъ ему небольшое, но прекрасно-устроенное имѣніе.

Слукина. Право?... А сколько душъ, батюшка?

Холминъ. Конечно, немного: душъ тридцать...

Слукина. Тридцать душъ! И ты, Николай Ивановичъ, зовешь это имѣніемъ.

Холминъ. Нельзя-же всякому, какъ вамъ, Анна Степановна, имѣть тысячъ пятьдесятъ въ годъ доходу. Разумѣется, въ сравненіи съ вами Тонскій бѣдень, но за то какой добрый, вѣжливый молодой человѣкъ...

Слукина. Да, Николай Ивановичъ! Что правда, то правда: и вѣжливъ и услужливъ; прошлое воскресенье, кабы не онъ, такъ не знаю, что было бы со мною; на рукахъ вынесъ изъ губернаторской столовой.

Холминъ. А что такое съ вами было?

Слукина. Вотъ что, батюшка Николай Ивановичъ: я прошлое воскресенье была у губернатора въ благородномъ театрѣ. Какъ вошла я въ этотъ театръ, гляжу: на заднихъ скамеечкахъ просторно, но за то на передней, вотъ такъ человѣкъ на человѣкъ и сидятъ. Ну, нельзя же, мой отецъ, статской совѣтницѣ сидѣть сзади, и Богъ вѣсть подлѣ кого. Вотъ я, гдѣ бочкомъ, гдѣ локотками, продралась, и сѣла впереди. Тѣсно, батюшка, душно, — а дѣлать нечего — сижу! Вотъ, подъ конецъ, голова стала у меня кружиться и начало въ глазахъ зеленѣть, — а я все-таки сижу! Когда театръ кончился, я встала вмѣстѣ съ другими, а что-то плохо! Вошла въ гостиную, мнѣ какъ будто бы лучше. Вотъ поднялись всѣ, чинъ чиномъ, въ столовую къ ужину; я, пропустя мимо себя губернаторшу, хотѣла было, по моему чину, вслѣдъ за нею, какъ вдругъ, откуда ни возьмись дворянская предводительница — шмыгъ изъ подъ меня, да шастъ первая къ столу!... Коллежская ассессорша!... Ну, батюшка, хотя я и беззащитная вдова, хотя за меня, круглую сироту, вступиться некому, а ужъ не стерпѣла бы такого афронта, и если-бъ это не было у губернатора, подняла бы такую кутерьму, что и Боже упаси! А тутъ дѣлать нечего — смолчала! Да ужъ каково-то было моей душенькѣ! Начало меня подергивать, подкатилось къ сердцу, схватило удушье, и если-бъ не подвернулся этотъ Тонскій — дай Богъ ему здоровья! — то я бы со всѣхъ ногъ грянулась о полъ.

Холминъ. Скажите пожалуйста! Подлинно спасибо

ему!... А знаете ли, Анна Степановна, что если-бъ Тонскій былъ побогаче, такъ этакого жениха поискать!

Слукина. Да! Если-бъ у него было тысячь тридцать въ годъ доходу.

Холминъ. Погодите, будетъ и больше. Онъ отличный офицеръ, служить охотникъ и пойдетъ далеко.

Слукина. Статься можетъ, батюшка, — да вѣдь это еще буки.

Холминъ. Я увѣренъ, что и теперь любая невѣста въ нашемъ городѣ за него пойдетъ.

Слукина. Любая, не любая, а, можетъ быть, и найдутся охотницы. Вѣдь дураковъ и дуръ вездѣ много, Николай Ивановичъ, ихъ не орутъ, не сѣютъ, сами рождаются.

Холминъ. Ну, нѣтъ! — по мнѣ Тонскій хоть кому женихъ.

Слукина. Что это, батюшка? Ужь не мѣтишь ли ты на Вареньку?... Да сохрани ее Господи!... Да если-бы самъ покойникъ всталъ изъ гроба!... Добро-бъ еще этотъ Тонскій былъ въ чинахъ, статскій совѣтникъ или пятого класса, а то простой офицериска, нищій... Чему же ты смѣешься, батюшка?

Холминъ. Да какъ не смѣяться? Эхъ, матушка Анна Степановна! Ну, какъ вы могли подумать, чтобъ я сталъ сватать не-шутя вашу падчерицу, мою крестную дочь, за какого-нибудь гусарскаго поручика, съ тридцатью ревизскими душами, потому только, что онъ умень, молодець собой и добрый малый?

Слукина. Ну то-то же, мой отецъ! А то было я совсѣмъ перепугалась. Да и я дура! Какъ будто не знаю, что ты всегда подшучиваешь... А мнѣ бы надобно съ тобой о серьезномъ дѣлѣ поговорить, батюшка, — да вотъ видишь ты какой: опять начнешь балагурить!... Варенька!... Чтожъ ты, мой другъ, иль позабыла, что намъ пора вхвать? Ступай одѣваться. (*Варенька уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ жѣ, кромѣ Вареньки.

Холминъ. Куда вы собираетесь?

Слукина. Теперъ съ визитами, а тамъ прямо на балъ къ княгинѣ Ландышевой.

Холминъ. И я также приглашенъ. Говорять, она завала весь городъ. Ну, тѣсно-же будетъ въ ея домикѣ.

Слукина. Да вѣдь она даетъ балъ въ домѣ своего родственника, князя Владиміра Ивановича Верхоглядова.

Холминъ. Ну, это другое дѣло; у него домъ настоящія палаты.

Слукина. Теперъ, Николай Ивановичъ, мы остались одни; поговоримъ-ка о дѣлѣ.

Холминъ. Поговоримте, матушка.

Слукина. Ты человекъ умный, мой батюшка, посоветуй!—Что ты, родной, скажешь, такъ тому и быть.

Холминъ (*улыбаясь*). То есть, когда мой совѣтъ будетъ согласенъ съ вашей волею?

Слукина. И, батюшка! Да развѣ у меня есть какая-нибудь воля? Что скажутъ добрые люди, то и дѣлаю. Вотъ, изволишь видѣть: твоя крестная дочка ужь на возрастъ.

Холминъ. А что? Развѣ вы хотите выдать ее замужъ?

Слукина. Пора, мой отецъ, вѣдь ужь ей скоро семнадцать лѣтъ.

Холминъ. Да это что еще за года, Анна Степановна.

Слукина. Полно, полно, Николай Ивановичъ, я сама по четырнадцатому году за перваго мужа вышла замужъ, такъ что тутъ говорить; да и не о томъ рѣчь.

Холминъ. А что, развѣ кто-нибудь сватается?

Слукина. Кто-нибудь?... Нѣтъ, батюшка, женишки-то давно ужь около насъ увиваются, и въ-старину бы мнѣ отъ свахъ отбою не было; вотъ теперъ дѣло другое, за это ремесло взялись наши сестры, дворянки, да полно, лучше-ли? Бывало, отъ свахи узнаешь всю подноготную, отберешь все до копѣечки, и коли замѣтишь, что она начала лисой лисить да переминаться, такъ ее, голубушку мою, въ три-шеи со двора долой.—Вѣдь дѣло-то было торговое, а теперъ — прошу покорно! Сама губернаторша пріѣдетъ.

сватать, съ ней много говорить не станешь; вѣрь на честное слово: «У такого-де, сударыня, тысяча душъ, да столько-то доходу, да то, да се!» А попробуй сказать: «Нельзя ли, матушка ваше превосходительство, документики сообщить?»—такъ пойдутъ исторіи, претензіи, разстанешься домами; нашей сестрѣ, беззащитной вдовѣ, отъ этой губернаторши и всѣхъ ея прихвостницъ житья не будетъ.

Холминъ. А что, развѣ губернаторша дѣлала вамъ предложеніе?...

Слукина. Вотъ то-то и есть, батюшка: она говорила мнѣ о своемъ племянникѣ.

Холминъ. Объ Иванѣ Федоровичѣ Вельскомъ.

Слукина. Да, Николай Ивановичъ. Я ужъ давно замѣтила, что этотъ отставной камеръ-юнкеръ имѣетъ виды на мою Вареньку. Конечно, онъ человекъ порядочный, слишкомъ тысяча душъ, прекрасный домъ, отличная услуга, музыка—все это хорошо; да говорятъ, что у него до пятисотъ тысячъ рублей долгу, такъ это почти все равно, что онъ ничего не имѣетъ.

Холминъ. Слѣдовательно вы ему отказали?

Слукина. Ужъ тотчасъ и отказать! Погоди, батюшка, пусть посватается порядкомъ. Вотъ, какъ онъ сдѣлаетъ формальное предложеніе и весь городъ будетъ знать, что онъ ищетъ въ Варенькѣ, такъ успѣю и тогда. Небольшая бѣда, если станутъ говорить: у нея много жениховъ было.

Холминъ. Такъ какого-же, матушка, вы просили у меня совѣта?

Слукина. А вотъ постой, мой отецъ: еще одинъ женихъ.

Холминъ. А кто-жъ другой?

Слукина. Алексѣй Андреевичъ Зоринъ.

Холминъ. Предсѣдатель гражданской палаты?

Слукина. Да, батюшка!

Холминъ. Пожилыи вдовецъ.

Слукина. Да, батюшка!

Холминъ. Съ большей семьей.

Слукина. Такъ чтожь?

Холминъ. Да кстати-ли ему свататься за Вареньку?

Она ему въ меньшія дочери годится!

Слукина. Это ничего, Николай Ивановичъ! И мой

покойникъ былъ вдвое меня старѣе; а вотъ что худо: у Зорина послѣдственнаго имѣнія нѣтъ, а все благопріобрѣтенное; куплено было на имя жены, такъ онъ изъ него только и можетъ взять законную седьмую часть, то есть много, много душъ сто. Конечно, онъ чловѣкъ умный, нажилъ-бы еще, да времена-то не тѣ, батюшка: ко всему придираются. Судья возьметъ по дружбѣ какой ни есть подарочекъ, а его назовутъ взяточникомъ; не бери ничѣмъ: ни деньгами, ни натурой. Да этакъ скоро вовсе служить нельзя будетъ.

Холминъ. И, матушка Анна Степановна. Ну, что Господа Бога гнѣвить! И теперь еще такъ-то себѣ деревеньки и домики наживаютъ, что на-поди!

Слукина. Да! Небось ты скопилъ имѣньяце? Шесть лѣтъ былъ дворянскимъ предводителемъ, сколько разъ за-сѣдалъ въ рекрутскомъ присутствіи, а что нажилъ?

Холминъ. Да покаместъ честное имя, Анна Степановна.

Слукина. Честное имя! Да вѣдь честное-то имя доходу не даетъ; его ни продать, ни въ опекунскій совѣтъ заложить нельзя, такъ съ нимъ далеко не уѣдешь; а сверхъ того вы всѣ, честные люди, гордецы, а гордымъ Богъ противится—ну, что ухмыляешься?

Холминъ. Радуюсь, матушка Анна Степановна, что вы такъ хорошо знаете и такъ ловко толкуете священное писаніе.

Слукина. Да что объ этомъ говорить: всякій молодецъ на свой образецъ. Скажи-ка лучше, что мнѣ дѣлать? И сама вижу, что Зоринъ не женихъ Варенькѣ.

Холминъ. Такъ откажите ему.

Слукина. А про мое тяжёбное дѣло ты вѣрно забылъ, Николай Ивановичъ.

Холминъ. Нѣтъ, помню,—такъ чтожъ?

Слукина. А то, что коли испортятъ его здѣсь въ палатѣ, такъ еще Богъ вѣсть, поправятъ-ли въ Москвѣ. Нѣтъ, мой отецъ! Успѣю ему отказать и тогда, какъ дѣло будетъ рѣшено въ мою пользу.

Холминъ. Ну вотъ уже два жениха забраковано, нѣтъ-ли еще третьяго?

Слукина. Есть, Николай Ивановичъ,—есть женишокъ! Да и дѣло-то почти совсѣмъ слажено.

Холминъ. Вотъ что! Какъ-же мнѣ Варенька ничего объ этомъ не намекнула?

Слукина. Да она еще сама не знаетъ.

Холминъ. Право? Такъ вы заранѣе увѣрены, что этотъ женихъ ей понравится?

Слукина. Какъ ему не понравиться, батюшка? Вѣдь у него, легко вымолвить,—четыре тысячи душъ.

Холминъ. Четыре тысячи? Такъ это...

Слукина. Князь Владиміръ Ивановичъ Верхоглядовъ. Что, батюшка, каковъ женишокъ?

Холминъ. Да хорошо-ли вы знаете этого человѣка?

Слукина. Я знаю навѣрное, что у него четыре тысячи душъ, и ни копейки долгу.

Холминъ. Конечно, послѣ этого и говорить нечего. Вотъ если-бы у него не было ста тысячъ въ годъ доходу...

Слукина. Полтора ста, батюшка!

Холминъ. Неужели? Прошу покорно! Такъ чтожъ это говорятъ, будто онъ самый пустой человѣкъ; что у него нѣтъ никакихъ правилъ; что онъ на словахъ ужасный филантропъ, а на дѣлѣ трехъ-бунчужный паша; что онъ толкуетъ безпрестанно о потребности вѣка, выспихъ взглядахъ, правахъ человѣчества и разоряетъ своихъ крестьянъ; что у него давно ужъ умъ за разумъ зашелъ, и что рано или поздно, а ему не миновать опеки!

Слукина. И, что ты, мой отецъ! Да развѣ отдаютъ подъ опеку людей, у которыхъ полтора ста тысячъ въ годъ доходу и ни копейки долгу?

Холминъ. Вотъ то-то и есть: говорятъ также, что будто-бы у него такой причудливый характеръ, что съ нимъ ужиться нѣтъ никакой возможности.

Слукина. Вздоръ, батюшка, вздоръ! То-же самое говорили и про моего перваго мужа, да вѣдь жили-же кое-какъ? Ну, конечно, какъ безъ того—бывало пошумимъ, погрыземся, а все-таки онъ, дай Богъ ему царство небесное!—сдѣлаетъ, такъ сдѣлаетъ по моему. Нравный мужъ не бѣда, мой отецъ. Лишь только не поддавайся да кричи громче его, такъ все пойдетъ своимъ чередомъ.

Холминъ. Правда, Анна Степановна, правда! Это самый лучший способъ жить въ ладу съ мужемъ. Дурака запугаешь, умному не до насъ, такъ и тотъ и другой будутъ поневолѣ дѣлать все, что жена захочетъ. Да Варенька-то, кажется, у насъ не такого характера: она уступчива, добра, самага кроткаго нрава.

Слукина. Перемѣнится, мой отецъ, переѣнится! Въдъ нужда чему не научить?

Холминъ. Конечно, Анна Степановна, конечно! Да и материнскіе ваши совѣты, быть можетъ, на нее подѣвствуютъ. И такъ это дѣло конченное: племяннику губернаторши Вельскому...

Слукина. Я ничего рѣшительнаго не сказала; однакожь, признаюсь, надеждой польстила...

Холминъ. Предсѣдателю палаты Зорину...

Слукина. Его поневолѣ приглубливаю, батюшка! вотъ такъ, изрѣдка намеки дѣлаю, обинячки говорю.

Холминъ. А князю Владиміру Ивановичу?...

Слукина. И ему еще формальнаго слова не давала.

Холминъ. То-есть вы обнадежили разомъ трехъ жениховъ.

Слукина. Эхъ, батюшка, батюшка! Да когда-же мнѣ и поломаться-то, какъ не теперь. Пока я не совсѣмъ еще порѣшила, такъ мнѣ житье-то славное. Посмотри—въ собраніи, на балахъ, кому такой почетъ? Одинъ слугу отыщеть, другой салопъ подасть, третій съ лѣстницы сведеть; не успѣваешь раскланиваться. А какъ въ вистикъ-то съ ними засяду, батюшка, въ вистикъ! Житье да и только! Реновсь сдѣлаю, никто не видитъ; безъ двухъ фигуръ сочту четыре онера—молчать. И даже этотъ скопидонъ Зоринъ не зайкнется сказать, что я ошиблась. А ужъ о томъ не говорю, сколько другихъ, прочихъ, мелкихъ женишковъ въ глаза-то мнѣ забѣгаютъ. Ну, такъ и рвутся одинъ передъ другимъ, чтобъ мнѣ услужить.

Холминъ. Ну, да! Теперь хорошо, а когда они узнаютъ, что вы ихъ дурачили?

Слукина. Такъ чтожь, батюшка?—Посердятся, посердятся, да будутъ таковы. Одинъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ могъ-бы мнѣ хлопотъ надѣлать, да, къ счастью, дѣло мое слушаютъ на будущей недѣлѣ,—а ты знаешь, батюшка, резолюцію переѣнить нельзя.

Холминъ. Разсчетъ вѣрный, Анна Степановна! Вы забыли только одно, что отъ этого можетъ пострадать репутація вашей падчерицы. Станутъ говорить, что она заводила жениховъ, кокетничала, обманывала съ вами заодно...

Слукина. Помилуй! Да съ чего-бы это взяли?

Холминъ. Знаю, Анна Степановна, что въ этомъ и

на волосъ не будетъ правды; но зачѣмъ давать поводъ къ злословію? Вѣдь клевета, какъ уголь, не обожжетъ, такъ замараешь.

Слукина. И полно, мой отецъ! Стану я бояться всѣхъ людскихъ рѣчей. Да мало-ли что и про меня говорили: и обобрала-то я покойнаго моего мужа, и пустила по міру роднаго брата, да и Богъ вѣсть что! Всего не переслушаешь. А вотъ и Варенька! (*Варенька входитъ*). Побудь покамѣсть съ твоимъ крестнымъ, а я пойду и сама принаряжусь; да если кто заѣдетъ, такъ извините меня! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же, кромъ Слукиной.

Варенька (*посль нѣкотораго молчанія*). Послушайте, крестный папенька, вы, кажется, говорили съ Анной Степановной?

Холминъ (*улыбаясь*). О чемъ, мой другъ?

Варенька. Ну!... О немъ!...

Холминъ. Говорилъ.

Варенька. Чтожъ она!

Холминъ. Твоя мачиха! Она рѣшилась выдать тебя замужъ.

Варенька (*съ радостью*). Возможно-ли?

Холминъ. За князя Владиміра Ивановича Верхоглядова.

Варенька (*съ ужасомъ*). Что вы говорите?

Холминъ. Чтожъ ты испугалась? Не бойся, мой другъ, на святой Руси насильно никого не вѣнчаютъ. Послушай, моя душа! Ты ужъ не ребенокъ и должна подумать о будущемъ. Ты любишь Тонскаго, и онъ достоинъ этого счастья; но у князя полтора ста тысячъ въ годъ дохода, а Тонскій почти ничего не имѣетъ; ты также, мой другъ, безъ всякаго состоянія, или—что почти одно и то же—оно совершенно зависитъ отъ твоей мачихи. Покойный твой отецъ былъ человекъ истинно добрый, но подъ старость такъ ослабѣлъ и тѣломъ и душою, что не имѣлъ рѣшительно собственной своей воли. Ты знаешь, Варенька, всѣмъ его имѣніемъ владѣетъ Анна Степановна, и хотя по

духовной покойнаго ты имѣешь право требовать въ приданое за собою тысячу душъ, но только тогда, когда выйдешь замужъ съ ея согласія; въ противномъ случаѣ, одно только добровольное ея прощеніе можетъ возвратитъ тебѣ это право. Теперь ты видишь, мой другъ, что у тебя ничего нѣтъ; Анна Степановна никогда не согласится выдать тебя замужъ за Тонскаго, и никогда не проститъ, если ты выйдешь за него противъ ея воли!

Варенька. Ахъ, Боже мой! Да какая ей прибыль, если я выйду за этого князя?

Холминъ. Пребольшая, мой другъ. Засадить тебя вѣчно въ дѣвкахъ она не можетъ, это было-бы слишкомъ явнымъ доказательствомъ ея жадности; ты сирота, правительство можетъ взять тебя подъ свою защиту, а сверхъ того, и самые бездушные люди боятся общаго мнѣнія. Я узналъ нечаянно, но отъ вѣрнаго человѣка, что князь Владиміръ Ивановичъ беретъ тебя безъ приданого, и сдѣлалъ даже какую-то бумагу, которая обезпечиваетъ на этотъ счетъ твою мачиху. Теперь видишь-ли, мой другъ?

Варенька (*съ живостью*). Такъ чтожъ? Неужели вы думаете, что Тонскій не откажется также отъ моего приданого?

Холминъ. О, я не сомнѣваюсь въ этомъ.

Варенька. И развѣ богатство можетъ сдѣлать наше счастье?

Холминъ. Не о богатствѣ рѣчь, мой другъ. Полтора ста тысячъ въ годъ доходу не сдѣлаютъ тебя и на волосъ счастливѣе.—Но бѣдность! Ахъ, Варенька, Варенька! Мы живемъ не въ Аркадіи; кустъ розановъ, шалашъ и милый другъ—все это прекрасно въ романсѣ, который ты поешь, сидя за фортепiano; но въ шалашѣ и холодно и тѣсно; розы цвѣтутъ только весною; милый другъ не вѣчно будетъ ворковать подлѣ тебя; онъ захочетъ ѣсть, ты также, а тамъ семья, дѣти!... Нѣтъ, мой ангелъ, если счастье наше не всегда бываетъ слѣдствіемъ хорошаго состоянія, то, по крайней мѣрѣ, оно помогаетъ намъ сносить терпѣливѣе всѣ житейскія горести и напасти, которыя при бѣдности становятся еще несноснѣе. Подумай хорошенько: если ты выйдешь за князя, то всѣ желанія твои, всѣ прихоти будутъ исполняться; ты молода, мой другъ, тебя вѣрно еще пдѣвняютъ и щегольской экипажъ, и модныя платья, и тысяча другихъ блестящихъ бездѣлушекъ, кото-

рыя стоять такъ дорого и не служить ни къ чему; пока еще года и горькій опытъ не отучатъ тебя забавляться этими игрушками взрослыхъ людей, ты станешь тосковать о нихъ. Сколько разъ ты будешь плакать отъ зависти и досады, сравнивая свой простенькій московскій буръ-де-суа съ какимъ-нибудь колокольцовскимъ платкомъ или турецкою шалью прежней твоей подруги! Встрѣчая на каждомъ шагѣ знакомыхъ, которые стануть давить тебя своими богатствами и роскошью, ты по неволѣ сдѣлаешься подозрительною; дружба богатыхъ людей будетъ тебѣ казаться обиднымъ покровительствомъ, а каждое ласковое слово милостынею, которую дають тебѣ изъ состраданія. Что, если тогда встревоженное твое самолюбіе и эта тяжкая необходимость отказывать себѣ почти во всемъ, расхолодятъ прежнюю любовь твою? Что, если ты начнешь горевать о томъ, что не вышла за богатаго князя, и бѣдный мужъ твой отгадаетъ, наконецъ, причину этой горести?

Варенька (*съ жаромъ*). Мужъ мой! Тотъ, кого выбрало мое сердце!... И вы можете такъ дурно думать о вашей крестной дочери!... Щегольской экипажъ!... Турецкая шаль!... Боже мой!... Да я стала-бы плакать о турецкой шали, если-бы могла въ ней показаться милѣ моему мужу... Но желать ее для себя, горевать о томъ, что я не принадлежу этому князю, котораго ненавижу—да, да! ненавижу.

Холминъ (*улыбаясь*). Да за что-же, мой другъ?

Варенька. За то, что онъ хочетъ быть моимъ мужемъ. И вы могли мнѣ совѣтовать!...

Холминъ. Да полно, не гнѣвайся! Послушай, мой другъ. Прежде чѣмъ ты еще рѣшилась отказаться отъ супружества, которое свѣтъ сталъ бы называть блестящимъ, я долженъ былъ описать тебѣ всѣ невыгоды замужества съ человѣкомъ небогатымъ; я исполнилъ мою обязанность, и если бѣдность тебя не пугаетъ, то вотъ рука моя: ты будешь женою Тонскаго. Я не богатъ, Варенька; но все, что имѣю, будетъ принадлежать вамъ. Не благодари меня, мой другъ!... У меня нѣтъ дѣтей, а живя съ вами, я забуду объ этомъ. Да и зачѣмъ отчаяваться? Почему знать? Быть можетъ, ты выйдешь за Тонскаго и не потеряешь своего состоянія.

Варенька. Но вы сами говорили, что Анна Степановна никогда не согласится.

Холминъ. Безъ всякаго сомнѣнія, не согласится; но дѣло не въ томъ, чтобъ она была твоей посаженной матерью, а лишь только-бы послѣ свадьбы-то васъ простила... У меня кой-что бродить въ головѣ... Что, если-бы?... Почему-же нѣтъ?... А какъ-бы это было забавно!... Только смотри, Варенька! Слушаться меня во всемъ.

Варенька. О, въ этомъ можете быть увѣрены.

Холминъ. Постой! Кажется, кто-то пріѣхалъ. (*Смотритъ въ окно*). Вельскій! Вотъ кстати. Поди, мой другъ, къ себѣ въ комнату. (*Варенька уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Холминъ и Вельскій.

Холминъ (*идя навстрѣчу Вельскому*). Анна Степановна дома, но просить васъ извинить ее: она сейчасъ ѣдетъ съ визитами.

Вельскій. Здравствуйте, Николай Ивановичъ! Очень радъ, что васъ вижу.

Холминъ. Да присядьте хоть на минутку, Иванъ Федоровичъ. Позвольте мнѣ поскозничать. (*Садятся*).

Вельскій. Покорнѣйше васъ благодарю! И признаюсь, мнѣ надо отдохнуть: я такъ усталъ! У тетушки обѣдалъ Зоринъ, и я имѣлъ дурачество съ нимъ сѣсть въ карты. Ахъ, какой злодѣй! Полчаса думаетъ, полчаса держится за карту, двадцать разъ ее мѣняетъ—измучилъ!

Холминъ. А что вы сдѣлали?

Вельскій. Проигралъ.

Холминъ. Немного?

Вельскій. Бездѣлицу! Рублей полтора ста или двѣсти — не помню.

Холминъ. Вы, кажется, всегда проигрываете?

Вельскій. Почти.

Холминъ. Такъ зачѣмъ вы играете?

Вельскій. А чтожъ прикажете мнѣ дѣлать? У насъ въ провинціи, если васъ не посадятъ за карты, такъ смѣю спросить, какъ вы проведете вашъ день? Говорить? — О чемъ? Съ кѣмъ? Съ Хапровой, что ея горничная дѣвушка свела любовную связь съ вице-губернаторскимъ ла-

кеемъ; съ Елецкимъ, что у него забѣсился борзый кобель и перекусалъ всю стаю; съ губернскимъ докторомъ Фомою Фомичемъ фонъ-Дахомъ, что онъ дѣлаетъ изъ своего табаку отличный кнастеръ; съ Вельдизевой, что у нея сманили третью мадамъ... Конечно, все это имѣеть свою забавную сторону—въ первые три дня, но круглый годъ и всякій день одно и то-же!... Нѣтъ, Николай Ивановичъ! Холостому человѣку невозможно жить въ провинціи; а если ему придется, по своимъ обстоятельствамъ, заживо схоронить себя въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ... то онъ долженъ непремѣнно...

Холминъ. Жениться? Не правда-ли?

Вельскій. Разумѣется. Разсчетъ самый вѣрный: съ хорошей женой ему будетъ весело и дома, съ дурной онъ станетъ безпрестанно ссориться, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ не умретъ отъ этой проклятой скуки, которая душитъ меня съ утра до вечера.

Холминъ. Такъ чтожь, Иванъ Федоровичъ; лѣкарство у васъ, кажется, подъ руками.

Вельскій (*значительно улыбаясь*). Вы думаете?

Холминъ. Да мало-ли у насъ невѣсть? Вотъ, напримеръ, Катерина Федоровна Радугина: восемнадцать лѣтъ, собой недурна, воспитана...

Вельскій. Прекрасно! Двухъ словъ не умѣеть сказать съ-ряду, и одѣвается, какъ прачка. Помилуйте! Да се стыдно будетъ въ люди показать.

Холминъ. Я думаю, вы не скажете этого о Катинкѣ Ладиной.

Вельскій. Да! Она довольно мила, но за то... послушайте! я не хлопочу о богатствѣ... однокожь...

Холминъ. Понимаю! Такъ вамъ бы жениться на дочери нашего виннаго заводчика Расторгуева. Конечно, Степанида Алексѣевна не красавица...

Вельскій. Что вы? Что вы? Да развѣ мой домъ кунсткамера?... Расторгуева! Побойтесь Бога! Да ее можно водить по ярмаркамъ, да за деньги показывать.

Холминъ. Ну вотъ то-то и есть! На васъ не угодишь.

Вельскій. Да вы Богъ знаетъ кого называете.

Холминъ. Какъ, Богъ знаетъ? Я назвалъ вамъ первыхъ здѣшнихъ невѣсть.

Вельскій. А для чего-же вы ни слова не говорите о вашей крестницѣ?

Холминъ. О Варенькѣ?

Вельскій. Да, о Варварѣ Николаевнѣ.

Холминъ. Для того, что одна дѣвушка не можетъ быть невѣстою двухъ жениховъ.

Вельскій. Двухъ жениховъ? Что вы хотите сказать?

Холминъ. Не погнѣвайтесь—это еще покзѣмъсть семейная тайна; по настоящему, мнѣ бы не должно было и намекать объ этомъ.

Вельскій. Ахъ сдѣлайте милость!...

Холминъ. Послушайте, Иванъ Ѳедоровичъ. Я могу вамъ сказать только одно, и то подъ большимъ секретомъ: не сватайтесь за мою крестницу,—она почти помолвлена.

Вельскій. За кого?

Холминъ. Извините! Этого я не могу вамъ сказать.

Вельскій. Вы меня удивляете! Третьяго дня тетушка говорила обо мнѣ съ Анной Степановной, и она не только не отказала, но даже подала большую надежду.

Холминъ. Что вы говорите?

Вельскій. Увѣряю васъ.

Холминъ. Ну, это нехорошо! Очень нехорошо!... Эхъ, Анна Степановна! Вѣчно надѣлаетъ глупостей. Ну, прилично-ли заводить, дурачить?

Вельскій (*приподымаясь невольно съ кресель*). Дурачить?... Меня?... Да нѣтъ, это невозможно. (*Садится опять*).

Холминъ. Со мною хитрить ей нечего; такъ воля ваша—мнѣ кажется, она дурачитъ васъ.

Вельскій (*вскочивъ*). Меня? О! ceci est trop fort! Я не люблю, чтобъ меня дурачили женщины и помоложе Анны Степановны. Впрочемъ я, во всякомъ случаѣ, благодаренъ, что вы мнѣ это сказали.

Холминъ. Постойте, постойте! Что вы хотите дѣлать?

Вельскій. Не безпокойтесь—я васъ не компрометирую. Но сегодня-же эта статская совѣтница скажетъ мнѣ рѣшительно: принимаетъ-ли мое предложеніе, или нѣтъ. И если для того, чтобъ продолжать грабить свою падчерицу, она станетъ отдѣлываться отъ рѣшительнаго отзыва, то дядя мой, какъ начальникъ губерніи, и безъ сомнѣнія, нашъ предводитель дворянства вступятся въ положеніе этой несчастной сироты, тѣмъ болѣе, что я имѣю право думать, что мои исканія не противны Варварѣ Николаевнѣ...

Холминъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Вельскій. Да, да! Я имѣю этому доказательства. Недѣли три тому назадъ, мой дядя давалъ балъ и пріѣхалъ поздно, потому что долженъ былъ завернуть къ Александру Михайловичу Тонскому, вотъ къ этому гусарскому офицеру—вы, кажется, его знаете?

Холминъ. Да, немного.

Вельскій. Онъ также приглашенъ былъ на балъ и просилъ меня захватить за нимъ въ моей каретѣ. Тетушка рассказала мнѣ послѣ все до моего пріѣзда на балъ, ваша крестница была печальна, задумчива, разсѣянна, безпрестанно смотрѣла на двери и какъ будто-бы дожидалась кого-нибудь; но лишь только я показался на балѣ, то она въ ту-же самую минуту стала весела, разговорчива, словомъ, совершенно переродилась. Смѣю спросить, что это значитъ?

Холминъ. О, это явное предпочтеніе.

Вельскій. Когда я сталъ въ первый разъ говорить ей о любви моей, такъ она поблѣднѣла и до того смѣшалась, что не могла отвѣчать ни слова. Конечно, не всякій постигнетъ настоящую причину этого испуга, но тотъ, кто имѣетъ нѣкоторый опытъ, кто успѣлъ уже разгадать женское сердце, тотъ безъ труда пойметъ, что значитъ такая необычайная робость.

Холминъ. Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, исполать вамъ! Да, я вижу, вы настоящій профессоръ въ этомъ дѣлѣ.

Вельскій (*улыбаясь, съ гордостью*). Опытъ, Николай Ивановичъ, опытъ! Женщины имѣли всегда такое сильное вліяніе на судьбу мою, въ жизни моей было столько необычайныхъ случаевъ... да вы вѣрно знаете французскую пословицу: *a force de forger...*

Холминъ. Какъ не знать!

Вельскій. Прощайте покамѣстъ! Я надѣюсь сегодня увидѣть васъ и Анну Степановну у княгини Ландышевой?

Холминъ. Да, мы тамъ будемъ.

Вельскій. И такъ до свиданія.

Холминъ. Только сдѣлайте милость, если у васъ дойдетъ до какого-нибудь изъясненія, прошу васъ, чтобъ я былъ совершенно въ сторонѣ.

Вельскій. Не безпокойтесь, я комеражей не люблю. (*Идетъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Зориньимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же и Зоринъ.

Зоринъ (*кланяясь Вельскому*). Честь имѣю... (*Вельскій откланивается и уходитъ*).

Холминъ. Здравствуйте, Алексѣй Андреевичъ.

Зоринъ. А, почтеннѣйшій!... Какими судьбами? Я думалъ, что васъ нѣтъ и въ городѣ?

Холминъ. Да, я недавно прѣхалъ изъ деревни. Прошу покорно! (*Садятся*).

Зоринъ. Гдѣ-жѣ Анна Степановна....

Холминъ. Она ѣдетъ съ визитами и не можетъ теперь васъ принять.

Зоринъ. А я было зашелъ потолковать о ея дѣлцѣ.

Холминъ. Ну, что? Какъ поживаете?

Зоринъ. Плохо, батюшка Николай Ивановичъ, плохо! Когда хозяйки нѣтъ въ домѣ, такъ какое житье!

Холминъ. Хозяйки нѣтъ—такъ чтожъ! Вы, Алексѣй Андреевичъ, не въ такихъ еще годахъ, чтобъ вамъ оставаться вдовцомъ. Я думаю, вамъ и пятидесяти нѣтъ.

Зоринъ. Да, съ небольшимъ.

Холминъ. Такъ за чѣмъ-же дѣло стало, неужели за невѣстою?

Зоринъ (*улыбаясь*). Невѣста, быть можетъ, найдется.

Холминъ. Вотъ что? Поздравляю! А кто, если смѣю спросить?

Зоринъ. Полноте, почтеннѣйшій! Полноте подшучивать! Чай, вы давнымъ-давно знаете.

Холминъ. Право, нѣтъ.

Зоринъ. Да перестаньте! Какъ вамъ не знать, вы у нихъ человѣкъ свой.

Холминъ. У кого, Алексѣй Андреевичъ?

Зоринъ. Да хоть у Анны Степановны...

Холминъ. Слукиной... Такъ вы на ней хотите жениться?

Зоринъ. И, нѣтъ, батюшка! Что ей за охота идти замужъ... Вотъ дѣло другое, дѣвица безродная, безъ отца, безъ матери...

Холминъ. Какъ?... Такъ дѣло-то идетъ о моей крестной дочери?

Зоринъ. Чтожъ вы этому такъ удивились, Николай Ивановичъ? Конечно, мы съ ней не ровни...

Холминъ. И, что вы? Не о лѣтахъ рѣчь; по мнѣ, чѣмъ старѣе мужъ, тѣмъ лучше. Да нечего ждать путнаго, если-бы такой ребенокъ, какъ Варенька, вышла за какого-нибудь мальчишку.

Зоринъ. Конечно, конечно!

Холминъ. Когда дѣвушка, по сиротству, выходитъ прежде двадцати лѣтъ замужъ, такъ ей надобенъ мужъ, не вѣтрогонъ, не мальчикъ какой-нибудь, а человекъ зрѣлыхъ лѣтъ, опытный и благоразумный.

Зоринъ. Совершенная правда.

Холминъ. Хороши мужъ и жена, которые оба еще въ куклы играютъ! Вѣдь страсть пустое дѣло, Алексѣй Андреевичъ; и къ молодому и къ старому мужу приглядимся; любовь пройдетъ, а дружба и уваженіе остаются.

Зоринъ. Правда, истинная правда!

Холминъ. Нѣтъ, батюшка! Я знаю, какой мужъ ей надобенъ: человекъ умный (*Зоринъ кланяется*), солидный (*Зоринъ кланяется*), который не станетъ учиться у другихъ, а самъ поучить, какъ домъ вести (*Зоринъ кланяется*), который ея приданнаго не промотаетъ, да и своего имѣнія не проживетъ.

Зоринъ. Да!

Холминъ. Который можетъ быть, въ одно и то-же время, ея супругомъ и наставникомъ; по милости котораго жена будетъ занимать не послѣднее мѣсто въ губерніи; однимъ словомъ, такой мужъ, какъ вы, Алексѣй Андреевичъ!

Зоринъ. Помилуйте!... Мнѣ, право, и совѣстно!... И такъ вы не прочь отъ этого?

Холминъ. Кто, я? Да еслибъ это отъ меня зависѣло, такъ я и думать бы не сталъ. Но вы знаете, что ея мачиха.

Зоринъ (*улыбаясь*). Съ ней-то мы какъ-нибудь поладимъ.

Холминъ. Право? А что, развѣ ужъ объ этомъ рѣчь была?

Зоринъ. Какъ же; сначала мы говорили все обвиняками, да намеки другъ другу дѣлали; третьяго дня пришлось какъ-то къ слову, такъ я просто напрямки сказалъ.

Холминъ. Ну, что-же она?

Зоринъ. Почти слово дала, просила только пообождать и до времени не говорить никому.

Холминъ. Вотъ что!... Ай да Анна Степановна! Ну!!!

Зоринъ. А что такое?

Холминъ. Такъ; ничего!... Что мнѣ въ эти вздоры мѣшаться. Когда онѣ отъ меня секретничаютъ, да не хотятъ со мною посовѣтоваться, такъ мое дѣло сторона.

Зоринъ. Да чтожъ вы такое знаете?

Холминъ. Что я знаю?... *(Помолчавъ нѣсколько времени и олядываясь)*. Послушайте, Алексѣй Андреевичъ! Мнѣ васъ учить нечего, а на вашемъ мѣстѣ я зналъ бы, какъ поступить. Всѣ эти секреты да отсрочки ни къ чему не ведутъ. Я настоятельно бы сталъ требовать помолвки, да не по домашнему, а публично, торжественно, чтобъ весь городъ зналъ, что вы женитесь на Варенькѣ. И мальчишкѣ лѣтъ въ двадцать остаться съ носомъ вовсе не забавно, а какъ нашему брату, пожилому человѣку, забрѣютъ затылокъ—такъ признаюсь!

Зоринъ. Забрѣютъ затылокъ? Такъ вы полагаете, что Анна Степановна изволить надо мной потѣшаться?

Холминъ. Я не говорю этого; и какъ подумаю такъ на что-бы, кажется, ей васъ обманывать?... Э!... Пойдите-ка! Вѣдь у нея есть тяжёлое дѣло, и если оно должно скоро рѣшиться...

Зоринъ. Ну, нѣтъ еще! Очередь не за нимъ... А позвольте васъ спросить: развѣ у нея есть еще какіе-нибудь женишки на примѣтѣ?

Холминъ. Женихи?... Да въ нашемъ городѣ, кажется, жениховъ довольно. Вотъ хоть Иванъ Фёдоровичъ Вельскій...

Зоринъ. Э, э, э! Губернаторскій племянникъ?

Холминъ. Да этого также обракують. *(Понизивъ голосъ)*. А развѣ князь Владиміръ Ивановичъ...

Зоринъ. О, о!... Вотъ что! Такъ и онъ также сватался за Варвару Николаевну.

Холминъ *(улыбаясь)*. Не знаю.

Зоринъ. Ну, если такъ, то позвольте же, Николай Ивановичъ! И подлинно, это дѣло надо привести въ ясность.

Холминъ. Однакожъ, смотрите, не выдайте меня.

Зоринъ. Не безпокойтесь!

Холминъ. Ну то-то-же! Пожалуйста, чтобъ это осталось между нами.

Зоринъ. Да ужь будьте увѣрены: тутъ и умерло.

Холминъ. Правду сказать, мнѣ бы вовсе не слѣдъ мѣшаться въ эти сплетни; да и что мнѣ пришло въ голову?... Вотъ то-то и есть: языкъ мой—врагъ мой!...

Зоринъ (*вставая*). Не бойтесь, Николай Ивановичъ! Мы люди присяжные, молчать умѣемъ. Да сдѣлайте милость, заверните когда-нибудь! Я до двѣнадцати часовъ всегда дома.

Холминъ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Зоринъ. Прошу покорно! Часикъ, другой побесѣдуемъ. Закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ, а тамъ отвѣдаемъ донского, выпьемъ рюмочку мадеры...

Холминъ. Я очень скоро буду имѣть это удовольствіе.

Зоринъ. И такъ до свиданья!... Честь имѣю кланяться!

Холминъ. Прощайте, Алексѣй Андреевичъ!... Да смотрите-же!...

Зоринъ. Ужъ я вамъ сказалъ — не беспокойтесь!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Холминъ (*одинъ*).

Ну!... И этотъ готовъ!... Теперь надобно приняться за князя Владиміра Ивановича. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ довольно богатую юстиную комнату; съ правой и съ лѣвой стороны по одной двери; въ глубинѣ театра трое дверей. Нѣсколько раскинутыхъ ломберныхъ столовъ съ приготовленными картами и свѣчами; на авансценѣ вольтеровскія кресла, подлѣ которыхъ круглый столъ; на столѣ лежатъ книги.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Князь Верхоглядовъ и мальчикъ, лѣтъ тринадцати. *(Князь сидитъ въ вольтеровскихъ креслахъ, мальчикъ стоитъ противъ его на колыняхъ. Князь держитъ въ одной рукѣ исписанный листъ бумаги, а въ другой хлыстъ.—Холминъ (входитъ съ правой стороны и, не замѣченный княземъ, останавливается на порогъ).*

Князь. Глупое созданье! Алеуть, камчадалъ безмозглый! Ничего не понимаетъ! Да я вколочу въ тебя просвѣщеніе! Мало-ли я толковалъ тебѣ о достоинствѣ чловѣка, животное! Ну, что такое чловѣкъ?

Мальчикъ. Чловѣкъ есть твореніе самобытное...

Князь. Слѣдовательно, никто не имѣетъ права посягать на его личность... ну!

Мальчикъ. На его личность... и всякій подобный ему...

Князь. Обязанъ обходиться съ нимъ... ну!

Мальчикъ. Обходиться съ нимъ...

Князь *(бьетъ его хлыстикомъ)*. Кротко и сердобольно!

Мальчикъ. Ай, ай, ай!... Больно, больно!

Холминъ *(входитъ)*. Что это вы, князь Владиміръ Ивановичъ, какую науку преподаете?

Князь *(вставая)*. Ахъ, это вы, Николай Ивановичъ?

Холминъ. Извините, я вошелъ къ вамъ безъ доклада; въ лакейской никого нѣтъ.

Князь. Вѣрно всё въ залѣ. *(Мальчику)*. Пошелъ, ду

ракъ, въ лакейскую. (*Мальчикъ уходитъ*). Сегодня моя кухня, княгиня Ландышева, даетъ здѣсь балъ.

Холминъ. Я это знаю.

Князь. Теперь еще рано, такъ я отъ нечего дѣлать занялся этимъ мальчикомъ—сынъ моего приказчика; хочу сдѣлать изъ него человѣка. Да прошу покорно садиться. Моя кухня еще не пріѣхала, такъ, покамѣстъ, я здѣсь хозяиномъ... вы вѣрно приглашены на балъ?

Холминъ. Княгиня сдѣлала мнѣ эту честь.

Князь. Ну что? Не слыхали-ли чего-нибудь новаго? Правда-ли, что въ Петербургѣ начинаютъ входить въ большое употребленіе артезіанскіе колодцы?

Холминъ. Нѣтъ, не слыхалъ. Да и для чего-бы это?

Князь. Какой вопросъ! Помилуйте, Николай Ивановичъ! Да будемъ-ли мы когда-нибудь европейцами?

Холминъ (*улыбался*). А развѣ европеецъ долженъ непременно пить воду изъ артезіанскаго колодца?

Князь. О, святая Русь!.. Да неужели вы не постигаете, что отвергать всѣ улучшенія, держаться во всемъ старины, стоять на одномъ мѣстѣ, когда вся Европа идетъ впередъ—есть самый вѣрный признакъ варварства!

Холминъ. Нѣтъ, князь, я постигаю, что хорошее перенимать вовсе не стыдно; да только вотъ бѣда: не все хорошее равно хорошо для всѣхъ перенимать, не думая о томъ, полезна-ли будетъ эта новость собственно для насъ; передразнивать иностранцевъ, только для того, чтобъ сказать: «я иду за вѣкомъ, я европеецъ!»—воля ваша, а это, по мнѣ, просто пускать пыль въ глаза и увлекаться одними фразами и громкими словами, которыя, конечно, имѣютъ свою цѣну послѣ сытнаго обѣда и рюмки шампанскаго, но на тощій желудокъ никуда не годятся.

Князь. Да почему-же вы полагаете, что, хоть напрямѣрь, введеніе артезіанскихъ колодцевъ...

Холминъ. Чрезвычайно будетъ полезно въ степныхъ и безводныхъ мѣстахъ; въ этомъ, конечно, съ вами никто спорить не станетъ, но въ Петербургѣ, гдѣ подчасъ отъ воды не знаютъ куда дѣваться, — смѣю васъ спросить, — какую пользу?...

Князь. Пользу, пользу!... Вы только и думаете о пользѣ! Да знаете-ли, сударь, что эти-то меркантильные расчеты и убиваютъ все на свѣтѣ. Прошу говорить о просвѣщеніи и высшихъ взглядахъ съ людьми, которые

считаютъ копѣйки!... Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ! Вы человекъ умный, съ познаніями, много читали; но, несмотря на это, признайтесь— вы очень, очень отстали отъ нашего вѣка.

Холминъ (*усмѣхась*). Статься можетъ, князь, я человекъ пожилой, бѣгать не мастеръ, да и боюсь: какъ разъ спотыкнешься.

Князь. Мы этого не боимся.

Холминъ. И, полноте, князь, будто-бы вы никогда и ни въ чемъ не ошибались? Несмотря на премудрость и глубину нашего вѣка, мы точно такъ-же, какъ прежде, рабы своихъ страстей, слѣдовательно ошибаемся, дѣлаемъ глупости и всегда возстаемъ противъ здраваго смысла, если онъ противорѣчитъ вашему образу мыслей. Въ старину, закоренѣлые невѣжды называли благоразумнаго человека вольнодумцемъ, а нынче его же и, можетъ быть, тѣ же самые люди назовутъ старовѣромъ, отсталымъ и варваромъ. Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, люди всегда останутся людьми. Да одна любовь сколько глупостей заставляеть насъ дѣлать, не только въ молодости, но и въ годахъ зрѣлаго разсудка; и если, князь, вы когда-нибудь любили...

Князь. Я?... Если я любилъ?... И вы это спрашиваете у меня!

Холминъ. Ого! Да вы, кажется, и теперь еще любите?...

Князь. Съ безуміемъ, съ неистовствомъ!...

Холминъ. Ай, ай, ай!...

Князь. Какъ Ромео любилъ свою Джуліету, какъ Дюмазовъ Антоній свою... свою...

Холминъ. Невѣсту?

Князь. Нѣтъ жену другого.

Холминъ. Ахъ, батюшка! Да неужели и вы также?...

Князь (*почти съ горемъ*). Ахъ, нѣтъ! Она свободна.

Холминъ. Слава Богу!... Да кто же эта красавица, которая, какъ видно, къ крайнему вашему прискорбію, можетъ законнымъ образомъ принадлежать вамъ.

Князь. Кто она?... Это фантастическое созданіе пламеннаго юга! Это полувоздушная пери! Это сильфида!... О! какъ она прекрасна! Какое блаженство лететь изъ подъ ея сладостно опущенныхъ рѣсницъ... она... да неужели вы не отгадали, о комъ я говорю?

Холминъ. Нѣтъ, князь, это пѣтическое описаніе все: меня съ толку сбидо.

Князь. Виновать! Я позабылъ, что вашъ идеаль красоты не можетъ быть сходенъ съ моимъ — вы человекъ русский! По вашему, была бы только бѣла, да дородна, да румянецъ во всю щеку; а такъ какъ ваша крестная дочь блѣдна и худощава...

Холминъ. А! Такъ вы говорите о Варенькѣ.

Князь. Да о комъ же, Николай Ивановичъ? Кого могъ бы я назвать сифидою.

Холминъ. Вотъ что? Вѣроятно, и вы, князь, ей такъ нравитесь?

Князь. О, мы давно уже понимаемъ другъ друга! Съ мѣсяцъ тому назадъ я прѣѣхалъ поутру къ Аннѣ Степановнѣ: въ гостиной никого не было; но на столѣ лежало рукодѣлье и бѣлый платокъ; онъ былъ смоченъ, вымытъ слезами; этотъ платокъ былъ ея! Я невольно прижалъ его къ груди, и чувство сладостное и горькое, чувство вовсе до того мнѣ незнакомое—какъ дикій звѣрь впилось въ мое сердце. О, сколько поэзи было въ этомъ брошенномъ платкѣ: этотъ платокъ былъ цѣлая поэма! Она вошла въ гостиную, наши взоры встрѣтились, и все было кончено..

Холминъ. Такъ вы даже и не говорили съ ней объ этомъ?

Князь. Нѣтъ, одинъ взглядъ сказалъ мнѣ все; я прочелъ въ немъ—и настоящій адъ ея положенія, и будущій рай моего блаженства. Мнѣ нужно было только переговорить съ ея мачихою, тутъ земной языкъ былъ, необходимъ; мы съ ней поладили, а можетъ быть, недѣли черезъ двѣ вы поздравите меня женихомъ вашей крестной дочери.

Холминъ. Отъ всего сердца. Но зачѣмъ же черезъ двѣ недѣли? Зачѣмъ не прежде?

Князь. Нѣтъ, ужъ объ этомъ меня не спрашивайте. Анна Степановна никакъ не хотѣла согласиться на мои просьбы, и даже требовала, чтобъ я отъ всѣхъ скрывалъ это, какъ государственную тайну.

Холминъ. Право?... Послушайте, князь, дѣлайте все, что хотите, но, по моему, чѣмъ скорѣе будетъ вашъ стоворъ съ Варенькою, тѣмъ лучше...

Князь. Вы думаете?

Холминъ. Имѣю полное право такъ думать. Отвѣчайте откровенно, какъ вы полагаете: выдавая за васъ свою падчерицу, что имѣеть въ виду Анна Степановна: ея

счастіе или собственную свою выгоду? Да не церемоньтесь, говорите прямо!

Князь. Ну, если вы хотите, такъ я думаю, что дѣло идетъ вовсе не о счастіи вашей крестной дочери.

Холминъ. Вотъ видите. Вы теперь поладили съ Анной Степановной, а если кто другой поладить съ ней еще болѣе?... Вы меня понимаете?

Князь. Понимаю; но развѣ вы имѣете причины подозрѣвать, что кто-нибудь другой...

Холминъ. Я не скажу вамъ ничего; только не совѣтую соглашаться ни на какую отсрочку. Эй, князь, куйте желѣзо, пока оно горячо! Вы не знаете Анны Степановны: она готова объявить торги и съ аукціона продать свою падчерицу.

Князь. Что вы говорите?

Холминъ. То, что внушаетъ въ меня истинное желаніе выдать мою крестную дочь за чѣловѣка, который ея достоинъ, и за которымъ она вѣрно будетъ счастлива.

Князь. Мнѣ чрезвычайно пріятно слышать, Николай Ивановичъ... Я вамъ очень благодаренъ.

Холминъ. Не беспокойтесь, князь; вамъ, право, не за что меня благодарить.

Холминъ. Настоятельно требовать, чтобъ все было рѣшено, какъ можно скорѣе, да оно, впрочемъ, и натурально: вы сами говорите, что любите безъ ума Вареньку, а любовь всегда нетерпѣлива; это знаютъ всѣ; это пойметъ даже и Анна Степановна. Вѣдь всякій изъ насъ любилъ хоть разъ въ своей жизни.

Князь. Любилъ! И, полноте! Да знаютъ-ли у насъ, что такое любовь?... Можемъ-ли мы, воспитанные на русскомъ квасѣ, понимать это чувство, исполненное жизни и энергіи? Взгляните на изображеніе этой неукротимой страсти, во всѣхъ произведеніяхъ юной европейской словесности, и если дыханіе не сопрется въ груди вашей, если волосы ваши не станутъ дыбомъ, если вы не постигнете всю прелесть этихъ судорожныхъ восторговъ, этихъ неистовыхъ порывовъ страсти, этой адской пытки и райскаго наслажденія, то сдѣлайте милость, Николай Ивановичъ, кушайте на здоровье ваши соленые огурцы, живите двѣ трети года по уши въ снѣгу, заведите, если хотите, хозяйкою, только, Бога ради, не говорите ничего о любви.

Холминъ (*улыбаясь*). Слушаю, ваше сіятельство. Впро-

чемъ, если за мои грѣхи Господь Богъ пошлетъ на меня горячку съ пятнами, такъ, можетъ быть, тогда и я...

Князь (*почти съ призрачностію*). Не будемте говорить объ этомъ. Пойдите! Кажется, подъѣхала карета... вѣрно княгиня! Вотъ женщина, съ которой еще можно провести безъ скуки нѣсколько часовъ: не правда-ли что она вовсе не походить на нашу русскую барыню?

Холминъ (*усмѣхаясь*). А мнѣ такъ кажется, что очень походить.

Князь. Я слышу ея голосъ... извините! Мнѣ надобно надѣть фракъ... Да не угодно-ли и вамъ ко мнѣ въ кабинетъ: вы ей помѣшаете хозяйничать.

Холминъ. Съ большимъ удовольствіемъ. (*Уходятъ на-лво; всѣ три среднія двери открываются; за ними видна ярко освѣщенная комната*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Княгиня Ландышева, Гореглядова и слуги.

Княгиня (*выходя изъ среднихъ дверей и обращаясь къ слугамъ*).

Теперь ступайте скорѣй и зажигайте въ залѣ люстру; сюда поставьте два канделябра!... Кажется, мы не опоздали. Да гдѣ-же князь?

Гореглядова. Вѣрно одѣвается; вѣдь онъ долженъ сюда явиться, какъ гость.

Княгиня. Сядемъ, ма сестра! Мы еще успѣемъ устать обѣ.

Гореглядова (*сидясь въ вольтеровскія кресла*). Ахъ, какъ покойно...

Княгиня. Да, мой кузень любить, чтобъ у него было все комфортабельно.

Гореглядова (*беретъ со стола книгу*). Что это за книга?... «Сцены изъ приватной жизни, сочиненіе Бальзака».

Княгиня. Я что-то объ нихъ слышала отъ князя.

Гореглядова. Онъ хвалитъ ихъ?

Княгиня. Да! Ну, ужъ вѣрно онъ не такъ инте-

ресны, какъ романы милаго Дарленкура .. Помнишь «Пустынникъ»!... Ахъ!... Fuis, fleur de la vallée! О, Дарленкура!

Гореглядова. Мнѣ помнится, я читала въ какомъ-то русскомъ журналѣ, что этотъ Бальзакъ...

Княгиня. И, та chère!... Что такое Бальзакъ, Бальзакъ!... Да вѣдь это старый писатель, я еще ребенкомъ слыхала о немъ отъ нашего французскаго учителя... Вотъ Дарленкура... ахъ, какъ онъ милъ!... Fuis, fleur!...

Слуга. Ольга Дмитриевна Зарѣцкая, наша пріѣзжая изъ Москвы.

Княгиня. Ольга Дмитриевна (*Идетъ къ ней навстрѣчу*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪ-ЖЕ И ЗАРѢЦКАЯ.

Княгиня. Ахъ, Ольга Дмитриевна, какъ я рада, что вы опять съ нами. (*Цѣлуются*). Прошу покорно садиться. (*Всѣ садятся*).

Зарѣцкая. Ну что, здоровы-ли вы, княгиня?

Княгиня. Слава Богу!... Ахъ, та chère! Какіе у васъ чудные рукава!... Какъ это мило!...

Зарѣцкая. Да, это самая послѣдняя мода. Мадамъ Лебуръ поклялась мнѣ, что этимъ фасономъ первое платье сдѣлано для меня.

Гореглядова. Ахъ, какъ хорошо!

Княгиня. Прелесть!...

Гореглядова. А косынка? Посмотри, та chère!

Зарѣцкая. Ихъ только что привезли изъ Парижа— это...

Княгиня. Comme c'est bizarre!

Гореглядова. Ну, что скажете? Вы очень веселились въ Москвѣ?

Зарѣцкая. О, не говорите мнѣ, я умирала съ тоски.

Княгиня. Неужели?

Зарѣцкая. Ахъ, княгиня, что за общество, что за тонъ! Я вообразить себѣ не могла, чтобъ въ городѣ, который называется столицею, было такъ мало образованности; одни варварскія названія улицъ выведутъ всякаго изъ

терпѣнія! Напримѣръ: я остановилась у моей родственницы, въ собственномъ ея домѣ... Какъ вы думаете, гдѣ?... на Плющихѣ!!!

Княгиня. На Плющихѣ?... Dieu comme c'est vulgaire.

Зарѣцкая. А какъ живутъ, ma chère! Вотъ однажды пригласили меня на балъ въ одинъ домъ, помнится, за Москвою рѣкой на Зацѣпѣ.

Гореглидова. Боже мой, какія тривіальныя названія!

Княгиня. Согласитесь, что это можетъ быть только у насъ.

Зарѣцкая. И только въ Москвѣ. Вотъ мы ѣхали, ѣхали какими-то огородами... Крымскимъ бродомъ. Ужасъ!... И чтожъ вы думаете, нашли мы на этомъ балѣ?... Хозяйку, которая заговорила съ нами по-русски, голыя стѣны и сальныя свѣчи въ запачканныхъ хрустальныхъ люстрахъ.

Княгиня. Нѣтъ, шутите?

Зарѣцкая. Увѣрю васъ!... Теперь вы можете судить, какъ живутъ въ Москвѣ. Въ благородномъ собраніи я была только однажды на масляницѣ. Зала не дурна; но что за лица! Ни одного знакомаго. Молодые люди ходятъ взадъ и впередъ, никто ни обращаетъ на васъ никакого вниманія, и если вы не хотите сидѣть на скамейкѣ, то ужъ, конечно, не догадаются подать вамъ стулъ; я это испытала на себѣ.

Княгиня. А театръ, ma chère?

Зарѣцкая. Французскій хорошъ, но русскій!... Что за актеры! Какія названія у этихъ актеровъ!... Щепкинъ, Рѣпина! Ну, повѣрите-ли, тошно слышать! А какъ играютъ! Меня уговорили однажды посмотреть какую-то оперу, кажется «Волшебнаго Стрѣлка». Ну, ma chère! Признаюсь, мнѣ стало стыдно, что я русская!... Но это еще ничего; подѣл меня въ ложѣ какой-то господинъ началъ говорить съ своими дамами, самымъ безстыднымъ образомъ хвалить все, и даже увѣрять, что онъ видѣлъ эту оперу въ Вѣнѣ, и что она дается тамъ не лучше, чѣмъ въ Москвѣ,—какъ вы думаете! Эти дамы, которыя, впрочемъ, были одѣты недурно и, казалось, принадлежали къ хорошему обществу, слушали его, какъ оракула. Такое невѣжество вывело меня совершенно изъ терпѣнія, и чтобъ показать этому господину, какъ мнѣ гадко было слушать его наглуую ложь, я вскочила, накинула шаль и тотчасъ уѣхала изъ театра.

Княгиня. Признаюсь, и я-бъ на вашемъ мѣстѣ не усидѣла-бы спокойно.

Гореглядова. Вы меня удивляете, Ольга Дмитриевна! Такое варварство, и гдѣ-жъ? въ столицѣ!

Княгиня. И, та сhère! Чему тутъ удивляться? Да развѣ прошлаго года не были у насъ прїѣзжие изъ Москвы? Помните этого князя Брянскаго, и еще какого-то ученаго? Ну, вотъ этихъ, надъ которыми мы такъ смѣялись, когда они объявили преважно, что путешествуютъ по Россіи! Они не хотѣли сблизиться съ нашимъ кругомъ, а съ кѣмъ были знакомы? Съ Волгиными, съ Дубровинымъ, съ Закаменскимъ, съ этимъ педантомъ Холминымъ—помните, что они говорили: «Вотъ почтенные люди! Вотъ настоящіе русскіе дворяне! Вотъ истинно просвѣщенные помѣщики!»—Просвѣщенные!... А первый Дубровинъ говоритъ по-французски такъ, что безъ смѣха нельзя слышать.

Зарѣцкая. Ну, та сhère, я въ Москвѣ видѣла двухъ англичанъ вояжеровъ, которые еще больше Дубровина коверкаютъ несчастный французскій языкъ.

Княгиня. И, та bonne amie! Да за то они прекрасно говорятъ по-английски.

Гореглядова (*Зарѣцкой*). Я вижу, та сhère, намъ нечего перенимать у Москвы.

Зарѣцкая. Намъ перенимать?... Помилуйте! Не мы у Москвы, Москва должна перенимать у насъ.

Княгиня. Да, да! Не мѣшало-бы ей здѣсь поучиться хорошему тону и спросить у насъ, что значитъ образованный вкусъ.

Зарѣцкая (*которая взяла между тѣмъ со стола книгу*). Ахъ, Боже мой!... Бальзакъ!

Княгиня. Вы читали его?

Зарѣцкая. Бальзака? Какой вопросъ?... Вся Москва отъ него безъ ума.

Гореглядова. Неужели?

Княгиня. Однакожь вѣрно Дарленкуръ...

Зарѣцкая. Фи, та сhère! Что вы говорите? Дарленкуръ!... Да его ужъ никто не читаетъ; всѣ надъ нимъ смѣются... Но Бальзакъ... Ахъ, Бальзакъ! Въ Москвѣ нѣтъ ни одной порядочной женщины, которая не знала-бы его наизусть.

Княгиня. Въ самомъ дѣлѣ?

Зарѣцкая. Да, та сhère. На масленицѣ я была въ

благородномъ собраніи: кто-то сказалъ, что Бальзакъ въ Москвѣ, потомъ стали говорить, что онъ въ собраніи, — Боже мой! Какъ всѣ дамы засуетились, какая пошла тревога, шумъ, распросы, и одного молодого человѣка, который съ виду походилъ на француза, совсѣмъ было задушили; къ счастью, онъ заговорилъ по-русски: это его спасло.

Гореглядова (*княгиня*). Ахъ, та chère, пожалуйста возьмите у князя эти книги.

Княгиня. Да, да, та bonne amie! Мы прочтемъ ихъ вмѣстѣ. Но вотъ, кажется, Радугины!... Такъ точно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и гости (*которые входятъ одни за другими. Мужчины раскланиваются, а дамы цѣлуются съ княгиню*).

Княгиня (*встрѣчая*). А! Софья Степановна!... Федосья Степановна!... Максимъ Ивановичъ!... Кирилла Семеновичъ!.. (*Гореглядовой*). Похлопочи, та chère, раздай карточки. (*Гореглядова составляетъ партіи и разсуживаетъ за ломберные столы гостей*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе, СЛУКИНА И ВАРЕНЬКА.

Княгиня. Анна Степановна!

Слукина. Здоровы-ли, матушка, ваше сіятельство?

Княгиня. Какъ видите, слава Богу! Mesdames, прошу покорно въ залу!

Слукина. Я, матушка княгиня, здѣсь останусь! Да не безпокойтесь, я составлю себѣ партію; вотъ ужъ одинъ игрокъ на лицо. (*Въ задней комнатѣ показывается Вельскій*).

Княгиня (*Варенькѣ*). Пойдемте, Варвара Николаевна. (*Всѣ уходятъ; на сценѣ остается только одна Слукина и тѣ гости, которые сидятъ за картами; черезъ минуту раздается вдали музыка; она должна быть едва слышна. Въ задней ком-*

нать отъ времени до времени проходятъ слухи и прохаживаются гости; музыка также повременамъ перестаетъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же и Вельскій.

Слукина. Здравствуйте, Иванъ Ѳедоровичъ! (*Вельскій вѣжливо, но очень сухо кланяется*). Ну, что ваши игрокки подъѣхали?

Вельскій. Я видѣлъ въ залѣ Алексѣя Андреевича Зорина.

Слукина. А князь?

Вельскій. Его, кажется, нѣтъ.

Слукина. Охота-жъ ему терять золотое времечко. Да не сѣсть-ли намъ, батюшка, въ троюмъ? Я буду играть парти-фиксъ съ болваномъ.

Вельскій. Позвольте мнѣ прежде сказать съ вами нѣсколько словъ... Сядемте! (*Садятся*).

Слукина. А время-то идетъ, какъ идетъ!

Вельскій. Успѣете наигратъся, сударыня. Слышали-ли вы, что говорятъ въ городѣ?

Слукина. А что такое, Иванъ Ѳедоровичъ?

Вельскій. Вы вѣрно забыли, зачѣмъ пріѣзжала къ вамъ третьяго дня моя тетка; вы почти дали ей слово, а не-смотря на это, говорятъ, будто-бы вы имѣете какіе-то другіе виды на Варвару Николаевну. Я не хочу этому вѣрить, но согласитесь, что эти слухи очень неприятны; и такъ извините, Анна Степановна, если я попрошу васъ не откладывать моего благополучія и объявить рѣшительно, что вы принимаете мое предложеніе.

Слукина. Что вы, что вы, Иванъ Ѳедоровичъ! Подумайте, мѣсто-ли здѣсь...

Вельскій. Да я не прошу васъ сдѣлать помолвку здѣсь на балѣ, а если позволите, пріѣду къ вамъ послѣ-завтра съ моею теткою.

Слукина. Послѣзавтра, то есть: въ пятницу?... Помилуйте, что за экстра такая, и къ чему такъ спѣшить?

Вельскій. Да хотя-бы для того, сударыня, чтобы уничтожить эти вздорные слухи, столь же обидные для

вась, сколько и для меня. Впрочемъ, я не хочу вась женировать; извольте, я приѣду къ вамъ не въ пятницу, а въ субботу; но тогда уже попрошу у вась позволенія извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ о моей помолвкѣ. Послѣ того, что вы изволили говорить моей теткѣ, я не смѣю сомнѣваться...

Слукина. Помилуйте! Да чтожъ я такое говорила? Я сказала ея превосходительству, что для меня весьма пріятно, что я очень буду рада...

Вельскій. Слѣдовательно, вы согласны? И позвольте вамъ сказать, Анна Степановна, что послѣ этого, всякое съ вашей стороны затрудненіе будетъ явнымъ доказательствомъ, что вы хотѣли насъ дурачить, смѣяться надо мной, надъ моей теткою, надъ всѣмъ нашимъ семействомъ... Но, виновать! Я вижу, что ужъ одно это обидное предположеніе вась огорчаетъ—и такъ въ субботу!... (*Вставая*). Теперь я въ вашихъ приказаніяхъ, и если вы желаете играть въ вистъ...

Слукина. Покорнѣйше вась благодарю.

Вельскій. Какъ вамъ угодно. (*Кланяется и уходитъ*).

Слукина. Въ субботу!... Нѣтъ, батюшка! Хотя вы и родня нашему губернатору, а не прогнѣвайтесь: своя рубашка къ тѣлу ближе.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же и Зоринъ.

Зоринъ (*кланяясь Слукиной*). Здравствуйте, матушка Анна Степановна, радъ сердечно, что могу съ вами словечка два перемолвить. Позвольте. (*Садится подлѣ нея*).

Слукина. Вы давно ужъ здѣсь?

Зоринъ. Съ четверть часа. Да гдѣ-же Варвара Николаевна?

Слукина. Здѣсь, батюшка Алексѣй Андреевичъ; танцуетъ, — да вотъ никакъ она ходитъ съ Расторгуевой... Варенька!... Варвара Николаевна! Поди сюда, мой другъ!... (*Варенька подходитъ*). Ну, вотъ ты все спрашивала: «Да будетъ-ли сюда Алексѣй Андреевичъ? Да приѣдетъ-ли онъ?» Вотъ онъ на лицо! Ну что, успокоилась! (*Варенька смотритъ съ удивленіемъ на Слукину*).

Зоринъ (*встаетъ и съ вѣжливой уклонкой*). Какъ вы изволили вспотѣть, Варвара Николаевна!... Словно розанъ раскраснѣлись! (*Варенька присѣдаетъ*). Вѣрно очень устать изволили?

Варенька. Нѣтъ-съ!

Зоринъ. Вы, какъ вижу, отмѣнно любите танцы?

Варенька. Да-съ! (*Входитъ Вельскій*).

Вельскій (*Варенькѣ*). Угодно вамъ французскую кадрили?

Варенька. Извольте-съ! (*Уходитъ вмѣстѣ съ Вельскимъ*).

Зоринъ (*помолчалъ нѣсколько времени*). Сегодня, матушка Анна Степановна, я цѣлое утро занимался вами.

Слукина. Мною, Алексѣй Ивановичъ?

Зоринъ. То-есть вашей тяжбою.

Слукина. Покорнѣйше васъ благодарю!

Зоринъ. Ахъ, Анна Степановна, надѣли вы мнѣ петлю на шею.

Слукина. Какъ такъ, батюшка?

Зоринъ. Да вѣдь дѣло-то ваше больно плоховато.

Слукина. Что ты, отецъ мой! Дѣло чистое, святое.

Зоринъ. Нѣтъ, матушка Анна Степановна! Пополамъ съ грѣшкомъ. Конечно, можно-бы повернуть его иначе, да чтобъ оглядокъ не было. Вѣдь рѣшеніе уѣзднаго суда не законъ, а голословныя доказательства вашего права не документы, матушка Анна Степановна!

Слукина. Ну, Алексѣй Андреевичъ! Не ожидала я, чтобъ ты...

Зоринъ. Помилуйте! Да чтожь мнѣ дѣлать? Я вамъ докладывалъ, что дѣло-то плоховато. Ужь мы сегодня съ секретаремъ около него попотѣли, матушка... плохо, больно плохо! Думали и такъ, думали и этакъ... что ты будешь дѣлать! Приступу нѣтъ.

Слукина. Полно, батюшка! Захочешъ помирволить, такъ натянешъ какъ нибудъ, ну хоть съ грѣхомъ пополамъ — такъ чтожь?

Зоринъ. Конечно — единъ Богъ безъ грѣха, что и говорить: какъ подчасъ не покривить душою для родного человѣка.

Слукина. Вотъ то-то и есть, батюшка!

Зоринъ. Да вѣдь мы еще съ вами не родня, Анна Степановна.

Слукина. Я тебѣ что говорила, мой отецъ? Возьми терпѣніе недѣлки на три.

Зоринъ. Терпѣніе? Что терпѣніе!... А впрочемъ, пожалуй, извольте! Только и вы, матушка, потерпите!

Слукина. Какъ потерпѣть? А не ты-ли мнѣ сказалъ, что на будущей недѣлѣ.

Зоринъ. Мало ли что говорится, сударыня. Да вѣдь я же это вамъ не передъ зеркаломъ объявилъ, мои слова въ протоколъ не записаны.

Слукина. Ну, батюшка Алексѣй Андреевичъ!... Покорнѣйше благодарю.

Зоринъ. Да что, Анна Степановна, изъ пустого въ порожнее переливать! Не угодно-ли вамъ этакъ денька черезъ три помолвку сдѣлать, такъ я за ваше дѣло примусь порядкомъ; а тамъ, какъ свадьбку сыграемъ, такъ на другой день и резолюцію подмахну.

Слукина. Что ты, что ты? Черезъ три дня помолвка? Да это вѣдь не что другое: около пальца не обведешь... Черезъ три дня!... Да въ умѣ-ли ты батюшка?

Зоринъ. Какъ угодно, Анна Степановна: вашъ разумъ, ваша и воля.

Слукина. И гдѣ видано? Пристать, какъ съ ножемъ къ горлу!

Зоринъ. И, матушка! Да коли вы сами проволочекъ не жалуете, такъ за что же и мнѣ ихъ любить? Но извините! Я взялъ карточку, и, чай, меня дожидаются! Подумайте хорошенько! Денька черезъ два я самъ у васъ побываю. Честь имѣю кланяться! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Слукина и вскорѣ князь Верхоглядовъ.

Слукина. Прошу покорно!... Да что это на нихъ нашло!... Ну, худо дѣло!... (*Князь входитъ, становится противъ Слукиной и устремляетъ на нее неподвижный взглядъ*). Ахъ, князь Владиміръ Ивановичъ! Это вы?

Князь (*мрачнымъ и торжественнымъ образомъ*). Да, сударыня! Это я.

Слукина. Ахъ, батюшка ваше сіятельство! Да что съ вами сдѣлалось?

Князь. Ничего! Бездѣлица! Самый обыкновенный случай; я вздумалъ понтировать, и счастье всей моей жизни поставить на одну карту.

Слукина. Эхъ, князь, напрасно! Что вамъ дался этотъ банкъ? Играли бы себѣ да играли въ вистикъ.

Князь. Да! Все блаженство, всѣ радости, все, что привязываетъ насъ къ жизни, поставлено на одной картѣ, и вы думаете, что я позволю банкомету передернуть?... Вы меня понимаете?

Слукина. Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

Князь. Скажите мнѣ Анна Степановна: знаете-ли вы, что такое любовь?

Слукина. Какъ не знать, Владиміръ Ивановичъ, я очень любила покойнаго мужа.

Князь. Любили!... То есть поплакали, когда онъ умеръ, износили черное фланелевое платье и построили деревянный голубецъ надъ его могилою?

Слукина. Да, князь, я все это выполнила, какъ слѣдуетъ.

Князь. Какъ слѣдуетъ! почему-жъ какъ слѣдуетъ?... Нѣтъ, Анна Степановна, я говорю вамъ не объ этой любви.

Слукина. О какой-же, батюшка?

Князь. О той, которая наполняетъ мою душу, о той, которая не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ приличій, никакихъ условій свѣта, которая... Но я вижу, что мнѣ должно говорить яснѣе... Эта любовь, сударыня, походить на булатный кинжалъ черкеса; онъ гладокъ, свѣтелъ и красивъ, но имъ играть опасно... Вы меня понимаете?

Слукина. Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

Князь. Послушайте! Я люблю Варвару Николаевну и, если кто-нибудь осмѣлился забавляться этой страстію, шутить счастіемъ всей моей жизни... Еслибъ вы, Анна Степановна...

Слукина. Ахъ, батюшка ваше сіятельство, что вы, что вы?

Князь. Я васъ спрашиваю: для чего она до сихъ поръ не принадлежитъ мнѣ? Для чего всѣ эти острочки?... Кажется, между нами все кончено; мы сторговались.

Слукина. Опомнитесь, князь? Что вы говорите?

Князь. Не прогнѣвайтесь, Анна Степановна: я ненавижу эту приторную вѣжливость, которая хочетъ все на

свѣтъ усыпать розами; я люблю называть вещи собственными ихъ именами и повторяю еще разъ: мы сторговались и теперь вы не имѣете никакого права продавать эту несчастную сироту съ публичнаго торга, какъ продаютъ невольницъ на базарахъ востока—она моя.

Слукина. Тише, князь, Бога ради, тише! Что вы это?...

Князь. Скажите одно слово, и я замолчу.

Слукина. Да помилуйте, съ чего вы это взяли, что я отступлюсь отъ моего слова; но вѣдь надобно подумать и о Варенькѣ: какъ больно повернемъ, да дѣвка-то заупрямится...

Князь. О, объ этомъ не беспокойтесь!

Слукина. А Богъ вѣсть! Вѣдь она еще молода, глупа не вдругъ пойметъ, что жениха, у котораго четыре тысячи душъ, не встрѣтишь на каждомъ перекресткѣ.

Князь. Фи!... Что это такое! Да кто вамъ говорить о душахъ, Анна Степановна? Я вижу: мы вѣчно не поймемъ другъ друга. Послушайте: быть можетъ, вы имѣете причины откладывать нашу свадьбу, но я ихъ не имѣю и говорю вамъ рѣшительно: или завтра-же вы меня примите, какъ жениха Варвары Николаевны, или весь городъ узнаетъ, какъ вы торгуете вашей падчерицей.

Слукина. Завтра! Какъ завтра!

Князь. Да, да, сударыня! Я даю вамъ одни сутки (*Смотритъ на свои часы*). Завтра ровно въ одиннадцать часовъ. Вечеромъ, Варвара Николаевна назоветъ меня женихомъ своимъ, а вы—какъ вамъ угодно—вы можете не называть меня вашимъ сыномъ. Я объ этомъ не хлопочу. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Слукина, и вскорѣ Холминъ.

Слукина. Да чтожъ это такое?... Что они, прости Господи! бѣлены что-ли обѣлись?... Какъ они вздумаютъ столкнуться, да всѣ трое разомъ ко мнѣ пристануть... Ахъ, Господи...

Холминъ (*подходя къ Слукиной*). Что это вы не за картами, Анна Степановна?

Слукина. До картъ-ли мнѣ, батюшка! Поди-ка сюда, садись. (*Холминъ садится подлѣ нея*).

Холминъ. Что съ вами сдѣлалось?

Слукина. Ахъ, бѣда, кормилецъ! Сущяя правда!

Холминъ. Да что такое?

Слукина. Что, батюшка, худо! Всѣ женихи мои взбѣсались.

Холминъ. Какъ такъ?

Слукина. Да такъ, словно заговоръ какой. Пристали ко мнѣ; да еще, слава Богу, что поодиначкѣ: рѣши, да рѣши! Я и такъ, и сякъ—куда-те! И слышать не хотятъ! Повѣришь-ли, никто больше трехъ дней сроку не даетъ! Этотъ франтъ - шематонъ, губернаторскій племянничекъ, такъ закидалъ меня словами, что я чуть было сама не повѣрила, что выдаю за него Вареньку. А крапивное-то сѣмя, выжига проклятая—Зоринъ, какъ будто-бы ему чортъ на ухо шепнулъ, формально объявилъ, что дѣло мое до тѣхъ поръ не будетъ рѣшено, пока я сама не порѣшусь. И даже этотъ шальной князь Владиміръ Ивановичъ, ну вотъ такъ и напираетъ, да какія рѣчи говоритъ!... Господи Боже мой! Уши вянутъ батюшка?

Холминъ. Ну!! Не предсказываль-ли я вамъ?

Слукина. Эхъ, Николай Ивановичъ, брани меня, ругай, да только выручи.

Холминъ. Выручи! Это легко сказать, Анна Степановна. Какъ ни вертись, какъ ни хитри, а надобно сказать, за кого Варенька идетъ замужъ.

Слукина. Да лишь только я объявлю, то Зоринъ и Вельскій...

Холминъ. Что и говорить, житья вамъ не будетъ, — а особливо Вельскій... и его семейство...

Слукина. Охъ, бѣда! Живую съдятъ.

Холминъ. Вотъ то-то и есть. Впрочемъ, что-же въ самомъ дѣлѣ, не за того, такъ за другого, а надобно выйти замужъ: посердятся, посердятся, да перестанутъ; а вотъ чего вамъ никогда не простятъ: что вы ихъ обманывали, водили за носъ, за-знамо дурачили.

Слукина. Такъ, батюшка, такъ!

Холминъ. Ну, пусть Варенька выйдетъ замужъ за князя Владиміра Ивановича—это еще ничего: лишь только бы васъ-то какъ-нибудь выгородить.

Слукина. Въ томъ-то и дѣло, мой отецъ; постарайся, придумай что-нибудь.

Холминъ. Пойдите-ка!... А что?... Въ самомъ дѣлѣ!..

Вѣдь вы тогда только будете въ отвѣтъ, когда отдадите Вареньку замужъ?... Ну! А если она убѣжить и обвѣнчается безъ вашего вѣдома?

Слукина. Какъ убѣжить?

Холминъ. Ну да! Если ее увезутъ?

Слукина. Увезутъ? Кто увезетъ?

Холминъ. Разумѣется, князь Владиміръ Ивановичъ.

Слукина. А!.. Понимаю!... Только, воля твоя, что ему за радость увозить Вареньку, когда онъ и безъ этого можетъ на ней жениться?

Холминъ. Что за радость? Да онъ съ тоски умираетъ, что долженъ жениться такимъ обыкновеннымъ и пошлымъ образомъ. Да знаете-ли, что онъ ужь предлагалъ Варенькѣ бѣжать.

Слукина. Неужели? Чтожъ она?..

Холминъ. Ну, разумѣется, не согласилась. Хоть она очень его любитъ...

Слукина. Въ самомъ дѣлѣ?

Холминъ. Она мнѣ сама въ этомъ призналась.

Слукина. Такъ чего-же она думаетъ?

Холминъ. Вы знаете, какъ она къ вамъ привязана; да и легко-ли скромной и невинной дѣвушкѣ рѣшиться на такой поступокъ. Вотъ, если я ей посовѣтую...

Слукина. Посовѣтуй, батюшка!

Холминъ. Ужъ такъ и быть! Я это дѣло слажу, и сегодня-же...

Слукина. Сегодня?

Холминъ. Да. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Черезъ полчаса ступайте домой, скажите, что у васъ голова болитъ, лягте почивать и строго прикажите, чтобъ васъ ни подъ какимъ предлогомъ не смѣли будить. Часу въ первомъ ночи, когда всѣ будутъ спать, Варенька выйдетъ потихоньку въ садъ; у калитки ее будетъ дожидаться коляска... Да ужъ не беспокойтесь, все будетъ сдѣлано.

Слукина. Дай Богъ тебѣ здоровья! То-то истинный родной.

Холминъ. Вы, Анна Степановна, не извольте вставать ранѣе обыкновеннаго, а какъ встанете да хватитесь Вареньки, такъ и подымите штурмъ—ревите, плачьте... (*Раскрывая свою табакерку*). Да что намъ толковать—ученаго учить лишь только портить... Не прикажете-ли?

Слукина (*нюхая табакъ изъ табакерки Холмина*). И,

батюшка, гдѣ намъ! Вѣдь я человѣкъ глупый; что на умѣ, то и на языкѣ... да дѣлать нечего! Попробую, прикинусь какъ-нибудь.

Холминъ. Теперь я пойду и переговорю съ Варенькой, а тамъ все улажу съ княземъ. Прощайте пока-мѣстъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

СЛУКИНА И ВСКОРЪ ТОНСКІЙ.

Слукина. Охъ, батюшки, кабы удалось!... Дай-то Господи! Рублевою свѣчу поставлю. (*Тонскій подходитъ и кланяется Слукиной*). Здравствуйте, господинъ Тонскій!

Тонскій. Какъ ваше здоровье, Анна Степановна?

Слукина (*очень сухо и отрывисто*). Слава Богу, батюшка, слава Богу.

Тонскій. Позвольте мнѣ рекомендовать себя вашимъ сосѣдомъ: я теперь живу напротивъ.

Слукина. Знаю, батюшка, знаю. Домишка маленькій, какъ избенка... да и на что вамъ больше—вѣдь не балы давать.

Тонскій. А гдѣ-же Варвара Николаевна?

Слукина. Здѣсь батюшка, танцуетъ.

Тонскій. Такъ она въ залѣ?

Слукина. Ахъ, батюшки! Да неужто въ передней? Разумѣется въ залѣ. (*Тонскій кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

СЛУКИНА И ВСКОРЪ ДОКТОРЪ ФОНЪ-ДАХЪ.

Слукина. Да что этотъ пустокарманникъ мнѣ такъ въ глаза лѣзетъ? Зналъ-бы сверчокъ свой шестокъ! А, батюшка Фома Фомичъ!

Фонъ-Дахъ. Страстфуйте, моя матушка Анна Степановна! Страстфуйте!... Ну што? Какъ ваше сторофье?...

Слукина. Худо, отецъ мой, худо! Голова что-то очень болить.

Фонъ-Дахъ. Калофка палить.

Слукина. Смерть, батюшка! Вот словно молотками въ виски колотятъ.

Фонъ-Дахъ (*береть у нея руку*). Пасфольте!... Гмъ, гмъ!... Калошка палитъ!... Та, та!... Сильна пульсацій... очень сильна!... Экъ, матушка, матушка!... Все сидитъ за карточка—мала масіонъ, мнока крофъ...

Слукина. И, Ома Омичъ! Что за много!

Фонъ-Дахъ. Очень мнока!... Анна Степановна! Пускайтъ крофъ, пожалуйста пускайтъ!... Посмотритъ, какъ фи красна, а класки, а класки свѣтла, очень свѣтла... пускайтъ крофъ, матушка, пожалуйста, пускайтъ!...

Слукина. Не хочется начинать, Ома Омичъ.

Фонъ-Дахъ (*втолгоса*). А что скажите мнѣ... (*Начинаетъ говорить съ нею тихо*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТѢ-ЖЕ, Холминъ и Варенька.

Холминъ (*Варенькѣ*). Да, мой друг! Въ полночь, коляска будетъ у калитки вашего сада; я стану васъ дожидаться въ моемъ селѣ: ты знаешь, оно въ двухъ верстахъ отъ города; тамъ все будетъ готово: вы обвиняетесь, и я отвезу васъ въ мой городской домъ; потомъ...

Варенька. Ахъ, сердце мое обмираетъ отъ ужаса. Боже мой! И я должна рѣшиться...

Холминъ. Вотъ Тонскій! Онъ расскажетъ тебѣ все подробнѣе.

(*Музыка становится слышнѣе, на сцену входитъ длинный польскій; въ первой паръ князь Владиміръ Ивановичъ съ княгиней Ландышевой*).

Тонскій (*Варенькѣ*). Угодно вамъ польскій? (*Беретъ ее за руку и входитъ въ середину танцующихъ, которые, обогнувъ всю сцену, уходятъ назадъ тѣми же дверьми*).

Холминъ (*подходя къ Слукиной*). Не угодно-ли и вамъ пройтись со мною.

Слукина. Изволь, батюшка! Да смотри-же, будь молодцемъ, проведи меня хорошенько.

Холминъ. Постараюсь, Анна Степановна. (*Уходитъ вмѣстѣ съ нею, вслѣдъ за танцующими*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ комнату перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ДАША И КОНДРАТЬЕВНА. *(Даша стоитъ у боковыхъ дверей съ лѣвой стороны отъ зрителей и смотритъ въ замочную скважину. Кондратьевна выглядываетъ въ полурастворенныя среднія двери).*

Кондратьевна *(выходитъ на цыпочкахъ)*. Даша, а Даша!... Ну, что?

Даша. Почиваетъ.

Кондратьевна *(втолмолося)*. Экій грѣхъ! Экій грѣхъ!... Пропали наши головушки.

Аксинья *(выглядывая изъ среднихъ дверей)*. Кондратьевна!... Что барыня?

Кондратьевна. Изволить почивать.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ-ЖЕ И АКСИНЬЯ *(выходитъ потихоньку, вскорѣ 1-я и 2-я дѣвушки)*.

Аксинья. Что это на бѣду она такъ распочивалась сегодня—о, Господи, Господи! Что будетъ съ нами горемычными! *(1-я и 2-я дѣвушки входятъ)*. Тсъ! Тише вы, тише! Экія ступы проклятыя!

Кондратьевна. Аксинья Власьева, ты человекъ умный, придумай, матушка, приставь голову къ плечамъ! Какъ намъ сказать? Какъ приступить къ такому дѣлу?

Аксинья. По неволѣ скажешь, какъ барыня спроситъ: «Гдѣ Варвара Николаевна? Давай сюда Варвару Николаевну! Подавай ее! Гдѣ она?» Гдѣ? А кто ее знаетъ. Эхъ, барышня! барышня! Богъ тебѣ судья! Будемъ пить по милости твоей горькую чашу!

Кондратьевна. И какъ она прокралась?... Какъ мы не усмотрѣли?

Аксинья. Ну, вотъ поди ты!

Даша. Эхъ, бабушка Кондратьевна! Снявши голову, о волосахъ не плачутъ; что тутъ «какъ прокралась?» Видно, хорошо смотрѣли... Ужь вы! Не могли укараулить барышни! И хи-хи!

Первая дѣвушка. Да, ты бы укараулила!

Кондратьевна. Что и говоритъ: всѣ безъ вины виноваты!

Даша. Всѣ? Нѣтъ бабушка! Я хожу за барыней, такъ мнѣ за другими смотрѣть некогда—мое дѣло сторона...

Кондратьевна. Ахъ, мать моя! Да ты-то что за святая?

Вторая дѣвушка. Видишь, какая!

Первая дѣвушка. Смотри, какая барыня! Ея дѣло сторона!

Даша (*первой дѣвухѣ*). Ты, Дуня, молчи! Ты всѣхъ виноватѣе.

Первая дѣвушка. Какъ-бы не такъ!

Даша. Ты спишь подлѣ барышничьей комнаты... А гдѣ ты была ночью-то, какъ она убѣжала?

Первая дѣвушка. Какъ, гдѣ?

Даша. Да, гдѣ? Чай, на улицѣ, за воротами?... То-то и есть, видали мы!... Оедька пѣсенку поетъ, Андрюшка на балалайкѣ, а ты себѣ стоишь да орѣшки пощелкиваешь. Знаемъ мы васъ!

Первая дѣвушка. Ну, ужь хороша и ты!

Даша. Что я?

Первая дѣвушка. Да, да! Выпросилась намедни въ собачью комедію съ дѣдушкой Филиппомъ, а небось Ванька проводилъ.

Даша. Анъ врете, сударыня, не Ванька!

Вторая дѣвушка. Такъ деньщикъ этого офицера, что противъ насъ живетъ; вѣдь ты съ нимъ давно перемигиваешься.

Даша. Кто? Я? Ахъ, ты лгунья!

Первая дѣвушка. А помнишь, вчерась, что ты передъ окномъ-то лебезила?

Даша. Ты врешь, ты врешь!

Вторая дѣвушка. Да, даромъ ты тянешься! Видишь, корсетница какая!

Первая дѣвушка. А роговой-то гребень съ рѣзбою кто тебѣ купилъ?

Вторая дѣвушка. А томпаковое-то колечко... Небось, на улицѣ нашла?

Кондратьевна. Что вы это, мерзкія!... Что вы грызетесь? Я васъ!

Аксинья. Да ну ихъ совсѣмъ! Толкують, дуры, кто правъ, кто виноватъ; что тутъ толковать—всѣй придемъ съ повинной головою: воля ея барская—что захочетъ, то и дѣлаеть... Чу!... Никакъ изволила проснуться... *(подходитъ къ двери и смотритъ въ замочную скважину)*. Надѣла пудремантъ... Идетъ сюда!... Тсъ! *(Всѣ уходятъ потихоньку изъ комнаты)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Слукина *(выходитъ въ бѣломъ пудремантѣ и волосахъ)*.

Десять часовъ!... Чай, теперь молодые собираются ко мнѣ просить прощенья... Ну, не поспала я эту ночку!... Охъ, этотъ князь, все дѣлаеть не по-людски!.. Ну, кто увозить дѣвучку въ такую лунную ночь—я все видѣла изъ окна, какъ онъ встрѣтилъ Вареньку въ саду, какъ вышли изъ калитки... и караульщикъ могъ ихъ увидѣть, да поднять тревогу, и дозоръ остановить... Ну, да слава Богу, никто не помѣшалъ. Фу, батюшки, какъ гора съ плечъ! Варенька замужемъ, имѣніе при мнѣ, а судиться некому и не за что. «Чѣмъ, дескать, она, бѣдная, виновата»—подумаютъ... Вотъ то-то, не знаешь!... Кажется, пустой человекъ этотъ Николай Ивановичъ Холминъ, а пригодился, какъ пригодился! Кабы не онъ, такъ мнѣ-бы и въ голову не пришло.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Слукина и Холминъ.

Холминъ. Здравствуйте, Анна Степановна.

Слукина. А, это ты, батюшка Николай Ивановичъ!

Холминъ. Мнѣ сказали, что вы еще почиваете, но я все-таки вошелъ.

Слукина. Ну что, мой отецъ?

Холминъ. Все кончено. А вамъ еще, кажется, недокладывали, что Варенька ушла?

Слукина. Нѣтъ, батюшка; я еще, покамѣстъ ничего не знаю.

Холминъ. Насилу-то, Анна Степановна, я все уладилъ; да чего мнѣ это и стоило! Ужь я уговаривалъ, уговаривалъ Вареньку... Не вѣнчайте, да и только! Помилуй, матушка, вѣдь ты его любишь? Я люблю, а безъ согласія маменьки вѣнчаться не хочу!

Слукина. Смотри пожалуй!

Холминъ. Я объявилъ ей рѣшительно, что вы никогда не выдадите ее замужъ за того, кого она любить...

Слукина, Ну!... Чтожь она?

Холминъ. Заплакала, а къ вѣнцу нейдетъ. Я сказалъ ей, что она не родная ваша дочь и не обязана вамъ слѣпымъ повиновеніемъ...

Слукина. Ну, ну!... Чтожь она?

Холминъ. И слушать не хотѣла. Я сталъ доказывать, что это для нея одинъ способъ выйти замужъ, что она вѣчно останется въ дѣвкахъ, если будетъ дожидаться вашего благословенія.

Слукина. Ну!...

Холминъ. Въ этомъ-то она согласилась со мною, а вѣнчаться все-таки не хотѣла.

Слукина. Экая упрямая дѣвчонка!... Батюшкинъ нравъ, что и говорить! Да чего-же она хотѣла?

Холминъ. Чтобъ я далъ честное слово, что выпрошу ей прощеніе.

Слукина. Вотъ что!

Холминъ. Нечего было дѣлать: я побожился ей, что вы торжественно и при всѣхъ ее простите. Теперь смотрите-же, Анна Степановна, не введите меня въ слово.

Слукина. Такъ она очень этого добивалась?... А не знаешь-ли, батюшка, на что ей мое прощеніе?

Холминъ. Она говоритъ, что ей стыдно будетъ на людей смотрѣть, если вы навсегда отъ нея отступитесь.

Слукина. Право?... Такъ у нея нѣтъ ничего другого на умѣ?

Холминъ. А что такое?

Слукина. Такъ, ничего!... Впрочемъ, мы съ княземъ на этотъ счетъ ужъ объяснились и у меня есть кой-какіе документки.

Холминъ. Документы? какіе документы?

Слукина. Такъ, батюшка, такъ. Вотъ изволишь видѣть: дѣло мое вдовье, сохрани Боже, навяжется зять ябедникъ—затаскаетъ по судамъ. Вѣдь за меня, бѣдную сиротинку, вступиться некому... Такъ Варенька хочеть непременно, чтобъ я ее простила?

Холминъ. Да, Анна Степановна, я въ этомъ далъ ей честное слово.

Слукина. Ну, хорошо. Однакожь, какъ ты думаешь, батюшка, все-таки надобно поломаться?

Холминъ. Немножко—да, но много не совѣтую: это будетъ не натурально. Вы всегда такъ любили Вареньку; ваща вѣжность къ ней всѣмъ извѣстна, и если вы, хотя крошечку пересолите, то злые люди тотчасъ скажутъ, что вы играете комедію.

Слукина. Хорошо, батюшка, хорошо.

Холминъ. Ну, теперъ прощайте. Я поѣду къ губернатору, и если до него дошли ужь объ этомъ слухи, такъ я исподволь приготовлю его къ вашему прїѣзду: опишу ему ваше отчаяніе, горе; надобно, знаете, хорошенько это раскрасить; а вы межъ тѣмъ начинайте ваше дѣло, да смотрите, не больно надрывайтесь сначала, поберегите себя къ концу. Ну, прощайте. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Слукина (*одна*).

Эхъ, лучше-бы не прощать!... Оно-бы вѣрнѣе... Конечно, станутъ говорить, что я это дѣлаю изъ какихъ-нибудь видовъ... Да и чтожь я, въ самомъ дѣлѣ, чего боюсь?... А условіе-то, подписанное княземъ, что онъ отказывается отъ приданого, а въ случаѣ, если жена его потребуетъ отъ меня, слѣдующія ей по духовной, тысячу душъ, то обязанъ заплатить мнѣ пятьсотъ тысячъ; вѣдь оно заключено по формѣ и имѣетъ силу контракта, а контрактъ святъ и ненарушимъ... Однакожь, не пора-ли?... Я думаю... Эй, Дашка! Дашка!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Слукина и Даша (*остановясь въ дверяхъ*).

Даша. Чего изволите?

Слукина. Который часъ?

Даша. Скоро одинадцать.

Слукина. Какъ я заспалась!... Что, Варенька встала?... Ну, чтожъ ты молчишь? Иль оглохла?... Да что ты стала въ дверяхъ, дура; войди! (*Даша входитъ; за нею показываются Кондратьевна и Аксинья, первая и вторая дѣвушки останавливаются въ дверяхъ*). Что вы? Что вы? Зачѣмъ? (*Всѣ кланяются и молчатъ*). Ну, чтожъ вы молчите?... Зачѣмъ пришли?

Кондратьевна. Ахъ, матушка Анна Степановна!

Аксинья. Родная ты наша!

Слукина. Да что такое сдѣдалось?

Аксинья. Бѣда, матушка: такой грѣхъ, что и доложить нельзя!

Слукина. Да скажете-ли вы мнѣ, негодныя, что сдѣдалось?... Говори хоть ты, Кондратьевна!

Кондратьевна. Что, матушка! Несчастье, да и только: Варвара Николаевна безъ вѣсти пропала.

Слукина. Какъ пропала?

Кондратьевна. А такъ, кормилица, сгинула да пропала. Вчера около полуночи она изволила пойти гулять въ садъ, Дуняшкѣ приказала себя не дожидаться, а та съ дуру-то прилегла соснуть, да и прохрапѣла до самаго утра, окаянная! Какъ проснулась — глядь, барышни нѣтъ; постель не измята; вотъ Дунька въ садъ, и тамъ никого, а калитка отперта; какъ она увидѣла, что дѣло-то плохо — ко мнѣ!...

Слукина. Ну!...

Кондратьевна. Мы подняли всю дворню на ноги, обшарили всѣ мышинья норки — нѣтъ, какъ нѣтъ!

Слукина. Ахъ, Боже мой! Да чтожъ это значить? Неужели Варенька убѣжала съ какимъ-нибудь пострѣломъ?... Быть не можетъ!...

Аксинья. Ахъ, кормилица — видно такъ! Я сейчасъ ходила купить французскихъ хлѣбовъ къ нѣмцу булочнику, вотъ что живетъ позади нашего сада. — «Все-ли у васъ здорово?» — спросилъ онъ у меня. — А что, Францъ Ивано-

вичъ?—«Да такъ, вчера этакъ въ полночь подлѣ калитки вашего сада стояла коляска, и я самъ видѣлъ, какой-то баринъ вышелъ съ вашей барышней изъ саду, сѣли въ нее, да и по всѣмъ по тремъ».

С л у к и н а. Ахъ, Господи!... Такъ въ самомъ дѣлѣ... Она ушла!... ушла изъ моего дома!... А вы - то на что? Чего вы смотрѣли — карету!... Ужъ я съ вами раздѣлаюсь!... Одѣваться скорѣй!... сейчасъ!... Ахъ, срамъ какой!... Бѣгите къ Николаю Ивановичу, скажите ему, что я поскакала къ губернатору... Что стоите? Ступайте вонъ!... (*Всѣ, кромѣ Даши, уходятъ*). Вотъ до чего дожила!... Антонъ и Филька поѣдутъ за каретою!... Ахъ, батюшки мои свѣты—что это?... Дашка, черную шаль!... Да поворачивайся, негодная!... Государи мои, что это? Бѣлый чепецъ! да Бога ради—карету, скорѣй карету!...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ХОЛМИНЬ.

С л у к и н а (*идя къ нему навстрѣчу*). Николай Ивановичъ!... Батюшка!... Знаешь-ли, какая бѣда сдѣлалась?

Х о л м и н ь. Знаю, Анна Степановна, знаю! (*Тихо*). Хорошо, хорошо! (*Громко*). Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ.

С л у к и н а (*Даша*). Пошла вонъ. (*Даша уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

С л у к и н а и Х о л м и н ь.

Х о л м и н ь. Къ вамъ сейчасъ будетъ губернаторъ.

С л у к и н а. А я къ нему ѣхала.

Х о л м и н ь. Все равно. Я повстрѣчался съ полицеймейстеромъ, онъ сказалъ мнѣ, что губернатору все извѣстно, и что его превосходительство вмѣстѣ съ предводителемъ ѣдетъ къ вамъ. А какъ они должны думать, что это очень васъ поразило, то привезутъ съ собою доктора.

Слукина. Оому Омича?

Холминъ. Да, онъ на ту пору случился у губернатора. Ну, Анна Степановна, смотрите, не ударьте лицомъ въ грязь! Боже сохрани, если замѣтятъ, что вы играете комедію. Это должно для всѣхъ въ мірѣ остаться тайною. На мой счетъ вы совершенно можете быть спокойны: сдержите ваше слово, простите Вареньку, и эта тайна умретъ со мною. Надѣюсь, вы понимаете, какъ это важно? И малѣйшее подозрѣніе можетъ васъ совершенно погубить въ общемъ мнѣніи; а если на бѣду откроется вся истина, то вы совсѣмъ погибли, весь городъ на васъ обрушится — чего добраго: пожалуй, эту невинную хитрость назовутъ подборомъ, стачкою, фальшивымъ поступкомъ, вмѣшаютъ правительство, а вы знаете, Анна Степановна, какъ у насъ судятъ дворянъ за фальшивые поступки?

Слукина. Ахъ, знаю, батюшка, знаю!... Лишаютъ чиновъ и дворянства... Только воля твоя, гдѣ-жъ тутъ фальшивый поступокъ?

Холминъ. Какъ гдѣ? Да развѣ вы не должны будете принести жалобу губернатору? Развѣ не станете кричать, что Вареньку увезли, что она обвѣнчалась безъ вашего вѣдома и согласія? Вѣдь чѣмъ болѣе вы надѣлаете шуму, тѣмъ невиннѣе будете казаться въ глазахъ тѣхъ, которые по милости вашей останутся въ дуракахъ.

Слукина. Правда, мой отецъ, правда!

Холминъ. Губернаторъ знаетъ только, что Варенька убѣжала, а съ кѣмъ убѣжала, это ему не извѣстно — такъ смотрите-же. Если онъ спроситъ, на кого вы имѣете подозрѣніе, не вздумайте намекнуть на князя: онъ изъ всѣхъ Варенькиныхъ жениховъ самый выгодный; слѣдовательно, тотчасъ можетъ родиться подозрѣніе, что тутъ есть съ вашей стороны хитрость и подборъ.

Слукина. Правда, Николай Ивановичъ, правда!

Холминъ. Стойте въ одномъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Слукина. Слушаю, батюшка.

Холминъ. Погодите, я на васъ посмотрю!... Глаза-то у васъ — да!... вовсе не заплаканы. Эхъ, не догадались, матушка, хрѣну понюхать!

Слукина. Вотъ, Николай Ивановичъ, у меня пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ.

Холминъ. Все равно! Нюхайте, нюхайте! — Чу!...

Никакъ прѣхали?... Да что это у васъ шаль какъ надѣта!... Помилуйте! Что вы, съ визитами что-ли ѣдете? Набросьте ее какъ-нибудь... Переверните на изнанку!... Вотъ такъ!... А чепецъ-то, чепецъ!...

Слукина (*хватаясь за шову*). Что такое, батюшка?

Холминъ. Точно на балъ собрались! Да сдерните его на одну сторону... Поизомните! Чтобъ во всемъ было замѣтно горе, отчаяніе... безпорядокъ... — Хорошо, идутъ! (*Входятъ два лакея и растворяютъ настежь двери*). Ну, матушка, принимайтесь!

Слукина (*встаетъ и, опираясь на Холмина, идетъ къ дверямъ*). Гдѣ его превосходительство? Гдѣ? Ведите меня къ нему!... Ведите!... Ахъ, батюшки мои свѣты!... Ноги не идутъ!

Холминъ (*вполголоса*). Славно, Анна Степановна, славно! Только, пожалуйста, не такъ налегайте—тяжело, матушка!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ-же, Губернаторъ, Предводитель и Фонъ-Дахъ

Слукина. Ахъ, батюшка, ваше превосходительство! Отецъ ты нашъ!... Помогите, спаси!...

Губернаторъ (*беретъ ее за руку и усаживаетъ въ кресла*). Успокойтесь, сударыня! Будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ. Я сейчасъ узналъ, что Варвара Николаевна...

Слукина. Вотъ, ваше превосходительство, до чего я дожила... Какой позоръ!... Уйти изъ моего дома, убѣждать Богъ знаетъ съ кѣмъ. .

Губернаторъ. Какъ? Такъ вы не знаете?

Слукина. Нѣтъ, ваше превосходительство, какъ Богъ святъ—не знаю.

Губернаторъ. И не имѣете даже подозрѣнія?

Слукина. Не имѣю—видитъ Богъ не имѣю! Да и кого могу подозрѣвать?... Какъ могло мнѣ придти въ голову, чтобы дочь покойнаго моего Николая Степановича рѣшилась на такое дѣло? Ахъ, Господи, да неужели-бы я стала противиться ея склонности? Ужъ я-ли не любила, я-ли не

тѣшила ее, неблагодарную—на всѣхъ пошлюсь: въ глаза ей смотрѣла, сдувала съ нея каждую порошинку... и чѣмъ же она мнѣ отплатила! — Ахъ, я несчастная!... Ахъ, тошно!... Батюшки мои, тошно!... Смерть моя!... (*Падаеть въ обморокъ*).

Губернаторъ. Воды! Скорѣй воды! Ей дурно!

Предводитель. Однакожъ, она вовсе не поблѣднѣла.

Фонъ-Дахъ (*щупаетъ у нея пульсъ*). Пасфольте!... Гмъ, гмъ!... пульсъ ошень, весьма фисока!.. Крѣпка прилифъ крофъ къ калафѣ... Эта мошетъ имѣть суріосна резултатъ. Сейшасъ натапно пускаить крофъ!...

Холминъ. Вы думаете?

Фонъ-Дахъ. Та, та! Посфольте, со мной кашись есть лансетъ—ія, ія!... Гей, слуга!... Тарелка, плотенсъ—скорѣй—хешвиндъ!... Не натапно теряить не отна минутъ, зафоротить рукафа—котъ на прафа рукъ—все рафно!

Слукина (*вскочивъ съ кресель*). Что вы, что вы?

Фонъ-Дахъ. Нишего, моя сутаринь, — нишего! По-терпить отна минутъ; вамъ ната непременно пускаить крофъ!...

Слукина (*отталкивая Фонъ-Даха*). Ахъ, батюшка, зачѣмъ? На что? Подите прочь, подите прочь!...

Предводитель. Какъ вы себя чувствуете?

Слукина (*сядась опять*). Крошечку получше!—Охъ, батюшка ваше превосходительство,—что мнѣ дѣлать? Къ чему приступить? Надоумьте меня, посоветуйте!

Губернаторъ. Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, такъ вотъ оно: вѣроятно Варвара Николаевна уже обвѣнчана, слѣдовательно этого перемѣнить нельзя; на вашемъ мѣстѣ я простиль-бы ее.

Слукина. Какъ, батюшка ваше превосходительство, вы мнѣ совѣтуете...

Губернаторъ. Да вы сами говорили, что не стали бы противиться ея склонности.

Слукина. О, конечно-бы не стала... но рассудите милостиво...

Губернаторъ. Я не оправдываю поступокъ вашей падчерицы; она дурно сдѣлала, что не имѣла къ вамъ склонности, вы такъ ее любите...

Слукина. Какъ родную дочь, видитъ Богъ—какъ родную.

Предводитель. А если такъ, сударыня, такъ будьте же до конца нѣжной матерью: простите ее!

Холминъ. Въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна. Добробы дѣло-то было поправное, а то что толку и себя надирать, и ихъ мучить. Эхъ, матушка, простите ее! (*Входитъ слуга и шепчетъ на ухо Холмину*).

Слукина. Ну, если всѣ меня просятъ—такъ видно пришлось простить!

Губернаторъ. Но, можетъ быть, тотъ, за кого она вышла замужъ...

Слукина. Да кто-бы онъ ни былъ—все равно! Нѣтъ, батюшка ваше превосходительство, по моему, прощать—такъ прощать; онъ мужъ ея, такъ и я его буду любить, какъ родного сына.

Предводитель. Какъ вы добры, Анна Степановна!

Слукина. Чтожъ дѣлать, Алексѣй Ивановичъ! Знаю сама, что это слабость, да ужь у меня натура такая.

Холминъ (*губернатору*). Вы изволили слышать: Анна Степановна добровольно, по одному побужденію своего добраго сердца, прощаетъ мою крестницу... (*Входитъ слуга и шепчетъ на ухо Холмину*).

Губернаторъ. Мы всѣ этому свидѣтели.

Холминъ. Анна Степановна, они пріѣхали—позвольте имъ войти.

Слукина. Охъ, постой, батюшка! Постой! Дай обратиться съ духомъ... Сердце-то у меня, сердце—вотъ такъ выскочить и хочеть!

Фонъ-Дахъ. Анна Степановна!.. Прафа не мѣшайте пускать фамъ крофъ—фи фъ такой волненья..

Слукина. Эхъ, отвяжитесь, Фома Фомичъ!—Ну!... Пусть войдутъ... О, Господи, укрѣпи меня, грѣшную!

(*Холминъ подходитъ къ дверямъ и подаетъ знакъ, чтобы они вошли; Слукина сидитъ, закрывъ руками лицо*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Варенька, а позади ея Тонскій.

Холминъ (*подводитъ къ Слукиной Вареньку*). Вотъ она!

Слукина. Ну, Варенька, Богъ тебѣ судья! Огорчила

ты меня на старости... да такъ и быть, Господь съ тобой!
Я прощаю тебя, мой другъ!... (*Обнимаетъ ее*). Да гдѣ-же
твоей мужъ?

Варенька (*отстраняясь*). Вотъ онъ, маменька.

Слукина (*одеревенѣвъ отъ ужаса*). Тонскій!...

Холминъ (*тихо*). Молчите, Бога ради, молчите! Насъ
обманули!

Слукина. Что это, что это?... (*Вскочивъ*). Нѣтъ! Не
прощаю.

Холминъ (*тихо*). Что вы, что вы?

Губернаторъ. Да вы ихъ ужь простили, сударыня;
мы всѣ были этому свидѣтели.

Слукина. Но могла-ли я вообразить... Я думала...

Холминъ (*тихо*). Опомнитесь! Что вы?... А фальши-
вый-то поступокъ...

Слукина (*падая въ кресла*). Ахъ, смерть моя!

Тонскій (*Слукиной*). Я не знаю, чѣмъ могъ заслу-
жить, сударыня...

Слукина (*тихо Холмину*). Злодѣй!

Холминъ (*тихо*). Послѣ, матушка, послѣ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Т в - ж е, З а р ѣ ц к а я и к н я г и н я Л а н д ы ш е в а .

Княгиня. Ахъ, Анна Степановна, что вы? Какъ вы
себя чувствуете?

Зарѣцкая. Успокойтесь! (*Княгинѣ*). Мы, кажется,
попали въ самую интересную минуту.

Холминъ (*княгинѣ*). Жаль, что вы немного опоздали
и не могли вмѣстѣ съ нами полюбоваться поступкомъ Анны
Степановны.

Слукина (*тихо Холмину*). Варваръ!

Предводитель. Да, Анна Степановна поступила въ
этомъ случаѣ, какъ нѣжная мать.

Холминъ. И какъ самая благородная женщина. Если-
бы она не простила Варвару Николаевну, то имѣла бы,
на основаніи духовной покойнаго мужа, полное право
не выдать ей слѣдующую часть имѣнія; Анна Степа-
новна не посмотрѣла на это, забыла свой собственный
интересъ.

Зарѣцкая. Какой благородный поступокъ!

Княгиня. Какъ это великодушно!

Холминъ. Она могла простить ее наединѣ, съ глазу на глазъ—такъ нѣтъ! Анна Степановна сдѣлала это при начальникахъ губерніи—публично, чтобъ не было никакой возможности остаться Варварѣ Николаевнѣ безъ приданого.

Слукина *(тихо)*. Молчи, палачъ!... Задыхаюсь!

Зарѣцкая. Ахъ, Анна Степановна, какою это дѣлаетъ вамъ честь!

Губернаторъ. Это истинно-отличный поступокъ.

Холминъ. Да не подумайте, чтобъ часть имѣнія, которую она такъ великодушно, такъ безкорыстно уступила своей падчерицѣ, была какая-нибудь бездѣлка; нѣтъ, милостивые государи,—тысячу душъ!

Слукина. Тысячу душъ! Нѣтъ силъ! Ахъ, тошно! Душно!... Умираю!...

Вмѣстѣ. } Княгиня. Что съ вами?...

Вмѣстѣ. } Варенька. Ахъ, маменька!

Вмѣстѣ. } Холминъ. Успокойтесь.

Слукина. Подите прочь!... Подите прочь!... Тысяча душъ... Дурно, дурно!... Ахъ, смерть моя!... Ома Омичъ, пустите мнѣ кровь!

(Фонъ-Дахъ засучиваетъ ей рукавъ и вынимаетъ ланцетъ; встѣ около нея суетятся).

К О Н Е Ц Ъ .

НОВОРОЖДЕННЫЙ

КОМЕДИЯ.

НОВОРОЖДЕННЫЙ ¹⁾.

Мнѣ завѣщаль отецъ,
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ
изъятія:

Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Г р и б о ѣ д о в ъ.

(Небольшая комната съ однимъ окномъ. Не модная, но довольно опрятная мебель. На окнѣ стоятъ ширмочки съ разноцвѣтными стеклами. По стѣнамъ литографированные портреты разныхъ знаменитыхъ или, лучше сказать, знатныхъ особъ. Столъ, покрытый краснымъ набивнымъ ковромъ. На столѣ небольшое зеркальце и полный бритвенный приборъ. Передъ столомъ въ бухарскомъ халатѣ сидитъ Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ. Онъ только что обрился и стрижетъ у себя ногти. Подлѣ него стоитъ женщина лѣтъ сорока, въ ситцевомъ капотѣ, измятомъ кисейномъ чепцѣ и небрежно накинутомъ кунавинскомъ платкѣ).

Ползковъ (*съ досадою*). Эхъ, полноте, Марья Григорьевна! Не ваше дѣло! Вы просто бабушка, а это можетъ только рѣшить акушеръ или докторъ.

Бабушка. Воля ваша, Алексѣй Алексѣевичъ, а я этого грѣха на душу не возьму. Мое дѣло вамъ доложить: извольте послать за священникомъ! Супруга ваша—слава Богу, а младенецъ—очень слабъ.

Ползковъ. Окрестить-то недолго, матушка Марья Григорьевна.

¹⁾ М. Н. Загоскинъ неоднократно давалъ своимъ рассказамъ разговорную форму комедии. Для примѣра печатается пьеса, подъ названіемъ „Новорожденный“, которая въ первоначальномъ видѣ вошла во 2-й выпускъ „Москвы и Москвичей“.

Бабушка. Да и умереть-то недолго, батюшка Алексѣй Алексѣвичъ! Эй, сударь, поторопитесь!

Ползковъ. Хорошо вамъ говорить: поторопитесь!... Вамъ что! а мнѣ это не бездѣлица... Вѣдь двухъ разовъ не крестятъ!... И если я не попрошу теперь въ крестные отцы...

Бабушка. Кого теперь просить! Прикажете кому-нибудь изъ домашнихъ.

Ползковъ. Что вы это, Марья Григорьевна! Захочу ли я покумиться съ моимъ лакеемъ!

Бабушка. Такъ отца дьякона попросите.

Ползковъ. Ну, вотъ еще!

Бабушка. Да помилуйте: гдѣ ужъ тутъ разбирать чины! Лишь бы только успѣть окрестить.

Ползковъ. Да вы все не то говорите, Марья Григорьевна! Не можетъ быть, чтобъ ребенокъ былъ такъ слабъ...

Бабушка (*глядя въ окно*). Вотъ, слава Богу, и докторъ прѣхалъ! Посмотрите, Алексѣй Алексѣвичъ: онъ также скажетъ, что откладывать нечего. (*Уходитъ*).

Ползковъ. Какое несчастіе!... И надобно-жъ было этому случиться!... Варвара Юрьевна общалась быть крестной матерью, если у меня родится сынъ. Она близкая родственница графу, такъ ужъ вѣрно бы и его превосходительству Андрей Никифоровичъ не отказался пойти въ крестные отцы. Я покумился бы съ моимъ начальникомъ,—а это не шутка! Это весьма важный шагъ по службѣ!... Ну, если ужъ нельзя, такъ надобно, по крайней мѣрѣ, хоть имя дать новорожденному такое, чтобъ можно было этимъ польстить кому-нибудь, доказать мою преданность... У Варвары Юрьевны старшаго сына зовутъ Иваномъ... Да кто-жъ еще Иванъ!... Нѣтъ! Можно придумать что-нибудь получше... Начальника моего зовутъ Андреемъ... Прекрасно!... Его сіятельство графа Куродавлева также Андреемъ... Очень хорошо!... Э! Да какъ это мнѣ въ голову не пришло? Вѣдь и князь Знатовъ также Андрей!... Нѣтъ-ли еще кого-нибудь?... Постой!... Ну, такъ и есть!... У, славно! Чего же лучше, назову его Андреемъ... рѣшительно Андреемъ. (*Входитъ бабушка*). Ну, что?

Бабушка. Вотъ я вамъ говорила! Докторъ сейчасъ послалъ за священникомъ.

Ползковъ. Да это все вы, Марья Григорьевна!... А я, право, думаю...

Бабушка. Ну, ужь воля ваша, думайте что хотите, а мы и безъ васъ окрестимъ. Иванъ Ивановичъ будетъ восприемникомъ.

Ползковъ. Докторъ?

Бабушка. Ну, да, сударь! А я крестною матерью. Какое прикажите дать имя новорожденному? Супруга ваша желаетъ назвать его въ честь своего батюшки Александромъ.

Ползковъ. Нѣтъ, нѣтъ!... Я хочу, чтобъ онъ назывался Андреемъ! Слышите-ли, Андреемъ!

Бабушка. Софья Александровна велѣла васъ просить...

Ползковъ. И, полноте! Она не знаетъ сама, чего просить... Это дѣло отцовское... Извольте окрестить моего сына во имя Андрея Первозванного... Слышите-ли! Я хочу этого, я требую... Ну, однимъ словомъ, я обѣщался, Марья Григорьевна!

Бабушка. О, если обѣщались, такъ это другое дѣло. Вотъ и я также по обѣщанію назвала старшую мою дочь Матреною, хотя у меня въ родствѣ нѣтъ ни одной Матрены.

Ползковъ. Ну, вотъ видите!... Какъ-же послѣ этого.

Бабушка. Кто и говорить, Алексѣй Алексѣевичъ! Ужь коли обѣщались... Дѣлать нечего... Я такъ и доложу Софѣ Александровнѣ. *(Уходитъ)*.

Ползковъ. Ну, теперь скорѣй къ Андрею Никифоровичу: онъ мой начальникъ, да и живетъ поближе другихъ. Эй, малый! *(Входитъ слуга)*. Готовы-ли дрожки?

Слуга. Готовы, сударь.

Ползковъ. Фракъ!... *(Одѣвается)*. Шинель и шляпу!... Если неравно завернетъ ко мнѣ дяюшка Максимъ Петровичъ — скажи ему, что я повѣхаль по дѣламъ службы. *(Уходитъ)*.

(Просто, но со вкусомъ убранный кабинетъ дѣловаго чловѣка. Большой шкафъ съ книгами. Въ одномъ углу конторка для письма. Посреди комнаты длинный столъ, заваленный бумагами. Два или три тома Свода Законовъ, съ загнутыми листами и закладками, лежатъ на томъ-же столѣ. Андрей Никифоровичъ Гореславскій, въ шелковомъ ваточномъ сюртукѣ и красныхъ сапожкахъ, сидитъ передъ конторкою. Подлѣ него стоитъ секре-

тарь съ бумагами. Андрей Никифоровичъ Гореславскій человекъ лѣтъ пятидесяти, небольшого росту, худощавый, съ лицомъ весьма благороднымъ, приятнымъ и добрымъ, даже слишкомъ добрымъ. Хорошій физиономистъ тотчасъ-бы замѣтилъ въ этомъ простодушномъ лицѣ какое-то отсутствіе—не ума—нѣтъ! Андрей Никифоровичъ человекъ вовсе не глупый, но этой твердости, этой собственной воли, безъ которой всякій начальникъ, рано или поздно, а непременно попадетъ подъ команду своему секретарю. Андрей Никифоровичъ очень любимъ своими подчиненными; чиновники усердные, смиренные и честные любятъ его за то, что онъ ласково съ ними обходится, а наглецы, плуты и лѣнтяи—за то, что имъ все сходитъ съ рукъ; однимъ словомъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, про которыхъ обыкновенно говорятъ: «что за добрѣйшій человекъ! Во всю свою службу не сдѣлалъ никого несчастнымъ». Андрей Никифоровичъ, какъ человекъ честный и благородный, не очень уважаетъ льстецовъ. Ему даже отвратительна ихъ грубая лесть, низкія угожденія, лакейская преданность, а между тѣмъ эти господа дѣлаютъ изъ него все, что имъ вздумается, и хоть онъ чувствуетъ самъ, что это не доброта, а слабость характера, но никакъ не можетъ устоять противъ ихъ нападеній, потому что ему какъ-то совѣстно отказать въ чемъ-нибудь человекъ, который валяется у него въ ногахъ. Секретарь его... но объ немъ распространяться нечего. Онъ человекъ хитрый, ловкій, досужій и, какъ все умные секретари, знаетъ своего начальника, какъ свои пять пальцевъ).

Гореславскій (*отдавая секретарю бумаги*). Да я въ этомъ списокѣ не вижу столоначальника Чистякова, а, кажется, я своей рукой отмѣтилъ.

Секретарь. Виновать, ваше превосходительство! Вѣрно какъ-нибудь въ перепискѣ ошиблись; а я поторопился, не досмотрѣлъ.

Гореславскій. Вотъ то-то, Павелъ Васильевичъ, вы все торопитесь! Ну, еслибъ представленіе пошло безъ него?...

Секретарь. Конечно, ваше превосходительство, — когда ужъ вамъ такъ угодно... А если осмѣлюсь доложить, такъ Чистяковъ могъ-бы и пообождать.

Гореславскій. Да развѣ онъ не заслуживаетъ?... Онъ хорошо занимается дѣломъ, малый честный...

Секретарь. Да, точно такъ, ваше превосходительство! Отличный чиновникъ.

Гореславскій. Такъ почему-жъ его не представить?

Секретарь. Конечно, ваше превосходительство, почему и не представить, а впрочем, у насъ въ канцеляріи есть чиновникъ постарѣе его... Вотъ, напримѣръ, Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ...

Гореславскій. Да онъ почти каждый годъ получаетъ награды.

Секретарь. Человѣкъ-то прекрасный, ваше превосходительство! Съ большими способностями...

Гореславскій. А развѣ Чистяковъ...

Секретарь. Помилуйте, гдѣ ему равняться съ Ползковымъ! У того дѣятельность необычайная и такія соображенія, что истинно надобно удивляться... А какъ преданъ вашему превосходительству...

Гореславскій. Преданъ! Да кому онъ не преданъ? Эхъ, Павелъ Васильевичъ, не люблю я этихъ низкопоклонныхъ людей!

Секретарь. Да ужь это у него такъ, ваше превосходительство, манера такая... А низости ни на-волось нѣтъ. Онъ человѣкъ преблагородный!

Гореславскій. Все это очень хорошо. Но почему же мнѣ не представить Чистякова? Если я не ошибаюсь, такъ многіе изъ его товарищей, моложе его, носятъ Станислава на шеѣ, а у него еще нѣтъ и Владиміра въ петлицѣ.

Секретарь. Да вѣдь онъ какой-то философъ. Онъ все и не думаетъ объ этомъ.

Гореславскій. Неужели?

Секретарь. Точно такъ, ваше превосходительство. Да еслибъ это его занимало, такъ онъ сталь-бы просить васъ или самъ, или черезъ другихъ...

Гореславскій. Да, это правда! За него никто никогда не просилъ.

Секретарь. А самъ онъ объ этомъ и не заикнется. Вотъ если-бы Ползковъ удостоился быть представленнымъ отъ вашего превосходительства къ Аннѣ на шею, такъ онъ съ ума бы сошелъ отъ радости.

Гореславскій. Эхъ, Павелъ Васильевичъ! Да за что?... Конечно, меня ужь объ этомъ просили Варвара Юрьевна Бѣлоухова и княгиня Авдотья Кирилловна Перекопская, да я не знаю, какъ это сдѣлать: я и такъ представляю десять человѣкъ... Много, Павелъ Васильевичъ, право много.

Секретарь. Да вотъ, ваше превосходительство: въ списокѣ одного не достаесть... Чистякова можно въ будущемъ году, а теперъ еслибъ вы сдѣлали эту милость Ползкову...

Гореславскій. Конечно, дѣло возможное... Но за что-же бѣдный Чистяковъ... И вы думаете, онъ не огорчится?

Секретарь. Да отчего-же ему огорчиться? Не въ нынѣшнемъ, такъ въ будущемъ году... Вы извольте ему сказать слова два ласковыхъ, такъ на этотъ разъ онъ и этимъ будетъ доволенъ.

Гореславскій. Но я такъ часто награждаю Ползкова, что это должно, наконецъ, показаться какимъ-то пристрастіемъ.

Секретарь. Помилуйте, ваше превосходительство! Да кто можетъ помѣшать начальнику отдавать справедливость подчиненному, если онъ этого заслуживаетъ?...

Слуга (*входя въ кабинетъ*). Алексѣй Алексѣвичъ Ползковъ.

Гореславскій. Зови сюда!

Слуга (*обращаясь къ дверямъ*). Пожалуйте.
(*Ползковъ входитъ и низко кланяется сначала Гореславскому, а потомъ секретарю*).

Гореславскій. Здравствуйте, Алексѣй Алексѣвичъ! Что скажете?

Ползковъ (*кланяясь*). Ваше превосходительство!... Богъ даровалъ мнѣ сына.

Гореславскій. Право?... Поздравляю, поздравляю!

Ползковъ (*нагнувшись нѣсколько впередъ и глядя съ умиленіемъ на Гореславскаго*). Служа подъ благодѣтельнымъ начальствомъ вашего превосходительства, взысканный и, такъ сказать, осыпанный милостями вашими, я осмѣлился въ знакъ моей душевной и всенижайшей благодарности назвать новорожденного моего сына Андреемъ, въ честь вашего превосходительства.

Гореславскій. Очень вамъ благодаренъ.

Ползковъ. Мнѣ-бы должно было сначала испросить на это соизволеніе вашего превосходительства, но въ ту минуту, когда я сдѣлался отцомъ, я до того обезумѣлъ отъ радости, что забылъ мой долгъ и осмѣлился безъ вашего согласія... Конечно, дерзость эта велика...

Гореславскій. И, полноте, Алексѣй Алексѣвичъ! Какая тутъ дерзость!

Полаковъ. Нѣтъ, ваше превосходительство! Вы это по добротѣ вашей изволите говорить, а я, конечно, поступилъ опрометчиво. Увлеченный чувствами моей неизгъяснимой благодарности, я не подумалъ, что, можетъ быть, вамъ не угодно будетъ...

Гореславскій (*съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ*). Да почему-жъ не угодно?... Что это вы все говорите, Алексѣй Алексѣвичъ! Скажите-ка лучше, какъ здоровье вашей супруги?

Полаковъ. Слава Богу, ваше превосходительство, слава Богу! Слаба немножко... Однакожъ и ей тотчасъ пришло въ голову... говорить мнѣ: «Алексѣй Алексѣвичъ, непременно должно назвать нашего сына Андреемъ, въ честь его превосходительства Андрея Никифоровича, вѣдь онъ нашъ благодѣтель!...» И повѣрите-ли, ваше превосходительство, съ какимъ она это говорила жаромъ. «Да если,—говорить,—ты не назовешь его Андреемъ, такъ я и видѣть его не хочу». (*Секретарь дѣлаетъ знаки Полакову и указываетъ головою на дверь*). Но я не смѣю долѣе мѣшать занятіямъ вашего превосходительства; я поспѣшу обрадовать жену мою и сказать ей, какъ милостиво вы изволили принять...

Гореславскій. Хорошо, хорошо! Прощайте, Алексѣй Алексѣвичъ! (*Полаковъ низко кланяется и уходитъ*). Слава Богу! Ушелъ!... Ну, того и глядѣлъ, что онъ повалится мнѣ въ ноги!

Секретарь. Вотъ, ваше превосходительство, вы вѣрно изволите думать, что это лесть; а вѣдь все, что онъ говорилъ—истинная правда.

Гореславскій. Да зачѣмъ это говорить!

Секретарь. Чтожъ дѣлать, ваше превосходительство. Вѣдь это говорить не языкъ, а сердце... Вы, можетъ быть, не изволили замѣтить—у него слезы были на глазахъ.

Гореславскій. Нѣтъ, не замѣтилъ! Мнѣ совѣстно было на него смотрѣть.

Секретарь (*помолчавъ нѣсколько времени*). Какъ-же, ваше превосходительство,—прикажете его внести въ списокъ?

Гореславскій. Эхъ, Павелъ Васильевичъ! Пристали вы ко мнѣ... Да вѣдь это будетъ несправедливо.

Секретарь. На милость образца нѣтъ, ваше превосходительство. О немъ-же васъ всѣ просятъ.

Гореславскій. Да, да! Охъ, эти мнѣ протекціи... И Варвара Юрьевна и княгиня Авдотья Кирилловна.

Секретарь. Оно-же и кстати пришло: у него родился сынъ, ужь такъ-бы радость къ радости... Да въдъ вашему превосходительству, надобно-же что-нибудь ему на зубокъ положить...

Гореславскій (*развеселясь*). Да, конечно! Это будетъ получше червонца!... Ну, такъ и быть!... Но только на будущій годъ...

Секретарь. Не извольте беспокоиться! Я самъ напомню вашему превосходительству о Чистяковѣ.

Гореславскій. Ну, то-то же!... Смотрите!... Подайте мнѣ бумагу. Я подпишу и отмѣчу къ чему представляю Ползкова, а вы ужь послѣ внесите его въ списокъ. (*Беретъ и подписываетъ бумагу*).

(Роскошный кабинетъ большого барина. По стѣнамъ картины въ великолѣпныхъ рамахъ. Въ одномъ углу мраморная статуя Венеры Медицейской, въ другомъ — умирающій гладиаторъ. — Все некрасивой формы, но въ высочайшей степени комфортабельная кабинетная мебель, обитая рытымъ пунцовымъ бархатомъ. Мраморный каминъ съ огромнымъ зеркаломъ, передъ которымъ стоятъ бронзовые великолѣпные часы рококо. Посреди круглаго стекляннаго балкона или фонаря, замѣняющаго одно изъ оконъ кабинета, на гранитномъ пьедесталѣ группа похищенія сабинокъ, прозрачнаго италянскаго алебастра. Въ одномъ простѣнкѣ туалетный столикъ «помпадуръ», съ серебрянымъ, вызолоченнымъ лавабо и со всѣми своими прихотливыми затѣями; въ другомъ довольно большой столъ, на немъ въ ящикѣ за стекломъ коллекція золотыхъ табакерокъ, круглыхъ, овальныхъ, четырехугольныхъ, высокихъ, плоскихъ, сундучками, брусочками, лодочками, съ эмалью, рѣзьбою, антиками и портретами. Полъ устланъ пестрыми, пушистыми коврами. Посреди кабинета длинный столъ, покрытый кипсеками, живописными путешествіями и портфелями съ рисунками; подлѣ самаго стола, на тумбѣ изъ полисандра, въ мѣдной клѣткѣ сидитъ сѣрый попугай. Въ кабинетѣ трое дверей; однѣ, противъ оконъ, ведутъ въ приемную комнату, другія, по концамъ кабинета, соединяютъ его съ огромной бібліотекой и зимнимъ садомъ, составленнымъ изъ померанцевыхъ, лимонныхъ и лавровыхъ деревьевъ. Передъ столомъ на эластическомъ стулѣ съ высокой спинкою, закутанный въ атласный халатъ, сидитъ графъ Андрей Никитичъ Куродавлевъ; онъ очень занятъ. Передъ нимъ лежитъ большой листъ пергамента

и его сіятельство, вооруженный широкимъ ножомъ изъ слоновой кости, растираетъ на этомъ листѣ французскій табакъ. Графу на взглядъ лѣтъ за сорокъ; онъ человѣкъ дородный, высокаго роста, весьма пріятной наружности, съ полными красными щеками; въ глазахъ его замѣтна какая-то усталость и лѣнь; впрочемъ онъ весьма добросовѣстно занимается своимъ дѣломъ и подъ его костянымъ ножомъ каждая крупинка табаку получаетъ вполне свою окончательную отдѣлку.

Сквозь затворенныя двери слышенъ въ пріемной комнатѣ не шумный, но непрерывный говоръ, и отъ времени до времени раздаются шаги людей, которые весьма осторожно и тихо прохаживаются по комнатѣ).

Графъ (*переминая щепотъ табаку между пальцами*).

Все еще слишкомъ сыръ... Что это у меня за привычка такая! Всегда перемочу. (*Изъ пріемной комнаты входитъ офиціантъ*).

Офиціантъ. Ваше сіятельство! Надворный совѣтникъ Фитюлькинъ.

Графъ. А, знаю!... Надоѣлъ! Скажи, чтобъ извинилъ: я не могу сегодня принять—я занятъ!... Да кто тамъ еще?

Офиціантъ. Человѣкъ десять, ваше сіятельство. Орловскій помѣщикъ Дудкинъ...

Графъ. Деревенскій мой сосѣдъ? Зачѣмъ онъ таскается въ Москву? Ну, кто еще?

Офиціантъ. Статскій совѣтникъ Чернопольскій. — Отставной маіоръ Брыкаловъ—по вашему приказанію. Какой-то французъ съ бородкою, подрядчикъ Дергуновъ, итальянецъ съ картинами...

Графъ. Хорошо, хорошо! Проси подождать. (*Офиціантъ уходитъ. Графъ продолжаетъ еще нѣсколько минутъ растирать табакъ, потомъ, наклонясь надъ листомъ пергамента, нюхаетъ*). Кажется, табакъ хорошъ!... Крѣпокъ... сильный букетъ... Да, да!... Этотъ меланжъ очень душистъ и пріятенъ!... Петербургскій отъ Іансена не дуренъ, но этотъ лучше!... Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ у Депрѣ былъ такой хорошей табакъ!... (*Насыпаетъ въ табакерку и нюхаетъ*). Очень хорошъ!...

(*Изъ-за дверей библіотеки выглядываетъ хорошенькое личико, съ черными, бойкими глазами и розовыми щеками*).

А Груша! Что ты?... Войди!

(Дьвушка лѣтъ восемнадцати, въ бѣломъ платьѣ и голу-
бомъ шелковомъ фартукѣ, входитъ въ кабинетъ и останавли-
вается у дверей).

Ну, что, миленькая?

Груша. Графиня прислала васъ спросить, поѣдете-ли
вы сегодня поутру со двора?

Графъ. Что-о?

Груша (*громко*). Ея сіятельство, графиня, спрашиваетъ
васъ, поѣдете-ли вы сегодня поутру со двора?

Графъ. Не слышу, мой другъ. Подойди поближе?

Груша. Что это, ваше сіятельство, развѣ вы глухи?

Графъ. Видно, что такъ! Да подойди-же поближе, ду-
шенька!

Груша. Не нужно-съ!

Графъ. О, плутовка!

Груша. Да полноте, ваше сіятельство! Вы извольте
сказать, поѣдете-ли вы или нѣтъ?

Графъ. Ну, ну! Не гнѣвайся! Скажи, что поѣду на
Кузнецкій мостъ... Мнѣ надобно кое-что купить... Да по-
стой, Груша! Хочешь-ли я куплю тебѣ сережки?

Груша. Покорнѣйше васъ благодарю!... Охъ, вы!...

Графъ (*встаетъ*). Послушай! (*Груша уходитъ*). По-
стой, стой!... Разбойница!... Настоящій чертенокъ!... А
хороша!... Премиленькая рожица!... (*Подходитъ къ попу-
гаю*). Попинька! Что ты, мой другъ?... Дай головку, по-
пинька... дай головку!... Попинька! Да чтожь ты ничего
не говоришь?... Кто пришелъ?

Попугай. Дуракъ!

Графъ. Фи, попинька, фи!... Говори: бонжуръ, Жако.
Бонжуръ, Жако. (*Попугай кричитъ своимъ натураль-
нымъ голосомъ*). Шалишь!.. Что это!.. Кусаться?.. Вотъ я
тебя!...

Офиціантъ (*входя въ кабинетъ*). Алексѣй Алексѣевичъ
Ползковъ.

Графъ. Проси! (*Садится на прежнее мѣсто. Ползковъ
входитъ*). А, здравствуй, Алексѣй Алексѣевичъ! Какъ по-
живаешь?

Ползковъ (*кланяясь*). Слава Богу, ваше сіятельство.

Графъ. Садись!

Ползковъ. Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство!
Я не усталъ.

Графъ. Садись, братецъ! (*Указываетъ ему на стулъ,*

который стоит противъ двери библіотеки; Ползковъ садится). Ну, что подѣливаешь?

Ползковъ. Да такъ-съ! Все по прежнему. Служу, тружусь... (*Вставая*). Ваше сіятельство! Богъ дароваль мнѣ сына.

Графъ. Честь имѣю поздравить!

Ползковъ. Пользуясь всегда благорасположеніемъ и облагодѣтельствованнымъ ласками вашего сіятельства, я осмѣлился просить дозволенія назвать моего сына Андреемъ, въ честь вашего сіятельства.

Графъ. Спасибо, Алексѣй Алексѣвичъ, спасибо!

Ползковъ. Это имя будетъ безпрестанно напоминать сыну моему о высокомъ покровителѣ и благодѣтелѣ нашего семейства. О, я увѣренъ, если когда-нибудь сынъ мой, отъ чего да сохранить его Боже, поколеблется на пути чести и добродѣтели, мнѣ только нужно будетъ сказать ему: «Андрюша! вспомни, чье ты носишь имя!»

Графъ. И, полно, Алексѣй Алексѣвичъ! Ты ужъ слишкомъ меня хвалишь.

Ползковъ. Я, ваше сіятельство?... Да я только-что отголосокъ общаго мнѣнія и почель-бы себя совершенно счастливымъ, если-бы мой сынъ походилъ хотя нѣсколько на васъ...

Графъ (*съ громкимъ смѣхомъ*). На меня?... И ты этого желаешь?... Ха, ха, ха! .. Что ты это, братецъ Алексѣй Алексѣвичъ?... Помилуй!... Да развѣ эти вещи говорятся?...

Ползковъ (*также смѣется*). А! Да!... Хе, хе, хе!... Извините! Не такъ выразился, ваше сіятельство! Я говорю о сходствѣ относительно вашихъ душевныхъ качествъ. Разумѣется, сынъ мелкаго, незначущаго человѣка можетъ ли имѣть какое-нибудь другое сходство съ такимъ знаменитымъ вельможею, такимъ истиннымъ русскимъ бояриномъ? Нѣтъ, ваше сіятельство, я желалъ-бы только, чтобъ онъ душою-то на васъ походилъ, чтобъ онъ былъ, точно такъ-же какъ вы, неутомимъ на поприщѣ службы, такъ же какъ вы, посвятилъ всю жизнь свою для общаго блага разумѣется, вы въ большомъ и огромномъ размѣрѣ, а онъ въ маленькомъ; но чтобы дѣйствія-то его были такъ-же чисты и такъ-же исполнены самоотверженія, какъ всѣ дѣйствія ваши... Вѣдь вы—извините, ваше сіятельство—несмотря на вашу знатность и богатство—вы труженикъ!..

Другой бы на вашемъ мѣстѣ бросилъ все, сталъ бы жить себѣ, а вы нѣтъ! У васъ одна только цѣль: быть полезнымъ отечеству.

Графъ. Однакожъ, любезный Алексѣй Алексѣевичъ, и я ужь начинаю уставать; хочется отдохнуть, пожить за-границею...

Ползковъ. Конечно, ваше сіятельство, кто другой, а вы и въ службѣ и въ отставкѣ—все будете бариномъ. Вамъ же тихая и спокойная жизнь не надоѣсть; вѣдь вы отличный семьянинъ, примѣрный супругъ. (*Изъ-за дверей библиотеки выглядываетъ Груша. Ползковъ встаетъ*). Но я не хочу во зло употреблять вашего снисхожденія... Вы заняты...

Графъ. Куда торопишься?...

Ползковъ (*поглядывая на дверь библиотеки*). Мнѣ нужно еще побывать за Красными Воротами... Сейчасъ вспомнилъ. Крайняя нужда!... Честь имѣю кланяться вашему сіятельству!..

Графъ. Ну, прощай, любезный! Не забывай.

Ползковъ (*кланяясь*). Помилуйте-съ!... Какъ это можно!... (*Уходитъ*).

Груша (*изъ-за дверей кабинета*). Графиня проситъ васъ къ себѣ, ваше сіятельство.

(Обитая малиновымъ штофомъ гостинная княгини Авдотьи Кирилловны Перекопской; старинная раззолоченная мебель въ бѣлыхъ чехлахъ. Въ простѣнкахъ узенькія составныя трюмо. На подстольникахъ японскія вазы съ цвѣтами. Люстра съ хрустальными подвѣсками. Дорогой паркетъ изъ разноцвѣтнаго дерева. Въ одномъ углу на пьедесталѣ мраморный бюстъ Екатерины Второй. Передъ канапе или софою—большой наклепной столъ съ изображеніемъ вида царскосельскаго дворца; съ одной стороны дивана на низенькой скамеечкѣ приютилась съ чулкомъ въ рукахъ фаворитка княгини, Мимиша, хорошенькая собою дѣвочка лѣтъ десяти; съ другой, на вышитой по канвѣ подушкѣ, лежитъ полвопѣгая англійская собачка въ красномъ сафьянномъ ошейникѣ. На диванѣ, въ бѣломъ кисейномъ капотѣ и кружевномъ чепцѣ, сидитъ весьма еще бодрая и благообразная старушка лѣтъ шестидесяти пяти. На бѣломъ и румяномъ лицѣ ея замѣтны слѣды прежней красоты. Рядомъ съ ней, также на канапе, но только немного бокомъ, сидитъ молодая женщина, одѣтая по послѣдней модѣ: эта дама—правнучатная племянница княгини. Подлѣ окна, за маленькимъ столикомъ, занимается рукодѣльемъ

Ольга Николаевна, воспитанница ея сiятельства—дѣвица лѣтъ тридцати. У дверей стоитъ карликъ, въ гродетуровомъ голубомъ французскомъ кафтанѣ и розовомъ атласномъ камзолѣ).

Княгиня (*продолжая разговаривать съ молодою дамою*). Да, мой другъ! Мнѣ очень грустно, что ты разошлась съ мужемъ; въ нашъ вѣкъ это не дѣлалось такъ легко.

Молодая дама. Да вы не можете себѣ представить, ma tante, что я должна была терпѣть! Если-бы вы только знали. то вѣрно бы пожалѣли обо мнѣ: вы такъ ко мнѣ милостивы! (*Цѣлуетъ ее въ плечо*).

Княгиня. О, конечно, ma chère, я очень тебя люблю. (*Молодая дама цѣлуетъ у нея руку*). Но неужели въ самомъ дѣлѣ твой мужъ такой дурной человѣкъ?...

Молодая дама. Чудовище, ma tante! Совершенное чудовище!

Княгиня. Право, это для меня удивительно! Я знала его мать—прекрасная была женщина! Мы были съ нею обѣ фрейлинами. И съ мужемъ ея была знакома; на всѣхъ придворныхъ балахъ и куртагахъ онъ всегда былъ моимъ кавалеромъ. Прелюбезный человѣкъ! А какой тонъ! Какая манера! Его многіе принимали за эмигранта! Право, за эмигранта!... Неужели сынъ до такой степени на нихъ не похожъ?... Онъ мнѣ казался всегда такимъ порядочнымъ...

Молодая дама. Одна наружность, ma tante!... Человѣкъ самый безнравственный!... *faisant la cour à tout le monde*...

Княгиня. Право?...

Молодая дама. Повѣрите-ли, ma tante, я иногда съ нимъ по нѣскольку дней сряду не видалась!...

Княгиня. А, вотъ что! Ты ревнива.

Молодая дама. Кто? Я, ma tante? Помилуйте! Напротивъ, онъ ревнивъ, какъ Отелло.

Княгиня. Это ужъ что-то слишкомъ странно, мой другъ. Ревнивъ, а оставлялъ тебя одну. Добро-бы онъ держалъ тебя взаперти!...

Молодая дама. Взаперти! Нѣтъ, ma tante, ужъ этого-бы я ему не позволила! Довольно и того, что я, по милости его, не была до сихъ поръ за-границею.

Княгиня. Ну, это еще не большая бѣда, мой другъ.

Молодая дама. Помилуйте! Да мнѣ два раза предписывали карлсбадскія воды.

Княгиня. Отчего?

Молодая дама. Нервы, ма tante, нервы!... Мнѣ кажется, здоровье жены должно же что-нибудь значить для мужа... Я просидась даже въ Ревель, а онъ и туда меня не пустил!... Тиранъ!...

Княгиня. И онъ просто, безъ всякой причины, не хотѣлъ тебѣ этого позволить?

Молодая дама. Все пустыя отговорки—глупости! То денегъ нѣтъ, то долженъ на все лѣто ѣхать въ деревню.

Княгиня (*начая головою*). Охъ, мой другъ! Ужъ полно, такъ-ли онъ виноватъ, какъ ты говоришь? Мнѣ что-то кажется, что и ты не вовсе права.

Молодая дама. Я, ма tante? Да я на всѣхъ пошлюсь... Я просто была несчастная жертва. Если-бъ вы знали, какія онъ дѣлалъ сцены, непріятности... Да и теперь еще дѣлаетъ. Представьте себѣ, мы разошлись, а онъ не хочетъ ничего давать на мое содержаніе.

Княгиня. Да вѣдь у тебя, кажется, есть свое состояніе.

Молодая дама. Такъ, ма tante; но онъ, какъ мужъ, обязанъ... Ахъ, если-бъ вы за меня вступились. (*Цѣлуетъ у княгини руки*). Вамъ стоитъ только написать въ Петербургъ.

Княгиня. Я думаю, ма сѣге, всего лучше если-бъ вы помирились...

Молодая дама. О, ни за что на свѣтѣ!... Да онъ совершенный злодѣй. Онъ ненавидитъ всѣхъ родныхъ моихъ.

Княгиня. Неужели?

Молодая дама. Дядюшку Степана Степановича пересталъ принимать; бабушку Маргариту Дмитріевну называетъ сплетницей; кузину Глашенку—кокеткой; Леону—моему двоюродному брату—этому доброму, милому ребенку, отказать отъ дому, и даже васъ, тетушка...

Княгиня (*съ удивленіемъ*). Меня? Что меня?

Молодая дама. Охъ, ма tante! Мнѣ не хотѣлось бы вамъ говорить...

Княгиня (*съ жаромъ*). Нѣтъ, скажи, ма сѣге. Я хочу знать...

Молодая дама. Ну, если вамъ угодно... (*Посмотря кругомъ и вполголоса*). Но мы здѣсь не однѣ, ма tante.

Княгиня. Ты меня пугаешь, мой друг!... Такъ это что-нибудь важное?... Оленька! Который часть?

Ольга Николаевна. Половина перваго, ваше сіятельство.

Княгиня. Такъ время завтракать. Поди, душенька, похлопочи! (*Ольга Николаевна уходитъ*). Мимиша, тебѣ пора учить урокъ; а ты, Кондратычъ, ступай въ переднюю. (*Дѣвочка и карликъ уходятъ*). Ну, вотъ, теперь мы однѣ. Скажи, что говорить обо мнѣ твой мужъ?...

Молодая дама. Ахъ, тетушка! Мнѣ, право, тяжело повторять его низкія и скверныя клеветы... Во-первыхъ, онъ иначе васъ не называетъ, какъ вдовушкой-Минервой, Фрейлиной Екатерины Первой...

Княгиня. Фи! Какъ это глупо!... Да это изъ какой-то русской комедіи.

Молодая дама. Говорить, что вы бѣлитесь и румянитесь...:

Княгиня. Кто, я?... Скажите, какой клеветникъ!

Молодая дама. Да то-ли еще онъ говорить, ma tante.

Княгиня. Ахъ, батюшки!... Ужъ не говорить-ли онъ, что я людей рѣжу?

Молодая дама. О, нѣтъ, совсѣмъ не то!... Онъ увѣряетъ всѣхъ, что будто-бы вы любите вашу воспитанницу Ольгу Николаевну потому... Ахъ, ma tante!... Я, право, не знаю, какъ вамъ это и сказать... Ну, потому, что у васъ одно съ нею лицо.

Княгиня (*съ ужасомъ*). Что, что...

Молодая дама. А вашу фаворитку Мимишу любите за то, что она, двѣ капли воды, походитъ на Ольгу Николаевну.

Княгиня. Dieu quelle horreur!

Молодая дама. Да это еще ничего. Онъ говорить, что и прежнія ваши воспитанницы, которыхъ вы выдавали замужъ...

Княгиня. Молчи, мой другъ, молчи!... Ахъ, онъ чудовище!

Молодая дама. Извергъ, ma tante, извергъ! И вы хотите, чтобъ я помирилась съ этимъ человѣкомъ!

Княгиня. Нѣтъ, мой другъ! Нѣтъ! Теперь ничего не хочу. . Ахъ, Боже мой! И какъ могло прійти въ голову... Ну!!! Признаюсь, этого я не ожидала!...

Молодая дама. Ну, вот видите, *ma tante*, какъ мнѣ нужна ваша помощь.

Княгиня. Вижу, мой другъ, вижу! Этотъ злодѣй способенъ на все.

Молодая дама (*цѣлуя у княгини руку*). Такъ вы похлопочите, чтобъ его заставили дать мнѣ приличное содержаніе?... Онъ такъ скупъ, *ma tante*, что это будетъ для него ужаснѣйшимъ наказаніемъ...

Княгиня. Ты думаешь?

Молодая дама. Увѣрю васъ!

Княгиня. Ну, если такъ, хорошо, мой другъ, хорошо! Тебѣ должно будетъ подать просьбу, а я ужъ напишу куда слѣдуетъ... Я докажу этому гнусному клеветнику, что фрейлина Екатерины Первой имѣетъ еще кое-какія связи!... Ахъ, какой злодѣй!... Подумать не могу.

Слуга (*входя въ гостиную*). Алексѣй Алексѣвичъ Ползковъ, ваше сіятельство.

Княгиня. Скажи, что я нездорова, не принимаю!.. Иль нѣтъ, стой, стой!... Ты знаешь, *ma chère*, Ползкова?

Молодая дама. Знаю, *ma tante*: онъ человѣкъ очень не глупый.

Княгиня. И большой дѣлецъ. Чего-же лучше? Онъ напишетъ тебѣ просьбу. (*Слугѣ*). Проси сюда. Этотъ Ползковъ, *ma chère*, мнѣ очень преданъ. Мой князь Алексѣй Петровичъ въ послѣдній годъ своей жизни, то есть тридцать три года тому назадъ, доставилъ его отцу офицерскій чинъ и вывелъ въ люди все ихъ семейство. (*Ползковъ входитъ*). А! Здравствуйте, Алексѣй Алексѣвичъ!

Ползковъ (*кланяясь*). Ваше сіятельство!... (*Молодой дамѣ*). Честь имѣю кланяться вашему превосходительству.

Молодая дама (*слегка кивая головой*). Здравствуйте-съ!

Княгиня. Садитесь, Алексѣй Алексѣвичъ! Прошу покорно!... Вы очень кстати меня навѣстили. У племянницы есть до васъ просьба.

Ползковъ. Я почту себя очень счастливымъ... Позвольте узнать...

Молодая дама. Мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться!... Да вотъ, всего лучше: пожалуйста ко мнѣ завтра часу въ первомъ, такъ мы объ этомъ поговоримъ.

Ползковъ. Съ моимъ удовольствіемъ!... Мнѣ очень пріятно, что я...

Княгиня. Ну, что ваша Софья... Извините!.. кажется... Софья Алексѣевна?..

Ползковъ. Точно такъ-съ.

Княгиня. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Софья Александровна!..

Ползковъ. Помилуйте!—Все-равно-съ.

Княгиня. Ну, что, здорова-ли она?

Ползковъ. Богъ даровалъ мнѣ сына, ваше сіятельство.

Княгиня. Очень рада, Алексѣй Алексѣевичъ! Очень рада.

Ползковъ (*вставая*). Ваше сіятельство! Все семейство наше, а въ особенности я, такъ давно пользуется вашими милостями и высокимъ покровительствомъ, что я былъ-бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, если-бы не искалъ случая, хотя чѣмъ-нибудь доказать вамъ безпредѣльную преданность. Позвольте-же, ваше сіятельство, въ ознаменованіе душевной моей преданности, назвать моего новорожденного Андреемъ, въ честь его сіятельства князя Андрея Алексѣевича.

Княгиня. Въ честь моего сына?... Очень вамъ благодарна, Алексѣй Алексѣевичъ! Я напишу ему объ этомъ.

Ползковъ. Въ такомъ случаѣ потрудитесь, ваше сіятельство, прибавить, что я почелъ-бы себя истинно счастливымъ, если-бы его сіятельство принялъ благосклонно эту скудную лепту моей, хотя безплодной, но искренней благодарности за всѣ милости, изливаемые на меня вашимъ знаменитымъ домомъ.

Княгиня. И, полноте, Алексѣй Алексѣевичъ! Да что-же мы такое для васъ сдѣлали? Мы любимъ васъ, какъ человѣка, намъ преданнаго.

Ползковъ (*прижимая руки къ груди*). О, совершенно преданнаго!... Да позвольте спросить: я не вижу Ольги Николаевны: ужъ здорова-ли она?

Княгиня. Слава Богу.

Ползковъ. А ваша прелесть — Минодора Назарьевна.

Княгиня. Мимиша?... Также здорова.

Ползковъ. Голубушка моя!... Вѣрите-ли Богу, ваше сіятельство,—не видывалъ такихъ дѣтей!... Что это мнѣ кажется, ваша Леди какъ-будто-бы потолстѣла... Леди, Леди! (*англійская собачка подбѣгаетъ къ Ползкову, виляетъ хвостомъ и начинаетъ къ нему ласкаться. Ползковъ вынимаетъ изъ жилетнаго кармана кусочекъ сахару и даетъ ей*).

А! догадалась! Знаешь, плутовка, что у меня всегда для тебя гостинецъ есть!.. Что это, какая красавица! — Удивительно!..

Слуга (*входя въ гостиную*). Завтракъ готовъ, ваше сіятельство.

Княгиня. Не хотите-ли съ нами позавтракать, Алексѣй Алексѣевичъ.

Ползковъ. Покорнѣйше васъ благодарю! Мнѣ еще надобно далеко ѣхать.

Молодая дама. Не забудьте, завтра, въ первомъ часу.

Ползковъ. Какъ забыть, помилуйте! (*Раскланиваясь*). Ваше сіятельство!.. Ваше превосходительство!.. (*Уходитъ*).

(Большая комната. Стѣны, выкрашенныя голубою краскою, окаймлены гирляндю пунцовыхъ и желтыхъ цвѣтовъ. На потолкѣ нарисованы по угламъ въ свѣтло-голубыхъ кружкахъ розовые купидоны; надъ стекляннымъ фонаремъ, замѣняющимъ люстру, въ большомъ кругу, среди фіолетовыхъ облаковъ, изображено что-то похожее на колесницу, въ которой сидитъ что-то похожее на человѣка и правитъ двумя дельфинами. Въ одномъ изъ угловъ кивотъ изъ краснаго дерева съ иконами въ богатыхъ окладахъ; передъ ними висятъ три стеклянные, разноцвѣтныя лампы. Въ простѣнкахъ маленькія зеркала въ огромныхъ рамахъ, покрытыхъ рѣзьбою. Всѣ окна съ бѣлыми миткалевыми занавѣсками. Мебель карельской березы, обитая пестрымъ ситцемъ съ большими разводами. Поставецъ съ серебромъ и фарфоромъ. По боковымъ стѣнамъ висятъ литографированные портреты графа Платова, Кульнева и другихъ русскихъ генераловъ. На средней стѣнѣ, съ одной стороны эстампъ, изображающій вошествіе въ Парижъ союзныхъ войскъ, съ другой — взятіе Варны, а посреди въ разолоченныхъ рамахъ написанный масляными красками портретъ хозяина дома, Андрея Трифоновича Цибикова. Оригиналъ этого портрета, дородный купецъ лѣтъ пятидесяти, съ полнымъ краснощекимымъ лицомъ и красивой окладистой бородой, сидитъ на диванѣ; передъ нимъ на кругломъ столѣ лежитъ раскрытая шнуровая книга, стоятъ большіе счеты, графинъ горечи и тарелка съ хлѣбомъ и паюсной икрой. По лѣвой его сторонѣ, опираясь на спинку кресель, стоитъ его приказчикъ, дѣтина лѣтъ тридцати, въ полувропейскомъ нарядѣ, то-есть въ галстукѣ, жилеткѣ и купеческомъ долгополомъ кафтанѣ).

Андрей Трифоновичъ (*выкладывая на счетахъ*). Четыреста семьдесятъ семь рублей ассигнаціями — нѣтъ, Лукьянычъ—что-нибудь, да не такъ!

Приказчикъ. Я два раза, Андрей Трифоновичъ, прикидывалъ на счетахъ: аккуратно четыреста семьдесятъ семь рублей.

Андрей Трифоновичъ. А вотъ посмотримъ!... Сорокъ цѣлковыхъ: — сто сорокъ рублей... Двѣнадцать золотыхъ по восемнадцати рублей по двѣ копейки съ денежкой... двѣсти шестнадцать рублей тридцать копѣекъ... семь лабанчиковъ по семнадцати рублей двадцати пяти копѣекъ каждый... Сто двадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ. Итого: четыреста семьдесятъ семь рублей пять копѣекъ... Ну, что, Лукьянычъ?

Приказчикъ. Ахъ, батюшки!... Какъ эти пять копѣекъ у меня ускользнули?.. Оно, конечно, сумма не важная...

Андрей Трифоновичъ. Не важная!... Экъ ты, Лукьянычъ, какъ поговариваешь. Видишь капиталистъ какой!... Да вѣдь, двадцать - то пятаковъ рубль, — а рублями миллионы считаютъ! Вотъ то - то и есть: всѣ вы франтики, купеческіе сынки, умѣете только чужую копейку проживать, а прибережъ свою родную, да присокупить, да гривной рубль зашибить — такъ нѣтъ! Что, дескать, это за коммерція! Мы хотимъ тысячами ворочать! Нѣтъ, братъ, поучись - ка прежде на грошакъ, а тамъ что Богъ дастъ! Для вашего брата - щеголька, пять копѣекъ что?... Тьфу! А покойный мой батюшка — царство ему небесное—отъ пятака жить пошелъ. Былъ онъ простымъ подносчикомъ и терпѣлъ такую крайнюю нужду, что подчасъ сапоговъ не на что было купить. Вотъ, завелся у него лишній пятакъ—онъ булабочекъ купилъ; продалъ ихъ по разницѣ хозяйскимъ дочкамъ за гривенку. Купилъ иглочекъ и тѣ съ рукъ сошли съ барышомъ. Вотъ этакъ по маленьку, то тѣмъ, то другимъ, наколотилъ онъ рублишковъ пятокъ, да купилъ сережекъ, перстеньковъ, запонокъ; выпросился у хозяина въ побывку къ себѣ на село и вернулся назадъ ужъ съ красною бумагою. Прошло еще годика два, батюшка началъ пораспространять свою коммерцію: сталъ торговать на Смоленскомъ рынкѣ желѣзной посудой, замками, гвоздями—всякимъ старьемъ. Съ Смоленскаго рынка перешелъ въ желѣзный рядъ на Не-

глинную. А тамъ пошастливилось ему взять казенную поставку на кровельное желѣзо. Вотъ, батюшка поперился; на ту пору досталась по наслѣдству одному купеческому сынку мѣняльная лавка на Моховой. Купчикъ-то былъ парень мотоватый; батюшка подвернулся какъ-то кстати, да и купилъ оптомъ всю лавку за поль-цѣвны; а тамъ года черезъ три лавка-то стала магазиномъ. Богъ послалъ покойнику двухъ, трехъ господъ, которые собирали рѣдкости, покупали картины, любили мѣняться. Вотъ онъ и пошелъ въ гору; продасть вещь за тысячу рублей, придетъ опять къ нему въ трехстахъ; а тамъ, глядишь, набѣжитъ охотникъ да купить ее-же опять за тысячу. Я помню, этакъ у него одна золотая табакерка оборотовъ десять сдѣлала, да принесла ему тысячь до пяти чистаго барыша. Вотъ, любезный, такими-то судьбами и вышло, что какъ батюшка скончался, такъ мнѣ досталось восемьсотъ тысячь рублей чистоганомъ, да вещей на столько-же. А вѣдь все пятакъ!

Приказчикъ. Конечно такъ, Андрей Трифоновичъ! Да вѣдь на все счастье надобно.

Андрей Трифоновичъ. Дураку и счастье не помага, Лукьянычъ! Глупый человекъ словно карманъ съ дырою: что въ него не клади, все вываливается. (*Женскій голосъ за дверьми*). Дома, сударь! Пожалуйте въ гостиную. (*Входитъ молодой человекъ весьма щеголевато одѣтый. Андрей Трифоновичъ встаетъ*).

Молодой человекъ (*отъжливо кланясь*). Я имѣю честь говорить съ Андреемъ Трифоновичемъ?

Андрей Трифоновичъ. Точно такъ, батюшка!... Прошу покорно садиться! Лукьянычъ, поди покамѣсть въ контору: если понадобится, такъ я тебя крикну.

Молодой человекъ (*подавая Андрею Трифоновичу письмо*). Отъ Степана Ѳомича Скоробогатаго.

Андрей Трифоновичъ. А, отъ почтеннѣйшаго моего куманька? Позвольте-съ, позвольте-съ!

Молодой человекъ. Сдѣлайте милость!

Андрей Трифоновичъ (*читая письмо и поглядывая на молодого человека*). Гмъ!... Вотъ что!... Да-съ!... Осмѣлюсь спросить, вы коротко знакомы съ Степаномъ Ѳомичемъ?

Молодой человекъ. Мой покойный батюшка былъ его искреннимъ пріателемъ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ!... А батюшка вашъ давно скончался?

Молодой человекъ. Года три будетъ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ!... Ну, конечно, въ три года много воды утечетъ!... Кумъ пишеть ко мнѣ, что вы имѣете надобность въ деньгахъ.

Молодой человекъ. Да-съ! Мнѣ нужно на короткое время перехватить, такъ, бездѣлку!

Андрей Трифоновичъ. Нѣтъ, батюшка, семь тысячъ рублей сумма значительная.

Молодой человекъ. Помилуйте, Андрей Трифоновичъ! Что для васъ семь тысячъ рублей ассигнаціями?

Андрей Трифоновичъ. Да, то же, батюшка, что и для всякаго; двѣ тысячи цѣлковыхъ. У васъ есть какое-нибудь обезпеченіе?

Молодой человекъ. У меня тысяча душъ, но онѣ всѣ заложены въ опекуновомъ совѣтѣ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ.

Молодой человекъ. Впрочемъ, не безпокойтесь; заемное письмо написано на полгода; но, можетъ быть, я черезъ четыре мѣсяца съ вами расплачусь. У меня торгуютъ триста душъ.

Андрей Трифоновичъ. Вотъ, изволите видѣть, батюшка: я вѣдь этимъ не занимаюсь... Другіе берутъ большіе проценты, а я по десяти. Я даю только такъ, ради пріязни... И, признаюсь, если-бы не просилъ меня объ этомъ Степанъ Ѳомичъ, такъ не прогнѣвайтесь: я не могъ-бы васъ ссудить... заемное письмо съ вами?...

Молодой человекъ (*подавая бумагу Андрею Трифоновичу*). Вотъ оно.

Андрей Трифоновичъ (*читая*). Я нижеподписавшійся... двѣ тысячи рублей государственною серебряною монетою... срокомъ на шесть мѣсяцевъ... Такъ-съ! Ну, дѣлать нечего! Степанъ Ѳомичъ такъ усердно о васъ просить... Извольте, сударь, извольте!... Только ужъ сдѣлайте милость въ срокъ...

Молодой человекъ. Будьте покойны!

Андрей Трифоновичъ (*вынимая изъ бумажника нѣсколько пачекъ ассигнацій и подавая молодому человеку*). Вотъ шесть тысячъ рублей. Остальные, за вычетомъ процентовъ, шестьсотъ шестьдесятъ пять сейчасъ вамъ додамъ. Потрудитесь перечестъ!

Молодой человекъ (*положивъ деньги въ карманъ*). Помилуйте! Зачѣмъ?

Андрей Трифоновичъ (*съ удивленіемъ*). Какъ зачѣмъ?

Молодой человекъ. Я и такъ вамъ вѣрю.

Андрей Трифоновичъ. Вотъ что?... (*Смотритъ въ бумажникъ*). Позвольте, позвольте!... да вѣдь я ошибся!... я вамъ не то отдалъ... Пожалуйте-ка назадъ деньги!...

Молодой человекъ. Извольте! (*Андрей Трифоновичъ беретъ назадъ деньги и молча подаетъ молодому человеку заемное письмо*). Что это значитъ?

Андрей Трифоновичъ. А то, сударь, что я никогда не даю денегъ займа тѣмъ, которые принимаютъ ихъ безъ счету.

Молодой человекъ (*вставая*). Позвольте вамъ сказать....

Андрей Трифоновичъ. Да что тутъ говорить! У всякаго свой обычай, батюшка: не прогнѣвайтесь.

Молодой человекъ. Такъ по этому вы сомнѣваетесь?...

Андрей Трифоновичъ. Шесть тысячъ—деньги, батюшка! И кто беретъ ихъ съ тѣмъ, чтобы отдать, такъ ужъ вѣрно перечесть. Вѣдь только даровому коню въ зубы-то не смотреть.

Молодой человекъ. Такъ вы думаете, что я..

Андрей Трифоновичъ. Я ничаго не думаю! Деньги мои, заемное письмо ваше, такъ каждый при своемъ...

Молодой человекъ (*вспыльчиво*). А позвольте васъ спросить: какъ вы смѣете....

Андрей Трифоновичъ. И, батюшка, не горячитесь! Я у себя въ дому, а вотъ, напротивъ, живеть частный приставъ. Ну, что хорошаго!... Счастливо оставаться! Кланяйтесь Степану Ѳомичу!...

Молодой человекъ. Да! Я поблагодарю его!... Заставьте меня прѣхать Богъ знаетъ къ кому!... (*Уходя*). Купчишка этакій.

Андрей Трифоновичъ. Добро, добро, дворяничикъ! Знаемъ мы васъ!... Тысяча душъ, а перекусить нечего!... Ну, хорошо, что я спохватился! И какъ не стыдно куму рекомендовать мнѣ такихъ людей!... Шесть тысячъ рублей безъ счету беретъ!... Хорошъ гусь!... (*Входитъ Ползковъ*). А! батюшка Алексѣй Алексѣвичъ!

Ползковъ. Здравствуйте, мой почтеннѣйшій! (*Цѣлуются*).

Андрей Трифоновичъ. Милости просимъ! Вотъ здѣсь на канапе: тутъ вамъ будетъ покойнѣе!

Ползковъ (*сидясь*). Ну, что, мой любезнѣйшій Андрей Трифоновичъ, что подѣлываете, какъ вамъ можется?...

Андрей Трифоновичъ. Благодарю моего Создателя; и дѣлишки идутъ порядкомъ и здоровье бредеть. А васъ, кажется, о здоровьѣ и спрашивать нечего...

Ползковъ. Эхъ, Андрей Трифоновичъ! Что наше здоровье? Какъ цвѣтъ сельный, сегодня цвѣтеть, а завтра...

Андрей Трифоновичъ. И, что вы, Алексѣй Алексѣвичъ: вы еще человѣкъ молодой. А что супруга ваша?...

Ползковъ. Сынка мнѣ родила

Андрей Трифоновичъ. Право? Ну, слава Богу! . Честь имѣю поздравить!

Ползковъ. Да что, Андрей Трифоновичъ, все не такъ вышло, какъ мнѣ хотѣлось; младенецъ родился такимъ слабымъ, что должно было сейчасъ его окрестить, а мы было съ женою хотѣли просить васъ быть воспріемникомъ нашего перваго сына.

Андрей Трифоновичъ. Ахъ, батюшка Алексѣй Алексѣвичъ, да чѣмъ я могъ заслужить такую честь...

Ползковъ. Чѣмъ?... Андрей Трифоновичъ! Да вѣдь это смиреніе паче гордости... Что вы это?

Андрей Трифоновичъ. Истинно такъ, Алексѣй Алексѣвичъ!... Ну, что я за важное лицо такое? Мало ли у васъ есть пріятелей и чиновныхъ, и знатныхъ, и князей, и графовъ...

Ползковъ. И, почтеннѣйшій! А много-ли на Руси такихъ именитыхъ гражданъ, какъ вы? Кто не знаетъ въ Москвѣ Андрея Трифоновича Цибикова?

Андрей Трифоновичъ (*поглаживая бороду*). Что правда, то правда!... Касательно извѣстности, я пожаловаться не могу. Меня, батюшка, и въ Кяхтѣ знаютъ.

Ползковъ. Вотъ, изволите видѣть!... А на Нижегородской ярмаркѣ я самъ слышалъ своими ушами: «Ну, плохо торговля идетъ! Да чему и быть? Поджидаютъ всѣ Андрея Трифоновича Цибикова: подѣдетъ, такъ все закипитъ».

Андрей Трифоновичъ (улыбаясь). Это ужь, батюшка, напрасно говорить... Конечно, и мы отъ другихъ не отстаемъ...

Ползковъ (шутя). А что, почтеннѣйшій: еслибъ, этакъ, подъ васъ огоньку подложить, вѣдь миллиончикахъ въ десяти покаетесь.

Андрей Трифоновичъ. Ужъ и въ десяти! Что это вы, Алексѣй Алексѣвичъ!

Ползковъ. Да кредиту на столько-же. Ну-ка теперь, сударь, скажите мнѣ: не важень-ли тотъ, который ворочаетъ миллионами, да даетъ ходъ торговлѣ и русской промышленности? Нѣтъ, Андрей Трифоновичъ, вы, въ моихъ глазахъ, уважительнѣе всякаго знатнаго барина и я, конечно-бы, за счастье почелъ съ вами покумиться... Ну, да видно Богу такъ угодно!... По крайней мѣрѣ я все-таки въ честь вашу назвалъ моего новорожденнаго Андреемъ.

Андрей Трифоновичъ (обнимая Ползкова). По-корнѣйше васъ благодарю!... Да чтожъ мы въ самомъ дѣлѣ... Позвольте, батюшка Алексѣй Алексѣвичъ, выпить за здоровье новорожденнаго (*подходитъ къ дверямъ и кричитъ*). Эй, Маланья! Бутылку полыннаго!

Ползковъ. Не пью, почтеннѣйшій! Да мнѣ-же и пора домой. Я только за тѣмъ къ вамъ и заѣхалъ, чтобъ сказать, что Богъ даровалъ мнѣ сына и что я, въ честь вашу, назвалъ его Андреемъ.

Андрей Трифоновичъ. Да выкушайте хоть рюмочку!

Ползковъ. Право, не пью.

Андрей Трифоновичъ. Ну, какъ вамъ угодно! Я не держусь нашего купеческаго обычая: не люблю моихъ гостей неволять. (*Изъ боковыхъ дверей входитъ Анисья Максимовна, сожительница Андрея Трифоновича, толстая женщина лѣтъ сорока пяти, въ ситцевомъ затасканомъ капотѣ; на ногахъ у нея надѣты красныя туфельки, на плечи наброшенъ заштопанный платокъ буръ-де соа; голова ея ничѣмъ не покрыта и растрепанныя волосы торчатъ во все стороны*).

Анисья Максимовна (*не видя Ползкова*). Батюшка Андрей Трифоновичъ! Забыла тебя спросить, какъ прикажешь подать поросенка: жаренаго или подъ хрѣномъ.

А н д р е й Т р и ф о н о в и ч ь. Подъ хрѣномъ, матушка, подъ хрѣномъ! Да что ты, Акинья Максимовна, ослѣпла что-ли? Взгляни!... (*Анисья Максимовна, увидѣвъ Ползкова, вскрикиваетъ и хватается обѣими руками за голову*).

П о л з к о в ь. Здравствуйте, матушка Анисья Максимовна!

А н и с ь я М а к с и м о в н а. Ахъ, батюшка Алексѣй Алексѣвичъ!... Не знала я совсѣмъ!... А я просто по домашнему, такой растрепаной!...

П о л з к о в ь (*подходя къ ней*). Позвольте ручку поцѣловать.

А н и с ь я М а к с и м о в н а (*махая руками*). Нѣтъ, извините, извините!... Мнѣ, право, стыдно! Ахъ, срамъ какой!... (*Уходитъ*).

П о л з к о в ь. Ну, прощайте, мой любезнѣйшій, мой почтеннѣйшій Андрей Трифоновичъ!...

А н д р е й Т р и ф о н о в и ч ь. Прощайте, Алексѣй Алексѣвичъ! Дай Богъ вамъ добраго здоровья! И если вамъ когда-нибудь Андрей Цыбиковъ на что ни есть понадобится, такъ вотъ вамъ моя рука!...

П о л з к о в ь (*съ чувствомъ*). Дружбы, дружбы вашей, вотъ чего я желаю. Все прочее — дѣло постороннее; но дружба такого человѣка какъ вы, о, это такая драгоценность, которую я ставлю выше всего на свѣтѣ!

А н д р е й Т р и ф о н о в и ч ь (*обнимая Ползкова*). Ахъ, мой безцѣнный Алексѣй Алексѣвичъ. Да чѣмъ я заслужилъ...

П о л з к о в ь. Ну, что объ этомъ говорить!... Прощайте! Дай Богъ вамъ всякаго благополучія. До свиданія, почтеннѣйшій! (*Уходитъ*).

(*Прежняя комната въ домъ Ползкова. Алексѣй Алексѣвичъ входитъ поспѣшно, за нимъ идетъ слуга*).

А л е к с ѣ й А л е к с ѣ в и ч ь. Ну, что жена?

С л у г а. Слава Богу-съ.

А л е к с ѣ й А л е к с ѣ в и ч ь. А младенецъ?

С л у г а. Говорять-съ, очень трудень.

А л е к с ѣ й А л е к с ѣ в и ч ь. Который часъ?

С л у г а. Второй въ началѣ.

А л е к с ѣ й А л е к с ѣ в и ч ь. Такъ можно еще успѣть...
Будь готовъ идти на почту... Или нѣтъ. Найми извозчика.

Ступай!... (*Садится за столъ и пишетъ*), Ну, вотъ и кончилъ! Кажется, не дурно?... (*Читаетъ*). «Ваша свѣтлость! Богъ дароваль мнѣ сына. Я осмѣлился назвать его въ честь вашей свѣтлости Андреемъ. Это имя, принадлежащее знаменитому вельможѣ и мудрому сановнику, на котораго обращены взоры всей Россіи, да послужить ему путеводительной звѣздою на поприщѣ жизни. Пусть это имя напоминаетъ ему безпрестанно имя того, кто не столько по рождению, сколько по своимъ личнымъ доблестямъ, сталъ на ряду первыхъ государственныхъ мужей нашего времени.»

«Съ чувствомъ наиглубочайшаго почтенія и совершенной преданности за счастье почитаю называться вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою...» Теперь скорѣй въ пакетъ, да и на почту... (*Кладетъ письмо въ пакетъ и надписываетъ*). Его свѣтлости князю Андрею Сергѣевичу Знатову. Эй, Ванька! (*Съ одной стороны входитъ слуга, съ другой бабушка*)... Ступай проворнѣй... А, Марья Григорьевна, что вы?

Бабушка. Да что, Алексѣй Алексѣвичъ! Дѣлать нечего... Воля Божья!..

Алексѣй Алексѣвичъ. А что такое?

Бабушка. Младенецъ скончался.

Алексѣй Алексѣвичъ. Что вы говорите?... Ахъ, Боже мой, какое несчастіе!... (*Закрываетъ руками лицо*). Андрюша, другъ мой!..

Бабушка. И, Алексѣй Алексѣвичъ! Слава Богу, что онъ скончался теперь... Ангель Божій. Да и вамъ некогда было къ нему привыкнуть...

Алексѣй Алексѣвичъ. Эхъ, Марья Григорьевна! Вы человекъ посторонній! А каково сердцу родителя.

Бабушка. Да полноте, Алексѣй Алексѣвичъ! Подите-ка лучше къ Софѣ Александровнѣ, да постарайтесь ее утѣшить: она очень огорчена.

Алексѣй Алексѣвичъ. Утѣшить!... А кто утѣшить меня?... Боже мой, Боже мой! Вотъ жизнь человѣческая!... (*Проходя мимо слуги*). Возьми это письмо, ступай сейчасъ на почту. Да, смотри, не опоздай. Пойдемте, Марья Григорьевна, пойдемте!

К О Н Е Ц Ъ .

ПОЪЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ въ Москвѣ, января 19-го дня 1850 года, въ
Маломъ театрѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Тихоновичъ Вельскій.
Марья Алексѣевна, жена его.
Оленька, дочь Ивана Тихоновича отъ перваго брака.
Андрей Андреевичъ Сурскій, знакомый Вельскихъ.
Степанида Никитишна Хопрова, пріятельница Вельской.
Шарлота Карловна, бывшая нянюшка Вельской.
Авдотья Никифоровна Сусликова, знакомая Вельскихъ.
Яковъ, камердинеръ Вельскаго.
Магрена, горничная дѣвушка Вельской.
Мargarита Саввишна Закамская, тетка Вельской.
Слуга.

Слуги Вельскихъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Вельскихъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая комната. Двое дверей по бокамъ, одна въ серединѣ. Съ правой стороны отъ зрителей—окно. Нѣсколько стульевъ, столъ, зеркало, стѣнные часы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Яковъ (*одинъ, заводитъ часы, потомъ начинаетъ обмѣтывать мебель*). Ахъ, ты Боже мой!... Вотъ житье-то, подумаешь!... Кому праздникъ, а мнѣ все будни: за всѣхъ одинъ служи!... И за что этихъ шалопаевъ хлѣбомъ кормить?... Вотъ, Ѳедкѣ вѣдно каждое утро часы заводитъ и комнаты убирать, а куда онъ провалился?... Митькѣ приказано быть неотлучно въ лакейской, а гдѣ онъ?... Гдѣ?—вѣстимо гдѣ: распивочная-то вонъ тамъ на углу!... пьяницы этакіе!... Лишь только баринъ со двора, такъ по всему дому хоть шаромъ покати!... Вотъ при нашей первой барынѣ былъ порядокъ... Эхъ, покойница! Есть тебя чѣмъ помянуть Ивану Тихоновичу!... при тебѣ онъ, батюшка нашъ, спусти рукава жилъ... А теперь, что прокуто!... Завелся опять женой, а хозяйки все-таки нѣтъ... станетъ наша барыня такой дрянью заниматься... Куда!—Да хоть-бы дала волю барышнѣ... такъ нѣтъ! Я, дескать, одна хозяйка въ дому. А сама житья-живеть на Кузнецкомъ мосту, да съ утра до вечера по гостямъ шляется!... Хороша хозяйка!...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Яковъ и Сурскій.

Сурскій (*входя въ комнату*). Эй, любезный! Марья Алексѣевна дома?

Яковъ. Никакъ нѣтъ-съ.

Сурскій. А Иванъ Тихоновичъ?...

Яковъ. Сейчасъ изволили уѣхать.

Сурскій. Не знаешь-ли, братецъ, скоро-ли воротится Марья Алексѣевна?

Яковъ. Не могу знать.

Сурскій. Такъ доложи ей, что пріѣзжалъ... или нѣтъ, постой, я дамъ тебѣ карточку... (*опускаетъ руку въ карманъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Оленька.

Оленька. Ахъ, Боже мой!... Какой сюрпризъ!... Андрей Андреевичъ!

Сурскій. Ольга Ивановна! (*Подходитъ и цѣлуетъ у нея руку; Яковъ уходитъ*).

Оленька. Вотъ ужъ мы никакъ васъ не ожидали!... Мы думали, что вы еще за границую.

Сурскій. Вчера только пріѣхалъ.

Оленька. Изъ Парижа?

Сурскій. Прямехонько. Я даже и въ Петербургъ не останавливался.

Оленька. Что, вы располагаетесь теперь жить въ Москвѣ, или опять поѣдете за границую?

Сурскій. Сохрани Господи!... Будетъ! довольно пошатался. Впрочемъ, и въ Москвѣ я недолго останусь. Мнѣ надо завтра ѣхать въ Кострому.

Оленька. Ну, что Андрей Андреевичъ, расскажите мнѣ что-нибудь!... Кого вы видѣли изъ нашихъ московскихъ за-границею?

Сурскій. Многихъ видѣлъ. Да вотъ кстати: вамъ

всѣмъ клянется Владиміръ Сергѣевичъ Ладогинъ. Онъ все по прежнему живетъ въ Вѣнѣ.

Оленька. И не скоро еще воротится къ намъ въ Москву?

Сурскій. Не думаю. Вѣдь кажется, Владиміръ Сергѣевичъ изъ числа вашихъ короткихъ знакомыхъ?

Оленька. Да!... Онъ очень часто бывалъ у насъ въ домѣ.

Сурскій. И ваша маменька... то есть, Марья Алексѣевна большая съ нимъ пріятельница?

Оленька. Его и батюшка очень любить. А что, вы видѣли за границею нашу общую знакомую, Екатерину Дмитриевну Шестунову?

Сурскій. Какъ же!... Мы съ нею встрѣтились въ Римѣ.

Оленька. Что она?

Сурскій (*улыбаясь*). Слава Богу!... живетъ очень весело.

Оленька. Весело?.. Да, мнѣ кажется, она должна быть еще въ траурѣ?

Сурскій. По мужѣ? Давно ужъ сняла, — вѣдь это за границею. Да ей же черный цвѣтъ вовсе не къ лицу.

Оленька. Вотъ что!... Такъ у нея въ Римѣ большое знакомство?

Сурскій (*улыбаясь*). О, преогромное!...

Оленька. Какъ же говорить, что тамъ жить очень скучно?...

Сурскій. Не вѣрьте, Ольга Ивановна, это зависитъ отъ того, какъ живешь. И въ Парижѣ можно жить также смирно, какъ въ нашей степной деревнѣ, только русскія барышни вообще до этого не охотницы: онѣ скучать не любятъ.

Оленька. А кстати о Парижѣ: вы видѣли тамъ княгиню Варвару Михайловну Луцкую?

Сурскій. Такъ, мимоходомъ... Она теперь въ Карлсбадѣ, а князь долженъ быть здѣсь.

Оленька. Въ Москвѣ его нѣтъ.

Сурскій. Такъ вѣрно живетъ въ своей Самбирской деревнѣ. Ему не мѣшаетъ похозяйничать.

Оленька. Бѣдная княгиня!... Какъ ей должно быть грустно!... Разно съ мужемъ.. на чужой сторонѣ...

Сурскій (*улыбаясь*). О, конечно!... Она очень жалка!..

Оленька. И зачѣмъ княгиня осталась одна за границею?...

Сурскій. Долѣживается.

Оленька. Долѣживается?... Да развѣ она больна?

Сурскій. Теперь слава Богу, а прежде была очень не хороша.

Оленька. Что вы говорите?... Такъ, видно, княгиня занемогла въ Парижѣ?

Сурскій. О, нѣтъ! въ Россіи. Да неужели вы не знаете, что княгиня поѣхала за границу для того, чтобъ лѣчиться?

Оленька. Но отъ чего-же? Вѣдь она была совершенно здорова.

Сурскій. Такъ-то кажется.

Оленька. Ахъ, Боже мой! Да чтожъ у нея за болѣзнь такая?

Сурскій. Ну, вотъ эта самая, которою такъ часто страдаютъ наши дамы.

Оленька. Чтожъ это такое?

Сурскій. Какъ-бы вамъ сказать... Вы, вѣрно, слышали про одну странную болѣзнь, отъ которой чахнуть и умираютъ швейцарцы?

Оленька. Тоска по родинѣ?

Сурскій. Ну, да! Вотъ это почти то же самое; та же тоска, только не по своей, а по чужой родинѣ.

Оленька. Ахъ, Андрей Андреевичъ! Какъ вы злы!

Сурскій. Право такъ! Я говорю не шутя. Только эта болѣзнь во сто разъ хуже швейцарской, потому что воротиться домой всегда можно, а жить вѣчно за границею нельзя.

Оленька (*улыбаясь*). И вы это называете болѣзнею?

Сурскій. А какъ вы назовете эту непрерывную тоску, это тревожное состояніе души, которая такъ и рвется въ чужіе края?... А эта ничѣмъ неутолимая жажда новыхъ ощущеній, какого-бы роду онѣ ни были, эта необходимость подышать южнымъ воздухомъ, но только не своимъ, а заграничнымъ, эта безумная страсть ко всѣмъ новостямъ и перемѣнамъ... Какъ-же это не болѣзнь?... Разумѣется, душевная, а все-таки болѣзнь.

Оленька. И отъ нея нѣтъ никакого лѣкарства?...

Сурскій. Никакого, кромѣ чужихъ краевъ.

Оленька. Такъ и княгиня лѣчится?...

Сурскій. Да; тѣмъ-же самымъ, чѣмъ лѣчится большая часть нашихъ барынь за границею, то есть водами, теплымъ климатомъ, разнообразной, свободной жизнію... Да и медики тамъ, говорятъ, лучше нашихъ; только княгиня ужъ слишкомъ часто мѣняетъ своихъ врачей: сегодня одинъ—черезъ недѣлю другой...

Оленька. Что это, Андрей Андреевичъ, съ вами сдѣлалось?

Сурскій. А что?

Оленька. Я васъ не узнаю. Вы никогда не были на-смѣшникомъ, а теперь все говорите съ какой-то лукавой улыбкой... Да вы совсѣмъ перемѣнились...

Сурскій. А вы ни крошечки... вы также прекрасны, и также очаровательно невинны и добры, какъ были прежде.

Оленька. Ну, вотъ ужъ теперь вы и надо мной смѣетесь?

Сурскій. И вы можете это думать? Да знаете-ли, Ольга Ивановна, что еслибъ я не любилъ Александра Ильича Долинскаго, какъ моего родного брата, такъ ужъ вѣрно сталъ бы завидовать его счастью... Ну, вотъ хорошъ я!... говорю съ вами о женихѣ, а все еще васъ не поздравилъ... Мнѣ Александръ писалъ, что вы съ нимъ помолвлены...

Оленька. Да-съ.

Сурскій. Что вы будете вѣнчаться тотчасъ послѣ Святой, въ Костромской деревнѣ вашего батюшки... Ахъ, Боже мой! Да чтожъ это значить?... Святая недѣля давно ужъ прошла, вы здѣсь, Александръ въ Костромѣ... Такъ ваша свадьба отложена?

Оленька. Да-съ.

Сурскій. Отчего-жъ это?

Оленька (*съ примѣтнымъ замѣшательствомъ*). Я, право, не знаю... Такъ угодно папенькѣ.

Сурскій. Послушайте, Ольга Ивановна: я ужъ вамъ сказалъ, что люблю вашего жениха, какъ родного брата, такъ будьте же со мною откровенны. Не можетъ быть, чтобъ вы не знали, почему отложена ваша свадьба!...

Оленька. Ахъ, Андрей Андреевичъ!... Я и говорить объ этомъ боюсь.

Сурскій. Надѣюсь, однакожъ, не со мною?

Оленька. Ну, если вы хотите знать... (*вполголоса*) все это сдѣлала Марья Алексѣевна.

Сурскій. Ваша мачиха?

Оленька. Да, Андрей Андреевичъ... Сначала она уговорила батюшку отложить свадьбу для того, что это дурная примѣта, если двѣнца выходить замужъ въ маѣ мѣсяцѣ, что будто бы отъ этого она всю жизнь свою будетъ маяться.

Сурскій. Да ужъ теперь вѣдь Іюнь.

Оленька. А теперь стала говорить, что я слишкомъ молода, что мое воспитаніе еще не окончено и что эту свадьбу можно отложить не только на годъ, но даже на два.

Сурскій. Бѣдный Александръ!... И вашъ батюшка рѣшился на это?

Оленька. Чтожъ дѣлать—поспорилъ, поспорилъ...

Сурскій. А тамъ и согласился?... Впрочемъ, такъ и быть должно: кого же слушаться пожилому мужу, какъ не своей молодой жены?...

Оленька. Молодой?.. Помилуйте!.. Марья Алексѣевна говоритъ, что ей только двадцать пять лѣтъ, а она старая-престарая... ей, просто, лѣтъ тридцать...

Сурскій (*улыбаясь*). Скажите пожалуйста!... Вотъ ужъ никакъ бы не подумалъ, что она такая старуха!... Но дѣло не въ томъ; не знаете-ли вы, Ольга Ивановна, для чего она старается растроить или, или по крайней мѣрѣ, отдалить вашу свадьбу?

Оленька. Я думаю, всему причиною, пріятельница Марья Алексѣевна, Хопрова.

Сурскій. Хопрова. Уже не мадамъ-ли Стефани, то есть. Степанида Никитишна?

Оленька. Ну, да!.. та самая.

Сурскій. О!... Да она ужасная барыня! Преотчаянная туристка, эмансипированная женщина, то-есть, по русски, вольноотпущенная и страшная мотовка! Эта мадамъ Стефани при мнѣ до того прожила и задолжала въ Парижѣ, что ее хотѣли въ тюрьму посадить. Да чтожъ общаго между этой барыней и вашей свадьбой?

Оленька. А вотъ что, Андрей Андреевичъ: она уговорила Марью Алексѣевну уѣхать въ чужіе края.

Сурскій. Такъ и Марья Алексѣевна занемогла этой повальной болѣзней... Ну, дѣлать нечего, видно ужъ такова участь всѣхъ нашихъ барынь. Впрочемъ, чтожъ это за помѣха вашей свадьбѣ?... И отчего вамъ нельзя выйти

замужъ, потому что ваша мачиха хочетъ ѣхать за границу? Да неужели вы такъ необходимы для ея счастья, что она и разстаться съ вами не можетъ!

Оленька. О, нѣтъ! Марья Алексѣевна обо мнѣ тосковать бы не стала, но батюшка говоритъ, что ему никакъ нельзя въ одно и то же время и меня выдать замужъ и ѣхать за границу.

Сурскій. Потому, что то и другое требуетъ большихъ расходовъ? Да, конечно, и дочь выдать замужъ не бездѣлица, и ѣхать за границу не шутка, а особливо женатому человѣку; тутъ непременно встрѣтятся такія издержки, о которыхъ мы, одинокіе туристы, и понятія не имѣемъ... А не знаете-ли вы также, куда Марья Алексѣевна собирается ѣхать?

Оленька. Она говоритъ, что желала-бы пожить въ Вѣнѣ.

Сурскій. Въ Вѣнѣ?

Оленька. Потомъ съѣздить въ Парижъ, въ Италію, а тамъ опять вернуться въ Вѣну.

Сурскій. Опять въ Вѣну?... вотъ что!... А какъ вы полагаете: если Марья Алексѣевна раздумаетъ ѣхать за границу, такъ никто не помѣшаетъ вашей свадьбѣ?

Оленька. Кажется, нѣтъ.

Сурскій. Послушайте, Ольга Ивановна, я не смѣю вамъ сказать утвердительно, однакожъ, надѣюсь, что эта поѣздка за границу не состоится.

Оленька. Ахъ, дай-то Богъ!

Сурскій. Можетъ быть, мнѣ удастся какъ-нибудь уговорить Марью Алексѣевну не ѣхать нынѣшній годъ въ чужіе края... У меня даже есть какое-то предчувствіе, что она сама поторопится выдать васъ замужъ.

Оленька. Почему вы это думаете?

Сурскій. Такъ... Ужъ я вамъ сказалъ, какое-то предчувствіе... Какъ это счастливо, однакожъ, что я не засталъ дома Марьи Алексѣевны и успѣлъ переговорить съ вами... Прощайте, Ольга Ивановна!.. Да, сдѣлайте милость, никому обо мнѣ ни слова. Пусть всѣ думаютъ, что я еще въ Парижѣ.

Оленька. А когда вы къ намъ пріѣдете?

Сурскій. Сегодня мнѣ никакъ нельзя. Я пріѣду къ вамъ завтра по-утру и поранѣе, чтобъ непременно застать Марью Алексѣевну дома. Прощайте... Смотрите же не проговоритесь, что я съ вами видѣлся.

Оленька. Не беспокойтесь!... (*Сурскій уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Оленька (*одна*). Ахъ, еслибъ Андрей Андреевичъ уговорилъ Марью Алексѣвну не ѣхать за границу!... Да нѣтъ!... Она такъ упряма! Ей же, Богъ знаетъ, что толковали о чужихъ краяхъ не только Хопрова, но даже бывшая ея нянюшка, эта старая глухая нѣмка, которая такъ и бредитъ своей благословенной Германіею, а сама тридцать лѣтъ живетъ въ Россіи... Ну!.. Легка на поминъ!...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Оленька и Шарлота Карловна.

Шарлота Карловна. Мамсель Олька Ифановна!... Фамъ рисофальная учитель пришла.

Оленька. Отчего такъ рано?

Шарлота Карловна. Васъ маинень-зи?... Што, што?

Оленька. Я спрашиваю, отчего онъ сегодня такъ рано пришелъ?

Шарлота Карловна. Атшефо?... Русска шелофекъ аккуратна не пывай. Эта не нѣмска насіонъ... А што, мамсель Олька Ифановна, фи нишефо не слыкаль?

Оленька. А что такое?

Шарлота Карловна. Намъ скоро фояшь путеть са кранись.

Оленька. Что она говорить?... Мы скоро поѣдемъ за границу?

Шарлота Карловна. Та, та!... Нахъ Віене.

Оленька. То-есть въ Вѣну?... Да что это вамъ, Шарлота Карловна, такъ хочется ѣхать за границу? Развѣ вамъ здѣсь дурно?

Шарлота Карловна. О, некарашо!... Што такой фаша Русландъ? фотъ моя Рейнская семля... Ахъ, маинъ Готъ, маинъ Готъ!

Оленька. Такъ зачѣмъ-же вы оттуда уѣхали?

Шарлота Карловна. Што, што?... васъ сагенъ-зи?

Оленька (*громко*). Я вамъ говорю: если нѣмецкая земля такъ хороша, такъ зачѣмъ же вы оттуда уѣхали?

Шарлота Карловна. Ахъ, либе фряйлаинъ!... Несчастлива апстоятельство... И патушка умиралъ и матушка умиралъ... Теншонокъ нѣтъ, а кушать нато...

Оленька. Вотъ то-то и есть, Шарлота Карловна, у васъ все хорошо, а кушать нечего; такъ чтожъ вы такъ хвалитесь вашей землей?

Шарлота Карловна. О, мамсель Олька Ифановна! ваша не снаеть нѣмеска семль... Тасъ истъ аинъ парадись!

Оленька. Хорошо, хорошо!... Потрудитесь сказать, чтобъ въ моей комнатѣ все приготовили для рисованія. (*Шарлота Карловна уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Оленька (*одна*). (*Слышенъ стукъ подвѣзжающей кареты*). Кажется, кто-то пріѣхалъ?... (*Подходитъ къ окну*). Вѣрно Марья Алексѣевна... такъ и есть!... и не одна!... кто это съ ней? А Степанида Никитишна Хопрова... Ну!... Теперь-то пойдутъ разговоры о чужихъ краяхъ... да еще какіе!... Уйду поскорѣе къ себѣ въ комнату.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Оленька, Вельская и Хопрова.

Хопрова Здравствуйте, Ольга Ивановна!... Что вы отъ насъ бѣжите?

Оленька (*очень сухо*). Извините, Степанида Никитишна!... Меня дожидается рисовальный учитель. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ-же, кромъ Оленьки.

Хопрова. Ахъ, Мари! Что это у твоей падчерицы какія странныя манеры!

Вельская. Да ужъ не говори, Бога ради! Я рукой махнула.

Хопрова. Какія грубыя формы!

Вельская. Чтожъ дѣлать, такъ ужъ воспитана, мой другъ!

Хопрова. Ты начала мнѣ говорить въ каретѣ...

Вельская. Да, ма шеръ, я хочу сегодня рѣшительно атаковать мужа; мы должны непременно ѣхать за границу. Здѣсь я умираю съ тоски, мнѣ душно въ этой фатальной Москвѣ.

Хопрова. Погоди, мой другъ, ты еще не то заговоришь, когда побываешь въ чужихъ краяхъ... Теперь это одно любопытство, а еслибъ ты также, какъ я, провела за границую нѣсколько лѣтъ и воротилась опять въ нашу Россию, такъ бы еще не такъ стала тосковать.

Вельская. О, я очень это понимаю. Теперь я могу только мечтать о чужихъ краяхъ, но когда эти мечты превратятся въ воспоминанія, когда, живя въ нашей пошлой Москвѣ, я буду летѣть мыслею подъ свѣтлыя небеса Италіи, или вспоминать объ этомъ очаровательномъ Парижѣ, съ его утонченною образованностью и просвѣщеніемъ, объ этихъ безчисленныхъ и разнообразныхъ удовольствіяхъ...

Хопрова. И, ма шеръ!... Конечно, все это прекрасно, восхитительно, но главное-то, мой другъ, совсѣмъ не то.— Ты еще не имѣешь никакого понятія объ этой западной европейской жизни; ты не знаешь, какою свободой мы, русскія дамы, пользуемся за границую... Что мы здѣсь? Невольницы, рабы и, что всего хуже, мы сами этого не замѣчаемъ. Эта азіатская роскошь, къ которой насъ приучаютъ съ ребячества, знаешь-ли, что это, Мари?—Безпрестанный надзоръ, и больше ничего... Я пойду пѣшкомъ — за мною провожатый; поѣду въ каретѣ — со мной лакей, кучеръ, фореиторъ—цѣлая свита... Конечно, Мари, мы объ съ тобой не имѣемъ надобности скрывать наши по-

ступки, но одна ужъ эта мысль, что я вѣчно подѣ каралоуломъ, что за мной присматриваютъ, что я не могу сдѣлать шагу безъ свидѣтелей, согласись, мой другъ, что эта мысль въ высшей степени обидна.

Вельская. О, конечно!

Хопрова. Вотъ, за границею, мнѣ захотѣлось сдѣлать доброе дѣло,—посѣтить тайно бѣднаго человѣка,—я просто отправлюсь одна пѣшкомъ, и если со мною кто-нибудь встрѣтится и спроситъ, куда я иду, мнѣ можно смѣло отвѣчать, что я гуляю, дѣлаю визиты, и даже иду куда-нибудь на вечеръ. Ну-ка, мой другъ, попробуй, скажи у насъ въ Москвѣ, что ты одна, безъ человѣка, идешь пѣшкомъ на вечеръ, или дѣлаешь визиты...

Вельская. Сохрани Господи!.. Да изъ этого наплетутъ такихъ исторій, что хоть изъ Москвы вонъ бѣги!

Хопрова. Ну, теперь понимаешь-ли, Мари, почему для насъ чужіе края—настоящая обѣтованная земля? Тамъ ничто не стѣсняетъ нашей свободы, тамъ женщина съ умомъ, съ любезностью, съ хорошимъ состояніемъ—царица!.. а здѣсь...

Вельская. Ну что, мой другъ!.. Теперь мы съ глазу на глазъ, такъ можно сказать правду: и здѣсь мы не рабы. Вотъ, хоть мой Иванъ Тихоновичъ—упрямъ немножко, любить поспорить, а вѣдь, право, грѣшно его назвать тираномъ. Да и твой покойный мужъ... Кажется, онъ во всемъ тебѣ повиновался...

Хопрова. Еще бы!.. Да развѣ я выходила замужъ для того, чтобъ мнѣ повиноваться мужу?... Будетъ и того, что встарину ихъ баловали—теперь наше время! А все-таки намъ не легче. Если не мужъ, такъ дядюшки, тетушки и это такъ-называемое общественное мнѣніе, которымъ насъ пугаютъ, точно также, какъ нянюшки пугаютъ глупыхъ дѣтей букою. У насъ первое слово: «Помилуйте! Что стануть говорить объ этомъ?...» «Что скажутъ добрые люди?...» За границею это и въ голову никому не придетъ; тамъ совсѣмъ другія понятія о вещахъ и нравы-то поумнѣ нашихъ; тамъ всякій заботится только о себѣ, а до другихъ ему и дѣла нѣтъ.

Вельская. Вотъ оно настоящее-то просвѣщеніе, мой другъ! Подумаешь, какъ мы отстали отъ запада; сколько у насъ этихъ нелѣпыхъ приличій, этихъ дурацкихъ предрассудковъ, надъ которыми давно уже смѣются въ чужихъ краяхъ.

Хопрова. Смѣются? Нѣтъ, ма-шеръ, и смѣяться-то перестали. Да чтожъ это, Мари, я тебя не очень понимаю. Ты хочешь сегодня говорить съ мужемъ о вашей поѣздкѣ за границу, да ужь это кажется было рѣшено на прошлой недѣлѣ, и даже для этого отложена свадьба твоей падчерицы.

Вельская. Такъ, Стефани! Да вотъ что, въ одномъ мы еще не согласны: Иванъ Тихоновичъ ѣдетъ со мною за границу на четыре мѣсяца...

Хопрова. На четыре мѣсяца? Да твой Иванъ Тихоновичъ съ ума сошелъ!... Чтожъ онъ хочетъ подразнить тебя?... Приѣхать на границу, да сказать: «ну, вотъ, Марья Алексѣевна, посмотри отсюда на чужіе края, — вотъ они!» Нѣтъ, Мари, не соглашайся! Ужь если ѣхать, такъ ѣхать, по крайней мѣрѣ, на два года; вѣдь ты, кажется, намѣрена пожить въ Вѣнѣ?

Вельская. Да! я желала бы прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Хопрова. И прекрасно!... Теперь я не могу ѣхать за границу, а вотъ какъ перезаложу мое Саратовское имѣнье, такъ явлюсь къ тебѣ въ Вѣну, а тамъ ужь и отправимся вмѣстѣ въ Италію, въ Парижъ...

Вельская. Ахъ, какъ бы это было хорошо!

Хопрова. Да, конечно! Лучше меня ты не найдешь себя цидероне; у меня же есть и въ Парижѣ и въ Италіи преинтересныя знакомства. Ну, прощай покамѣсть.

Вельская. Куда ты?

Хопрова. Я приѣду къ тебѣ обѣдать, а теперь мнѣ надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ. Смотри же, Мари, не уступай мужу, покажи ему, что ты женщина съ характеромъ, что у тебя есть своя воля. Адіё, монъ-анжъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вельская (одна).

Да! Стефани говорить совершенную правду! Если мы поѣдемъ только на нѣсколько мѣсяцевъ за границу, такъ мнѣ и въ Вѣнѣ нельзя будетъ пожить. Въ Вѣнѣ!... Ахъ, Владиміръ!... Неужели и ты перемѣнился?... Вотъ ужь два мѣсяца ни одного письма. (Задумывается). Эй!... человекъ!...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Вельская и Яковъ.

Яковъ. Чего изволите?

Вельская. Съ почты не было писемъ?

Яковъ. Почталіонъ принесъ одно письмо къ барину. — Я положилъ его на столъ въ кабинетъ.

Вельская. А изъ чужихъ краевъ письма на имя Шарлоты Карловны не было?

Яковъ. Никакъ нѣтъ-съ! письмо-то къ барину, кажется, изъ Костромской вотчины, сударыня.

Вельская. Изъ Воропановки?... такъ что жъ?

Яковъ. И на кувертѣ написано: «о нужномъ».

Вельская. Хорошо, хорошо, ступай! (*Яковъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Вельская (*одна*).

Шесть писемъ безъ отвѣта!... О, вѣрно онъ боленъ, или уѣхалъ изъ Вѣны... А если онъ... Боже мой!... что тогда?.. У него мои письма... мой портретъ!... Ахъ, какъ мы всѣ женщины легковѣрны, неосторожны!.. Да!... наше свиданіе необходимо... Другъ ли онъ мой, или врагъ—все равно—я должна съ нимъ увидѣться: отъ этого зависитъ все мое спокойствіе...

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Вельская и Вельскій.

Вельская. А! Иванъ Тихонычъ, ты пріѣхалъ?

Вельскій (*кладя на столъ шляпу*). Фу, батюшки!... насилу добрался до дому!

Вельская. Гдѣ ты былъ, мой другъ?

Вельскій. Мало ли гдѣ! Я поль-Москвы объѣздилъ.

Въ Опекунскомъ Совѣтѣ получалъ деньги, подорожную бралъ...

Вельская. Зачѣмъ?

Вельскій. Какъ зачѣмъ?... Да если мы сегодня успѣемъ уложиться, такъ завтра въ походъ.

Вельская. Куда?

Вельскій. Ахъ, Марья Алексѣевна!... ты шутишь что-ль?

Вельская. Нѣтъ, не шучу.

Вельскій. Такъ чтожъ ты спрашиваешь!... Ну, разумѣется, мы ѣдемъ въ Петербургъ, тамъ публикуемъ о себѣ въ газетахъ и отправимся за границу.

Вельская. На четыре мѣсяца?...

Вельскій. Ну, да! вѣдь это ужъ кажется дѣло рѣшеное.

Вельская. Нѣтъ, Иванъ Тихонычъ, я передумала.

Вельскій. Передумала?

Вельская. Да, ѣхать за границу на четыре мѣсяца, это людей только насмѣшить. Вотъ, другое дѣло, отправиться въ чужіе края года на два, или на три.

Вельскій. На три года!... помилуй, матушка!... Подъ силу-ли намъ дѣлать такіе расходы?... Ты сама знаешь наше состояніе...

Вельская. То есть ваше, Иванъ Тихонычъ, — у меня состоянія нѣтъ.

Вельскій. Эхъ, Марья Алексѣевна!

Вельская. Чтожъ дѣлать? Когда вамъ не угодно меня этимъ утѣшить, такъ я останусь въ Москвѣ, или, если прикажете, поѣду въ вашу Костромскую деревню. Вѣдь умирать отъ скуки все равно, что въ Москвѣ, что въ Костромѣ.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Шарлота Карловна.

Шарлота Карловна. Марья Алексѣевна! Мамсель Олька Ифановна нато рисофальная утшитель са тесять пидеть тенька платить.

Вельская. Хорошо, сейчасъ.

Вельскій. Послушай, мой другъ, я принесу всѣ бу-

маги и сочту при тебѣ, сколько у насъ будетъ доходу въ нынѣшнемъ году. Посмотри сама, Марья Алексѣевна!

Вельская. Помилуйте!... Зачѣмъ это?... Ужь я вамъ сказала, что на четыре мѣсяца не поѣду за границу.

Шарлота Карловна. Што, што фи кафарить?...

Вельская. Я говорю, что мы не поѣдемъ за границу.

Шарлота Карловна. Не поѣдемъ за границу?

Вельская. Нѣтъ.

Шарлота Карловна. Ахъ, майнъ Готъ, майнъ Готъ.

Вельская. Пойдите, Шарлота Карловна! *(Уходятъ нальво отъ зрителей)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Вельскій *(одинъ)*.

Ну, вотъ и разгнѣвались!... Да что это нашимъ барынямъ дались эти чужіе края... Словно эпидемія какаѣ!... Такъ всѣ туда и рвутся!... Ну, пускай себѣ люди знатные и богатые живутъ по цѣлымъ годамъ за границую, имъ деньги-то дѣвать некуда... такъ нѣтъ!... и мы, ординарные дворяне, туда же за ними тянемся, а какъ вытянемся въ нитку, да придется зубы-то на полку положить, такъ небось тогда и чужіе края не взмилуются!... Эка глупость, подумаешь, эка глупость!... А дѣлать-то нечего; пойду, принесу мои счета, пусть жена сама посмотреть, великъли нашъ доходъ. *(Уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная комната въ домѣ Вельскихъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вельскій, Вельская и Шарлота Карловна.

(Вельскій сидитъ за столомъ, подлѣ него счеты и разныя бумаги. Вельская недалеко отъ него читаетъ про себя газеты. На 2-мъ планѣ Шарлота Карловна сидитъ на стулѣ и вяжетъ чулокъ).

Вельская *(перелистывая газеты)*. А, вотъ, наконецъ!... «Отъѣзжающіе за границу»... какое множество!... И это еще въ одной Москвѣ!... Чтожъ должно быть въ Петербургѣ! *(читаетъ)*: «князь Павелъ Николаевичъ Насѣдкинъ съ супругою княгинею Еленою Дмитріевною, съ малолѣтнею дочерью княжною Екатериною, съ находящимся при нихъ австрійскимъ подданнымъ Готлибомъ Вурманомъ, московской мѣщанкою Аксиньей Ивановою Подликиною и крѣпостной дворовой дѣвкою Афимьей Сыромятниковой... Въ Италію—надворный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Росомахинъ.—Во Францію,—полковница Скалозубова съ двумя дочерьми... Въ Карлсбадъ....» Боже мой! что это? Иванъ Тихоновичъ! Посмотри.

Вельскій. Что такое, матушка?

Вельская. Нѣтъ, ужь это, право, досадно!... Послушай! «Въ Карлсбадъ: коллежскій ассесоръ, Артемій Николаевичъ Сусликовъ съ женою Авдотьею Никифоровною и двумя малолѣтними дочерьми, Софьей и Надеждою...»

Вельскій. Такъ чтожъ, мой другъ?

Вельская. Какъ что?... Всего заложенныхъ двѣсти душъ, въ Москвѣ жить нечѣмъ, а ѣдутъ за границу.

Вельскій. И, матушка! какое намъ до этого дѣло?... У всякаго свой умъ въ головѣ.

Вельская. Нѣтъ! ужъ это ни на что не походить!... Горины уѣхали за границу, Шестунова другой годъ въ Итали... Княгиня Луцкая живетъ безвыѣздно въ Парижѣ... Запѣваловы отправились въ Швейцарію, и даже Сусликовы, которымъ перекусить нечего, и тѣ ѣдутъ въ Карлсбадъ, а мы живемъ въ Москвѣ... У насъ... то есть у васъ, Иванъ Тихонычъ, состояніе прекрасное, восемьсотъ душъ, семейство небольшое...

Вельскій. Конечно, одна только дочь; но вѣдь ее надобно замужъ выдать; да если Богъ дастъ внучатъ, такъ и имъ кусокъ хлѣба оставить.

Вельская. Прежде надобно подумать о ея воспитаніи, Иванъ Тихонычъ, а гдѣ можно лучше образовать дѣвицу, какъ не въ чужихъ краяхъ.

Вельскій. Ну, Богъ знаетъ, матушка; видалъ я русскихъ барышень: иная дома-то была и туда и сюда, все-таки хоть прилично себя держала, а вернулась изъ Парижа, такъ Господи Боже мой! Что за манеры такіе!

Вельская. И, полноте, Иванъ Тихонычъ!... Ужъ если вы чего не понимаете, такъ лучше-бы о томъ и не говорили!... Да знаете-ли вы, что такое хорошія манеры?...

Вельскій. Знавалъ въ старину, матушка!

Вельская. Вотъ то-то и есть, что въ старину! Теперь надъ вашими старинными манерами всѣ смѣются. Посмотрите, какъ воспитываютъ дѣвицъ за границею, какъ онѣ милы, свободны въ обращеніи, какъ образованы...

Вельскій. Да помилуй, Марья Алексѣевна, кажется и я ничего не жалѣю для воспитанія моей дочери; но воля твоя, надобно подумать и о томъ, чтобъ ей не пришлось съ ея воспитаніемъ идти куда-нибудь въ гувернантки.

Вельская. Ахъ, Иванъ Тихонычъ, какъ вы странны! Да неужели нельзя побывать за границею, не разстроивъ своего состоянія?

Вельскій. Можно-то, можно... да видишь, у тебя зятѣи какія. Вотъ ты не хочешь ѣхать за границу на четыре мѣсяца, а все наровишь прожить тамъ года два, или три.

Вельская. Другіе живутъ и дольше. Ну, что за радость отправится въ чужіе края на четыре мѣсяца? Не уснѣешь пріѣхать и ступай назадъ. Да по моему лучше вовсе не ѣздить.

Вельскій. А вотъ послушай, Марья Алексѣевна: я при тебѣ считалъ всѣ наши доходы; у насъ будетъ всего тридцать двѣ тысячи рублей. Казеннаго долгу на насъ было семьдесятъ тысячъ, да теперь я занялъ шестьдесятъ. Изъ нихъ я оставлю здѣсь для уплаты частныхъ долговъ тридцать тысячъ. Въ опекунскій совѣтъ намъ должно будетъ внести процентовъ и капиталу семь тысячъ восемьсотъ рублей, слѣдовательно, въ нынѣшнемъ 1832 году, чистаго дохода будетъ у насъ двадцать четыре тысячи двѣсти рублей ассигнаціями, да и то если намъ сполна заплатятъ весь оброкъ и мы продадимъ рожь не дешевле десяти рублей за четверть.

Вельская. Десяти рублей? Помилуй, Иванъ Тихонычъ!... Ужь на что было хуже прошлаго года—не знали куда съ хлѣбомъ дѣваться, а все-таки продали по девяти рублей четверть. А теперь слухи хороше, говорятъ, что во всѣхъ степныхъ губерніяхъ неурожай.

Вельскій. Нѣтъ, Марья Алексѣевна, въ Тамбовской только всходы были плохіе, да и тѣ, Богъ милостивъ, поправятся.

Вельская. Ну, очень хорошо!... Положимъ, что у насъ будетъ въ нынѣшнемъ году всего двадцать четыре тысячи рублей въ годъ доходу, и въ будущемъ не больше этого... Такъ чтожь? Прибавь къ нимъ тридцать тысячъ, которыя останутся у тебя отъ уплаты частныхъ долговъ, этимъ, кажется, можно будетъ прожить два года за границею, тамъ же все несравненно дешевле здѣшняго.

Вельскій. Дешевле, не дешевле, матушка, а говорятъ, что тамъ живутъ-то потѣснѣе нашего. Да это еще ничего: первый годъ мы проживемъ кое-какъ, а второй-то?...

Вельская. Второй будемъ жить новыми доходами.

Вельскій. А если новыхъ-то доходовъ не будетъ?

Вельская. Это почему?

Вельскій. Да потому, матушка, что заглазное дѣло—бѣда! Коли помѣщикъ не станетъ самъ заниматься хозяйствомъ, такъ его, какъ липку, облупятъ. Приказчикъ и староста начнутъ воровать, уборка хлѣба будетъ плохая, умолотъ бѣдный, продажа дешевая. Оброчные также станутъ утягивать, не доплачивать, до барина, дескать, да-леко, онъ за моремъ!... А баринъ сиди себѣ на чужой сторонѣ, да въ кулакъ и посвистывай!

Вельская. Все это, мой другъ, одни предположенія.

Я увѣрена, что хозяйство и безъ насъ пойдетъ прекрасно. Нашъ приказчикъ Терентій, человекъ усердный, честный...

Вельскій. Кто говорить: Терентій, конечно, золотой человекъ, и кажется на него можно-бы положиться...

Вельская. Ну, такъ чтожь?

Вельскій. Да все какъ-то страшно, матушка. Мало-ли что можетъ случиться. Теперь что? взялъ почтовыхъ, да на другіе сутки и пріѣхаль въ Воропановку, а поди-ка изъ чужихъ краевъ скоро прискачешь въ Костромскую губернію?

Вельская. Ахъ, мой другъ! Да зачѣмъ придумывать все дурное. И что такое два, или три года? Не успѣешь оглянуться, они и прошли! Послушай, душенька, Ваничка! Да полно, мой другъ!... Перестань!... Не упрямясь!... Неужели ты меньше любишь свою жену, чѣмъ этотъ Сусликовъ?... И добро бы у него жена-то была добрая... а то вѣтрица, капризная!... А онъ все-таки везетъ ее за границу и ужъ подлинно съ грѣхомъ пополамъ!... Чай, душъ сто продалъ!... Ну, подумай, Иванъ Тихонычъ! За что ты хочешь, что-бъ я краснѣла даже передъ этой ничтожной Сусликовой?... Ты знаешь, я съ ума схожу на чужихъ краяхъ... Эта мысль преслѣдуетъ меня и днемъ и ночью... Другъ мой!... Жизнечекъ!... Душечка!... Докажи передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ты меня любишь! Поѣдемъ за границу!

Вельскій. Что будешь съ тобой дѣлать?... Я вижу, тебя ничѣмъ не урезонишь...

Вельская. Такъ мы ѣдемъ?... *(бросается къ нему на шею)*. Ваничка!... Голубчикъ мой!... Ахъ, какъ я рада!... Ну, чтожь?... На три года?

Вельскій. На три года?... Помилуй!

Вельская. Ну, хорошо, хорошо, на два!

Вельскій. Матушка! Нельзя-ли на одинъ.

Вельская *(съ нетерпѣніемъ)*. Ахъ, Иванъ Тихонычъ! Вы опять за то-же!

Вельскій. Какъ за то-же! У насъ все рѣчь шла о четырехъ мѣсяцахъ.

Вельская. Четыре мѣсяца и одинъ годъ, развѣ это не все равно? Мы и въ два года всего не осмотримъ. Вотъ Хопрова нѣсколько разъ была за границею, и всякій разъ жила тамъ года по три...

Вельскій. Охъ, эта мнѣ Степанида Никитишна (*показывая рукою на свою маковку*). Вотъ ужь она гдѣ у меня!

Вельская. Такъ, такъ!... Вы, Иванъ Тихонычъ, всегда ненавидите моихъ друзей.

Вельскій. Нѣтъ, матушка, люблю, люблю!

Вельская. Ужъ, видно, такая моя участь!

Вельскій. Ну, полно, не гнѣвайся! Ыдемъ на два года.

Вельская. Такъ это рѣшено?

Вельскій. Рѣшено.

Вельская. Ну, то-то-же; смотри, мой другъ!

Вельскій. А когда мы ѣдемъ?

Вельская. Да хоть завтра! Мы сегодня все уложимъ.

Вельскій. Пожалуй, по мнѣ все равно. Мы ѣдемъ трое: ты, я и Оленька. А кого-жъ мы беремъ изъ людей.

Вельская. Ты привыкъ къ Якову—возьми его. Можно также взять и Федьку, а я возьму Матрену, и для компаніи Шарлоту Карловну.

Вельскій. Эту глухую нѣмку?

Вельская. Что ты, что ты!... Шарлота Карловна здѣсь!...

Вельскій. Не бойся, не услышитъ. Ну, скажи, Марья Алексѣевна, на что она тебѣ?

Вельская. Какъ, на что? я говорю по-нѣмецки плохо, ты вовсе не говоришь, такъ Шарлота Карловна очень намъ пригодится.

Вельскій. Конечно. Только воля твоя, надоѣсть намъ эта нѣмка.

Вельская. Что ты, мой другъ! Шарлота Карловна такая добрая!

Вельскій. Добра-то, добра, да только больно неукладиста; посадишь ее въ каретъ на передъ, такъ дурно дѣлается; ямщикъ затянетъ пѣсню—у нея тоска; трубку закуришь—ей тошно; остановишься въ трактирѣ—народу много; въ крестьянской избѣ—тараканы заѣли. Помнишь, матушка, какъ мы съ нею маялись, когда ѣздили въ Воронежъ?

Вельская. И, мой другъ! да вѣдь теперь мы не въ Воронежъ ѣдемъ. За границею совсѣмъ не то, тамъ всѣ удобства; тамъ и Шарлотъ Карловнѣ не на что будетъ жаловаться. А какъ мы поѣдемъ, Иванъ Тихонычъ, водою, или сухимъ путемъ?...

Вельскій. Нѣтъ, ужь сдѣлай милость, не водою. Я до морскихъ путешествій не охотникъ, матушка.

Вельская. А вѣдь это дешевле и спокойнѣе.

Вельскій. Оно такъ, Марья Алексѣевна, да вотъ изволишь видѣть: вода-то больно жидка.

Вельская. И чего ты боишься? Мы поѣдемъ изъ Петербурга на пироскапѣ.

Вельскій. Сирѣчь, на пароходѣ?... Покорнѣйше благодарю! Не утонешь, такъ тебя на воздухъ взорветъ!

Вельская. Ну, объ этомъ мы поговоримъ послѣ. А въ Петербургъ-то какъ мы поѣдемъ?

Вельскій. Въ нашей черверомѣстной каретѣ: она и легка и помѣстительна.

Вельская. Только сдѣлай милость, Ваничка, не бери ничего съ собою, лишь бы доѣхать до границы, а тамъ у насъ все будетъ.

Вельскій. Нельзя-же, матушка, не взять шкатулку, погребець, платье...

Вельская. Ну, пожалуй себѣ, бери, а я все здѣсь брошу.

Вельскій. Да вѣдь это, мой другъ, лишній расходъ.

Вельская. Ужъ какъ ты хочешь, а нашего русскаго тряпья и драни за границу не повезу. (*Входитъ слуга*).

Слуга. Авдотья Никифоровна Сусликова.

Вельскій. Скажи, что нѣтъ дома.

Вельская. Нѣтъ, нѣтъ, проси! (*Слуга уходитъ*). Знаешь-ли, зачѣмъ пожаловала къ намъ Сусликова?

Вельскій. Съ визитомъ, матушка.

Вельская. О, нѣтъ! Она ѣдетъ за границу, такъ хочеть почваниться передо мною, подразнить меня.

Вельскій. И, что ты, Марья Алексѣевна?

Вельская. Увѣряю тебя!... Она теперь начнетъ разѣзжать по всей Москвѣ, станетъ всѣмъ колоть глаза своимъ Карлсбадомъ... Да вотъ погоди! Я спѣси-то ея побавлю.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-жѣ и Сусликова.

Вельская (*идя къ ней навстрѣчу*). Авдотья Никифоровна!

Сусликова. Здравствуйте, Марья Алексѣвна! (*Цѣлуются*). Иванъ Тихонычъ! Какъ ваше здоровье?

Вельскій Слава Богу, сударыня, слава Богу! Прошу покорно садиться! (*Садятся*).

Сусликова Я пріѣхала проститься съ вами, Марья Алексѣвна!

Вельская. Проститься? Куда-жъ вы ѣдете? Вѣрно въ вашу Тамбовскую деревню?

Сусликова. Нѣтъ, Марья Алексѣвна, за границу!

Вельская (*очень холодно*). Право? А куда-жъ вы ѣдете за границу?

Сусликова. Въ Карлсбадъ.

Вельская. Чтожъ, это хорошо. Вы будете пить воды?

Сусликова. Да!... Можетъ быть одинъ курсъ.

Вельская. А потомъ?

Сусликова. Потомъ заѣдемъ на нѣсколько дней въ Дрезденъ; если успѣемъ, посмотримъ Саксонскую Швейцарію, а тамъ назадъ въ Москву.

Вельская. Такъ вы надолго изъ Москвы уѣзжаете?

Сусликова. Мѣсяца на три!

Вельская. Только-то!... Конечно, для того, чтобъ побывать въ Карлсбадѣ, да взглянуть на Дрезденъ, больше времени и не надобно... Знаете-ли что, Авдотья Никифоровна... вѣдь мы можемъ тамъ съ вами повстрѣчаться.

Сусликова. Какъ? такъ и вы ѣдете въ Карлсбадъ?

Вельская. Нѣтъ, въ Карлсбадѣ мы будемъ только проѣздомъ. Да если правду сказать, что тамъ и дѣлать? Эти Карлсбадскія воды сдѣлались такъ пошлы. Ну, право, по мнѣ все равно, что нашъ Липецкъ, что этотъ Карлсбадъ и, еслибъ мнѣ нужно было лѣчиться водами, такъ ужъ конечно я охотнѣе бы поѣхала на Кавказъ.

Сусликова. Ахъ, что вы, Марья Алексѣвна, помилуйте!

Вельская. Право! Тамъ, по крайней мѣрѣ, другая природа, другой міръ... а что такое Карлсбадъ? Ну, скажите сами: кто не былъ въ этомъ Карлсбадѣ? Да знаете-ли, ма-шеръ, что въ Петербургѣ, между порядочными людьми, поѣздка въ Карлсбадъ не считается даже путешествіемъ за границу.

Сусликова (*съ примѣтной досадой*). Ну, нѣтъ, Марья Алексѣвна, извините... вѣдь съѣздить въ Карлсбадъ не то, что съѣздить въ Воронежъ или Пензу.

Вельская. Почти то-же.

Сусликова. Да позвольте спросить: вы-то куда изволите уѣхать?

Вельская. Сначала въ Германію, на берега Рейна, тамъ въ Швейцарію, оттуда въ Верхнюю Италію на Лаго Маджіоре, въ Венецію... О, тамъ мы непремѣнно будемъ!... Потомъ на зиму въ Римъ, а будущей весною...

Сусликова. Назадъ въ Россію?

Вельская. О, нѣтъ!... Стоить-ли того, чтобъ ѣхать на одинъ годъ за границу!... Изъ Италіи мы проѣдемъ въ Парижъ...

Сусликова. Вотъ что! И долго тамъ проживете?

Вельская. До самой зимы.

Сусликова. А потомъ?

Вельская. Опять въ Италію; поживемъ въ Неаполѣ, а тамъ можетъ быть поѣдемъ въ Палермо... Представьте себѣ, Авдотья Никифоровна: въ то время, какъ вы будете здѣсь жить по уши въ снѣгу, мы станемъ прогуливаться подъ тѣнью померанцевыхъ деревьевъ!... Ахъ, ма-шеръ, ужъ то-то я вамъ поразкажу, когда мы воротимся!...

Сусликова. Покорнѣйше васъ благодарю, а мы послушаемъ, если доживемъ до этого.

Вельская. И полноте, что вы? Мы года черезъ три, или четыре непремѣнно вернемся.

Сусликова. Черезъ четыре года? Ну, помогай вамъ Богъ, Марья Алексѣевна! Прожить четыре года за границею не бездѣлица!...

Вельская. Да, конечно! Иному нельзя и году прожить за границею; но съ такимъ состояніемъ, какъ наше...

Сусликова (*съ насмѣшливой улыбкой*). Разумѣется! большому кораблю большое и плаванье... Вѣдь у васъ, кажется, тысячи три душъ...

Вельская. Ну, хоть и не три тысячи, однакожъ и не двѣсти...

Сусликова. Вамъ бросить сто тысячъ ничего не значить.

Вельская. И этого сказать нельзя... Впрочемъ, конечно, сто тысячъ насъ не разорятъ. Вотъ еслибъ у насъ было восемь или десять тысячъ въ годъ доходу, такъ мы-бы, можетъ быть, сѣздили также, какъ вы, въ Дрезденъ, въ Карлсбадъ, въ Ревель, или въ Одессу, а ужъ конечно-бы за границу не поѣхали.

Сусликова. Ахъ, Боже мой! Да развѣ Дрезденъ и Карлсбадъ—Россія, Марья Алексѣевна?

Вельская. Чтожъ дѣлать, Авдотья Никифоровна, ужь если это такъ принято...

Сусликова. Да помилуйте! Если Дрезденъ не чужіе края, такъ по этому и Римъ и Парижъ...

Вельская. О, это другое дѣло! это ужь не прогулка, а путешествіе; тутъ нужны и время и способы, а что такое ваша Саксонія? Да знаете-ли, Авдотья Никифоровна, что туда наши русскіе мужички съ обозами ходятъ.

Сусликова (*начиная терять терпѣніе*). Нѣтъ, это ужь слишкомъ.

Вельская. Да что тутъ страннаго? Взгляните на карту, далеко-ли отъ нашей границы и Дрезденъ и Карлсбадъ? Рукой подать!

Сусликова. Длинна немножко рука будетъ, Марья Алексѣевна! (*Встаетъ*).

Вельская. Что вы это, Авдотья Никифоровна? Вы ужь ѣдете?

Сусликова. Извините!... Мнѣ еще много надобно дѣлать визитовъ. Хоть мы ѣдемъ съ мужемъ и не за границу, а только хоть въ Карлсбадъ и Дрезденъ, а нельзя же не проститься со всѣми знакомыми... Да не безпокойтесь... сдѣлайте милость...

Вельская. Я съ вами не прощаюсь, мы увидимся на водахъ.

Сусликова. Почему знать, можетъ быть вы тамъ и дня не пробудете.

Вельская. Все равно; ужь я васъ отыщу.

Сусликова. Какъ вы добры, Марья Алексѣевна!... Прощайте!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, кромѣ Сусликовой.

Вельскій. Эхъ, матушка! Бога ты не боишься!... Какъ ты свою гостью-то отдѣлала.

Вельская. А ты замѣтилъ?

Вельскій. Какъ-же!... Ее начинало ужь подергивать... Я того и глядѣлъ, что съ ней дурнота сдѣлается.

Вельская. Пускай себя!... Видишь, шиканерка какая?... Прискакала объявить, что ѣдет за границу?... Думала, что я такъ и ахну!... Что у меня желчь разольется.

Вельскій. И, нѣтъ, матушка!... Чай хотѣлось такъ похвастаться.

Вельская. Нѣтъ, мой другъ! Ты ее знаешь. Повѣрь мнѣ, она, отправляясь къ намъ, думала: «ужь какъ же я разогорчу Марью Алексѣвну!... Она начнетъ приставать къ мужу, чтобъ онъ везъ ее также въ чужіе края, онъ не согласится, они поссорятся»...

Вельскій. Да чтожь ей отъ этого за радость?

Вельская. Такой ужь скверный характеръ, мой другъ!

Вельскій. А что, Марья Алексѣвна, скажи правду!.. Вѣдь ты въ съ самомъ дѣлѣ поссорилась-бы со мною, если-бъ я сталъ упираться?

Вельская. Ахъ, Ваничка! и тебѣ не грѣхъ говорить такія слова? Да развѣ есть что-нибудь въ мірѣ, за что-бы я могла съ тобою поссориться. Развѣ я не дѣлаю все, что тебѣ угодно?

Вельскій. Кто говоритъ, мой другъ! Я на мою судьбу не жалеюсь, особенно, какъ подумаю, что могъ-бы жениться на какой-нибудь Степанидѣ Никитишнѣ Хопровой.

Вельская. Опять Хопрова!.. Да что тебѣ сдѣлала моя бѣдная Стефани!

Вельскій. Ничего, ничего, матушка! Это такъ къ слову пришло. Однакожь, знаешь-ли что, ты напрасно сказала Сусликовой, что мы ѣдемъ на долго въ чужіе края, она теперь всѣмъ начнетъ рассказывать...

Вельская. Пускай себя.

Вельскій. Эхъ, Марья Алексѣвна! Да вѣдь она скажетъ объ этомъ и нашей бригадиршѣ, тетущкѣ Маргаритѣ Саввишнѣ и дядюшкѣ князю Пармену Кирилловичу и сестрицѣ его княжнѣ Еленѣ Кирилловнѣ...

Вельская. Такъ чтожь?

Вельскій. Какъ что? Ты знаешь, что она не очень похваливаетъ тѣхъ, которые живутъ за границею. Вотъ увидишь: всѣ къ намъ налетятъ; начнутъ тебѣ читать мораль...

Вельская. А я стану зѣвать.

Вельскій. То-то и дѣло, что не станешь, особливо, когда примется тебя журить Маргарита Саввишна.

Вельская. Журить? вотъ мило! Да развѣ я у нее подь опекою?...

Вельскій. У нее, матушка, вся Москва подь опекою. Вотъ въ старину, при покойномъ ея мужѣ, не то было .. голосу бывало не подасть, а теперь, съ тѣхъ поръ какъ онъ, сердечный, убился на псовой охотѣ, такъ она такую волю взяла, что съ нею ужъ никто и спорить не смѣеть. Вотъ ужъ лѣтъ 15 какъ она судить и рядить всю Москву, и надобно сказать правду: умная старуха! Да вѣдь ты ее не слушаешься?

Вельская. Послушаться ее?... Ахъ, мой другъ! Да неужели ты не видишь, что она вовсе изъ ума выжила!...

Вельскій. Ну, вотъ изволишь видѣть!... Наша бригадирша не любитъ, чтобы ей противорѣчили, и князь Пармень Кирилловичъ до этого не охотникъ. Княжна Елена Кирилловна также любитъ уму-разуму поучить, а ты не очень терпѣлива, мой ангелъ, за словомъ въ карманъ не пойдешь, такъ чтожъ хорошаго? Вѣдь грустно будетъ, коли мы передъ отъѣздомъ поссоримся со всѣми родными. Послушай, мой другъ, если они къ намъ пріѣдутъ, такъ ты скажи, что Сусликова вздоръ говорила. Что мы отправляемся въ Петербургъ, а тамъ, можетъ быть, съѣдимъ прогуляться мѣсяца на два за границу!

Вельская. Нѣтъ, Иванъ Тихонычъ! Я подличать передъ ними не намѣрена; что въ самомъ дѣлѣ? Иль мы съ тобой не вправѣ дѣлать все, что намъ угодно?

Вельскій. Ну, какъ хочешь, матушка!.. А право-бы лучше помолчать (*смотритъ часы*). Ого! скоро два часа!.. Прощай, Марья Алексѣевна!

Вельская. Куда ты?

Вельскій. Да если мы завтра ѣдемъ, такъ мнѣ нужно кой-чѣмъ запастись на дорогу.

Вельская. Ахъ, Ваничка! Я ужъ тебя просила не брать ничего съ собою за границу.

Вельскій. Не бойся, мой другъ! То, что я куплю, до границы не доѣдетъ, все съѣдимъ и выпьемъ дорогою.

Вельская. Ну, ступай, Иванъ Тихонычъ! только, пожалуйста, вернись скорѣе!

Вельскій. Къ тремъ часамъ непременно буду! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вельская и Шарлота Карловна.

Вельская. Шарлота Карловна!... Шарлота Карловна!...

Шарлота Карловна *(встает и подходит к ней)*. Васъ белибенъ-зи? Што фамъ уютно?

Вельская. Мы ѣдемъ завтра за границу.

Шарлота Карловна. Снаю, снаю. Фи не поѣкаль са кранись.

Вельская *(громко)*. Нѣтъ, Шарлота Карловна, мы завтра ѣдемъ за границу.

Шарлота Карловна. Што? сафтре?... Нахъ Вине?... Истъ тасъ меглихъ?

Вельская. И знаете-ли, на сколько?... На два года!

Шарлота Карловна. На тѣа ката?... Фотъ это карашо, очень карашо!

Вельская. И на Рейнѣ будемъ.

Шарлота Карловна. Нахъ маине фатерландъ!... О, прекрасна, очень прекрасна!

Вельская. Смотрите-же, чтобъ у васъ все было уложено.

Шарлота Карловна. Фсе путить каточъ!

Вельская. Да надобно сказать и Ольгѣ Ивановнѣ... А кстати вонъ она!...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Оленька.

Вельская. Если вамъ нужно что-нибудь укладывать, Ольга Ивановна, такъ займитесь сегодня, мы завтра ѣдемъ.

Оленька. Какъ завтра?

Вельская. Да, завтра поутру.

Оленька. Поутру?

Вельская. Часовъ въ десять. Теперь мы поѣдемъ въ Петербургъ, а оттуда за границу.

Оленька. За границу?

Вельская. Да чтожъ вы все повторяете мои слова?...

Ну, да, за границу! я думаю, вы этимъ должны быть довольны, Ольга Ивановна! въ ваши года не многимъ удавалось объѣхать почти всю Европу.

Оленька. Какъ, Марья Алексѣевна, такъ мы ѣдемъ?

Вельская. Сначала въ Германію, а тамъ въ Парижъ, въ Италію...

Оленька. Да сколько-же времени мы проѣздимъ?

Вельская. Мы ѣдемъ на два года. Ну, чтожь вы на меня такъ смотрите? Конечно, этого мало, но почему знать, если обстоятельства позволяютъ, такъ мы и дольше проживемъ въ чужихъ краяхъ! Да сдѣлайте милость, Ольга Ивановна, не берите съ собой ничего лишняго, вѣдь мы ѣдемъ не въ Кострому, за границею все можно найти.

Оленька (*уходя*). Ахъ, Боже мой! Боже мой!... А я надѣялась!...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, кромѣ Оленьки.

Вельская (*одна, звонитъ въ колокольчикъ*). Ахъ, поздно я объ этомъ подумала!... Нанять-бы лучше одного нѣмца, или француза, а съ нашими людьми — бѣда! Дѣвтяи, пьяницы! Вотъ Яковъ и не пьетъ, а что отъ этого лучше?... Грубіянь, неряха, взглянуть гадко!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Вельская и Яковъ.

Яковъ. Чего изволите!

Вельская. Господи Боже мой! Что за рожа такая? Ну! какъ эту чучелу показать въ чужихъ краяхъ?... Не стыдно-ли тебѣ, Яковъ? Посмотри на себя: на что тыходишь?... Запачканный, нечесанный, небритый...

Яковъ. Да когда мнѣ бриться-то, сударыня?... Я съ утра до вечера рукъ не покладываю—и барина одѣвай, и прибирай комнаты, и на побѣгушкахъ-то все я, да я.

Вельскій. А другіе-то люди что дѣлають?

Яковъ. Мало-ли что! Андрей ъздитъ за вами, за каретою, такъ его одна заря вгонитъ, а другая выгонитъ. Потапа вы изволите съ записочками разсылать, а остальные-то по кабакамъ шатаются, въ трактирахъ чаекъ попиваютъ, да даромъ барскій хлѣбъ ѣдятъ: дѣла довольны, сударыня.

Вельская. Ты только-что жалуешься, а тебѣ-бы должно присмотрѣть за ними; вѣдь ты считаешься у насъ старшимъ человѣкомъ въ домѣ.

Яковъ. Кто, я-съ?... Да хуже всякаго Кондрашки!... Да меня послѣдній чумичка въ грошъ не ставитъ.

Вельская. Ну, можетъ-ли это быть?... Тебѣ и баринъ приказывалъ смотрѣть за людьми...

Яковъ. Нѣтъ, ужъ увольте, сударыня! Я лучше самъ къ нимъ въ команду пойду; я человѣкъ смирный, гдѣ мнѣ съ этой вольницей справиться. Мнѣ и теперь отъ нихъ житье-то коротенькое — поѣдомъ ѣдятъ!... «наушникъ, дескать, этакой, не пьеть вмѣстѣ съ нами!»

Вельская. Что тебѣ смотрѣть на это.

Яковъ. Да чтожъ, помилуйте!... живота что-ль мнѣ лишиться? Я и такъ человѣкъ потерянный, стою на краю свирѣпой пропасти.

Вельская. Ну! пошелъ врать!

Яковъ. Да власть ваша! Извольте меня хоть куда угодно, а я за этихъ пострѣловъ не отвѣтчикъ! Я знаю только одно: «живъ Богъ, жива душа моя!»

Вельская. О, дуракъ! пошелъ вонъ!... Иль нѣтъ, постой!... мы завтра поутру ѣдемъ въ дорогу, слышишь?

Яковъ. Слушаю-съ.

Вельская. Потапъ остается здѣсь. Андрея и Митьку мы отправимъ въ Воропановку, а тебя и Федьку беремъ съ собою; ну, слышишь?

Яковъ. Слушаю-съ.

Вельская. Ступай, да скажи, чтобы всѣмъ отказывали, кромѣ Степаниды Никитишны Хопровой, слышишь?

Яковъ. Слушаю-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Вельская *(одна)*.

Что это за мука съ этими людьми?... Ахъ, Боже мой!... И что у насъ за народъ такой?... Грубияны, неряхи, пьяницы... А дѣлать нечего, вези этихъ уродовъ за границу... *(Уходитъ направо отъ зрителей)*.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната 2-го дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Вельская *(входитъ съ лѣвой стороны отъ зрителей)*.

Третій часъ, а Стефани все еще не ѣдетъ... Какъ она обрадуется, когда узнаетъ, что дѣло кончено, и мы завтра отправляемся за границу... Вотъ кажется кто-то прѣѣхалъ, вѣрно она!...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Вельская и Яковъ.

Яковъ. Князь Пармень Кириллычъ, сударыня!

Вельская. Дядюшка? Скажи, что дома нѣтъ

Яковъ. Его сіятельство изволить говорить «крайняя, дескать, нужда».

Вельская. О, Боже мой! Скажи, что я не могу принять, что я больна—лежу въ постели... пошелъ!

Яковъ. Слушаю-съ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Вельская (одна).

Ну, такъ и есть! Иванъ Тихонычъ сказалъ правду. Отъ этихъ дядюшекъ и тетюшекъ мнѣ житья не будетъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вельская и Матрена.

Вельская. Что ты?

Матрена. Прикажете укладывать блондовое платье?

Вельская. Нѣтъ, не надобно.

Матрена. А соболи?

Вельская. Ну, это дѣло другое—уложи! Вотъ одно, что мы русскіе можемъ везти за границу... Да и то, если правду сказать, что я буду съ ними дѣлать въ Италиі? Развѣ показывать, какъ рѣдкость?. Не забудь также уложить обѣ турецкія шали: черную и бѣлую.

Матрена. А голубую?

Вельская. О, нѣтъ, зачѣмъ! эти шали буръ-де-суа заграницею ни почемъ... Кто ихъ тамъ не носить?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Яковъ.

Яковъ. Маргарита Саввишна!

Вельская. Тетушка?... Господи Боже мой! Вѣдь тебѣ сказано, чтобъ ты всѣмъ отказывалъ.

Яковъ. Я докладывалъ, что васъ нѣтъ дома.

Вельская. Такъ чтожъ?

Яковъ. Не изволить вѣрить, вышла изъ кареты.

Вельская. Пошелъ, скажи, что меня точно нѣтъ дома.

Яковъ. Да помилуйте! чтожъ мнѣ, образъ что-ль со стѣны снимать?

Вельская. О, грубіянь! .. дуракъ!... Ахъ, Боже мой! Да вотъ, кажется, и она!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВЕЛЬСКАЯ И МАРГАРИТА САВВИШНА ЗАКАМСКАЯ.
(*Яковъ и Матрена уходятъ*).

Закамская. Что это, Марья Алексѣевна! Ты ужь и родныхъ не хочешь принимать.

Вельская. Ахъ, тетушка! извините... Это все люди напутали... Такіе скоты, что не приведи Господи!... Какъ это можно!... Для васъ я всегда дома... Прошу покорно садиться!

Закамская (*опускается въ кресло*). Фу, батюшки!... Всю душу вытрясло!... Что это у насъ за ѣзда такая?... Ну, нечего сказать: дай Богъ здоровья московскимъ барынямъ, потрудились около Кузнецкаго моста—вовсе проѣзду нѣтъ... Снуютъ себѣ голубушки съ утра до вечера, всю мостовую исковеркали!... Что это, мой другъ! Правду-ли мнѣ сказывала Авдотья Никифоровна, что вы ѣдете съ мужемъ за границу?

Вельская. Да, тетушка.

Закамская. И будто-бы на нѣсколько лѣтъ?

Вельская. Да, тетушка! Мы ѣдемъ на два года, а можетъ быть и на три.

Закамская. Скажите пожалуйста!... А я вѣдь поклепала ее сердечную!... Думаю про себя: лжешь, душенька! Племянница у меня женщина умная. Мужъ у нея, конечно, слабенець немножко, а также человекъ не глупый... поѣдутъ-ли они на два года за границу?... Что они за миллиончики такіе!... Имъ только что въ пору и въ Москвѣ-то жить... Нѣтъ, думаю: озарница ты, магушка! Хочешь только про моихъ родныхъ дурную славу пустить... И такъ ужь вся Москва говорить...

Вельская. И, тетушка, чего не говоритъ Москва, и что тутъ дурного, что мы ѣдемъ за границу? Кажется не мы одни...

Закамская. Да, мой другъ, — да! Всѣ перебѣсились!... Только и слышишь: «такіе-то заложили все имѣнье, да уѣхали въ чужіе края... такой-то развелся съ женою,

да собирается ѣхать за границу... такая-то бросила мужа и дѣтей, да уѣхала въ Парижъ...» Вотъ и про васъ стануть говорить: жена, дескать, человѣкъ молодой,—такая бойкая! А мужъ у нея простофиля... такъ плачетъ, да ѣдетъ за границу!

Вельская. Позвольте вамъ сказать, тетушка: мой Иванъ Тихонычъ, кажется, въ совершенныхъ годахъ, и если онъ самъ этого желаетъ...

Закамская. Вотъ что!... Ахъ, ты, голубушка моя!... Такъ это онъ злодѣй тащитъ тебя насильно въ чужіе края?

Вельская. Нѣтъ, тетушка, извините!.. И меня также нельзя никуда тащить насильно и я также, благодаря Бога, не ребенокъ.

Закамская. Какой ты ребенокъ! Тридцатый годъ, матушка! Да умъ-то у тебя въ головѣ ребячій—не прогибайся!

Вельская. Ахъ, Боже мой!... Да чтожъ въ самомъ дѣлѣ?... неужели намъ однимъ нельзя ѣхать за границу, когда почти всѣ наши знакомые перебивали въ чужихъ краяхъ?

Закамская. Да не всѣ тамъ жили по нѣскольку лѣтъ, Марья Алексѣевна.

Вельская. А Катерина Дмитріевна Шестунова?

Закамская. У нее, сударыня, четыре тысячи душъ; проживетъ двѣ, такъ все-таки двѣ останется... Послушай, мой другъ, знаешь-ли ты русскую пословицу: «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней»...

Вельская. Я такихъ мужичьихъ пословицъ не знаю, тетушка.

Закамская. Напрасно, мой другъ!... Ну, коли этой не знаешь, такъ можетъ быть слышала другую: «по одежкѣ таяи ножки», что, сударыня, и эта также не понутру?.. А вѣдь, кажется, умна!...

Вельская. Мало-ли что казалось умно въ старину, но въ нашъ вѣкъ...

Закамская. Да что вы все о своемъ вѣкѣ толкуете? Умная рѣчь всегда будетъ умна, на это вѣка нѣтъ, матушка.

Вельская. Такъ поэтому въ ваше время всѣ русскія дамы жили по этой пословицѣ?

Закамская. Нѣтъ, Марья Алексѣевна, и въ наше

время бывали жены мотовки, вѣтренницы, кокетки, — только на нихъ всѣ пальцами указывали, да и мужья-то были поумнѣе нынѣшнихъ; не возили такихъ женъ на показъ въ чужіе края, не пускали шататься по бѣлу свѣту; мы, матушка, въ старину, не любили соръ изъ избы выносить, а теперь, слушаешь добрыхъ людей!... Господи, Боже мой! Какъ примутся рассказывать про иную путешественницу, такъ уши вянутъ, сударыня.

Вельская. Вольно-же вамъ всему вѣрить, тетушка, вѣдь у насъ чего не выдумаютъ злые люди, особливо эти записныя сплетницы, эти болтуны старушки, отъ которыхъ въ Москвѣ никому житья нѣтъ.

Закамская. Старушки?.. Какія старушки?..

Вельская. А вотъ тѣ самыя, тетушка, которыя выдумываютъ да разглашаютъ эти вздоры.

Закамская (*начиная сердиться*). Право?.. А если это не вздоръ, Марья Алексѣевна?.. Да вотъ хоть ты, напримѣръ, ради чего изволишь вѣхать за границу?.. На что?.. Зачѣмъ?.. Чтобъ людей посмотрѣть, себя показать, да мужа разорить... А ужъ о другомъ-то я не говорю...

Вельская. Что вы, что вы, Маргарита Саввишна?

Закамская. Что, сударыня? Не говори правды, не теряй дружбы!.. Да ужъ воля твоя, матушка, коли дѣло пошло на чистоту, такъ не прогнѣвайся! Что нынѣшнія барыни? Волонтерки, наѣздницы!.. Начитались скверныхъ французскихъ романовъ, выучились лепетать по сорочьи, кобениться передъ мужчинами, да ужъ знать никого не хотятъ!... Вотъ иную бѣдную дѣвушку, которой перекусить было нечего, поищеть Господь: выйдетъ она замужъ за человѣка хорошаго, съ порядочнымъ состояніемъ... матушки!.. Вадернетъ кверху носъ!... Никого въ грошъ не ставитъ — всѣ родные ни по чѣмъ... Ну, вольный казакъ — да и только!... Чего бы, кажется, благо нашелся добрый человѣкъ, который прикрылъ ей голову — жила-бы, да жила барыней, — такъ нѣтъ!... Мало ей того, что она водить за носъ своего мужа, что этотъ разиня мужъ смотреть сквозь пальцы на ея пустодомство, мотовство и вѣтренность, вези онъ ее въ чужіе края!.. Пусть, дескать, и тамъ посмотрятъ, какъ я ломаюсь, швыркаю за окно деньги...

Вельская. Что это, Маргарита Саввишна! Вы это на мой счетъ, что ли?...

Закамская. А еслибъ и такъ, сударыня?... Не про-

гнѣвайся!... Я человекъ старый и люблю правду говорить. Нѣтъ! Въ наше время не такъ воспитывали благородныхъ дѣвицъ.

Вельская. О, конечно, не такъ! Говорять, въ старину русскихъ барышень ничему не учили, да и зачѣмъ?... Умѣли-бы онѣ только считать, холстъ мѣрять, варить варенье, цыплятъ выводить... Правда, я слышала, что тогда и мужчины не гонялись за наукою, но все-таки они грамотѣ учились, а ихъ жены и дочери не занимались этимъ вздоромъ.

Закамская. Что ты, что ты, матушка? Да развѣ мы были въ старину горничными дѣвками?

Вельская. О, нѣтъ, Маргарита Саввишна! Тогда служанокъ одѣвали въ затрапезное платье, а барышни ходили въ ситцевомъ, такъ какъ-же можно было ошибиться и принимать ихъ за горничныхъ дѣвокъ?

Закамская. По крайней мѣрѣ, никто не принималъ насъ за переодѣтыхъ мужчинъ.

Вельская. Да, кажется, мы и теперь на мужчинъ не походимъ, а если мы стали походить на людей, такъ ужъ этому горю трудно помочь, Маргарита Саввишна. Вотъ, напримѣръ, теперь дѣвица выходитъ замужъ, а тогда ее отдавали, или продавали, смотря по обстоятельствамъ. Иногда случалось, сбудутъ какой-нибудь залежалый товаръ, то-есть выдадутъ пожилую барышню за стараго помѣщика — пьяницу и собачника, однакожъ человекъ чиновнаго, напримѣръ.. оставнаго бригадира...

Закамская (*встѣльчиво*). Что, что, матушка?

Вельская. А можетъ быть и генерала—я это говорю вообще. Вотъ она и пристроена: то-есть изъ благородной горничной дѣвушки попала въ высокородныя ключницы; служить вѣрой и правдой своему господину и сожителю, а онъ по цѣлымъ днямъ порскаетъ за зайцами, или гуляетъ со своими пріятелями; чего-жъ лучше этой жизни? Правда, иногда, подъ пьяную руку, этотъ баринъ-мужъ захочетъ потѣшиться, то-есть поколотить свою жену,—такъ чтожъ? Она вымѣститъ это на своихъ дѣвкахъ...

Закамская. Что вы, матушка?... что вы?...

Вельская. А что, Маргарита Саввишна! Развѣ это неправда? И что за важность такая? Дѣло домашнее—это же круговая порука: мужъ бьетъ жену, жена колотится дѣвокъ, а тамъ глядишь — Богъ милостивъ, стерпится-слюбится! Гуляка-мужъ сломить себѣ шею на охотѣ...

Закамская. Марья Алексѣвна!

Вельская. А можетъ быть и обопѣтся,—я вѣдь это говорю вообще... Ну, тогда дѣло совсѣмъ другое! Прежде покорная жена дрожала передъ мужемъ, а теперь передъ этой вдовствующей барыней никто и пикнуть не смѣетъ! Разумѣется, она переѣдетъ подъ старость на житье въ Москву, что ей въ деревнѣ дѣлать?... Тамъ нельзя ни сплетничать, ни вѣстей развозить, и что за радость бариться передъ мелкопомѣстными сосѣдями, то-ли дѣло у насъ! Здѣсь можно поступить на вакансію какой-нибудь строгой барыни, всемірной командирши, безъ которыхъ Москва жить не можетъ, для этого надобно только прослать—умною старушкою...

Закамская. Да чтожъ вы это, сударыня?...

Вельская. А вѣдь это очень легко, Маргарита Саввишна, стоитъ только все осуждать, однихъ позорить, другихъ казнить, во все мѣшаться, ко всѣмъ соваться съ совѣтами, а пуще всего говорить отъ лица Москвы. Такая-то барыня ведетъ себя очень дурно, «вся Москва это говорить», то-есть я это говорю. Такому-то барину давно пора отставку, «его Москва не любить», то-есть я его терпѣть не могу. Вотъ добрые люди и закричатъ: Ай да барыня; какъ она всѣмъ правду рѣжетъ. Никому спуска нѣтъ! Нечего сказать: умная старушка.

Закамская. Ай да Марья Алексѣвна! Языкѣ-то у васъ хорошъ!

Вельская. Каковъ ни есть, Маргарита Саввишна, не прогнѣвайтесь! Я хоть человѣкъ не старый, а также, какъ вы, люблю говорить правду.

Закамская. И, кажется, изволите намекать...

Вельская. Нѣтъ, я говорю вообще... впрочемъ, если кто желаетъ принимать на свой счетъ...

Закамская. Такъ вы позволяете?...

Вельская. Какъ вамъ угодно...

Закамская. Вотъ какъ! (*Встаетъ*). Ну, сударыня, теперь и я скажу: побѣжайте въ чужіе края, что вамъ здѣсь дѣлать?... У насъ на Руси еще уважаютъ и родство и старость, ступайте съ Богомъ, ступайте! да поскорѣе, матушка! (*Идетъ къ среднимъ дверямъ и кричитъ*). Антошка! Карету!

Вельская. Чтожъ вы такъ спѣшите, тетушка?

Закамская. Что спѣшу?... Помилуйте, да унеси Гос-

поди!... Ну, прежде этого я не ожидала... Дѣвочка, которую воспитали Христа-ради родные...

Вельская. Давно ужъ выросла, Маргарита Саввишна, и живетъ своимъ домою.

Закамская. Да, покаместъ его не продали еще съ молотка... Продадутъ, матушка, продадутъ!... (*Идетъ къ дверямъ*). Карету! (*Возвращаясь назадъ*). Прощайте, Марья Алексѣевна!... Покорнѣйше васъ благодарю.

Вельская. Не за что, Маргарита Саввишна!

Закамская. Не прогнѣвайтесь, если я кой-кому перескажу...

Вельская. Сдѣлайте милость!...

Закамская. Постараюсь, матушка, постараюсь! Оедька! Салопъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Вельская (*одна*).

Вотъ этакъ-то лучше! Мнѣ давно хотѣлось отдѣлать порядкомъ эту бригадиршу... И съ чего она взяла, что можетъ всѣхъ обижать, говорить всѣмъ грубости... Я, дескать, женщина старая—тетка! вотъ забавно! Да развѣ это даетъ ей право обходиться со мной, какъ съ дѣвченкой, которую можно въ уголь поставить?... Нѣтъ, Маргарита Саввишна, извольте журить вашихъ старушекъ — нахлѣбницъ, муштруйте, какъ угодно, вашихъ несчастныхъ фаворитокъ, а я ужъ къ вамъ въ команду не пойду!...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вельская и Вельскій.

Вельскій. Ну, вотъ и я!

Вельская. Умница! скоро воротился.

Вельскій. Все закупилъ, что нужно для дороги: сыру, икры, мадеры... успѣлъ и на почтѣ побывать... Я у самыхъ воротъ повстрѣчался съ тетушкой Маргаритой

Саввишной. У! батюшки! Какимъ она смотритъ сентябрьемъ и ѣдетъ рысью, видно куда-нибудь торопится.

Вельская. Она сейчасъ отъ меня.

Вельскій. Вы вѣрно поссорились?

Вельская. Да! Мы посчитались немножко!

Вельскій. Ну, такъ и есть!... Я предчувствовалъ, что у васъ будетъ баталія.

Вельская. Да что, мой другъ—надоѣла!... Всѣхъ учить хочеть, говорить дерзости...

Вельскій. И, матушка! Человѣкъ старый.

Вельская. То-есть изъ ума выжила—это правда!

Вельскій. И охота тебѣ съ ней связываться!... Ну, да Богъ съ нею!... Я, Марья Алексѣевна, нанялъ лошадей...

Вельская. Вольныхъ?

Вельскій. Да. Мнѣ на почтѣ сказали, что завтра большой разгонъ будетъ... А, да кстати: я справлялся по картѣ, ко мнѣ должно быть письмо?

Вельская. Есть, мой другъ, Яковъ мнѣ докладывалъ.

Вельскій. Эй! Яковъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ-же и Яковъ.

Яковъ. Чего изволите?

Вельскій. Съ почты приносили письмо?

Яковъ. Приносили, сударь!

Вельскій. Гдѣ-же оно?

Яковъ. Въ кабинетѣ, на письменномъ столикѣ.

Вельскій. Что-же ты мнѣ не сказалъ? Пошелъ, принеси! *(Яковъ уходитъ)*.

Вельская. Ты какъ велѣлъ привести лошадей?

Вельскій. Завтра въ десять часовъ.

Вельская. Такъ въ десять мы можемъ выѣхать?

(Яковъ приноситъ письмо, отдаетъ его Вельскому и уходитъ).

Вельскій *(распечатывая письмо)*. Хорошо, если и въ двѣнадцать выѣдемъ!... *(Начинаетъ читать)*.

Вельская. А что ты думаешь? Вѣдь у насъ дорожнымъ сборамъ конца нѣтъ. Десять разъ доложить, что все готово, а сядешь въ карету, такъ и дожидайся! Того съ собой не захватили, это перервалось, то изломалось...

Вельскій. Боже мой!... Что это?... Господи!

Вельская. Что такое, мой другъ?

Вельскій. Гнѣвъ Божій, матушка! Несчастье! Вся Воропановка выгорѣла, десяти дворовъ не осталось!

Вельская. Что ты говоришь?

Вельскій. Посмотри-ка, что Терентій пишетъ!... Все до тла сгорѣло!... Весь хлѣбъ, и нашъ и крестьянскій!...

Вельская. А развѣ нашъ хлѣбъ не былъ еще проданъ?

Вельскій. Вадно, что нѣтъ... Вотъ тебѣ и поѣздка за границу!

Вельская. Какъ, мой другъ! такъ мы не поѣдемъ?

Вельскій. Помилуй, Марья Алексѣевна! Какъ намъ ѣхать за границу, до того-ли? Я завтра же поскачу въ Воропановку... Надобно взглянуть самому, пособить мужичкамъ, обстроить ихъ...

Вельская. Да это все можетъ сдѣлать безъ тебя, Терентій. Послушай, мой другъ ты хотѣлъ изъ тѣхъ денегъ, что занялъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, употребить тридцать тысячъ на уплату твоихъ частныхъ долговъ, отложи это на время, чтожъ дѣлать? съ нами случилось несчастье, такъ подождутъ. Къ Терентію пошли тысячъ пять, этого на первый случай будетъ весьма довольно. У тебя останется чистаго капитала пятьдесятъ пять тысячъ. Конечно, это немного; но я ручаюсь тебѣ, что мы этими деньгами проживемъ два года за границею, а всѣ здѣшніе доходы пойдутъ на уплату твоихъ казенныхъ и частныхъ долговъ.

Вельскій. А если Воропановскіе-то крестьяне и въ годъ не поправятся?... Да еще придется ихъ кормить—тогда что?... Нѣтъ, мой другъ, что Богъ дастъ впередъ, а въ нынѣшнемъ году намъ никакъ нельзя ѣхать за границу.

Вельская. Ну! Дѣлать нечего, Иванъ Тихоновичъ, я до сихъ поръ скрывала отъ тебя, не хотѣла тебя огорчить, но теперь должна сказать всю правду. Неужели ты думаешь, что я хотѣла прожить за границею два года, для одной только забавы?...

Вельскій. А для чего-же, матушка?

Вельская. Для моего здоровья, Иванъ Тихоновичъ! Оно совершенно разстроено!

Вельскій. Разстроено?... Твое здоровье разстроено?...

Вельская. Ужасно!... Я совѣтовалась съ медиками и они полагають, что меня можетъ спасти одинъ только теплый климатъ.

Вельскій. Спасти?... Какъ спасти?...

Вельская. Да, мой другъ! И что для этого мнѣ непременно надобно провести нѣсколько зимъ въ Неаполѣ, Римѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Парижѣ.

Вельскій. Да что у тебя за болѣзнь такая? Понять не могу!... Ты, благодаря Бога, кушаешь хорошо, почи- ваешь спокойно!... румянецъ во всю щеку.

Вельская. Румянецъ во всю щеку!... Да развѣ ты не знаешь, Иванъ Тихоновичъ, что у чахоточныхъ людей всегда румянецъ?

Вельскій. Что ты, что ты?... Господь съ тобою!... Ну, походишь-ли ты на чахоточную?

Вельская. Вы все судите по наружности, а еслибъ вы знали, какъ я страдаю... Какія у меня боли въ груди.. Да вамъ какое до этого дѣло!... Я худѣю, чахну...

Вельскій. Худѣешь?... Эхъ, матушка, Марья Алексѣевна! охота тебѣ гнѣвить Бога!... Да съ тѣхъ поръ, какъ я на тебѣ женился, ты какъ раздобрѣла, что и сказать нельзя!... Попробуй-ка, мой другъ, надѣнь теперь свое подвѣчное платье...

Вельская. Я буду въ немъ, какъ въ мѣшкѣ, сударь. Да что объ этомъ говорить? Если вамъ легче видѣть меня въ гробу, чѣмъ ѣхать за границу, такъ дѣлать нечего. Мы, бѣдныя женщины, рождены для того, чтобъ быть невольницами и, если мужъ, то есть, господинъ, скажетъ своей женѣ: «я хочу!» такъ она должна повиноваться и умирать.

Вельскій. Марья Алексѣевна! Ну, тебѣ-лиэто говорить?...

Вельская (*не слушая*). Боже мой!... Да когда-же наступитъ часъ нашего освобожденія?... Неужели это рабское состояніе женщины будетъ продолжаться вѣчно?...

Вельскій. Марья Алексѣевна!

Вельская. Неужели мы должны всѣ, отъ рожденія нашего до самой смерти, носить эти позорные кандалы?

Вельскій. Марья Алексѣевна, побойся Бога!

Вельская. Когда подумаешь, что такое жизнь бѣдной женщины?... Никакія жертвы, никакое самоотверженіе не избавляютъ ее отъ этого унижительнаго рабства!... Ей только и твердятъ: «терпи! Ты на это рождена!» О, лучше-бы намъ вовсе не родиться! (*Закрываетъ платкомъ глаза*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тъ-же и Хопрова.

Хопрова. Здравствуй, Мари! что это?... Ты плачешь?...
Что съ тобой, мой другъ?...

Вельская. Ахъ, Стефани! Я самая несчастная женщина!

Хопрова. Что ты говоришь?

Вельская. Ахъ!...

Хопрова. Да что такое у васъ сдѣлалось, Иванъ Тихоновичъ?

Вельскій. Степанида Никитишна, вы женщина умная! Ну, рассудите васъ Бога ради... Вотъ изволите видѣть...

Вельская (*прерывая*). Ты знаешь, мой другъ, какъ я нездорова?

Хопрова. Да, да, Мари! Ты такъ-же, какъ я—очень страдаешь нервами.

Вельская. Что нервы? Объ этомъ я не стала-бы и думать, а грудь, мой другъ, грудь...

Хопрова (*съ невольнымъ удивленіемъ*). Грудь?

Вельская. Теперь скрывать ужъ нечего, ты знаешь...

Хопрова. Что у тебя разстроена грудь?... Какъ-же, какъ-же, знаю!... Ты давно ужъ на нее жалуешься...

Вельская. Ты знаешь также, что я потихоньку отъ мужа совѣтовалась съ медиками?

Хопрова. Знаю, знаю...

Вельская. Слышите, сударь! Неправда-ли: я говорила тебѣ, что всѣ доктора совѣтуютъ мнѣ ѣхать за границу.

Хопрова. Говорила, мой другъ, говорила.

Вельская. Слышите, сударь! И что мнѣ непременно должно прожить года два или три въ тепломъ климатѣ, что это одно можетъ спасти меня отъ смерти...

Хопрова. Да, да, Мари!.. Ты мнѣ это говорила.

Вельская. И чтожъ ты думаешь, мой другъ! Иванъ Тихоновичъ не хочетъ везти меня за границу, ему жаль денегъ.

Хопрова. Иванъ Тихоновичъ, вы-ли это?

Вельскій. Матушка! выслушайте меня...

Хопрова. Помилуйте! У вашей жены смертельная болѣзнь, вы можете спасти ее и жалѣете денег!...

Вельскій. Позвольте вамъ только сказать...

Хопрова. Что вы, что вы?... Да это не слыханное дѣло!... Это ни на что не походитъ!

Вельскій. Дайте же мнѣ вымолвить слово... Вѣдь я за пять минутъ до вашего пріѣзда былъ согласенъ ѣхать на два года за границу.

Хопрова. Такъ отчего-жъ теперь?...

Вельскій. Вотъ прочтите письмо отъ приказчика!.. Самая доходная моя деревня выгорѣла до тла, сгорѣлъ весь хлѣбъ, доходовъ почти никакихъ не будетъ,—все наше имѣнье заложено въ Опекунскій Совѣтъ.

Хопрова. Фи! Мнѣ стыдно за васъ, Иванъ Тихоновичъ!... Бѣдная Маря умираетъ, а вы толкуете о томъ, что ваше имѣнье заложено! Да всякій порядочный мужъ себя заложитъ, когда дѣло идетъ о здоровьѣ его жены...

Вельскій. Такъ, матушка, такъ! Да вѣдь воля ваша, я не думаю, чтобъ она была такъ опасно больна... Право можно повременить... Зимой въ большіе холода мы не станемъ выѣзжать, а Богъ дастъ будущей весною...

Вельская я. Ну, слышишь, Стефани?

Хопрова. Признаюсь!... Нѣтъ, Иванъ Тихоновичъ, этого я отъ васъ не ожидала.

Вельская я. А я-то развѣ ожидала, мой другъ? Глупая, неопытная дѣвушка, я думала: выйду замужъ за этого человека, который вдвое меня старше; ужъ если всѣ мужья тираны, такъ, по крайней мѣрѣ, этотъ, хоть изъ благодарности, станетъ меня баловать, любить какъ дочь родную—и чтожь?... Этотъ мужъ, чтобъ сберечь нѣсколько тысячъ рублей, говоритъ своей умирающей женѣ: «нѣтъ, матушка, зачѣмъ тебѣ ѣхать въ теплый климатъ, ты можешь сидѣть дома: въ натопленной комнатѣ такъ-же тепло, какъ и въ Италіи. Да чахотка-то у тебя только-что начинается, къ чему торопиться? Можетъ быть и такъ пройдетъ!»

Вельскій. Эхъ, Марья Алексѣевна! Боишься-ли ты Бога!... За что ты обижаешь?... Ну, если ты непремѣнно хочешь, такъ поѣдемъ за границу, только не на два года.

Вельская я. А на сколько же, сударь?

Вельскій. Да этакъ, мѣсяца на четыре... Ну, пожалуй! такъ и быть, на шесть!

Хопрова (*тихо Вельской*). А! торгуется! не уступай!

Вельская. Нѣтъ, Иванъ Тихоновичъ, зачѣмъ? Вѣдь это не сдѣлаетъ мнѣ никакой пользы, а только больше меня разстроитъ.

Вельскій (*собравшись съ духомъ*). Такъ ты не хочешь ѣхать?

Вельская. На шесть мѣсяцевъ не хочу!

Вельскій. Ну, какъ хочешь, матушка!

Вельская. Чтожъ дѣлать?... Видно ужъ Богу угодно, чтобъ я умерла въ молодости!

Хопрова. Это ужасно!... Иванъ Тихоновичъ!...

Вельскій. И, полноте, сударыня!... Что въ самомъ дѣлѣ? Дуракъ, что-ль я вамъ достался?... Все была здорова, а тутъ вдругъ...

Вельская. Такъ вы думаете, что я васъ обманываю? Что я здорова?...

Вельскій. Я думаю, матушка, что болѣзнь твоя вовсе не такъ опасна, какъ тебѣ кажется, и что я очень глупо сдѣлаю, если совершенно разорюсь и останусь, можетъ быть, безъ куска хлѣба, потому только...

Вельская. Ну, сударь, договаривайте!

Вельскій. Потому только, что тебѣ вообразилось, что у тебя чахотка.

Вельская (*Хопровой*). Слышишь, мой другъ!... Ну, правду-ли я говорила?...

Хопрова. Нѣтъ! Это выходитъ изъ всѣхъ границы! Вы, сударь, не человѣкъ, а чудовище!

Вельскій. Покорнѣйше благодарю!

Хопрова. Въ васъ нѣтъ ни сердца, ни души!

Вельскій. Знаю, сударыня, знаю! Не по вашему дѣлаютъ, такъ и души нѣтъ! Да съ вами не сговоришь... Хочешь-ли, Марья Алексѣевна, ѣхать на шесть мѣсяцевъ за границу?

Вельская. Нѣтъ, сударь, не хочу!

Вельскій. Рѣшительно?...

Вельская. Рѣшительно.

Вельскій. Тамъ мы завтра же поѣдемъ въ Воропановку. Прощай! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ВЕЛЬСКАЯ И ХОПРОВА.

Хопрова. О! Да как ты избаловала своего мужа... Онъ приказываетъ, повелѣваетъ... Владыка и господинъ!

Вельская. Ахъ, Стефани!... Я въ самомъ ужасномъ положеніи. Вообрази, мой другъ, въ то самое время, какъ Иванъ Тихоновичъ согласился ѣхать на два года за границу, пожаловала ко мнѣ Сусликова, и знаешь-ли зачѣмъ? Похвастаться передо мною, сказать, что она ѣдетъ въ Карлсбадъ. Сусликова думала этимъ совершенно меня уничтожить; разумѣется, я сей-же часъ унизила ея гордость, и объявила ей, что ѣду также за границу, только не на три мѣсяца, а на нѣсколько лѣтъ, и не въ этомъ пошлый Карлсбадъ, а на берега Рейна, въ Римъ, Неаполь, Парижъ... Представь-же себѣ, какое торжество будетъ для этой Сусликовой — она поѣдетъ за границу, а я въ Воропановку.

Хопрова. Да, это досадно!

Вельская. Досадно? Нѣтъ, не досадно, а убійственно, мой другъ! Когда подумаю, какую роль станеть играть въ Москвѣ эта Сусликова! Да мнѣ просто отъ нея житья не будетъ!... Она начнетъ при мнѣ рассказывать о чужихъ краяхъ, какъ тамъ прекрасно, удивительно, безподобно!... А я слушай, да молчи! Еще, пожалуй — да, Стефани, отъ нея станется, она привезетъ мнѣ гозгинецъ изъ Карлсбада... О, я всего ожидаю отъ этой негодной женщины!...

Хопрова. Чтожъ ты намѣрена дѣлать?

Вельская. Да что, мой другъ! Ужъ не поѣхать-ли мнѣ на шесть мѣсяцевъ за границу?

Хопрова. Что ты, что ты?... Ты могла это сдѣлать прежде, а теперь, когда мужъ осмѣлился предписывать тебѣ законы... О, нѣтъ, Мари! Покажи характеръ!...

Вельская. А если Иванъ Тихоновичъ...

Хопрова. И, полно, мой другъ! Что Иванъ Тихоновичъ? Иванъ Тихоновичъ мужъ, какъ и всѣ другіе. Онъ не вѣритъ, что ты больна; посмотримъ, какъ онъ не повѣритъ, если услышитъ то же самое отъ доктора.

Вельская. Да можетъ быть онъ и доктору не повѣритъ...

Хопрова. Тамъ мы сдѣлаемъ консилиумъ. Да я надѣюсь, что до этого не дойдетъ. Кто вашъ докторъ?

Вельская. Теперь у насъ никого нѣтъ.

Хопрова. Тамъ я привезу къ тебѣ моего доктора. Ома Омичъ Дупельшнепъ прекрасный человѣкъ: всѣхъ отправляетъ за границу.

Вельская. А если онъ такъ-же, какъ мужъ, станетъ судить по наружности, и найдеть, что я...

Хопрова. Что ты здорова?... Сохрани Господи!... Не такой человѣкъ, мой другъ!.. Какъ-бы ты не казалась здоровою, а онъ ужъ непременно отыщетъ въ тебѣ зародышъ какой-нибудь болѣзни. Отличный докторъ!

Вельская. Но все я думаю, не мѣшаетъ предупредить его...

Хопрова. Не безпокойся!... Я это дѣло улажу. Да пойдемъ лучше въ твой кабинетъ, здѣсь проходная комната, а мнѣ еще надобно о многомъ поговорить съ тобой...

Вельская. Когда-жъ ты поплешь за докторомъ?

Хопрова. Тотчасъ, послѣ обѣда! пойдемъ Мари! (*Объ уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МАТРЕНА И ДВОЕ СЛУГЪ (*которые несутъ дорожный сундукъ*).

Матрена (*съ сундукомъ въ рукахъ*). Несите скорѣе!... Барыня ужъ два раза спрашивала, все-ли уложено! (*Слуги уносятъ сундукъ въ среднія двери*). Кажется, я ничего не забыла?... соболя... шали... три платья...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

МАТРЕНА И ЯКОВЪ.

Яковъ (*выходитъ изъ боковыхъ дверей, на правой сторонѣ отъ зрителей; у него черезъ плечо перекинута енотовая шуба, въ руку держитъ большой узелъ, подъ мышкою деревянная нога*). Матренушка!

Матрена. Что, Яковъ Ѳедотычъ?

Яковъ. Послушай, голубушка, хочу я тебя спросить, вѣдь ты въ большой милости у барыни, такъ всю подноготную знаешь.

Матрена (*охорашиваясь*). Да! барыня изволить со мной обо всемъ разговаривать.

Яковъ. Скажи пожалуйста! Что это вчера, зачѣмъ къ намъ трое докторовъ прѣзжали?

Матрена. Извѣстное дѣло зачѣмъ: Марья Алексѣевна нездоровы.

Яковъ. Нездорова? Что ты, Матреша, да какъ-же мы сейчасъ ѣдемъ въ дорогу?

Матрена. Затѣмъ-то и ѣдемъ, что барыня больна. Такъ доктора присудили.

Яковъ. Вотъ что!... Такъ Степанида Никитишна Хопрова прѣехала съ нею прощаться?

Матрена. Не надолго, она и сама туда-же поѣдетъ.

Яковъ. Туда-же? Да скажи, Матренушка, куда мы ѣдемъ, въ Питерь, что-ль?

Матрена. Въ какой Питерь?

Яковъ. Ну, иль по вашему, сударыня, въ Петербургъ.

Матрена. Нѣтъ, подальше Петербурга.

Яковъ. Такъ за море?

Матрена. Да, за море, — только сухимъ путемъ; баринъ водой ѣхать не хочетъ.

Яковъ. Вотъ что!... А на долго-ли?...

Матрена. Годика на два.

Яковъ Ого!... На два года!... Ну, станетъ-же это въ копѣйку господамъ... Да что имъ вздумалось ѣхать чортъ знаетъ куда, иль въ Москвѣ-то тѣсно?

Матрена. А почему-жь, Яковъ Ѳедотычъ, вѣдь за моремъ есть что посмотрѣть, тамъ всякія диковинки и житье не здѣшнее...

Яковъ. Нѣтъ, Матрена, не ради этого ѣдутъ они въ чужія земли...

Матрена. А для чего-же...

Яковъ. Отъ бездѣля, голубушка, видитъ Богъ, отъ бездѣля! Денегъ въ волю, дѣлать нечего, такъ имъ на мѣстѣ и не сидится. Поработали бы съ наше, такъ небось захотѣлось-бы не за море, а на печку. Что въ самомъ дѣлѣ? Иль Москва-то клиномъ сошлась?... Слава Богу! Житье-то и здѣсь привольное: чего хочешь, того просишь.

Матрена. Вотъ новости! Большая невидаль Москва!... Да что здѣсь хорошее? Здѣсь все такое грубое, не аккуратное...

Яковъ. Вишь ты аккуратный человекъ!... Какъ изволить поговорить!... Москва не любя, за моремъ лучше!...

Матрена. Разумѣется тамъ не то, что здѣсь...

Яковъ. А чтожъ тамъ такое?

Матрена. Тамъ все лучше и деликатнѣе...

Яковъ. Въ самомъ дѣлѣ? Чтожъ тамъ, чай и по буднямъ-то всѣ калачи ѣдятъ.

Матрена. Да не прогнѣвайтесь. Вотъ въ нѣмецкой землѣ послѣдній нищій—и тотъ кушаетъ бутербродъ.

Яковъ. Сирѣчь хлѣбъ съ чухонскимъ масломъ! Да, какъ-же не такъ!... Держи карманъ, такъ тебѣ въ него лепешки совать и стануть.

Матрена. Что вы зубы-то скалите, Яковъ Ѳедотычъ? Да, конечно, такъ! Вы-бы послушали, что говорятъ умные люди о чужихъ краяхъ.

Яковъ. Эхъ, Матрена, Матрена! Ну, что вѣришь? Славны бубны за горами... Конечно, можетъ статься, и за моремъ есть какіе-нибудь деликатесы, да только не про насъ!

Матрена. Про всѣхъ, Яковъ Ѳедотычъ, вы спросите объ этомъ у Шарлоты Карловны.

Яковъ. У Шарлоты Карловны?... Вотъ нашла человекъ!

Матрена. Да ужъ, конечно, она лучше васъ знаетъ, какъ живутъ за границею.

Яковъ. А коли знаетъ, такъ зачѣмъ-же она съ своего нѣмецкаго бутерброда съ масломъ, на нашъ русскій хлѣбецъ съѣхала?... Что? Видно насытнѣе?...

Матрена. Охъ, ужъ вы!... Лучше-бы не говорили!... Что вы, Яковъ Ѳедотычъ? Вы человекъ необразованный, вы ничего не знаете...

Яковъ. Гдѣ намъ, Матрена Карповна!... Мы люди темные... Мы заморской премудрости на прачешной не обучались...

Матрена. На прачешной?... Мужикъ этакой! Да что вы мнѣ, Яковъ Ѳедотычъ, прачешной-то глаза колете? Я ужъ третій годъ служу при барынь.

Яковъ. Знаемъ, сударыня, какъ-же!... Да вы и сами-то сдѣлались такой барыней: въ шляпкахъ изволите ходить... Чай вашъ дядюшка, конюхъ Вавила, и тотъ теперь не смѣетъ васъ Матрешкой называть...

Матрена. Да что вы все врете, Яковъ Ѳедотычъ! Я съ вами и говорить-то не хочу!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, Вельская и Хопрова (*выходятъ изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны отъ зрителей*).

Вельская (*проводя Хопрову*). Прощай, Стефани!... Смотри-же, не забудь своего обѣщанія...

Хопрова. Не безпокойся!... Лишь только я получу деньги изъ Опекунскаго Совѣта, такъ и въ дорогу... Я думаю, мѣсяца черезъ два мы увидимся въ Вѣнѣ... Ну, что прикажешь сказать Ѳомѣ Ѳомичу Дупельшнепу?...

Вельская. Скажи ему, что онъ неоцѣненный человекъ!

Хопрова. Ну, то-то-же!... Я тебѣ говорила... Прощай, Мари! (*Цѣлуются; Вельская провожаетъ Хопрову за двери*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вельская, Матрена и Яковъ.

Вельская (*Якову, который пробирается къ среднимъ дверямъ*). Постой, постой... Поди сюда! (*Выходя на авансцену*). Куда ты это несешь?

Яковъ. Укладывать, сударыня.

Вельская. Укладывать эту дрянь?... Что у тебя подъ плечомъ?...

Яковъ. Нога, сударыня.

Вельская. Нога?... Какая нога?...

Яковъ. Деревянная.

Вельская. На что?

Яковъ. Какъ на что, Марья Алексѣевна? Да на чемъ же я стану барскіе-то сапоги чистить?...

Вельская. Ну, вотъ!... Не смотри только, весь домъ заберутъ!... А что у тебя въ этомъ узлѣ?

Яковъ. Два бухарскихъ халата, одинъ шелковый на ватѣ... Калмыцкій тулупъ...

Вельская. Возьми съ собою одинъ лѣтній халатъ—и больше ничего... А шуба зачѣмъ?

Яковъ. Да вѣдь на зиму-то надобно что-нибудь припасты, сударыня...

Вельская. Мы зиму будемъ жить въ Итали, а тамъ зимы нѣтъ... (*Яковъ ухмыляется*). Скажите пожалуйста—смѣется! Ахъ, ты дуракъ этакій! Ну, чему ты смѣешься?

Яковъ. Помилуйте, матушка, Марья Алексѣевна! да когда же тамъ зима-то бываетъ, коли тамъ и зимою нѣтъ зимы!

Вельская. Молчи, дуракъ! Ты ничего не понимаешь.

Матрена (*тихо Якову*). Что, Яковъ Ѳедотычъ!...

Вельская. Ты вѣдь уложилъ все, что приказаль барины?...

Яковъ. Да гдѣ-жъ ему обо всѣмъ вспомнить, сударыня.

Вельская. Не твое дѣло: не смѣй ничего больше брать!

Яковъ. Помилуйте! куда-жъ мнѣ съ барскимъ-то добромъ дѣваться?

Вельская. Сдай все Потапу; онъ остается здѣсь... слышишь?

Яковъ. Слушаю-съ!...

Вельская (*Матрени*). А у тебя что за ящикъ?

Матрена. Вы изволили мнѣ приказывать.

Вельская. Да не этотъ! Отдай этотъ Ѳедосѣ.

Матрена. Такъ вамъ угодно взять красный сафьянный?

Вельская. Ахъ, нѣтъ!... Вотъ тотъ, что съ письмами... да постой, ты что-нибудь напутаешь!... (*Уходитъ назадъ въ боковыя двери, Матрена идетъ за нею*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Яковъ *(одинъ)*.

Не бери шубы!... Шубы не бери!... Тамъ, дескать, никогда зимы Не бываетъ... Неужели, въ самомъ дѣлѣ?... Да нѣтъ!... не можетъ статься, чтобъ была на свѣтѣ такая земля, которую бы Господь Богъ зимой обидѣлъ!...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Яковъ и Вельскій *(выходитъ изъ боковыхъ дверей съ правой стороны отъ зрителей)*.

Вельскій. Ну, что? Все уложилъ?

Яковъ. Нѣтъ, сударь, не все... вотъ барыня не приказываетъ брать съ собою шубы.

Вельскій. Дѣ, конечно, мы ѣдемъ въ теплый край.

Яковъ. Эхъ, батюшка, Иванъ Тихоновичъ! Что теплый край! Не ровень часъ. Ну, если вдругъ заохлодитъ. Да не худо и калмыцкій-то тулупъ захватить съ собою, вотъ и колодку-то также суну куда-нибудь за козлы. Прикажете, батюшка! въ дальней дорогѣ все пригодится!...

Вельскій. Ну, хорошо, — возьми!

Яковъ. Слушаю, сударь! *(Уходитъ въ среднюю дверь)*.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Вельскій *(одинъ)*.

Охъ, эти чужіе края!... Дай Господи, чтобъ я не все разорился... Шутка-ли два года... И въ одинъ годъ много воды утечетъ... А что будешь дѣлать!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Вельскій и Сурскій.

Вельскій. Что я вижу?... Андрей Андреевич!

Сурскій. Здравствуйте, Иванъ Тихоновичъ! *(Обнимаются)*.

Вельскій. Такъ вы вернулись изъ чужихъ краевъ?

Сурскій. Пора, кажется; слишкомъ два года прожилъ за границею.

Вельскій. Вотъ досада-то подумаешь! Какъ нарочно, вы въ Москву, а мы изъ Москвы...

Сурскій. Да вы, кажется, собираетесь въ дорогу! у васъ на дворѣ почтовые лошади...

Вельскій. Что дѣлать, батюшка! Неволя плачетъ, неволя пѣсенки поетъ! Ёду за границу.

Сурскій. Куда?

Вельскій. Да почитай кругомъ свѣта.

Сурскій. Кругомъ свѣта?

Вельскій. Право такъ! Въдь мы ѣдемъ на два года.

Сурскій. Что это вамъ вздумалось?

Вельскій. Не мнѣ, Андрей Андреевичъ!

Сурскій. А, понимаю!... Вы ѣдете въ чужіе края, чтобъ потѣшить свою барыню?

Вельскій. Охъ, батюшка! чего мнѣ будетъ стоять эта поѣздка... А на бѣду, и дѣла-то наши не хороши... лучшая деревня сторѣла...

Сурскій. Да что вамъ за охота?...

Вельскій. Что будешь дѣлать? Марья Алексѣевна...

Сурскій. Отдала приказъ, такъ вы послушаться не смѣете?

Вельскій. Ну, нѣтъ, Андрей Андреевичъ, извините!... Я вовсе не такой мужъ, чтобъ сталъ передъ моей женой по струнѣ ходить!... Я на ней женился, а не въ крѣпость къ ней пошелъ...

Сурскій. Однакожъ, все-таки, въ угоду молодой женѣ, ѣдете на два года за границу.

Вельскій. Поѣдешь и за тридевять земель, батюшка, когда дѣло идетъ о здоровьѣ...

Сурскій. Да кто-жъ у васъ нездоровъ?.. Вы, кажется...

Вельскій. Я слава Богу.—Жена больна.

Сурскій. Марья Алексѣевна?

Вельскій. И очень не хорошо.

Сурскій. Что вы говорите? Да чѣмъ-же она нездорова?...

Вельскій. Страшно вымолвить!... Говорятъ, будто-бы у нея чахотка.

Сурскій. Ахъ, Боже мой!... Ну, кто-бы могъ подумать... Давно-ли Марья Алексѣевна была такая полная женщина.

Вельскій. А теперь еще раздобрѣла..

Сурскій. И вы говорите, что у нея чахотка? ..

Вельскій. То-есть начинается, Андрей Андреевичъ... Вчера у насъ былъ консилиумъ: ужъ говорили, говорили по латыни—кто ихъ знаетъ!.. Двое докторовъ не сказали почти ничего,—такъ: ни то, ни се, но третій, извѣстный медикъ Ѳома Ѳомичъ Дупельшнепъ, на отрѣзъ мнѣ объявилъ, что у Марьи Алексѣевны всѣ признаки этой ужасной болѣзни, только она еще не развилась, и для нашей братьи, темныхъ людей, вовсе незамѣтна; но что внутренній организмъ рѣшительно пораженъ, и одинъ только теплый климатъ можетъ спасти больную.

Сурскій. И вы этому вѣрите?

Вельскій. Грѣшный человѣкъ, сомнѣваюсь!... А что прикажете дѣлать?... Не ѣхать за границу?... Помилуйте!... Доктора, дескать, предписали больной женѣ ѣхать въ чужіе края, а скряга мужъ не пускаетъ. Сохрани Господи! Да на меня вся Москва опрокинется.

Сурскій. А еслибъ Марья Алексѣевна сама отдумала ѣхать въ чужіе края?

Вельскій. О, это другое дѣло! Не хочеть сама, такъ не насильно-же везти ее за границу. Правда, и тогда стали-бы меня поворить..

Сурскій. За что?..

Вельскій. Зачѣмъ не уговорилъ. Ну, да это еще что!... Лишь только-бы дома-то было у меня спокойно, а тамъ хоть трава не расти!

Сурскій. Иванъ Тихоновичъ! Знаете-ли что мнѣ пришло въ голову?... Я только что пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ, такъ Марья Алексѣевна должна мнѣ повѣрить. Право, теперь не время ѣхать за границу. Какъ вы думаете, не поговорить-ли мнѣ съ нею?

Вельскій. Въ самомъ дѣлѣ! Поговорите, Андрей Андреевичъ!

Сурскій. Только не при васъ, а то она подумаетъ, что вы меня настроили; постойте! кажется, это ея голосъ!... Уйдите отсюда!... Я скажу ей, что я еще съ вами не видался.

Вельскій. Хорошо, хорошо! (*Уходитъ направо отъ зрителей*).

Сурскій. Ну, такъ и есть: это она!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

СУРСКІЙ И ВЕЛЬСКАЯ.

Сурскій. Здравствуйте, Марья Алексѣевна!

Вельская. Ахъ, Андрей Андреевичъ!

Сурскій. Какъ я радъ, что васъ вижу!... Кажется, васъ нечего спрашивать о здоровьѣ?...

Вельская. И не спрашивайте!... Что мое здоровье...

Сурскій. Помилуйте!... Вы такъ пополнѣли.

Вельская. Наружность обманчива, Андрей Андреевичъ! Да что объ этомъ! Скажите: давно-ли вы въ Москвѣ?

Сурскій. Вчера пріѣхаль, прамехонько изъ Парижа, а сегодня опять ѣду...

Вельская. Куда?

Сурскій. Въ Кострому.

Вельская. Какой переходъ! Ну, я счастливе васъ, Андрей Андреевичъ! Мы съ мужемъ ѣдемъ сейчасъ за границу.

Сурскій. За границу? Что это вамъ вздумалось?

Вельская. Вотъ забавный вопросъ! Вы сами пріѣхали изъ чужихъ краевъ.

Сурскій. Не пріѣхаль, Марья Алексѣевна, а при-скакаль, какъ сумасшедшій! Да позвольте васъ спросить: куда вы ѣдете за границу?

Вельская. Разумѣется: въ Парижъ, Рейнъ, въ Италію...

Сурскій. Ну, едва-ли!.. Я думаю, вы дальше Вѣны не поѣдете...

Вельская. Это почему?

Сурскій. Потому, что во всей западной Германіи и Швейцаріи—ужасная эпидемія, въ Парижѣ также, а въ Италіи и того хуже; тамъ вездѣ карантинны.

Вельская. Что вы, Андрей Андреевичъ! Какъ-же въ газетахъ пишутъ, что въ Германіи...

Сурскій. То-есть въ Пруссіи и Австріи,—да! тамъ все теперь благополучно; но за то по Рейну... не приведи Господи!...

Вельская. Какъ это неприятно! Ну, дѣлать нечего: придется переждать въ Вѣнѣ.

Сурскій. Переждать! Да если это продолжится мѣсяцевъ шесть или болѣе?..

Вельская. Такъ чтожъ?... Въ Вѣнѣ живутъ очень весело.

Сурскій. Да, это правда!... Знаете-ли что, Марья Алексѣвна: если ужъ вы хотите непременно шесть мѣсяцевъ сряду умирать отъ скуки, такъ останьтесь лучше здѣсь. Теперь Москва пустая, веселостей никакихъ нѣтъ... ну, право, въ ней такъ-же скучно, какъ въ Вѣнѣ...

Вельская. И, полноте, Андрей Андреевичъ! Это вамъ показалось отъ того, что вы были тамъ проѣздомъ.

Сурскій. Охъ, нѣтъ, Марья Алексѣвна! Три недѣли прожилъ.

Вельская. Вотъ видите! А въ Москвѣ вы не хотите и двухъ дней остаться!

Сурскій. Меня задержало въ Вѣнѣ одно совершенно неожиданное обстоятельство!... Подумаешь, какія странности бывають въ жизни!... Ну, могъ ли я предполагать, выѣзжая изъ Парижа, что мнѣ придется въ Вѣнѣ быть шаферомъ на свадьбѣ... И у кого, вы думаете?

Вельская. Право, не знаю.

Сурскій. У общаго нашего знакомаго, Владиміра Сергѣевича Ладогина.

Вельская. У Владиміра Сергѣевича Ладогина? Что вы говорите?...

Сурскій. Да, Марья Алексѣвна! Присталъ ко мнѣ, да и только!... Просить почти на колѣняхъ... Я, дескать, на чужой сторонѣ; русскихъ здѣсь никого нѣтъ... Что вы, Марья Алексѣвна? Что съ вами?...

Вельская. Такъ!... Что-то дурно...

Сурскій (*подавая ей стулъ*). Да вы совсѣмъ въ лицѣ перемѣнились. Сядьте поскорѣ!... Да не прикажете-ли воды?...

Вельская. Нѣтъ, не надобно... Пройдетъ...

Сурскій. Ахъ, стойте!... У меня также часто бываютъ дурноты.. Со мною есть спиртъ... (*Вынимаетъ изъ кармана флакончикъ и подаетъ Вельской*). Понюхайте!...

Вельская. Покорнѣйше васъ благодарю! (*Нюхаетъ*).

Сурскій (*беретъ стулъ и садится подлѣ Вельской*). Ну, что!... Лучше?...

Вельская. Да, проходить!... Такъ Владиміръ Сергѣевичъ женился?... На комъ?...

Сурскій. На дочери одного вѣнскаго банкира!

Вельская. И вѣрно этотъ банкиръ очень богатъ?

Сурскій. Ужасно!.. Милліонщикъ!..

Вельская. А, такъ вотъ что!.. Понимаю!.. Эта женитьба по расчету?...

Сурскій. О, нѣтъ! Ошибаетесь, Марья Алексѣевна!.. По любви, да еще какой!.. Владиміръ Сергѣевичъ насмотрѣться не можетъ на свою жену, и не удивительно: онъ самъ мнѣ признавался, что это первая его любовь... Ахъ, Боже мой!... Вамъ кажется опять дурно?... Понюхайте, Марья Алексѣевна!... Понюхайте!...

Вельская (*нюхаетъ спиртъ*). Что это сегодня со мною дѣлается?...

Сурскій. Скажите пожалуйста!... Точно, какъ у меня: вдругъ, безъ всякой причины...

Вельская. Ну, видите, Андрей Андреевичъ: вотъ мое здоровье!...

Сурскій. Да это ничего...

Вельская. О, нѣтъ!... Я чувствую, моя грудь совершенно разстроена... Мнѣ необходимъ южный воздухъ... Впрочемъ, я думаю, для меня и вѣнскій климатъ будетъ слишкомъ суровъ... Послушайте, Андрей Андреевичъ! Ужъ правду ли вы говорите, что эпидемія такъ сильна и во Франціи и въ Италіи?...

Сурскій. Да отъ чего-жъ я ускакалъ изъ Парижа? Неужели вы думаете, что у меня сдѣлалась тоска по родинѣ? Нѣтъ, Марья Алексѣевна! Я до Крещенскихъ морозовъ не охотникъ, и терпѣть не могу русскаго квасу. Ужъ повѣрьте, я не сталъ бы вамъ совѣтовать остаться въ Москвѣ, если бы вы могли жить во Франціи, Италіи и даже Швейцаріи, но ѣхать въ эту несносную Вѣну, и такъ дорого платить за скуку, когда здѣсь въ Москвѣ она ни почемъ, помилуйте!—да изъ чего?... Вотъ дѣло другое

Ладогинъ, ему вездѣ весело, для него теперь и Вѣна сущій рай... А кстатѣ, совсѣмъ-было забылъ!... Вѣдь у меня есть къ вамъ посылочка отъ Владиміра Сергѣевича.

Вельская. Посылка?... Какая посылка?...

Сурскій. Довольно большой пакетъ, а что въ немъ, не могу вамъ сказать... Кажется, какъ будто бы бумаги, или письма какія и что-то похожее на круглый медальонъ.

Вельская (*въ сторону*). Боже мой!... Мои письма... мой портретъ... (*Громко*). Чтожъ, вы привезли эту посылку съ собою?

Сурскій. Нѣтъ, Марья Алексѣевна.

Вельская. Да гдѣ-жъ она?

Сурскій. Теперь ужъ, я думаю, въ Костромѣ.

Вельская. Какъ въ Костромѣ?

Сурскій. Да, Марья Алексѣевна. Вотъ извольте видѣть: чтобъ самому ѣхать налегкѣ, я отправилъ вчера въ Кострому передового съ поклажею; онъ, между прочимъ, захватилъ съ собою и дорожный сундукъ, въ которомъ лежала эта посылка... а мнѣ въ голову не пришло...

Вельская. Ахъ, какъ досадно! Я такъ-бы желала знать... и вы не догадываетесь...

Сурскій. Что въ этомъ пакетѣ? Да какъ бы вамъ сказать... Я думаю, что въ немъ бумаги вовсе не дѣловыя... можетъ быть я ошибаюсь, а, кажется, эта посылка адресована къ вамъ для передачи...

Вельская. Кому?...

Сурскій. Ну, этого я не знаю; я знаю только то, что есть вещи, которыя гораздо вѣжливѣе и даже безопаснѣе возвращать черезъ посредника... Впрочемъ, если вы не отправитесь въ чужіе края, такъ вѣрно поѣдете въ костромскую вашу деревню. Я завтра самъ буду въ Костромѣ, и тотчасъ явлюсь къ вамъ съ этой посылкою...

Вельская. Такъ вы думаете, что намъ лучше ѣхать за границу въ будущемъ году?

Сурскій. Вотъ что я думаю, Марья Алексѣевна: чужіе края отъ васъ не уйдутъ, переждите это несчастное время; и къ чему вамъ торопиться?... Вы человекъ совершенно свободный, дѣтей у васъ нѣтъ... Падчерица ваша замужемъ?

Вельская. Кто это вамъ сказалъ?

Сурскій. Какъ? Такъ она еще не замужемъ? Чтожъ

это Александръ Ильичъ писалъ ко мнѣ, что свадьба будетъ въ вашей костромской деревнѣ, тотчасъ послѣ Святой недѣли...

Вельская. Да, это правда, но мы отложили на время... Оленька еще такъ молода... Мы же хотѣли ѣхать въ чужіе края...

Сурскій. Вмѣстѣ съ нею?

Вельская. Разумѣется,

Сурскій. Вотъ прекрасно!... Да какъ это вамъ въ голову пришло, везти съ собою за границу молодую дѣвушку, невѣсту, которая, вѣроятно, влюблена въ своего жениха... Хорошій товарищъ!... Да она-бы и на васъ тоску навела...

Вельская. Въ самомъ дѣлѣ?...

Сурскій. Да ужь, конечно, такъ; она отравила-бы всѣ ваши удовольствія... Нѣтъ, Марья Алексѣвна, послушайте меня! Повзжайте въ Кострому, выдайте замужъ Ольгу Ивановну, а тамъ будущей весной и съ Богомъ! Ступайте себѣ во Францію, въ Италію, въ Швейцарію, куда вамъ угодно.

Вельская. Все это такъ, Андрей Андреевичъ, но мое здорье.

Сурскій. И, Марья Алексѣвна! Охота вамъ вѣрять докторамъ!... Посмотрите на себя, да вы настоящій розанъ!

Вельская (*улыбаясь*). Какъ замѣтно, что вы пріѣхали изъ Парижа...

Сурскій. Это не комплиментъ, Марья Алексѣвна, — я говорю правду... Эй, послушайте меня! Скажете послѣ спасибо.

Вельская. Ну, дѣлать нечего!

Сурскій. Такъ вы не ѣдете за границу?

Вельская. По неволѣ, Андрей Андреевичъ... вы такъ меня напугали.

Сурскій. Слѣдовательно, мы выѣдемъ почти въ одно время. У васъ лошади готовы, а я сейчасъ пошлю за подорожною, и вѣрно догоню васъ на второй или третьей станціи...

Вельская (*вставая*). Смотрите-же, не забудьте посылку...

Сурскій. Не беспокойтесь!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И МАТРЕНА (*несетъ тляку и дорожный ридикюль*).

Вельская. Матрена! Попроси сюда Ивана Тихоновича! Онъ долженъ быть въ кабинетъ! (*Матрена уходитъ въ боковую дверь*).

Сурскій. А вотъ кажется и Ольга Ивановна!

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И ОЛЕНЬКА (*одѣтая по-дорожному*).

Оленька. Ахъ, здравствуйте, Андрей Андреевичъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И ВЕЛЬСКІЙ.

Вельскій. А, батюшка! Андрей Андреевичъ!

Сурскій. Здравствуйте, Иванъ Тихоновичъ. (*Обнимаются*). Вотъ и я, наконецъ, вернулся домой!

Вельская (*мужу*). Послушай, мой другъ! Ты вѣрно будешь надо мной смѣяться?... Вѣдь я передумала ѣхать за границу. .

Вельскій. Нѣтъ, шутишь?

Вельская. Вотъ, Андрей Андреевичъ рассказалъ мнѣ такіе ужасы... тамъ вездѣ эпидемія... Нѣтъ, ужъ, мой другъ! поѣдемъ лучше въ Воропановку, а на будущій годъ...

Вельскій. И прекрасно!... Мы выдадимъ замужъ Оленьку, устроимъ всѣ наши дѣла, такъ и ѣхать-то будетъ веселѣе... Ну, чтожъ, матушка, мѣшкать нечего, благо ужъ мы уложились и лошади готовы...

Вельская. Поѣдемъ, мой другъ!

Оленька (*тихо Сурскому*). Андрей Андреевичъ! Ужъ не волшебникъ-ли вы?

Сурскій (также). Да, на этотъ разъ, я поворожилъ удачно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тъ-же и Яковъ (въ дорожной курткѣ).

(За кулисами слышенъ колокольчикъ).

Яковъ. Лошади готовы.

Вельскій. Идемъ.

Яковъ. Да, Авдотья Никифоровна Сусликова изволила прѣзжать.

Вельская. Сусликова?... Зачѣмъ?...

Яковъ. Я доложилъ ей, что вы не принимаете, вотъ онѣ и говорятъ: «скажи своей барынѣ, я, дескать, Марья Алексѣевна, прѣзжала вамъ сказать, что мы также съ мужемъ ѣдемъ въ Парижъ»...

Вельская. Въ Парижъ?... Сусликова ѣдетъ въ Парижъ?!.. Ахъ, сумасшедшая! Вотъ дура-то, подумаешь... Чтожь она хочетъ и мужа и дѣтей по міру пустить?...

Вельскій. И, матушка!... Какое намъ до нихъ дѣло— да пусть себѣ ѣдутъ хоть въ Китай!

Вельская. Вамъ это ничего, Иванъ Тихоновичъ?... Но согласитесь, что для меня очень обидно; я ѣду въ Воропановку, а Сусликова въ Парижъ...

Сурскій. Да что вы ей вѣрите?... Проживутъ мѣсяца три въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городишкѣ, а тамъ и станутъ говорить: хотѣли было пробѣхать въ Парижъ, да здоровье не позволило.

Вельская. А что вы думаете? Отъ нея станется.

Сурскій. Да ужъ повѣрьте мнѣ; я знаю эту Сусликову, такая хвастунья, что не приведи Господи!...

Вельскій. Ну, чтожь, ѣдемте!

Вельская. Сейчасъ, мой другъ! (*Матрентъ*). Подай! (*Беретъ шляпку и надѣваетъ передъ зеркаломъ*).

Вельскій (*тихо Сурскому*). Ну, Андрей Андреевичъ! Исполать вамъ!... Какъ это вы уговорили мою больную?..

Сурскій. А, кстати! Какъ бишь зовутъ доктора, который приговорилъ вашу барыню къ чахоткѣ?

Вельскій. Ома Омичъ Дупельшнепъ. А на что вамъ?

Сурскій. Да почему знать, можетъ быть и я попаду къ нему въ руки...

Вельскій. Такъ чтожь?...

Сурскій. А вотъ что, Иванъ Тихоновичъ: если онъ скажетъ, что у меня чахотка, такъ я стану лѣчиться отъ водяной.

Вельская. Вотъ и я готова!

Сурскій (*подаетъ руку Вельской*). Позвольте васъ посадить въ карету!

Вельскій. Ступай, Оленька! (*Всѣ уходятъ въ среднія двери*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Яковъ и Шарлота Карловна (*выходитъ съ лѣвой стороны; у нея въ рукахъ огромный дорожный мѣшокъ*).

Яковъ. Ахъ, батюшки! Да мы нѣмку-то совсѣмъ забыли! Ступайте, Шарлота Карловна, барыня ужь въ карету садится.

Шарлота Карловна (*не слыша Якова*). Ну, фоть, наконецъ, ми поѣкаль на кранисъ!

Яковъ. Нѣтъ, матушка мадамъ; мы ѣдемъ не за море!

Шарлота Карловна. Самарѣ, что такой самарѣ?

Яковъ. Сирѣчь, мадамъ, мы не ѣдемъ въ нѣметчину!

Шарлота Карловна. Што, што фи кафарить?

Яковъ. Я говорю, что мы не ѣдемъ за границу... глухая тетеря!

Шарлота Карловна. Што такой? Мы неѣкаль са кранисъ? Какъ не ѣхаль?...

Яковъ. Да также!

Шарлота Карловна. Ахъ, майнъ Готъ! Майнъ Готъ! Та куташъ ми ѣхаль?

Яковъ (*наклоняясь къ ней надъ ухомъ, кричитъ очень громко*). Въ Ко-стро-му!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Благородный театр	1
Недовольные	119
Урок матушкамъ	229
Новорожденный	285
Поездка за границу	313

12

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CANCELLED
STALL STUDY
CHARGE

CANCELLED
STALL STUDY
CHARGE

CANCELLED
STALL STUDY
CHARGE

